

# Алексей Сидоренко



# ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Наш современник отправляется в прошлое для того, чтобы изменить будущее. Дата 20 марта 1935-го года возникла в сознании сама собой, и я даже не успел до конца осознать выбор, как уже выпалил ее собеседнику. Хотя сам выбор Сталинской эпохи скорее можно было бы назвать продуманным, нежели случайным. Отправиться куда-то дальше по временной линии было бы гораздо более опрометчивым. Совершенно незнакомая жизнь, другие люди, другие отношения, даже язык другой. Болтался бы я в проруби чужаком лет 10, как минимум, прежде, чем освоиться.

---

### Пролог.

Весь день я не находил себе места. И вроде бы повода никакого не было, все как обычно. А вот "сосало" что-то и не давало сосредоточиться ни на одном вопросе. Я даже спать лег попозже, постаравшись отвлечься за чтением очередного опуса на тему альтернативной истории. Полюбился как-то в последние годы именно этот жанр.

Удивительно. Чем хуже идут дела в настоящем, тем больше людей пытаются найти ответы на это в прошлом. Переиграть историю, постараться найти момент, когда все пошло кувырком. Куда только не заносило наших бравых современников. И во времена Петра первого, и даже во времена Золотой Орды. А уж сколько бравых отставных офицеров побывало в теле российских императоров, даже упомянуть невозможно. Хотя все рекорды, конечно, побилы времена Великой Отечественной. Молодые летчики, натренированные в компьютерных боях 21-го века, танкисты, успевшие "изнасиловать" на тренажерах в ноутбуках все виды отечественной и зарубежной бронетехники, крутые спецназовцы, в одиночку заменяющие собой целые партизанские соединения, кого только не заносило на страницах книг в 41-й. И ведь понимаю, что по большей части все сюжеты настолько искусственны, что читать их без улыбки невозможно. А надо же, засасывает. Не успеешь прочитать одно произведение, как сразу же тянет найти что-то еще. Хорошо, что тема оказалась настолько популярной, что в параллели ее разрабатывают сразу же несколько десятков авторов различного калибра. Так что найти что-то новенькое можно почти всегда. И если не предъявлять слишком больших претензий к стилю изложения и не искать прорехи в логике и мотивированности событий, то вполне можно с удовольствием провести несколько часов. По крайней мере, сплошной чернухе по зомбящику вполне достойная замена. На мой вкус.

Взглянув на часы, увидел, что уже давно пора ложиться. До подъема на работу осталось уже меньше шести часов. А ведь отвлекся. Тревожное чувство, сидевшее занозой в груди весь день куда-то спряталось. Ну и хорошо.

В сон провалился моментально. Только и успел, что принять любимую позу, подоткнуть поудобней подушку и мысленно произнести несколько фраз придуманной для самого себя славицы Роду.

А вот дальше началось совершенно неожиданное. Мне приснился Сон. Именно так, с большой буквы. Не подумайте, сны, как и всем людям, мне снятся регулярно, практически еженощно. Но за редким исключением все они скорее напоминают кино, которое смотришь сквозь мутноватое стекло. Я даже не скажу точно, цветные они или черно-белые. И лишь изредка бывают сны, в которых личное присутствие воспринимается не только зрительно, но

и другими органами чувств. Именно такие сны лучше всего помнятся утром.

Этот сон был именно таким. Точнее он начался как подобный сон. Хотя он не был ни цветным, ни четким. Я просто висел в темноте. Но ощущения самого себя были настолько живыми, что никаких сомнений в том, что в этой теплой обволакивающей темноте вешу именно я. Целиком. Я потом пришел Голос.

— Любишь, значит, про альтернативную историю почитать? — Голос был какой-то слегка ехидный, но, тем не менее, вполне дружелюбный. — А как насчет того, чтобы амплуа читателя сменить на роль главного героя?

Сказать, что я удивился, не значит ничего. Но сознание каким-то краем отметило, что это сон и я слегка расслабился. — Ну какой из меня главный герой? Что Вы! Простой среднестатистический человек, может быть, чуть более образованный, чем большая часть молодого поколения. Да и возраст уже не тот, чтобы по лесам с автоматом бегать или, еще хуже того, шашкой махать. Да и семья опять же.

— Ну семья, не проблема. Да и все остальное не критично. Главное было бы желание. А насчет условий можем даже поторговаться. Тем более, что имеющиеся варианты совершенно не похожи на то. Что тебе приходилось читать.

— А, собственно, с кем имею честь?

Темнота весело засмеялась. — Хочешь, значит, зрить собеседника? Нет проблем. — Темнота расступилась и "на сцене" появился мой рабочий кабинет. Я сидел на своем рабочем месте, а напротив меня в кресле для посетителей сидел симпатичный человек средних лет, но довольно таки неопределенного возраста. Ему легко можно было бы дать как сорок, так и шестьдесят лет. Глядя на мою обалдевшую физиономию, мужчина вновь улыбнулся и произнес: — Ну что так лучше? Или предпочитаешь пляж в тропиках? — При этих словах кабинет исчез, и мы уже сидели в шезлонгах под пальмами недалеко от лениво набегающих на пляж волн.

Я покрутил головой и решил, что зал был получше. Все таки тема, с которой начался разговор не очень располагала к нахождению в плавках на берегу океана. Не успел я высказаться в том духе, что философствование на тему исторических событий и возможности их изменения лучше всего пойдет в кресле у камина, как мы тут же перенеслись в некое подобие коттеджа и расположились прямо напротив пылающих в топке поленьев. В руках, откуда не возьмись, появился фужер с коньяком и, судя по запаху, далеко не трехзвездочным. Мужчина напротив был все тот же и внимательно со смешинкой в глазах смотрел на меня: — Ну как пойдет антураж?

— Вполне. Хотя до меня по-прежнему не доходит смысл всего этого шоу.

— А это и не шоу. Понимаешь, как ты, наверное, догадываешься, ваш мир доживает последние дни. Дни, это, конечно, условно, но общую тенденцию скатывания цивилизации в дикость ты, судя по записям в твоём блоге, уловил совершенно верно. Причем, что особенно любопытно, ты даже правильно выявил тенденцию к резкому ускорению процесса цивилизационного распада. — Ну и как тебе самому такая перспектива?

— Перспектива, конечно, не очень. Но что я могу сделать? Не воспринимать же всерьез твои слова о том, чтобы отправиться в прошлое и начать все менять? И вообще. Какой-то у нас странный разговор получается. А ты вообще кто?

— А кем ты меня считаешь?

— Судя по ответу вопросом на вопрос, видимо, тем, кто так долго водит за нос некую богоизбранную нацию. Это если не считать тебя моим персональным глюком на фоне

большого количества прочитанной фантастики.

В ответ послышался хохот. — Молодец, не теряешь присутствия духа. Хотя на самом деле все не так весело, как хотелось бы. Проблема в том, что я не смогу тебе толком объяснить, кто я такой. Ты легко можешь считать меня Богом, Дьяволом, Ангелом или Демоном. И все это будет правдой. Хотя и относительной. Наиболее адекватным было бы назвать меня живой функцией Мироздания, одной из многих. Если тебе это о чем-то говорит?

Я кивнул. — Что-то вроде контролера нашего мира в божественной иерархии?

— Да, хотя и не единственного контролера.

— И чем же я заслужил такое внимание божественных Сил?

— Давай ты меня несколько минут послушаешь без ерничанья и постарайся воспринять все сказанное всерьез, а потом будешь задавать вопросы. Договорились?

Я кивнул, хотя в этот момент мне стало не по себе. Как-то резко вся предыдущая легкость схлынула, а ощущение сна, в котором можно безнаказанно резвиться и в случае чего отыграть события назад, пропало. Я влип.

— Не дергайся раньше времени. Никто тебя никуда против твоей воли не засунет. Проснешься себе завтра утром живой и здоровый. Даже в качестве бонуса более здоровый, чем засыпал. Надоела ведь небось одышка и проблемы с желудком? Вот и избавим тебя от них. На время, конечно. Но тут уж от тебя все зависит. А пока слушай.

— Ваш мир действительно катится в пропасть. Причем, все принципиальные развилки, на которых можно было бы свернуть и вернуться на траекторию развития, давно пройдены. Мы тут все, кто смотрит за этим миром, недавно собирались поразмыслить над этим вопросом и выхода не нашли. Конечно, можно было бы придумать ситуацию, при которой, как вы любите говорить, все плохие резко плохо кончат, а все хорошие доберутся до власти во всем мире. Но, увы. Есть принципиальные ограничения, которые даже мы не можем обойти. Не имеем мы права на то, чтобы напрямую вмешиваться в события. Все, что мы можем, это смещать вероятности событий и внедрять какие-либо мысли в головы отдельных людей. Но вот принимать эти мысли как руководство к действию, это уже во власти самих людей. Не буду долго трепаться, скажу лишь, что в вашем случае эти варианты уже не помогут. Как далеко не всегда может помочь терапия при лечении болезни. Ну а что такое в нашем случае хирургия, должен понимать сам.

— Да уж. Какой-нибудь вселенский потоп, кучка выживших в различных медвежьих углах, и все сначала.

— Что-то типа того. И все бы ничего, для нас время, как ты понимаешь, не имеет такого значения, как для вас. Уже были прецеденты. Не вы первые. Но есть нюансы и для нас. Мы не самые главные. Для нас развитие человеческой цивилизации это тоже своего рода этап в личном плане. Есть и над нами Силы. Не справимся, не сможем сдать экзамен определенного уровня. А значит, не пойдем дальше. Это как для вас остаться на второй срок в одном и том же классе. Да еще и с дополнительными ограничениями в возможностях. Неудачников не любит никто, даже "на Небесах".

И вот мы думали, думали и прямого пути для спасения цивилизации не нашли. Но обнаружили некие слабые шансы пройти окольным путем. Дело в том, что ваша цивилизация почти смогла несколько раз вырваться из замкнутого круга. Но почти не считается.

У вас существует множество любопытных теорий на тему времени и параллельных

миров. Причем, представлен весь спектр идей от единственной временной линии цивилизации до бесконечного множества параллельных реальностей. Истина же, как обычно посередине.

Главная историческая последовательность всегда одна. Мы не можем вмешиваться в действия людей. Мы лишь можем пытаться подкинуть какие-нибудь идеи в головы тех, кто способен воздействовать на линию мирового развития. Да и то, нечасто. В результате все происходит как в тех же шахматах. До того, как сделать ход, ты можешь рассматривать любые варианты. Но как только сделал, позиция зафиксировалась и возврату не подлежит. Пока все понятно?

Я молча кивнул.

Но есть моменты, в которых история может пойти совершенно различными путями. Это не какой-то один момент или одно действие конкретного человека. Это некий довольно короткий отрезок времени, в течение которого цепочка взаимосвязанных событий и действий различных людей может заставить историю повернуть в другое русло. Как на реке гребцы в лодке, действуя согласованно, могут повернуть лодку не в главное русло, а в боковой рукав. Хотя и в этом случае с большой долей вероятности ответвление будет носить временный характер. Что, как правило, и происходит. А знаешь почему?

— ?

— Практически любой человек, да и все человечество в целом, это очень цельный и инерционный механизм, управляемый коллективным бессознательным, формирующимся веками. Любое отклонение от главной исторической линии вызывает несоответствие происходящего этому бессознательному. И чем больше отличие, тем больше стремление бессознательного вернуть все на круги своя. Вплоть до появления каких-нибудь героев-революционеров, диктаторов, организующих войны и так далее. Для того, чтобы изменения закрепились и стали долговременными, требуется время, чтобы изменилось само бессознательное и приняло все происходящее, как естественный, единственно верный процесс. Примерно так, как убежденный рецидивист, выйдя в очередной раз на свободу, вдруг почувствовал бы непреодолимое желание жить честным трудом, а через какое-то время посчитал бы это естественным для себя образом жизни, сочтя все свое прошлое недоразумением. Понятно?

— Вроде бы пока да. С СССР получилось что-то вроде этого?

— Именно это и получилось. Несколько десятилетий полунасиленного внедрения коллективистской психологии не ликвидировали многовекового индивидуализма. Тем более, что и в руководстве Союза хватало тех, кто воспринимал власть, как инструмент личного обогащения. А внешний фон помог нарыву прорваться. Это если вкратце.

Но продолжу. В отличие от вас, людей, мы не связаны ограничением на одностороннее движение времени. С одной стороны, мы скользим разумом по времени вместе с вами, но с другой, мы можем и вернуться сознанием в прошлое, попытавшись его изменить. Найти те самые развилки, о которых я говорил, и постараться заставить человечество свернуть со столбовой дороги. Другое дело, что это не гарантирует результата. Мы ведь не можем действовать напрямую. А попытку внедрить некие мысли извне любой человек воспринимает в штыки. И чем сильнее человек, тем сильнее он отторгает навязанную ему извне идею. А потому нам требуется посредник. Извини, но выбор пал на тебя.

А потому нам требуется посредник. Извини, но выбор пал на тебя.

— С чего бы? Не герой, не мудрец, не гений. И вообще, что-то в твоём рассказе меня

напрягает.

— Что именно?

Я смотрел на пылающий в камине огонь и с минуту молчал.

— Хорошо. Начнем с самого простого. Насчет себя я уже сказал. Выбор мне категорически не понятен.

Во-вторых, Если вам требуется посредник, то почему вы не воспользовались им ранее. Ведь куда все идет, было понятно довольно давно.

В-третьих, если вы, отвечающие за мир, такие из себя мудрые и могущественные, то как могли вообще довести до такого практически финала? Тем более, если вас самих за это по головке не погладят.

В-четвертых, если не помогает внедренная мысль, то каким образом может помочь человек из будущего? Нет, я, конечно, понимаю, всякие там технологии, знание грядущих событий и так далее. Сам не раз читал с удовольствием. Но это ведь не рациональное восприятие. А как задумаешься, то сразу все эти доморощенные советчики того же Сталина, которым он внимает со всем прилежанием, смотрятся более, чем смешно. В реальности подобных персонажей в лучшем случае оперативно выпотрошили бы в застенках НКВД, да и шлепнули бы от греха подальше. Причем, не из природной кровожадности, а просто на всякий случай. Для сохранения монополии на информацию. Самый рациональный вариант, кстати.

Ну и, наконец, даже если предположить, что я весь из себя такой уникальный и замечательный, хотя об этом и не догадываюсь, то что в это время будет с моим собственным миром? У меня есть нормальная семья, которую я очень люблю, и я совершенно не собираюсь ее бросать даже во имя спасения всего человечества, даже при условии обещания им всяческого "шоколада" в судьбе. Прошу понять меня правильно.

Собеседник смотрел на меня с улыбкой.

— А ты и вправду ничего. На все твои вопросы ответы есть. Хотя, и ты должен понимать, что насильно поверить тебя в то, что скажу, я не в состоянии. Пресловутая свобода воли. А как было бы просто. Но, увы. Придется тебе или поверить и рискнуть, или вернуться к себе наблюдать за угасанием мира. Тут уж ничего не поделаешь.

Начну не с первого твоего вопроса. Ты, возможно, удивишься, но мы не всеведущи. Являясь своего рода одушевленными функциями, мы скорее просто регулируем движение мира и человечества, чем творим мир. До появления такого вида творческой фантазии, которую вы назвали альтернативной историей, мы и не думали в этом ключе, просто не видели такой возможности. Извини. Это своего рода разделение труда. Творить может лишь человек, имея прямую связь с Создателем. А мы можем лишь пользоваться уже сотворенным им или вами. Пока у вас никто не отправлял человека менять прошлое, пусть и в литературе, у нас такая возможность также отсутствовала.

Я задумался. С одной стороны, удивлению моему не было предела. Божественные сущности не могут придумать ничего, пока этого не придумал человек. С другой стороны, такая версия в целом вписывалась в мое личное представление об устройстве Мироздания. Если возможность "прогулки в прошлое" для человека изначально не была вписана в реальность, то появится она могла только в результате фантазии того, кому предстоит стать Творцом нового поколения. В данном случае, это человечество, хотя могу и ошибаться.

Ладно, это проехали. Не могли придумать посредника раньше, значит, не могли.

— Кстати, а почему сейчас? Ведь если мне не отшибает память, идею "машины

времени" придумали гораздо раньше.

— Да, "машину" придумали. Но с какой целью? Либо поглазеть отправиться, либо сбежать и самому нажать, зная будущее. Историю всего человечества никто менять не пробовал. Напротив, господствовала идея, что не дай бог что-то в прошлом совершить, иначе вызовешь глобальное изменение в будущем, и возвращаться из путешествия будет некуда. А кроме того, это были лишь отдельные попытки, практически не отражавшиеся в ноосфере. Сейчас же вал произведений в жанре "альтернативной истории" создал даже целый эгрегор, причем, довольно не слабый. Вот его и заметили все, включая нас.

— А что с остальными вопросами?

— Сейчас отвечу. Почему мы не заметили финала истории и допустили до попадания цивилизации в тупик? Здесь сразу две разных причины. Во-первых, до относительно недавнего времени ситуация не выглядела безнадежной. То, что вы называете новым мировым порядком, хотя и выглядит для тебя уродливым, на самом деле в некоторой исторической перспективе могло дать живой росток для будущего развития цивилизации. Пусть и за счет жесткого сценария. Сначала этот "новый мировой" сам бы резко сократил количество людей на планете, выиграв время с ресурсной точки зрения, а потом неизбежная революция смела бы и его самого. Лет через сто. Но революция не уничтожила бы единство планетарного управления. В результате, можешь себе представить, возникло бы нечто вроде того же СССР, только во всемирном масштабе.

— И что же помешало такому развитию событий?

— Как ни странно, но уровень низового сопротивления этому сценарию среди населения планеты, как и неспособность мировых элит в разных странах о разделении между собой полномочий. Жадность и жажда власти границ не имеют. А структура может быть относительно устойчивой лишь в виде жесткой пирамиды. Короче, те, кто мог претендовать на вершину, проморгали усиление оппонентов. В результате время было упущено, баланс сил сместился слишком далеко, и осталось фактически три варианта.

— Какие, если не секрет?

— Глобальная ядерная война, которая не интересна нам, в первую очередь. Поскольку отодвинет очередной "ренессанс" человечества на несколько столетий. А потому проще устроить вам какой-нибудь потоп. Уж это мы можем сделать в любой момент. И остается цивилизационный хаос с последующей деградацией и множеством локальных конфликтов, которые отбросят человечество в новую дикость.

— А подогнать каких-нибудь инопланетян с супертехнологиями? Или у нас тут множество людей бредят каким-то квантовым переходом?

— Увы и ах. Первое, как впрочем, и второе невозможны по одной простой причине. Человечество не готово. Постараюсь объяснить. Все, что происходит в жизни как отдельного человека, так и человечества в целом всегда строго обосновано. Будущее вытекает из прошлого. Любые изменения происходят только тогда, когда "клиент" созрел. Для выхода в космос и встречи с инопланетянами человечество должно, во-первых, осознать логику построения Мироздания и баланс управляющих им энергий. В противном случае, все свои пороки вы сможете лишь растиражировать во вселенских масштабах, что никому не нужно. Во-вторых, встреча с инопланетянами сейчас закончилась бы для человечества либо войной, либо рабством. К иному стилю отношений вы просто не готовы психологически. Что же касается всевозможных "переходов" и "вознесений", то подумай сам. Насвинячили на одной планете и пошла гадить на следующую? А кто убираться будет? Пушкин, как вы говорите? И

уж тем более переход во всякие многомерные состояния, дающие сверхвозможности по управлению материей. Ну представь себе, что такие, как вы сейчас, вдруг станут магами, оперирующими реальностью. Не страшно? Вот то-то и оно. Вы же планету разнесете на куски в считанные мгновения. Никакие природные катаклизмы в этом случае не помогут. К счастью, во Вселенной халявы нет. Все строго обусловлено и обосновано. Заслужил — получи. Не заслужил — иди учись и развивайся самостоятельно.

— Это мне как раз очень понятно, сам так же думаю. Спасибо, что подтвердил мои собственные мысли. Ну а все же. Неужели раньше вы не могли просчитать последствия происходивших событий?

— Я же не случайно говорю все время "мы". Я не один, нас довольно много, столько же, сколько и главных движущих Сил, за счет которых человечество развивается. До последнего момента мы между собой находились в довольно жесткой конфронтации. Каждый считал, что именно его модель человечества будет лучшей. Коалиции, конечно, возникали и распадались, но баланса мы так и не нашли. Слишком по-разному видели Путь. Тем более, что мы не самодостаточны и не способны самостоятельно его определить. В какой-то степени мы все вместе отражение того самого бессознательного человечества, о котором я уже говорил. Для нашего баланса нужен и баланс в самом человечестве. Конечно, в определенных пределах мы способны активно воздействовать на человечество, пытаюсь привести его к этому балансу, но только в определенных. Когда мы поняли, что заигрались, и попытались как-то изменить ситуацию, стало уже поздно. Вот тогда-то мы и смогли, преодолев разногласия между собой, собраться воедино и что-то придумать. Шансов почти нет, но надежда пока жива. Ответил?

— Допустим, с этим разобрались. В самых общих чертах, конечно, вопросов все равно больше, чем ясности, но пока оставим. А что с другими вопросами?

— Насчет посредника все не так, как обычно пишут в ваших "попаданческих" книгах. Никто не может взять и перенести человека в прошлое. И уж тем более заменить разум одного человека другим. Было бы это возможно, все было бы проще. Представь себе, в каждый момент времени в мире есть всего несколько людей, от которых зависит развитие мировой линии. Назовем их управляющими. Берем несколько толковых друзей, одинаково смотрящих на мир, засовываем их в тела этих управляющих, предварительно согласовав все необходимые нюансы и просчитав вероятности. И все, дело в ажуре. Увы. На самом деле это невозможно. Каждый человек всегда намертво впаян в свое время и место. Так же, как кинокадр из одного фильма невозможно органично вырезать и вклеить в совершенно иной.

— Ты меня в конец запутал. Если "попаданство" невозможно в принципе, то о чем мы все это время беседуем? Нет, я очень рад этому потрясающему сну, особенно, если утром его вспомню, но тем не менее.

— Не торопись. Я пока сказал тебе, что невозможно выдернуть человека из его собственного времени, как и невозможно воткнуть его разум в другое тело. Но есть вариант. Мы можем взять точную информационную матрицу человека, скажем, тебя, и поместить ее в любое время и место в качестве дополнительного объекта. Такая матрица не будет полноценным человеком, хотя степень правдоподобия будет полной. Вплоть до ощущений физического тела.

— То есть, грубо говоря, создать клон?

— Нет. Все гораздо интересней. Клон ведь это по сути дубль. Со всеми вытекающими ограничениями. Матрица же свободна от множества таковых. Или точнее, ее можно



освободить от множества ограничений. Ведь по своей сути человек это энергоинформационный объект. Можно сделать так, что матрицу невозможно будет убить, она может не испытывать никаких потребностей в еде, питье или тепле. Можно позволить ей мгновенно перемещаться в любое место, заранее ей известное. Быть видимой и невидимой. И так далее.

— Круто. Но есть вопрос. Ты сказал, что человек это энергоинформационный объект. И как любой объект его можно скопировать. Согласен. Но ведь есть и кое-то еще. Человек жив только потому, что в нем есть живая Искра Всевышнего. Именно она и делает этот объект живым. Как быть с этим. Я легко представляю себе, что твоей или вашей совместной власти и Сил хватит на то, чтобы скопировать меня в части, являющейся объектом. Но как быть с Атманом? Уже его-то скопировать точно нельзя. Что же это будет за жизнь у "матрицы"?

— Здесь ты прав. Скопировать Атман невозможно, но можно опосредованно подсоединить его через первый объект. Представь себе, что ты спишь и видишь сон. В этом сне ты оперируешь в другом времени и реальности. Твое основное тело в этот момент в полном составе дрыхнет в любимой кровати дома. Разница только в том, что в обычном сне некоторые из твоих тел отделяются и, скажем, путешествуют по миру сновидений, а в нашем варианте, они остаются на месте, а путешествует их созданный дубль, напрямую с ними связанный.

— То есть, ты хочешь сказать, что я буду мирно продолжать спать в своей постели, и тем же самым временем где-то пытаться исправить прошлое? И долго мне спать придется?

— До утра. Времена в твоём мире и том, куда ты отправишься, никак между собой не связаны. Считай, что их вектора перпендикулярны. Вернешься в тот же миг, когда и отправился.

— А вернусь я когда? В том смысле, долго там нужно будет бродить?

— А как свое время догонишь, так и вернешься.

— Ни фиги себе. Так это что же. Если я отправлюсь куда-нибудь во времена Киевской Руси, то мне всю тысячу лет прожить придется?

— Именно так.

— Да уж. Несладко. Хотя и любопытно. Кроме того, я не понял. Если я догоню свое время, то ведь оно будет уже другим. В смысле событий. Как же я встречу со своей семьей?

— Собственно, куда именно отправляться, решать тебе. Могу лишь только рассказать о дополнительных условиях.

— Есть и такие?

— А как же. Но сначала отвечу на твой вопрос. С момента твоего появления в прошлом возникнет второй мир. Дубль твоего. Если ты сможешь изменить его так, чтобы он действительно стал самостоятельным и имел иные перспективы, то когда ты проснешься в своём мире, он станет уже не основным, а побочным. Своего рода фантомным. В результате он будет всячески стремиться к слиянию со вторым, причем, на его условиях. С момента запуска этой программы коллективное бессознательное твоего родного мира станет копией мира-дубля. Соответственно, все события, которые будут способствовать слиянию миров, будут получать максимальную вероятность, противоположные — наоборот. Примерно через десять — двенадцать лет миры полностью сольются в один.

— А не может получиться так, что они сольются не на условиях "дубля", а на условиях моего мира? С соответствующим тупиком?

— Разумеется, может. Более того, именно так и произойдет, если тебе не удастся ничего сделать, только гораздо раньше. Хотя шансы довольно велики. Мир, который будет "диктовать условия" присоединения, определяется всего по одному принципу — потенциал жизнеспособности. У твоего мира его практически уже не осталось. Так что риск есть, но не очень велик.

— Если я правильно тебя понял, то я в любом случае проснусь в своем собственном теле, на следующее же утро относительно момента моего теперешнего засыпания, и проснусь в собственной постели в собственной семье?

— Именно так.

— Ясно. Теперь расскажи, что там за дополнительные условия, о которых ты упомянул, и почему все же я.

— Давай сначала по условиям. Ты не сможешь действовать в мире самостоятельно. Например, ты можешь оказаться в спальне Петра Первого, Ивана Грозного или Сталина, но убить его ты не сможешь. Все возможности твоего воздействия на мир ограничены лишь пассивной ролью советника. Любые действия только через людей того мира.

— Так это что же, мне десятки или сотни лет и без секса обходиться?

— Нет, не волнуйся. Трахайся, хоть как кролик. Но детей у тебя не будет. И жениться ты не сможешь. Даже если надумаешь. То возникнут непреодолимые обстоятельства вплоть до смерти избранницы. Так что даже не пытайся.

— Ну, успокоил. А чего еще нельзя?

— Да, собственно, все остальное лишь следствия сказанного. Ты можешь действовать через любых людей того времени. Хоть целый Орден из них создай. Хоть марионетку на престол какой-нибудь посади, но все только чужими руками. Деньги для исполнения своих задач иметь можешь, зарабатывать тоже. Только все останется бесхозным с твоим возвращением. Так что и они имеют смысл лишь в качестве инструмента.

А самое главное, это то, что как ты, видимо, уже догадался, ничего в тот мир с собой взять нельзя. Ну кроме своей собственной головы и знаний, имеющихся на сегодняшний момент.

— Вот удружил.

— Не все так плохо. Особенно в твоем случае. Как раз сейчас ты и поймешь, почему именно ты. Хотя другие варианты тоже есть, хоть и не в изобилии. Мы откроем твою память полностью. В результате ты сможешь оперировать любой информацией, которую когда-либо видел в своей жизни. Все книги, все учебники, все газеты и журналы, которые ты читал, все фильмы и телепередачи, которые ты смотрел, все разговоры, которые когда-либо вел, все это станет достоянием твоей активной памяти. А ты, один из немногих, у которых в голове достаточно совершенно разнообразной полезной информации из почти всех областей знаний. Пусть во многих случаях и на любительском поверхностном уровне.

— Ну тогда уж не меня стоило выбирать, а какого-нибудь эрудита из телевизора. Тот же Вассерман меня легко за пояс заткнет.

— По информированности да, заткнет. Но по совокупности мировоззренческих позиций — нет. Ну и как тебе все целиком?

— А подумать можно?

— Можно, минуты две, максимум три. Ты же, наверное, понимаешь, что дел у меня выше крыши, хоть я здесь с тобой и лишь частично.

— Если я соглашусь, мы будем видеться хоть иногда, так сказать, для сверки часов?

— Один раз. В тот момент, когда мир сойдет со своей естественной траектории, или когда ты потеряешь шансы на ее изменение. В таком случае я верну тебя домой раньше.

— И куда мне отправляться? Ты же говорил, что есть несколько потенциальных развилок.

— А вот это ты реши сам. Да, развилки есть. но я же не могу за тебя решить, за какое время до них ты захочешь обосноваться в мире. В твоей стране, надо сказать, что чуть ли не каждые несколько десятков лет сплошные развилки. Выбирай, не хочу. Итак, время вышло. У тебя две минуты.

Я сидел и смотрел на огонь в полном смятении. Предложение, да и весь разговор в целом был настолько невероятным, что ни о какой упорядоченности мыслей не могло быть и речи. Я сидел, смотрел на огонь, и в голове крутились одни и те же слова. Последний шанс. Последний шанс, Последний...

— Я согласен. Отправляй меня в.....

## **Глава 1. Поехали....**

— Я согласен, отправляй меня в 1935-й. В 20-е марта. Хотя перед этим есть еще пара вопросов, которые не дают мне окончательно принять твои объяснения. Да и научиться обещанными способностями было бы неплохо.

— Задавай свои вопросы.

— Ты сказал, что миры после моего возвращения сольются в течение 10–12 лет в один. Но как быть с тем, что они вполне могут за период в почти 100 лет разбежаться так далеко, что их слияние станет почти невозможным? Например, после моего вмешательства человек побывает на Марсе. А в моей истории такого нет и пока даже не предвидится. Как быть с тем, что в одном мире могут погибнуть люди, которые останутся живыми в другом? А ведь с учетом войн последнего столетия таких могут набраться миллионы? И как быть с тем, что в моем мире мои предки благополучно прошли всю войну и остались живы. Более того, успели поучаствовать и в моем воспитании. А что если мое вмешательство приведет к их гибели? Например, моя мама еще даже не родилась в то время, в которое я собрался. И где гарантия, что моя жена окажется моей женой в момент возвращения, и что она вообще будет живой и такой же, как в моем мире?

— Я понял, что тебя волнует. Но все оттого, что ты неправильно представляешь себе свой мир. Ты думаешь, что история это дорога в один конец. Что прошлое фиксировано и неизменно. Что память человека или документы хранят истинный ход истории. Но это большое заблуждение. Я уже приводил пример с киноплёнкой. Ты сегодня это один кадр из середины пленки. В этот момент у тебя есть некоторое представление о том, что было в начале. Но лишь представление, а не знание. Прошлое не менее изменчиво, чем будущее. Ни того, ни другого просто не существует. Есть только здесь и сейчас. Все, что только может произойти в будущем, отбрасывает тень в прошлое, изменяя его в не меньшей степени, чем прошлое является причиной будущих событий. То есть я хочу сказать, что прошлое столь же поливариантно, как и будущее. И лишь настоящее фиксировано в единственном числе. Вспомни, сколько в вашем мире имеется нестыковок официальной истории и различных артефактов. Здесь и невозможное с точки зрения официальной науки использование в древности технологий, которых и сегодня не существует. И памятники древних свастических орнаментов во Франции и Испании в те времена, когда по официальной истории там не могло быть ничего подобного. А как выпали из истории в никуда Великая Тартария или

Империя Великих Моголов? А сколько споров вокруг так называемого татаро-монгольского Ига? А вспомни, хоть и экзотическую, но все же довольно стройную теорию Фоменко. Там ведь тоже хватает более, чем странных фактов и документальных свидетельств, противоречащих тому, что есть в учебниках. Говорить на эту тему можно бесконечно. Но применительно к твоему вопросу могу сказать, что при слиянии миров просто меняется сознание людей вместе с их памятью. Вот еще вчера перед слиянием они искренне сомневались в том, что американцы побывали на Луне, а сразу же после слияния они будут столь же свято верить, что полет на Марс был успешным, и что они лично это помнят и даже участвовали во встрече "марсонавтов". И точно так же обстоит дело с любым вопросом. Ну а что касается тебя лично и семьи, то можешь не волноваться. Обещаю, что пригляжу лично. Так что и живы все будут столько же, сколько ты помнишь, и никакой разницы не будет. Уж на это моих возможностей хватит.

А теперь хватит вопросов, пора переходить к делу. Смотри.

Я обалдело уставился на самого себя, стоящего в паре шагов от моего кресла. Причем, этот второй "я" не просто выглядел живым и подвижным, он (я) еще и с не меньшим обалдением смотрел на меня-сидящего.

— Это и есть твоя матрица. Сейчас твое сознание перепрыгнет в нее и начнем экспресс-освоение твоих возможностей.

Раз, и вот я уже стою и смотрю на застывшего себя в кресле. Приглядевшись, я понял, что "я-второй" или правильнее сказать "я-первый" выглядит как будто загипнотизированным или спящим.

— На время твоей миссии твое первое я так и будет продолжать спать. И сниться ему будут именно твои приключения. А сейчас к делу. Представь себя невидимым.

— А как это?

— А просто захоти. Дай самому себе команду, что тебя здесь ни для кого нет. Только не напрягайся, а, наоборот, расслабься. Как будто это то, что ты не задумываясь делаешь каждый день по многу раз.

Сначала у меня ничего не получалось. Я то напрягался так, что лицо багровело, то растекался полусонным студнем. В конце концов я устал и просто подумал: — Ну его, к черту, все, нет меня. — И, о чудо. Я почувствовал какое-то легкое движение в теле и вдруг перестал себя видеть.

— Молодец. Попробуй теперь вспомнить, как именно у тебя это получилось.

— Да не знаю я. Просто разозлился на самого себя за тупость и махнул рукой.

— Вот. Это именно то, что нужно. Уверенность без привязки сознания к результату. Ты ведь не задумываешься каждый день над своей способностью поднести ложку ко рту? Так же и здесь. Давай тренируйся.

Минут через десять-пятнадцать мне удалось ухватить то состояние уверенности и легкого пофигизма, при котором все стало получаться. Исчезнув и появившись раз двадцать подряд, я обрел некоторую уверенность в своих способностях. Видимо, изначальное понимание того, что я это не я, который спит в кресле, а просто думающая информационная матрица, оказало на мои возможности решающее значение.

— Так, переходим ко второму упражнению. Перемещение. Попробуй, не двигаясь с места перенестись хотя бы вон в тот угол. Для этого просто пожелай появиться именно там. Мысленно сделай шаг и перемести себя.

После того, как мне удалась невидимость, дело с перемещением пошло. Не сразу.

Конечно, но пойманное на первом упражнении внутреннее ощущение естественности очень сильно помогло.

— А теперь попробуй переместиться вон туда, — мой собеседник показал рукой куда-то в сторону, где вместо стены коттеджа образовалась на некотором удалении отличная лесная полянка.

Через некоторое время у меня получилось. "Поскакав" между полянкой и камином, некоторое время для закрепление навыков, я перешел к тому, чтобы перемещаться с закрытыми глазами. Разницы не было никакой, образ полянки вставал перед мысленным взором очень ярко. В жизни, кстати, никогда такого не мог. Стоило закрыть глаза, как все представляемое едва угадывалось тенями в тумане. Приходилось постоянно напрягаться и "дорисовывать" картинку. А тут яркость цветов и четкость деталей просто поражали.

Так же было освоено и третье упражнение из базового набора. Теперь я мог оставаться видимым, но приобретать свойство голограммы. То есть через меня вполне можно было пройти. Принципиально это упражнение ничем не отличалось от предыдущих. Главное это то самое отрешенно-уверенное состояние, не допускавшее сомнений в успехе.

— И, наконец, последнее. Тебе какой возраст сделать базовым?

— А можно выбирать?

— Можно. Только ведь в младенчество ты и сам не захочешь, а в своем старом возрасте дотянуть до 21-го века будет не слишком комфортным делом. Предлагаю диапазон между двадцатью и тридцатью.

— Согласен. Причем, на середину диапазона. Вполне комфортный возраст. Уже не совсем пацан, но и до "солидности" еще далеко. Жизнь полна красок и впечатлений.

— Хорошо. Так и сделаем. — Легкое движение руки, и вот я уже молод, полон сил и здоровья. Прикольное, однако, ощущение. Какой-то давно забытой легкости. Сейчас взлечу. Стоп. Размечтался. Я ведь теперь при желании точно взлететь могу. Надо аккуратнее относиться к желаниям.

— Ты, кстати, можешь легко менять внешность по своему желанию, надо лишь точно и в деталях представить себе желаемый образ. А вот на обратное перетекание времени не уйдет совсем. Этот облик я за тобой закрепил и достаточно захотеть вернуться "на базу", как все произойдет само собой.

— Так. С управлением матрицей покончено, теперь перейдем к активации памяти. — С этим все получилось еще проще. Возложение рук или того, что ими казалось, мне на голову, и в ней вспух ядерный взрыв. Когда перед глазами несколько прояснилось, голова гудела. Представьте себе экран монитора, на котором в разных направлениях мелькают всевозможные разноцветные точки, черточки, линии, полосы и так далее. Ощущение полного хаоса. Однако стоило задуматься над каким-то вопросом, как хаос мгновенно исчез, и в голове в строгом порядке возникла информация, с которой по данному вопросу я сталкивался в своей не самой короткой жизни. Конечно, это не выглядело системой файлов, но концентрация внимания на каком-то информационном блоке вполне позволяло не только вспомнить источник информации, но и более или менее оценить степень ее достоверности. Жить можно.

— Кстати, учти. То, что я говорил тебе о невозможности действовать напрямую, совершенно не было шуткой. Не светит тебе бегать по тылам противника и убивать фашистское руководство.

— Да я как-то и не собирался.

— Не знаю, что ты собирался, а что нет, но нельзя. Физически, если ты возьмешь в руки оружие, все получится. Человек умрет, чудес такого рода не бывает. Вот только последствия могут быть совсем не те, о которых ты думаешь. Возникнет мощное противодействие среды, которое выльется непонятно во что. Например, какой-нибудь сошедший с ума охранник вдруг застрелит Сталина. Тебе это нужно? Так что будь аккуратен. Кстати, и золото из Форт-Нокса воровать не вздумай. Здесь уже просто ничего не выйдет. Сам переместишься, а золото останется там, где было. Это касается и любых прочих посторонних предметов, не относящихся к тебе.

— А бумаги-то хоть можно перемещать?

— Бумаги можно, но только свои собственные. То, что сам написал или нарисовал. А вот акции с биржи не вытацишь. Не твое — не трожь. Твое дело — работать руками аборигенов той реальности, а не самому. Уяснил?

— Уяснил. Все понятно.

— Так, теперь у нас остались документы и немного денег на первое время. Думаю, лучше всего тебе быть гражданским. Допустим, инженером, вызванным в столицу из провинции на совещание. А то к военным, боюсь, внимание у патрулей будет больше. Оденем тебя в костюм по моде, пальто и кепку. На ноги ботинки. Извини, но белье тоже придется брать из того времени. И скажи спасибо, что ты не решил отправиться к викингам. Пришлось бы в шкурах с голым задом рассекать. Ну и неизменный парусиновый портфель со стопкой чистой бумаги для объема. Без него вид был бы неполноценным.

— Ты уже подумал, куда именно тебя отправить? И почему именно 20-е марта 1935-го? Я совсем не против. Дата отлично вписывается в область развилки, хотя до нее самой довольно много времени. А все же хотелось бы узнать логику твоих размышлений. Почему, например, не ко двору последнего Императора. Там ведь тоже еще та развилка?

Дата 20 марта 1935-го года возникла в сознании сама собой, и я даже не успел до конца осознать выбор, как уже выпалил ее собеседнику. Хотя сам выбор Сталинской эпохи скорее можно было бы назвать продуманным, нежели случайным.

Отправляться куда-то дальше по временной линии было бы гораздо более опрометчивым. Совершенно незнакомая жизнь, другие люди, другие отношения, даже язык другой. Болтался бы я в проруби чужаком лет 10, как минимум, прежде, чем освоиться. Да и место свое в обществе не найдешь еще. Все друг друга знают. Кроме того, все, что приходилось читать про времена династии Романовых от Петра Первого до Николая Второго, убеждало меня в том, что при дворе различных шпионов было чуть ли не больше, чем всех прочих. Да и наших интриганов-царедворцев хватало. В таких условиях, хоть каждый день царю на ухо приседай, он не дернется. Ибо не так уж и может. В общем, практически безнадежно. Не случайно же все литературные "попаданцы" в царские времена вселялись исключительно во властителей или, в крайнем случае, в членов императорской фамилии. Видимо, никакой фантазии не хватит, придумать что-либо потенциально возможное по части серьезных изменений с другого старта.

Так что 20-й век был практически без вариантов. Во-первых, все-таки 20-й век был и моим родным веком. Родившись в 60-е, я успел захватить немало из эпохи СССР. Да и по детским рассказам деда, теперь находящимся в моем полном распоряжении во всех деталях, помнил многое. Во-вторых, все же не вечность до возвращения, а вполне представимые себе несколько десятков лет, за которые почувствовать себя Дунканом Макклаудом точно не успеешь.

Лезть в пекло Гражданской войны не хотелось совершенно. Как и принимать участие в революции. А вот попытаться не допустить, хотя в это я практически не верил, или хотя бы изменить катастрофическое развитие ситуации в годы Войны, попытаться я был обязан. Размышляя над выбранным для перемещения годом, я поймал себя на мысли, что выбор в целом должен быть неплох. С одной стороны, прошедший годом ранее так называемый "съезд победителей" поставил временную точку в борьбе с оппозицией. Сталинская линия победила. Уже дали первые результаты индустриализация и коллективизация. С другой стороны, оставалось немало времени до печально известного 37-го года. А значит, были и шансы его предотвратить в том виде, который навевал ужас не на одно последующее поколение советских людей.

В моем времени, к сожалению, память о тех временах сильно исказила реальность. Большинство, не утруждая себя в поиске исходной информации, разделились на два непримиримых лагеря с довольно примитивными позициями. Одни нацепили на Сталина ярлык "кровавого диктатора" и человеконенавистника, озабоченного исключительно личной властью и ее сохранением. Другие с не меньшей пеной у рта готовы были оправдать все, что творилось в конце тридцатых годов. А истина, как всегда, лежит между крайностями. Были и справедливые репрессии, были и настоящие шпионы или пособники врага. Были и оппозиционеры, готовые при первой возможности к перевороту. И их было гораздо больше, чем принято считать сейчас в нашем "светлом демократическом завтра". Внимательное изучение первых послереволюционных десятилетий позволяет составить довольно неприглядную картину всевозможных течений, оппозиций, коалиций и тому подобных групп и группочек "товарищей по партии", только и мечтавших, чтобы вцепиться друг другу в глотку.

Но среди всего этого было и два довольно мощных выраженных крыла. Одно, представленное Троцким и его сторонниками течение, выступало за интернационализацию революции, фактически за ее бесконечный экспорт в другие страны. Фактически, если перевести это на всем понятный язык, то все деньги страны, получаемые за счет жесточайшей эксплуатации населения, должны были уходить за рубеж на финансирование революционного движения. Ну и, конечно, на создание запасов у "преданных делу товарищей". Один Коминтерн ежегодно сжирал на свою деятельность столько средств, что на них уже в 20-е можно было бы построить не один завод. А взять "преданного Ленину и партии большевика" Якова Свердлова, Слава Богу, умершего уже в 1919-м, личного друга Ротшильдов и за годы Гражданской войны, успевшего своими декретами погубить немало простого народа, особенно казачества.

Второе направление, к 1935-му году практически победившее, было представлено Сталиным и его соратниками. Главное и принципиальное расхождение с первой группой заключалось в идее построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Проще говоря, "мы сами потратим заработанные деньги внутри страны".

Но, хотя линия Сталина победила, среди членов партии самого разного уровня было очень много недовольных из "партии проигравших". И было немало среди них и засланных казачков, многих из которых элементарно использовали "в темную", прикрываясь красивыми революционными лозунгами. Так что были у Сталина для чистки очень серьезные основания.

Но историю всегда и везде пишут победители. А у нас победители, начиная с шестидесятых прошлого века, все какие-то однобокие.

Хотя было и реально большое число невинно осужденных. Причем, далеко не во всех случаях виновата непосредственно власть. Например, до Сталина вообще доводились процессы, начиная с определенного уровня номенклатуры. Но и освободить его полностью от потворства действиям Ежова не получится. А сколько было доносов от соседей, мечтающих увеличить свою жилплощадь. Сколько было наговоров от товарищей по работе, жаждущих занять соответствующую должность репрессированного. Сколько жен, обидевшихся на измену мужа, писали анонимки о его шпионской деятельности прежде, чем до них доходило, что их собственная судьба отныне не более завидна, чем у "новоявленного шпиона". А сколько оказалось среди сотрудников органов садистов, просто упивавшихся своей властью над арестованными и безнаказанностью. Было все это. Было. Из песни слова не выкинешь. Как бы не хотелось. Но и перепевать ее задом наперед не стоит. Получается сплошная какофония без намека на гармонию и музыкальность.

То есть одной из целей выбора конкретного момента моего внедрения в прошлое была именно попытка предотвратить неконтролируемые чистки врагов страны и их потворщиков, превратившиеся в массовые репрессии против простого народа. Отделить, так сказать, мух от котлет. Причем, желательно, чтобы котлеты остались целыми и были употреблены по назначению.

Ну и, разумеется, до Войны оставалось достаточно времени, чтобы попытаться несколько изменить армию и методы управления ею к 41-му. В том, что война неизбежна, я даже не сомневался. Слишком могущественные силы стояли за развитием ситуации в мире и озаботились перспективами мировой бойни, чтобы можно было этому что-то противопоставить. Но изменить отношение к этим перспективам внутри страны можно и нужно было пытаться.

Мои объяснения полностью удовлетворили моего визави. Кивнув каким-то своим мыслям, он взглянул на меня и спросил: — Ну что, готов?

— Чего уж там, перед смертью не надышишься. Поехали.

В очередной раз стена коттеджа исчезла и вместо нее возник переулочек недалеко от гостиницы "Националь". Как я помнил, в 1932-м ей вернули гостиничный статус. До этого в течение пятнадцати лет в ее помещениях располагались государственные организации. Выбор был хоть и недешевым и мог привлечь ко мне ненужное излишнее внимание, но достаточно оправдан. Пройдясь по улице, я мог выяснить, работает ли уже гостиница "Москва". Про "Москву" я читал, что сдали ее в эксплуатацию в 35-м, но вот когда точно не знал. Таким образом, у меня был потенциальный выбор на расстоянии сотни метров, и я мог определиться на месте. К тому же я планировал не особенно долго задерживаться в гостинице. Если все пройдет удачно, то о моем проживании должен позаботиться Сталин. Наконец, близость к Кремлю позволяла мне не слишком активно прибегать к перемещениям в пространстве, которые кто-то мог заметить.

На мое счастье переулочек оказался совершенно пустым.

— Давай, мы на тебя надеемся. — Легкий толчок рукой, не оставляющий время на раздумья, и вот я уже в переулке, а за моей спиной молниеносно закрывается портал.

Воистину решительный рывок вперед результат хорошего пинка сзади, — вспомнилось мне старая поговорка. — Ну что же. Пойдем устраиваться и постараемся придумать, что делать дальше.

Оглянувшись по сторонам, я стараясь сохранять спокойствие двинулся в сторону входа в гостиницу.



## Глава 2. Наш первый бой, он трудный самый

Я сидел в номере гостиницы и размышлял о своих дальнейших шагах. Вселение прошло спокойно и даже буднично. Администратор даже не стал требовать у меня командировочного удостоверения. Тем более я не беспокоился за качество моего паспорта. Уж такой подлянки от отправившего меня я точно не ожидал. А легкий флирт молодого и представительного инженера Ивана Петровича Сидорова, на имя которого был выписан паспорт, с начинающей стареть администраторшей позволил даже получить одноместный номер.

Никаких сомнений в том, что надо пробиваться именно к Сталину, не было. Все иные варианты, в том числе и неоднократно встречавшиеся мне в "попаданческой" литературе, не казались мне сколько-нибудь обоснованными. Писать письма, вызывать к себе осторожный интерес и медленно продвигаться к встрече со Сталиным, выглядело в моей ситуации глупым. Ведь в отличие от прочих "героев" мне совершенно не приходилось беспокоиться за свою безопасность. Никакие "застенки" мне не грозили. Смыться смогу всегда и из любого места. Ничуть не более оправданным казался мне и заход через "органы". Берия находился в Грузии, а иметь дело с Ягодой не было никакого желания. Так что оставалось только одно. Встретаться наедине со Сталиным.

Даже при всем том, что я себе лишь приблизительно представлял себе его рабочее место в Кремле, сомнений в том, что под личиной невидимости мне удастся пробраться в его кабинет, не было никаких. Гораздо важнее былостроить сам разговор таким образом, чтобы не испортить все с самого начала. Известная осторожность и недоверчивость Сталина требовали очень серьезной подготовки. Я должен был заинтриговать и убедить его с первого раза. В противном случае отрицательное первое отношение ко мне могло потом значительно осложнить наши будущие отношения.

Взяв листок бумаги из ящика стола и карандаш, я принялся прикидывать план первой встречи. Сначала мне показалось интересным появиться в спальне Вождя, дожидаться, пока он проснется и поговорить. Одно мое появление в таком месте, куда даже охрана не допускалась, могло сработать в нужном ключе. Но потом я решил, что Сталин, застигнутый в постели в исподнем, будучи в несколько униженном состоянии, может настолько разозлиться, что подобный шаг выйдет мне боком. В конце концов о своей безопасности он заботился очень даже. Перебрав множество различных вариантов, я остановился на беседе в его кабинете. Кстати, завтра 21-го марта у него должна быть всего одна встреча с Ворошиловым в 16–00. Когда-то мне на глаза попался журнал посещения Сталина в его кремлевском кабинете, и я с любопытством его проглядел, заинтересовавшись количеством и продолжительностью бесед Сталина с различными руководителями партии и государства. Сейчас моя ставшая абсолютной память услужливо подсказала мне график на 21-е марта. Причем, потом до 25-го никаких встреч не было, что позволило предполагать. Что и в кабинете Сталин мог просто не появиться. Тот же источник подсказал мне, что ни в один из дней не было встреч. Раньше 14-ти. То есть, видимо, Сталин, появлялся в кабинете только к этому времени.

Итак, решено. Идем "в гости" к Сталину в Кремль к половине второго, когда его еще там точно нет. Пробираемся в кабинет и ждем момента.

Теперь следует продумать сам разговор. Помимо общих слов я обязан предложить Сталину некую информацию, которую он точно сочтет важной и попробует проверить. Вообще о конструктивном диалоге до момента, когда Сталин сможет воспринять мое

появление как именно из будущего, речи быть не может. Значит, должны быть такие факты, которые позволят проверить информацию довольно быстро. Одновременно информация должна быть такой, чтобы ее точно нельзя было достать в свободном доступе. Покопавшись в памяти, нашел несколько интересных фактов, позволяющих надеяться на серьезный интерес Вождя. Итак, пишем:

22 марта 1935 года СССР продаст Японии КВЖД. Договор будет подписан 23 марта.

22 марта Персия будет переименована в Иран.

23 марта 1935 Франция, Италия и Британия придут к соглашению образовать фронт в противовес Германии.

25 марта 1935 А. Гитлер заявит, что СССР представляет собой угрозу миру в Европе.

25 марта в США Отдел Расследований будет переименовано в Федеральное Бюро Расследований (аналог советского НКВД), во главе которого останется Эдгар Гувер.

Так, чтобы такое еще придумать? И тут я вспомнил прочитанную не так давно очередную книжку на тему "альтернативки", героиня которой тоже попала в 1935-й. Что она такое писала. Точно.

6. 30 марта 1935 СССР и Британия договорятся об объединении сил против Рейха

В мае Советский Союз заключит договоры с Францией и Чехословакией о совместном отражении агрессии со стороны третьих стран. Чехословакия настаивает на внесении в договор пункта о том, что Советский Союз может ей предоставить помощь лишь в том случае, если соответствующую военную поддержку чехам окажет Франция.

Думаю, этого для первого раза достаточно. Скажем так, для появления интереса. Могу еще сказать, что знаю о планах Сталина принять Ворошилова сегодня в четыре. Если до этого все пункты так или иначе могли указывать на НКВД или ИНО НКВД, то уж этот момент точно не относился к их компетенции. Это заставит Сталина немного поломать голову.

Ну а на десерт для закрепления взаимного интереса предложим ему кое-какие сведения о месторождениях полезных ископаемых, неизвестных в 35-м. Все равно ведь отдавать придется, так почему не сразу. Тем более, что проверка потребует времени.

Пишем:

1. Алмазы.

Яутский АО, Мирнинский район, река Виллой, с. Крестьях, верховья рек Далдын и Сытыкан. Кимберлитовые трубки.

Архангельская область, примерно в 100 км к северу от Архангельска. Кимберлитовые трубки на краю Балтийского щита.

Технические сверхпрочные алмазы. — Попигайская котловина на границе Красноярского края и Якутии. Центр котловины в 400 км на юго-восток от села Хатанга.

2. Золото.

Бодайбинский район Иркутской области. 850 км от Иркутска и 137 км от Бодайбо.

3. Нефть.

Татарская АССР, Лениногорский район, с. Тимяшево. Глубина 1600–1800 м.

Башкирская АССР, Бижбулякский район, с. Азнаево. Глубина около 1900 м.

Там же, Краснокамский район, с. Николо-Березовка. Глубина 1400–1450 м.

Еще раз оглядел список. Думаю, для первого раза достаточно. Я прекрасно понимал, что такой подарок для страны, испытывавшей хроническую нехватку валютных средств для закупок промышленного оборудования не может не быть оценен по достоинству.

Материал подготовили, теперь осталось продумать сам разговор.

Проблема заключалась в том, чтобы не испугать Сталина и не настроить его на агрессивный лад. А любой человек, тем более озабоченный своей безопасностью не обрадуется, увидев у себя в кабинете неизвестного персонажа неопределенных намерений. И хорошо, если после появления успею хоть пару слов сказать прежде, чем Сталин позовет охрану. А мне совершенно не нужно, чтобы он вообще ее звал.

Походив пару часов по номеру и сломав себе всю голову, я все же придумал выход, пусть и частичный, но тем не менее. Оставалось только надеяться на удачу.

Итогом моих мучений стало письмо, в котором я расписывал всю информацию о будущих событиях и месторождениях, с указанием на то. Что это лишь малая часть информации, которой я располагаю и которой готов безвозмездно поделиться с советским руководством. По прочтении письма и желании получить дополнительную информацию Сталину предлагалось вслух произнести "Это интересно" и ничему не удивляться. Не панацея, но все-таки. Я очень надеялся на то, что концовка письма сумеет хоть частично настроить Сталина на доброжелательный лад стойко перенести мое появление "из воздуха" в его кабинете.

В заключении я прямо в номере потренировался в искусстве перемещения. Завтра я запланировал сразу из номера попасть на территорию Кремля. Для этого я воспользовался знакомым с детства образом Царь-Пушки. Переходить решил сразу же в состоянии невидимости, чтобы по глупой случайности не влететь на глаза какой-нибудь охране. Оставалась еще одна проблема. Я практически не сомневался, что легко дойду до приемной Сталина благодаря невидимости, но как попасть в кабинет, который пару раз видел только на картинках? Не открывая двери? Ладно, на месте что-нибудь придумаю.

На следующий день сразу после полудня я отправился в Кремль. Хотя "отправился", это громко сказано. Царь-пушка не подвела, потому сделав всего один шаг, я из номера переместился прямо к ней. Немного постояв и посмотрев на основные направления потока местных чиновников, я оставаясь слегка в стороне пошел по направлению ко входу. Кабинет Сталина, как я знал, располагался в угловой части здания на втором этаже. Подловив момент, я проскользнул внутрь кремлевского дворца вслед за каким-то военным немалых габаритов, и так же тихо просочился незамеченным мимо поста охраны. У дверей приемной на втором этаже был еще один пост, но и его удалось миновать, никого не встревожив. В приемной никого не было. Кроме Поскребышева, разумеется. Все, что приходилось читать об этом человеке, оставляло чувство стойкого недоумения. А он вообще спал?

Александр Николаевич сидел за столом и внимательно читал документы. Но стоило мне войти, как его глаза мгновенно оторвались от бумаги, и взгляд устремился прямо на меня. Я едва удержал себя в руках. Ведь четко же понимал, что видеть он меня никак не может. Но ведь что-то чувствует. То ли движение воздуха, то ли просто чутье, но проводить много времени в приемной как-то резко расхотелось. Пришлось срочно искать выход.

По большому счету помогла фантазия. Ведь если я могу переместиться в любое место, которое могу представить, то что мне мешает переместиться просто на сколько-то метров? Надо попробовать. Я прикинул, каким может быть кабинет Сталина и расположение мебели в нем. Втыкаться в середину стола не улыбалось. И задал себе цель — прыжок ровно на четыре метра. Уф, получилось. Уж не знаю. Почувствовал ли что-то Поскребышев или нет, но я стоял в кабинете, аккуратно вписавшись между стульями приставного стола и стеной.

Видимо, что-то такое бессменный секретарь Сталина уловил. Не прошло и пары минут,

как дверь кабинета открылась и в проеме показалась голова Поскребышева. Внимательно оглядев пустой кабинет, голова так же молча исчезла и дверь захлопнулась.

Вот теперь можно перевести дух. Добрался. Пройдя к столу Сталина, я уже решил было положить заготовленное письмо на стол, как вдруг остановился. А что если еще до прихода Самого письмо увидит тот же Поскребышев? Бело-желтоватый листок бумаги, на котором крупными буквами написано "Сов. Секретно. Тов. Сталину лично в руки. Никому другому не открывать и не читать!", на зеленом сукне стола наверняка заинтересует секретаря, которому по должности полагалось знать все, что попадает на стол Вождя. Да, может получиться некрасиво. Ну и ладно. Не ходит же Сталин совершенно бесшумно? Услышу и успею подкинуть, когда он будет на подходе. А пока можно присесть и передохнуть на диване сбоку.

При всем том, что я был предельно собран и напряжен, я чуть не пропустил шаги Сталина. Вовремя встрепенувшись, я мигом положил письмо на стол и отскочил обратно к дивану. Садиться я уже не рискнул.

Открылась дверь и вошел ОН. Вот тут-то меня и пробрало по-взрослому. Если я раньше думал, что мандражирую, то сейчас меня буквально трясло. И даже постоянное напоминание себе, что ничего со мной не может произойти в принципе, успокаивало не сильно. От Сталина, в общем-то не очень большого роста, ниже меня на голову, как минимум, веяло столь явной властной энергетикой, что сопротивляться ей было не просто. Да и не у каждого, судя по истории, получалось в принципе.

Наконец, мой внутренний аутотренинг дал некоторые плоды, и я слегка расслабился и начал с интересом смотреть на Сталина. А у него чутье будет, пожалуй, посильнее, чем у секретаря. Встал, не доходя до своего места, и как радаром обшаривает кабинет. Наконец, слегка встряхнув головой, как делают многие, когда им что-то мерещится, Сталин подошел к столу, уселся и вот тут его взгляд буквально прикипел к письму, лежащему прямо посередине стола.

Целую минуту он сидел молча, не прикасаясь к письму, потом нажал на кнопку под столом и вызвал Поскребышева. — Саша, чаю мне кликни. И, да, кто-нибудь в кабинет без меня входил?

— Да Вы что, товарищ Сталин, как можно. Я только один раз заглянул, что-то почудилось, но даже шага в кабинет не сделал. Ну а через меня вообще никто не просочится. А что-то случилось?

— Нет, ничего не случилось, иди, работай.

Все это время я стоял на одном месте, боясь шелохнуться.

— Ну что же, посмотрим, что нам за сюрприз приготовили, — произнес Сталин и развернул письмо. Я специально не стал укладывать его в конверт, чтобы было меньше опасений насчет яда или еще какой пакости. Видимо, я оказался прав. Даже сам листок Сталин прихватил за самый краешек и развернул двумя пальцами одной руки.

То, что происходило дальше, надо было видеть. Я даже расслабился окончательно и успокоился. Вот теперь можно и поговорить, как человек с человеком. Хотя категории настолько разные, что я даже не мечтал о том. Чтобы сохранить какой-либо собственный рисунок разговора.

Быстро пробежав глазами бумагу. Сталин сделал огромные удивленные глаза, затем вскочил и начал буквально бегать по кабинету. Ишь, ты, тоже ведь волнуется. Сталин вернулся к столу, явно прочитал документ еще раз и, подняв глаза, медленно обвел взором

кабинет. Не опуская глаз, лишь слегка расфокусировав взгляд и пытаясь охватить им все пространство кабинета, Сталин медленно, чуть ли не по слогам произнес: — Это интересно.

В этот момент я стал снимать невидимость, но мысленным усилием постарался максимально замедлить этот процесс, стараясь дать Сталину мгновения на привыкание и тем самым максимально, насколько это возможно снять напряженность.

Как только невидимость спала, Сталин мгновенно сконцентрировал взгляд на мне. Жесткий прищур желтоватых тигриных глаз вызвал ассоциацию с прорезью прицела снайперской винтовки.

— Кто Вы такой? И что Вам нужно?

— Товарищ Сталин, я тот, кто передал Вам информацию, содержащуюся в письме, и тот, кто может передать Вам намного больше, если Вы меня выслушаете. Разумеется, я понимаю, что для проверки данных Вам потребуется время, но пока я лишь хочу объясниться в самых общих чертах. Для этого мне потребуется минимум полчаса Вашего времени.

В этот момент начала открываться дверь. Это несли чай. Я мгновенно стал снова невидимым. В принципе все развивалось именно так, как я задумал. Теперь мяч на стороне Сталина. Ему, с одной стороны, требуется время на проверку моей информации, с другой, он явно заинтригован. Да и мое эффектное появление и исчезновение сказались. Ведь наверняка уже понял, что, замыслив худое, я давно уже мог бы сделать все, что хотел и исчезнуть. И все же я видел, что Сталин колеблется. У него было два варианта. Он мог немедленно вызвать охрану и попытаться меня поймать, а мог и промолчать, тем самым давая понять, что готов познакомиться поближе. В принципе я был готов к обоим вариантам. Сталин выбрал второе, чем невольно вызвал у меня дополнительное уважение к себе.

— Спасибо, можете идти и передайте Поскребышеву, что меня ни для кого нет. Включая его самого. Будет нужен, позову.

Как только дверь снова закрылась, я опять проявился на том же месте и практически в той же позе.

— Товарищ Сталин, Вы позволите мне снять пальто и присесть?

— Да, пожалуйста. Можете садиться на диван. Я Вас слушаю, представьтесь пожалуйста.

— Как это не покажется Вам невозможным и противоречащим всему, что Вы знаете о мире, я скажу правду. Я из будущего. Иван Петрович Сидоров, родился в Москве в 1963-м году.

— Да, и как там в будущем?

Однако, Сталин крепко держит удар, вон даже ни один мускул на лице не шевельнулся, только взгляд стал еще острее.

— Плохо, товарищ Сталин. Совсем плохо. Собственно потому меня и послали.

— Кто послал? И из какого конкретно будущего? — Ни одним жестом Сталин не давал понять, что он удивлен или поражен. Скорее в тоне сквозила некоторая ироничность. За которой он прятался, стараясь определить линию поведения.

— Позвольте, я вкратце расскажу все историю. Которая со мной приключилась?

— Пожалуйста.

Я вкратце передал Сталину весь свой сон, закончившийся столь необычным образом. В конце я признался, что, наверное, выгляжу сумасшедшим в его глазах, но надеюсь, что переданная мной информация о событиях ближайших дней позволит ему отнестись к моим

словам с большей серьезностью.

— Вот, собственно, и все для первого раза, товарищ Сталин, — сказал я. Теперь, если у Вас есть ко мне какие-либо немедленные вопросы, я готов максимально честно на них ответить. Я знаю, что до встречи с товарищем Ворошиловым у вас еще сорок минут, но, возможно, Вам нужно заняться какими-то иными вопросами?

— А откуда Вы знаете про Ворошилова, товарищ Сидоров, ехидно поинтересовался Сталин? Заглянули в журнал Поскребышева?

— Нет, товарищ Сталин, читал в своем времени журнал Ваших кремлевских встреч за все годы.

— И зачем Вам это понадобилось?

— Было интересно самому оценить плотность вашего графика работы. А то уж больно разные версии ходили в наше время.

Было видно, что Сталин не поверил пока ни одному моему слову, но по каким-то своим соображениям этого решил не показывать. По крайней мере пока.

— Скажите, товарищ Сидоров. А что заставило Вас пойти на такой необычный вариант, как проникновение в мой кабинет? Ведь Вы же не могли не понимать. Что я могу расценить это как недружественный шаг. А по Вашим словам, Вы хотите поработать на благо Советского Союза? А если бы я приказал Вас арестовать? — Глаза Сталина продолжали изучать меня все с тем же прищуром, — Не думаете же Вы, что Ваша невидимость может нам помешать?

— Ничего бы не получилось, товарищ Сталин. Я ведь не только невидимым могу стать, я и мгновенно исчезнуть из кабинета могу, причем довольно далеко отсюда. Я же Вам рассказал, что мое положение очень двойственное. С одной стороны, я не могу непосредственно вмешиваться в события, но, с другой, я как тот неуловимый Джо.

— Какой Джо? — не понял Сталин.

— Извиняюсь, товарищ Сталин, это из моего времени анекдот.

— Ну, анекдот Вы мне потом расскажете, а пока давайте действительно прервемся. Нам надо подумать над Вашей информацией. Как с Вами связаться?

— Я проживаю в гостинице "Националь", номер 243.

— За Вами приедут, а пока до свидания, товарищ Сидоров. Если наша следующая встреча состоится, то я хотел бы, как минимум, быть о ней заранее предупрежденным, а желательно, чтобы у вас был план с вашими соображениями относительно того, как вы видите наше сотрудничество.

— Полностью согласен, товарищ Сталин. Через два дня я в запечатанном конверте передам через секретариат письмо на Ваше имя от Сидорова. Предупредите Поскребышева, чтобы он ничего не вскрывал. Там могут быть данные только для Вас лично.

— Не доверяете моему начальнику секретариата? Или что-то знаете? — опять знакомый уже жесткий прищур.

— Нет, с Вашим начальником секретариата все нормально, он не предатель, но решать, кому и какую информацию давать, должны только вы сами после ознакомления с ней.

— Это правильно, товарищ Сидоров. Я рад, что Вы тоже это понимаете. А что есть предатели?

— Есть, товарищ Сталин, но давайте отложим этот разговор до проверки моей информации. В ближайшее время Вам и стране ничто не грозит.

— Хорошо, товарищ Сидоров, с Вами свяжутся, поколебавшись, Сталин все же встал и

подал на прощание руку.

— Всего доброго, товарищ Сталин, — сказал я и, быстро подхватив пальто, исчез.

Вернулся я прямо в номер, решив, что лишние прыжки ни к чему. Да и уборка номера наверняка закончилась пару часов назад.

### **Глава 3. Первые думы и хлопоты.**

Завалившись на кровать, я почувствовал себя выжатым лимоном. Хотя встреча, надо сказать, удалась. Даже лучше, чем можно было ожидать. Видимо, запланированный и очень к месту удавшийся трюк с доставкой чая очень помог. Сказался эффект прерванной встречи. Есть такой психологический момент, хорошо известный в наше время. Если новые друг другу люди расстанутся хоть на минуту, а потом увидятся снова, то психологически они уже не воспринимают друг друга за полного чужака.

Особенно мне понравилось, что Сталин не стал задавать никаких вопросов относительно будущего, хотя было видно, что ему очень хотелось. Сейчас же проверенная информация от меня автоматически расставит все на свои места. Пусть он даже и не поверит мне, на это глупо пока было бы рассчитывать, но ее подтверждение заставит его отнестись к моим словам серьезнее. А после череды еще нескольких проверок, придет и доверие.

Но ох как нелегко будет мне с ним. Его аж передернуло, когда я дал понять, что не волнуюсь за возможный арест. Интересно, а хвост ко мне уже приставили, или пока еще нет? И стоит ли мне сходить прогуляться по Москве, или лучше пока посидеть взаперти? Не хочется мне ничего провоцировать, о чем потом придется сожалеть.

Пожалуй, лучше остаться и подумать над планом. Разумеется, мысли у меня на этот счет крутились постоянно, но вот времени привести их в порядок пока не было.

А как там, интересно, сейчас развиваются события? Ведь не мог Сталин оставить информацию без проверки. Кому он это поручит? Ягоде? Вряд ли. Судя по тому, что я читал, он уже Ягоду недолгобливает и собирается сменить на Ежова. А вот этого лучше не допускать. Натворит таких дел, что не расплюешься. Впрочем, вопрос пока терпит. Но тогда кто будет проверять? Основная информация касается международных событий. А это компетенция НКВД или ИНО.

Я не угадал. Расставшись со мной, Сталин вызвал Поскребышева и отменил встречу с Ворошиловым, но вызывать никого не стал. Он и сам был прекрасным аналитиком, а учитывая, что объем поступающей к нему со всех сторон информации был на порядок больше, чем у кого-либо другого, то и качество анализа было наилучшим из всех возможных. Как правило, Сталин любил выслушивать различных людей, прежде чем принимал какое-либо решение, но этот случай был настолько необычным, что он решил подождать. В конце концов все указанные события должны были произойти в течение всего нескольких дней, время терпело. Более того, сокрытие информации сейчас давало ему лично дополнительные козыри. В нужное время можно было позвонить в соответствующий комиссариат и поинтересоваться, что известно по такому-то поводу. При этом дать понять. Что он лично необходимой информацией уже располагает. Пусть потом дергаются и гадают. Кто именно еще поработал на "их поляне", да еще быстрее и эффективнее. Эта мысль настолько понравилась Сталину, что он даже улыбнулся.

Но два вопроса все же стоило решить немедленно. Во-первых, он позвонил Ягоде и попросил проследить за поведением некоего Сидорова ванна Петровича, остановившегося в "Национале" в номере 243. Внимание должно быть крайне ненавязчивым. Любое

недружелюбие, как и вообще общение с "клиентом", тоже. Докладывать обо всех контактах и передвижениях указанного лица ему лично ежедневно. Ягода мало что понял, но отрапортовал, что все будет сделано в лучшем виде.

— Если этот человек-феномен, назвавшийся Сидоровым, а в том, что это не более, чем абстрактное имя, Сталин не сомневался, не совсем идиот, то даже заметив внимание к своей персоне, ничего предпринимать необычного не будет. Иначе он бы и мне не сказал о своем местоположении, — подумал Сталин и сделал второй звонок.

На этот раз он был в НКВД. Сталин нейтрально поинтересовался новостями на фронте международной политики, отметил про себя, что нарком ничего не сказал про готовящийся к подписанию договор по КВЖД, и попросил передать в посольство в Германии его личную просьбу внимательно отслеживать все выступления Гитлера и немедленно ему сообщать их подробное содержание. Высказанная в таком виде просьба особого удивления у Литвинова не вызвала, что вполне устроило Вождя.

Закончив с разговорами, Сталин снова положил перед собой мое письмо и стал размышлять над тем, кому именно могла быть известна та или иная информация.

— По первому пункту есть два нюанса, — думал Сталин. — С одной стороны, вопрос тянется так долго, что о переговорах СССР и Японии по этому поводу известно многим. Занимается им аппарат НКВД и наше посольство в Токио. Но вот о том, что переговоры практически завершены и послезавтра ожидается официальное подписание договора, знают немногие. И все они именно из аппарата НКВД. Даже ИНО такой точной информацией не располагает. Не случайно даже сейчас в разговоре Литвинов ничего не сказал. То ли спугнуть боится, то ли придерживает информацию, чтобы сразу предстать победителем. Хотя какая уж тут победа. СССР был вынужден пойти на столь значительные уступки, что скорее речь идет о почетной сдаче позиций, чем о победе. Есть, правда, вероятность того, что утечка идет с японской стороны, но это еще более странно. Сами японцы слили информацию? Маловероятно, учитывая наши с ними отношения.

— Второй вопрос также может быть известен НКВД, но опять вызывает сомнения точность даты.

— По третьему вопросу все еще более странно. Если первые два хотя бы могут быть утечкой уже принятых решений, то переговоры между Францией, Италией и Британией по моим данным еще далеки от завершения. Да, все они боятся усиления Германии, но противоречий между ними больше, чем согласия. Или меня намеренно неправильно информируют, — подумал Сталин и отложил себе этот вопрос на память.

— Итак, я почти уверен, что такой информацией в СССР не обладает никто. Даже если она правдива, то это явный след к разведке одной из указанных стран. И все сказанное может оказаться дезинформацией. Но какой прок от дезинформации, если правда станет известна уже через два дня? Нет, здесь явно что-то иное.

— Кто-то новый вышел на контакт?

— Четвертый пункт вообще странный. Информацией такого рода может обладать лишь сам Гитлер, те, кто писал ему тезисы для речи или крайне узкий круг его самого близкого окружения. Хотя он вообще непредсказуемый оратор и очень часто срывается на импровизации. Даже предположить не могу, от кого могла поступить такая информация.

Сталин попробовал представить себя на месте Гитлера. Как он знал, тот, как и сам Сталин, всегда свои речи готовил собственноручно, обращаясь к экспертам лишь за конкретной требуемой информацией. Не складывалось. Вполне могло быть, что при



подготовке выступления Гитлер советовался с кем-то и даже обсуждал общие идеи и тезисы будущей речи. Но вот что конкретно и в какой форме будет произнесено, кроме него самого уверенно не мог знать никто. И в этой связи уверенность Сидорова просто поражала. Фраза не содержала даже намек на возможность ошибки.

— С пятым пунктом вообще ерунда. С одной стороны, это довольно рядовой вопрос, очевидно не относящийся к разряду особых государственных тайн. Да и подобные решения вполне могут готовиться заранее, так же как нет ничего естественного в том, что прежний руководитель спецслужбы оставит за собой кресло и в переименованной конторе. Но, с другой, именно это и делает этот вопрос "невидимым" для любой разведки мира. Раз решение не влияет на мировые расклады и перспективы, то и внимание на него обращать не стоит. Практически не сомневаюсь, что у нас это никому известно не будет. А вот зачем этот пункт включил в свой список Сидоров, это интересно. Он ведь не произвел впечатление глупого человека. Значит, наверняка пришел к тем же выводам. Тогда это явная демонстрация своей уникальности. Ну-ну. Посмотрим, что за этим стоит.

— Шестой и седьмой пункты опять из сферы ответственности НКВД. Но на этот раз СССР является прямым участником планирующихся соглашений. — Насчет того, что переговоры ведутся и с Британией, и с Чехословакией, Сталин был в курсе. Но точных дат выхода на подписание пока не имел. Да и не только от СССР это зависело. Слишком много нюансов по словам Литвинова еще предстояло утрясти. Особенно заинтересовал Сталина в седьмом пункте момент, касающийся условий Чехословакии. Уж он то явно не мог исходить от СССР. Более того, по информации Сталина пока он и чехами не выдвигался.

— Итак, что мы имеем. Практически вся информация носит разведывательный характер. Вся информация исходит из разных стран, большая ее часть в СССР пока не известна. Страны-источники информации подобраны таким образом, чтобы указывать на различные Силы, которые трудно заподозрить во взаимной симпатии.

Сталин встал и начал медленно ходить по кабинету, так ему легче думалось. — Предположение, что за Сидоровым может стоять сразу несколько разведок абсурдно. Это только у наших чекистов враги народа работают на три и больше разведок сразу. А на практике в лучшем случае две, да и то из одного лагеря. Не считая, конечно, двойных агентов, которых половина Коминтерна. Но таких "и вашим, и нашим за рубль спляшем" обычно на пушечный выстрел к реальной информации не подпускают.

Остается не так много предположений. Скорее всего это Британия. Их разведка давно и прочно обосновалась по всему миру и на сегодняшней день была по сути единственной, кто потенциально мог вообще обладать подобным объемом информации. Кроме того, англичане, упомянутые в некоторых пунктах в качестве прямых участников переговоров, вполне могли бы и подстроить реальные факты таким образом, чтобы сыграть на легенду "путешественника во времени". Но вот речь Гитлера даже сюда вписывалась плохо. Хотя.... Есть варианты, есть. Сталину уже не раз докладывали о том, что английские уши торчат в Германии во многих местах. Кроме того, именно они и американцы активно финансируют восстановление немецкой промышленности. Так что....

Сталин уже почти пришел к выводу, что решил головоломку, но тут его взгляд уперся в перечень месторождений. Если то, что указано на этом листочке соответствует действительности, то никакими проискаями разведок это не объяснишь. Слишком большие подарки она сулила. А проверить информацию будет можно за несколько месяцев. Подумав про подарки, Сталин поморщился. Он не любил непонятных для себя вещей и явлений, за

которыми не просматривались четко чьи-либо пусть и корыстные, но насквозь понятные интересы. Лежащий перед ним перечень месторождений к таковым явлениям совершенно не относился. Слишком большой объем, слишком крупные предпочтения для СССР давали эти находки, окажись они правдой. Никакая игра разведок не могла оправдать такого. Что ж. Тем более надо выяснить это побыстрее.

Сталин вызвал Поскребышева. Вызови ко мне срочно Орджоникидзе и Артузова. Отношения Сталина с обоими были далеко не самыми теплыми. Отношения с Серго стали накаляться с начала 30-х годов, когда Сталин сместил многих выдвиненцев и друзей Орджоникидзе со своих руководящих постов в Закавказье, а Орджоникидзе продолжил оказывать им свое покровительство. Но в явной оппозиционной деятельности он замечен не был, кроме того, проявил себя хорошим талантливым руководителем на посту руководителя ВСНХ и до, и после его переименования в Наркомат тяжелой промышленности. Разработке недр и геологические изыскания относились именно к его ведомству. Артузова Сталин недолюбливал по совершенно другой причине. Слишком независимым по своей природе был Артур Христианович. Именно это Сталину и не нравилось. Превыше всего он ценил в людях личную преданность и лишь во вторую очередь профессионализм и ум. С этой "второй очередью" у Артузова было все прекрасно, редкий профессионал, но вот личной преданностью Вождю он похвастаться не мог. При том, что ни единого раза он не был замечен в симпатиях какой-либо оппозиции, он настолько демонстративно предпочитал сохранять максимальную дистанцию от Вождя, что тот терпел его скорее вынужденно. Хотя как работника ценил очень высоко.

Но в данном случае у Сталина не оставалось выхода. Информацию о месторождениях надо было проверять и проверять срочно. И делать это с максимальной степенью секретности. Если обойти Серго, то его обида в дальнейшем может привести к неконтролируемым последствиям. Орджоникидзе обладал в партии огромным авторитетом и даже Сталину не улыбалось видеть его в своих личных противниках. Кроме того, единственной альтернативой ему в данном случае было ведомство Ягоды, что оказалось бы еще хуже. И с точки зрения распространения информации, и с точки зрения результатов исследований. А Артузов понадобился Сталину для прояснения данного вопроса с внешней стороны. Бывший начальник ИНО, временно откомандированный ЦК на становление работы Разведупра РККА, должен был выяснить все возможности появления данной информации из-за рубежа. В свое время немало иностранцев вели геологические изыскания в Российской Империи и СССР, так что этот вариант также стоило отработать по-полной.

Уже через 45 минут секретарь доложил, что вызванные ожидают в приемной. Сталин попросил их пройти в кабинет и присаживаться за стол. Сам уселся напротив них и внимательно посмотрел на обоих, стараясь выявить на лицах сидящих признаки страха или неуверенности. Не увидел и немного расслабился. Это хорошо. Значит, крупных грехов за собой не знают.

— Товарищи. Я попросил вас зайти, что бы решить один крайне важный вопрос, касающийся экономического развития и безопасности нашей страны. Все, что здесь будет сказано, не должно выйти за рамки этого кабинета. За исключением той минимальной информации, которая будет предоставлена конкретным людям, необходимой для выполнения ими особого задания партии и правительства. Это понятно, товарищи? — тон Сталина был очень жестким.

— Так точно, — чуть ли не хором ответили оба, сохраняя на лицах несколько

удивленное, но и взволнованное состояние. Таким тоном Сталин разговаривал не часто. Да и соседство Орджоникидзе и Артузова за одним столом, особенно без присутствия кого-либо другого удивляло не меньше.

— К нам по особым каналам поступила информация крайней важности. Она касается наличия до сих пор неизвестных нам стратегических месторождений на территории СССР. Речь идет об алмазах, о золоте и о нефти. Все эти месторождения, кроме нефтяного, находятся в достаточно отдаленных, труднодоступных местах. Но проверить эту информацию необходимо в кратчайшие сроки. От этого зависит очень многое. Кроме того, все работы должны быть произведены в условиях максимальной конспирации ограниченным кругом лиц. В этой связи я жду от Вас, товарищ Орджоникидзе, прямо сейчас предложения по тому, как быстро и качественно организовать проверку имеющейся информации. А от Вас, товарищ Артузов, мне необходима полная ясность по вопросу, могла ли эта информация быть добыта иностранными геологами, проводившими изыскания в нашей стране, как и то, не располагает ли ей кто-либо, кроме нас.

— Надеюсь, товарищи, мне не надо отдельно пояснять, что сохранение тайны этой информации является исключительно важной задачей. Более того, помимо того, что нам необходимо скрыть ее сейчас, нам потребуется тщательно выверенная легенда о том, откуда она вообще взялась, если информация найдет свое подтверждение. И почему именно сейчас.

— Товарищ Сталин, позвольте мне начать?

— Прощу Вас, товарищ Артузов.

— Насколько я понимаю, мне предстоит сейчас тщательнейшим образом проверить всю информацию о поисках природных ресурсов на территории нашей страны иностранцами, как до, так и после революции. В случае нахождения совпадений мне предстоит выяснить, кто может обладать этой информацией в настоящее время и подготовить предложения по пресечению ее дальнейшего распространения, при наличии таковой возможности. Если окажется, что все эти изыскания никоим образом не могут прояснить информацию, то необходимо придумать правдоподобную и тщательно документированную версию обнаружения указанных месторождений именно в настоящий момент.

— Совершенно верно, товарищ Артузов. Но все еще несколько сложнее. Во-первых, месторождения находятся в разных районах страны, причем очень далеко друг от друга. Во-вторых, все изыскания после революции хорошо известны нашим товарищам, занятым геологическими работами. А потому появление из ниоткуда таких серьезнейших данных вызовет очень много вопросов. Легенду надо подготовить очень тщательно. Так, чтобы никто не решил даже задуматься о ее правдоподобии.

— Так точно, товарищ Сталин. — А могу я взглянуть на список мест?

— Да, можете, вот он, только переписывать не дам. Запоминайте и помните об ответственности. Кстати, товарищ Артузов. Думаю, будет правильным, если мы обеспечим охрану поисковых партий товарища Орджоникидзе именно Вашими людьми, чтобы не привлекать людей товарища Ягоды. Найдутся у Вас такие, способные к тому же держать язык за зубами и не замеченные в связях с троцкистами?

— Так точно, товарищ Сталин, найдутся.

— Можете идти, товарищ Артузов. У Вас много работы. Жду Ваш доклад и список кандидатов на охрану поисковых партий. Три дня Вам хватит?

— Сделаю все возможное, товарищ Сталин.

— Всего доброго.

Оставшись наедине с Орджоникидзе, Сталин посмотрел на старого товарища, с которым в последнее время отношения складывались не лучшим образом. Ну что скажешь, Серго?

— Странная информация, Коба! — Орджоникидзе, тонко уловив изменение стиля общения со стороны Сталина, также обратился к нему по старому конспиративному имени, выказывая дружеское расположение. — Если она соответствует действительности, то это колоссальный прорыв. И ведь названы самые стратегические месторождения. Исключительно все относится к товарам, закупаемым или продаваемым за валюту. Ее просто невозможно переоценить. Удивительно вовремя.

— Сможешь организовать партии быстро, чтобы они отработали летний сезон этого года и уже к осени мы бы твердо знали результат?

— Смогу. На формирование и подготовку партий уйдет примерно месяц. Большую часть этого времени людям можно будет просто не говорить, куда они едут, хотя это и выглядит странно. Впрочем, можно назвать общий регион. Сибирь, Якутия, Севера. А вот недели за две придется давать уже точную информацию. А людей переводить на казарменное положение во избежание утечек. Это требуется для прокладки точного маршрута движения. Также будет необходимо в минимальной форме предупредить по мере продвижения партий к местам поиска местные подразделения НКВД для оказания поисковикам содействия с транспортом и продовольствием.

— Жду твоих предложений также через три дня. Успеешь?

— Должен, Коба.

— Иди, работай.

#### **Глава 4. Чем черт не шутит.**

Пока Сталин размышлял над странностью списка о грядущих событиях и проводил встречи по поиску указанных мной месторождений, я в номере задремал. Причем, этот мой сон совершенно не походил на привычный. Меня молниеносно выключили как какую-нибудь электролампу, а потом также включили через пару часов. Тем не менее проснулся я бодрым и полным сил. Такое впечатление, что меня за время сна подзарядили. А может быть, так оно и есть? Время было к шести вечера, и я решил немного пройтись. Не то, чтобы мне это было нужно. Но и привлечь к себе внимание странностью поведения также не хотелось.

А потому пришлось вставать и отправляться на прогулку. Ничего ценного, что можно было бы у меня стащить, в номере не было. А потому я просто оделся и спокойно вышел. Уже в коридоре я обратил внимание на взгляд, которым одарила меня горничная, а потом заметил и молодого паренька, настолько старательно делавшего вид, что считает в окне ворон, что сомнений у меня не осталось. Меня пасли. Причем, не особенно и скрываясь. Да оно в целом и к лучшему. Значит, Сталин воспринял меня по крайней мере настолько серьезно, что сразу из головы не выкинул. Ну а будущее покажет, каким быть нашим отношениям.

Выйдя на улицу, я неспешно пошел по Горького вверх в сторону Маяковки. Меня интересовало все. Хоть Москва и с детства знакомый и родной город, но вот так окунуться в атмосферу за тридцать лет до собственного рождения, это было нечто. Я с жадностью, хоть и стараясь не показывать откровенно вида, смотрел на людей, на здания, даже на древние проезжающие троллейбусы, только начавшие недавно появляться на улицах города.

Наблюдая за жизнью Москвы 30-х годов, я размышлял о том, а что же я знаю про это время из литературы. Именно не в плане власти, политических событий или экономического строительства, а относительно жизни города.

И вдруг меня торкнуло. Да я же попал в Булгаковскую эпоху "Мастера и Маргариты". Моего любимого романа, перечитанного минимум три раза. Вот прямо сейчас или немногим раньше на бульваре встречались Воланд с Берлиозом, а Аннушка проливали масло. Мой любимый персонаж — Кот Бегемот — устраивал переполох в здании Зрелищной инспекции, пожар в Торгсине и Доме Грибоедова, избивал Варенуху в общественном нужнике... А где-то Мастер писал свой бессмертный роман о последних днях Иешуа, и Маргарита носилась на метле над ночной Москвой. И где-то здесь находится та самая "нехорошая квартира", причем в своем первоизданном облике. Более того, я вспомнил, что в экранизации 2005-го года действие романа как раз происходило в 1935-м году. Где-то в конце апреля-начале мая. Хотя вариантов было несколько. Да и сам год в романе был скорее собирательным, чем конкретным. И тем не менее совпадение более, чем любопытное. Ведь если сюда закинули меня таким странным образом, то почему бы не появиться и Воланду с Бегемотом? Хотя нет. Это было бы уже чересчур. Мне бы с обычными проблемами разобраться, не хватало еще мистических. К тому же мне было заявлено при отправке, что между всеми, кто решал, вопрос согласован полностью ко взаимному удовлетворению. Видимо, прижало их там крепко.

Но вот что любопытно. Это ведь в этот раз меня направили. А в моей истории никого подобного не было. Не могло ли получиться так, что в тот раз именно посещение Воландом Москвы направило события по довольно трагическому для России пути? Ведь на тот момент именно политика Сталина привела к напряжению. Основная масса старых большевиков вполне органично вписывалась в проект нового мирового порядка, совершенно не претендую на самостоятельную роль в качестве Игрока. То, что могли предложить им наниматели из Британии, США, Франции и Германии, профинансировавшие революцию, устраивало их вполне. И лишь появление Сталина, захотевшего для России самостоятельной роли, нарушило эту идиллию. Не потому ли и появился в Москве Воланд, когда тенденции стали слишком очевидны? Чтобы, возможно, даже не помешать, а просто оценить шансы.

Или это была еще одна, предыдущая, попытка вырваться из замкнутого круга, приводящего в 21-м веке к тотальному Апокалипсису? То, что Воланд явно ассоциируется с темными Силами, меня не слишком волновало. Мое представление о Мироздании таково, что все в нем тщательнейшим образом сбалансировано. Нет Света без Тьмы, это две стороны одной медали, создающее за счет напряжения между ними все движение мира. Удивительно, но то, с какой иронией и даже симпатией описывал Булгаков нашествие на Москву этих демонических сил, явно указывает на то, что писатель придерживался такого же или очень близкого мнения. Да и пострадали от Воланда и Ко. лишь те, кого к светлой части человечества отнести трудно даже с большой натяжкой. Били, так сказать, только своих. Тех, кто отринул Свет добровольно.

И еще один интересный аспект. Когда-то в Википедии мне удалось в статье о "Мастере и Маргарите" прочитать о следах масонства в этом произведении, найденных некоторыми исследователями романа. Благодаря моей новоприобретенной памяти этот раздел статьи моментально всплыл в памяти.

*Неоднократно упоминалось в различных исследованиях о том, что сюжет романа изобилует масонскими символами, довольно-таки часто перекликается с элементами*

ритуальной практики масонов, которые, как утверждается, берут начало в мистериях древнего Египта и древней Греции, и что это характерно показывает наличие неких знаний Михаила Булгакова о масонстве. Михаил Булгаков мог почерпнуть и отобразить подобные знания от своего отца Афанасия Булгакова, из его работы "Современное Франкмасонство".

Сама трактовка заключена в скрытых аллегорических формах повествования. Булгаковым подаётся нечто связанное с масонством в завуалированной, не явной и полускрытой форме. Таким моментом является преобразование поэта Бездомного из человека невежественного в человека образованного и уравновешенного, нашедшего себя и познавшего нечто большее, чем писание стихиков на антирелигиозную тему. Тому способствует встреча с Воландом, который является своеобразной отправной точкой в исканиях поэта, прохождению им испытаний и встрече с Мастером, который становится для него духовным наставником.

Мастер являет собой образ мастера-масона, завершившего все этапы масонского посвящения. Теперь он учитель, наставник, проводник ищущих Света знаний и истинной духовности. Он автор нравственного труда о Понтии Пилате, который соотносится с зодческой работой, выполняемой масонами в ходе своего познания Королевского Искусства. Он судит обо всём уравновешенно, не позволяя эмоциям одерживать верх над ним и возвращать его в невежественное состояние человека-профана.

Маргарита проходит инициацию в одну из мистерий. Всё описание происходящего, те образы, которые проходят в чередё событий посвящения Маргариты, всё говорит об одном из эллинистических культов, скорее всего о Дионисийских мистериях, так как Сатир предстаёт одним из жрецов совершающим алхимическое соединение воды и огня, которым обуславливается завершение посвящения Маргариты. Фактически, пройдя Большой круг мистерий, Маргарита становится ученицей и получает возможность пройти Малый круг мистерий, для прохождения которого она приглашается на Бал Воланда. На Балу она подвергается множеству испытаний, что так свойственно для ритуалов посвящения масонов. По завершению которых Маргарите и сообщается, что её испытывали и что она прошла испытания. Окончанием Бала является ужин при свечах, в кругу близких. Это весьма характерное символическое описание "Застольной ложи" (агапы) масонов. К слову сказать, к членству в масонских ложах допускаются женщины в чисто женских ложах или смешанных, таких как Международный смешанный масонский Орден "Право человека".

Есть также ещё ряд более мелких эпизодов, которые показывают трактовки и описания масонских ритуалов и общей инициатической практики в масонских ложах.

Так-так. А ведь в этом что-то есть. Я сейчас в середине тридцатых годов. Основные чистки старых большевиков ещё впереди. А значит, большое число ставленников масонских кругов Британии и США все ещё при званиях и должностях. Несколько показательных разгромов оппозиции ничего пока не изменили. Да, как лихо закручен сюжет. Самое плохое, что, даже более или менее зная историю в том виде, как она случилась в моем мире, я не могу до конца понять, насколько сейчас силен Сталин. И насколько он свободен в своих действиях. С одной стороны, Ежов сменит Ягоду уже через полтора года, и, засучив рукава, начнет массовые репрессии. С другой, можно посмотреть на это и иначе — через целых полтора года. А Ягода родственник Свердлова. Свердлов был откровенным ставленником Ротшильдов. Сталин наверняка в курсе, но пока Ягоду не трогает. А тот же Литвинов, нарком Индел? Практически в открытую сливает всю информацию Англичанам и американцам. Но уровень его связей там настолько высок, что Сталин до сих пор его терпит,

несмотря на горы накопленного компромата. И, что совсем любопытно, тот же Ягода этот компромат Сталину на Литвинова и накопал. Как пауки в банке, ей богу.

Взбаламученный всеми этими мыслями, начисто выбившими из меня романтическое настроение, я решил вернуться в гостиницу. Как-нибудь в другой раз дойду до Патриарших. Когда будет "сезон". Но перед тем, как отправиться в номер, надумал зайти поужинать в ресторан. Как и было мне обещано, никакого голода и потребности в еде я не испытывал совершенно. В то же время строение моей матрицы позволяло и выпить и поесть в довольно широких пределах и без каких-либо последствий. А ничего не евший в течение длительного времени человек вызовет не только удивление, но и немалые вопросы. Да и деньги у меня пока были в достаточном количестве.

Отметив мельком знакомую фигуру сопровождающего, на этот раз внимательнейшим образом рассматривающего прохожих на другой стороне улицы, я вошел в ресторан собственной гостиницы и довольно неплохо подкрепился. Выбор блюд и их качество, как и цены, приятно удивили, хотя я понимал, что это для меня так. А большинство простых людей, если и могли себе позволить такой ужин, то лишь по большим праздникам.

В номере я попытался привести мысли в порядок с учетом большей неопределенности момента. Нет, до тех пор, пока у меня не установятся со Сталиным более доверительные отношения, и я не буду понимать степень его независимости от окружения непонятной "ориентации", ничего сверх необходимого он от меня не получит. А тем более никаких планов я ему писать и передавать по почте не буду. Вся информация только из рук в руки. И то аккуратно. Осторожно, конечно, кое на что намекнуть ему придется, безо всяких сомнений он выгадит из меня историю развития будущих событий до наших дней, без этого получится далеко не все, а уж доверия так и вовсе не будет. Но давать информацию придется очень дозировано.

Что у нас сейчас на первоочередной повестке дня? Армейский заговор, срочная подготовка к войне, предотвращение необязательных репрессий среди населения. Вот пока на этом и сосредоточимся. А дальше "война план покажет".

Присев за стол и достав пачку бумаги, я принялся карандашом записывать все, что мне представлялось важным по данным темам. Вы спросите почему карандашом? Уж очень я не люблю перьевые ручки, даже с заправкой. Хотя к середине 30-х годов эти канцелярские принадлежности вполне можно было достать в Москве в ассортименте. Придумать что ли шариковую ручку? А что, это идея. Я быстро набросал на бумаге схематичный рисунок стержня шариковой ручки со всеми необходимыми пояснениями. Я ничего не читал. А потому и не мог вспомнить ничего про состав пасты, но, думаю. Специалисты что-нибудь придумают. А между прочим, ничего получилось. Передам Сталину, он проконсультируется со специалистами, выяснит, что такая конструкция никому в мире еще неизвестна и даст команду разрабатывать. Особенно. Если ему объяснить, что в моем времени только такими все и пишут. И используют их миллиардами.

Отложив рисунок в сторону, я принялся сочинять тезисный список основных исторических событий от тридцатых годов до моего 12-го в 21-м веке. Примерно через два часа список приобрел более или менее законченный вид. С одной стороны, в нем были указаны все значительные события мировой истории с увеличением подробности по мере приближения к текущему (30-м годам) моменту, с другой, он был составлен таким образом, чтобы не содержать никакой опасной информации, способной привести к неконтролируемым последствиям. Да и без дополнительных объяснений логики

происходившего (в моем, разумеется. лице) понять его было бы крайне затруднительно.

Я прекрасно понимал, что, как минимум, до осени, когда должны появиться первые сообщения геологов о найденных месторождениях, Сталин мне не поверит. В том, что он немедленно организует экспедиции, я не сомневался. Он не тот человек, который способен недооценить важность переданной информации. А вот со всем прочим он до последнего будет цепляться за собственное представление о реальности, пытаясь найти всем моим данным рациональные объяснения. В том, что я по очереди побываю у него агентом всех разведок мира, я даже не сомневался. Представляю, как его должно бесить то, что он не способен ничего со мной сделать. Именно потому надо выдавать ему информацию о ближайших конкретных событиях порциями, с заделом на пару-тройку месяцев, максимум полгода. Постепенно это должно приучить его к мысли, что я никогда не ошибаюсь. А вместе с этим и обсуждение других тем станет более конструктивным.

Из событий, ожидающихся в ближайшем будущем, я выделил следующее:

1. 23.04.35 В Польше принимается новая конституция. Президент Мосицкий подписывает ее под аккомпанемент салюта из 101 залпа.

2. 19.05.35 На парламентских выборах в Чехословакии партия судетских немцев (пронацистская) получает 44 места из 300 и становится второй по величине парламентской фракцией.

3. 31.05.35 Во Франции правительство Пьера Фландена, требовавшее предоставить ему чрезвычайные полномочия, отправлено в отставку.

4. 04.06.35 Новое правительство Франции формирует Пьер Лаваль.

5. 07.06.35 В Великобритании консерватор Стэнли Болдуин сменяет Рамсея Макдональда на посту премьер-министра и формирует новое Национальное правительство с Макдональдом в качестве лорда председателя совета, Джоном Саймоном в качестве министра внутренних дел и Сэмюэлем Хоаром в качестве министра иностранных дел.

6. 09.06.35 Парламентские выборы в Греции. Популисты (монархисты) получают 243 места (Либеральная партия бойкотировала выборы).

7. 12.06.35 Официальное заключение перемирия между Парагваем и Боливией — участниками Чакской войны (мирный договор будет подписан в июле 1938 г.).

Ну вот, очередные семь конкретных пунктов из ближайшего будущего готовы. Будет чем озадачить Сталина, который станет пытаться объяснить это кознями разведок. Никакая разведка не способна знать итоги выборов с точностью до одного места в парламенте. А на фоне этого все, что я расписал ему про начало Второй мировой и ее последствия, уже не сможет показаться ему откровенным бредом.

В довершение к этому я опять вспомнил про "пападанку" в 35 год из уже упоминавшейся книги и решил, что приведенный ею пример про Стаханова также заслуживает внимания. Тем более, что в той книге говорилось. Что до момента всенародной известности его трудового подвига о нем никто в Москве не знал, а он сам не знал о планах на подвиг еще за пару недель до свершения. Так что я решил добавить и восьмой пункт:

8. 31 августа-1 сентября вся страна узнает фамилию Стаханова.

Особенно меня прикалывало то, что повод его известности оставался за кадром. Пусть помучаются.

С чувством хорошо сделанной работы, я убрал бумаги под подушку, разделся и лег в



кровать. Свет (сознание) выключили мгновенно.

## Глава 5. Проверка на вшивость.

Несколько последующих дней ничего особенного не происходило. Я был полностью предоставлен самому себе. Утром я спускался в ресторан, завтракал и снова уходил к себе в номер.

Работал, вспоминая все важное, что могло пригодиться в ближайшее время. На самом деле это только так кажется, что абсолютная память дает мгновенный доступ к любой интересующей информации. Здесь дело обстоит точно так же. Как с компьютером, на жестком диске которого вперемешку хранится огромное количество разнородных данных. Попробуй, достань. Особенно, если не в состоянии четко сформулировать свой запрос. Именно это и происходило со мной.

Самый большой объем материала, который я намеревался передать Сталину уже в ближайшее время касался армии. Но вся проблема в том, что я никогда в своей жизни не был военным и даже не особенно интересовался военной историей. В результате при всем своем желании я оказался неспособным передать точные данные по каким-либо видам более современных вооружений, технология изготовления которых позволяла произвести их в текущее время. Да, я знал, что автомат Калашникова является самым популярным и массовым автоматом всего 20-го века. Я неоднократно держал его в руках и даже участвовал в соревнованиях по его частичной разборки на время. Поскольку я обладал теперь абсолютной памятью, то мог легко представить его перед мысленным взором. И даже попробовал его изобразить на бумаге, как целиком, так и в разобранном виде. Но насколько этого окажется достаточным для его производства? Я ведь и понятия не имею, какие марки стали в нем использованы, как устроен автомат в той части, которую мы не разбирали. Решил, что покажу эскизы, а там дальше специалисты пусть сами думают, может ли из этого что-то путное получиться.

Еще меньше у меня было информации по прочим видам вооружения. По сути подавляющее большинство информации была мной почерпнута из книг о попаданцах. Те, как правило, оказывались в нужном месте в нужное время и если не располагали непосредственно вооружением 21-го века, то, как минимум, точно представляли себе все достоинства и недостатки различных систем военного времени. И насчет командирской башенки Т-34, и насчет бронеспинки в каких-то самолетах, да и вообще. А для меня все эти "Ишаки", Миги, Лагги и Яки на одно лицо. Не интересовался я никогда этим вопросом. Единственно, что помнил "своей" памятью, это про Ил-2 как самый массовый и успешный штурмовик Великой Отечественной. Но и про него из "альтернативки" узнал, что сначала, оказывается, он был одноместным, и это было не хорошо. Ну и, разумеется, везде писали про какой-то промежуточный патрон. На уровне логики я себе, конечно, представлял. Что это что-то между пистолетным и винтовочным патроном. Но почему он обязательно должен быть, так и не понял. Видимо, из-за неподходящей длины винтовочного для автоматов. Но это все, на что оказался способен мой мозг. Так что пусть сами думают, нужен он или нет. Я — пас.

А потому я честно переписал из памяти все, что прочитал в книгах, постарался все это сгруппировать по темам, пометил для Сталина, что информация неподтвержденная и взята исключительно из художественной литературы моего времени, и на том успокоился. Своего добавил лишь то, что во время войны у немцев было полуавтоматическое зенитное орудие 88 мм, ставшее лучшим зенитным орудием 2-й Мировой. Причем, как я читал, немцы

производили ее с небольшими изменениями аж с 1928-го года. К 41-му они поставили ее на колесный лафет, придав требуемую мобильность, а затем и вообще сделали на ее основе танк. Знаменитый "Тигр".

А вот свои собственные мысли я направил в совершенно иное русло. Ведь обсуждение войны и ее провала для СССР в самом начале неизбежно должно будет вызвать обсуждение причин. И наверняка Сталин будет интересоваться моим собственным мнением. Точнее через меня объяснениями, которые дадут этим фактам и событиям в будущем. И вот здесь мне было, что добавить от себя.

Я зашел несколько с другого ракурса нежели другие попаданцы. К тому же у меня в отличие от большинства из них оказались лишние 6 лет в запасе. А за это время изменить можно многое.

От себя я выделил несколько основных моментов. Отсутствие в достаточном количестве современного стрелкового оружия, неэффективные танковые системы, слабость которых проявится в 38–39 гг, отсутствие как собственных систем радиосвязи в достаточном количестве, так и систем подавления работы раций противника, слабая боевая подготовка бойцов, а также командиров низшего и среднего звена. И самое главное, катастрофически неправильное отношение к боевым действиям и жизням бойцов и командиров.

В конце я вспомнил про Сергея Павловича Королева. Он ведь еще на свободе и активно трудится в РНИИ под руководством Ивана Терентьевича Клейменова. Уже в следующем, 1936 году они должны испытать не только баллистические, но и крылатые ракеты. Причем, как зенитные, так и дальнобойные. Я даже вскочил от волнения и забегал по номеру. Нельзя ни в коем случае допустить, чтобы эти работы были прерваны. Мне все равно так или иначе через какое-то время придется поделиться со Сталиным секретом атомной бомбы. И если к моменту ее изготовления у СССР помимо стратегической авиации будут еще и ракетные средства доставки боеприпасов, то обороноспособность страны резко скакнет на принципиально иной уровень. Затем мысли на ракетную тему перескочили на знаменитую "катюшу" — 132 мм гвардейский реактивный миномет, наводивший на врага настоящий ужас во времена Великой Отечественной. Как я читал, сама "катюша" была принята на вооружение РККА всего за день до начала войны — 21 июня 41-го. Но ракеты для нее были испытаны уже в 37–38 годах. Причем, все в том же РНИИ. Данная тема разрабатывалась под руководством Георгия Эриховича Лангемака. Необходимо убедить Сталина дать этому институту "зеленую улицу" и оказать всемерную поддержку. А с этим могли быть трудности. Реактивный НИИ считался детищем Тухачевского и серьезно пострадал от репрессий после раскрытия "армейского заговора" и выяснения колоссальной аферы, проводившейся под патронажем того же Тухачевского в КБ Курчевского. Вот про кого тоже нельзя забывать. Хотя и в совершенно противоположном смысле.

На этом я решил закруглиться. И так с учетом всей каши, образовавшейся из "непроверенных" сведений — прочитанной художественной литературы, набралась не самая малая пачка. Даже непонятно, что теперь с ней делать. Оставлять в номере категорически нельзя, а брать с собой, так придется портфель таскать постоянно. Даже в ресторан.

Вечерами я гулял по улицам Москвы, наслаждаясь невозможной в нашем времени чистотой воздуха и совершенно невозможным в наше время количеством одухотворенных лиц на улицах. Контраст с унылым выражением пресыщенности жизнью или глубокой озабоченностью проблемами из моего времени был шокирующим. А ведь большая часть этих людей жили в материальном плане гораздо хуже моих современников. Но они именно жили,

мечтали, работали, учились, спорили до хрипоты. И во всем этом видели глубочайший смысл. Их жизнь была подчинена Идее. Они творили свою жизнь так, как хотели, а не просто безропотно ждали смерти в бесконечной гонке за очередным способом сделать свое существование проще и легче. Конечно, и здесь изредка попадались люди с бегающими лукавыми, вороватыми, жадными или блудливыми глазками. Но на общем фоне именно они выделялись своей явной неуместностью.

Как я и думал, одиночество мое продлилось недолго. Как только истек срок всех событий, указанных мною в первом списке, про меня "вспомнили".

Мое регулярное появление на улице и в ресторане с портфелем, чего не было в первые два дня, видимо, вызвало какую-то передачу данных по инстанции и маховик активных событий начал раскручиваться.

26 марта сразу же после завтрака, когда я уже направлялся в номер, ко мне подошел молодой капитан в форме НКВД и, узнав, что я и есть Сидоров, попросил сегодня никуда не отлучаться. За мной заедут после обеда. Я поблагодарил и пошел готовиться к новой встрече с Вождем. В том, что ехать придется к нему, я не сомневался. Но уже начав подниматься по лестнице, я вдруг почувствовал какое-то смутное беспокойство. Не угрозу или серьезную опасность, а именно беспокойство. Что-то во взгляде капитана меня интуитивно насторожило. Развернувшись и сказав капитану, что в таком случае мне стоит немного прогуляться сейчас, пока есть время, я вышел на улицу и потопал к ближайшей аптеке. Не знаю, удивила ли моих наблюдателей покупка лейкопластыря и зеленки, но выбор мой был именно таким. Известный с середины 19-го века липкий пластырь, который уже в 21-м году приобрел свое название "лейкопластырь", ставшее нарицательным, но на самом деле являвшееся торговой маркой немецкой фирмы "Байерсдорф", свободно продавался в аптеках Москвы 35-го года, хотя и оставался некоторой экзотикой из-за своей дороговизны по сравнению с бинтами.

После аптеки я еще немного прошелся, чтобы не создавать видимость целенаправленного выхода в аптеку, а затем вернулся в номер.

Смысл моих манипуляций и покупок был прост. Встреча с капитаном НКВД в форме предупредившим о поездке, заставила меня задуматься о гарантиях сохранности документов. За последние несколько дней я немало экспериментировал с различными вариантами перемещения и выяснил одну интересную закономерность. Никакой предмет, не относящийся к моей матрице, переместить вместе с собой было невозможно. За исключением того, что на мне надето. Очевидно, одежда автоматически становилась частью матрицы, к тому же я спокойно мог ее менять мысленным приказом, если был в состоянии четко себе представить то, что я хотел. С одной стороны, это было очень удобно — не надо было заморачиваться со стиркой. Но, с другой, максимум того, что я мог взять с собой должен был уместиться в карманах. Так что мой давешний отправитель-искуситель слегка слукавил. Ограбить Форт-Нокс при желании я всем же мог, но для этого пришлось бы перетаскать 17-ти килограммовые слитки в своих карманах по одному-два. Для личного использования это было бы немало, но для государственных проектов — ничто. А потому я задвинул эту идею далеко и надолго. Применительно к моей нынешней ситуации меня волновал портфель. Я, конечно, не собирался демонстрировать свои возможности перед чекистами. В первую очередь потому, что мне было бы жалко их самих. Едва ли кто-то из них остался бы на свободе после того, как увидел меня, растворяющимся в воздухе. Соответственно, ничего страшного в бумагах в портфеле не было. Но только в том случае,

если бы меня действительно повезли прямо к Сталину. А в гарантированности именно этого варианта я как-то засомневался. От Вождя вполне можно было ждать какой-нибудь проверочной пакости. В таком случае пришлось бы уходить. И при этом портфель оказывался трофеем тех, кто меня вел. А это мне было совсем не интересно. А потому я решил, что бумаги все время должны находиться при мне. Я распределил исписанные листы примерно на две равные пачки, задрал штанины (Слава Богу по нынешней моде они были достаточно широки) и принялся пластырем приматывать листы к ногам. Посмотрел по завершении этого действия на себя в зеркало, прошелся по номеру и решил, что все нормально. Оставалось только ждать.

Как же права оказалась моя интуиция.

Сталин еще накануне вечером, получив последнее срочное сообщение о том, что в своей речи Гитлер действительно нелюбезно и недружественно отозвался о СССР, поставил на том самом листке пятую галку и задумался. То, с какой точностью исполнились в срок все пять предсказаний, его слегка напрягло. Даже с учетом невероятности появления и последующего исчезновения этого неизвестного "Сидорова", а к тому моменту Сталин уже знал, что такого человека реально не существует, и что его совсем не удивило, он до самого последнего момента психологически надеялся, что всему происходящему найдется какое-то более или менее вразумительное и рациональное объяснение. Ему когда-то в ссылке довелось прочитать роман Уэллса "Человек-невидимка", так что даже невидимости его мозг пытался представить как неизвестное научное достижение. Что же касалось исчезновения, то в нем Сталин пока даже не был уверен. Ведь никаких железных доказательств этого феномена пока предъявлено не было, а одних слов самого Сидорова было мало. Он вполне мог невидимым выскочить из кабинета, когда в него заходил секретарь, и добежать до гостиницы раньше, чем было выставлено наблюдение. В последующие дни Сидоров по докладам вообще вел себя как нормальный человек, в котором нет ничего необычного. Наблюдатели лишь отмечали его интерес ко многим совершенно обычным вещам на улицах, выдававший его "неместность", которая могла быть вызвана приездом в Москву в первый раз.

А потому Сталин действительно задумал устроить Сидорову проверку. Больше всего пришлось думать над тем, кому именно он мог это поручить. Ведь как раз в результате проверки Сидоров был просто обязан проявить свои уникальные таланты, а значит, неизбежно оставлял свидетелей феномена. Не то, чтобы Сталину было очень жалко потенциальных жертв, но, как рачительный хозяин, он считал, что допускать жертвы стоит только по необходимости. Следовательно, надо было выбирать сразу таких людей, которых и дальше можно было бы использовать по делу Сидорова, если только он не окажется агентом, мошенником или сумасшедшим. А потому подбор людей для проверки Сталин поручил подобрать не Ягоде, а Власику. При этом отобранных им командиров он инструктировал лично.

Примерно в два часа пополудни за мной пришли. Открыв на стук дверь, я увидел давешнего утреннего капитана и с ним одного лейтенанта.

— Вы готовы, товарищ Сидоров? Одевайтесь, нас уже ждут.

— Вот сейчас все и решится, — подумал я, одевая пальто. — Я готов.

— Мы спустились на улицу и мне предложили садиться в машину, стоящую перед входом на заднее сиденье.

Уже залезая, я понял, что интуиция меня не обманула, и проверка все-таки будет. В

машине прямо за водителем уже оказался сидящим еще один лейтенант, второй легко подтолкнул меня в машину и мгновенно залез сам. Я оказался зажатым между ними.

— По фильмам знакомо. А испытать подобное на собственной шкуре, это довольно сильное ощущение, подумал я, глядя, как на переднее сиденье усаживается капитан.

— Трогай.

Машина довольно резво взяла с места и понеслась в сторону Кремля. — Неужели ошибся?

Но нет. Мы хоть и въехали в Кремль, но устремились к совершенно иному зданию. Когда мы остановились, меня довольно вежливо, но крайне решительно попросили пройти с моими сопровождающими внутрь. И хотя путь наш пролегал в подвальные помещения, я оставался совершенно спокойным. Ситуация меня скорее забавляла. Было интересно посмотреть, как будут развиваться события дальше.

— Садитесь, — показал мне капитан на стул, одиноко стоявший напротив стола, за который уселся он сам. Лейтенанты остались снаружи.

— Ну прямо камера пыток, — чуть не рассмеялся я про себя, изо всех сил стараясь удерживать на лице серьезное и даже слегка скорбное выражение, смешанное с легким удивлением.

— Итак, товарищ Сидоров или как Вас там, не желаете рассказать кто Вы такой на самом деле, и когда были завербованы английской разведкой? — Капитан набычился и принялся сверлить меня тяжелым взглядом.

— Да, такой страху на кого хочешь нагнать может, силен, — подумал я.

— И что же Вас заставляет так думать?

— А ты что же, думал, мы работать не умеем? Не сможем твои данные так быстро пробить? Нет никакого инженера Сидорова в Свердловске. И никогда не было.

— Да, странно, а такой большой город, казалось бы, — улыбнулся я.

— Хватит кривляться, — бухнул по столу кулаком капитан: — Отвечай или будет хуже.

В этот момент раздался стук в дверь, и в камеру заглянул один из лейтенантов.

— Товарищ капитан, Вас к телефону, срочно.

— Посидите и подумайте над своей возможной участью, товарищ "Сидоров". Я сейчас вернусь и лучше бы Вам прекратить "ваньку валять" и начать отвечать серьезно. А то ведь стиль разговора легко может и измениться.

Дверь хлопнула, потом раздался щелчок закрываемого замка и удаляющиеся шаги. Я остался один.

— Ну все, хватит. Больше ничего интересного мне здесь не светит, пора возвращаться в номер. Все, что я хотел выяснить, я выяснил. Относились ко мне довольно предупредительно. Даже ни разу по роже не съездили. Хотя бы для профилактики. Только и дали понять, что они не лаптем щи хлебают. А вызов капитана из номера скорее всего и был сделан для того, чтобы я "ушел". Не случайно он даже дверь закрыл, чтобы никто не из лейтенантов не увидел. Ай, да Сталин, все ведь предусмотрел. Теперь никаких явных доказательств моей удивительной способности к перемещению ни у кого нет. При желании всегда можно обвинить и капитана, и лейтенантов. Они теперь на плотном крючке.

Все эти размышления по большей части уже происходили на кровати в номере, куда я бухнулся, даже поленившись раздеться. Был уверен, что это ненадолго. Скоро за мной приедут и на этот раз уже должны повезти к "Хозяину".

Я оказался прав. Видимо, не обнаружив меня в камере, где оставил, капитан даже не

слишком удивился. И уж точно знал, где меня искать. Уже минут через двадцать в дверь номера раздался новый стук. На этот раз капитан был один.

— Пойдемте.

На его лице был виден неслабый интерес, с которым он рассматривал меня, хотя он и пытался его всячески скрыть за маской невозмутимости.

Больше никаких происшествий не было, и уже через десять минут Поскребышев по телефону докладывал: — Товарищ Сталин, прибыл товарищ Сидоров.

— Пройдите, — это уже мне.

— Ну что же, посмотрим, как меня теперь встретит товарищ Сталин, — подумал я, вступая в кабинет, знакомый мне по прошлому разу.

## **Глава 6. Новая встреча.**

— Ну что же, посмотрим, как меня теперь встретит товарищ Сталин, — подумал я, вступая в кабинет, знакомый мне по прошлому разу.

— Проходите, товарищ Сидоров, присаживайтесь. Приятно, что Вы можете посетить нас как обычный человек через дверь. К тому же дождавшись приглашения. Надеюсь, Вы не очень обиделись за эту маленькую инсценировку, что мы Вам устроили?

— Совсем не обиделся, товарищ Сталин, скорее я был бы несколько разочарован, если бы ее не было.

— Даже так? Поясните, пожалуйста.

— Дело в том, что любой правитель, а я считаю вас исключительно талантливым и сильным правителем, должен быть немного параноиком. В противном случае он не сможет оставаться им сколько-нибудь длительное время.

— Не правителем, руководителем, товарищ Сидоров. Правителей в СССР нет, есть коллективное партийное и советское руководство. Которому народ доверил страну.

Я оговорился специально, зная, что Сталину должно польстить то, что его назвали правителем.

— Извиняюсь за оговорку, товарищ Сталин. Так вот. Я считаю Вас очень сильным руководителем. После нашей первой встречи у Вас объективно не хватало информации обо мне и моих заявленных способностях. К тому же ни один руководитель не сможет легко смириться с тем, что на подведомственной ему территории появляются какие-то люди или обстоятельства, которые ему неподвластны. Вы просто обязаны были максимально выяснить мои реальные возможности и попытаться поставить меня под контроль, чтобы дальнейшее общение происходило на Ваших условиях.

Сталин усмехнулся. — А Вы, значит полагаете, что общение должно происходить на Ваших условиях, товарищ Сидоров?

— Отнюдь, товарищ Сталин. Мои возможности были даны мне не по моему настоянию. Но и отказываться от них я не собираюсь. Я хочу максимально корректного со своей стороны сотрудничества с Вами, проявляя максимальное уважение к Вашей позиции и положению.

— Вы обещали нам написать план, почему Вы не выполнили свое обещание, товарищ Сидоров? Это не лучший способ начинать сотрудничество.

— Товарищ Сталин. Я подготовил за этот дни для Вас большой пакет информации. Вот он. Извините. — С этими словами я нагнулся, задрал штанины, оторвал листы от ног и протянул их Сталину.

— А почему такой интересный метод хранения?

— Дело в том, что я подозревал, что будет проверка и мне, возможно, придется воспользоваться перемещением. Но при этом я не могу переносить что-либо в руках. Если бы документы были в портфеле, то он остался бы лежать в камере. И их мог бы увидеть тот, кому они не предназначались. А мне бы этого не хотелось. Что же касается плана, то его пока нет. Дело в том, что план подразумевает взаимное доверие и согласование действий, а доверие ко мне у Вас появится не раньше, чем будут первые результаты от геологов. А это не раньше осени. Пока же я передаю вам ту информацию, которая актуальна и поможет стране в подготовке к войне. Есть там и кое-какая информация касающегося некоторых новых будущих событий. Как только между нами установится взаимное доверие, наше общение может стать более полноценным.

— Но такие отношения возможны лишь на основе взаимного доверия, товарищ Сидоров. А какое может быть доверие к человеку, появляющемуся ниоткуда и исчезающему в никуда, да еще прикрывающемуся фальшивым именем. Вы же не станете скрывать, что Вы такой же Сидоров, как я Иванов?

Это был легкий намек на то, что Сталин часто любил, звоня кому-то, представляться именем "товарища Иванова".

— Расскажите нам, кто Вы есть на самом деле? Вы русский? Если Вы из будущего, то Ваши предки должны сейчас, по видимому, проживать в СССР. Если Вы, как Вы говорили 63-го года рождения, то Ваши деды должны сейчас уже быть взрослыми людьми, а возможно уже есть и Ваши родители. Кто они? — Тут Сталин уставился на меня с жестким прищуром.

— Извините, товарищ Сталин, но этого я Вам не скажу. И дело здесь не в недоверии к Вам лично. Я собираюсь вернуться в свой собственный мир, хотя это и будет очень нескоро. И мне было обещано, что пославшие меня присмотрят за моими предками, чтобы с ними лично в результате смены истории ничего не случилось. Если я Вам назову их имена, то Вы даже при всем своем желании не сможете удержаться от того, чтобы проверить о них мою информацию. А это значит, что Вы будете вынуждены сообщать их данные органам, информация пойдет по инстанциям и коснется множества людей. Я не опасаюсь, что их признают врагами народа и троцкистами, силы пославших меня хватит, чтобы этого не допустить. Но даже Ваше благожелательное внимание может кардинально изменить их судьбу. От дураков не застрахован никто. Кто-то, увидев Ваш интерес, захочет прогнаться и выслужиться перед руководством, куда-нибудь их двинет или задвинет, и все. Жизнь пойдет по совершенно иному пути. А этого бы я не хотел. Все, что я могу сказать, это то, что я — русский, обе мои бабушки из рабочих семей. Оба деда — военные. Пройдут командирами всю войну. Один так вообще с первого до последнего дня. От нашей границы, от Бреста и до Берлина и Праги. Второй — детдомовец, в армии будет с юности и до последнего дня жизни, проживя долгую и интересную жизнь. Оба никогда не участвовали ни в каких оппозициях или уклонах. Я не стесняюсь, а горжусь их именами, но не хочу, чтобы их трепали. Да и сам даже боюсь с ними встречаться, чтобы невольно ничего не изменить. Думаю, этого достаточно.

— Да, товарищ Сидоров, такую позицию трудно назвать полным доверием. Но мы вас понимаем. Давайте пока отставим эту тему. А как Ваше настоящее имя. Хотя бы именно имя.

— Алексей.

— Ничего, если тогда я буду называть Вас товарищ Алексей?

— Не возражаю. Напротив мне это даже будет приятно. Звучит как настоящая

партийная кличка.

— Хорошо. Товарищ Алексей. Вы упомянули войну. Судя по Берлину и Праге, Вы говорили о войне с Германией? Когда она будет? И каковы будут ее причины? Вообще, расскажите нам о будущем. Из какого года, Вы говорите, Вы прибыли?

— Из 2012-го, товарищ Сталин. А события нас ожидают следующие. У Вас есть время товарищ Сталин?

— Рассказывайте.

— Я пока постараюсь изложить только факты с минимальным добавлением собственных предположений. Через несколько лет нас ждет новая Мировая война. Она была запрограммирована задолго до 30-х годов. Сразу же после подписания Версальского договора об окончании Первой Мировой Ллойд Джордж говорил: "У нас на руках письменный документ, гарантирующий нам войну через двадцать лет... Если предложить народу (Германии) условия, которые он ни при каких условиях не сможет выполнить, то он либо непременно будет нарушать договор, либо начнет войну".

В феврале 1936 года в Испании неожиданно для всех победу на парламентских выборах одержат левые партии во главе с Народным Фронтом. Этого никто не будет ожидать, поскольку электорат правых будет намного больше, особенно в сельской местности. Но никто не учтет, что февраль для Испании время полевых работ. Правый электорат просто частично не придет на выборы. В результате уже в июле 36-го произойдет правый переворот во главе с генералом Франко. Начнется Гражданская война. СССР окажет поддержку свергнутому республиканскому правительству, в том числе оружием и добровольцами. Напротив, Англия, США и Франция неявно, а Германия в явной форме встанут на сторону пугачистов. Война продлится до апреля 39-го и закончится поддержкой Франко.

Параллельно в октябре этого (35-го) года Италия начинает вторжение в Эфиопию и захватывает ее уже к маю 36-го.

В январе 36-го Муссолини дает согласие Германии на аннексию Австрии. В марте 36-го Германия в одностороннем порядке занимает демилитаризованную Рейнскую зону, а в уже ноябре Германия и Япония заключают антикоминтерновский пакт о борьбе с коммунизмом. В марте 37-го к ним присоединяется Италия.

Через год в марте 38-го Германия беспрепятственно присоединяет к себе Австрию, а в октябре этого же года аннексирует Судетскую область Чехословакии. Это способствовал договор с Германией с Британией, позже получивший название "Мюнхенский договор", подписанный 30 сентября. Франция осталась в стороне, в результате по положениям подписанного в 35-м году договора СССР не смог оказать Чехословакии какую-либо помощь. В марте 39-го Германия оккупирует Чехословакию. В разделе Словакии участвуют Польша и Венгрия. Перед этим в феврале Венгрия присоединяется к Антикоминтерновскому пакту, в марте после окончания гражданской войны так же поступает Испания. В апреле Италия захватывает Албанию.

Понимая, что война неизбежна, СССР по предложению Германии в августе 39-го года в Москве заключает на очень выгодных для себя условиях договор о взаимном ненападении и разделе Польши. СССР получает также Прибалтику.

В Азии идут параллельные события. В июле 37-го Япония начинает из Маньчжурии наступление на внутренние районы Китая. В течение 38–39 годов происходят также несколько вооруженных столкновений между СССР и Японией на Дальнем востоке. СССР выходит из них победителем, но действует недостаточно уверенно для полной гарантии



дальнейшего спокойствия.

1 сентября 39-го года Германия оккупирует западную часть Польши. Англия и Франция, имевшие договор с Польшей объявляют войну Германии. Ближе к концу сентября. Опасаясь несоблюдения Германией договора, СССР также вводит войска в восточную Польшу и Западные Украину и Белоруссию. В конце сентября подписывается договор о дружбе между Германией и СССР, разграничивающий зону влияния обоих государств.

США и Япония заявляют о своем нейтралитете в европейской войне. Но начнется война между ними.

На протяжении 38–39 гг СССР ведет с Финляндией переговоры об уступке ему части Карельского перешейка и аренде нескольких островов на Балтике. Цель — отодвинуть границу от Ленинграда и тем самым его обезопасить. Но переговоры срываются по вине Англии, которая старалась этому всячески помешать. В конце ноября 39-го года СССР начинает против Финляндии военные действия, за что нашу страну исключают из Лиги Наций. Бои продолжаются до марта 40-го года, когда СССР смог прорвать линию Маннергейма. В марте подписывается мирный договор на советских условиях. Но ход самой войны выявил множество слабостей в РККА, в результате которых было множество неоправданных потерь войск и техники. И что в последствии окончательно убедило Гитлера в легкости войны против СССР.

В апреле 40-го Германия захватывает Данию и Норвегию, а уже в мае Бельгию, Нидерланды и Люксембург.

В июне Италия, также объявившая войну Франции и Англии совместно с Германией начинают захват Франции. Уже 22 июня Германия и Франция подписывают перемирие, по которому Большая часть Франции оккупируется Германией, сухопутная армия распускается, военный флот и авиация интернируются. В июле во Франции создается марионеточное прогерманское правительство. Париж объявлен открытым городом.

Гитлер начинает воздушную войну с Британией. Но сила английских сил ПВО оказывается такой, что захватить господство в воздухе и начать наземную операцию у Германии не получается.

22 июня 41-го Гитлеровские войска вероломно нападают на СССР. Так началась Великая отечественная войны, продлившаяся до мая 45-го. В начале войны оккупантам удается захватить значительную часть европейской части СССР. К концу осени фронт проходит в 20–30 км. от Москвы. Ленинград попадает в блокаду, продлившуюся аж до января 44-го. Всего в войне СССР потерял более 20-ти миллионов человек, среди которых большой процент было мирным населением.

Тут я немного прервался и попросил воды.

— Да, конечно, — автоматически сказал Сталин, встал и по телефону распорядился принести нам чай. Было видно, что его мысли сейчас очень далеко, а желваки на скулах находились в постоянном движении.

— Но мы победили?

— Да, товарищ Сталин, мы победили, хоть за это и пришлось заплатить столь дорогой ценой. Война завершилась в Берлине полной капитуляцией Германии.

Тут неслышно вошел секретарь, поставил перед нами чай и так же тихо вышел.

— Что было потом?

— Потом началось восстановление страны. Долгое и кропотливое. Вскоре после Вашей смерти к власти пришел Хрущев...

— Когда? — резко бросил Сталин, явно испытывая волнение.

Я понял, что он имеет в виду не Хрущева, а себя.

— В 53-м. Еще есть достаточно времени, чтобы многое исправить, товарищ Сталин.

— Продолжайте.

— Шапка оказалась не по Сеньке. Хрущев оказался неплохим интриганом, чтобы захватить власть, но никудышным руководителем, чтобы справиться со всеми проблемами управления страной. В результате он пошел самым простым путем — объявил о разоблачении культа личности Сталина и обвинении его в массовых репрессиях против народа. Тем самым, будучи человеком совершенно иного калибра, он хотел избежать явно невыгодного для него сравнения с Вами.

— А что за массовые репрессии?

— Я хотел бы обсудить этот вопрос подробнее позже, пока лишь скажу, что в 37–38 годах, назначенный Вами на смену Ягоде Ежов, стараясь выслужиться, начал масштабные аресты среди населения. Делалось это под видом борьбы с троцкизмом и прочими видами оппозиции. А на самом деле получилась безумная каша, в которой на основании простых анонимных доносов большого числа корыстолюбцев из разных слоев массы людей были арестованы и осуждены на длительные сроки заключения. Кто-то хотел занять высвобождающуюся таким образом должность. Кто-то увеличить жилплощадь за счет арестованных, а кто-то просто наслаждался властью. Делалось это без какого-либо суда. Причем, среди осужденных было большое количество честных и порядочных командиров РККА, инженеров, ученых и даже простых рабочих. Многие были расстреляны.

Сталин явно выглядел крайне раздраженным. Было видно, что ему очень не нравилось то, что я говорю. Он действительно уже некоторое время с неудовольствием смотрел на работу Ягоды и думал его сменить. Причем, в качестве преемника видел именно Ежова.

— Хорошо, вернемся к этому вопросу позже. Что было дальше? С Хрущевым.

— Для лучшего понимания того времени скажу, что в конце войны американцами было испытано новое страшное оружие — атомная бомба, способная одним ударом смести с лица земли целый город. Но еще хуже то, что после его применения оставалось излучение, которое на протяжении длительного времени продолжало убивать людей. У СССР такая бомба появилась в 49-м. После этого мир сильно изменился. Обычные войны стали невозможны. Любая война практически гарантированно вела у гибели если не всего, то большей части человечества. Вместо этого появилось новое понятие — Холодная война. Между СССР и социалистическими странами восточной Европы и Китая, с одной стороны и Западным блоком стран, с другой. Главной страной Запада стали США, не воевавшие на своей территории и хорошо нажившиеся на поставках воюющим сторонам.

В течение многих лет оба блока стремились максимально наращивать свой военный потенциал ядерного оружия и средств его доставки. На это уходили колоссальные средства. Первый кризис возник в октябре 62-го года, когда СССР попробовал разместить ядерные ракеты на Кубе. В результате впервые возникла реальная угроза глобальной ядерной войны. Обе стороны шли на принцип. Ситуация настолько была взрывоопасной, что испугала на Западе тех, кто обладал реальной властью, оставаясь в тени марионеточных правительств. В результате через низовые дипломатические каналы и спецслужбы удалось разрешить этот кризис. Каждая сторона объявила себя победителем, хотя на самом деле это был компромисс. СССР удалил ракеты с Кубы, а США были вынуждены сделать то же самое со своими ракетами в Турции.

После Карибского кризиса, хотя это даже в мое время не подтверждено официально, начались разговоры о сближении позиций. Хрущев несколько раз даже употребил выражение "мировое правительство". Было очевидно, что идут переговоры о разделе сфер влияния. Но, видимо, в кризис все поняли, насколько опасна угроза подобной войны и не простили тем, кто его устроил. В 63-м в покушении погибает тогдашний президент США Кеннеди и меньше, чем через год в СССР смещают Хрущева. Следующий Генсек Брежнев оказался гораздо более дальновидным. Он сумел практически на все места в Политбюро рассадить своих людей, причем создав из них две не очень довольные друг другом фракции. Одновременно в 70-е годы начинаются практические шаги по сближению с Западом. При этом обе стороны продолжают активно наращивать оборонный потенциал. Этот процесс получил название "гонка вооружений". Процесс был настолько масштабным, что резко подорвал всех. Уже в 60-х годах начинает активно разваливаться колониальная система Запада. В начале 70-х освободившиеся страны Африки и Ближнего Востока создают организацию "ОПЕК", призванную регулировать цены на энергоносители, занявшие очень важное место в мировой экономике. В результате цены на нефть взлетели многократно, что резко подорвало экономический потенциал Запада. В середине 70-х даже был момент, когда СССР мог надавить Запад экономически и взять на себя глобальную ответственность за весь мир. Но тогдашнее руководство побоялось. Видимо, в том числе и войны. Такая неуверенная позиция привела к обратному результату. Запад поменял экономическую стратегию, которая позволила ему резко усилить свои позиции и уже в свою очередь начать давить на СССР экономически. А главное идеологически. Барство и непогрешимость советской номенклатуры с тех пор, как при Хрущеве органам запретили собирать компромат на чиновников и их семьи, стали вызывать все возрастающее недовольство народа. К тому же гонка вооружений съедала почти все ресурсы, потребительский набор товаров, доступных простому человеку, был явно недостаточным, особенно в сравнении с тем, как жили люди в Западных странах. Там в результате масштабной кредитной экспансии потребительский сектор рос как на дрожжах. И все это прорывалось к нам в фильмах, книгах, рассказах туристов. В результате в 85 году после смерти Брежнева в 82-м и еще нескольких смертей столь же престарелых членов Политбюро, его сменивших, партию возглавил относительно молодой Горбачев, стремившийся по его же собственным словам, уничтожить СССР и социализм. В 91-м году СССР распался. Хотя то, как это произошло, позволяет мне думать, что процесс готовился долгие годы, и что сам Горбачев стал не более, чем выдвинутой на свет марионеткой. Помимо того, что страну стремительно разворовали, строя "светлое капиталистическое завтра", одновременно с этим начались процессы, которые должны были в перспективе просто уничтожить Россию, как теперь стала называться страна. В каком-то смысле наши времена очень похожи, товарищ Сталин.

— Что Вы имеете в виду, товарищ Алексей?

— У Вас среди членов партии, в том числе руководящих, есть большое количество троцкистов, имеющих совершенно иной взгляд на будущее нашей страны. Им не нужна Россия, позвольте мне так ее называть, сильная и независимая ни от кого страна, идущая своим путем и строящаяся во благо всего народа. Эти группы имеют тесные связи с Западом, хранящие там немалые суммы средств, уворованные у государства и репрессированных ими по подложным документам сограждан. Этим людям Россия нужна исключительно как сырьевой придаток и силовая дубинка, с помощью которых они могут пугать друг друга и всех тех, кто им не подчиняется. Ведь в немалой степени именно этому служат и Коминтерн

и многие другие организации. У нас все то же самое. Под лозунгом уничтожения коммунизма разворовано все, что создавалось при социализме не одним поколением наших предков. Затем этого показалось мало, и был обворован народ. А все, что делалось, проходило под лозунгами борьбы за свободу и демократию. Даже термин такой появился — либерастия.

— Это что за зверь?

— Это соединение понятий либерализм и педерастия.

— А второе разве не наказуемо?

— Увы, товарищ Сталин, как страну развалили, так и запрет сняли. Теперь у нас это почти вроде обязательной программы для попадания на хорошую должность. Такую силу набрали, что только и делают, что борются за свои права, что выражается в постоянной пропаганде своего уродства. И ведь у нас еще ничего, на Западе уже даже слова "отец" и "мать" законами запрещают. Требуют называть "родитель номер один и номер два".

— Жуткий у Вас мир.

— Да уж, но я продолжу. Наша так называемая элита держит все свои деньги на Западе, там же учит своих детей, а понятие государственной тайны и предательства Родины давно превратилось в фикцию. Единственная наша принципиальная разница в людях. Здесь подавляющее большинство людей горят духовно. Они готовы терпеть трудности и неудобства ради построения великой страны, своей страны. И руководство в Вашем лице этому всячески способствует и организует народ именно на это. В том числе и в деле борьбы с врагами. А наш народ уже давно стал аморфной массой людей с потухшим взором, не хотящей ничего, кроме древнеримских "хлеба и зрелищ". Руководство страны, даже если и понимает всю пагубность происходящего, просто элементарно боится чихнуть против Запада, фактически находясь у него в заложниках. Да и нет никакого единства в нашем руководстве. Лебедь, рак и щука, одним словом. Только между собой и грызутся. За власть, за деньги, за влияние.

— Да, что-то похожее есть, но почему Вы говорили в первый раз, что ваш мир стоит на грани апокалипсиса.

— Фактически в мире осталась одна Сила, хотя она и неоднородна. Эта сила владеет почти 100 % всех мировых денег, производств и ресурсов. А ресурсы очень быстрыми темпами истощаются. В результате появилась теория, что население стало слишком большим и его требуется радикально сократить. В десять раз. В качестве крайней меры выбрана мировая ядерная война. Но перед этим используется большое число иных методов воздействия. Например, химически вызываемое бесплодие, внедряемое через генно-модифицируемую еду, популярные напитки и медицинские прививки якобы от различных болезней. Параллельно разрабатываются биологические микроорганизмы, способные поражать только определенную часть населения по расовому признаку. И все это на фоне уже начавшейся катастрофической нехватки пресной воды и продуктов питания. По словам пославшего меня самостоятельно наш мир уже из пропасти не выползет. Для этого нет главного — движущей силы, способной изменить траекторию цивилизации. Вот вкратце пожалуй и все.

— Вы нарисовали мне крайне печальную картину будущего, товарищ Алексей. — Было видно, что Сталин не находит себе места и раздражен. Ему явно не хотелось верить в подобную перспективу. Он встал и начал ходить по кабинету.

— Значит, Вас прислали к нам для того, чтобы все исправить? Чтобы изменить

будущее? Так, товарищ Алексей?

— Так, товарищ Сталин.

— Оставим пока в сторону вопросы доверия к Вашим словам, примем их за аксиому. — Сталин, обойдя стол, подошел и встал у меня за спиной. Я физически стал ощущать его давление, принуждающее меня наклоняться вперед. А в спину летело:

— Значит наши потомки, доведя свой мир до последней черты, перепугались и решили прибежать к своим предкам за помощью? Или, напротив, учить нас жизни? Как нам поступать в тех или иных случаях? А что дает вам такое право? Если вы не смогли защитить страну, построенную нами, если вы не смогли, по Вашим же словам, сохранить даже единство народа и тот огонь, который мы в нем зажгли. Если вы разворовали все, нами сбереженное. Ответьте мне, товарищ Алексей, зачем Вы здесь?

Я понял, что если сейчас не найду правильных слов, то наши отношения со Сталиным никогда не смогут быть не то, что равноправными, но даже заставить прислушаться к себе, мне станет невозможно.

— Что дает мне такое право, товарищ Сталин? Я отвечу. Во-первых, это право предоставлено мне теми, что стоит над нами. А судя по моим необычным возможностям, они могут многое и имеют право на многое. Я не знаю, почему выбрали именно меня. Но раз это произошло, значит какие-то основания для этого есть.

Во-вторых, мой жизненный опыт. Не смотрите на мое молодое тело, полученное в качестве бонуса, я почти одного возраста с Вами. Если хотите, я буду выглядеть мудрым стариком-аксакалом. — При этих словах я резко изменил свою внешность на благородный облик китайского старика-учителя из какого-то фильма. Сталин даже отпрянул от неожиданности. — И не только мой возраст дает мне такое право. Мой жизненный опыт, конечно, далек от Вашего, я не закален в аппаратных боях за власть, я по сравнению с Вами хреновый организатор, но умение выживать на протяжении двадцати лет в постоянно меняющихся условиях, умение анализировать происходящее, докапываясь до первопричин, стоят немало.

Я вернулся к привычному уже образу молодого человека и продолжил:

— В-третьих, это владение теми знаниями и той информацией, которая Вам недоступна. В моем времени многие элементы мировой мозаики и управляющих сил, которые сейчас скрыты и являются тайной, проявились и выплыли на поверхность. А потому есть возможность воевать с настоящим Врагом, а не с ветряными мельницами, построенными им во множестве и разнообразии.

И, наконец, в-четвертых, я сюда попал не своей волей, хотя и своим согласием. И мне теперь придется, хочешь — не хочешь, провести в Вашем времени почти 80 лет. Мне совершенно не улыбается все это время висеть в небе туманным облачком, взирая на постепенную гибель мира в древнерусской тоске и не имея возможность что-либо исправить. Как не улыбается и то, чтобы постоянно являться к вам призраком, укоряющим за сделанные ошибки или не сделанные необходимые вещи.

Выпалив все это, я решил под конец несколько подсластить пилюлю и, взглянув на стоящего в полном обалдении Сталина, добавил: — Вы совершенно правы, товарищ Сталин. Не дело потомкам, угробившим свой мир учить предков, сделавших столь многое, чтобы этого не случилось. И речь не об этом. Я Вам нужен ничуть не в меньшей степени, чем Вы мне.

— Да? А почему вы так решили?

— У Вас тяжелая ноша, товарищ Сталин, которую приходится тащить в одиночку. Все Ваше окружение состоит из двух типов людей. Одни, не боящиеся высказывать и защищать собственное мнение, амбициозны и сами хотят власти. Вторые, Вам преданны, но по той же причине не способны Вам перечить. Они будут кивать, соглашаться, пытаться угадать Ваше собственное мнение. А не угадав, будут легко отказываться от своего, только что высказанного, даже не пытаясь его аргументировать и отстоять. Потому как всеми ими движет личная мотивация, личные интересы. Те, которые в это не вписываются, скоро попадут под каток репрессий. В результате Вы постоянно лишены нормального независимого от Вас оппонента, с которым можно поспорить, не боясь проиграть и который в свою очередь не боится и ничего не хочет. В моем случае Вы имеете такой шанс. Как и я в Вашем лице имею такой шанс выполнить свою миссию. Нравится Вам это или нет, но ни в Ваше время, ни позже нет ни одного человека, сравнимого с Вами по масштабам личности и задачам, которые перед собой ставит.

Сталин вернулся на свою половину стола, некоторое время молча ходил, о чем-то тяжело думая, потом повернулся, подошел к своему месту и, сев, произнес:

— Хорошо, товарищ Алексей, мы будем с Вами работать. Мы очень много будем с Вами работать.

### **Глава 7. Непростой разговор.**

— Только не надо думать, товарищ Алексей, что мы Вам уже полностью поверили. То, что Вы рассказали, настолько серьезно, что торопливость может иметь самые печальные последствия. Не скрою, Вы сумели нас удивить и сильно удивить. Мы будем проверять всю информацию, которую Вы нам предоставляете. Но на нас уже произвела большое впечатление Ваша эмоциональная тирада. Она кажется нам искренней. И потому мы готовы и дальше слушать Вас и Ваши предложения. А сейчас давайте немного отвлечемся, — продолжил Сталин. — Как Вы себе представляли наше сотрудничество с практической стороны?

— Если возможно, то я бы предложил создание при Политбюро отдела стратегических исследований. Из досконально проверенных товарищей с хорошим аналитическим складом ума.

— И себя Вы, конечно, видите в качестве его руководителя? — Сталин даже не попытался скрыть ехидство тона.

— Ну что Вы. Как раз этого я совершенно не хочу. Руководитель обязан быть довольно известным человеком из Вашего времени. Мне же совершенно не требуется привлекать себе внимание. Вполне достаточно рядовой должности эксперта-аналитика. Да и то в тех же целях конспирации.

Сталин ухмыльнулся, а про себя подумал: — Ну что ж, еще одну маленькую проверку этот странный человек только что прошел. Хотя насколько его вообще можно назвать человеком?

— А насколько большим по Вашему мнению должен быть этот отдел?

— Это скорее должны решить Вы и назначенный Вами руководитель отдела. Я могу лишь подготовить справку по каким направлениям этот отдел должен работать и какими профилями специалистов должен быть укомплектован.

— Да, это будет правильно. А кого Вы можете предложить на должность руководителя? И вообще, еще в нашем первом разговоре Вы упомянули про предателей. Вы знаете их имена?

— Что касается руководителя, то не думаю, что это моя компетенция. Это должен быть Ваш, и только Ваш человек. Необходимо, чтобы Вы максимально ему доверяли и могли свободно обсуждать мои предложения. Что же касается предателей, то здесь вопрос довольно сложный. К сожалению, по одним документам из нашего времени невозможно составить полную картину. Есть предатели различного уровня. Например, есть Литвинов — Народный Комиссар Индел. Уверен, что на него у вас уже целый шкаф компромата. У него иностранка-жена, а связи с высшими кругами США и Англии хорошо известны. Он буквально в открытую сливает англосаксам секретную информацию, которой располагает. И тем не менее вы его не трогаете. Значит, не все так просто, и отношения с этими странами, а точнее их видимость, Вам сейчас важнее, чем заслуженное наказание предателя.

Есть скрытый троцкист Ягода, который пытается работать на всех сразу. Видимо, еще не решил для себя, как пойдут дальше дела.

Есть реальный заговор против Вас в высшем звене РККА, куда точно входят Тухачевский, Примаков и Путна. Позже, Вам даже передадут доказательства связей этой группы с германским Генштабом, подготовленные английской разведкой. Большая часть материалов будет правдой, остальные искусственно сфальсифицированными. Разразится громкий процесс, в котором будут осуждены и расстреляны многие красные командиры, реально не имевшие к заговору никакого отношения. Так Британия попытается ослабить Красную армию.

— А как будут обстоять дела на самом деле?

— Как я уже сказал, сам заговор реален. Но здесь есть два аспекта. С одной стороны, этот заговор активно продвигается Троцким, который через некоторое время выступит к своим сторонникам в СССР с призывом свергнуть Сталина. У Тухачевского с Троцким налаженная связь. С другой стороны, которая касается Германии, то здесь речь не идет о предательстве СССР в пользу Германии. Высший генералитет Германии столь же недоволен Гитлером, серьезно подвинувшим старую родовую немецкую аристократию, из среды которой этот генералитет и есть, сколь и Тухачевский со своими сторонниками недоволен Вашей властью. В этой связи, прежде, чем принимать решение, хорошо бы разделить проблему на две составляющие.

— Какие?

— Нашу сторону заговора необходимо нейтрализовать и чем раньше, тем лучше. Уже в следующем году, если все пойдет так, как моей истории, Троцкий обратится к своим сторонникам в СССР с призывом свергнуть Сталина. При такой постановке вопроса власть которой располагают заговорщики в армии, может оказаться достаточной, чтобы как минимум, развязать кровавую бойню. Только не надо устраивать массовые репрессии командиров, которые симпатизируют Тухачевскому. Многие из них являются прекрасными и преданными партии и народу людьми. Но они находятся под сильным впечатлением яркой личности Тухачевского. С ними надо работать, объяснять политику партии и ошибки или преступления их кумира. Но грести всех под одну гребенку нельзя.

Я видел, что при этих словах Сталин поморщился, настолько ему не нравилось то, что я говорил. Но вслух он ничего не сказал. Хотя было прекрасно видно, что к этой и подобным ей темам он еще не раз вернется. Вообще Сталин оказался примерно таким, как я его себе и представлял. Он не любил, когда с ним спорили или идеи говорящего резко расходились с его собственным мнением. Но он предпочитал выслушать собеседника и отложить дальнейшее обсуждение вопроса. Он анализировал слова и высказанные идеи в одиночестве

и если не считал их полным бредом, то обязательно возвращался к разговору в последующем. Это давало шансы на то, чтобы потихоньку переубедить его по многим вопросам, решение которых по истории казалось мне ошибочным.

— А вот со второй частью — немецкой стороной — надо действовать аккуратнее. Эти генералы-аристократы могут нам еще очень сильно пригодиться. В нашей истории в 44-м году, когда Германия стала проигрывать войну, именно в их среде состоялся заговор с целью убить Гитлера и перехватить власть. Лишь по счастливой случайности Гитлер тогда остался жив. Хотя тогда заговорщики действовали уже в союзе с англичанами и были ориентированы на сближение именно с ними. Нам необходимо, пока есть время, перехватить инициативу и, проведя тщательный анализ настроений в верхних эшелонах Вермахта, выделить для себя потенциальных союзников для последующей работы с ними. Как именно это делать, даже не буду советовать, не специалист, но уверен, что у Вас есть профессионалы такого уровня.

— Еще кого-то из предателей назвать можете? Я так понял, что Вы Ежова тоже не любите?

— А за что его любить? За то, что в массовом порядке без суда и следствия расстрелял и пересажал кучу невинного народа? За то, что пытался Вам угодить, считая, что Вы жаждете крови в неограниченных количествах? За то, что использовал столь ответственный пост для удовлетворения своего комплекса неполноценности? Но он не предатель, он властолюбивый ущербный глупец, что ничуть не лучше. Но и арестовывать его не стоит. Будучи употребленным в правильном качестве он может принести немалую пользу. Например, во времена позднего СССР существовала такая структура — КПК при ЦК КПСС. Название партии, товарищ Сталин, было изменено в моей истории в 1952-м на 19-м съезде. Новое звучало как "Коммунистическая партия Советского Союза", — быстро отреагировал я на удивленный взгляд Сталина. Официально КПК расшифровывался как "Комитет партийного контроля", неофициально, как "Комитет партийного контроля и контрразведки". В компетенцию этой организации входил полный контроль работы всех партийных органов, а также проверка членов партии на преданность делу построения социализма. Если создать такую структуру, то, думаю, товарищ Ежов смог бы стать ее достойным руководителем. Не имея возможности карать всех заподозренных в искажении политики партии или в борьбе с ней, но имея право на сбор материалов по таким случаям, имея возможность контроля не только идеологической чистоты партийных рядов, но и правильности расходования средств, этот орган может стать достаточно влиятельной силой, деятельность которой будет направлять руководство партии. Оно же и будет принимать решения по собранным материалам. Аппаратный вес товарища Ежова в таком случае будет достаточно высок для того, чтобы он не чувствовал себя ущемленным, и одновременно с этим его структура станет одним из балансирующих элементов всей системы.

— Значит, Комитет партийного контроля и контрразведки? — переспросил Сталин. — А Вы знаете, товарищ Алексей, это неплохо звучит. Солидно и даже немного устрашающе. Правильно звучит. Враги партии должны бояться одного название контролирующих органов. Мы подумаем над Вашим предложением. А кого бы Вы могли порекомендовать на место товарища Ягоды? Если не товарищ Ежов, то кто бы мог справиться с такой ответственной работой, как руководство НКВД, и при этом не наломать дров, как, по Вашим словам, товарищ Ежов?

— Берия Лаврентий Павлович, товарищ Сталин. Вы и сами придете к этой же мысли



только позже, в 38-м.

Сталин быстро вскинул глаза и с недоверием посмотрел на меня. Фамилия его не то, чтобы удивила. Он уже некоторое время сам присматривался к Берии, как потенциальному кандидату на возвышение. В настоящее время он очень неплохо справлялся с работой в Закавказье и хорошо себя зарекомендовал. Но то, что это имя прозвучало сразу же после вопроса, без запинки и раздумий, его напрягло. — Ведь даже не сделал вида, что думает, сразу выпалил, — думал он. — Что это, невольная ошибка? И не несет ли это предложение в себе угрозы, о которой я еще не знаю? Даже допустим, что этот Алексей действительно из будущего. Допустим, что то, что он сказал, было правдой. Но ведь совершенно не обязательно, чтобы это было всей правдой. К тому же в историческом экскурсе имя Берии вообще не прозвучало.

— А почему Вы думаете, товарищ Алексей, что это самая лучшая кандидатура?

— Товарищ Берия, возглавивший после товарища Ежова НКВД, оставался на этой должности до 45-го года. Но он оставил пост не потому, что не оправдал доверия партии, а потому, что стал членом Политбюро и его полномочия стали значительно шире. Вплоть до 53-го года он оставался Вашим самым ближайшим соратником и помощником. Этому способствовало и то, что он по своей натуре идеальный "Второй", но не "Первый". После Вашей смерти он попытался стать фактическим главой СССР и даже вошел в состав пяти членов Президиума ЦК КПСС, заменившего собой Политбюро, но очень быстро проиграл подковерную борьбу за власть. Уже через три месяца группе в составе Хрущева и Маленкова при поддержке Жукова удалось арестовать Берию и, обвинив его в шпионаже в пользу Великобритании, казнить. Ему, кстати, удалось исправить очень многое из того, что натворил Ежов. С его назначением резко снизились темпы репрессий, а многие несправедливые приговоры были пересмотрены. Таким образом, удалось существенно поднять авторитет партии, оказавшейся способной признавать собственные ошибки. Я понимаю, товарищ Сталин, что мой быстрый ответ мог вызвать у Вас подозрения, но это действительно отличный вариант. В моем времени очень многие считали Берию лучшим менеджером Советского Союза, которому по поручению партии удалось решить огромное количество различных задач. В том числе он курировал множество важнейших оборонных проектов, в том числе и ядерный проект. И практически везде добивался успеха. Исполнителей такого уровня я больше не знаю по истории этого времени. У него, правда, были и свои грехи, хотя и до конца недоказанные. Но даже если это и правда, то зная об этом заранее, вполне можно вовремя подсказать товарищу и помочь не совершать этих ошибок.

— А что за грехи?

— Было много информации, что уж больно он увлекался противоположным полом. Причем, используя свое положение, не всегда опирался на взаимное чувство. Были слухи и насчет контактов такого рода с несовершеннолетними девушками. Хотя, повторю еще раз, все это на уровне слухов. А потому это вполне могло оказаться дезинформацией, распространяемой с подачи Хрущева для очернения этого выдающегося человека, являвшегося Вашим ближайшим помощником. А потому, когда Хрущев задумал разоблачать, извиняюсь. Ваш культ, то ему потребовалось придумать очень много мифов про Вас и Ваше кружение. И далеко не всегда удается докопаться до истины.

— Хорошо, товарищ Алексей, я понял Ваше мнение, мы подумаем. А скажите, почему Вы все время делаете упор на неправильную борьбу партии с ее врагами? Вы на самом деле

считаете, что эта борьба не нужна? Разве скрытые троцкисты и прочие оппозиционеры не наносят делу строительства социализма в нашей стране настолько большой вред, что жесткость партии в деле выявления врагов и саботажников вполне оправдана? И пусть среди осужденных будет небольшой процент невинно пострадавших. Лес рубят, щепки летят. Скорость очищения партии и хозяйственного аппарата намного важнее. Вы же сами говорите о том, что скоро страшная война. Разве мы не должны подойти к ней максимально сплоченными?

— Безусловно, должны, товарищ Сталин. Но с тезисом "лес рубят, щепки летят" я согласиться не могу. Объясню, почему. В свое время я работал в коммерции. А потому попробую объяснить все с хозяйственных позиций. Каждая щепка, пропавшая по вине рубщиков и не использованная в деле, это прямые убытки. Это пустая трата ресурсов. А наш народ является важнейшим и трудно восстанавливаемым ресурсом. Это не считая того, что все наши действия и должны быть направлены на развитие и процветание этого самого народа. Через десяток лет, например, в США появится технология производства так называемых древесно-стружечных плит, которые со временем станут очень популярным материалом, используемым в производстве мебели. Да и сейчас щепки, стружка и опилки могут быть использованы для производства бумаги.

Вы можете мне возразить, что иногда скорость важнее, чем качество. Но никто не заставляет одних и тех же людей заниматься разной работой. Пусть те, кому положено рубить, рубят. А следующие за ними внимательно подбирают все щепки и пускают их в работу. В нашем случае это должно означать, что поиском, выявлением и разоблачением врагов и доказательств их вины должны заниматься одни органы, а проверять качество их работы другие. Ведь в этом деле не менее важен и такой аспект, как справедливое оправдание. Именно такие случаи будут давать самый максимальный эффект, будут убеждать народ, что все обвинительные приговоры полностью оправданы. А все в целом будет работать на укрепление авторитета партии и доверия к ней со стороны всего населения нашей страны. Да и вообще борьбу с троцкизмом и прочей оппозицией за полный суверенитет СССР надо, на мой взгляд, вести иначе.

— И как же? — Сталин не смог сдержать усмешку.

— Надо идти от основной проблемы. От главного к частностям. Извините, товарищ Сталин, я буду вынужден зайти издалека и назвать многие вещи, что называется, своими именами. Так, как это было у нас в том моем времени. Иначе я могу запутаться и ввести Вас в заблуждение, чего бы мне не хотелось. Я рассматриваю Великую октябрьскую революцию не только с позиции того, что народ скинул прогнившие царизм и аристократию, не только с позиции того, что благодаря большевикам он взял власть в свои руки. Есть и другая сторона медали. Кто финансировал революцию? Кто поддерживал большевиков, да и не их одних в эмиграции? Эти люди сами по себе не революционеры, они коммерсанты. Для них это вложение денег, которое должно вернуться с прибылью. Причем, большой прибылью. Все годы после 17-го они занимаются тем, что возвращают с процентами свои деньги. По совершенно разным каналам. Все деньги и ценности, которые ушли вместе с эмиграцией, попали к ним в руки, в их банки, а рано или поздно станут и их собственностью. Все деньги и ценности, которые украли нечистоплотные дельцы от революции, как уже разоблаченные партией, так и оставшиеся, попали на хранение именно в их банки. Причем, они даже с удовольствием помогут Вам, подкинув улики на таких врагов партии. Ведь в таком случае за их деньгами просто никто и никогда не придет. Все деньги, которые идут сегодня из СССР

на финансирование деятельности Коминтерна, это их деньги, потому как если бы не СССР то именно им пришлось раскошелиться. А истинными владельцами Коминтерна являются именно они. Но дело не только в деньгах. В Европе и мире также идет жестокая борьба за власть между различными группами. Англо-американские банкиры всю воюют с родовой европейской аристократией и католической церковью. И в этой борьбе у них очень неплохие шансы. Ведь в отличие от своих противников, они очень мобильны и не привязаны к сохранению жесткого порядка в европейских государствах. А потому революция для них, сделанная руками рабочих и крестьян на их деньги, резко меняет ситуацию в их пользу. Если Вы с помощью внешней разведки сможете докопаться до источников финансирования Гитлера, то и про него вы узнаете, что они те же, что и у левого рабочего движения. Более того, сам проект гитлеровского нацизма был затеян после того, как Троцкому не удалось добиться власти в СССР и с помощью все мощи России устроить по всей Европе перманентную революцию. Вы очень быстро поняли, куда может завести такая политика. Ваша идея о построении социализма в отдельно взятой стране оказалась не просто правильной и своевременной, она оказалась единственно возможной для спасения России. Но именно поэтому она и вызвала столь жестокую борьбу в партии. Троцкий, как можно видеть не сдался до сих пор и всячески пытается активизировать своих сторонников, оставшихся в партии.

Но их тоже нельзя всех грести под одну гребенку. Кто такие сторонники Троцкого? Это не однородная группа. Среди них есть те, кто активно ему помогает, разделяя его взгляды на экспорт революции. Это враги, которые осознанно желают смерти России. Они не заслуживают ничего, кроме смерти. Есть другая группа, которая готова пойти за Троцким даже на переворот, но только потому, что видит в нем вождя, в большей степени придерживающегося линии Ленина, чем Вы, товарищ Сталин. Таких людей необходимо изолировать, не допуская их участия в бунте, но их надо заставлять работать на страну и одновременно работать с ними, разъясняя истинную природу их заблуждения и правильность политики партии. Они могут стать из противников сторонниками, хотя и не все, но очень многие. А есть третья группа. Это в основном военные. Для них Троцкий — кумир, создавший Красную Армию — победительницу в Гражданской войне. Он трибун и прекрасный оратор, зажигавший их сердца перед битвами и приведший их к победе. К сожалению, товарищ Сталин, он более сильный и пламенный оратор, чем Вы. Хотя и очень слабый организатор. С этими людьми работа должна быть еще тоньше. Их даже не надо изолировать от общества. Это прямая задача военных комиссаров, объяснить ошибающимся людям собственное заблуждение и причины ошибок. Заставить их мыслить не эмоциями, а реалиями. Да, это работа трудная и долгая. Но легкие пути далеко не всегда бывают лучшими. Это наши люди, и мы не должны без боя отдавать их Троцкому и другим врагам нашего Отечества. Кстати, столь упорный настрой исключительно на атакующую тактику среди высшего командного звена РККА и пренебрежение планированием защитных действий в условиях преобладающей мощи противника, которые обернутся самым страшным кошмаром в первые месяцы войны, это прямое следствие настроя на политику Троцкого по экспорту революции военным путем.

Есть еще и другие группы, связанные с хозяйственной деятельностью. Множество прекрасных специалистов будет разоблачено в ближайшие годы как вредители, пытающиеся помешать выполнению производственных планов. Такие будут и в реальности, но их на самом деле будет незначительное меньшинство, остальные случаи будут примерами

элементарного головотяпства, косорукости и шапкозакидательства. Это также достойно осуждения и принудительного исправления или деньгами и трудом компенсации причиненного вреда. Но оценка их действий должна быть строго адекватной случившемуся. И последнее — всех надо судить по делам, а не по словам. Хотя любые публичные призывы стоит воспринимать как активное действие.

Я устало откинулся на спинку стула и выдохнул. Эта небольшая речь стоила мне эмоционально довольно дорого. Услышит ли меня Сталин? Поймет ли он то, что я сказал? Заставит ли это его хоть немного задуматься? Я очень на это надеялся. Судя по его насупленному виду, услышанное его не порадовало. Никому не приятно слушать вещи, которые не доставляют радости и прямо противоречат собственным мыслям. А тем более Сталин в последние годы вообще не привык выслушивать что-либо подобное. И даже маленькая ложка меда в этой огромной бочке дегтя в середине сказанного не могла ничего изменить. Но одновременно его молчание и задумчивость давало мне шанс все-таки быть услышанным.

— Хорошо, товарищ Алексей, мы Вас выслушали и подумаем над Вашими словами. Хотя они во многом и идут вразрез с политикой партии, и будь Вы обычным человеком, не скрою, я бы приказал вас арестовать. Хотя в этом случае Вы бы подобного и не сказали. Думаю, мы позже продолжим разговор на эту тему. Только у меня просьба — ни с кем и никогда не говорите на эти темы. Только в этом кабинете и только при отсутствии третьих лиц. Вы хорошо меня поняли, товарищ Алексей?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Сейчас Вас отвезут обратно в гостиницу, не стоит демонстрировать свои способности, многие видели вас входящим и сейчас гадают, кто вы такой и что именно мы так долго обсуждаем. Вы должны выглядеть для них обычным человеком. А завтра мы подберем Вам новое местожительство, там же где потом и будет работать предложенный вами отдел. И не забудьте, про свои обещания по структуре отдела и направлениям его работы.

— Непременно, товарищ Сталин. Разрешите идти?

— До встречи, товарищ Алексей.

## **Интерлюдия 1**

В номере я, даже не раздеваясь, мгновенно завалился на кровать и попытался собраться с мыслями по итогам прошедшей встречи. Но вместо этого меня мгновенно накрыла темнота.

На этот раз полного выключения не произошло. На этот раз сознание не исчезло, и темнота не казалась пустой, напротив, она жила и была полна непонятного мне движения, хотя ни одно из органов чувств это не фиксировало, это ощущалось как-то иначе. Вряд ли я смог бы подобрать своим ощущениям достойную аналогию. Я не чувствовал тела, но одновременно ощущал, как на меня накатываются какие-то странные волны, обволакивая меня и устремляясь дальше. Причем происходило это со всех сторон одновременно. У меня не было глаз, но я четко видел плотную вязкую темноту, ни на секунду не остававшуюся в покое. Не было ушей, но, тем не менее, я слышал тысячи различных звуков, сливающихся в невообразимо красивую гармонию мелодии.

Да простит меня читатель, я не могу передать своих ощущений. Человеческий язык слишком беден, чтобы им можно было выразить даже бледную тень того, что открылось мне

далее.

Вдруг в темноте появилась яркая точка, которая плавно стала наплывать на меня, превращаясь в сверкающую всеми цветами сферу. Из каких-то невероятных глубин темноты к сфере стремился луч света. Он упирался в нее и обволакивал. Луч казался живым, от него веяло теплотой и бесконечной любовью. В свою очередь от сферы вдоль луча устремлялся целый световой жгут, переливающийся всеми цветами радуги с миллионами различных оттенков.

— Примерно так выглядит любой живой мир, — услышал я Голос, идущий из ниоткуда. Казалось, звук рождался внутри меня и одновременно шел со всех сторон. — Взгляни, как он устроен.

Я увидел планету, но не так, как ее можно увидеть на любой из фотографий, сделанных из космоса. Не было ни привычных очертаний материков, не было океанов, не было прозрачного покрывала атмосферы. Вместо всего этого я видел медленно пульсирующий шар, от которого исходили мириады нитей. Шар был окружен полупрозрачной пеленой, внутри которой плавало огромное количество разноцветных облаков. Именно в эту пелену упирался луч, приходивший извне, именно из нее уходил вдоль луча в неизвестность тот самый цветовой жгут. Некоторые облака, плавающие в пелене, были совсем крошечными, некоторые гигантскими. Одни практически не двигались, другие быстро перемещались. Какие-то выглядели стабильными, но было большое количество тех, что возникали и практически сразу же исчезали, растворяясь в пелене. Нити, идущие от центрального шара, утыкались в эти облака. Хотя несколько раз мне попались на глаза нити, которые останавливались, не дойдя ни до одного из облаков, вспучивались и образовывали новые облака. Потом я осознал, что картина на самом деле гораздо сложнее. Крупные облака, включали в себя множество более мелких, причем процесс был динамическим. Были такие, что висели внутри более крупного облака достаточно спокойно, лишь периодически озаряясь небольшими вспышками зарниц. Были другие, которые пытались вырваться за пределы большого собрата, а были и такие, что, напротив, стремились внутрь. Между множеством облаков, как правило, крупных, периодически возникали разряды молний, большинство из которых вполне могло бы быть выстрелами какого-нибудь фантастического энергетического оружия. Их агрессивность ощущалась даже на расстоянии. Но были и другие, они как бы плавно выдвигались в направлении адресата и легко касались его поверхности, не пытаясь пробраться внутрь. И это лишь самый общий вид. Во мне возникла уверенность, что если пристальнее взглянуть на какое-то небольшое облако, то и в нем можно будет разглядеть еще более мелкие облачка.

Завороженный этим потрясающим по красоте и сложности многомерным представлением, я был не в состоянии отвести взор.

— Так выглядит жизнь, — снова раздался тот же Голос. — Луч, который устремляется к Земле из глубин Мироздания, можно назвать временем. Именно оно создает движение твоего мира. А то, что ты назвал жгутом, это информация, которую создает твой мир и которой он делится с Мирозданием.

Картина резко приблизилась, я вот уже я оказался почти на поверхности пульсирующего шара. Прямо на его границе в хаотическом броуновском движении быстро двигались миллионы и миллионы малюсеньких разноцветных горошин. Большинство из них были довольно тусклыми, но попадались изредка те, которые на общем фоне выглядели светлячками. В своем беспорядочном движении горошины постоянно выбрасывали в

различные стороны тонюсенькие нити. Большинство из них предназначалось другим горошинам, хотя некоторые устремлялись вверх, к облакам и терялись среди них. Изредка из облаков к поверхности шара очень быстро проскальзывали и обратные нити. Хотя нитями стоило бы назвать лишь некоторые из них. Другие больше напоминали луч фонарика, который по мере удаления от источника все больше походил на конус, упирившийся в целые группы горошин. В таком случае горошины на мгновение замирали, их яркость немного повышалась, а затем они снова продолжали свой хаотический бег по поверхности шара.

— Посмотри. То, что ты наблюдаешь сейчас, вот эти маленькие светящиеся субстанции, названные тобой горошинами, это люди. Нити, идущие от них, их мысли. Как ты можешь видеть, большая их часть направлена горизонтально, на других людей и бесследно растворяется в общем планетарном поле, которое ты назвал пеленой. Облака в небе — то, что ты называешь эгрегорами, устойчивые мыслеформы, создаваемые людьми или целыми группами. Чем больше людей включает в свое сознание ту или иную мыслеформу, тем дольше она живет и тем больше становится. Устойчивые крупные мыслеформы даже способны обзавестись некоторым подобием собственного сознания и в целях своего выживания образовать со своими творцами двустороннюю связь. Некоторым такая обратная связь удается даже с прочими людьми. Так происходит "вербовка" новых адептов. Поскольку мыслеформ много, то между ними существует и определенная конкуренция и даже войны. Некоторые на уничтожение. Ты видишь многообразие цветов и оттенков облаков, ты видишь многоцветие информационного жгута, исходящего от мира? Так или примерно так выглядит мир в эпоху относительного благополучия.

— Это астрал? — спросил я, уже понимая глупость своего вопроса, но Голос отреагировал мгновенно. — Нет. То, что вы, люди, придумали кучу различных определений для того, чтобы как-то систематизировать свои понятия о Мироздании, не имеет никакого отношения к реальности. Нет отдельно ни астрала, ни ментала, ни чего бы то ни было еще, включая физический мир. Есть лишь ваша индивидуальная или коллективная способность видеть какую-то часть мира. А мир един, но состоит из множества волновых колебаний различной частоты. Эти волновые колебания порождены тем самым лучом времени, обволакивающим планету. Представь себе, что ты слушаешь радио. Чаще всего ты слышишь только одну радиостанцию и эмоционально и интеллектуально реагируешь именно на ее информацию. Но ведь одновременно в мире работают тысячи радиостанций, и их сигналы сосуществуют в мире одновременно. Различия лишь в частоте их радиоволн. Просто они не существуют для тебя в конкретный момент времени.

— Но ведь миллиарды людей на Земле все время видят ее одинаково?

— Это равносильно тому, что все одновременно смотрят телевизор, в котором есть всего одна программа. На все прочие ни один телевизор просто не настроен, хотя они и существуют. Или точнее, частота этих иных программ выходит за рамки диапазона принимающего устройства стандартного телевизора. Хотя некоторые умудряются одновременно смотреть телевизор и слушать радио, но таких не очень много. К сожалению, я не могу тебе показать всю полноту мира в его единстве в силу ограниченности твоего восприятия, но могу показать картину частями.

Сверкающая сфера резко изменилась. Теперь количество цветов существенно уменьшилось, а количество облаков, напротив, увеличилось, хотя большая их часть оказалась очень небольшими и короткоживущими. Они возникали, надувались и пропадали. На их фоне резко выделялось несколько монстров, неподвижно застывших и практически

распространившихся над всей поверхностью сферы. Они располагались примерно на одной и той же высоте, а потому создавалось впечатление, что они постоянно толкаются друг с другом, пытаясь занять больше пространства.

— То, что ты видишь сейчас, это низкочастотная эмоциональная сфера. Облака представляют собой эмоции и желания людей. Думаю, что ты легко догадаешься, что из себя представляют те, которых ты назвал монстрами. Это самые массовые человеческие желания — еда, питье, сон, размножение, жажда власти. — Действительно, приглядевшись, я увидел, что во всех монстров без исключения с поверхности центрального шара постоянно бьют миллионы светящихся и довольно ярко нитей, от которых монстры сыто и лениво шевелились. Передо мной открывалась картина настоящего энергетического шторма.

— А теперь взгляни на исходящий с планеты жгут. — В отличие от того, что я видел ранее, жгут выглядел крайне хилым и истонченным. В нем наличествовало только несколько базовых цветов, все остальные изредка угадывались отдельными

всполохами. Да и основные нити жгута смотрелись тонюсенькими, особенно в сравнении с тем, что творилось у поверхности шара.

— В массовых желаниях практически не встречается никакой новой информации, которая могла бы быть интересна Мирозданию. А теперь посмотрим следующую картину. Специально для тебя я покажу ее на примере именно твоего мира и твоего временного диапазона.

Сфера вновь изменила свой вид. Теперь пелена вокруг центрального шара оказалась поделена на несколько четких цветовых зон, каждая из которых занимала свою область. Хотя внутри всех из них присутствовали искорки и даже целые объемные вкрапления других цветов. В каждой зоне виднелась область, резко выделявшаяся яркостью свечения. А над всем этим парило обширное пространство серого цвета, занимавшее практически полный слой пелены вокруг всего шара. К первому, цветному слою пелены, поделенному на зоны, с поверхности шара тянулось множество нитей. Но их распределение было очень неравномерным, какие-то зоны были связаны с поверхностью довольно интенсивными связями, другие более редкими. А вот ко второму, серому слою тянулся целый туман, в котором невозможно было выделить отдельных нитей. Причем, даже из первого цветного слоя ко второму били целые молнии.

— Сейчас ты наблюдаешь, как выглядят религиозные верования в твоём мире. Каждый цвет означает какую-либо религиозную традицию.

— А серый? Это деньги?

— Ты совершенно прав. Из простого и удобного инструмента обмена вы умудрились создать божество, буквально подавившее все остальные, рожденные вашей цивилизацией. Посмотрим, как выглядит внешний поток?

Исходящий жгут был едва заметен, хотя в нем угадывались все основные цвета с преобладанием серого.

— А почему он такой тощий?

— А разве вы генерируете какую-то новую информацию? Что такого принципиально нового вы узнаете о мире? Все ваши религии исключительно догматичны. Все, что они дали в момент своего рождения и развития, уже давно записано в анналах Мироздания. Скоро и этот поток иссякнет, если только вы не создадите что-то нового. Но посмотрим еще на один слой, причем опять на примере твоего родного мира.

На этот раз картина была более многоцветной. Мозаика, состоящая из областей различной величины покрывала всю пелену. Было несколько гигантских на фоне других кусков, внутри большей части из них наличествовали вкрапления других цветов и оттенков. Чем-то это походило на политическую карту мира.

— А это она и есть. — Голос легко и быстро реагировал на любую мою мысль, — только составленная не по государственному, а по национально-родовому принципу. Это эгрегоры различных народов. Взгляни, как они отличаются друг от друга.

Действительно, различия были видны невооруженным глазом. Найдя взглядом Россию, я увидел изъеденное коррозией пространство, с трудом удерживающее свою целостность. Даже из внутренних областей в сторону Европы, США, стран Средней Азии и даже Китая тянулось множество нитей. Кроме того, некоторые присутствующие небольшие области, явно принадлежащие эгрегорам малых народов, входящих в состав страны, были связаны нитями со своими соплеменниками в других странах. Китай, напротив, выглядел почти монолитным, за исключением двух небольших районов, принадлежащих Тибету и уйгурам. А от него шли многочисленные довольно толстые нити почти по всему миру. — Диаспоры, — догадался я. США, сохраняя внешнее единство и связи со множеством других районов, сами были неоднородны. Сквозь поверхностный слой одного оттенка просматривалось множество разноцветных пятен, имевших связи с другими регионами. Все правильно. США — страна эмигрантов. И будь ты хоть трижды американцем, частично ты почти всегда еще и кто-то другой. Удивила Британия. Помимо своей центральной области, выглядящей немногим лучше, чем США, она имела мощные связи практически со всеми своими колониями, да и не только с ними. Многовековая пропаганда английского превосходства явно давала свои плоды. Но самое удивительное зрелище представлял еврейский национальный эгрегор. То, что это был именно он, а не кто-то другой, угадывалось по множеству тесно связанных между собой центров практически по всей планете. Это была настоящая сетевая структура, покрывавшая все пространство пелены.

— Это мое время?

— Да, то картинка из 2012-го года.

Жгут представлял собой более отрадное зрелище, нежели ранее. Цветов было гораздо больше, а сам он был существенно плотнее. — Все верно, Вы все еще способны генерировать массу новой информации этого плана. Национальные особенности до конца не утрачены большим числом народов. Однако, тенденция очень настораживающая. Количество цветов и толщина жгута сокращаются очень быстрыми темпами. Например, в твоём теперешнем 35-м все обстоит гораздо лучше.

Картинка мигнула, и рядом с первой сферой и жгутом появилось второе изображение. Да, различия были видны невооруженным глазом. Та же Россия в виде СССР выглядела на порядок ярче и монолитней. Национальные различия внутри страны только угадывались сквозь плотный слой одного цвета. В разы многокрасочнее и ярче выглядела Европа. А вот Китай, напротив, смотрелся более блекло. Но больше всего меня поразило жгут, он был в несколько раз плотнее, толще и радужней моего "современника".

— Для полноты картины я покажу тебе еще один слой самого высокочастотного уровня. Какие твои цвета самые любимые, чтобы показать контраст?

— Пусть будут синий и оранжевый.

— Хорошо, смотри.

Сфера передо мной переливалась двумя яркими цветами. Они не смешивались между



собой, но области ими занятые причудливо переплетались между собой. Были довольно крупные области, занятые преимущественно одним цветом, были сравнимые с ними пространства другого, но в целом возникало ощущение некоего баланса. Жгут исходящий от сферы был составлен из двух мощных равных по силе цветовых потоков.

— Так выглядит здоровый мир. Цветами обозначены два базовых типа информации, которые ты называешь Любовь и Инферно. Кто-то предпочитает называть их Свет и Тьма. Названия не важны. Важно то, что ни один из них не может существовать без другого. Это две стороны одной медали. Всегда и везде. Как только в мире один тип информации погибает, вместе с ним погибает и мир.

— А напоследок я покажу тебе в многократно ускоренном варианте гибель мира. Пока, к счастью, не твоего. Обрати в первую очередь на состояние жгута. Именно он лучше всего отражает состояние мира. Мир, любой, жив только до тех пор, пока в состоянии генерировать новый для Мироздания поток информации. Как только новизна уходит, мир умирает. Ему просто больше нечего дать.

Передо мной опять на некотором удалении возникла сфера, которой я любовался самой первой.

Вдруг краски этого мира стали бледнеть, а количество цветов резко сокращаться, жгут становился все тоньше и тоньше. В нем оставалось все меньше цветов. И вот в какой-то момент он совсем истончился, потом на миг резко раздался вширь, вспыхнул и пропал. А вместе с ним пропал и луч, идущий к сфере. В тот же миг сфера потухла.

Увиденное настолько поразило и шокировало меня, что я в ужасе замер, не в состоянии родить никакой мысли. Меня буквально колотило. Хотя тела я по-прежнему не ощущал, описать свое состояние другими словами просто не получалось.

— А что произошло перед самым концом со жгутом? Он на мгновение стал толще и ярче.

— Это ушли Души, не растерявшие частицу Творца. И хоть они не смогли спасти свой мир, им будет дан второй шанс.

— А как же наши представления о бесконечном перевоплощении Душ и их вечной жизни? Все это выдуманно нами?

— Не все. Но жизнь и перевоплощения Душ происходят только до тех пор, пока жив сам мир. Я показал тебе все это, чтобы ты осознал масштабы проблемы. Твоя попытка переиграть историю не так проста, как кажется. А кроме того, это совсем не игра. Именно от тебя сейчас зависит, будет ли жив твой мир. Именно поэтому было решено предоставить тебе эту информацию. А теперь иди.

В тот же миг я очнулся на кровати в своем номере. Шок. Другими словами мое состояние не описать. Сердце бешено колотилось, я мгновенно взмок, мысли в полном сумбуре металась в голове с такой силой, что казалось, я слышал стук их ударов о черепную коробку. Я вскочил и прямо из горлышка осушил полный графин воды, стоявший на столе. И только после этого смог нормально вздохнуть.

— Ни фиги себе кино! — подумал я. Такой груз ответственности, и все на меня одного? А где баланс? Где супервозможности для предотвращения суперопасности?

— А ты их сначала заслужи, — ехидно отозвался у меня в голове Голос и тут же пропал.

## **Глава 8. Мысли, мысли...**

Расставшись с Сидоровым, Сталин отложил на час все остальные встречи. Закурил, чтобы успокоиться, любимую трубку и принялся мерить шагами кабинет. Этот странный

необычный человек, или может быть правильно сказать существо, вызвал в душе Сталина целую гамму сложных и очень противоречивых чувств. Он, безусловно, был уникален по своим способностям и не подпадал ни под один из вариантов, которые можно было бы рационально объяснить. Будучи отличным психологом, Сталин чувствовал, что практически все, что говорил Алексей, было сказано им совершенно искренне и с явной тревогой за судьбу страны. Он также чувствовал, что для Алексея было важно довести свои мысли именно до него, Сталина. Когда он говорил, что не видит в настоящем или будущем альтернативных фигур, могущих осуществить все необходимое, он не лукавил. Да и волнение его было совершенно не наигранным. И при всем этом он совершенно не стеснялся говорить такие вещи, о которых побоялся бы даже подумать в его присутствии кто-либо иной, кого Сталин знал. За неполные два часа разговора он умудрился наговорить себе на три расстрела минимум. Но одновременно Сталин интуитивно ощущал, что ему — Сталину, эта манера общения понравилась. Ему даже захотелось несколько раз вспомнить молодость, скинуть с себя груз ответственности и броситься с юношески задором в жаркую дискуссию. Что называется "без чинов", до крика, до махания кулаками. Захотелось доказать этому выглядящему юношей "пришельцу" неизвестно откуда, что он ошибается, что в реальности многое обстоит совершенно иначе. Разумеется, он сдержался, оставаясь внешне все тем же строгим и рассудительным Вождем, не имеющим право на смену личины и подрыв собственного авторитета. Но кто бы знал, как он устал постоянно носить на себе эту маску, как давно хотелось просто побыть самим собой и пообщаться с товарищами на равных, забывая о различиях в статусе. Как давно все, даже те, кого он знал еще до революции, и наедине называли его "товарищ Сталин" и лишь изредка прорывалось иногда "Иосиф Виссарионович" или "Коба". И вот появился этот странный "вьюноша" и вывалил ему без обиняков все, что хотел сказать, глядя прямо в глаза.

Сталин любил власть, понимал власть и отлично разбирался в ее природе. Не случайно ни разу на протяжении последних десяти лет он не оставил ни одного шанса какому-либо из своих политических противников. И за это время ему удалось казалось бы невозможное. Он, сохраняя риторику марксизма, смог кардинально изменить суть проводимой политики. По большому счету это уже был никакой не марксизм, да и к Ленину то, что он делал и стремился, не имело никакого отношения. Он строил государство. Он строил новую Российскую империю, за какими бы терминами она не пряталась. И себя он видел именно Императором. Жестким и временами жестоким, сметающим со своего пути любого, кто пробовал посягнуть на эту его миссию. Сталин прекрасно знал, что на вершине властной пирамиды может быть только один, и он сознательно обрекал себя на это трагическое одиночество, разрушая отношения со своими старыми друзьями и соратниками, иногда, если люди вовремя не понимали причин изменения отношений, то и вместе с ними. Это его крест. И за него отвечать только ему.

Но была и вторая сторона медали. Сталин в отношениях с властью не был рабом этой пагубной страсти. Власть по-прежнему оставалась для него лишь инструментом, позволяющим реализовывать замыслы и строить великую Державу. Для каждого человека в системе власти Сталин пытался найти идеально подходящее ему место, но совершенно не терпел, когда его логика не совпадала с чьими-то личными амбициями. В случае с Алексеем Сталин находился в полном раздрае. Он никак не мог определить для него идеальное место в системе, которую он строил и возглавлял. Впрочем, все только начинается, он обязательно это придумает. Слабые места есть у всех. Найдутся они и у Сидорова. Обязательно найдутся.

Просто, возможно, искать их надо не в области личного, а в сфере его миссии или того, что он сам под ней понимает. Сталин усмехнулся. Он окончательно успокоился и был уверен, что обязательно придумает, как максимально эффективно использовать Алексея. Он найдет ему место в системе. В Его системе.

А все же интересный человек этот Алексей, совершенно не похож на всех тех, с кем Сталину приходилось сталкиваться за свою жизнь. И дело здесь не в том, что он не волновался за свою жизнь. Это была какая-то внутренняя свобода, абсолютно не свойственная никому их современников Сталина, включая, пожалуй, и его самого. Ведь порой страшные вещи говорил Алексей. Причем, говорил спокойно, как о чем-то совершенно само собой разумеющемся, обыденном. Говорил так, что Сталин понял, что это не игра, что, может быть, это и не правда, или не вся правда, но точно то, что сам Алексей за такую считает. Об этом свидетельствовали не только все подробности, выдумать которые и выстроить в столь связном изложении истории невозможно. Об этом говорило чутье самого Сталина. Ведь он тоже всем своим существом чувствовал надвигающуюся на страну страшную угрозу. Боялся об этом думать, гнал мысли от себя, но спокойствие не приходило. А рассказ Алексея о силах, стоящих за революцией, вложивших в нее деньги, спокойный, свободный, без тени страха или хотя бы опасения, говорил о том, что это существо действительно из другого мира или эпохи. В данное время произносить подобные вещи вслух было смертельно опасно.

А какая потенциальная бездна информации содержалась в рассказе Алексея. Сталин на секунду задумался, каково это быть единственным человеком этого мира, знающим наперед все события. И не просто человеком, а человеком Власти, способным самым активным образом организовывать противодействие неблагоприятным фактам и всячески поддерживать положительные моменты. Это чувство ему понравилось. Очень понравилось. Он даже тормознул самого себя. Необходимо быть крайне осторожным надо тщательнейшим образом все проверять и перепроверять. Посмотрим, что найдут геологи. Артузов уже доложил, что в предлагаемых местах никто из иностранцев никогда ничего не искал. А легенда, если понадобится, будет готова в течение месяца. У Серго также все было в процессе. Составы экспедиций согласованы и должны будут отправиться по маршрутам во второй половине апреля. Подготовка экспедиций уже началась. Как все-таки приятно, что есть возможность не выслушивать десятки неудобных вопросов на тему, откуда руководство взяло столь необычные места для поиска. Те же геологи всячески доказывали, что алмазов на территории СССР нет и быть не может. Но от экспедиции никто не отказался. Партия приказала, поедем.

Понравилась Сталину и оценка некоторых товарищей, данная Алексеем. Практически во всех случаях она совпадала с собственной сталинской оценкой. Литвинов давно напрашивался на расстрел за всю свою шпионскую деятельность. Хотя Сталина очень здорово тормозила в его отношении необходимость поддерживать нормальные отношения с США и Британией, стоящими за Литвиновым. Слишком многое сейчас поставлено на карту и зависит от бесперебойности поставок промышленного оборудования. Индустриализация страны еще в самом разгаре. Но скоро, очень скоро этот англосакский выкормыш свое получит. И тогда его не спасут ни жена, никакие-либо связи.

Того же Ежова Сталин считал за услужливого и преданного, но дурака. Просто не думал, что он окажется способным наворотить столько бед. И к Берии он давно присматривается. Надо будет этому Алексею целый спичек имен подготовить, которые его

интересуют. Пусть даст свою оценку. Посмотрим на процент совпадений.

Кстати о Берии.

Сталин взял трубку и попросил соединить его с Берией.

— Гамарджоба, товарищ Берия.

— Гагимарджос, товарищ Сталин!

— Как продвигаются дела в Грузии?

— Все по плану, товарищ Сталин.

— Как Вы посмотрите на то, чтобы заехать ко мне и доложить об успехах лично?

— Завтра выезжаю, товарищ Сталин.

— До встречи, товарищ Берия, — не дожидаясь ответа, Сталин повесил трубку. — Вот и посмотрим на тебя еще раз, Лаврентий Павлович. — А что, если именно его и сделать начальником этого отдела, как там его Алексей назвал, Отдел стратегических исследований при Политбюро? Хорошее название, сильное, но непонятное. Только не Отдел, а Управление. Так будет правильной, Сталин интуитивно чувствовал, что небольшим коллективом из нескольких человек здесь не обойтись. Если все так, как рассказал товарищ Алексей, то получится очень хорошая структура, управляющая разработкой и внедрением новинок, включая эту страшную атомную бомбу. Ей Берия и в "прошлой жизни" занимался, пусть и в этой справляется. А на НКВД мы кого-нибудь еще подберем. Хотя над названием еще стоит подумать. Все любят сокращения. А ОСИ или УСИ звучит как-то не очень. Прям скажем, не солидно звучит для тех задач, которыми Сталин собирался нагрузить новую структуру. Надо думать. Слово "исследования" явно стоит поменять на "разработки". Исследования это что-то перманентное, совсем не обещающее результатов. А разработки, напротив, нечто конкретное, воплощенное в результативный практический вид. Хотя УСР тоже не благозвучно. Явно просится еще какая-нибудь гласная. А почему бы не назвать разработки оборонными? Ведь все, чем собирается заниматься эта структура имеет прямое отношение к обороноспособности страны. УСОП уже звучит явно лучше, хотя и отдает определенными не благозвучными ассоциациями. Так что "стратегических" тоже стоит на что-нибудь поменять. Сталину пришла в голову забавная идея. А что если назвать организацию УЗОР? Вполне соответствует психологии его самого. Ведь в политике он именно тем и занимался, что постоянно плел сложные узоры, выстраивая отношения между своими сторонниками и противниками таким образом, чтобы в результате все они оказались запутавшимися в его личной искусно сплетенной сети. Управление Завтрашних Оборонных Разработок. Отлично, так и сделаем. Идеально соответствует сути с учетом "пришельца из будущего". Вот только для внешнего круга слово "завтрашних" следует заменить на что-то другое. Для них пусть это будут "значимые" разработки. Серьезно и никому не понятно. На этом и остановимся.

Название второго органа Сталину также очень понравилось. Комитет партконтроля и контрразведки. Звучит просто отлично. Грозно. Вот пусть все эти самостийные руководители обкомов и подергаются. И Ежов там действительно будет на своем месте. И ничего, что только в феврале они уже сменили название этого органа с Центральной Контрольной Комиссии на Комиссию Партийного Контроля. Придет новый человек, придадим ему дополнительные полномочия и опять поменяем. Тем более, что обострение борьбы с оппозицией вполне оправдывает и контрразведывательную деятельность в рядах партии. Есть в ней еще чуждые элементы и не мало.

Кстати, надо будет попросить Алексея более подробно рассказать о том, какие

структуры управления были в его мире. Может быть, еще найдется что-то полезное.

А вот информация насчет Хрущева Сталину не понравилась категорически. Он знал, что Хрущев был троцкистом. Но когда в 34-м Каганович выдвигал его на пост Первого секретаря МГК, он говорил, что Хрущев полностью перевоспитался, встал на позицию партии и уже сам активно борется с троцкистами. Значит, не успокоился, Никитка, а лишь затаился до поры. Надо бы к нему внимательнее присмотреться. Да и Алексея еще поподробней расспросить. Что-то не сходится. Не виден в нем пока потенциал Первого. А раз так, то это может оказаться опасным. Хитрым и осторожным интриганом может оказаться Хрущев, исподволь, незаметно выстраивающим свою паучью сеть. Надо же, а ведь мы ему только что еще больший пост по совместительству доверили — секретаря Московского областного комитета. Надо будет с Лазарем еще раз поговорить на его счет. Нет ли тут и у него личного интереса?

Все пора отвлечься, хорошего понемножку, тем более в приемной уже люди ждут.

— Пусть зайдет Молотов.

А тем временем я, несколько придя в себя после путешествия в "запредельность", сидя в своем номере, также прокручивал прошедшую встречу и далеко не простой разговор с Вождем. В общем и целом я остался доволен. Мне удалось заинтересовать Сталина, удалось противостоять его давлению и в то же время не разозлить до полного неприятия, удалось договориться о начале планомерной работы в рамках вновь создаваемой структуры. И, что самое главное, удалось хоть частично, но решить одну из важнейших и актуальных задач — заронить в нем зерно сомнения о правильности используемых методов чистки партийно-хозяйственного аппарата. Уверен, что он позже обязательно вернется и к моему рассказу о будущем. У меня еще будет отличная возможность подробно объяснить причины провала начального этапа войны. А пока было достаточно одного намека на единственно атакующий стиль обучения в армии. Сталин обязан за это зацепиться и сделать себе зарубку на память.

Конечно, я понимал, что где-то мои мысли отдают детской наивностью. Сталин совершенно не тот человек, который легко позволит диктовать себе чужую волю. Он строит свое государство, на вершине которого видит себя и только себя. А потому ни о каком равноправном сотрудничестве с ним речи идти не может. Можно работать или на него или стоять в стороне. Закинутая ему мысль об идеальном оппоненте, которого не стоит бояться и который сам ничего не страшится, отлична и даже может сработать. Но лишь в плане процесса по выработки Сталиным собственного мнения по какому-либо вопросу. Впрочем, меня это вполне устроит. А позже подумаем и над тем, как собственную игру не замыкать на одном лишь Сталине. С одной его помощью всей проблемы не решить. Сейчас Сталин явно будет придумывать, как поставить меня в строй и иметь возможностью мной полноценно управлять. Не будем ему мешать, это вполне укладывается в мое собственное представление о целесообразном развитии процесса. Да и он будет меньше дергаться.

А мне сейчас стоит озаботиться структурой Отдела. А то ведь здесь не как у нас, где можно месяц воду в ступе толочь. Здесь или ты решаешь вопросы быстро и четко в кратчайшие сроки, или уже не имеешь такой возможности в будущем. В лучшем случае допускается не более одного прокола. Не случайно Сталин мне про план напомнил. Объяснение мое он принял, но второй раз это уже не прокатит.

Делать нечего. Уселся за стол и начал сочинять.

Сначала разобьем работу на темы.

1. Перспективные системы вооружений и принципы действия войск в боевых условиях.

2. Структура государственного управления с учетом опыта позднего СССР. Взаимодействие между всеми элементами структуры.
3. Идеологическая основа строительства социализма.
4. Стратегическое планирование международных политических отношений.
5. Экономическое развитие СССР и внешнеэкономическая активность, включая скрытую.

Эти пять направлений долгоиграющие. Не успеешь решить одну задачу, как на очередь встанут еще пять или десять. Под них и коллективы надо подбирать сильные и на постоянной основе. Но есть и более локальные проблемы. Такие, как оппозиция, работа с молодежью, отношение у уголовному миру. Их надо решить, пусть и концептуально. Но раз и навсегда.

Посмотрел на написанное и решил, что пока достаточно. Это бы осилить. Хотя что-то меня все же не устраивало. Встал, походил. Вроде все верно и, тем не менее, что-то очень важное, принципиальное упустил. Стоп. А ведь действительно. Для того, чтобы все всразу же выстраивалось в единой взаимосвязи необходимо общее консолидирующее начало — цель, выраженная в Образе будущего. Которое планируется построить. И это не просто один из пунктов моего перечня. Это то, что должно стоять над всеми пунктами и диктовать им концептуальные ограничения. А, соответственно, это потребует и самостоятельной группы разработчиков, во главе которой должен стоять руководитель Отдела.

Теперь следует определить, каким образом все эти направления заставить работать. И тут мне на ум пришло, что сейчас совершенно не известен классический командный метод работы с четким распределением ролей и функций в более или менее равноправном коллективе. Если в Отделе появится классическая для этого времени пирамида, то ничего путного не выйдет по определению. Люди должны быть раскованными, максимально творческими и ориентированными на единый конечный результат. Они должны четко формулировать и аргументировать именно собственное мнение, а не пытаться угадать, что в голову у очередного начальника.

Надо будет обязательно предлагать именно этот метод работы. В моем времени он используется как временный для решения конкретных задач и проблем. Но здесь-то сейчас аврал это норма жизни, здесь постоянные перемены и новые вводные, на которые классическая структура просто не успевает реагировать. Сталину должно это понравиться. Тем более, что коллективный метод сейчас в почете. И если получится, то его потом можно будет широко растиражировать. Например, в КБ, разрабатывающих новые виды вооружений. Да и много, где еще пригодится. Итак, что там у нас в памяти по данному поводу?

Мне в свое время приходилось читать множество различных теорий, содержащих модели командной работы и распределения ролей. Хотя все они казались мне излишне вычурными и наукообразными. Надо, оттолкнувшись от них найти максимально простые формулировки, которые я смог бы легко объяснить современным специалистам по подбору кадров. А то здесь в лучшем случае в характеристиках найдешь лишь "умен, инициативен, предан делу партии". А мне требовалось намного больше. Но думать об этом после всех перипетий сегодняшнего дня не хотелось совершенно.

Вместо этого я решил прогуляться.

## **Глава 9. На новом месте.**

На следующее утро я в очередной раз убедился насколько это время кардинально отличается от моего. Любые вопросы, если они были продуманы и должны были быть

решены, решались мгновенно, без какого-либо намека на волокиту..

В соответствии с распоряжением Сталина под временное размещение "Отдела" из резервов Мосдачтреста была выделена большая двухэтажная дача, расположенная в Кунцевском районе Подмосковья недалеко от Ближней дачи самого Сталина. Это был целый комплекс строений, окруженный солидным забором, облегчавшим охрану объекта. Охрана была поручена службе того же Власика. Сталин совершенно не хотел подпускать близко к тайне Сидорова никого из людей Ягоды.

В 10 часов утра за мной заехал все тот же капитан НКВД, который давеча проводил мою проверку. Видимо, Сталин решил без необходимости не расширять пока круг уже задействованных лиц. На этот раз он выглядел гораздо более дружелюбным и даже несколько смущенным.

— Разрешите представиться, товарищ Сидоров. Иваненко Виктор Степанович. Назначен начальником охраны объекта, на который Вы переезжаете. Надеюсь, Вы не держите обиды за вчерашнее происшествие. Выполнял приказ руководства.

— Совершенно не держу, Виктор Степанович, и все понимаю.

Он протянул мне огромный сверток, оказавшийся комплектом формы, — переоденьтесь и спускайтесь вниз, я буду ждать в машине.

Комплект включал в себя рубаху-френч цвета хаки, синие галифе, широкий кожаный ремень, хромовые сапоги с комплектом новых портянок и кавалерийскую шинель. Была там и знаменитая синяя фуражка с малиновым околышком. В отдельном конверте из плотной бумаги нашлись документы на имя лейтенанта НКВД Сидорова Алексея Петровича. Не долго думая, Сталин решил оставить мне прежние фамилию и отчество. Меня это вполне устраивало, хотя столь быстрое желание Сталина поставить меня "в рамки" несколько позабавило. Ведь принимая эту форму, я автоматически становился обязанным выполнять и все правила, обязательные для ее носителя. Но, учитывая крайнюю потребность в нахождении общего языка с вождем, я решил не выпендриваться и быстро переоделся. Ощущения были несколько непривычными, особенно от галифе, но оглядев себя в зеркале, решил, что сойдет. Особенно меня порадовало, что пройденный когда-то в институте курс военной подготовки позволил мне довольно скоро намотать портянки. А вот сапоги реально порадовали. Они оказались мягкими и очень удобными. Не знаю, кто и как меня обмерял взглядом, но глаз у этого человека был алмаз, сапоги подошли идеально. Засунув документы в карман, уже собрался выходить, как меня прошил холодный пот. Особенно, когда я увидел, что моя старая одежда вдруг растворилась в воздухе и легким облачком впиталась в мое новое одеяние.

В своей старой одежде я перемещался легко и свободно, а что будет с новой? Не придется ли мне оказаться на месте финиша абсолютно голым или даже в нижнем белье, которое пока оставил свое? Закрыв глаза и попробовал совершать по номеру несколько микро перемещений. Уф, отлегло. Новая одежда не подвела и исправно "согласилась" прыгать по комнате вместе со мной, не пытаясь оставить меня в одиночестве.

Наконец я успокоился, надел шинель, нахлобучил фуражку и "прыгнул в коридор прямо через закрытую дверь. Осмотрел себя и, довольно хмыкнув, собрался уже спускаться вниз, как неожиданно вспомнил про оставленный в номере портфель. Пришлось прыгнуть еще дважды.

Внизу быстро завершил все формальности с выездом из гостиницы. Знакомая администраторша, пораженная удивительным превращением гражданского инженера из

провинции в сотрудника НКВД, мгновенно приняла ключи от номера и оплату, потом слегка волнуясь, пожелала мне приятного пути.

— Отлично выглядите, товарищ лейтенант, — заулыбался, увидев меня, Иваненко.

— Зовите меня Алексей Петрович, Виктор Степанович, по крайней мере, наедине. Нам судя по всему, предстоит с Вами много общаться.

Подобная фамильярность в обращении к старшему по званию могла показаться странной, но я прекрасно видел, что Иваненко понимал, форма для меня лишь формальность, призванная сделать меня незаметным и уберечь от излишних вопросов. К тому же я сразу же хотел показать, что принимаю правила игры, но только до определенной степени.

Машина быстро несла нас по еще заснеженной Москве. Да, это не мое время, когда запруженные улицы почти круглосуточно позволяли перемещаться чуть ли не со скоростью пешехода. Глядя на пронесившиеся мимо здания, я пытался понять, куда меня везут. К сожалению множества улиц, знакомых по моему времени еще просто не существовало. А потому я мог лишь примерно угадывать направление. Вроде бы едем на запад. Я попытался вспомнить, что такого было расположено на западе Москвы в мое время. А город за окном тем временем почти закончился, высокие здания сменились частным сектором и все чаще по сторонам дороги стали возникать высокие участки леса. А не в Кунцево ли меня везут? Вроде бы Ближняя дача Сталина была построена в 34-м. Вряд ли, конечно, меня поселят на ней самой, но вот расположить место размещения Отдела поблизости от резиденции Вождя вполне могло оказаться неплохой идеей. По крайней мере, можно было значительно меньше афишировать наши встречи.

Объект "Три ноля Б", как представил мне его Иваненко, оказался окруженной забором компактной, но довольно немаленькой группой деревянных строений, стоящих среди векового соснового леса. Охрана выглядела достаточно внушительно. Проверили нас на въезде тщательно, несмотря на наличие в машине собственного командира. Да и далеко не пацанами казались люди, открывавшие нам ворота.

— Вон там баня, здесь домик охраны, а Вам, Алексей Петрович, сюда. Пойдемте, я покажу Вам Ваши комнаты.

Мне полагались две комнаты на втором этаже. Спальня и кабинет.

Объяснив все остальные формальности, касающиеся режима питания и свободы передвижения по объекту, Иваненко хотел уйти, но уже на пороге заметил.

— Алексей Петрович. Я понимаю, что противодействовать этому никак не смогу, но если Вам вдруг придет в голову исчезнуть, примерно так, как тогда из камеры, я все же попрошу Вас поставить меня перед этим в известность. Я отвечаю за Вас и обстановку на объекте перед товарищем Сталиным лично. И мне бы не хотелось, чтобы я или кто-то из моих людей пострадал из-за Вашего внезапного исчезновения. В свою очередь постараюсь никак Вам не мешать в Вашей работе.

— Договорились, Виктор Степанович. Я догадываюсь, что мое исчезновение повесят в случае чего на Вас и постараюсь Вас не подводить. Хотя ситуации могут быть разные.

— Понимаю, просто прошу иметь это в виду, с этими словами он вышел.

Вот и еще одна связывающая меня паутинка. Наверняка эту идею подсказал Иваненко сам Сталин. По тому, как я говорил о необходимости минимизации репрессий, он наверняка сделал вывод о моей интеллигентской мягкотелости, посчитав, что я не захочу подставлять Иваненко под удар своим исчезновением. Да, Иосиф Виссарионович, Вы. Оказывается, тот



еще жук. Даже в большей степени, чем я ожидал. Но посмотрим, посмотрим. Пока я для себя вообще не видел острой необходимости куда-либо бежать, а дальше будет видно. В любом случае, остановить меня Иваненко не сможет, а отчитываться я перед ним не собираюсь.

Впечатленный скоростью решения вопросов и то, что следующая встреча со Сталиным может состояться в любой момент, я отправился в кабинет и принялся дописывать материалы по работе отдела.

Итак, в каждой команде нам потребуется:

Лидер, он же Координатор. Авторитетный, жесткий, но широко мыслящий человек, способный придать любой стихийной дискуссии упорядоченный характер, а также четко фиксировать все достигнутые договоренности и принятые решения. Для него характерно четкое понимание цели и направление всей работы на ее достижение. На этом же человеке лежат отношения с внешним руководством. Характер спокойный, выдержанный.

Генератор идей. Чудаковатая личность с быстрым мышлением и способностью находить решение проблем там, где их не станет искать кто-либо другой. Такие люди всегда фонтанируют большим количеством предложений, многие из которых даже на первый взгляд кажутся глупыми и странными. Но именно у них, как правило, в куче мусора можно при должном умении найти "золото". Характер эмоциональный.

Аналитик. Человек, способный связывать в единую цепочку причинно-следственных связей, казалось бы, совершенно разрозненные события. Требуется прекрасное знание истории, логики, массовой психологии. На нем же лежит исследование имеющихся или потенциально привлекаемых ресурсов для решения проблемы. Характер спокойный, дотошный, но не лишенный воображения.

Стратег. Человек с четко структурированным мышлением. Штурман, способный проложить курс от текущего состояния до намеченной цели таким образом, чтобы четко выделялись все необходимые этапы, контрольные промежуточные состояния, а также потребные на каждом из них ресурсы всех видов. Характер спокойный, вдумчивый, авторитарный.

Снабженец (название условно), он же Тактик. Человек, отвечающий за добычу требуемых ресурсов, включая человеческие, профессиональные. Должен прекрасно владеть знанием внешней среды и техникой ведения переговоров. Отличный психолог и аналитик. По натуре торгаш. Помимо прочего отвечает за привлечение к работе сторонних специалистов для решения конкретных задач.

Критик. Человек, по натуре природный скептик. Всегда и во всем ищущий слабости. В то же время прекрасный аналитик, способный предусматривать все возможные ходы противника по противодействию намеченному командой плану действий.

Организатор. Человек, способный с помощью привлеченных ресурсов на практике реализовать все решения команды. Жесткий пробивной лидер, умеющий настоять на своем и добиться цели. В то же время необходимо знание психологии для правильного распределения функций между исполнителями.

Посмотрев на перечень ролей, понял, что этого более, чем достаточно. Итак, на первых порах, наверняка придется совмещать в одном лице различные роли. Причем, не мне. Себя я вообще не видел в качестве жесткого участника какой-либо из команд. Мне придется одновременно работать со всеми, пытаясь попеременно выступать то генератором идей, то критиком, а чаще всего еще и координатором. Прежде, чем люди освоятся с работой в совершенно непривычном для них формате пройдет немало времени.

Поздно вечером на "объект", как я его тоже стал называть про себя неожиданно заехал Сталин. О том, что готовится что-то необычное, я заметил заранее по тому, как тишина сменилась криками и отрывистыми командами, и засуетилась охрана. Хотел выйти, но подумал, что сейчас всем явно не до меня и решил подождать развития ситуации в кабинете. Благо заняться было чем.

Примерно через час у меня появился Иваненко и попросил пройти на первый этаж.

— Прибыл товарищ Сталин.

— Захватив наработанные материалы, я проследовал за ним.

— А Вы хорошо смотрите, товарищ Алексей, — улыбаясь в усы, заметил Сталин. — Как Вам новое место?

— Отлично, товарищ Сталин. Всегда мечтал работать на природе, особенно среди сосен. Вот только наличие места несколько смущает. Если мои Вы сочтете мои подготовленные предложения разумными, то места всем не хватит.

— А Вы уже что-то подготовили по тому вопросу, что я просил?

— Да, взгляните, товарищ Сталин. По всем моментам готов тут же дать необходимые пояснения.

Сталин внимательно просмотрел бумаги, помолчал, а потом глядя на меня с веселой усмешкой спросил: — Вы решили заменить этим отделом сразу все органы государственной власти и партии? А, товарищ Алексей?

— Несмотря на столь ехидное замечание я видел, что в целом идея Сталину понравилась. Еще бы. Ведь он в случае успеха получал по сути в свое личное распоряжение мощное тайное оружие против любого органа власти. Тем более, что по всем вопросам ему теперь не придется самому разрабатывать аргументацию. За него это сделает Отдел.

— Не в коем случае, товарищ Сталин. Это будет специализированное экспертное подразделение, готовящее для Советского государства обоснованную и просчитанную программу действий. А принятие соответствующих решений должно остаться там же, где оно и сейчас. При этом, я полагаю, что концентрация мощных экспертных разработок в независимом ни от каких ведомственных склок и интересов органе, напрямую подчиненном высшему партийному руководству, способно существенно повысить эффективность работы Советского государства и скорость строительства социализма. Тем более, что развивать отдельные направления можно будет по мере освоения первоочередных и подбора требуемых кадров.

— А что Вам представляется первоочередным, товарищ Алексей?

— Первый пункт, товарищ Сталин. Без ускоренного развития оборонных технологий и перевооружения армии, без освоения армией стратегии и тактики войск будущего, все остальное может оказаться невостребованным. На второе место я бы поставил экономическую программу развития страны. Индустриализацию требуется провести в максимально сжатые сроки.

— Хорошо, мы учтем Вашу точку зрения. А как Вы посмотрите на то, чтобы предложенный Вами отдел назывался иначе. Скажем Управление Завтрашних Оборонных Разработок, с учетом выделенных Вами только что первоочередных задач?

— Прекрасно. Только немного смущает слово "завтрашних". Не слишком ли мы явно даем понять, с чем имеем дело?

— Не волнуйтесь. Официально структура будет называться Управлением значимых оборонных разработок. Так что только ограниченный круг лиц будет в курсе истинного

названия.

— Тогда прекрасно. Вот только место?

— Не волнуйтесь. Этот вопрос мы обязательно решим. Места будет достаточно. С запасом на перспективу. Скажите, а как работает эта ваша команда?

Я вкратце рассказал все, что знал о технологии командной работы. Как генерируются и отсеиваются предложения, как принимаются решения и распределяются задачи, как происходит управление всем процессом и так далее. Было видно, что Сталин действительно слушал с интересом. Для него явно многое было в диковинку.

— Спасибо, товарищ Алексей. В Ваших предложениях есть очень много интересного, что мы обязательно используем. В ближайшие дни, думаю, мы подберем Вам хорошего руководителя УЗОРа. С ним Вы и начнете подбирать себе команду. А пока его нет, постарайтесь поподробнее осветить следующие моменты, которые меня заинтересовали в переданных ранее бумагах и нашем прошлом разговоре.

Сталин передал мне небольшой список вопросов, привлечших его особое внимание.

— Обязательно, товарищ Сталин.

— Тогда до свидания, товарищ Алексей. Думаю, мы скоро увидимся с Вами снова.

## **Глава 10. Вербовка.**

Через три дня после описанных событий, в приемную Сталина бодрым шагом зашел Берия. Поскребышев взглянул на него и сказал, что Сталин уже интересовался по его поводу, но стоит немного подождать, он доложит.

Сталин принял Берию сразу же, как только ушел предыдущий посетитель.

— Проходи, Лаврентий Палыч! Присаживайся. Как добрался? Рассказывай, что там у тебя в Закавказье творится.

Берия подробно докладывал Сталину о ходе работ по развитию промышленности и сельского хозяйства в Закавказье, про передачу региональной промышленности в ведение уполномоченных Наркомата Орджоникидзе и какие перспективы по интеграции региона в общую экономику СССР это сулило, про увеличение добычи нефти в Азербайджане и разведке новых месторождений. Не забыл и планомерную борьбу с троцкизмом и прочими видами оппозиции. В заключение рассказал, что с группой товарищей заканчивает книгу "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье", в которой раскрывает этапы становления революционного движения в регионе. Большую часть всего этого Сталин уже знал, отчеты в ЦК приходили из Тбилиси регулярно. И хотя по его виду внимательного слушателя, вовремя задающего уточняющие вопросы, ничего сказать было нельзя, думал он в основном о другом. О том, что Сидоров дал Берии довольно точную оценку. Он именно технократ с прекрасным потенциалом управленца. Как и все руководители серьезного уровня он требователен и жёсток, даже иногда жесток, но вместе с тем самую чуточку, но излишне либерален, для того, чтобы претендовать на абсолютную власть. Интересно все же выразился Сидоров — "Идеальный Второй".

— Хорошо, товарищ Берия. Мы довольны вашей работой.

Потом Сталин хитро ухмыльнулся и вдруг спросил: — "Скажи Лаврентий, ты жить хочешь?"

Берия резко побледнел. В его голове молниеносно пронесся целый ворох мыслей, ни одна из которых не могла полностью объяснить заданный вопрос. Лишь глаза смотрели на Сталина с немим удивлением.

— Ты, Лаврентий Палыч, не волнуйся, партия тебе полностью доверяет и, надеюсь, не

напрасно. Но вот ты скажи мне, как именно ты хочешь жить?

— В соответствии с требованиями партии, отдавая всего себя делу строительства Советской власти, товарищ Сталин. — Было видно, что на этот вопрос Берии отвечать несравненно проще.

Сталин опять ухмыльнулся. — Это понятно, — а про себя подумал: — Да кто же тебе иначе жить позволит? Впрочем, Сталин уже удовлетворился произведенным вопросом эффектом и вызванным страхом. А потому вслух, миролюбиво уже произнес следующее:

— Я в принципе о другом. Я предлагаю тебе два варианта. Первый связан с работой примерно той, какую ты исполняешь сейчас. Может быть, на других должностях и в других местах, это не суть важно. Партия действительно ценит твои заслуги. Даже есть некоторые мысли увеличения твоей сферы ответственности. Но это обычная работа, в какой-то мере даже дающая право на ошибки. Если это не сознательное вредительство или предательство, то мы тебя всегда поправим, и ты будешь работать дальше. Но есть второй вариант. Это очень тесная работа непосредственно с товарищем Сталиным. Работа, связанная со знанием самой страшной тайны, которую ты только можешь себе представить. В этой работе тебе будут даны очень большие права и возможности. Но вот права на ошибку у тебя не будет ни малейшей. Любой намек на предательство или даже просто возможность утечки информации и тебя нет. Что скажешь? Тебе нужно время подумать?

Сказать, что Берия был ошарашен, значит не сказать ничего. Тон, которым только что говорил Сталин, даже намек не давал на то, что это шутка. — Вот это попал, — думал Берия, — да даже если я скажу, что хочу просто остаться на моей нынешней должности, одно то, что Сталин упомянул слово "тайна", делает меня трупом. С другой стороны, перспектива открывается тоже непонятная, но явно серьезнейшая. Надо решаться.

— Спасибо за огромное доверие, товарищ Сталин. Конечно, я выбираю второй вариант. Для меня огромная честь работать непосредственно под Вашим руководством и, конечно, Вы можете на меня положиться в сохранности любых тайн.

Сталин, для которого мыслительный процесс, только что пережитый Берией, был совершенно понятен, отреагировал совершенно спокойно.

— Тогда слушай. Только учти. С этого момента ты становишься носителем высшей государственной тайны. К нам попал человек из будущего, как он сам утверждает. Причем, он действительно обладает некоторыми уникальными способностями. Например, невидимым появился у меня в кабинете, пройдя и охрану и Поскребышева. Может моментально и кардинально менять внешность. Несколько фактов из самого ближайшего будущего, которые он нам передал, полностью подтвердились. Сейчас он передал новый список крайне важной информации, которая ожидает подтверждения. Наш анализ полностью показал, что ни в СССР, ни за границей никто в качестве единого источника такой информацией обладать не мог. Одновременно он указал на несколько неизвестных нам стратегических месторождений на территории СССР, о которых не было известно ни нам, ни кому бы то ни было другому в мире. Изыскания в этих районах вообще не проводились. Экспедиции в эти районы уже готовятся.

— Ты не смотри на меня как на сказочника. Хотя где-то я тебя понимаю. Мне бы кто такое рассказал, сам бы отправил шутника в НКВД разбираться с психической нормальностью. Но, увы. Я ему даже проверку устроил, так он из запертой камеры в Кремлевском подвале исчез и возник спокойно в своем гостиничном номере. В принципе он вообще производит нормальное впечатление, и полную готовность, даже желание

ко всемерному сотрудничеству, хотя то, что он рассказывает о будущем, ужасно. И если подтвердятся все его дальнейшие данные, то отнестись к такой перспективе следует очень внимательно. Цена вопроса — миллионы жизней советских людей. И я не шучу. В этой связи по предложению нашего гостя из будущего было решено создать при Политбюро УЗОР — Управление Значимых, а для тебя завтрашних Оборонных Разработок. Тебе я предлагаю, как одному из самых преданных и эффективных членов ЦК партии должность руководителя этого Управления. Надо вытащить из нашего гостя все, чем он владеет. Даже то, что не помнит сам. И максимально эффективно использовать в работе на благо страны. Фактически в случае успеха ты быстро станешь членом Политбюро. А по информированности вообще будешь вторым человеком в мире. Что скажешь?

— Я готов, товарищ Сталин. Не скажу, что мне сразу все понятно в мелочах, да и новость, прямо скажем, шокирующая, но у меня нет ни малейших оснований сомневаться в Ваших словах. Только два вопроса. Кому сдать дела и когда приступить?

— Думаю, что дела сдавать не нужно, время не терпит. Твой преемник по необходимости сам обратится к тебе с вопросами. Кстати, есть у тебя предложения по тому, кем тебя заменить?

— Я бы присмотрелся к Кандиду Чарквиани. Он молод, но очень хорошо успел себя проявить. Чувствуется хороший потенциал. Да и по большей части уже в курсе текущих проблем.

— Хорошо, подумаем. Сейчас я передам тебе документы этого "пришельца" Сидорова, как он себя называет, хотя признает, что это не его настоящая фамилия. Внимательно посмотри. Там уже кое-где стоят мои пометки. Кабинет в Кремле тебе приготовлен. Хранить все только в сейфе. А основное место работы у тебя будет за городом. Необходимо подобрать подходящую базу для расположения УЗОРа. Посмотришь на предложения, поговоришь с Сидоровым, потом решим. Завтра я тебя с ним познакомлю. Время позже уточнит Поскребышев. Все, иди читай и думай, но что бы кроме тебя ни одной бумажки никто не видел. И думай, как подбирать людей. В отличие от тебя они на базе несколько лет жить будут. За редким исключением без права выхода.

— Решение Политбюро о Вашем назначении, — перешел Сталин на официальный тон, — будет сегодня вечером. Иди.

И когда Берия был уже у двери в кабинет, в спину прозвучало: — И поаккуратнее с женским полом, особенно юного возраста. Не дело партийному руководителю быть невоздержанному в своих желаниях. Спина вздрогнула.

До самого позднего вечера Берия разбирался в имеющихся документах. Особенно его поразила информация по оценкам систем вооружения, которые, как он знал, еще только проектировались или проходили опытные испытания. Не менее драматичной выглядела информация об основных этапах будущих событий, изложенная на бумаге в недлинном перечне. — А ведь Сталин наверняка на порядок больше уже знает, не случайно же он мне насчет девок намекнул, хотя ничего такого я за собой пока не знаю. Но ничего, дай срок и мы все знать будем. Ну или почти все.

Голова буквально шла кругом от обилия возможностей и перспектив. Берия в отличие от Сталина был в гораздо большей мере не политиком, а именно управленцем. А потому он сразу же ухватил, какие перспективы открывает знание будущих разработок для развития экономики СССР. Взять хотя бы эту фитюльку — шариковую ручку. Вроде бы принципиальных проблем нет никаких. Разработать и в этом времени элементарно. А ведь

никто не додумался. Создай ее, запатентуй, так озолотиться можно. А уж любительский рисунок танка будущего вообще вызвал у Лаврентия Павловича культурный шок. — Я не я буду, но этот танк мы создадим, — пообещал он самому себе.

Завтра у него начнется новая жизнь. Завтра он встретится с этим гостем из будущего, и перед ним начнут раскрываться удивительные чудеса. Интересно, а Сталин ведь ничего не сказал о причинах появления этого "пришельца". Надо будет обязательно выяснить. Такие чудеса без особых причин не происходят.

## **Глава 11.**

### **Знакомство с Берией.**

Утром меня вызвали в Кремль. Не так, чтобы слишком рано, но для Сталина полдень был совершенно необычным временем появления в рабочем кабинете. Он был ярко выраженной "совой", да и все остальным по этой причине пришлось стать такими же. Для меня самого такой распорядок дня подходил, как нельзя лучше. Все жизнь не мог терпеть вставать на рассвете. Зато просидеть полночи с книгой или, занимаясь другой работой, было запросто.

Причина столь раннего randevу с Вождем выяснилась довольно быстро. Сталин подобрал руководителя на УЗОР и до знакомства меня с ним хотел переговорить еще раз со мной наедине.

Назначение на должность Начальника УЗОРа Берии меня, честно говоря, порадовало. Более эффективного руководителя с учетом огромного объема предстоящей работы подобрать было нельзя. Рассказывая о назначении Сталин постоянно сверлил меня своими желтыми глазами, явно пытаясь понять, не было ли в моей характеристике Берии и откровенно высказываемом сейчас удовлетворении таким его решением какого злого умысла, способного привести к заговору против него самого. Я как мог постарался развеять его опасения, еще раз пересказав какой огромный воз тащил на себе Лаврентий Павлович в конце 30-х и в годы войны, что именно благодаря ему мы с очень небольшой задержкой относительно американцев смогли получить свою атомную бомбу, хотя по ранним исследованиям отставали на поколение. Видно было, что Сталин успокоился и расслабился.

— Скажите, товарищ Алексей, мы отдаем Вам такого ценного работника, прекрасного руководителя. А ведь он по Вашим же собственным словам прекрасно в Вашем варианте истории проявил себя на посту Народного комиссара Внутренних Дел. Тем более, что нынешний комиссар этого ведомства Вас также не устраивает. И что нам теперь делать? Можете Вы кого-нибудь нам посоветовать?

Вопрос был, что называется на десять баллов. Я, откровенно говоря, несколько завис. Главная проблема была даже не в том, что мне некого было назвать. Кое-какие имена в голове крутились. Но, во-первых, должность такого уровня — политическая. Одного профессионализма в борьбе с бандитами и врагами трудового народа здесь мало. Во-вторых, практически все, кого я мог назвать по своей истории, были сотрудниками того же Берии. И как Сталин отнесется к моему предложению назначить на должность человека Лаврентия Павловича, я совершенно себе не представлял. Особенно учитывая параноидальную подозрительность Сталина, резко возросшую после убийства Кирова.

— Товарищ Сталин. Я прошу прощения, но это не вопрос моей компетенции, давать такие рекомендации советскому руководству. Особенно в том, что касается столь высоких политических должностей. Это огромная ответственность.

— Это хорошо, товарищ Алексей, что Вы понимаете ответственность подобных

рекомендаций. И все же прошу Вас. Вы же предупредили нас насчет возможной нелояльности товарища Ягоды. Не постеснялись охарактеризовать товарища Ежова. И надо сказать жестко и не лицеприятно охарактеризовать. А они оба, между прочим, члены ЦК партии. Я же вижу, что Вам есть, кого назвать и в данном случае, но почему-то Вы осторожничаете?

— Товарищ Сталин, хорошо, скажу, как на духу, только прошу понять меня правильно. Я знаю историю такой, какой она сложилась у нас с учетом всех кадровых чисток, разоблачений и последующих реабилитаций. И то, и тем более другое, вызывают множество вопросов касательно истинности утверждений. Это первое. Второе заключается в том, что вместе с разоблачением Ягоды, а потом и Ежова, вместе с ними были подвергнуты репрессиям в все руководители их аппарата высшего и среднего звена. Возможно, это было правильно, возможно нет, судить не мне, хотя я никогда не был сторонником массовых разборок без вникания в конкретные детали. Все же речь о судьбах людей, тем более, много сделавших для СССР. Но в итоге я знаю по истории лишь людей, которые работали вместе с Лаврентием Павловичем. Назвав Вам их фамилии, я просто боюсь быть неправильно Вами понятым. Есть и еще один нюанс. Я бы рекомендовал Вам не складывать, как говорится, все яйца в одну корзину. А потому лучше разделить ведомство на два направления. Первое — выделить все вопросы внешней разведки в отдельную структуру. В моем времени это называлось Службой Внешней Разведки. В эту же структуру было бы неплохо отдать и вопросы, связанные с контрразведывательной деятельностью, поскольку эти темы часто оказываются слишком переплетены и требуют единого руководства для оперативного согласования. Для меня лично этот вопрос очень важен, поскольку я финансист. В моей памяти хранится огромный объем финансовой и биржевой информации, в том числе и из этого времени. Ее не только можно, но и нужно использовать по максимуму в интересах советского государства. Надеюсь получить от Вас санкцию на эту работу. Сейчас, насколько я помню, в этом плане имеется ИНО НКВД, который возглавляет товарищ Артузов. По тому что я знаю, он прекрасный специалист и ни разу не был замечен в какой-либо оппозиционной деятельности. Он несколько своенравен, но руководитель такой структуры таким и должен быть. Иначе его переиграют внешние оппоненты. — Последнюю фразу я сказал специально для Сталина, поскольку знал, что именно из-за своей независимости, часто показной, Артузов и оставался для Сталина чужим. — Думаю, товарищ Артузов хорошо справится с руководством всей СВР. Что же касается НКВД, то есть один человек, который долгие годы являлся заместителем Берии на посту Наркома, а после него стал сам главой этого ведомства, хотя уже и переименованного. Это товарищ Меркулов. О его порядочности и преданности партии говорит тот факт, что он руководил государственной безопасностью вплоть до вашей смерти и последующего ареста Берии. Был арестован вместе с ним. Так это человек из Вашей команды, товарищ Сталин.

Все время, пока я говорил, Сталин не столько слушал, хотя он явно запоминал каждое слово, сколько смотрел мне в глаза, пытаюсь понять, насколько я говорю искренне. А учитывая, что его взгляд обладал реальным давящим эффектом, удержать свои глаза прямо направленными на Вождя, было не просто. Но я справился. Видимо, Сталин почувствовал мою искренность, а потому довольно, но ворчливо заметил, что мне надо учиться доверять партии и советскому руководству.

— Да и еще, товарищ Алексей. Сейчас подойдет Лаврентий Павлович, я хочу сказать Вам кое-что, пока его нет. И постарайтесь прислушаться к моим словам. В Ваших бумагах я

видел некоторые пункты, вызвавшие у меня вопросы. Например, про "образ будущего" и "идеологические основы социализма". Не стоит пока обсуждать эти вопросы с Берией. Сначала мы обсудим их с Вами, а потом подумаем, в каком виде и каким составом работать по этим проблемам. Кроме того, не стоит загружать Берию вопросами мистического характера. Это Вы тоже будете обсуждать только в этом кабинете. Вы меня поняли, товарищ Алексей?

— Так точно, товарищ Сталин. Я был в своей форме лейтенанта НКВД, а потому почувствовал правильность уставного ответа. Сталину это явно понравилось.

— Отлично, товарищ Алексей. Не успели надеть форму, а уже становитесь похожи на человека. Шучу. А вот насчет всего остального НЕ шучу. — Слово "не" Сталин выделил голосом совершенно отчетливо. — Вам сейчас стоит сосредоточить работу на двух направлениях. Тем более, что подбор людей и постоянной базы УЗОРа займет некоторое время. Думаю, будет правильным, если это будут вопросы обороны и экономики. Что касается структуры органов госуправления в Ваше время, то просто подготовьте мне пока справку по этому поводу. Мы подумаем, что делать дальше по этому вопросу.

— Товарищ Сталин, позвольте вопрос.

— Пожалуйста.

— Прошу Вас привлечь к работе УЗОРа товарища Вернадского. Во-первых, он создал несколько философских теорий, многие из которых очень близко соотносятся с реальностью, как я ее понимаю. А, во-вторых, в моей истории именно с его подачи в 40-м году начались исследования урана, приведшие к созданию атомной бомбы.

— Что же, товарищ Алексей. Мы подумаем над Вашим предложением. На первый взгляд не вижу ничего невозможного.

Раздался телефонный звонок. Сталин поднял трубку и из динамика послышался голос Поскребышева. — Товарищ Сталин. Прибыл товарищ Берия.

— Пусть зайдет.

Вошедший человек отличался от своего прототипа, знакомого мне по множеству кинофильмов, еще меньше, чем сам Сталин. Я невольно разволновался. Ну представьте себе сами, обычный человек нашего времени в окружении сразу двух самых могущественных людей СССР. Да и энергетика Берии лишь немногим уступала сталинской. — Они тут что, все такие? — мелькнула мысль.

— Познакомьтесь, товарищ Берия, это и есть тот самый человек, о котором я Вам вчера рассказывал.

Весь вид Берии выдавал крайнюю степень удивления. Этот двадцатилетний пацан в форме лейтенанта ГБ и есть тот самый удивительный "гость из будущего"?

— Добрый день, Вас смущает мой слишком молодой облик, Лаврентий Павлович? Так это легко исправить, — я быстро нацепил на себя маску позднего Ельцина. — Вот такая загогулина, пАнимаИшь.

Сталин уже знакомый с моими выкрутасами весело ухмылялся в усы, наслаждаясь обалдевшим видом Берии.

— Товарищ Алексей, я Вас попрошу не пугать так товарища Берию. Вам же с ним еще много работать. Вы сами давали ему очень лестную оценку. А загоните человека в гроб раньше времени, с кем работать будем? — Сталин явно наслаждался ситуацией.

Надо сказать, что Берия почти мгновенно пришел в себя и вполне приветливо ответил: — Здравствуйте товарищ Сидоров. Рад знакомству.



— Товарищ Берия, Вы ознакомились с представленными документами?

— Ознакомился, товарищ Сталин.

— Что, по Вашему мнению, нам стоило бы обсудить именно сейчас в плане предстоящей работы? Какую информацию нам попросить рассказать товарища Алексея из того, что Вы не нашли в документах?

— Учитывая, что среди первоочередных задач особо выделяется обороноспособность страны, я бы попросил рассказать товарища Сидорова о причинах столь провального для СССР начала войны.

— Хорошая тема и, как говорил товарищ Ленин, архиважная. Можете товарищ Алексей рассказать нам об этом подробнее.

— Могу, товарищ Сталин. Только прошу учесть, что эта информация является плодом моих логических рассуждений, сделанных на основе большого объема прочитанного материала, как документального, так и художественного характера. Более того, заранее предупреждаю. То, что вы услышите, вам обоим очень не понравится. Но кто-то должен вам это сказать, иначе ничего не исправить. А кроме меня никому.

— Слушаем Вас.

— Я вижу несколько важнейших причин катастрофического провала СССР в начале войны. Это, во-первых, недооценка реальной угрозы нападения. Еще до начала агрессии наша разведка неоднократно докладывала о готовности Гитлера начать войну, называлась даже точная дата. Однако, эта информация была сочтена руководством СССР провокацией. Тем более, что меньше, чем за два месяца до вторжения германских войск Гитлер отправил Вам, товарищ Сталин, секретное письмо, в котором подтверждал свои дружеские чувства к СССР, объявлял о планах начать наземное вторжение в Англию, а также объяснял сохранение большого числа дивизий на восточном направлении исключительно вопросами конспирации, дабы не спугнуть англичан.

Вторая причина заключалась в излишней уверенности среди наших партийных и хозяйственных органов в наличии советско-германской пролетарской солидарности. И такая ошибка очень дорого нам обошлась.

Третья причина была в том, что немцы исключительно организованная нация. Для них война, это та же работа, которая должна быть сделана вовремя и хорошо. В этой связи все их службы до начала войны с СССР были идеально сбалансированы и координированы между собой, к тому же обкатаны в войне на западных направлениях.

В-четвертых, стратегия и тактика действий советских и германских войск была примерно одинаковой. Более того, немцы были прекрасно об этом информированы уже до войны. Сказался тот факт, что с середины 20-х годов в СССР проходили обучение сотни офицеров Рейхсвера, регулярно проводились совместные учения и штабные игры. В результате все основные наработки командного состава РККА были для немецкого штаба открытой книгой.

Пятая причина заключается в том, что наша и их стратегия были очень похожи, но реализовать эту стратегию можно лишь в условиях, как минимум, паритета, а лучше превосходства в воздухе. Но при том, что на момент начала войны РККА имела большое численное преимущество в самолетах, значительная их часть была представлена устаревшими моделями. Кроме того, уже в первые часы войны из-за предупредительных налетов немецкой бомбардировочной авиации мы лишились огромного числа боевых машин. А попытка использовать оставшиеся лишь ухудшила дело. Нашим летчикам приходилось в

первые дни войны сражаться одним или двумя самолетами против целых эскадрилий современных немецких истребителей. Отправка на задания бомбардировочной авиации без истребительного прикрытия вообще чуть не лишила нас всей авиации. А ведь авиация это не только и не столько машины, это в первую очередь люди, которых за два дня не научишь.

Шестая причина заключалась в неграмотном планировании складов. Все они оказались уже под первыми ударами бомбардировочной авиации немцев и фактически разгромлены.

В результате всего этого около четырех миллионов советских солдат и офицеров уже в первые месяцы войны оказались в котлах окружений, без продовольствия, без боеприпасов, без связи. Про связь стоит сказать отдельно. РККА до войны так и не смогла на нижнем и среднем уровне овладеть радио связью. В результате пользовались проводной телефонной. Но множество диверсионных групп немцев из специальной бригады "Бранденбург 800", контингент которой в совершенстве владел русским языком, заброшенных на нашу территорию перед самой войной смогли обнаружить и перерезать почти все линии связи, соединявшие войска с командованием армий и округа.

И, наконец, одной из самых важных причин провала я считаю бездарное руководство войсками на всех уровнях. При том, что неоднократно и повсеместно наши бойцы и командиры проявляли подлинный героизм, в большинстве случаев этот героизм был вызван головоутием и преступными командами командиров и комиссаров. В войне главное сохранять жизнь бойцов и командиров. Это их прямая обязанность выжить самим и уничтожить как можно больше врагов. А у нас все обучение происходило строго наоборот. "Мы как один умрем в борьбе..." Умереть дело не хитрое, а кто тогда воевать будет. Постоянная отправка наших солдат в безнадежные контратаки на пулеметы окапавшегося противника, в которой бойцы и командиры гибли целыми полками и дивизиями, не добиваясь никакого результата. Танки, отправленные в бой без поддержки пехоты, в результате чего они становились легкой жертвой врага. Именно это лишало нашу армию в первые месяцы не только физических сил у бойцов, а иногда и их элементарного наличия, не только боевой техники, но и морального духа. Войне надо было учиться. К сожалению, учиться нашей армии пришлось уже по ходу войны. Те, кто выжил в первые месяцы, выстоял под Москвой, те научились. И потом погнали врага до Берлина. Но таких могло быть в разы больше. Вот именно такой я вижу ситуацию.

На обоих, и Сталина, и Берия страшно было смотреть. Невероятная смесь гнева, негодования, боли, страха и еще множества других чувств отпечаталась на их лицах. Берия, тот вообще не понимал, как в кабинете Вождя могли звучать подобные речи, а потому еле заметно косился на Сталина, ожидая его реакции. Сталин не мог не понимать, что значительная часть высказанных упреков, относилась к нему лично, хотя это и не было озвучено напрямую.

Тем не менее, Сталину удалось сдержать свое раздражение и гнев и проговорить довольно спокойным голосом:

— Да, товарищ Алексей. Вы нам озвучили очень жесткий приговор. Я бы даже сказал жестокий. Но не думаю, что Вы сделали это, желая обидеть советское руководство или оскорбить. В Ваших словах была слышна искренность и боль. К тому же Вы ни разу не отделили себя от СССР, это тоже хорошо. Мы очень внимательно отнесемся к Вашим словам и постараемся не совершить тех ошибок, что совершили у Вас.

Берия, немного отошел, хотя все еще смотрел на меня, как на смертника. Ничего, привыкнет.

Дальнейшая встреча не стоит долгих описаний. Сталин ставил задачи, а мы внимательно их выслушивали и принимали к исполнению. В заключение Сталин поинтересовался у Берии, что он может сказать про Меркулова. Судя по всему, услышанная характеристика Сталина вполне устроила. А потому он отправил нас на Базу. Работать.

## **Глава 12.**

### **Начало битвы за урожай.**

Следующая пара месяцев запомнились мне как непрекращающийся аврал. Сначала меня "пытал" Берия, дальше я уходил к себе и делал подробные записи по интересующим его темам. Потом мы снова встречались, обсуждали вопрос, и все повторялось сначала. Лаврентий Павлович оказался удивительно увлеченным работоспособным человеком. Я вообще с трудом понимал, когда он отдыхает. Ладно я. Мне сон, как таковой, был не очень-то и нужен. Для подзарядки матрицы, как я выяснил опытным путем, хватало буквально часа. А когда спал он, было для меня загадкой. Вечерами, изнасиловав мой мозг и память, он уезжал, как я подозреваю на доклад к Сталину.

Так продолжалось почти две недели. Затем наши ряды пополнились первой командой, набранной Берией из сотрудников НКВД, имеющих высшее техническое образование. Причем, что было приятно, мои рекомендации по психотипам людей, были полностью учтены. Берия предупредил меня, что все эти люди теперь наши постоянные сотрудники и их уже вкратце ввели в курс дела. Все они дали самые страшные подписки и согласились на жизнь на казарменном положении. То есть им можно было не позавидовать, но в глазах этих двадцати-тридцати летних людей я читал только горящий восторг от прикосновения к тайне и желание творить будущее.

Забегая вперед, скажу, что все они без исключения оказались трудоголиками не хуже самого Берии. Даже когда официальная работа заканчивалась и были часы отдыха, я все равно часто видел их продолжающих активно и яростно спорить в попытках доказать друг другу очередную истину. Глядя на них, на Берию, да и на самого Сталина, я начинал лучше понимать эту эпоху поистине великих свершений и великих самоотверженных людей. Их не заботили развлечения и, как у нас принято говорить, приятное и расслабленное времяпровождение, они жили работой, отдавая всех себя построению светлого будущего, которое ежедневно творили своим трудом. Впрочем, отдыхать они тоже любили. И с такой же яростью и жадой жизни. В наших первых командах практически не было женщин, но, понимая, что вопрос нельзя доводить до кипения, руководство решило и эту проблему. На базе постоянно трудилось достаточное количество молодого и симпатичного женского обслуживающего персонала. Разумеется, эти девушки пользовались у сотрудников УЗОРа большим вниманием. И даже здесь чувствовалось отличие от нашего времени. При том, что никто не обращал внимания на особые условности, я ни разу не заметил ни одного косога взгляда на женщин и не услышал ни одной разборки между мужиками по их поводу. Возможно, что-то и было, даже было наверняка, но решались в таком случае все эти проблемы очень тихо. Никакого напряжения в командах я не ощущал совершенно.

Работа в командах не сразу, но пошла. Сначала мне никак не удавалось добиться слаженности работы и равноправности всех членов команды в процессе. Люди, привыкшие к четкой жизни по Уставам старательно держали паузу, ожидая пока выскажется старший по званию. Я кричал, ругался, объяснял, спорил, но ничто не приносило результата. Слишком непривычного стиля обсуждения проблем я требовал от людей. Но затем, в течение месяца работа как-то наладилась, и ребята почувствовали настоящий вкус к совместному

творчеству. Неоднократно приходилось наблюдать, как-то какой-нибудь лейтенант увлеченно доказывал Берии, что тот не прав, и делать все надо иначе. И что не менее любопытно, самому Берии такой подход тоже нравился. Он совершенно не старался подавить собеседника авторитетом или партийными лозунгами, напротив, он тщательно подбирал слова и искал стоящие аргументы в защиту своей позиции.

Регулярно виделся я и с Вождем, чаще вместе с Берией, но бывали и индивидуальные приглашения.

Примерно через месяц с небольшим, сразу после празднования Первомая, мы переехали на новую Базу. Новая "резиденция" УЗОРа оказалась для меня не только сюрпризом, но и очень приятным подарком. Сталин расщедрился и выделил нам весь Серебряный Бор. В детстве я жил в том районе, а потому испытывал к нему самые романтические чувства. Сталин не обманул. На новом месте сосен было ничуть не меньше. Все 234 гектара территории окруженного почти со всех сторон Москва-рекой полуострова были наши. Да-да, островом Серебряный Бор стал лишь в 37-м, когда было решено пробить, минуя излучину, Хорошевский канал. А сейчас перешеек был полностью перегорожен забором с колючей проволокой и довольно серьезным пропускным пунктом. Охранялось все это хозяйство спецотрядом под руководством того же Иваненко, который вместе с дополнительными хлопотами успел получить и новое звание майора госбезопасности. Чем был весьма горд.

Выделение под УЗОР столь известного и популярного в Москве места, в котором в начале 20-х любил жить сам Ленин, думаю, далось Сталину нелегко. Для этого ему пришлось выселить из расположенных на полуострове дач не меньше сотни чиновников различного ранга вместе с семьями, среди которых было очень немало даже членов ЦК. А вот три детских дома, расположенных на полуострове решено было оставить. Это решение пришло после одного из моих разговоров со Сталиным в присутствии Берии еще в первый месяц работы.

Как-то после очередного нашего доклада Сталин вдруг сменил тему и спросил меня:

— Товарищ Алексей, в своей первой записке по поводу организации работы УЗОРа Вы отметили отдельным пунктом вопрос молодежи, но никак его не расшифровали. Не поясните, что именно Вы имели в виду?

— Охотно. Давайте пойдем от целей. Их две. Внутри страны нам необходимо иметь мощную разветвленную тайную организацию, о которой не будет знать никто ни в стране, ни тем более за рубежом. Подчиняться эта организация должна только Вам, а после Вас следующему руководителю СССР. Вне страны нам также потребуется иметь разветвленную сеть информаторов и убежденных помощников, работающих не за деньги, а в силу своей веры в правое дело. Нам предстоит схлестнуться с целой многоуровневой системой тщательно законспирированных тайных обществ и Орденов, обладающих на Западе истинной властью и могуществом. Для того, что бы им противостоять официальных государственных органов и служб недостаточно. Они, хотим мы или нет, но на виду. И состоят из совершенно различных по своему складу людей. Рано или поздно находятся те, кого угрозами или посулами, деньгами удастся заставить работать против своей страны. А вместе с ними под удар неизбежно попадают все, с кем они связаны по службе. Так было раньше, так есть сейчас и так будет в наше время. Но невозможно внедриться в то, чего нет. Что на поверхности никак себя не проявляет.

Вопрос, из кого набирать этот, как я его для себя назвал, тайный Орден Хранителей? Если мы возьмем простых советских людей, то сразу же попадем под все риски их

слабостей. У всех есть семьи, родители. Рано или поздно они не смогут удержать информацию в себе. Единственный выход, это набирать членов Ордена из воспитанников детских домов. Причем, обучение и воспитание должны начинаться именно в детских домах и чем раньше, тем лучше. Только в этих домах не должно быть ни одного ребенка, у кого были репрессированы родители, независимо от тяжести наказания.

— Почему Вы так считаете? Дети отвечают за родителей?

— Нет, товарищ Сталин, дело в другом. Родовые связи слишком сильны. Более того, если мы хотим построить сильное солидарное общество, то мы просто обязаны всеми средствами пропаганды усиливать значимость родовых связей. Уделять максимум внимания почитанию предков и родовых корней. Народ — это объединение братских Родов. А теперь представьте себе, что даже если ребенок вдруг случайно узнает, что его отец или мать оказались врагами народа. Это огромные риски. Как бы сильно не было воспитание, многие захотят отомстить, даже поначалу не отдавая себе в этом отчет. Они просто будут обязаны усомниться в справедливости приговора. Нам не нужны эти риски. Но суть этих детских домов должна кардинально поменяться. Там должны быть лучшие условия, лучшие преподаватели. Дети с первых лет жизни должны ощущать теплоту и заботу родного государства, способного полностью заменить им родителей. Тогда со временем мы получим настоящую тайную армию преданнейших и подготовленных бойцов.

Кстати, скоро в Европе разразится война. Сначала в Испании, потом везде. Считаю, что мы должны проявить гуманность и максимально вывезти детей, оставшихся сиротами, с территорий воюющих стран. Таким образом, мы получим в Орден немало природных носителей культурных традиций и языков Европы, которых позже сможем полноценно использовать на их Родине.

— Да, это очень серьезное предложение, требующее тщательной проработки. Спасибо, товарищ Алексей, мы подумаем. А скажите, что Вы имели в виду под сетью тайных обществ на Западе? Евреев с их "Протоколами Сионских мудрецов"?

— Не только. Собственно, евреи являются низовым и самым массовым уровнем этой Сети. Через систему связей синагог, они образуют единую всемирную информационную сеть, которая в конечном счете работает на тайные общества. В мое время для передачи информации по этой сети независимо от месторасположения "абонента", являющегося членом иудейской общины, требовалось всего сорок минут. Сейчас, думается в разы больше, но это не меняет сути дела.

Было видно, что для Сталина такие слова оказались настоящим откровением, видимо, с этой точки зрения, он синагоги никогда не рассматривал. А быстрый взгляд на Берию показал, что вопрос был явно принят к изучению.

— Но я хочу сказать еще. Я нормально отношусь к евреям, как и к любому другому народу. Более того, это яркий, талантливый и умный народ. Сильный и сплоченный народ. Очень многому у них стоило бы поучиться любому другому народу. Но все дело в том, что для них общинные связи всегда сильнее любых иных. Еврей может всю жизнь плодотворно трудиться на благо того государства, в котором живет. И принести ей множество благ и достижений. Но только до тех пор, пока это не идет в разрез с интересами его собственной диаспоры. В противном случае с почти стопроцентной вероятностью он превратится во врага. И за это их даже нельзя винить. Это впитано ими с молоком матери, по-другому они бы просто не сохранились как народ. Просто это надо знать и учитывать. Враждовать с евреями тоже не выход. В этом случае на нас ополчится весь остальной мир. Практически во

всех странах Европы, в США еврейская диаспора имеет очень серьезный вес и вполне способна влиять на политические решения этих стран. Но мы просто обязаны создать в противовес их сети свою собственную, преданную нам и работающую на нас. Только в этом случае мы сможем соблюсти мировой баланс и обеспечить будущее всему человечеству. Более того, наша сеть должна быть на порядок более закрытой и тайной. Ведь одним из мощнейших рычагов воздействия на людей на Западе являются деньги. Именно с помощью денег, сосредоточенных в руках тайных обществ, формируются необходимые альянсы, агенты влияния, содержатся политические партии, выигрывающие выборы и так далее. Мы будем использовать этот ресурс, но только там. У нас деньги, слава Всевышнему, не играют ключевой роли. Они лишь служат инструментом распределения материальных благ между людьми. Нам необходимо искать другие, более тайные, но не менее мощные инструменты влияния и управления массами. Одной официальной коммунистической идеологии здесь недостаточно.

— Спасибо, товарищ Алексей. Давайте на этом прервемся, а то, боюсь, мы окончательно уйдем в дебри мистических истин и потеряем нить, с чего начали. Но позже мы еще не раз к этой теме вернемся.

Вот так и получилось, что после того разговора Сталин решил немедленно начать воплощать идею в жизнь. Именно потому и были оставлены в Серебряном Бору все три детских дома. Правда в них полностью поменялся воспитательский и преподавательский состав. Частично сменились и воспитанники. Все дети старших возрастных групп, которых уже поздно было переучивать, были распределены по другим детдомам Москвы и ближайших регионов. Сталин выступил в газете "Правда" с большой статьей, в которой отмечалось, что дети это наш главный капитал, наше будущее и призвал все партийные и советские органы обратить самое пристальное внимание на качество жизни и воспитания детских домов на всей территории СССР. Это была продуманная и грамотная дымовая завеса, позволившая оперативно взять под крыло разработанной спецпрограммы более десятка детских домов по всей территории страны.

Моя идея начала воплощаться в жизнь.

### **Глава 13.**

#### **Трудовые будни.**

Как с самого начала и планировалось, основное внимание на первом этапе уделялось вопросам обороны. Работа поначалу шла трудно. Попробуйте объяснить нормальному патристически воспитанному командиру, даже с аналитическим складом ума, что вооружение Красной Армии совершенно не годится для современной войны. Что все тысячи советских танков не смогут сыграть в ней никакой положительной роли и будут выбиты в первые же месяцы войны. За пистолеты хватались. Врагом народа называли. И это было. Не усмиряй периодически Берия страсти, не знаю, до чего дошло бы. Но постепенно страсти улеглись и диалоги плавно перетеки в конструктивное русло. А уж когда я для всех нарисовал по памяти будущие силуэты "тигров" и "пантер", подписал под ними основные ТТХ, которые знал, и повесил рисунки напротив советских Т-26 и различных БТ, всем все стало понятно. Причем, надо сказать, что особой Америки я ни для кого не открывал. К 35-му году осознание необходимости, например, вооружения танков пушками большего калибра (76 мм) пришло ко многим. Тот же Тухачевский являлся горячим сторонником создания так называемых артиллерийских танков. Так что процесс пошел в правильном направлении. Споры постепенно переместились в две области — способность создать

нарисованный мной еще для Сталина танк "мечты", а также вокруг необходимости иметь различные виды танков для различных видов боевых действий. По второму вопросу сильно мешала общепризнанная единственно верной наступательная стратегия, требовавшая скоростных, а значит, легких танков. Но шаг за шагом удалось сломить и это сопротивление. И здесь главным аргументом оказалось то, что никакой танк не должен слишком далеко отрываться от своей базы. Ведь без топлива и поддержки пехоты далеко не уедешь и много не навоюешь. В результате логические битвы закончились, удалось внедрить новое понятие "основной боевой танк", и команда, вплотную погрузилась в работу. Я, прочитав длинную лекцию насчет развития танков в период Великой Отечественной в моем времени от БТ до Т-34 и ИС-3, вспомнив все, что знал про торсионную подвеску и ее преимущества в бронетехнике, посчитал свою задачу выполненной. Впрочем, я еще посоветовал подумать над размещением двигателя в передней части танка для лучшей защиты экипажа, готовить который дольше и дороже, чем склепать новую машину. Что-то такое я читал в литературе. Хотя я честно предупредил, что это непроверенная идея, и ее я оставляю на усмотрение разработчиков. Собственно, в УЗОРе никаких танков, разумеется, не изобретали. Задача моей команды была в том, чтобы, опираясь на имеющийся мировой опыт и мою информацию из будущего, грамотно с учетом местных возможностей разработать техническое задание для КБ. Через некоторое время, Берия, видевший, сколько времени у меня ушло на убеждение несогласных и рассказ обо всех имеющихся у меня подробностях, решил оптимизировать работу Управления. Теперь меня по несколько часов в день буквально наизнанку выворачивали двое специалистов. Поскольку они уже были в курсе, что для меня главное не вспомнить что-либо, а набрести на необходимую ячейку памяти, то приходили они каждый раз вооруженными сотнями различных заранее составленных вопросов. Не знаю, как вне рамок физического насилия проходили допросы в НКВД или Гестапо, но я чувствовал себя именно подследственным, скрывающим ворох ценнейшей информации, причем, совершенно непонятно, ради какой идеи. А с учетом того, что эти специалисты старались трясти меня как грушу по совершенно разным вопросам, то голова у меня просто раскалывалась от обилия информации. Оказалось, что знаю я, хотя бы косвенно по литературе, на порядок больше, чем сам думал.

А вот работа, касающаяся ядерных разработок, велась совершенно иначе. Здесь уже Берия пытал меня лично, пытаясь максимально ограничить круг посвященных, а заодно гарантировав самому себе обладание всей полнотой информации. Видимо, Сталин поручил ему максимально форсировать работы по данной теме. Я уже по несколько раз рассказал все, что знал и что удалось вспомнить с помощью "пыточной" опросной технологии. А Берия все не успокаивался. Самым сложным оказалось донести до него мысль, что не надо срочно засылать группу диверсантов в Германию или США. И там, и там работы были еще в самом начале, а немцы так вообще шли неправильным путем, и пока англичане не разбомбят завод по производству тяжелой воды в Норвегии, выход на правильную дорогу к успеху им не грозит. Но параллельно Берия собрал в очередной "шаражке" команду всех специалистов, имеющих хоть какое-то отношение к данной теме.

Кстати о шаражках. В моем времени они появились позже и считались своего рода разновидностью заключения для неблагонадежных или провинившихся ученых, конструкторов и инженеров. В данном времени я предложил Берии другую идею. Необходимо было решить прежде всего проблему обеспечения гостайны по всем новым разработкам боевой техники и вооружений. Я предложил создать полноценные закрытые

спецгородки со всеми удобствами для семейного проживания работников, обучения их детей, магазинами и прочими видами тогдашнего ненавязчивого сервиса. И, разумеется, взять их под плотную охрану органов НКВД. Помимо всего прочего, таким образом я пытался решить проблему репрессий интеллектуальных кадров страны. Берия ухватился за идею двумя руками и сразу же начал ее внедрять при полной поддержке Сталина. Причем, даже для высшего руководства РККА был установлен особый режим посещения данных объектов. По индивидуальным спецпропускам, которые выдавал, между прочим, именно наш УЗОР.

Насколько я был в курсе, Берия поставил работу с размахом. Был дан зеленый свет ракетчикам из РНИИ, так что за судьбу Королева я теперь мог не волноваться. Появилась надежда, что баллистические ракеты, покрывающие всю планету по дальности полета, как и в последующем космические ракеты появятся в СССР значительно раньше. Уже к 38-му ожидалось появление первых "Катюш", причем, сразу в варианте увеличенной мощности.

Начались по моей информации работы над созданием боеприпасов объемного взрыва, зажигательных и кумулятивных снарядов, а также ручных противотанковых гранатометов. В меньшей степени я представлял себе ситуацию в авиации и стрелковом оружии. Но Берия заверял меня, что все под контролем, работы ведутся, и тот же И-17 с мотором водяного охлаждения появится в срок.

Наибольшей заботой для меня было сохранение тайны собственного прогрессорского воздействия на реальность 35-го года на максимально длительный срок. Я прекрасно понимал, что чем позже информация о новых масштабных разработках советского оружия просочится наружу, тем позже начнутся и ответные действия наших противников. Для меня лично это означало и мою собственную актуальность как информационного источника. Как только история не в мелочах, а на уровне глобальных событий изменит свой ход, я мгновенно превращусь в обычного человека, знающего о будущем не больше, чем любой другой. Причем, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что подобные мысли наверняка есть и у Сталина. Их просто не может не быть. А значит, если я хочу и дальше участвовать в преобразовании мира и иметь на это какие-либо основания, я должен уже сейчас продумывать свою будущую деятельность. В этой связи я предложил несколько мер, призванных частично оттянуть мою провидческую "слепоту", а частично обеспечить мне дальнейший фронт работ на длительный период времени. Конечно, я не называл истинных причин этих инициатив, благо нашлись очень правдоподобные предлоги.

Во-первых, с моей подачи все производства, конструирующие и выпускающие новую технику и виды вооружений, сразу же должны размещаться на Урале, вся зона которого должна быть специальным решением Советского правительства объявлена закрытой для иностранцев. Исключения следовало делать лишь для привлеченных специалистов, занятых на строительстве новых предприятий и установки на них импортного оборудования. Но и их свободное передвижение должно ограничиваться лишь специально выделенными зонами этих предприятий. Все это заранее следует оговаривать в их контрактах и достойно материально компенсировать.

А некоторых любителей "подсмотреть" быстро и уверенно должны отлавливать органы контрразведки и местных подразделений НКВД.

Во-вторых, все новые образцы вооружений следует испытывать также на Урале. А обучение этим видам техники в войсках должно происходить следующим образом: поочередно войсковые части должны целиком командироваться в учебно-тренировочные



лагеря, где проходить комплексное овладение новой техникой и оружием. Время у нас еще было, поэтому с поставкой новых образцов в действующую армию можно было и повременить. При таком порядке даже неизбежная утечка информации будет восприниматься как выдача желаемого за действительное и пропаганда при отсутствии реальной силы.

Мои предложения с воодушевлением были восприняты Берией и благожелательно Сталиным, а потому сразу же ушли к исполнению.

Особый энтузиазм Берии объяснялся тем, что по мере роста УЗОРа и его разработок, по мере активизации работы КБ, его аппаратная сила существенно возрастала. Этот комплекс мер позволял ему окончательно забрать под себя части НКВД, отвечавшие за охрану промышленных предприятий и конструкторских бюро. Сталин все это видел, но не только не препятствовал, но и всячески поощрял. Убийство Кирова заставило его по-новому посмотреть в том числе на собственную уязвимость и угрозу чрезмерного усиления органов НКВД. Текущее развитие ситуации его более, чем устраивало. Вместо одного монстра шла подготовка к созданию четырех, а то и пяти независимых друг от друга структур. Речь шла о Службе внешнего контроля (разведка/контрразведка), Главном Разведывательном Управлении РККА (военная разведка и диверсионная деятельность), Управлении Промышленной безопасности (охрана и защита промышленных объектов) и собственно НКВД, в ведении которого оставались уголовный розыск, охрана мест заключения, обеспечение общественного порядка. И все эти органы замыкались на Политбюро, а по сути на самого Сталина.

Параллельно я тщательно продумывал организацию теневой финансовой империи на Западе с помощью и силами внедренных в Европу, США и Азию оперативников СВК. Пок история еще повторяла свой путь, надо было успеть заработать как можно больше денег. Благо моя память хранила все основные тренды и котировки этого времени. Не зря же я их столько изучал в свое время, пытаюсь отыскать свой "Грааль". Разумеется, не нашел, но сейчас знание схем афер и финансовых технологий будущего могло дать мне серьезные преимущества. Сталин обещал подключить к этой работе Артузова уже этим летом.

Но и про иные направления я не забывал, да мне никто и не давал об этом забыть. Особый интерес Берии вызвал рассказ о чудо-лекарстве — антибиотике. Я про это знал хоть и немного, но достаточно для перевода работы в практическое русло. Через ИНО сотрудниками Артузова была добыта в Англии у Александра Флеминга культура плесневого грибка, а также технология извлечения из него активного вещества — пенициллина. Ну а со среднеазиатскими дынями проблем не было, сезон как раз начинался. Именно на этих дынях, как я читал, грибок развивался особенно активно и давал максимальное количество пенициллина.

А вот с шариковой ручкой я прокололся. Хотя в СССР ее действительно не существовало, но изобретение уже было известно на Западе и запатентовано. Впрочем, Берия с пониманием отнесся к подобной проблеме и предложил выдумать что-то иное подобного рода. Недолго думая и перебрав в голове несколько вариантов, я вспомнил про фломастер. Принципиально и технологически он был даже проще. В Европе появился лишь в 60-х, это я откуда-то знал. Оставалось проверить Японию, в которой он и был изобретен. Идея ушла в проработку.

Но помимо всего этого были два направления, которые беспокоили меня больше других. Это нефтехимия с выходом на максимально быстрое производство пластика, а также

развитие электронных вычислительных машин. Проблема заключалась в том, что я довольно мало и поверхностно представлял себе эти области. Они как-то не входили "дома" в круг моих интересов. Я так честно Берии и признался. Он обещал подумать и подобрать команды разработчиков таким образом, чтобы даже по моим обрывочным и любительским представлениям, они смогли быть понять главное направление поисков.

В последствии выяснилось, что он был не так уж и неправ. Дело в том, что для понимающего человека даже заданность чисто внешних существенных признаков может дать хороший импульс в правильном направлении. Так, например, мои слова о том, что через несколько десятилетий главным источником сырья для развития химической промышленности станет природный газ, гигантские запасы которого содержатся в недрах СССР, дали мощный толчок к развитию этого направления и созданию сразу двух специализированных НИИ. А вовремя упомянутые мной названия продуктов типа полиэтилена привели и вовсе к прекрасным результатам. Например, выяснилось, что этот полимер уже хорошо известен в научной среде. Его первый синтез был осуществлен немецким химиком Максом фон Пэкманом еще в конце 19-го века, хотя до сих пор этот материал не нашел широкого промышленного применения. Я всего этого не знал, но зато это знали те, кто был специалистом в этой области. А я в свою очередь неплохо представлял себе сферу его применения, пусть и на бытовом уровне. Воодушевленные химики принялись "пытать" меня с новой силой. В результате я вспомнил, что еще более эффективный полимер того же плана полипропилен был синтезирован лишь в 50-х годах с помощью технологии металлокомплексного катализа полимеризации олефинов. При этом я ни малейшего представления не имел о том, что такое металлокомплексный и что за зверь такой олифены. Но химики заверили меня, что разберутся.

А в компьютерной области мне даже удалось вспомнить, что первую механическую программируемую цифровую машину изобрел в 1938-м году некий немец по имени Конрад Цузе, который как раз сейчас должен заканчивать Берлинский политехнический институт. А на сегодняшний день самой продвинутой разработкой был механический аналоговый компьютер, разработанный в Массачусетском технологическом институте неким Вэниваром Бушем. Я совершенно случайно запомнил это имя, да и то потому, что читая как-то статью по истории компьютеров, обратил внимание на его фамилию и задумался над тем, не является ли он предком президента. Самое удивительное, что этого в совокупности с моими дилетантскими представлениями о том, как компьютер выглядит и каким образом что делает, оказалось достаточно для организации исследований. Хотя все же справедливости ради следует сказать, что главным виновником был не я, а молодцы Артузова, сумевшие выкрасть как "машинку" из Америки, так и вчерашнего студента из Германии.

Вот так мы и работали. Я даже практически не испытывал желания выбраться в город. Лишь несколько раз я обращался к Иваненко с подобной просьбой. В таких случаях он всегда сопровождал меня лично, хотя подозреваю, что не в одиночку. Он оказался довольно интересным человеком, очень довольным своей судьбой и особенно тем, что пусть и в качестве "силовой поддержки", но оказался сопричастным к великим делам, творившимся в УЗОРе. В чисто человеческом плане с ним также было легко общаться, поскольку я ни разу не завел разговора на темы, относящиеся к его непосредственной работе.

Проработав и очень плотно несколько месяцев среди такого количества энтузиастов, собранных в УЗОРе, я начал лучше понимать и это время и то, чем оно принципиально

отличается от нашего. Здесь я практически не встречал людей, озабоченных только своими личными проблемами. Наверняка были и такие, ведь мою "выборку" трудно было назвать представительной. И тем не менее. Здесь люди жили величием общей идеи творения будущего. Одного на всех. И это при всех трудностях материального и бытового плана придавало их жизни высокий смысл, которым они по праву гордились. В наше время это ушло. Каждый остался в своем маленьком мирке, который пусть и был более комфортным и обеспеченным, но совершенно не давал удовлетворения духовным запросам. Отсюда и такое количество депрессий, самоубийств и психических расстройств. Даже я, дитя своего времени, соприкоснувшись с этими людьми, невольно заразился их энтузиазмом и почувствовал себя другим человеком.

Спокойное течение жизни, если это так можно назвать, было резко прервано в первой половине июля.

#### **Глава 14. Начало перемен.**

Орджоникидзе примчался к Сталину 4 июля и настоятельно попросил его принять.

— Товарищ Сталин. Нашли! Нефть нашли.

— И где же?

— В Татарской АССР, прямо там, где было Вами указано. Правда, чуть глубже пришлось пробурить, но самая первая скважина дала нефть. И какую нефть! Их экспедиции сообщают, что качество отменное, а дебет скважины будет минимум в три раза больше, чем в Баку. Это настоящий прорыв.

Сталин смотрел на своего Наркома и молча улыбался в усы. — А что по другим наводкам?

— В Башкирии нефти ждут со дня на день, они уже в курсе, насчет нефти у татар, так теперь так расстроились, что не первые. Но уверены в успехе. Из Архангельской области также сообщают, что результаты должны быть скоро, все признаки налицо. Остальные пока работают, надежда и косвенные признаки у всех, но результата пока нет.

— Хорошо, товарищ Орджоникидзе, это действительно прекрасная новость, поблагодарите нефтяников от всего нашего народа и партии. И подумайте насчет наград. А нам теперь нужно срочно думать об организации там промышленной нефтедобычи и возможном строительстве нефтеперерабатывающего завода. Жду от Вас предложения и оценку потребностей для решения этих задач через неделю.

— Будет, товарищ Сталин.

Оставшись один, Сталин закурил и начал медленно обходить кабинет. — Значит, Алексей ничего не выдумал. Конечно, стоит дождаться и других результатов, но, скорее всего, там тоже все будет нормально. А это означает, что ко всем его словам стоит прислушаться более внимательно.

Подсознательно Сталин давно чувствовал, что все сказанное Алексеем не выдумка. Берия также регулярно докладывал, что постепенно намечаются прорывы сразу по нескольким направлениям. Но серьезных ответственных решений политического характера Сталин по возможности старался пока избегать. Сейчас же он постепенно приходил к пониманию того, что решение некоторых вопросов затягивать дальше не имеет смысла.

— Да и с самим Алексеем стоит уже начать разговор на более общие обозначенные им темы, которых они пока не касались, — подумал Сталин.

Через неделю Орджоникидзе докладывал Сталину план разработки сразу нескольких месторождений. Нашли нефть в Башкирской АССР и алмазы в Архангельской области

Остальные экспедиции пока работали, но были полны оптимизма. Теперь главная проблема перетекала в область поиска необходимых ресурсов для строительства предприятий. Но это была решаемая проблема.

— Товарищ Сталин, не могу, мучаюсь все время. Как, Откуда? Этой информации цены нет. Ведь все находится именно там, где указано, это невозможно. И какую еще информацию может скрывать этот источник?

— Не волнуйся, Серго! — Сталин специально перешел на доверительный тон с официального. Скоро все узнаешь. Ведь именно ты и будешь работать дальше с самым источником. Но только скажу тебе прямо. Одно слово на сторону, и ты труп. Говорю тебе это, как старому другу. Информация настолько взрывоопасна, что может похоронить под собой всех, если попадет в чужие руки. Кроме тебя в твоём Наркомате ее не должен знать никто. Понимаю, что от слухов никуда не денешься, особенно позже. Сейчас-то мы еще сможем списать все на архивы старого геолога. Артузов очень неплохо поработал, но что будем делать, когда месторождения пойдут десятками, а я надеюсь, что так и будет? И все будет исключительно теми, которые нужны в первую очередь.

— Коба, извиняя, я тоже по-дружески. Ты знаешь меня десятки лет. Мы с тобой разные этапы прошли. В последнее время я вообще начал думать, что ты мне доверять перестал, и лично и политически. Но вижу, что ошибся и очень рад этому. Я прекрасно вижу, что что-то происходит, причем в обстановке очень большой секретности. Этот твой УЗОР мы по твоей просьбе тогда на Политбюро быстро согласовали, и никто, кроме Чубаря, ничего не вякнул даже, понимали, что без нужды ты такое делать не будешь. А раз не говоришь открыто, значит, причина есть. Тогда из всего состава только я почувствовал, что-то. Да и то благодаря этому твоему списку месторождений. Увязалось как-то в цепочку само. Помнишь, даже Ворошилов тогда промолчал, хотя это уж, казалось бы, совсем его сектор. Мы потом с ним переговорили, он сказал, что нужно подождать, когда ты сам все объяснишь, а пока просто доверять тебе. А потом, буквально за пару месяцев этот УЗОР из непонятного явления, воспринятого всеми как очередной теоретический институт, превратился в могущественную структуру, сопоставимую с моим собственным Наркоматом. Берию уже боятся больше, чем кого-либо, кроме тебя. И ведь не пустышкой оказался. Задачи, которые УЗОР поставил перед КБ и заводами, все эти закрытые городки и промзоны на Урале, все это буквально поставило на уши всех. Так что, пришло время объясниться?

— Похоже, пришло. Только нужно очень хорошо себе представлять, как и с кем объясняться. Я очень рад, что не ошибся в тебе, Серго. Ты очень нужен партии и государству, ты очень нужен мне. Если мы хотим уцелеть, то нам придется очень многое и очень быстро менять. Полгода назад убили Кирова, сейчас под прицелом все мы. Троцкий уже в открытую призывает своих сторонников к мятежу. А по мере того, как то, что мы сейчас начинаем делать, будет всплывать наружу, опасность будет многократно усиливаться. И нам необходимо нанести упреждающий удар. Иначе мы проиграем.

— Даже так? Коба, что происходит.

— Происходит Серго то, что у нас три с половиной месяца назад появился "гость из будущего". Наш соотечественник из 21-го века. Не смотри на меня, как на сумасшедшего. Это правда. Вся его информация, включая твои месторождения подтвердилась пока на 100 процентов. Кстати, ты не знаешь, кто такой Стаханов?

— Нет, а кто это?

— Вот и я не знаю, и никто, кого не спрошу, не знает. А между тем "пришелец" твердо

уверен, что 31 августа или 1 сентября этого человека будет знать вся страна. А помимо того, десятки сбывшихся с точностью до дня событий. Вот как тебе это? — Сталин взял со стола вырезку из какого-то документа и показал Орджоникидзе:

6.

*09.06.35 Парламентские выборы в Греции. Популисты (монархисты) получают 243 места (Либеральная партия бойкотировала выборы).*

— Эта информация лежала у меня на столе 26 марта. А вот посмотри на доклад нашего НКИДа от вчерашнего числа. Цифры совпадают абсолютно. И причины те же. Как такое может быть? А таких дат и событий у меня куча. И все до одного сбывлись в точности. Что я, по-твоему, должен думать? И как ты сам правильно сказал, информация по месторождениям бесценна. Ни одна разведка в мире, даже обладая такими данными, никогда бы их не продала, не то, чтобы отдать даром. И со всем этим я живу уже четвертый месяц. Думаешь легко тащить этот груз?

— Хорошо, теперь потащим вместе. Кто еще в курсе? Пока только ты, я и Берия. Не считая, разумеется, персонала УЗОРа. Там в курсе все. Без этого невозможно работать.

— Так вот почему они у тебя все "невыездные"? Теперь понятно. Еще бы.

— Но уже в самое ближайшее время придется посвятить и нескольких других товарищей. В частности Артузова, Молотова, Кагановича и Ворошилова. У каждого из них будет свой участок работы, по которому без участия "гостя" и без его информации не обойтись. Нас, Серго, в ближайшие годы ждет самая страшная война в истории. Если только мы своей волей и трудом не сможем изменить историю. А ты представляешь, сколько у нас врагов. Явных. А скрытых ведь на порядок больше.

— Теперь все понятно до конца. Располагай мной полностью. — Орджоникидзе не решился спросить, почему в этом списке названных Сталиным не было очень многих, кому там полагалось быть прежде всего по должности. Тому же Ягоде или Тухачевскому. Да и не все члены Политбюро в нем оказались. Видимо, не все товарищи прошли тест из будущего. Но главное, что прошел он сам, а то последнее время иногда сосало под ложечкой. Не хорошо так сосало. С предчувствием.

— Хорошо, иди, Серго. Мне нужен от тебя список первоочередных дефицитных ресурсов, месторождения которых могли бы нам помочь.

— Сделаю.

Следующим Сталин попросил приехать Артузова. Разговор вышел достаточно коротким, но определил очень многое.

— Мы довольны, товарищ Артузов тем, как отлично Вы справились с порученным Вам заданием по легендированию месторождений. Кстати, некоторые из них уже обнаружены, в самое ближайшее время начнется их освоение. Надеюсь, вскоре подтвердятся и остальные. В этой связи легенду пора запускать. Только тихо, чтобы не было никаких подозрений. Теперь следующее. Есть мнение, товарищ Артузов, создать новую структуру вне Наркомата внутренних дел. Службу внешнего контроля, подчиненную непосредственно Совнаркому и ЦК партии. Мы предлагаем Вам возглавить новую структуру. В ней планируется три направления работы. Внешняя разведка, контрразведка и экономическое направление. По разведке необходимо создать совершенно новую сеть агентуры, никак не пересекающуюся с товарищами из Коминтерна. Более того, в ней не должно быть ни одного человека, когда-либо связанного с этой организацией. Кроме Вас, разумеется. Со старой агентурой будете

работать, как и работали. Но связка только через Вас лично. С контрразведкой, думаю, не нам Вас учить. А что касается третьего направления, то его основная задача будет создавать в странах Европы, Америки и Азии успешные коммерческие компании, которые будут зарабатывать прибыль для Советского Союза, а помимо этого осуществлять для нас некоторые важные промышленные поставки.

Что Вы думаете по данному поводу?

— Это высокая честь, товарищ Сталин, — Артузов вскочил, — и высокое доверие. Сделаю все, чтобы его оправдать.

— Это на самом деле очень высокое доверие, товарищ Артузов. И постарайтесь его оправдать, очень постарайтесь. В ближайшее время Вы станете секретноносителем советского государства высшего уровня. У Вас будет крайне важная информация, которая позволит Вам работать гораздо более эффективно. Не подведите нас. Жду Ваши соображения по структуре, численности и составу СВК, а также потребному бюджету на первое время, через неделю. Наш разговор пока следует оставить только между нами. До Вашего официального назначения.

— Сделаю, товарищ Сталин. Все понял, товарищ Сталин, разрешите исполнять?

— Идите, Артур, и помните. Партия оказала Вам очень высокое доверие. Теперь все зависит от Вас.

Вскоре после этого Сталин пригласил нас с Берией к себе. Начать он решил с небольшой хитрости. Наградить меня и посмотреть, как я это восприму. Вообще он постоянно пытался на мне проверить различные уловки, эффективно действовавшие на его современников. Вот и сейчас. Встав напротив меня и вонзив в меня пронзительный давящий взгляд, он со значением произнес: — получены сообщения о находке нефти в Татарии и Башкирии, а также алмазов под Архангельском. По Вашим координатам. Товарищ Сидоров, Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство решило наградить Вас за выдающийся вклад в дело развития государства орденом Трудового Красного Знамени. Уверен, что Вы и дальше столь же самоотверженно будите отдавать все свои силы делу построения социализма.

Эх, как завернул. А ведь мы вообще пока не говорили с ним "за социализм". И ждет, что именно я отвечу. И как. А вот не угадаешь.

— Товарищ Сталин. Я знаю, что в таких случаях принято говорить: "Служу трудовому народу". Но я так сказать не могу. Я служу всему человечеству. Тому, чтобы оно жило и развивалось, а не погубило себя в войнах и катаклизмах через сто лет. Руками, кстати, этого самого, хотя и оболваненного, трудового народа разных стран. Но я исключительно высоко ценю Ваше отношение и доверие и могу точно сказать, что прекрасно понимаю, без мощного государства и справедливого общества в СССР не может быть никакого будущего у человечества. А потому я служу и трудовому народу СССР в том числе.

Сталин слегка опешил от такой длинной тирады и так и замер с орденом в руках. Но быстро нашелся и с усмешкой сказал: — Вот вечно Вы так, товарищ Алексей. Любой торжественный момент испортите. Нет, чтобы коротко сказать, как принято, а потом уже за чашкой чая повыпендриваться в своем стиле.

— Извиняюсь, товарищ Сталин. Не прав. Признаю.

— То-то же.

И вручил орден.

— Поскольку Ваша информация начала подтверждаться, предлагаю Вам подумать над

тем, какие еще месторождения Вы можете вспомнить, особенно в свете надвигающихся событий. В ближайшее время Вы начнете напрямую работать по этим вопросам с товарищем Орджоникидзе, но общее руководство всем УЗОРОм остается за товарищем Берией. Он должен быть в курсе всего происходящего. Все встречи только на базе УЗОРа.

— Все понятно, товарищ Сталин. Есть одно предложение.

— Какое. Есть замечательный русский ученый. Василий Леонтьев. В 23–24 годах он разработал в СССР теоретические основы межотраслевого баланса. Экономико-математической модели, позволяющей очень точно считать и прогнозировать потребности в различных видах ресурсов, необходимых для выпуска запланированного объема продукции. К сожалению, сейчас он живет в США, имеет американское гражданство и женат на американке. Было бы просто прекрасно пригласить его для дальнейшей работы в СССР сейчас. Но если это невозможно, то хотя бы обеспечить возможность получения его последних разработок, а в идеале и прочтения им в СССР курса лекций.

— Товарищ Берия, свяжитесь с товарищем Артузовым. Он уже в курсе немного наших дел, хотя и без информации о товарище Алексее. А скоро присоединится к ним плотнее. И попросите его аккуратно прозондировать этот вопрос. Это может быть очень важным.

— Сегодня же сделаю. Товарищ Сталин.

На базе я всерьез озаботился вопросами новых месторождений. Здесь было, что вспомнить. Когда-то мне пришлось неплохо поизучать экономическую географию. Так что все открытое в эпоху СССР должен знать. Вопрос в том, что именно требовалось прямо сейчас.

Хотя кое-что потребуется точно. Это месторождение урана в Казахстане. "Адрес": Казахская ССР, Южно-Казахстанская обл., Сузакский район, с. Степное. Уран нам потребуется и довольно быстро. Во-первых, обогащение урана дело длительное, хлопотное и серьезное. Чем раньше начнем разработки месторождения, тем быстрее получим результат. А то гонка между странами намечается нехилая. Во-вторых, обедненный уран, остающийся после обогащения, будет целесообразно использовать в качестве сердечников для бронебойных снарядов и бомб. В наше время этим американцы увлекались для разрушения особо укрепленных бункеров. Да и тут объектов для таких снарядов в виде различных дотов и дзотов будет хватать. Я даже представил себе такую красивую картинку. Советский высотный бомбардировщик тайно прокрадывается на территорию Германии и в пикировании сбрасывает такую супербомбу на "Волчье логово". Благо примерный район я знаю, а более точные координаты разведка добудет.

Но это не для Орджоникидзе. Это для Берии. Такую тему он уж точно из-под себя не выпустит. Да это и хорошо. С ней далеко не любой справится.

Отвлечшись от мыслей, я задумался над тем, что теперь время точно поскочит очень быстро. Раз идет расширение круга посвященных, раз начинаются изменения в производстве и находятся новые месторождения, значит уже очень скоро следует ожидать и внешней реакции на наши события. В том, что любой чих в нашей стране отслеживается иностранными разведками, я даже не сомневался. Уже были даже замечены и пресечены попытки пробраться к нам. Иваненко оказался на высоте. Повязал с бойцами прямо на берегу. Оказались наши польские друзья. Потом даже что-то типа запросов дипломатических было. Дескать, пропали граждане Польши где-то в Москве. Ну а мы откуда знаем, где они шлялись? Трупов не находили, помочь нечем, разве что приметы развесим, если дадут. Примерно так и ответили. Тем более, что всем было хорошо известно, кто такие

поляки и по чьему заданию они работали. Но Иваненко надо предупредить, что теперь активность точно повысится. Да, и еще один момент. Если алмазы найдены, то нам следует уже в ближайшее время ждать в гости кого-нибудь из Оппенгеймеров. Не может "Де Бирс" себе позволить потерять международную монополию на бриллианты. Не для того пять лет назад Оппенгеймеры вложились по-крупному, скупив все алмазные рынки. А раз так, то с ней можно и нужно будет поиграть. И очень многое с них за поддержание монополии слупить. Завтра же переговорю со Сталиным. Или, нет. Лучше такие вопросы через Берию решать. Обидится. А мне этого совсем не надо.

### **Глава 15. Жатва.**

Следующие недели были наполнены большим количеством крайне драматических событий. Непосредственно нас касалось только открытие всех прочих месторождений, указанных в моем списке. Версия о том, что вся эта информация была найдена в дневниках некоего дореволюционного геолога-любителя Максакова официально не оглашалась, но получила широкую огласку в узких кругах и коридорах сразу нескольких Наркоматов.

Как я и ожидал, буквально через несколько дней, как стало известно про алмазы, в Москву на переговоры примчался Оппенгеймер. Причем, сам Эрнест, глава и фактический хозяин компании. Переговоры с ним вели Молотов и Орджоникидзе. Закончились они небывалым успехом. Де Бирс получает право на монопольное приобретение у СССР все ювелирных алмазов, предназначенных на экспорт, а взамен обязуется незамедлительно поставлять нам любое промышленное оборудование, включая комплектные заводы. И все это сроком на 10 лет. Я мог гордиться результатами. Это именно я подсказал через Берию, что именно надо просить и заставил сделать оговорку насчет "ювелирных". Теперь уже не наши дипломаты и экономисты отвечали за то, чтобы вытрясать из капиталистов требуемое оборудование, с которым они совсем не торопились расставаться, а Де Бирс и лично Оппенгеймер, глава одного из самых могущественных еврейских кланов. Плоть от плоти мировой закулисы, ближайший партнер Ротшильдов. К тому же цены на импорт оборудования упали примерно на 20 процентов. Это было зеркальное отражение нашего согласия на скидку при поставке алмазов. Но таковой ситуация казалась лишь на первый взгляд. Если бы мы взялись торговать алмазами или даже обработанными бриллиантами напрямую, то рынок бы мгновенно рухнул. Либо мы не смогли бы продавать требуемых объемов. Так что чистый выигрыш был налицо. Еще больше был доволен Артузов. Сразу же с моей подачи Сталин попросил его контролировать все возможные каналы утечки информации об алмазах за границу. В результате СВК удалось вскрыть целую небольшую сеть информаторов наших "заклятых друзей".

27 июля от острой сердечной недостаточности скорострительно скончался, как говорилось в официальном некрологе, видный деятель партии и Советского государства Нарком Индел, товарищ Литвинов. Вся страна погрузилась в трехдневный траур. На похороны съехалось множество представительных иностранных делегаций, часть из которых состояла из парней с совершенно не бросающейся в глаза внешностью и очень внимательными ищущими глазами. Делегациям устроили несколько показательных экскурсий по заводам столицы, а желающих увидеть мощь РККА даже свозили на полигон, где проходили испытания современных видов вооружения. Но ни одно предприятие под патронажем УЗОРа в список посещаемых объектов, разумеется, не попало. Как и не было продемонстрировано что-либо из опытных образцов. Хотя на все вопросы специально обученные сотрудники радостно и уверенно подтверждали, что все эти предприятия и



испытанные образцы курируются именно нашим ведомством. Прием, конечно, был примитивным, но на какое-то время сработать был должен.

Новым Наркомом, занимающимся внешней политикой, был назначен Молотов, сохранивший за собой и все другие посты, что было однозначно воспринято, как его усиление.

А с началом августа понеслось. 2 августа пьяным в собственной ванне в Норвегии утонул Троцкий. Поднялась огромная шумиха по всему миру, были попытки приписать эту смерть козням Сталина и НКВД, но никаких подтверждающих факто насильственной смерти не нашлось. Вскрытие показало, что он действительно захлебнулся. Во сне. Это позволило и норвежским социал-демократам отговориться от какой-либо причастности к инциденту. А потому шумиха быстро утихла. Через месяц за большие заслуги перед СССР и за поимку особо опасной банды уголовников орденом Ленина был награжден некий товарищ Наум Эйтингон. Празднование события прошло скромно и в очень узком кругу.

Уже 5 августа за контрреволюционную деятельность и организацию убийства Кирова был схвачен и лишен всех постов Нарком ВД Ягода. Его должность занял Всеволод Меркулов, исполнявший до этого уже месяц обязанности первого заместителя Наркома. В этот же день Сталин выступил в газете "Правда" с большой статьей о троцкизме, всячески пытающемся под разными личинами помешать строительству в СССР подлинного социализма, и о последователях Троцкого, все еще скрывающихся под маской верных сынов коммунистической партии В статье Сталин призвал к непримиримой борьбе с ними. Началась "большая чистка". Перед этим, понимая, что начинается новый масштабный этап борьбы с оппозицией, я несколько раз беседовал со Сталиным по поводу вреда, который могут нанести делу социализма и его будущего поспешные и ошибочные массовые аресты и осуждения. Особенно без суда и полноценного следствия. Убедить до конца мне его так и не удалось. Время было суровым, к тому же очень ограниченным. Но кое-что все же удалось.

Самая главная моя победа была уже в том, что НКВД не принимало в принципе к рассмотрению анонимные жалобы. Каждое письмо должно было содержать полную информацию об отправителе, а сам он был обязан быть готовым доказать свое обвинение в суде. В случае, если обвинение оказывалось недоказанным, то под суд уже мог пойти сам обвинитель. Стоит ли говорить о том, что в этих условиях количество обращений граждан в НКВД автоматически снизилось на два порядка? А после того, как по статье о наговоре в лагеря отправилось пару десятков жалобщиков, что было широко освещено в прессе, вообще почти сошел на нет. Тогда за аргументированное доносительство и проявленную бдительность в борьбе с врагами народа были объявлены награды и денежные премии. Поток снова немного подрос, но не сильно.

Таким образом, основные чистки коснулись среднего и высшего звеньев партаппарата и государственного чиновничества, а также армии. Вскрытый заговор Тухачевского привел к расстрелу только его руководящую тройцу, да и то не сразу. Благодаря планомерной работе, в том числе с привлечением моей информации из будущих архивов и воспоминаний, из Тухачевского удалось вытащить все реальные фамилии германского генералитета, с которым он был связан, и который намеревался устроить аналогичный заговор против Гитлера. Эта информация дорогого стоила. Часть близких к Тухачевскому офицеров, осознанно разделявших идею заговора, отправилась в лагеря, где они тут же были задействованы в качестве командного состава работающих на стройках Родины подневольных бригад. Но гораздо большая часть тех, кто в мое время в худшем случае получил пулю, а в лучшем

"пятерку" лагерей, на этот раз смогла избежать подобной участи. Они были, конечно, разжалованы в младшие командиры, кто-то в рядовые бойцы, но, тем не менее, направлены не в места заключения, а в специальные тренировочные лагеря для подготовки рядовых бойцов-новобранцев.

Была еще категория осужденных их числа научно-инженерных кадров, хотя и не очень многочисленная. За исключением небольшого числа реально выявленных предателей, сотрудничавших с иностранными разведками, остальные были отконвоированы в закрытые научно-производственные городки на поселения. Большая часть управленческих и технических производственных ошибок, которые в моей истории приводили к длительным срокам заключения, теперь отрабатывались на привычном рабочем месте с вычетами из зарплаты. И надо сказать, что такие меры воспринимались подавляющим большинством народа, как оправданные и вполне адекватные. В реализации всех этих изменений в технологиях чистки мне очень помог Берия. Его практический управленческий мозг мгновенно ухватил главную идею подобной оптимизации использования рабочей силы. А став моим сторонником, он смог во многом убедить и самого Сталина.

Если брать в целом, то общее число репрессированных по политическим или, правильнее сказать, не уголовным, статьям в этот период составило около тридцати семи тысяч человек по всей стране. Из них расстреляно было всего около полутора сотен человек. И ни одно осуждение не прошло вне открытого суда. Наиболее значимые процессы широко освещались в прессе. Несопоставимые масштабы с тем, что было в моем времени.

Зато очень круто НКВД взялось за уголовников. И в этом тоже была толика моего участия. В конце июля состоялся у меня со Сталиным разговор на эту тему. Причем вызов к Сталину касался совершенно других вопросов. Он очень заинтересовался моим докладом Берии о перспективах разработок вертолетной авиации, которая в мое время широко использовалась против бронетехники, а также для перевозок мобильных групп десанта. Тем более, что в СССР разработки такой техники уже начались. Камов всюду занимался проектированием автожиров. Параллельно над этой же темой в ЦАГИ работал не менее талантливый конструктор Миль. Выяснив для себя все, что хотел, и подтвердив, что с общей идеей полностью согласен, Сталин перевел разговор на тему борьбы с врагами народа, что в последнее время случалось довольно регулярно, а потом неожиданно вспомнил, что в самом начале я упоминал, про отдельное направление работы по борьбе с уголовщиной.

— Товарищ Алексей, скажите. В одной из своих первых записок Вы отдельным пунктом программы работы выделили борьбу с уголовниками. Что в этой теме для Вас нашлось столь интересного, чтобы загружать ее проработкой одну из команд УЗОРа?

— Понимаете, товарищ Сталин, это очень непростая тема. К сожалению, до революции, да и в первые годы Советской власти уголовники считались социально близкими к революционерам. А потому на них обращалось гораздо меньше внимания, чем оно того стоило. Причем, на идеологическом уровне этот вопрос так и не был пересмотрен. Но до революции такая постановка вопроса еще была хоть частично оправдана, поскольку большевики стремились обрушить старый порядок для строительства нового, собственного, а для уголовной среды хаос в обществе самое лучшее, что можно представить. А сейчас, когда социализм в СССР уже практически построен, и новый порядок утвердился на всех уровнях, уголовники стали откровенными врагами. Ведь воруют они уже у всего народа, даже в тех случаях, когда их жертвами становятся обычные граждане. И наша обязанность максимально оградить народ от воздействия этой уголовной среды. К тому же именно она

является прекрасным питательным бульоном для развития агентурной сети разведок всех наших врагов. Отсутствие каких-либо сдерживающих моральных устоев — главный крючок, на который цепляли агентов во все времена. Конкретная форма уже не принципиальна.

Сталин слушал очень внимательно, иногда кивая, видимо, находя отражение собственным мыслям.

— Но проблема гораздо сложнее той, что способны решить наши доблестные органы НКВД. Во-первых, ни одного уголовника наш народ не должен содержать за свой счет. Следовательно, любой зэк должен работать, принося пользу общества и зарабатывая себе на пропитание и охрану. То есть тюрем, где можно годами предаваться безделью, не должно быть в принципе. Во-вторых, даже атмосфера трудовых лагерей не позволяет человеку исправиться. Даже случайному, попавшему в такой переплет впервые. Особенно, если рядом с ним соседствуют бывалые зэки, преподающие ему совершенно чуждую нам уголовную культуру и даже романтику. В результате мы сталкиваемся с тем, что на свободу, отбыв срок часто выходит еще более закоренелый преступник, чем был посажен до этого. И вот здесь мы сталкиваемся с совершенно конкретной проблемой. Что делать с рецидивистами? Особенно с воровской верхушкой. Дело в том, что стрелять их, не выход.

— Почему не выход? Очень даже дешевый и быстрый выход.

— Нет, товарищ Сталин. Если мы начнем их приговаривать к высшей мере за любое преступление, а матерые уголовники обычно попадают исключительно на мелочах, то мы сами первыми начнем беспредел. И тем самым откроем "ящик Пандоры". Где гарантия, что из-за своих мелких, часто корыстных интересов какой-нибудь мелкий чиновник не начнет устраивать расправу с неудобными, объявляя их рецидивистами. За всем из Москвы не уследишь. Помните, сколько мне потребовалось сил и времени, чтобы хоть немного убедить Вас отказаться от массовых репрессий в отношении тех, кого можно было бы исправить другими методами? А ведь это планировалось в рамках единой централизованной операции под неусыпным контролем. А тут такой инструмент отдать на откуп на места? Но есть выход.

— Да? Интересно.

— Да. Мы можем организовать экспорт наших уголовников в другие страны.

Сталин расхохотался в полный голос. — Да уж, товарищ Алексей, умеете вы удивить. — Он вытер слезу и продолжил, — И что нам будут платить за такой уникальный экспорт, и куда мы их будем экспортировать?

Я довольно подробно рассказал Сталину о мафии в США, об организованной преступности моего времени, о том, как спецслужбы США получили контроль над всеми мировыми каналами сбыта наркотиков, о проституции, игорном бизнесе, синдикатах наемных убийц и многом другом.

— И Вы, значит, хотите, товарищ Алексей, чтобы наши матерые уголовники отправились в США, Европу, Азию и Латинскую Америку, для того, чтобы урвать кусок всего этого пирога? Я Вас правильно понял?

— Да, товарищ Сталин, верно.

— Но как Вы можете такое предлагать? Вы, конечно, не коммунист, но Вы всегда казались мне человеком порядочным и честным. И Вы хотите своими руками создать систему торговли смертью?

— Да. Только относиться к этому вопросу следует иначе. Возможно, для Вашего времени мои слова выглядят очень цинично, но мое время таково, оно жестоко и не прощает

чистоплюйства. Дело в том, что хотим мы или не хотим, но в тамошних странах этот вид коммерции или, как говорили у нас, бизнеса, существует. И это факт. Факт также в том, что сейчас он находится в стадии становления, хотя кое-где уже достаточно закрепился. Фактом является также и то, что этой средой в своих целях постоянно пользуются разведки и контрразведки всего мира, как и коррумпированное чиновничество и политики. Откажемся мы, ничто и никуда не исчезнет. Просто потеряем, или точнее, не приобретем, мы. Это сделают другие. Но это лишь одна сторона медали. Увы, но никто в мире не может жить, всегда нося лишь "одежды одного цвета". Мир един и сбалансирован. Если Вы хотите быть в чем-то хорошим, то в чем-то обязательно будете плохим. Например, уголовная среда, оппозиция, казнокрадство и репрессии — все это проявления темной стороны жизни общества. Мое предложение позволяет не просто экспортировать уголовников, оно позволяет экспортировать эту темную среду. Только подход должен быть грамотным. Отбор только волков, готовых драться, начальная языковая подготовка, групповая отправка, помощь и контроль со стороны СВК.

Сталин задумался, он уже не был столь весел или уверен в том, что я нес чушь.

— Хорошо, товарищ Алексей, мы подумаем. Если Ваше предложение будет принято, товарищ Артузов с вами свяжется.

Артузов связался через два дня. В это время все решения принимались быстро.

## **Глава 16.**

### **Предчувствие перемен.**

По мере того, как мои "информационные кладовые" иссякали, я все меньше уделял внимания оборонным вопросам. Даже про ядерный проект Берии удалось вытащить из меня намного больше, чем даже я себе представлял. Над задачей по созданию советской атомной бомбы работал уже огромный научный коллектив, в который пригласили всех ученых, которые и в моей истории занимались этим проектом, а также ряд других физиков, про существование которых я даже не знал. Ведомство Артузова очень тщательно контролировало ход аналогичных работ в Европе и в США. В частности удалось скопировать чертежи циклотрона, изобретенного американскими физиками Э. Лоуренсом и С. Ливингстоном, что значительно ускорило строительство аналогичного устройства в Ленинграде. Что же касается обычных систем вооружения, то команда работала уже без всякого моего участия, выйдя на уровень проблем, о которых я не имел никакого понятия.

В этой связи основное мое взаимодействие с советским руководством переключилось на экономическую сферу. Артузов начал организовывать первую сеть финансово-торговых компаний по всему миру и постоянно запрашивал информацию. Как раз этой сферой своих знаний я делился очень осторожно, понимая, что, во-первых, это чуть ли не единственная область, в которой я мог оставаться ценным информационным источником, а, во-вторых, я опасался, что с передачей большого пакета информации, она так или иначе окажется доступной тем, кому совершенно не предназначалась. В результате история изменится и все или почти все мои знания в этой области окажутся бесполезными. Я даже специально предупредил Артузова, что каждая конкретная сделка должна иметь максимальный объемный порог, не позволяющей привлечь к ней ненужного внимания. Благодаря такой технологии работы Артузов стал моим достаточно регулярным собеседником. И хотя я следуя договоренностям со Сталиным никому не рассказывать о его персональном будущем в моем варианте истории, Артузова я все же предупредил, что его новая пассия его погубит. Слишком любила она таскаться по приемам в различных иностранных посольствах. Артузов

ничего не ответил, но намек явно понял и взглянул на меня с благодарностью.

Орджоникидзе, лишь недавно полностью подключенный к проекту, набросился на меня со всем пылом своей еще нерастроченной энергии, пытаясь сразу же выяснить у меня все, что я мог знать по месторождениям совершенно разных видов сырья. В результате "копилка" его Наркомата пополнилась несколькими новыми месторождениями золота, полиметаллических руд, железной руды, коксующегося угля, нефти, газа и многого другого.

Очень меня порадовал тот факт, что Леонтьев, хоть и не согласился переехать в СССР насовсем, но пообещал в ближайшие месяцы посетить Москву и прочитать цикл лекций по вопросам составления межотраслевого баланса, как и оставить нашим специалистам все материалы для его самостоятельного расчета. Это должно было вывести государственное планирование экономического развития на принципиально иной уровень.

Помимо них в течении осени Сталин познакомил меня и с остатками своей "гвардии". Ворошиловым, Молотовым и Кагановичем. Видимо, чтобы просто не придумывать все новых источников информации. Изменения за последние полгода были настолько разительны, что только слепой бы не увидел, что его водят за нос. Правда, перед этим, найдя какой-то предлог, Сталин удалил из членов Политбюро Андреева и Чубаря, которым просто не доверял. Оба были обвинены в покровительстве оппозиционным уклонам и отправлены секретарями райкомов куда-то в Сибирь. А вот Берия, Артузов и Меркулов, наоборот, стали кандидатами в члены Политбюро. Я даже удивился, не увидев за весь этот период чистки и перетряхивания аппарата фамилии Хрущева среди разоблаченных врагов народа. Не такой человек Сталин, чтобы это забывать, да и Берия совсем не походил на овечку. Видимо, у них существовали какие-то свои резоны пока держать Хрущева при себе.

Из последней троицы "посвященных" мной всерьез заинтересовался лишь Каганович. Ворошилов решал все вопросы с Берией, Молотов со Сталиным, который специально предупредил меня, что все, касающееся внешней политики, это его личная монополия. А вот Кагановича интересовало все, что связано с транспортом и его будущими видами. Регулярно обсуждали мы с ним и проблемы развития дорожной и, прежде всего, железнодорожной сети. Особенно ему понравилась идея строительства железнодорожной магистрали вдоль Волги. По маршруту Астрахань — Самара — Казань — Горький — Ярославль — Ленинград. Помимо всего прочего эта магистраль имела и оборонное значения, становясь дублером трасс, идущих через Москву. Но главным было все же экономическая важность такой магистрали, дающей мощный импульс развития всем Поволжью.

В этой связи очень остро встал совершенно иной вопрос — где для разработки всех этих богатств и проектов брать рабочую силу. Рабочие требовались везде и в большом количестве. На добычу полезных ископаемых, на строительство новых заводов, комплекты оборудования для которых уже начинали поступать, но куда большие объемы ожидалось в течении ближайших двух лет. Ничуть не меньшее количество рабочих рук требовалось для строительства транспортной инфраструктуры. Частично эти проблемы решались традиционными для нашей страны способами — за счет армии и Гулага. Что-то удавалось выцарапать на селе, производительность труда в котором благодаря механизации стала резко возрастать. Но все равно. В любой сфере наблюдался жесткий дефицит. Когда этот вопрос был однажды затронут Сталиным в моем присутствии, я предложил самый простой для России моего времени вариант — завести гастарбайтеров.

— Смотрите, товарищ Сталин. В США сейчас хотя дно кризиса и пройдено и началось оживление экономики, количество безработных еще зашкаливает. Причем, очень

квалифицированных рабочих. Думаю, нам не составит труда завербовать по контрактам на работу у нас около миллиона семей. И это будут работающие семьи. Еще хуже ситуация в Европе. Там оживление по большому счету наблюдается лишь в Германии. А скоро начнется Гражданская война в Испании. Наверняка огромное число мирных жителей захотят, пусть и на время, убежать от войны и заняться мирным трудом. Тем более, что теперь у нас есть, чем им всем платить. Новых месторождений золота, которые, кстати, можно разрабатывать как раз руками этих иностранцев, позволят завозить иностранную рабочую силу в любых объемах. К тому же это будет иметь и очень сильный пропагандистский эффект. СССР протягивает руку помощи безработным Америки и Европы в знак классовой солидарности.

Как обычно бывало в неоднозначных ситуациях, Сталин отложил разговор, хотя было видно, что идея сама по себе не вызывает у него сильного отторжения. А через пару месяцев, сразу после Нового Года в США, Франции, Испании и даже Бразилии появились компании-агенты по вербовке специалистов различных строительных и производственных профессий для работы в СССР по контрактам. Всем предлагались солидные подъемные, оплата переезда и по нынешним меркам более, чем хорошие условия найма. Контракты были от пяти до десяти лет. Разрешался переезд с семьями, членам которых соответствующих возрастов также гарантировалось трудоустройство. Нетрудно догадаться, что финансирование этих проектов осуществлялось за счет средств, которые фирмы Артузова с моей помощью зарабатывали на биржах. Желающих оказалось более, чем достаточно. Успехи СССР в развитии промышленности освещались по всему миру едва ли не больше, чем политическая борьба и репрессии. Конечно, многих пугала неизвестность, но прижатые жестоким и длительным кризисом практически к самому социальному дну, люди радовались любой возможности выхода из состояния безысходности. Через Коминтерн СССР запустил мощную пропагандистскую компанию, направленную на улучшение облика СССР во внешнем мире, упирая на столь массовое проявление социальной и классовой солидарности с трудовыми народами всего мира. Дело дошло до того, что и ряд других стран по собственной инициативе предложил по дипломатическим каналам СССР своих рабочих для снижения социальной напряженности. Причем, оплату переезда обеспечивали Правительства этих стран.

Еще одна ресурсная проблема в течении первого полугодия 36-го года была расшита. Причем, очень сильным оказался, говоря современным языком, синергетический эффект. СССР закупал импортное промышленное оборудование и строительную технику современных типов по сути одновременно с теми, кто уже умел на нем работать. В результате строительство заводов резко ускорилось, и новые производства вступали в строй на порядок быстрее. А для гарантирования себе бесперебойности производственного цикла Правительство СССР приняло решение о прикреплении к любому иностранному специалисту молодого советского рабочего, который должен был помогать и в течение максимально быстрого времени перенять все его навыки.

Можно сказать, что я был полностью доволен тем, как быстро и в правильном направлении развивается ситуация. Меньше, чем за год удалось очень сильно изменить ситуацию в стране. Теперь, даже случись что-либо со мной, она уже не будет прежней. Есть все основания полагать, что даже в случае невозможности предотвратить войну с Германией, а такая надежда у меня была, СССР войдет в нее качественно сильнее.

Но чем ближе были выборы в Испании, тем тревожней становилось у меня на душе. Я буквально внутренне ощущал, что даже при всей пользе, которую я приносил, при всех

прибылях, которые агенты СВК зарабатывали с помощью моей информации, при том, что Сталин за редким исключением принимал почти все мои предложения, он от меня устал.

Просто психологически устал. Он привык быть хозяином, он боролся за власть и безжалостно уничтожал врагов именно для того, чтобы решать все самому. И ему элементарно надоели постоянные советы совершенно непонятного ему существа, выглядевшего к тому же мальчишкой. Но и отказаться от общения он не мог. Ведь в какой-то степени он уже привык. Привык к тому, что я единственный, кто его не боялся и говорил всегда то, что думаю. Привык к тому, что иногда от меня исходили рекомендации или предложения, рожденные опытом будущих времен, которых больше ни у кого быть не могло. И вот именно эта двойственность его раздражала. Причем, я понимал, что раздражение постоянно накапливается и когда-то должно прорваться наружу. Очень показательным в этом плане получился разговор насчет Испании.

В конце января Сталин пригласил меня к себе.

— Товарищ Сидоров, а Вы точно уверены, что на выборах в кортесы в феврале в Испании победит "Народный Фронт"? Абсолютно все специалисты уверены, что убедительную победу одержат именно правые. Причем, не только в нашем НКВД или СВК но и в Европе.

— Точно, товарищ Сталин. И как раз по этому поводу я сам собирался с Вами обязательно переговорить.

Еще за месяц до разговора Сталин потребовал от меня подробную докладную записку об испанских событиях во всей полноте, какой я мог их вспомнить. И весь месяц меня очень беспокоило то, что СССР может увязнуть в испанских проблемах больше, чем необходимо. Я действительно собирался завести со Сталиным разговор про участие СССР в войне на стороне Испании, только после выборов.

— Вы что-то забыли изложить в вашей записке, товарищ Алексей?

— Нет, товарищ Сталин, там все, что я знаю об этих событиях. Но меня беспокоят не они, а настоящее. Я предполагаю, что СССР решит на этот раз многократно увеличить военную помощь испанским республиканцам. В той, моей истории наше вмешательство ограничилось посылкой примерно двух с половиной тысяч специалистов и некоторого количества бронетехники. При том, что сам СССР на данный момент времени экономически, политически, и в военном плане был гораздо слабее. И даже с такой помощью Республиканцы из "Народного Фронта" продержались почти три года. Хотя, конечно, помощь была не только с нашей стороны. Те же немцы сражались на обеих сторонах конфликта. Но и в Фаланге Франко число иностранных "добровольцев" доходило до четверти миллионов человек. Элементарная логика подсказывает, что существенное увеличение помощи с нашей стороны, а раз в десять — двадцать это легко сделать, может привести к совершенно иным последствиям. И это огромный соблазн, которого стоит избежать.

По глазам Сталина я понял, что что-то в этом роде он и собирался предпринять. И мой ответ вызвал у него крайнее раздражение.

— А Вы что, товарищ Сидоров? — Сталин даже перешел на более официальное обращение, что бывало крайне редко, и только когда он был возмущен. — Вы что, считаете себя великим стратегом? Или великим политиком? Или, может быть, великим полководцем? С чего Вы вообще взяли, что имеете право давать нам советы такого рода? Не слишком ли много о себе возомнили?

— Не мне судить много или мало я о себе возомнил, это можно увидеть только со стороны. Но логика моего возражения элементарна. Если СССР будет оказывать Испании полноценную военную помощь то, что мы получим в итоге? На какой результат Вы рассчитываете? На победу? Это вряд ли. Европа в лице Германии, Англии или Франции не потерпит образования второго СССР в своем сердце. Так что на победу рассчитывать не стоит. Чем больше мы будем сопротивляться их давлению на территории Испании, тем больше будет это давление. В конечном счете, к войне и не на нашей стороне подключатся США, и мы все равно проиграем. Только это будет еще не конец. После Испании практически сразу все они дружно нападут уже на Советский Союз. Япония с востока, Британия с юга, с территории Ирана, Турция — вдоль побережья Черного моря. Германия и все остальные с запада. А США будут поставлять им всем технику и боеприпасы. А на последнем этапе подключатся там, где будет проще всего. Скорее всего, тоже с тихоокеанского побережья. И даже если бы у нас была атомная бомба, мы бы не смогли отбиться. А у нас ее нет и, думаю, еще года четыре, а то и пять, точно не будет. Как Вам такой расклад, товарищ Сталин? Да, я не великий стратег и не полководец, но все, что я сказал, укладывается в рамки элементарного здравого смысла и политической логики всего двадцатого века. Нам нужно сейчас, кровь из носу, вести себя тише воды, ниже травы. Заставлять всех думать, что мы крайне слабы. Нам бы вообще стоило публично отказаться от участия в европейских политических раскладах, чтобы до последнего держать руки развязанными. В моей истории у нас в Испании получилось все так, как надо. Летчики получили боевой опыт, причем именно против немцев. Узнали их тактику и схемы атаки. Танкисты — то же самое. Мы по сути получили готовых инструкторов для преподавания практического опыта собственным бойцам и командирам. Мы в реальности поняли силу потенциального противника на сегодняшний день. А боевая техника, которая есть у нас, все равно к нашей войне устареет и будет заменена новой, которая сейчас уже в разработке. Но этого до последнего не должен знать никто. И пусть эта сегодняшняя техника повоюет в Испании. На ее основе немецкие стратеги будут делать ошибочные выводы о нашей силе и строить ошибочную тактику действий. А мы за все это еще и получим, если все пойдет по старому сценарию более пятисот тонн золота из испанского государственного запаса. Вполне успешная со всех точек зрения операция.

Все время, пока я говорил этот спич, Сталин молча вышагивал по кабинету, глядя в пол. Наконец, он принял какое-то решение.

— Хорошо, идите, мы учтем Ваше мнение.

По этому разговору я понял, что "магма" внутреннего раздражения у Сталина на мой счет готова вот-вот прорваться мощным извержением вулкана. И тем не менее, он вынуждал себя слушать мои рассуждения, даже если сам уже до этого все эти варианты перебрал у себя в голове.

Да, видимо, пора мне готовиться к новому этапу своей работы. Здесь все, что мог на данный момент, я уже сделал.

## **Интерлюдия 2.**

Два дракона парили в полнейшей темноте. Впрочем, им совершенно не нужен был какой-либо свет, они сами были этим светом. Один дракон сиял ослепительной белизной, второй был цвета запекшейся крови и с каждым движением покрывался тонкой пленкой багрового пламени.

Парение происходило нигде и никогда, хотя с той же осмысленностью можно было бы



утверждать, что оно есть всегда и везде. В высших духовных сферах свои законы, время здесь не властно. Его просто нет, как нет и привычного нам пространства.

Драконы общались. Собственно, никакие это были не драконы, это вообще были не живые существа, а чистые воплощения сил. Их легко можно было бы представить пульсирующими шарами энергии. Но по какой-то своей прихоти на этот раз они захотели предстать в образе драконов. Точнее захотел один из них, а второй, ментально это почувствовав, отразил его желание. Ведь они были единым целым, хотя и являли собой полные противоположности друг другу. Вечные братья-соперники, живущие лишь до тех пор, пока жив мир, отданный им у управление.

Само общение тоже можно было назвать таковым лишь условно. Никаких звуков драконы не издавали. И даже не изрыгали никакого огня из своих глоток. Скорее этот процесс можно было сравнить со швырянием друг в друга молний, содержащих мыслеобразы. Эти молнии ударялись в адресата, растекались по его шкуре и мгновенно впитывались. Хотя и здесь наши глаза нам бы изменили. Впитывалась лишь информация. А энергия образа отражалась в пустоту.

Но так или иначе между драконами происходил разговор.

— Назревает кризис, брат.

— Да, но это неизбежный этап развития.

— Справится ли он?

— Должен. А если нет, значит, придется предпринимать иную попытку. Только уже в другом времени. Этот узел окажется уже закрытым. Его энергопотенциал не предполагает второй попытки.

— Можем ли мы помочь? Ты и сам знаешь, что можем, но не сейчас. Через кризис он должен пройти самостоятельно.

— Пока он вроде бы действовал не плохо.

— Пока был самый легкий и ясный период. То, что он доберется до этой точки, я знал с самого начала. Но дальше начинаются слишком сложные варианты, практически не поддающиеся расчету.

— Ну, это не совсем так. Какие-то точно поддаются. Я прикинул, что будет, если он останется полностью на стороне СССР.

— И что?

— Проблема немного отодвинется, но лет на сто, не больше. Лови образ.

— Да, похоже, ты прав. Советская пирамида во всемирном масштабе, это лишь небольшая отсрочка. А ее взрыв будет еще более разрушительным, поскольку потенциал будет копиться внутри нее. И если сейчас или во времени "десантника" он поделен между внутренним и внешним давлением, которые друг друга хоть и не полностью, но гасят, то здесь этого не будет вообще.

— Сейчас вообще очень сложная ситуация. При ошибке он даже этот мир может схлопнуть на десятилетия раньше, чем разрушался его собственный. Впрочем, тогда и его мир канет в небытие почти мгновенно.

— А ты вообще видишь выход ясно?

— Я вижу, но одновременно вижу и то, что если этот вариант предложить от нас, то результат будет противоположным. Он должен найти этот вариант самостоятельно. Хоть он и не очевиден.

— Да, я тоже опасаясь, что он двинется по ложному пути. Но, как и ты, чувствую

запрет на передачу ему не только прямой информации, но даже и намек.

— Дело даже не в этом. Сказать прямо мы не можем. А любые намеки или даже простой рассказ о реальной ситуации может вызвать или панику с полной неспособностью к активным действиям, или, напротив, бешеную активность по типу "пан или пропал". И то, и то гарантированно приведет к краху.

— Видимо, придется тебе посетить его. Но только, когда он будет готов.

— Но можем ли мы помочь ему другими способами? Например, в виде каких-либо дополнительных способностей или умений?

— В принципе да. Хотя никогда раньше мы этого не делали. Все необходимое давалось сразу. Но тут свои ограничения. Мы не можем предлагать. Он должен захотеть их сам. Осознанно захотеть. Все, что мы можем, это вложить в него некие "будильники способностей", звонящие по требованию владельца.

— Да будет так. Я все еще надеюсь.

— Я тоже брат, я тоже.

## **Глава 17. Борьба с самим собой.**

Насколько дней я не выходил из своего домика. Да-да, с переездом в Серебряный Бор мне достался целый маленький одноэтажный домик из трех комнат. И вот все эти дни я то мотался как бешеный зверь по этим комнатам, то тупо валялся на кровати, бессмысленно разглядывая потолок. Я хандрил. Все казалось бессмысленным, а цель недостижимой. Даже угас интерес к планомерному отъему денег у местных финансовых "паханов" относительно честными методами, как по аналогии с незабвенным Остапом я назвал наши с Артузовым биржевые игры. Несколько раз он пытался пообщаться, но я лишь молча выдавал ему инструкции на очередные сделки и, кивнув, закрывал дверь.

Один раз даже приперся Берия и попытался меня расшевелить какими-то командными криками. Но я настолько на это не отреагировал, что он быстро все понял и прекратил попытки меня построить.

— Слушай, — иногда наедине он позволял себе некоторую фамильярность, — а может быть нам тебя женить?

Я настолько удивился, что даже на секунду вышел из образа апатичного меланхолика.

— ??????

— Ну ты посмотри на себя. Молодой джигит, мечта любой девушки. На тебя уже вся женская половина УЗОРа по десять раз загорелась, потухла, а потом обиделась. Какое-то время назад даже пари на тебя заключали, кому из них удастся тебя зацепить. Даже мужиков довел до того, что половина готова была позволить своим подругам тебя соблазнить. А ты смотришь на них как на пустое место. Разве так себя должен вести молодой командир-орденоносец? На стыдно?

Я действительно иногда ловил на себе заинтересованные или удивленные взгляды, но мне постоянно настолько было не до этого. Что я даже не давал себе ни разу труда об этом задуматься.

— Ничего не выйдет, Лаврентий Павлович. Дело в том, что семью заводят по трем мотивам. Острое половое влечение, вызванное буйством гормонов, это раз. Страсть к удовлетворению собственных амбиций, по типу "посмотрите, как я крут, какую кралю отхватил", это два. И желание завести детей и продолжить свой род. Это три. Ничего из этого у меня нет. Гормонов в моем матричном "псевдотеле" нет вообще никаких, я даже пищу перевариваю не как обычный человек, а прямым разложением ее на атомы. Амбиций у

меня тем более быть не может, поскольку нет никаких целей, связанных с положением в обществе. Ну а детей я не могу иметь по определению. Вот и получается, что любое мое общение с женщиной ничего, кроме несчастья ей принести не может, а мне так и вовсе ничего не даст. Вообще ничего. Даже дружбы нормальной у меня ни с кем из мужиков не получится. Слишком мы разные.

— Ну и м\*дак же ты, — в сердцах выругался Берия и ушел, хлопнув дверью.

Все это происходило в первые два дня. А потом, видимо, доложили Сталину, и он приказал оставить меня пока в покое. Только присматривать, чтобы не исчез. По крайней мере именно так я расценил то, что вокруг моего домика кто-то периодически прохаживался и даже заглядывал в окна.

Вообще они за этот год уже подзабыли, что для меня мгновенное перемещение куда-либо совсем не проблема. Я этой своей способностью практически не пользовался. К Сталину приезжал на машине, как нормальный человек, чтобы никого не пугать, а все остальные приезжали в УЗОР сами. Если я выбирался в город, то меня всегда сопровождал Иваненко, а его я с собой прихватить никак не мог. Так что все мои "прыжки" если изредка и случались, то между различными корпусами УЗОРа в рамках резиденции. Когда лень было ногами топтать или погода была плохая. Хотя, судя по обходу домика, подзабыли не до конца. Что же, оно и к лучшему.

Честно говоря, наметившаяся размолвка со Сталиным меня не так уж сильно и беспокоила. Да, мне придется искать, чем занять себя почти восемьдесят лет. Так начну, черт возьми, путешествовать, посмотрю мир. Всю жизнь мечтал ведь заниматься именно этим. Что может быть лучше, чем созерцание огромного живого многообразия, созданной Всевышним природы. А страны со столь разными людьми и их обычаями? Ведь в моем времени от этого разнообразия остались одни ошметки. Все, как сумасшедшие бросились строить жизнь по одним и тем же калькам, придуманным англосаксами. Куда бы ты не попал, если не обращать внимания на людей, то все города все больше начинают выглядеть как под копирку. По крайней мере, их центральные районы. Одинаковые машины, одинаковые "билдинги" из мрамора, стекла и бетона. Да на них даже надписи и то одни и те же. Повсюду одинаковые банки, магазины и офисы. Одинаковые серые костюмы, спешащих в них клерков. А здесь все пока иначе. В этом времени каждая страна все еще имеет свое национальное лицо, отраженное в каждом доме, в каждой улочке, в каждой лавке. Я вспомнил, как в моем времени любил бывать в Сингапуре. Ездил туда и по делам, и просто так на протяжении двадцати лет. И видел, как красивейший самобытный город превращался у меня на глазах в стандартный космополитический мегаполис. Я видел, как жители этого острова-города-государства всячески пытались противостоять этой унификации, как они ежегодно возводили все новые и новые уникальные объекты, поражающие взор оригинальностью и масштабностью задумки и качеством исполнения. Но это все уже было лишь внешним. Внутри город за эти двадцать лет изменился колоссально и потерял большую половину своего неуловимого шарма. А ведь Сингапур еще боролся и боролся активно. А сколько городов и стран сдались практически без боя.

Так может и правда рвануть куда-нибудь прямо сейчас? Да хоть в тот же Сингапур. Отель "Раффлз" уже существует, помню я его вид очень хорошо, прыгнуть не проблема. Деньги не проблема тем более. Наведаюсь невидимкой в любой банк и возьму, сколько надо. И даже никаких моральных угрызений совести при этом не испытаю. Да и в Америку был бы неплохо смотаться, пока она еще выглядит живой и свободной, а не царством бездушных

банкиров и юристов. Вконец концов прыгнуть прямо к статуе Свободы, хоть я там ни разу не был, не проблема. Ну а уж оттуда хоть пешком, хоть как угодно, времени неограниченное количество.

Я даже на минутку повеселел, размечтавшись и представив себя этаким хиппи, бесцельно бредущим по бескрайним просторам, любуясь природой.

Но лишь на минутку, никуда я не рвану, пока есть хоть малейшая возможность что-либо изменить. Просто не смогу. Но и что делать, не знаю.

С одной стороны, все, что я делал до сих пор, правильно. Просто по-человечески. Я бы никогда себе не простил, если бы не попытался изменить ход самой страшной войны и того внутреннего геноцида, который был до нее. Сейчас опасность и того, и другого пусть и не устранена, но хотя бы снижена. Предупрежден, значит вооружен. Да и с фактическим вооружением теперь ситуация будет кардинально иной. Видел я макет будущего танка. Не в полную величину, разумеется, но все равно впечатляет. Даже некое подобие активной брони приляпали. Я как-то нарисовал, а они прикинули и решили, что не помешает. Хотя кумулятивного снаряда в Германии, да и ни у кого другого пока нет. Только у нас в разработке, но тоже еще не сделали. А потому активную броню решили делать двух видов. Пока под бронебойный снаряд из тугей резины, наклеенной кубиками на броне, а потом и нормальную сделают, если противник свой "Фауст патрон" родит и в этой истории.

Но это все фигня, поскольку совершенно не решает главной задачи. Ну выстоит СССР в войне проще и быстрее. Расколошматит Гитлера и займет пол-Европы. Да с тем уровнем механизации войск, что запланирован, мы до Лиссабона дойдем быстрее, чем Англия второй фронт откроет. И что потом? А потом в лучшем случае та же "холодная война", а скорее всего и "горячая". Против всего остального мира. То есть все то же самое, что я тогда Сталину рисовал, только в лучшем случае без Германии, да и то, не факт. А контроль Европы? Даже если предположить, что нас никто не смог остановить. Где взять столько людей, чтобы вся конструкция не развалилась как карточный домик? Уйдешь — нет контроля, останешься — ты оккупант. И это тупик.

Но даже если представить себе, что все идиоты, один я красивый, и СССР всех одной левой победил, потом убедил и создал всепланетную Империю, то и она рухнет под собственной тяжестью, во-первых, и будет полностью нежизнеспособна, во-вторых. Кстати, любопытно, что в моем мире руководство СССР это очень хорошо понимало, когда отказывалось добивать Запад экономически в семидесятых. Понимали, что попытка взять под контроль и управление весь мир заведомо обречена. Странно, что ни совершенно не поняли обратного. Того, что от их собственного предательства и сдачи СССР врагу, тоже лучше не стало. Тот же вид, только с боку. "Закулиса" в отличие от наших стареющих правителей не испугалась и даже попробовала подмять мир под себя. Но выяснилось, что предел их компетенции это взять мир и уничтожить. Ну или в лучшем случае уничтожить на 90 %, чтобы остались только те, с кем они в состоянии справиться. А заодно и продлить срок жизни ресурсных запасов планеты. Но этого ли хочу я здесь? Нет. А раз так, то выход совсем в другом месте.

Выход должен быть в том, чтобы одновременно обеспечить и единство и разнообразие. Так, как это сделал на Земле Всевышний. Земля едина, а природа на ней бесконечно различна. И на уровне пейзажа, и на уровне растительного мира, и на уровне животного. И все это сосуществует вместе неразделимым целым, взаимодействуя, развиваясь, меняясь. И лишь человек, избравший путь подчинения мира самому себе, стал приводить его к

единообразию. В этом и кроется главная ошибка.

Но вот в чем вопрос, а можно ли это изменить? Как заставить все человечества свернуть с дороги в пропасть? И можно ли это сделать в принципе? А если да, то смогу ли я? Маленький простой человек без каких-либо способностей, кроме возможности становиться для мира невидимым и избегать опасностей, сбегая от них.

Кажется, я все-таки докопался до причин своей хандры. Я просто не вижу Пути. Когда все начиналось, все казалось намного проще. Пробриться к Сталину, указать ему на ошибки, убедить их исправить, подготовиться к войне и вломить всем врагам по самые "не балуйся". И вот я практически всего этого добился. Даже больше, чем собирался и думал вначале. И ошибок множество исправлено, и по сусалам Красная Армия сможет кому-угодно надавать так, что мало не покажется. Особенно, если еще несколько лет мира будет. Но оказалось, что решение задачи, если и не отдалилось, то уж точно не приблизилось.

Ну что же. Есть, точнее, появилось, хотя бы понимание, каким должен быть финал. На уровне лозунга "единство многообразия", но уже хоть что-то. А сам лозунг очень напоминает знаменитый китайский от Мао Цзэдуна "Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ". Единства в его лозунге не видно, зато он его на практике жестко обеспечивал. Ну да я никогда поэтом не был, сойдет и так. Смысл понятен, и ладно.

Но вот как себе это многообразное единство представить. Пусть хотя бы на уровне глобальных структур. А потом как обеспечить жизнеспособность этого единства в долгосрочной перспективе.

Идея меня заинтересовала, и я почувствовал, что хандра и апатия стали понемногу отступать. В какой-то момент я даже перебрался с кровати за рабочий стол и принялся вычерчивать графические схемы. Но ничего путного не получалось. Я видел, что не хватает чего-то очень важного, принципиального, но чего именно придумать не мог.

Так, надо отвлечься от конкретики и представить себе более абстрактную картину. Как устроен в динамике мир и жизнь на планете Земля? Может быть, именно в творении Всевышнего найдутся если не ответы, то хотя бы подсказки? Ведь сказано же "по образу и подобию".

Вспоминая всю историю эволюции, я старался вычленить то главное, которое определяло динамику и направление преобразований мира. Постепенно я сумел вычленить некую логику, которая могла стать неплохой зацепкой. Жизнь процветала там, где царил не просто многообразие, а где процесс шел от простого к сложному. Эту мысль я даже записал, чтобы она никуда не улетела. Перебрав кучу вариантов и попыток опровергнуть идею, я понял, что это "оно". В мире борются две силы — порядок и хаос. Порядок пытается сохранить, а хаос разрушить. Более сложные системы те, в которых большее количество элементов, связанных между собой потоками энергии. Соответственно, порядок должен заботиться о том, чтобы внутренние энергетические связи были сильнее внешних. А хаос, напротив, трудится над тем, чтобы разрушить или хотя бы ослабить эти связи. В том числе и за счет внешних сил. Идем дальше. Для поддержания самого себя порядку нужна энергия. Взять ее можно только извне. Или, разрушив уже имеющиеся второстепенные связи, то есть воспользоваться энергией хаоса. За разрушение отвечает именно он. А как в этом случае выглядит процесс усложнения? Существующий порядок увеличивает количество элементов и связей между ними. Или хотя бы второе. Но для этого процесса оптимизация с заменой одних связей другими уже не подходит. Всю энергию придется брать из внешнего мира. Так, так, так. То есть применительно к нашей задаче можно сделать следующий вывод. Или

человечество, как управляющий мозг земной биосферы (хотя бы в собственном понимании) находит способы брать энергию не из планеты, а извне, или оно обречено изначально. В лучшем случае все закончится строительством единой социальной пирамиды, которая потом обратится в прах. Альтернативой этому пути в замкнутой системе может быть только постоянное разрушение уже созданного с последующим использованием осколков для строительства чего-то нового. И так до полного истощения ресурсов. Как раз в мое время мы вплотную к этому подошли. А эта постоянная чехарда со строительством и разрушением внешне проявляется в виде бесконечной череды войн и революций. И чем меньше остается свободных ресурсов, тем чаще происходят эти войны и революции, пока не сливаются в перманентный процесс. Но такой процесс обязательно сопровождается еще большим падением объемов получения новых ресурсов и... Цивилизация деградирует. Причем, за счет энергии распада и инерции гораздо глубже, чем теоретически находится новый баланс энергии. А дальше начинаются автоматические самоподдерживающиеся процессы дальнейшего распада за счет ускоряющейся утраты знаний, технологий и навыков. Причем, даже спасение информации на каких-либо защищенных носителях ничего изменить не может.

Ух ты, до чего дорассуждались, минорное настроение улетучилось напрочь.

Итак, подведем некий итог. В рамках замкнутой системы, энергетически не взаимодействующей с Большим Мирозданием за пределами планеты, человечество обречено. Земля потому и существует, что всю необходимую для эволюции энергию получает от Солнца. И, подозреваю, не только от него одного. А человечество — нет. Даже в мое время попытки использования солнечных батарей были крайне неэффективными. А сейчас этого вообще нет. Выход — пробиваться в Космос, хотя бы за энергией. Но для этого само человечество должно стать единым. А то могу себе представить, что какой-нибудь космический грузовик тащит, например, с Луны тонны ценного груза, а по дороге на него нападает конкурент. Или того хлеще, звездные войны США и СССР за астероид номер 73245. Приколно, если бы не было так грустно. До полной безнадёги.

Сделать Землю открытой, а не замкнутой системой — задача номер один. Но возможно это лишь в условиях полного единения цивилизации. Вопрос, на каких принципах?

Будем думать, не может быть, чтобы выхода не существовало. Он есть всегда, его лишь надо увидеть. С этим чувством я решил прерваться и впервые за несколько дней выйти прогуляться. До чего же хорошо пройти по сосновому бору.

А в невообразимых далях совершенно иного пространства две драконьи морды взглянули друг на друга и улыбнулись.

## **Глава 18. Свет в конце тоннеля угадывается, но пока не виден.**

Включенный вырванный из апатии мозг работал с бешеной скоростью.

Человечество должно быть единым, а его устремления обращены вовне. Но при этом необходимо не забывать о многообразии. Если не учитывать этот фактор, то содится совершенно любая жесткая социальная пирамида. А если у нее хватит сил и средств устоять от распада до момента покорения новых миров, то срок ее жизни вполне может оказаться совсем не маленьким. В той же фантастической литературе описано множество различных звездных империй, построенных по этому принципу. Но здесь возникают сразу две проблемы.

Первая проста. Любой человек, особенно в мире сегодняшних ценностей, находящийся на средней ступеньке пирамиды, обязательно захочет стать главным. Именно так раскололи

тот же СССР. И сразу пятнадцать местных царьков из простых чиновников превратились в самостоятельное олицетворение власти. И пусть кормушка у каждого стала меньше, зато теперь никто не мог указать, что и как делать. Примерно так же все будет происходить и со "звездной империей". Как только новый мир организуется, он тут же захочет независимости. И будет готов биться за нее до последнего поселенца, которым по определению и будет местный царек или один из его преемников. А биться будет, поскольку Земля совершенно не обрадуется такому развитию дел. Столько горбатились, вложили кучу сил и средств, а теперь "пойдите на фиг"? Нет, пойдём отвоевывать свое кровное.

Вторая проблема менее очевидна, но не менее значима. Если представить себе эволюцию именно как движение от простого к сложному, то одна или две планеты, занятые человечеством, совершенно не важно. По крайней мере, для любого, кроме самого человечества. А поскольку Мироздание, как я уже неоднократно и со всей очевидностью убедился на собственной шкуре, именно разумно, то какой ему смысл выпускать человечество с планеты в сегодняшнем состоянии сознания? Прямо скажем, никакого. Вряд ли даже те, кто меня сюда направил, не говоря о более высоких сферах, являются такими уж фанатами "звездных войн" в исполнении человечества. Думаю, уже насмотрелись и неоднократно, с другими актерами.

Таким образом, у нас появляется новый пункт в списке — изменить сознание человечества. Оно ведь тоже эволюционирует. Причем, это явление, насколько я понимаю, многомерное. Я практически уверен в том, что наши далекие предки знали о мире и его природе гораздо больше, нежели мы. И воспринимали его на порядок адекватнее. Помогло им это? Нет. А раз так, то надо искать причину. Древние жили в ладу с миром и воспринимали его как единое живое целое. Это плюс. Общение, судя по относительно недавнему возникновению всевозможных вариантов символической азбуки, происходило на уровне мыслеобразов, которым это совершенно не требовалось. Для четкой конкретной мысли расстояние не преграда. А вот это при всей своей привлекательности уже плюс не однозначный. С одной стороны, очень круто. Никакого тебе мобильного телефона. Подумал о ком-то и тут же связался. Если абонент не занят и согласен пообщаться. Захотел посмотреть "репортаж с места событий" — связался с кем-нибудь, кто там находится и смотри его глазами. Но вот в чем проблема. Мыслеобразы всегда конкретны. Они не позволяют мыслить обобщенными абстрактными категориями. Они все воспринимают лишь в полном законченном виде. То есть представить себе конкретный камень, который видел, легко и со всеми деталями, а понять, что такое камень в принципе, невозможно. И тогда способности к мысленному общению образами стали пропадать. Возможно, вмешалось Мироздание в качестве учителя, изменившего условия урока и поставившего новую задачу. Возможно, это был естественный эволюционный процесс, заложенный в программу развития человечества изначально. Главное в том, что изменение произошло. И с тех пор человечество стало развивать абстрактное мышление. И доразвивалось, черт возьми, до полного абсурда. Во-первых, с утратой мысленного общения и переходом на звуковое исчезла искренность. Языком можно наболтать что-угодно. А значит, появилась возможность для манипуляций. Во-вторых, создалось огромное количество различных религиозных и научных (что по сути одно и то же) теорий, основанных на абстрактных мудрствованиях, но не имеющих за собой даже отголоска истины. В результате была утеряна цель. От знания мира мы перешли к религиозным верованиям о его устройстве, от них отказались из-за необходимости соблюдать какие-то неудобные правила и перешли к

атеизму. В результате мы вместо единого человечества, живущего в ладу и по конам мира, мы раскололись на четыре идейных направления:

Догматики рвутся к власти под прикрытием религиозных ценностей, но воспринимающие религию как инструмент для личного процветания.

Либералы ползут вверх по властной пирамиде за счет оболванивания людей. Прикрываясь свободой и конкуренцией, но не рассказывая никому, что именно низость и пороки всегда заведомо более массово привлекательны и выигрышны, поскольку не требуют усилий Души. Они стремятся создать общество, манипулируемое на уровне инстинктов и рефлексов.

Коммунисты борются за всеобщее равенство по типу семейного. В рамках имеющегося бюджета. Но на практике получается по Оруэллу: "Все животные равны, но некоторые равнее, чем другие". Если бы коммунизм развился до такой стадии, что всего всем хватает, как хватает воздуха, то все бы может быть и ничего. Но, как говорится, "в пути никто кормить не обещал", а под прикрытием этого все возможные контролеры и блюстители равенства потихоньку начинают оставлять самим себе все большую долю.

Фашисты предлагают оптимизировать социальную конструкцию через расположение всех людей сообразно их качествам. У кого самые большие таланты, те должны стоять наверху социальной конструкции. У кого талантов поменьше и качеством пониже — те ниже на ступеньку. На практике проблемы все те же — кто считает? И какую цель преследует? Даже в древнем Китае, где процедура отбора чиновников была доведена практически до совершенства, не смогла избежать этой проблемы.

Суть всех четырех, если отбросить форму достижения цели и инструментарий, одна — человек является венцом естественной эволюции и высшим существом во Вселенной. При таком подходе прав тот, у кого больше возможностей (силы, знания, денег, связей и т. д.). Одновременно при таком подходе любая ситуация всегда потенциально взрывоопасна, поскольку каждый человек от природы именно самого себя любит и ценит выше всех остальных. А большинство даже готово доказывать свою состоятельность и преимущества любыми доступными средствами. И этот, казалось бы незначительный факт, на уровне государств создает всем предпосылки для массового манипулирования, ведущего к войнам.

Что-то меня далеко занесло, но если коротко попытаться подвести итог, то примат абстрактного мышления по отношению к конкретно-образному зашел слишком далеко, необходимо вернуться к некому состоянию равновесия. То есть сознание человека должно отражать единство мира, а самого человека воспринимать его неотрывной частью, но одновременно сохранять за человеком способность к аналитическому мышлению. Именно при таком состоянии разума человек может стать Творцом. А следовательно, поставить в виденный мной "жгут" свой гран новой информации, причем, строго индивидуального оттенка.

Подведем промежуточный итог:

- Единство мира;
- Многообразие форм проявления индивидуальности в рамках единства;
- Постоянное усложнение мировых связей, как продуцирование новой информации для Мироздания;
- Ориентация на внешний источник энергии;
- Единство человека и мира через осознание разумности всего Мироздания;
- Творчество, как высшая форма духовно-интеллектуальной человеческой



деятельности.

Отлично, теперь как все это реализовать? И вот тут начинается настоящий "темный лес". Пока ни одной мысли по данному поводу. Сталин мне здесь вряд ли помощник. У него своя сфера ответственности. Он за СССР отвечает и его задача именно страну сделать максимально большой и сложной. Для него весь внешний мир — источник бесплатных ресурсов. И любую попытку объяснить ему необходимость мирового баланса он будет однозначно трактовать как попытку ограничить его личную власть. Вон он до сих пор обиженный ходит, не может мне Стаханова простить. Я ведь ничего не говорил о причинах его внезапной известности. Вот Сталин и перетрусил. Он ведь как рассуждал? Все СМИ — него в кармане, а для быстрого оповещения всех в стране других источников нет. Разве что телеграфные директивы во все ячейки партии с требованием провести общее собрание и объяснением его темы. Но и это под контролем. Но раз он сам ничего не знает, а мое "предсказание" есть, то, что ему думать? Вот он и ждал до последнего покушения на себя любимого. Хотя я его и предупреждал, что сюрприз приятный. А когда узнал про трудовой подвиг шахтера, то орал на всех так, что Кремль чуть по кирпичикам не развалился. Отходняк называется. Маленькая зацепочка на Сталина у меня, конечно, есть. У ж больно ему не хочется, чтобы я достался кому-то другому. Он меня вообще прибить или в лучшем случае арестовать бы мечтал. Особенно сейчас после выдачи мной почти всей интересной ему информации. Но не может. Так что при случае намеком надавить можно. Но без более мощных аргументов другого рода не сработает.

А к кому другому сунуться? Сложно, да и внутренних перипетий я с такой подробностью, как в своей стране не знаю. И это не говоря о том, что и в каком виде я сам себе представляю. Список из шести абстрактных пунктов это одно, а конкретная политическая конфигурация — совершенно иное. На первый взгляд, нужно три центра консолидации. Почему три? Да просто табуретка с тремя ногами — минимально устойчивое приспособление для отдыха задницы. Больше — лишние противоречия. Меньше — арбитра нет даже в теории. Понятно, что как истинный патриот одним из этих центров я вижу СССР. Да и в социальном плане он лучше всего другого, имеющегося на сегодняшний день. А вот с двумя другими нужно еще крепко думать.

### **Глава 19. Чем дальше в лес, тем толще партизаны.**

Я откинулся на стуле и вытер вспотевший лоб. Хотя это мало помогло. Я весь был совершенно взмокший. Такого я не ожидал. Раз за разом я пытался найти ошибку в своих рассуждениях, но все эти поиски лишь дополнительно убеждали меня в мысли, что ошибки нет, что все именно так и обстоит. Захотелось завывать, такое чувство безысходности охватило меня. Все, что я с таким азартом и упорством пытался выстроить в непротиворечивую конструкцию все последние дни, рассыпалось прямо на глазах.

Вот уже неделю я практически не вылезал из домика, проводя все время за столом, пытаюсь сконструировать устойчивую конфигурацию сил, способную противостоять любым разрушительным воздействиям и одновременно обладающую серьезным потенциалом развития.

Сначала все казалось если и не простым, то, как минимум, реализуемым хотя бы на теоретическом уровне. До осмысления механизмов, способных привести к такому положению дел я еще даже не добрался. Но три центра силы, способные придать устойчивость всей мировой политической системе, не без труда, но нашлись. Однако, почти сразу же я понял, что они не могут существовать сами по себе, а должны иметь некий

централизованный механизм разрешения противоречий между собой. В результате появлялась довольно стройная конструкция. Есть Земля со всем множеством различных стран, и населяющих их народов. Есть три мировых центра, делящих все эти страны на три зоны ответственности. Для каждой из зон характерен определенный тип государственного устройства и преобладающих общественных отношений. Таким образом, потребовался еще один субъект мировой политики, объединяющий все три центра воедино. С ним самим также не возникло особых проблем. В результате вся конструкция приобретала законченный строгий вид упорядоченности и устойчивости. Проблемы начались, когда я попытался ввести в систему необходимые элементы хаоса, способные служить постоянным источником энергии для строительства упорядоченных структур, призванных управлять общим развитием ситуации. И вот тут-то и всплыло в голове знакомое понятие "управляемый хаос". Сначала я даже улыбнулся такому сравнению, но вот потом меня долбануло, как будто сквозь тело пропустили электрический заряд невообразимой мощности. До меня вдруг дошло, что все, происходившее в моей реальной истории в послевоенный период, и было попыткой строительства наднациональной управляющей системы совершенно аналогичного вида. Это был настоящий шок. Я понял, что все мои попытки что-либо построить даже гипотетически не имеют ни одного шанса на успех, если я досконально не разберусь с тем, что произошло на практике. Не пойму, почему политика, которая была призвана стабилизировать обстановку и одновременно придать мощный импульс к консолидированному развитию человечества, на самом деле столь быстро привела цивилизацию на грань полного коллапса.

Я вдруг увидел свою историю совершенно с иной стороны. Все началось проявляться сразу же после окончания Второй Мировой войны. Создание ООН фактически закрепило общие контуры всемирной пирамиды, а Совет Безопасности с его пятью постоянными членами явился практически полным аналогом того самого координационного центра, который я вознамерился поставить на вершину собственной пирамидальной конструкции. Немного подумав, я даже понял, что три члена в моем варианте и пять в ООНовском ничем друг от друга не отличаются.

Одним полюсом силы выступали СССР и Китай. Причем, в послевоенный период Китай по сути еще ничего из себя не представлял. Даже в самой мировой войне он так и не сыграл какой-либо существенной роли. Совершенно однозначно, что его членство в Совбезе ООН нельзя было на тот момент рассматривать иначе, чем как чей-то второй голос. Вопреки расхожему мнению этот второй голос принадлежал не СССР, а США. Дело в том, что до 1971 года в ООН интересы Китая в ООН представляла так называемая Китайская Республика на Тайване, фактически находящаяся под патронажем США.

США на тот момент выступали совершенно самостоятельным Игроком на мировой арене, хотя и обладали определенными тесными связями с Британией. По крайней мере, на уровне теневых управляющих структур. Более того, США оказались самой мощной экономикой мира по результатам войны, поскольку сумели избежать ее на своей территории, а также полностью преодолеть последствия кризиса за счет роста производства для обеспечения военных поставок собственной армии и войскам союзников.

Сама Великобритания как активный участник Второй Мировой, член коалиции стран-победительниц, имевший к тому же крупнейшую мировую колониальную систему, также занимало свое кресло в пятерке более, чем обоснованно. Но вот включение Франции в Совет Безопасности ООН постоянным членом выглядело не менее странно, нежели включение

Китай. Франция ни во время начала войны, на даже на ее завершающем этапе не отметилась ничем сколько-нибудь серьезным, чтобы претендовать на такой высокий статус. И тем не менее она попала в пятерку. Единственно, чем я смог для себя объяснить этот факт, было то, что Франция, фактически управлявшаяся из-за кулис семейством Ротшильдов, ничем в таком плане не отличалась от Англии. То есть с большой долей вероятности Франция представляла из себя в Совете Безопасности второй голос Британии.

При таком взгляде на проблему все становилось ясно. Три полюса это СССР (1 голос), США (2 голоса) и Британия (2 голоса). Казалось бы, за бортом оставалась Азия. Слишком серьезный и густонаселенный регион, чтобы оставлять его на вторых ролях. Но и здесь объяснение нашлось почти сразу же. Китай (континентальный) — зона влияния СССР. Индия — колония Британии, а Япония практически сразу же после войны попала под полный контроль США. Они же подобрали под себя и мятежный китайский остров Формозу (Тайвань). Британия свои интересы в Тихом океане защищала с помощью Гонконга и Сингапура, являвшегося ключом к стратегическому Малаккскому проливу. То есть Азию элементарно поделили. Ни Африка, ни Латинская Америка на тот момент претендовать на сколько-нибудь высокий или даже самостоятельный статус в геополитике просто не могли.

Я на какое-то время задумался и прикинул, не переборщил ли я. А может быть, вся проблема в том, что не было трех центров силы, а было только два. Может быть, США и Британию надо сразу же рассматривать в качестве единого целого? И в этом и кроется дефект той системы, которая была реализована в моем мире? Но нет. Хотя я и не являлся большим специалистом в области истории, тем более послевоенной, о чем сейчас очень сожалел, но даже мои разрозненные сведения позволяли видеть, что картина была совсем не однозначной. Да, Ротшильды обладали существенным весом на территории США, контролируя солидную долю ФРС и владея несколькими крупнейшими американскими банками. Но послевоенный период еще был временем реальной экономики, в которой производство промышленных и даже бытовых товаров имело существенный приоритет перед финансовыми спекуляциями. А в реальном производстве царили Рокфеллеры. И не случайно именно они подарили под здание ООН кусок принадлежавшей им земли. Тем самым они утверждали свое главенство на территории США и заявляли претензии на первенство в ООН, хотя и располагали в Совбезе всего одним голосом. Возможно, именно себя они хотели бы видеть арбитром в тройственном союзе, оставляя активную роль в противостоянии для Англии и СССР. В какой-то мере подобная позиция имела все шансы на успех. С одной стороны, США и Британия были связаны между собой тысячей различных нитей, от единства языка и единства мировоззрения до крупных взаимных капиталовложений. С другой стороны, Рокфеллеры и Ротшильды находились между собой в прямой и достаточно жесткой конкуренции, временами переходившей в прямые войны. Примерно аналогичная ситуация была и между США и СССР. Только с точностью до наоборот. В мировоззренческом плане наши страны всегда были полными антиподами. Примат общности и коллективизма в России-СССР противостоял апологету индивидуализма и конкуренции в США. Однако, в экономическом плане наши страны скорее дополняли и стимулировали друг друга. Даже в самые трудные периоды холодной войны именно с американцами экономическое сотрудничество и конкуренция за первенство во многих областях не прекращались ни на минуту. К тому же именно американские банкиры вопреки расхожему мнению о немцах большей частью профинансировали революцию 1917-го года. За что после ее победы получили от советского правительства

довольно неслабые предпочтения в экономике. Еще один аргумент в пользу США — арбитра троякого союза заключался в удаленности страны от основного места противостояния — Европы. Причем, им совершенно не приходилось бояться сближения Англии и СССР. Многовековая вражда и козни Британии против России автоматически делали этот вариант маловероятным. Слишком разными выглядели их геополитические интересы. Ну а на крайний случай ядерное оружие США, размещенное в Европе всегда было готово защитить интересы своего владельца перед лицом нежелательного альянса. Так что наиболее опасным для разрушения баланса сил выглядел другой альянс — Британия + США против СССР. Как это в конце концов и получилось на практике в моем мире. Хотя и у нас даже в моем 12-м году все еще оставалось не очень однозначным. Присутствовал скорее не альянс, а постепенное, но уверенное подавление кланом Ротшильдов власти Рокфеллеров на территории США.

Итак, если я хочу действительно понять, что и почему происходило в моем мире, чтобы попытаться избежать ошибок в этом, мне надо тщательно проследить все этапы развития ситуации, начиная с периода окончания войны. Боже, как мне не хватает знаний. Но придется оперировать тем, что имеем.

Примерно два дня я только и занимался тем, что пытался вытащить из собственной головы всевозможные факты и знания о ходе послевоенного развития в мире. Вот когда я вспомнил про моих "мучителей", которые по заданию Берии вытаскивали из меня информацию, умело задавая вопросы и обращая внимание на казалось бы незначительные детали. Вот бы сейчас ими воспользоваться, но, увы, нельзя. И не потому, что откажут. Как раз наоборот, воспользуются этой возможностью с радостью. Их и так уже вовсю интересует, чем это я так увлечен в последнее время. И вопросы задавать пытались и помощь предлагать, но я категорически отказывался. Тема была настолько "горячей", что подключение сейчас кого бы то ни было, с большой долей вероятности означало подписать ему смертный приговор. Так, что приходилось пытаться вытаскивать из себя и структурировать информацию в одиночку.

Оказалось, что я опять поторопился с выводами. С арбитражем США все оказалось не так просто. Выяснилось, что в первые послевоенные годы на эту же роль активно пыталась претендовать и Британия. Сразу же после войны в США активно развернулись левые политические движения, включая коммунистическое. Процесс был настолько массовым и скоординированным, что даже в органах законодательной власти США стали появляться представители левых партий. Все это был удар по Рокфеллерам с целью ограничить их власть в стране как в экономическом, так и в политическом смысле. Если бы затея удалась и в США образовался бы мощный социалистический сектор экономики и поддерживающие его политические силы во властных структурах, то про главенство или даже роль арбитра для США стоило бы забыть. С одной стороны, СССР получал некоторое идеологическое влияние на США, с другой именно Британия, финансово спонсировавшая и через это контролировавшая левые движения, становилась единственным гарантом для частной собственности в США. Однако, Рокфеллеры нанесли по этим планам мощный контрудар. Эпоха конца 40-х — конца 50-х годов получали название "маккартизма" по имени сенатора Маккарти, возглавившего "охоту на ведьм" и ликвидировавшего угрозу социалистических настроений в США. Очень большой вклад в это от процесс внесла Корейская война начала 50-х годов, чуть не приведшая к ядерному конфликту между США, с одной стороны, и Китаем и СССР, с другой. Позже этому способствовало и начало в 46-м "холодной войны".

объявленной Черчиллем. Впрочем, ситуацию можно рассмотреть и с иной стороны. Само объявление "холодной войны" могло стать результатом провала социалистических инициатив в США. Центр борьбы смещался теперь на территорию СССР.

Вот тут и начинается тот самый период, когда США и Британия, имевшие в "тройственном союзе" четыре голоса из пяти, начали стратегически менять ситуацию, все дальше уходя от первоначального баланса. А Карибский кризис окончательно зафиксировал линию противостояния. "Тройственный союз" фактически перестал существовать. На арене осталось только два полюса силы.

Но прежде, чем бить по коммунизму извечные друзья-соперники попытались еще раз выяснить между собой, кто из них главный. Внешне это выразилось в массовых волнениях левого толка в Европе в 68-69-х гг. Основные события пришились на Италию и Францию. То есть Рокфеллеры попытались отплатить Ротшильдам все той же монетой, только теперь на их собственной территории. Теперь уже США выглядели для всего Запада оплотом стабильности и надежности, что привело к существенному перетоку капиталов из "волнующейся" Европы. Пиком триумфа Рокфеллеров стоит считать начало 70-х годов. Именно на тот момент золотое содержание доллара еще сдерживало масштабы спекулятивной игры и не давало проявиться главным козырям Ротшильдов, а реальная экономика в США, опираясь на низкие цены на сырье, находилась на пике своего могущества. В августе 71-го происходит отказ от золотого стандарта, что мгновенно приводит к необеспеченности всех западных валют, которые привязывались к золоту через доллар. В 73-м году происходит нефтяной кризис, в результате которого резко выросла цена на нефть, а затем спад распространился на все отрасли экономики.

Начиная с этого момента власть Рокфеллеров неуклонно падала, а влияние Ротшильдов, контролировавших эмиссию долларов, только росло. За 4 десятилетия в моем мире через подчиненную банковскую систему Ротшильдам удалось сконцентрировать в своих руках контроль над большей частью реального сектора мировой экономики.

Одновременно происходит уничтожение советского Центра Силы. Примерно с того же времени, с 70-х годов начинается постепенный демонтаж СССР с переводом мирового управления в единый центр. И это же поставило мой мир на грань катастрофы.

Только теперь я начинал понимать какого масштаба проблему я вознамерился решить. Куда же я ввязался? Разве может один человек, пусть он даже десять раз из будущего и знает больше, чем любой из сегодня живущих о последующих событиях, хоть что-то изменить в противостоянии столь могущественных мировых сил? Как хорошо и просто все выглядело в начале моего "квеста". Придти, поделиться информацией, не допустить войны или выиграть ее с минимальными последствиями для страны и все. Дальше все должно было решиться само собой. И вот теперь выясняется, что не решается ничего. Что даже кратно возросший военный, экономический и научный потенциал СССР не решает ни одной действительно важной проблемы. Более того, он, возможно, их только обостряет.

Причем, что особенно угнетало, я не видел ни единой возможности даже подступиться к тому, чтобы изменить траекторию падения мировой цивилизации. Тем более, что на особую помощь того же Сталина и всей государственной машины СССР надеяться не приходилось. По крайней мере, я не видел пока возможности убедить Сталина действовать так, как того хотелось бы мне. Да и сам пока не очень-то представлял, как именно нужно действовать.

Ну на кой черт я во все это ввязался? Ведь теперь до конца своих дней мне придется нести крест осознания, что я мог что-то сделать, но не сумел. От таких мыслей я чуть опять не провалился в депрессию. Удержался лишь потому, что очень хотел довести свой анализ до логического конца.

Если я правильно хотя бы в общих чертах оценил ситуацию, то мы имеем следующее. Попытка создать единую сбалансированную систему управления человечеством на основе трех центров силы была. Но оказалась неудачной. Отсюда следует два возможных варианта. Или вся идея с созданием такой системы в корне ошибочна, либо в предпринятой попытке были заложены такие конструктивные дефекты, которые и привели к столь плачевному результату.

Первый вариант мне даже не хотелось рассматривать. Поскольку он отбивал всякую охоту к дальнейшим поискам решения. Проще было потратить все свои на то, чтобы продолжать максимально увеличивать мощь СССР, понимая при этом, насколько возрастают риски глобальной войны всех против моей страны, и надеяться на чудо, что в этой войне СССР уцелеет. Но разум говорил, что шансов практически нет. А потому я решил не слишком убиваться по этому поводу и сначала попытаться найти дефекты реализованной системы. Может быть, удастся изменить ход течения времени таким образом, чтобы устранить эти дефекты и таким образом создать более совершенную и сбалансированную модель управления человечеством.

Что показала история моего мира?

Несмотря на создание трех полюсов, Центры силы были выбраны не оптимально. Два полюса, США и Англия, даже несмотря на имевшиеся противоречия оказались слишком близки друг другу и взаимозависимы. В дуальности коллективизм-индивидуализм они представляли оба лишь второй полюс. И это первая проблема.

Другой дефект выразился в том, что одновременно с созданием органа управления в лице ООН и ее Совета Безопасности не было выработано никаких общих перспективных целей, разделяемых всеми центрами силы без каких-либо оговорок. То есть этот орган мог лишь блокировать невыгодные кому-либо решения, но оказывался не в состоянии генерировать позитивные перспективы.

В третьих, из трех центров Силы лишь СССР по большей части мог действовать от имени и в интересах всего народа или даже тех народов, которые входили в зону его ответственности. В США этот фактор частично присутствовал вначале, но постепенно сошел "на нет". В Англии реальных правителей страны население и его интересы не заботили в принципе.

Четвертым пагубным фактором стало усугубление противоречий между интересами развития мира и собственными интересами управляющих центров. Поскольку главный инструмент влияния выражался в деньгах, то и главной целью стало получение максимальной прибыли. А это в свою очередь активно мешало внедрению новых научных разработок во многих областях, а также экономному расходованию ресурсов. В результате уже к моему времени большая часть ресурсов приблизилась к полному истощению.

Наконец, пятым фактором я выделил то, что обнаружилось крайне неправильное с моей точки зрения распределение зон хаоса и порядка. Существовавшая в моем мире система разделила порядок и хаос по географическому признаку. Собственно центры силы США и Англия до последнего момента должны были представлять из себя островки стабильности среди всеобщего хаоса в других районах планеты. А между тем, правильное распределение

должно было, по моему мнению, находиться в совершенно иных областях. Традиционные области творчества, такие как культура, наука, искусство и даже экономика, должны были содержать максимальное количество степеней свободы и постоянно генерировать новое. Этот творческий хаос должен был балансироваться четким порядком в области общественных традиций и устоев, а также в сфере государственного управления и межгосударственных отношений.

Потратив еще какое-то время над осмыслением происходившего в моем времени, я понял еще одну, может быть, главную ошибку, которая была изначально заложена в "новый мировой порядок" в моем мире. СССР в самом себе сочетал обе стороны божественной Силы. И любовь, и Инферно. Насаждавшиеся в нижних и средних слоях общества равноправие, общинность, коллективизм работали на эгрегор Любви. Это компенсировалось тем, что на верхних этажах власти царила жесткая, иногда жестокая пирамидальность Инферно. Примерно таким же выглядел и Китай. А вот Запад был совершенно иным. Там Инферно царило на всех уровнях. Начиная от "американской мечты" в самом низу и до ритуалов тайных обществ и орденов. В результате, если смотреть на все центры мировой власти в совокупности, то баланс между божественными силами оказывался резко нарушен в сторону Инферно. Именно это и не позволяло в моем мире нормализовать обстановку. Скомпенсировать Инферно могла бы только Индия с ее гигантским потенциалом энергии Любви, растворенном в миллиардном населении. Но Индия "спала" и фактически устранилась от влияния на мировые процессы.

Я еще раз окинул получившийся список. — Понятия не имею пока, с какого конца за это браться. Но я должен попробовать. Пусть меня ждет неудача, но дорогу осилит только идущий. Раз уж ввязался в это предприятие, оказавшееся столь безнадежным, то идти надо до конца. Даже одному, наперекор всему миру. В самом худшем случае меня ждет провал. Но если не шевелиться, то провал и так обеспечен.

Ну а сейчас не сходить ли мне в баню? Пусть мое новое "тело" и не умеет потеть, но хоть запахи и ощущения оно ловить может. Вот и подышу паром и вениками, может полегчает?

## **Глава 20.**

### **Коммунизм и Вера**

В начале марта меня вызвал Сталин. Мы уже не виделись около месяца. Я все это время, как проклятый, не вылезая из домика, а по сути и из собственной скорлупы, пытался выстроить некую концептуальную модель мироустройства, хотя бы потенциально способную оказаться сбалансированной в долгосрочном аспекте. Не скажу, что все удалось, но кое-какие наметки стали вселять оптимизм. Хотя я по-прежнему совершенно не представлял себе, с какого бока нужно подступиться к практическому решению этой задачи. Все идеи, периодически приходящие в голову по данному поводу, я записывал и даже видел в некоторых определенную перспективу. Но чем дальше, тем больше мне становилось ясно, что справиться с задачей подобного масштаба попросту нереально. Даже все мои суперменские способности моли помочь мне лишь в малой степени. Дополнительные сложности представлял тот факт, что любые активные вмешательства в ситуацию были возможны лишь после большой войны. Слишком большой ее потенциал уже был накоплен в мире, слишком много денег было вложено в эту идею, Слишком серьезные люди занимались ее организацией, чтобы можно было рассчитывать на то, что ее не будет. А характер действий по мироустройству кардинально зависел от итогов военных действий. Но самое

противное, что получался замкнутый круг. Если ждать окончания войны, то совершенно непонятно, что удастся успеть сделать до того момента, когда ситуация прояснится, и переговоры насчет послевоенной конфигурации сил выйдут на уровень первых лиц. А если не ждать этого момента, то очень велика вероятность лишь усугубить катастрофическое развитие ситуации своими неуклюжими попытками изменить ход истории.

Вот примерно на этом фоне и состоялась наша очередная встреча со Сталиным. Предлог для встречи был все тот же — Испания. Выборы в этой стране прошли в строгом соответствии с тем, как это было знакомо мне по нашему миру. И вот теперь Сталин еще раз захотел "сверить часы" — выяснить у меня, не изменил ли я своего мнения насчет увеличения помощи испанскому правительству.

— Нет, товарищ Сталин. Принципиальная позиция по данному вопросу осталась той же. Нам не следует лезть в эту заварушку слишком активно. Но одна идея все же появилась. Думаю, стоит предложить Испании контракт на массовые поставки военной техники. Разумеется, вместе с инструкторами. Для нового руководства страны возможность путча далеко не секрет. И оно прекрасно понимает собственную слабость в военном плане. На стороне потенциальных путчистов наиболее боеспособные соединения и грамотные офицеры. Если мы сможем договориться насчет поставок авиации и бронетехники сейчас, и выполнить контракты до июля, то с внешней стороны это будет выглядеть совершенно нормально. Мы осуществляем поставки законно избранному правительству страны на коммерческой основе. Коммерцию в Европе понимают и уважают. Думаю, даже слишком больших криков возмущения не будет. Что немцам, что англичанам самим интересно посмотреть в деле, какова реальная сила нашего оружия против немецкого. Кстати, и то, что с началом путча наши инструкторы будут вынуждены "задержаться" на гостеприимной испанской земле, никого не должно удивить. Особенно, если их контракты формально будут заключены именно с испанцами. Кроме того, объясняя такое требование сложностью собственного финансового положения, думаю, нам удастся договориться и о своевременной поставке нашего оборудования. Таким образом, мы получим то же самое испанское золото, но на более законных основаниях.

— Ну что же, товарищ Алексей. Ваши слова звучат достаточно убедительно для того, чтобы подумать над ними серьезно. Так мы и сделаем. А скажите, пожалуйста, над чем Вы так упорно трудились все последние недели? Мне докладывали, что Вы, прямо таки не отрываясь, работали. И вид у Вас был не очень радостный.

Я вздрогнул и посмотрел на Сталина. Не то, чтобы я не ожидал подобного вопроса. Он был как раз очень естественный. Ожидал, и даже заготовил некий ответ. Вот только, глядя сейчас на Сталина, мне резко расхотелось вешать ему лапшу. Не тот человек. Да, сейчас он несколько отдалился и, возможно. Посчитал, что я ему больше не требуюсь. Но, тем не менее, он на протяжении всех наших встреч слушал всегда довольно внимательно. А многие вопросы так и вообще уже находились в стадии перевода в практическое русло. А потому я решил отвечать правдиво, хотя открывать лишь одну из сторон Правды.

— Дело в том, товарищ Сталин, что все текущие вопросы уже в работе и мое постоянное присутствие более не требуется. Остались фактически контакты с Артузовым по внешнеэкономической деятельности, но они совершенно не отнимают времени. В этой связи я занялся по собственной инициативе разработкой идеологических вопросов развития СССР, это стояло в моем первоначальном списке, но Вы решили пока эту тему отставить. Думаю, что сейчас пришло время на ней остановиться, хотя, не имея Вашего решения, я никого к



работе не привлекал. Все делал один. Материалов также никто не видел.

— То, что не привлекали, это хорошо, это правильно. Хорошо также, что Вы не забываете темы, которые собирались разработать в начале. Плохо только, что перед началом работы Вы не заинтересовались у нас о том, что, возможно, более своевременной была бы другая работа. Но ладно. И в каких же моментах вы видите развитие идеологии? Что же конкретно Вас не устраивает в нашей марксистско-ленинской идеологии коммунизма?

— Вы позволите говорить откровенно, товарищ Сталин? Некоторые моменты мне будет крайне сложно облечь в политкорректную, как говорили у нас, форму.

— То есть Вы хотите сказать, что мы настолько ошибаемся, что выслушать Вас спокойно, не хватаясь за пистолет, не сможем? — Сталин усмехнулся. — Обещаю вам сдерживаться изо всех сил, товарищ Алексей. Начинайте.

— Не все так страшно, товарищ Сталин. В подавляющем большинстве вопросов коммунистическая идеология совершенно справедлива. Есть лишь несколько моментов, которые в конечном счете и не позволили ей одержать окончательную победу. Первый и самый главный вопрос — отношение к вере. Проблема в том, что сегодня человек, горя идеей, строит будущее, которого сам не увидит. И далеко не ясно, увидят ли его дети. При этом его жизнь направлена постоянно на решение, безусловно, важных и приоритетных задач всего общества в целом, но ничего или почти ничего не дающих ему лично. Материальный уровень жизни каждого конкретного человека растет слишком медленно, чтобы приносить полное удовлетворение. В результате рано или поздно психология человека начинает меняться. Но перестает понимать, почему и во имя чего он должен, не покладая рук, вкалывать от рассвета и до заката всю свою жизнь. И даже то, что его дети будут жить лучше, а внуки еще лучше детей, перестает быть достаточно сильной мотивацией. Ведь коммунизм отнял у человека Веру в то, что вместе со смертью физической жизнь Души-Живы не заканчивается. Напротив, качество последующей жизни Живы напрямую зависит от того, насколько честной и правильной была до этого физическая жизнь. Отнять отнял, но ничего не предложил в замен. И люди остались без главных символов и стимулов. Рискну предположить, что вы уже не раз задавали себе этот вопрос, что даже так называемый культ личности Сталина являлся для Вас самого лишь инструментом, попыткой заменить для простого человека отсутствие более высоких духовных символов Веры. При Вашей личной скромности, доходящей до аскетизма, я просто не вижу другого рационального объяснения. Но Ваша попытка была заведомо провальной. Вы, увы, как и любой человек смертны. Дай Бог Вам здоровья, но рано или поздно мы все уйдем. И Символ разрушится. А символ не имеет права рушиться. Он должен быть вечным.

— Так. Вы подняли очень серьезную тему, товарищ Алексей. Давайте на ней остановимся и к другим Вашим идеям пока не пойдем. Значит, Вы считаете, что нам необходимо вернуть человеку религию? Открыть все закрытые храмы и признать, что мы ошибались? А как, по вашему мнению, на это отреагируют простые люди. Двадцать лет партия рассказывала им, что религия это опиум для народа, что таким образом попы оболванивали простого человека, заставляя его терпеть эксплуатацию. А вот так сразу взять и сказать? — Извините, мы ошиблись. Бог есть, просто мы его не замечали. — Так что ли? А Вы не думаете, что уже на следующий день Товарища Сталина объявят предателем интересов рабочего класса? Причем, сделает это даже ЦК, который должен принять такое изменение идеологии. А если вдруг не сделает он, то мгновенно соберется съезд партии и заменит уже весь ЦК.

— Нет, товарищ Сталин. Конечно, вот так в лоб ничего делать нельзя. Все должно происходить постепенно. Тем более, что пока есть некоторый запас времени. Сегодняшние люди еще горят строительством светлого будущего. Да и Вера, которую я имею в виду, не то же самое, что современная христианская церковь. В том, что касается сегодняшнего Православия очень много наносного, чуждого нашему народу. Особенно после Никонианской реформы. Но и эту религию нельзя рубить с плеча. Надо противопоставить ей исконную Веру русичей. А начать необходимо с реабилитации древней истории нашей страны, которую планомерно уничтожали и фальсифицировали на протяжении многих веков наши недруги. Русь началась не с 17-го года и даже не с крещения ее Владимиром. Она старше на множество тысячелетий. Нас заставили забыть про это, но в мое время по малюсеньким кусочкам, дошедшим до наших дней уже были попытки ее восстановления. Я дам Вам координаты древнего города Аркаим, его впервые открыли в 57-м году военные картографы, но официально обнаружили лишь спустя еще 18 лет. Он датируется 2-м-3-м тысячелетием до нашей эры. Он масштабнее и древнее известного английского Стоунхенджа. И это не единственный памятник древней Руси. Уже в те времена, когда гордые викинги рассекали без порток воды Балтики, а во всей Европе не нашлось бы ни одного полноценного города, кроме, может быть, Рима, наша страна была известна в мире как Гардарика, страна городов. Это наш город Трою воевали знаменитые греческие герои. Кстати, воскрешение и популяризация нашей древней истории может иметь и очень серьезные геополитические последствия.

— Например?

— Вы знаете, что Гитлер строит свою концепцию арийского сверхчеловека. Но арии это не немцы. Они лишь отдаленные потомки Ариев. Настоящие прямые потомки ариев это мы, славяне, это тюркские народы, это персы, это курды и многие другие. Сохранился потрясающий памятник письменной летописи нашего народа. В моем времени он получил название "Велесова книга". Сейчас она находится у бежавшего от революции полковника Добровольческой армии Али Изенбека, проживающего в настоящее время в Брюсселе. Необходимо достать эту книгу и опубликовать ее вместе с переводом и комментариями наших ведущих ученых. Гитлеру будет очень сложно убедить свой народ нападать на страну, населенную такими же потомками Ариев, которыми он считает немцев. Даже несмотря на все давление Англии. И если сделать это сейчас, пока отношения между нашими странами еще позволяют опубликовать книгу и в Германии, то возможно даже организовать совместное исследование этого наследия.

Второй момент, также связанный с Гитлером, заключается в использовании им свастики. Это древний солярный знак, который многие века использовался всеми славянскими народами. В том числе, как оберег. Необходимо как можно быстрее лишить Гитлера монополии на этот символ. Необходимы публичные исследования, что свастика многие века является одним из базовых символов всех индоевропейских народов, вышедших из единого корня. А нашим корреспондентам в Испании надо поручить найти свастику там. Сохранилось множество древних испанских замков, в орнаменте которых можно найти этот символ.

— Хорошо, товарищ Алексей. В том, что касается истории и памятников больших проблем не вижу. Передадите данные товарищам Берии и Артузову, они организуют все необходимые исследования, экспедиции и находки. Мы также рассмотрим вопрос о пропаганде древней истории нашей великой страны и, думаю, что решение будет

положительным. Но какое отношение это имеет к вопросам Веры?

— Самое прямое, товарищ Сталин. Одновременно с популяризацией истории Руси необходимо рассказывать о древней Вере наших предков. Надо показать, что она не имеет никакого отношения к язычеству. Что принцип Единобожия был известен древним славянам задолго до написания Библии. Что наш календарь почти на две тысячи лет старше иудейского. Все это следует давать в совершенно нейтральном виде. Без превозношения, но и без обличения. Наш народ мудрый. Ему надо только позволить вспомнить свои корни, остальное он сделает сам. Кстати, о корнях. Необходимо, и это тоже должно быть частью идеологии, всячески поощрять изучение советскими людьми своих родовых корней. Следует представлять Род, как непрерывную цепочку, связывающую уже умерших родичей с ныне живущими, а их с еще нерожденными потомками. Еще одним очень важным моментом, который сближает наших предков с сегодняшними коммунистами, является то, что они никогда не унижались перед Родовыми Богами, никогда не молили их ни о чем. Они лишь славили их за то, что живут. Это была не гордыня, но настоящая гордость. За себя, за Род, за страну, в которой живут. Это очень похоже на то, что делают коммунисты, восхваляя СССР, партию и классиков-создателей коммунизма. Людям будет это близко и понятно. Сегодняшние коммунисты так же верят в себя, как это делали наши предки. Это преемственность.

Это еще не полноценная Вера, но огромный шаг к ней. А что касается Православного христианства, то оно само должно найти свое место в нашем мире. Ему не надо ни помогать, ни мешать. Пусть все, кто хочет, невозбранно посещают храмы. Думаю, что важным шагом на пути возрождения Церкви и к сердцам людей было бы воссоединение со старообрядческой Церковью, преодоление Никонианского раскола. Особенно это важно, поскольку первые христиане совершенно не отрицали старых Родовых Богов. Они, напротив, видели в христианстве преемственность от Древней Веры. Впрочем, такие вопросы Церковь должна решать самостоятельно.

— Хорошо, товарищ Алексей. Спасибо Вам за Ваше мнение. Мы подумаем. Вы высказали много интересных идей. Некоторые из них нам точно пригодятся. Не забудьте передать товарищам Берии и Артузову необходимые данные для работы.

— Конечно, товарищ Сталин.

— Скажите, товарищ Алексей, а что это вы рисовали за схемы насчет будущего мироустройства?

И тут я понял, что "приплыл". Я стал судорожно вспоминать, когда выходил из домика, и где при этом оставались бумаги, над которыми я работал.

## **Глава 21. Откровения от Иосифа.**

Я глядел на Сталина и судорожно пытался придумать, что же сказать. Врать не хотелось. Я прекрасно понимал, что любую фальшь Сталин почувствует мгновенно. И тогда на любом общении с ним можно будет ставить крест. Но и выдать все, как есть, я просто не мог. Тем более, что совершенно не чувствовал за собой той Силы и Правды, которая позволила бы убедить в правильности моих выводов хотя бы меня самого. А Сталин тоже молчал и рассматривал меня сквозь легкий прищур своих желтых гипнотизирующих глаз. И прищур этот хоть и был слегка насмешлив, но отнюдь не лучился добротой и весельем. Так скорее смотрит кошка на мышь, с которой перед обедом собирается поиграть.

— Раз Вы, товарищ Алексей, никак не можете решиться, хотите я сам расскажу Вам все, что Вы придумали?

Мне оставалось только кивнуть, изо всех сил, пытаясь сохранить спокойствие и непринужденность. Что, впрочем, не удавалось. А Сталин встал из-за стола и принялся не спеша вышагивать по кабинету.

— Я внимательно просмотрел ту информацию, что передали мне наши товарищи. И сравнил это с Вашей информацией о том варианте будущего, с которым Вы нас познакомили. Думаю, товарищ Алексей, Вы рассуждали следующим образом. Будущее, наступившее в Вашем мире, Вас не устроило. Именно этому мы обязаны Вашему появлению у нас год назад. Сначала Вы бросились помогать нам устранять те ошибки в нашем времени, которые, как Вам казалось, были наиболее критичными. Дополнительно Вы снабдили нас большим количеством информации, которая должна нам помочь справиться с будущими проблемами наиболее правильным образом. И, должен признать это была очень ценная информация. Помимо этого Вы регулярно делились с нами своими мыслями о том, как правильно решить те или иные задачи. И многие Ваши предложения внимательно рассматривались, изучались и даже внедрялись. Вы были отмечены Высокой государственной наградой. Так, товарищ Алексей?

— Так, товарищ Сталин.

— Следовательно, партия и государство отнеслись к Вам с должным вниманием, уважением и даже доверием. А чем же собрались отплатить нам Вы, товарищ Алексей? Ваши записки и попытки придумать совершенно отличную от известной Вам, а теперь и нам версии будущего говорят о том, что Вы пытаетесь найти способ его изменения. Причем, не только в части, касающейся СССР, но и во всемирном масштабе. Не так ли, товарищ Алексей?

— Так, товарищ Сталин.

— Ну а раз так, то когда Вы собирались познакомить нас с Вашими выкладками? Хотите, скажу за Вас? Вы нас вообще не собирались ставить в известность. За это говорит хотя бы то, что Вы ни разу не поинтересовались ни у кого, включая Артузова, которого видите довольно часто, о том какая информация об интересующих Вас вопросах есть у советского руководства. Я не прав?

— Правы, товарищ Сталин. — От моих ушей уже можно было прикуривать. Всего в нескольких фразах, сказанных совершенно спокойным внешним голосом, Сталин умудрился вывести меня на чистую воду. И ведь не собирается останавливаться.

— Пойдем дальше. Все сказанное свидетельствует о том, что Вы собрались изменять ситуацию в одиночку. И вот здесь возникают целых два варианта. Или у Вас такая огромная мания величия, что Вы уже сочли себя Господом Богом, способным на все, что пожелаете. Или второй вариант. По каким-то своим соображениям Вы не доверяете нам, раз не решились поставить нас даже в известность о своих планах. Вы всегда производили впечатление разумного человека. Иногда Вас заносило, иногда Вы слишком поверхностно выдвигали ситуацию, но мании величия мы в Вас не замечали. Значит, скорее всего мы имеем дело со вторым вариантом. И когда Вы собирались исчезнуть, товарищ Алексей? — теперь тон Сталина стал несколько ехидным, хотя он по-прежнему был способен заморозить весь кабинет.

— Примерно через месяц-два, товарищ Сталин. — Отвечать не хотелось совершенно, но не отвечать я просто не мог, вполне ощущая себя кроликом перед не очень голодным удавом.

— Это хорошо, что Вы хотя бы сейчас имеете смелость говорить правду. Но давайте вернемся к нашим баранам. И попробуем выяснить, чем Вас так обидело Советское

государство и лично товарищ Сталин. Что именно вызвало Ваше недоверие к нам? Молчите? Что ж. Товарищ Сталин опять Вам поможет и расскажет это за Вас. Вы решили, что товарищ Сталин и Советское руководство спят и видят, как бы облагодетельствовать весь мир социалистической революцией. Или захватить его военным путем. Именно поэтому Вы не пришли к нам, не захотели посоветоваться и попытаться вместе решить проблему, которая казалась Вам наиболее важной.

— А ну сидеть. И не вздумай исчезнуть. Мальчишка. Имей хотя бы теперь мужество выслушать все до конца. — Увидев, что я слегка дернулся, выкрикнул Сталин. И тут же мгновенно вернулся к своему обычному и спокойному внешне тону. — Так что же Вас смутило, товарищ Алексей? Чем Мы заслужили к себе подобное отношение? Отвечайте, сейчас уже только Вы сами должны ответить на этот вопрос. Конечно, Вы можете воспользоваться своими необычными способностями и исчезнуть по-английски. Но если все, что Вы делали до этого момента, Вы делали с искренним желанием помочь нашей стране избежать ошибок и проблем, то Вы обязаны ответить. Иначе мы тоже не сможем Вам больше доверять. Как не сможем доверять и уже высказанным Вами идеям, которые показались нам разумными и интересными.

— Хорошо, товарищ Сталин, я расскажу все, как есть.

Далее я течение почти двух часов я подробно рассказывал Вождю весь ход своих мыслей, всю логику, все выводы, к которым пришел. Сталин слушал молча, не перебивал, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Несколько раз он вставал, набивал трубку, закуривал и принимался ходить по кабинету, о чем-то глубоко задумавшись. Но нить рассказа явно не терял. В конце я попытался хоть немного оправдаться и постарался пояснить, почему не решился посвятить в свою затею хотя бы его. Кстати, с тем, что мне не стоило разговаривать на подобные темы ни с Берией, ни с Артузовым, а тем более кем-либо еще, Сталин согласился довольно быстро. Но вот то, что я не пришел к нему, явно не забыл и не простил.

— Значит, Вы товарищ Алексей, решили проделать всю эту операцию в полном одиночестве, никого не привлекая? Интересно было бы послушать, каким же образом Вы собирались добиться успеха? Вы что, считаете себя большим профессионалом в дипломатии? Или может быть в военном деле? Или, видимо, вы гениальный агент разведки? А там ведь не только навыки незаметного проникновения требуются. И, наконец, Вы хорошо разбираетесь в особенностях Восточной психологии, позволяющей надеяться на то, что вот так запросто появитесь в кабинете у какого-нибудь высокого сановника и сразу же найдете доверие и понимание? Да и вообще, какими языками для начала вы владеете? Я понимаю смысл того, что Вы задумали. Я даже готов согласиться с тем, что это достойная цель, если Вы были до конца откровенны. Но я из Вашего рассказа совершенно не понял, каким именно образом Вы собирались решить проблему.

— А я пока это и сам не понял. Только в начальной стадии находился. Потому и сказал, что собирался исчезать еще через один — два месяца. Надеялся к этому времени успеть доработать проект. Пока могу сказать, что была идея проникать незаметно последовательно в различные резиденции тайных обществ и орденов Европы, а потом и США, что-то подслушивать, какие-то документы изучать. А потом на этой основе искать способы перессорить всех со всеми. Добиться начала масштабных внутренних разборок. И тем самым их существенно ослабить.

— Хорошо. Допустим, Вам это удалось. Хотя это и не факт, и мы к этому еще вернемся.

Но предположим, что Ваши способности позволили Вам добиться раскола в тех силах, которыми Вы полагаете ответственными за происходящее в мире. Но что потом? Вы хоть задумывались о том, каким может стать мир после этого? Когда одна управляющая Сила уходит, а на ее место не приходит другая, способная выстроить собственный порядок, то наступает хаос. Это Вы должны понимать, раз оперируете такими понятиями. Давайте себе представим, что весь мир, кроме, надеюсь, СССР впал в хаос. В Азии начались войны и революции по освобождению от колониального ига. А в Европе и Америке? Там вообще полный бардак и безвластие. Куча больших и маленьких группировок, оставшихся без кукловодов начинают борьбу за власть. И что с этой кровавой баней прикажете сделать? Да Вы разом выплесните в мир такое количество Зла, которое Вы именуете Инферно, что мир вообще может схлопнуться разом. И чтобы этого не допустить мы просто будем вынуждены попытаться взять ситуацию под контроль. Хотя бы в Европе. А готовы ли мы к этому? Хотим ли мы этого такой ценой? Нет, товарищ Алексей. Не хотим и не готовы.

Сталин меня просто убил. Я ведь действительно в своих мыслях не дошел до понимания такой простой истины, которую он ухватил мгновенно. Для того, чтобы рушить одну власть, необходимо иметь наготове следующую, способную не допустить скатывания в жесткий хаос и беспредел. Так стыдно мне не было, наверное, никогда в жизни. Я даже не знал, куда мне реально спрятаться. А уж посмотреть в глаза Вождю я даже и не пытался.

— Вы правы, мне нечего возразить на это товарищ Сталин.

— Но есть и более простой вопрос. Допустим, Вы рассчитывали на свои возможности для поиска компрометирующей или иной информации, способной перессорить внутри себя всю закулису. Но Вам не приходило в голову, что у Вас может это просто не получиться. Я не знаю предела Ваших сил и возможностей. Но ведь там тоже не дети. И есть большое количество специалистов, владеющих различными необыкновенными способностями на довольно высоком уровне. Что Вы на меня так удивленно смотрите? Коммунист товарищ Сталин и вдруг столь серьезно про всякие телепатии и телекинезы? А Вы не удивляйтесь. Я же хоть и удивился Вашему появлению, но воспринял этот факт вполне спокойно. Да, товарищ Алексей, мы в курсе того, что такие способности существуют. Но рассматриваем их как некую область природных человеческих способностей, пока не доступную подавляющему большинству людей. И мы сталкивались с такими людьми. А с некоторыми даже сотрудничали и сотрудничаем. Кроме того, мы пусть и не во всех деталях, но представляем себе этих "мировых заговорщиков", стремящихся подчинить себе весь мир. И знаем, какую роль они, в том числе, сыграли в нашей революции. Мы даже иногда сталкиваемся с ними. И все, что мы о них знаем, позволяет думать, что это далеко не простые люди. Среди них точно есть те, кого они сами зовут магами. Мы в самом начале пытались провести эксперимент с Вами, насколько можно заблокировать Вас с помощью подобных способов. Нашим специалистам не удалось. Но это не гарантия, что не удастся их мастерам. Хотя бы просто почувствовать Ваше присутствие они смогут почти наверняка. — Об этом я тоже как-то не подумал. Так что же, получается все зря? Я просто дурак с большим самомнением?

— Самокритика, это неплохо. И насчет самомнения Вы не сильно ошиблись. Но и дураком Вас назвать нельзя. Я думаю, что Вы скорее решились броситься, как в омут головой, не видя иного выхода из самому себе нарисованной ситуации. Но то, что не вышло у Вас одного, вполне может получиться у нас вместе. Ведь согласитесь, товарищ Алексей, одиночный рейд по тылам противника и иметь в распоряжении все ресурсы большого

государства это не одно и то же. К тому же и товарищ Сталин на что-нибудь сгодится. — Тут Сталин неожиданно улыбнулся в усы и подмигнул мне.

— Такого я даже представить себе не мог, товарищ Сталин.

— Вот и напрасно, товарищ Алексей. Как говорили наши мудрые предки, о памяти и чувствовании которых мы говорили в самом начале встречи, "один в поле не воин". Вы можете высказывать любые, даже самые бредовые идеи. Обещаю, что рассмотрим все варианты. Только давайте сразу и навсегда договоримся, товарищ Алексей, — голос Сталина снова стал строгим и жестким, — больше никакой самостоятельности. Теперь все действия только согласованно со мной лично или с теми, кто еще будет привлечен к этой работе. Ясно?

— Да, товарищ Сталин, все понятно, согласен.

— Вот и хорошо, а теперь давайте еще раз пройдемся по Вашим схемам. Кого и на кого Вы планировали там поменять?

Следующий час мы внимательно прошлись по всем вариантам возможных будущих конфигураций. Надо еще раз внимательно подумать и не торопиться с выводами, но, видимо, вот этот вариант будет выглядеть наиболее перспективным, а, товарищ Алексей, — наконец произнес Сталин, вставая.

— Да, товарищ Сталин. Мне он тоже кажется лучшим из возможных вариантов. Но вот только я пока не представляю себе, как именно мы сможем обеспечить его реализацию.

— А вот над этим мы и будем работать. Когда Вы говорили, должна начаться Вторая Мировая война?

— Если говорить о начале собственно боевых действий, то в марте 39-го, товарищ Сталин.

— Значит, три года. Вот это и есть наш лимит времени. Хотя, конечно, некоторые шаги необходимо будет предпринять уже в самое ближайшее время.

Работу было решено проводить на базе УЗОРа, но в отдельной еще более закрытой зоне. Это была ранее чей-то большой дачный комплекс из нескольких зданий, стоящий на некотором удалении от прочих строений, а также от берега реки и по всему периметру окруженный высоким забором. Поверх забора моментально пустили витую колючую проволоку под током высокого напряжения, а также обязали Иваненко выделить на охрану не менее взвода особо проверенных бойцов. Причем, самой охране заходить внутрь комплекса категорически запрещалось. Так же запрещалось выносить из здания какие-либо бумаги. Писать разрешалось исключительно в пронумерованных тетрадях, которые получались и забирались под расписку. Вне использования все материалы убирались в огромный дореволюционный сейф, который явно провел свою молодость в каком-нибудь банке. К работе над проектом было допущено совсем мало лиц. Это были в основном люди Берии и Артузова, все прекрасные аналитики. Некоторые уже были знакомы со ставшим для УЗОРа традиционным командным методом решения проблем. Иногда на даче появлялись Берия, Артузов и даже сам Сталин. В такие дни наша "младшая" команда пыталась защитить свои уже согласованные внутри себя идеи, а "старшие товарищи" так же азартно и "без чинов" старались найти в них слабые плохо проработанные места. Помимо этого был и один очень приятный для меня лично сюрприз. Сталин дал санкцию для моей работы с Вернадским. Нет, Владимир Иванович не стал членом какой-либо проектной команды. Но он согласился на несколько месяцев поселиться на одной из дач УЗОРа для помощи мне в формировании перспективной теории Мироздания, включавшей в себя и его идеи Ноосферы.

Для меня это была огромная радость.

### Интерлюдия 3.

Время летело с огромной скоростью. Вот уже и май наступил. Погруженный по уши в работу и бесконечные дискуссии то с командой, то вечерами с Вернадским, я практически не выезжал за пределы резиденции, лишь пару раз вместе с Берией был приглашен на Ближнюю дачу Сталина для обсуждения некоторых вопросов без посторонних. Берия за последний год очень сильно поднялся в местной чиновной иерархии и уже сейчас претендовал на роль второго после Сталина человека в партии. В апреле он стал полноправным членом Политбюро.

Работа хоть и с естественными для столь сложной задачи проблемами, но продвигалась вперед. Хотя нам так и не удалось пока найти механизмы некоторых операций, предусматривающие хоть и довольно приличный, но все же приемлемый риск. И этот момент нервировал больше всего.

В какое-то воскресенье я почувствовал нестерпимое желание отвлечься от работы и просто пройтись по тихим московским бульварам, ни о чем особенно не думая. Компанию мне как всегда составил неизменный Иваненко. Он хоть и вырос за этот год в довольно весомую фигуру, но сопровождать меня во время моих вылазок лично считал себя по-прежнему обязанным. А возможно ему это еще и нравилось. Он был посвящен не во все наши дела, но, тем не менее, знал достаточно много для того, чтобы, не боясь показать свою осведомленность, расспрашивать меня об особенностях жизни в будущем. Да и мне самому нравилось с ним беседовать на эти темы. У него была очень интересная реакция на какие-то моменты жизни, которые мне самому казались обыденными, а его то восхищали, то удивляли, то возмущали до глубины души. И эти реакции позволяли мне лучше многого другого понять разницу в мироощущениях обычных людей сейчас и в оставленном мной времени.

Вот так, тихо беседуя на этот раз о юношеских увлечениях моего времени, мы и забрели на один из московских бульваров. Я вообще любил гулять по бульварам больше, чем по любым другим улицам. Сочетание молодой зелени, которая уже вовсю проклюнулась на деревьях, еще не изгаженного выхлопными газами воздуха и веселых гуляющих людей, действовало очень умиротворяющее и прекрасно отвлекало от проблем, даруя мозгу необходимую передышку.

И вдруг, еще ничего не видя и продолжая рассказ о дискотеках, каким-то чутьем я почувствовал, что что-то изменилось. Взглянул на Иваненко, и не увидев его рядом с собой, оглянулся. Он, отстав где-то на пару шагов, застыл с странной позой с одной поднятой ногой, как будто собирался сделать шаг, но не смог закончить действие. Я посмотрел по сторонам и ошалел еще больше. Застыло вокруг меня сразу все. Птица, странным способом повисшая на месте в воздухе, собачка, окропляющая деревья с задранной ногой. Люди, гулявшие секунду назад по бульвару. Даже воздух застыл. По крайней мере, я не мог уловить ни малейшего дуновения ветерка. Такое впечатление, что кто-то разом выключил мир, оставив меня прежним.

А потом я увидел его. Нет. Не так. Я увидел ЕГО. Огромный черный кот сидел буквально в паре шагов от меня и, поблескивая на меня хитрым глазом, умывался.

— Бегемот, — ошалело прошептал я.

— Приятно, когда тебя узнают сразу и при этом не норовят тут же поймать или упасть в обморок, — довольно громко и внятно промурлыкал этот невозможный котяра.



Я стоял с вытаращенными глазами и подобно выдернутой из воды рыбе беззвучно разевал рот не в силах сказать что-то еще.

— А не надо ничего говорить. Главное, что Вы сразу же узнали, кто перед Вами. Видимо, Михаил Афанасьевич своим произведением оставил в вашей душе неизгладимый след. Да и что говорить, настоящий мастер.

Я повернулся и увидел на ближайшей скамейке вальяжно расположившегося человека средних лет в строгом сером костюме. Откуда он взялся? Еще пару секунд назад скамейка была точно пуста. Фразы принадлежали именно ему.

— Не стоит забивать себе голову глупостями. Тем более, что остановка мира стоит недешево и, думаю, нам есть на что потратить время или точнее безвременье с гораздо большей пользой. Не соблаговолите ли присесть, милостливый государь?

— Соблаговолит, соблаговолит, куда ж он денется, — снова раздалось кошачье мурлыканье.

В голове сама собой благодаря моей приобретенной абсолютной памяти возникла фраза из "Мастера...": "

*ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой — золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду — лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом — иностранец.*

"

Он. Точно он.

— Будем считать, что и мне представляться больше не надо. Присаживайтесь.

Я осторожно приблизился и присел на ту же лавку, где восседал незнакомец. Хотя какой он незнакомец? Воланд собственной персоной, и никто иной.

— Добрый день, Мессир. Кажется, так Вас было принято называть в упомянутом романе? Чем обязан такому высокому вниманию?

— Ну я не Ваш господин, потому называть меня "мессир" с Вашей стороны довольно опрометчиво. Могу и понять буквально, как предложение. Шучу. Зовите меня, как Вам будет угодно, товарищ Алексей.

Последнюю фразу он произнес с чисто сталинскими интонациями.

— Ну и вниманию моей нескромной персоны Вы обязаны некоторыми трудностями, которые, как нам с братом показалось, Вы испытываете в настоящее время. Я имею в виду Ваш план по переустройству мира. В целом мы с ним очень даже довольны развитием событий. Даже не знаю, смог бы кто-нибудь за год сделать большее. Кое-какие необязательные ошибки были, но не суть. Мы действительно наблюдаем за Вашей эпопеей с большим интересом. Давненько так не развлекались. Да и кое-какие шансы на успех у Вас есть, не скрою. Но пока только шансы. Еще ничего не произошло. И никакие сверхсовременные танки или даже появление на несколько лет раньше у СССР атомной бомбы этого не изменят. История сделает лишь некоторый зигзаг и году так к 50-му по местной шкале вернется к своей основной траектории, погасив все возмущения. Так что до того момента, как вы задумались об изменении все мировой конфигурации Ваши шансы вообще были довольно призрачны. А вот сейчас они существенно подросли. В этой связи мы

по обоюдному с братом согласию решили Вам немного помочь. Ну а раз за то, что мир находится на грани коллапса в большей мере ответственен именно я, то и помогать мне. У Вас есть какие-нибудь конкретные идеи насчет того, как именно могла бы выглядеть помощь?

— Все настолько неожиданно, что я просто теряюсь. А из чего можно выбирать, мистер Воланд? Огласите весь список, пожалуйста — от растерянности я даже начал шутить и в голове всплыла эта фраза из "Шурика.."

— Раз готового ничего нет, давайте не будем терять времени. Появится, скажете когда-нибудь потом. А пока я выдам Вам бонус от себя лично. Даже два. Во-первых, — тут он легонько прикоснулся рукой к моему лбу, — Вы теперь точно знаете все структуры, на которые ищите выход, их персональный состав и все их планы. Это должно Вам помочь при планировании операций. Во-вторых, поскольку они завязаны именно на меня, то сроком на десять, — он задумался, — да, именно на десять лет я лишу их своей помощи и поддержки. Это все, что мы пока можем для Вас сделать, но теперь Вы точно должны справиться. У Вас еще какие-нибудь вопросы, а то у меня совсем мало времени?

— Только один. Почему равновесие нарушилось настолько, что коллапс стал неизбежен? Ведь Вы же с Вашим, как Вы говорите, братом две половинки одного целого?

— Это не так просто сделать коротко, но постараюсь объяснить в двух словах. С момента своего формирования в качестве единого целого человечество стало третьим, самостоятельным Игроком на этом поле. Его суммарная энергетика способна активно смещать движение мира в ту или иную сторону. И что-либо здесь изменить, мы не властны. Если победит мое Инферно, то человечество сгинет в "нижние" миры, кроме немногих Жив, энергетика которых с теми мирами не сочетается. Если победит Любовь моего брата, то человечество уйдет "вверх", опять же кроме какого-то количества окончательно заблудших Душ. Но и тот, и другой вариант нам пока не интересен. Эта победа одного из нас лишит нас "работы". Точнее все придется начинать опять сначала. Но главное в другом. Что "вверх", что "вниз" идти нужно осознанно. Это должен быть сознательный выбор всего человечества, а не кучки зарвавшихся жрецов. Тогда наша работа будет сдана "на отлично" А Ваша цивилизация вечно куда-то торопится. Вы как слепые котята, не разобравшись в происходящем и еще ничего не понимая, уже мчитесь навстречу гибели. Мы не думали, честно говоря, что человечество с таким азартом бросится загонять себя в адские миры, погружаясь в Инферно настолько старательно и увлеченно. И пока мы осмысливали происходящее и считали варианты, Вы уже прошли все точки невозврата. Я ответил на Ваш вопрос?

— Да, мистер Воланд. Благодарю. Передавайте привет Вашему брату.

Ну тогда нам пора. Желаю успеха. — Эй Бегемот, включай мир, уходим.

— А погладить? — мелькнула у меня идиотская мысль в процессе наблюдения, как роскошная усатая морда растворяется в воздухе.

— Ишь, чего захотел. Не заслужил еще, дело сделай, потом поговорим, — раздалось мурлыканье у меня в голове и пропало.

— Ой, товарищ Сидоров, а как это Вы так мгновенно оказались на скамейке? — услышал я крайне удивленный голос Иваненко, — я даже моргнуть не успел. С Вами все в порядке?

— Все нормально, только, Виктор Степанович, нам надо как можно быстрее вернуться на базу. Прогулка отменяется.

## Глава 22.

### Подполье не вечно.

Новая информация, столь чудесным образом возникшая в голове у Сидорова, смогла очень многое прояснить для Сталина. Но одновременно она показала, насколько поверхностно до этого момента оценивал все происходящее не только этот "пришелец", но и Советское руководство. Какие-то моменты вообще привели Сталина в почти шоковое состояние. Он даже не сразу заставил себя поверить в то, что принесенные Алексеем данные соответствуют действительности. А поверив после их тщательного сравнения с тем, чем он располагал до этого, ужаснулся еще больше. Он даже на краткий миг пожелал вернуться на какое-то время в прошлое, когда еще ничего не было известно, а решение взять планы Алексея по мировому переустройству под собственный контроль, еще было не принято. Находясь наедине с самим собой, Сталин прекрасно понимал причину своего состояния. Он элементарно испугался.

Если кто-то думает, что можно вот так запросто решиться стукнуть кулаком по столу и объявить, пусть и про себя, войну мощной законспирированной системе, насчитывающей не одну сотню лет своего существования, да еще и разветвленную практически по всему миру, тот глубоко ошибается.

Для него, Сталина, главной неожиданностью была даже не мощь противника и его глубоко эшелонированная оборона. Больше всего его потрясла именно древность управляющих структур, замахнувшихся на управление человечеством. Лишь теперь он до конца начал понимать, что и в российской революции эти силы не просто явились спонсорами, финансировавшими проект с целью ослабить Империю и прибрать ее к рукам. До него дошло, что эти силы от начала и до конца тщательно спланировали, организовали и обеспечили успех всей операции. Что все революционное движение, относительность и неоднозначность целей которого он сам начал понимать только чуть более десяти лет назад, было с самого начала управляемым извне. Теперь он совершенно иначе взглянул на всю советскую историю, увидел всю неслучайность столь жестких противоречий в руководстве партии после смерти Ленина, понял истинные причины постоянного возникновения оппозиций. А осознав все это, ужаснулся тому, по какому лезвию бритвы буквально божественным проведением прошла страна в последнее десятилетие. А ведь не случайно он до сих пор не чувствовал себя полноценным хозяином ситуации. Не зря, оказывается, он просыпался ночами в холодном поту, буквально кожей ощущая надвигающуюся угрозу. А ведь пока он еще не сделал ни единого шага против планов закулисы. Он, конечно, последовательно укреплял свою личную власть. Параллельно он всемерно укреплял страну. И уже сейчас, в 36-м, это была далеко не та разгромленная Гражданской войной страна, которую при минимальных усилиях можно было брать голыми руками. Нет, сегодня СССР уже мог позволить себе скалить зубы и даже надавать какому-нибудь особо наглomu агрессору по роже. Но только в одном случае. Если это будет просто чья-то личная инициатива, а не приказ, спущенный с верхних этажей управляющих миром структур. Против коалиции всех потенциальных противников СССР не продержится и пары месяцев. Да, кое-какие действия Советского руководства закулисе явно приходились не по душе. Но она терпела, тем более, что пока сохранялись и некоторые договоренности. Особенно с американцами. В свое время в обмен на поддержку Сталину пришлось дать некоторые гарантии и преференции старому Рокфеллеру. И до сих пор он не пытался их нарушить. Но, видимо, скоро придется. А может быть, и нет. Он как-то спросил мельком у Алексея в

разговоре о США, не помнит ли тот даты смерти Джона Рокфеллера. Алексей сказал, что если прочитанное им когда-то верно, то в мае 37-го. Тогда он быстро перевел разговор на другую тему. Но запомнил. Это для него было крайне важным. Именно перед этим Рокфеллером Сталин нес личные обязательства, не распространявшиеся в полной мере на весь его клан. Когда-то это выглядело отличной сделкой. Американец пообещал Сталину много. В том числе согласился и на сдачу Троцкого, без чего Сталин лишь мог бы мечтать о реальной власти. Взамен попросил тоже немало, но в разумных пределах. Участие в нефтедобыче в Баку и ряде некоторых других концессий, разрабатываемых через его представителя Арманда Хаммера. Оба относительно честно выполняли друг перед другом свои обязательства все это время. И вот через год этот тайный договор канет в лету. Не в последнюю очередь Сталин согласился продумывать войну против закулисы именно поэтому. Разрыв отношений с Рокфеллерами, а продлевать сделку на прежних условиях Сталин не собирался в любом случае, так или иначе привел бы к проблемам. Но до начала войны, они особенно ничего сделать уже не успеют, а там посмотрим.

Новая информация от Алексея существенно изменила положение дел. Она заставила пересмотреть многие планы, но вместе с тем большое количество проблем, казавшихся почти неразрешимыми, теперь уже выглядели хоть и серьезными, но вполне поддающимися контролю. Особенно порадовало то, что по словам Алексея их противникам на время было отказано в поддержке Высших сил. Эта сторона вопроса всегда смущала Сталина больше всего. Он с юношеских лет знал, что мир далеко не так прост, каким кажется и далеко не во всем соответствует официальной атеистической идеологии марксизма. Время, проведенное когда-то в общении с одним из величайших мистиков Гурджиевым, а потом и тесные контакты с Мессингом давно убедили Сталина в том, что человек не всемогущ. Есть Силы гораздо более могучие. Однако, он сам лично не был искушен в этой области тайного знания, а потому хоть и санкционировал в свое время создание специальной парапсихологической лаборатории в составе НКВД под руководством Глеба Бокия и держал ее деятельность под постоянным личным контролем, всегда относился к оккультным наукам с изрядной долей недоверия. Помимо всего прочего, ему доносили и то, что некоторые деятели оккультизма могли иметь тесные контакты с масонскими структурами Запада. Хорошо, что теперь появилась возможность выяснить это досконально. А до сих пор такое двойственное отношение к мистике создавало у него определенный комплекс неполноценности. Сталин прекрасно знал, насколько глубоко увязли в оккультных проблемах европейские масоны. Его люди даже сумели проникнуть в некоторые общества на нижние уровни посвящения, но до основных тайн им было еще далеко. Знал он и об огромном интересе, который проявлял к этим вопросам Гитлер. Создание ордена СС, а год назад и тайной исследовательской организации "Аненербе" говорили сами за себя. Именно эта неуверенность Сталина в своих силах до настоящего времени сковывала ему самому руки и не давала даже решиться на серьезную чистку масонских прихвостней в СССР.

И вот теперь руки развязаны. Только нельзя торопиться, действовать необходимо точно, выверено и очень аккуратно. Нейтрализация преимущества противника в областях, в которых он сам откровенно не силен, привела Сталина в более равновесное состояние духа. Теперь все будет решать только сила разума и оружия.

Конечно, отлично, что так вовремя нашелся этот Алексей. Даже не беря в расчет мистические вопросы, его информация и идеи по перевооружению армии оказались как нельзя кстати. И это перевооружение уже скоро начнется. В Челябинске в обстановке

крайней секретности уже начинались первые испытания танка нового поколения проекта ПБ ("Пришелец из будущего") Саму машину Сталин еще не видел, но недавно показанные Берией фото впечатляли. Это был настоящий монстр, намного превосходящий все проекты тяжелых танков, которые Сталин видел до этого. Почти в полтора раза шире обычных танков, на мощных под стать себе широких гусеницах, с впечатляюще длинным 107-мм орудием и непривычно зализанной широкой башней, танк действительно смотрелся пришельцем из других времен и миров. И, что немаловажно даже для противников, он был красив. Это была дьявольская красота разрушителя, но она завораживала. Такое чудовище на поле боя неизбежно будет наводить ужас на врага одним своим видом.

Берия, который клялся, что уже до конца лета запустит танк в серию, рассказал, что сначала, когда проект только перебрался из УЗОРа в заводское КБ, большинство инженерно-конструкторского состава вообще не верило, что такого зверя можно создать. Фактически для него еще ничего не существовало. Не было дизеля нужной мощности, не было готового орудия, не было необходимого производственного оборудования. Но, как говорится, с помощью долота и такой-то матери, а также постоянно нависающего над конструкторами грозного Лаврентия, дело сдвинулось с мертвой точки и пошло. А потом и полетело. По мере того, как находилось все больше технических решений для воплощения замысла, Все КБ прониклось таким азартом и страстью к работе, что многие вообще перестали уходить на ночь домой и работали круглосуточно, урывая время для сна и еды только, когда начинали шататься от усталости. И все это именно не от угроз, а от желания как можно скорее увидеть в металле то, что они творили, услышать мерный рокот мощного мотора и своими глазами увидеть это чудо техники на полигоне. И вот эта работа подошла к концу. Первый экземпляр уже около месяца бороздил просторы заводского полигона, разнося из орудия вдрызг любые мишени. Теперь главным было сохранить необходимый уровень секретности, но Берия и Меркулов, клялись, что справятся. Для того, чтобы не привлекать излишнего внимания к заводу, на нем даже продолжали потихоньку клепать трактора по несколько машин в неделю. Но делалось это таким образом, чтобы и трактора легко переоборудовались в артиллерийские гаубичные тягачи. Все же насчет Берии Алексей действительно оказался прав и ничего не приукрасил. Лаврентий оказался прекраснейшим организатором, к тому же обладавшим потрясающей работоспособностью. На нем сейчас оказались замкнуты десятки различных научных и производственных проектов, но он справлялся. И справлялся неплохо. Как жаль, что таких людей крайне мало.

А помимо танков готовилось и множество иных сюрпризов. Быстро продвигались работы по созданию реактивных минометов, причем, по словам Алексея в гораздо более мощном варианте, чем в его истории. Уверенность в принципиальной эффективности этого оружия раскрепостила фантазию конструкторов, и они сразу стали проектировать более мощные установки.

Не хуже обстояли дела и у авиаторов. Количество перспективных моделей было существенно сокращено, зато отобранные доводились до ума сразу по всем параметрам. Даже достаточное количество авиационных компактных ракет с помощью контрабанды и структур Артузова удалось достать в необходимом количестве.

Но в целом со связью дела обстояли пока очень далеко от идеала. Более или менее компактные ракеты только начинали массово запускаться в производство, сказывалась отсталость технической базы. Хотя приобретенный через третьи руки в США патент на частотную модуляцию сигнала, мог в ближайшее время серьезно изменить ситуацию. Связь,

основанная на этом принципе, на ультракоротких волнах работала на опытных образцах просто прекрасно. Конечно, дальность передачи сигнала оставляла желать лучшего, но для оперативной связи в войсках была просто незаменима. Причем, что особенно ценно, в самих США этим методом пока никто не пользовался.

Очень важным моментом оборонного значения являлось строительство по американской лицензии автомобильного завода в Куйбышеве. Если война не начнется раньше, чем в мире Алексея, то этот завод должен успеть выпустить достаточное количество грузовиков для того, чтобы сделать большую часть пехоты моторизованной.

Да, если война не начнется раньше. А вот над этой проблемой они как раз и работают. Она оказалась далеко не простой. С одной стороны, предпринимались беспрецедентные меры по обеспечению контроля над всеми новыми разработками в военной сфере для сохранения их в тайне. С другой, именно сами эти меры и вызывали повышенный интерес у всех неравнодушных наблюдателей со стороны. Чтобы не спровоцировать досрочных изменений в истории, необходимо было максимально долго скрывать все новшества, но при этом уже в ближайшее время надо будет самим наносить некоторые инициативные удары, способные резко изменить обстановку. Без этого есть серьезные риски стратегически опоздать. Алексей уже жаловался на то, что его спекуляции на биржах доживают в гарантированном режиме последние дни. Но понимал неизбежность и важность ближайших намеченных шагов. Да они, собственно, уже начались, хотя пока и не задели общей исторической линии. Несколько дней назад Молотов подписал контракт с испанцами на поставку нескольких сотен танков и самолетов. Вместе с инструкторами. С оплатой золотом. Уже даже сам этот шаг неизбежно должен был привести к повышенному вниманию со стороны банковских кругов Европы. Очень они не любили, когда реальное золото уплывало из их рук. А ведь на очереди гораздо более значимые инициативы.

\*\*\*\*\*

Сталин не ошибался. Сделка с Испанией действительно привлекла к себе внимание. В тихом пригороде Лондона, в старом трехэтажном особняке, окруженным таким же старым садом, состоялось закрытое заседание правления Английского Общества Блюстителей Традиций. Под маской этого чопорного сборища ревнителем благородной старины скрывалась самая верхняя часть властной пирамиды общества Баварских Иллюминатов. Самой страшной и могущественной из тайных организаций, о существовании которой в принципе ходили только легенды и неясные слухи. Все члены этого общества одновременно являлись "братьями" совершенно различных Лож и Орденов. Зачастую даже конкурирующих друг с другом. Но за почти два века своего существования, они сумели проникнуть практически во все масонские структуры и даже взять большую их часть под свой контроль. Некоторую строптивость пока проявляли лишь Ложи США, в которых властные позиции прочно удерживал клан Рокфеллеров, не желая делиться властью. Впрочем, официально между тайными структурами США и Европы не существовало серьезных противоречий, и конкуренты поддерживали между собой довольно плотный контакт, предпочитая войне согласование интересов. Разумеется, там, где речь не шла о вопросах прибыли.

Возглавлял заседание глава семейного клана, не первую сотню лет управлявшего всей тайной политикой мира, Лайонел Уолтер Ротшильд. За столом разместилось ровно 13 персон, включая председательствующего. Это был полный состав тайного конклава, иногда именуемого Трибуналом, явление необычайно редкое, что говорило о серьезности обсуждаемой темы. Некоторые из собравшихся не были англичанами и официально

числились лишь приглашенными гостями Общества, но их личный статус был настолько высок, что многие члены этого самого закрытого в Британии клуба сочли бы за честь посидеть с ними за одним столом.

— Господа, обратился лорд Ротшильд к присутствующим. В последнее время меня все больше беспокоит Россия. Там происходят странные явления, которые не удастся полностью объяснить с помощью любых доступных нам способов. К тому же совсем недавно произошли не до конца понятные мне изменения в тонких сферах. Заметил ли это кто-то еще, и не являются ли эти два вопроса связанными между собой? Предлагаю Всем высказаться по этому поводу.

По очереди в соответствии со своим личным статусом солидные джентльмены, не спеша, выкладывали всю имеющуюся у них информацию.

Последним после того, как все выложили свои данные и соображения, снова взял слово председатель.

— Спасибо, за Ваши мнения и информацию, господа, позволю себе некоторое суммирование. Итак, за последний год над всей территорией СССР, а особенно над ее Европейской частью несколько изменился магический фон. При этом было замечено три мощных энергетических всплеска, крайне непродолжительных по времени. Два весной прошлого года и один совсем недавно. Считать какую-либо информацию по этому поводу в астрале не удалось, что говорит либо о спонтанности этих выбросов, либо о том, что они связаны с самыми высокими сферами, причем не нашего спектра. Но оба варианта настолько различны, что требуют совершенно разных мер. В первом случае стоит сразу же обо все забыть, а во втором предпринять любые и срочные меры для выяснения обстановки. К сожалению, вот уже некоторое время, практически сразу же за последним всплеском фона в Москве я не могу связаться с Повелителем, чего не бывало долгие годы. Кроме меня все это время связь отсутствует и у трех других наших братьев, которым он даровал право прямого обращения. При этом мы все сходимся в том, что он слышит призывы, но не реагирует на них. И это очень нехороший симптом, который пока не поддается объяснению.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Теперь о более приземленном. В апреле прошлого года Сталиным создана непонятная, но очень засекреченная структура под названием УЗОР. Возглавил ее сразу же срочно отозванный из Тбилиси Берия. Нашими агентами было предпринято три попытки проникнуть на территорию базы УЗОРа, но несмотря на опыт в подобных делах и великолепную подготовку все три попытки провалились. Завербовать кого-либо из УЗОРа также не удалось, поскольку за редким исключением никто из персонала, включая поваров и уборщиц, территорию базы просто не покидает. А лица, имеющие право выезда, охраняются так, что для их захвата понадобится целая войсковая операция. При этом нам до сих пор неизвестно, чем именно занимается это так называемое управление. Анализ маршрутов Берии показывает, что работа УЗОРа может быть связана с разработкой новых видов вооружений. Хотя нашим агентам пока не удалось увидеть что-либо выходящее за нормальные рамки. СССР, как и все прочие, готовится к большой войне, так что некоторая повышенная активность в области оборонного производства сама по себе никакого удивления не вызывает. Но вот внезапное обнаружение неких архивов имперского геолога-любителя, практически мгновенно приводящее к открытию сразу нескольких стратегических месторождений нефти, золота и алмазов, не насторожить уже не может. Причем, по косвенным данным, а нам удалось подкупить и детально расспросить одного из участников

экспедиции в Якутию, масштабы месторождения алмазов там могут оказаться настолько громадными, что Де Бирс замучается выкупать все эти объемы. А выкупать придется даже с помощью наших кредитов, в противном случае будет хуже. Да и наши американские друзья не постесняются мгновенно перехватить контакт, прояви мы нерешительность или излишнюю твердость. А ведь это огромный поток средств, позволяющий Советам легко обходить любые препоны на поставку современного оборудования любых видов. Таким образом, через несколько лет мы получим в СССР самую передовую и разветвленную промышленность в мире. И это практически неизбежная перспектива. Остается надеяться, что после войны от нее мало, что останется. К этому странному факту вплотную примыкает иной. Массовый завоз Советами рабочей силы из Европы и США. Причем квалифицированной рабочей силы. И опять, внешне всем выглядит разумно и логично. У СССР появились деньги и оборудование, они строят заводы, нужны рабочие. Своих не хватает, а у нас кризис. Надо завозить. Вот только для самих Советов такой шаг, который никого бы не удивил в Европе, выглядит более чем странным. С их недоверчивостью и подозрительностью к собственному народу это было практически непредсказуемым решением, хотя оказавшимся очень эффективным.

Следующий странный факт, отмеченный нашим братом Джорджем, являющимся признанным специалистом по персоналиям мировой политики, заключается в том, что в начале прошлой осени неожиданно и почти синхронно скончались большой друг Британии господин Литвинов, а также господин Троцкий, на которого мы очень рассчитывали в деле ослабления власти Сталина. Обе смерти кажутся случайными и естественными, но ни один прогноз, ни предсказания наших оракулов или астрологов не указывали на сколько-нибудь высокую вероятность столь трагичных для обоих происшествий в этот период времени. А они все вместе ошибаются крайне редко. Астральные следы не четкие и есть подозрения на то, что им помогли уйти из жизни, но прямых доказательств нет ни в одном случае.

Последовавшие за этими событиями многочисленные аресты сторонников Троцкого, как было объявлено в советской прессе, также наводят на размышления. Их характер и слишком рациональное использование заключенных не очень согласуются с личностью самого Сталина. От него следовало бы ожидать больших масштабов и гораздо более жестокого наказания. И, тем не менее, все произошло по совершенно иному сценарию.

И, наконец, последний момент. Буквально на днях объявлено о крупном контракте на поставку военной техники из СССР в Испанию. Причем, с оплатой полновесным золотом Коммунисты проявили себя прожженными торговцами, буквально поставившими собратьев по Коминтерну на колени. И это не очень сочетается с официальной политикой Советов. От них скорее можно было бы ждать "братской помощи", но не холодного коммерческого расчета.

И вот, суммируя все вышесказанное, господа, я прихожу к выводу, что при всем том, что каждый факт отдельно можно объяснить десятком различных и вполне простых причин, все вместе выстраивается в очень стройную и крайне неприятную систему. Эта система пока никак не направлена против нас, но она нам не понятна, а потому потенциально очень опасна. Я не исключаю даже, что на стороне Сталина решила выступить какая-то внемировая сила. И, может быть, даже очень высокого порядка, не уступающая по влиянию нашему Повелителю. Сами можете себе представить, чем это может нам грозить.

В этой связи я предлагаю максимально активизировать нашу агентуру в России. Нам срочно нужна информация по всему, что там происходит. Необходимо даже с риском



провала, но организовать постоянное наблюдение за базой этого непонятного УЗОРа. Мы обязаны знать, что там происходит. Кроме этого, необходимо послать в Москву группу наших братьев высокого уровня посвящения. Не вмешиваясь ни во что, они должны на месте прощупать досконально магический фон и выяснить природу странных всплесков энергии. По крайней мере, последнего. Сэр Питер, займитесь. — Маленький человек с седой шевелюрой на голове, занимавший скромный пост советника премьер-министра, молча кивнул головой.

— Также мы в самое ближайшее время проведем особый коллективный ритуал вызова Повелителя, на который он обязательно должен отреагировать. На этом у меня все. Есть дополнения или возражения?

Собравшиеся молча покачали головами в знак полного согласия.

— Тогда, господа, прошу перейти в столовую. Наш повар обещал побаловать нас сегодня какой-то необыкновенной телятиной по собственному рецепту.

### **Глава 23. Философские беседы.**

После того, как при моем непосредственном участии был разработан общий план действий на период до предполагаемого начала мировой войны, а затем я еще и передал всю необходимую для этого информацию о противнике, моя активность в работе команды, отвечающей за всю операцию, на данном этапе резко пошла вниз. Не мне дилетанту из расслабленного времени начала 21-го века было конкурировать с этими зубрами аналитики и планирования тайной войны. Хотя какие-то мои "наработки", подхваченные из популярных политтехнологий будущего по одурачиванию народных масс оказались очень даже востребованы. Например, идея широкого использования западной прессы для раздувания встречных громких скандалов и публичной войны компроматов пришлась ко двору и была одобрена всеми, включая Сталина. Он даже потом как-то наедине особо заметил, что такими средствами любого разумного человека можно довольно быстро превратить в совершенно бездумного козла.

А в целом у меня временно появилось большое количество свободного времени, которое я с огромным удовольствием проводил в обществе академика Вернадского. Сначала наш контакт не совсем заладился. Уже более, чем семидесятилетний всемирно признанный ученый искренне не понимал, о чем уме стоит беседовать с двадцатилетним юнцом. Но когда с согласия Сталина мне удалось приоткрыть завесу собственной тайны, диалоги стали по-настоящему интересными и познавательными. Надеюсь. Для обеих сторон. Да и очень живая, иногда бурная реакция Владимира Ивановича на некоторые мои мировоззренческие заявления говорила о том, что мои предположения на этот счет совершенно не лишены оснований. Кстати, Сталин сначала очень сильно сопротивлялся моему "раскрытию" перед Вернадским. Он по своей природе очень недоверчиво относился ко всем, кто проявлял независимость суждений, и влиять на которых ему было крайне затруднительно. Но в конце концов мне удалось убедить его, что академик Вернадский, обладающий огромным авторитетом во всем мире может сыграть очень большую роль в послевоенный период, когда настанет время вырабатывать единую парадигму развития человечества. И Сталин в итоге уступил, хотя и попросил быть осторожным в высказываниях.

С этого момента начались наши полноценные диалоги с Вернадским. По такому поводу, окончательно представившись, для бесед с ним я выбирал образ умудренного старца под стать ему самому. Это позволяло нам не отвлекаться на периодические вопросы о моей

крайней молодости. Подробности мира будущего в бытовом или даже технологическом плане ученого заинтересовали лишь ненадолго. А вот обилие различных философских теорий, напротив, вызвало живой интерес. Еще больше его интересовал мой опыт общения с Высшими силами.

Хотя до момента начала полноценного общения нам пришлось провести немало времени, вырабатывая общий понятийный аппарат

Причем, нам обоим нашлось чему удивляться. Еще в своем мире, лишь слегка прикоснувшись с идеей ноосферы, разработанной с подачи этого гениального ученого французом Леруа, я поразился, насколько близко Вернадский подошел к понятиям, которые и в мое время еще являлись более, чем спорными. Например, он четко формулировал неизбежность образования единого человеческого разума, как естественного пути эволюции индивидуального сознания. Это было очень близко к моему собственному понятию Родового разума, как неизбежного этапа развития из человека Творца. Но одновременно с этим теория ноосферы оставляла множество вопросов и скрытых противоречий. Например, ученый сначала замялся на мой провокационный вопрос о том, как в мире может существовать единый разум, несущий в себе сразу два начала. Но очень быстро нашелся. Оказалось, что этот вопрос его тоже волновал. Он прекрасно видел дуалистичность человеческого мышления. Теперь, освоившись с моим понятийным рядом, он стал объяснять, что суть животной и растительной природы в своей основе inferнальна. Жестокость естественного отбора, в результате которого раз за разом выживают самых сильные, хитрые и сообразительные, является тому лучшим подтверждением. И даже известные факты любви животных к своим детям, привязанность домашних животных к своим хозяевам этой истины отменить не могут. А потому разум человека в единой системе ноосферы, в которой человечество не существует само по себе, а становится управляющим элементом всей планеты, должен быть в противовес этому преимущественно просветленным, основанным на энергии Любви. Только тогда система человечество-Земля окажется полностью сбалансированной. Тогда я зашел с другого бока. Почему сейчас мы не видим устойчивой тенденции человечества к Свету, а, наоборот, видим скорее обратное. На что получил почти мгновенный ответ в духе убежденного коммуниста. Социализм, построение справедливого и равноправного будущего в нашей стране и есть перелом этой ситуации. И совершенно не случайно, что происходит это именно в России. Что это особая миссия русской цивилизации в рамках всего человечества, указывающая ему общее направление пути. С понятием "русский космизм", разделяемым моим собеседником я тоже был знаком лишь понаслышке, но на каком-то глубоко внутреннем уровне сам ощущал нечто подобное. Столько бед и страданий, сколько выпало на мою Родину за последнее тысячелетие, невозможно с чем-либо сравнить. Это не может быть случайностью или простым капризом Рока. Как не может быть случайным и крайняя степень ненависти к России со стороны Западного мира, существующая с тех времен, как Батый прогулялся по Европе. А то и намного раньше.

В свою очередь Вернадского очень заинтересовало мое собственное мировоззрение, особенно на счет того, что единственной разумной целью развития человечество это путь превращение его в Бога, Творца новых вселенных. Причем, то, что в качестве такового я видел не отдельного человека, а весь его Род, оказалось ему очень близко. Получалось, что идя совершенно с разных сторон, мы практически пришли к одному и тому же. Ведь ноосфера тоже не могла быть конечной целью развития. Не сразу, но мне удалось ему объяснить, почему я считаю энергию Инферно так же необходимой для человечества-

Творца. Он понял, что одной любви, основанной на единении без различия полномочий недостаточно. Творец — соборная личность, состоящая из многих Разумов. Объединяет их все именно Любовь, но помимо этого для решения конкретных задач Творения постоянно требуются структурированные сообщества личностей, объединенных отношениями главенства-подчиненности, проистекающими из разной ответственности. А это способно дать только Инферно.

С не меньшим интересом ученый воспринял мою собственную идею о необходимости множественных балансов сил на всех уровнях того, что понимается под единой системой. И хотя это входило в противоречие с его собственными взглядами, было видно, что мысль его зацепила. Особенно после того, как я поведал о своем общении с двумя знакомыми мне сущностями, благодаря которым и оказался в этом времени. Несмотря на свой более, чем почтенный возраст Владимир Иванович оказался человеком потрясающе живого ума и крайне любознательным. Я рассказывал ему все, что накопилось у меня в голове из области философии и мировоззрения. Многие ему были известны, кое-что казалось наивным, но было и такое, что он воспринимал с большим интересом и явно готовился продолжить свою собственную работу в этом направлении. Например, когда я нарисовал ему простейший ромб, присутствующий на большинстве древнерусских узоров, и рассказал, что я понимаю его именно как графическое изображение пути от человека до Бога, и как именно вижу этот путь, он совершенно искренне удивился и обрадовался простоте и гармоничности этой идеи. Особенно долго смеялся над понятиями "ловушка сознания", которыми я в равной степени считал библейские рай и ад.

А вот идею Мира, как отражения Всевышнего в Пустоту Вернадский не воспринял. Он согласился признать наличие во Вселенной Высшего Разума, но такая постановка вопроса казалась ему дикой и невозможной. Я не спорил и не торопил, поскольку прекрасно помнил, как долго я сам шел к этой идее. Ведь совершенно недостаточно о ней просто где-то прочитать или услышать. Нужно действительно самостоятельно мысленно представить и пройти весь путь сотворения Вселенной от момента появления Всевышнего до сегодняшнего состояния человека. А потому я просто наслаждался общением с выдающимся мудрейшим человеком и предлагал ему проделать весь путь самостоятельно, как сделал это когда-то я сам.

— Представьте, Владимир Иванович, Вы и есть Всевышний. Вы всемогущ и всеведущ. Но вы во всем, везде и нет ничего, что не было бы Вами. При этом Вы совершенно не представляете себе, кто Вы такой. Что Вы бы стали делать?

Сначала он немного поупирался и оспаривал такую постановку начальных условий, но в конце концов "принял мяч" и обещал придумать такую модель поведения. Через какое-то время он пришел к выводу, что в качестве первого шага он постарался бы создать некую область, где его самого нет.

— Браво. Это именно то единственное, что сделал бы любой на месте нашего Всемогущего Всевышнего. И это очень похоже на знаменитую загадку о том, может ли Бог создать камень, который не сможет поднять. Эту область я назвал Пустотой. А что бы Вы сделали потом, товарищ Вернадский?

На следующей встрече ученый заявил мне, что если бы ему удалось создать Пустоту, то он попытался бы понять, чем именно он сам отличается от этой пустоты. Для этого занялся бы сравнением.

— Правильно. Только быстро убедившись, что в Пустоте нет вообще ничего, он

довольно быстро бы переориентировался на изучение самого себя. Ведь он-то точно есть, раз мыслит. И вот тут мы подходим к ключевому моменту. Рассмотреть самого себя изнутри себя невозможно. Выйти из самого себя тоже невозможно. Что остается? А остается только отразить самого себя в Пустоте, как в зеркале.

Ученый задумался и предложил продолжить обсуждение этой животрепещущей темы позже. Так мы с ним и двигались ступеньками к единому непротиворечивому пониманию. Причем, он задавал со своей стороны мне немало загадок того же плана. И далеко не все из них были легкими.

Пока я сознательно ограничивал общение с Вернадским исключительно общепhilosophическими темами, хотя главной моей задачей было привлечь ученого к разработке модели общечеловеческого общества, основанного на единых принципах, но при этом сохраняющего максимально возможное число конкретных форм реализации этих принципов. Но этот вопрос я планировал обсуждать значительно позже. Видимо, даже не в этот период пребывания ученого на базе УЗОРа. Слишком велика и так была опасность потери контроля за информацией. Ведь такого уровня ученого невозможно было заставить провести на нашей базе годы жизни. Оставалось лишь плотно охранять, надеясь, что этих мер хватит. Само пребывание Вернадского на базе было тайной даже для большинства ее работников. А для всего остального мира он вообще пребывал в творческом отпуске у себя на даче, не желая ни с кем общаться. Его товарищи по науке даже попытались пару раз "штурмом" из криков и напора преодолеть охрану дачи, а потом распространили слух о домашнем аресте академика, что вызвало много споров и вопросов. Но никто так и не узнал истинного местонахождения Владимира Ивановича. Ему, кстати, рассказывали, какое волнение подняли его коллеги, и он немало над этим посмеялся. Хотя чувствовалось, что был тронут и даже написал им письмо о том, что пребывает в полном порядке, работает над интересной задачей и скоро появится в их рядах.

Помимо общения с Вернадским я долго выпрашивал у Сталина право общения с детьми наших детских домов, расположенных на базе. В этом вопросе он сопротивлялся намного дольше. Дело было в том, что дети есть дети. И никто не хотел делать их совершенно несчастными, заключенными исключительно на территории их этих учреждений. А потому детям регулярно устраивали поездки в музеи, экскурсии на различные предприятия и в воинские части, обсуждался даже вопрос вывоза их летом на море. Кроме всего прочего им разрешалось ходить по большей части Серебряного Бора, хотя и в сопровождении воспитателей. И они видели и слышали многое из того, что происходило на базе. Да и их собственное воспитание и обучение уже значительно отличалось от такового в обычных школах. Все это и так делало любого ребенка ценным источником информации для любого агента. И очень не хотелось подвергать детей лишнему риску.

Тем не менее, хоть и не сразу, но мне удалось убедить Сталина в том, что нам совсем не помешают собственные маги. Чтобы не придумывать каждый раз какого-нибудь "политкорректного" описания того, что я имел в виду, я уже приучил Сталина именно к этому понятию. Я доказывал, что обучение следует начинать именно с раннего возраста, когда ребенок интуитивно еще обладает многими талантами, которые утрачивает позднее. Например, до семи лет ребенок вообще достаточно легко мог научиться оперировать собственным намерением, если только обладал способностью четко его сформировать. А до 13-ти лет подавляющее большинство детей регулярно видит яркие астральные сны, которыми можно научиться управлять и через которые также можно находить способы

воздействия на реальность. Сталин, который сам всего этого (впрочем, как и я) не умел, долго отнекивался, но в конце концов сдался. Что такое сила железного намерения, он знал прекрасно. Оставалось только подобрать для детей хороших учителей. Сам я мог прочитать детям только общий теоретический курс, подкрепив его своими способностями к исчезновению и перемещению. Но я был уверен, что детям главное было дать первоначальный толчок. Сформировать у них картину мира, включающую в себя такие возможности. А потом я очень рассчитывал на помощь парочки известных мне братьев. В конце концов было же мне сказано, будет надо, обращайся. Вот только как именно это сделать я представлял себе неважно. Попытка позвать мысленно ни к чему не привела. Видимо, не смог должным образом сосредоточиться. Но поздно вечером. Уже лежа в своем домике я вдруг подумал, что есть там один персонаж, к которому я испытываю настоящую симпатию. И это должно помочь. Я представил себе умильную рожу Кота, такую, какой она была в момент его исчезновения после нашей встречи. И вдруг в голове услышал: — Ну чего там тебе, неумный?

— Привет, Бегемот, не подскажешь, как связаться с твоим Мастером или его братом?

— А я, значит, тебе уже не подхожу?

— Да не в этом дело. Ты лично мне подходишь и даже очень. Только бы с тобой и общался. Но вопрос больно серьезный.

— Так ты расскажи, а я передам. Это сейчас самое простое будет.

— Тогда слушай. Надумал я обучать наших детей из детдома основам правильного магического мировоззрения. Чтобы с самого начала привыкали видеть мир в той его полноте, на какую способны. И хотел попросить их приглядеть за детворой, как бы чего не вышло, а заодно и помочь ребятам освоиться в тонком мире. Подучить. Только прошу тебя, чтобы они сразу видели мир не одной половинкой, а двумя, и понимали их взаимосвязь между собой.

— Хочешь, значит, детскую армию магов создать, раз сам ни хрена не умеешь? Ладно, передам. Как будет решение, сообщу, — и пропал.

## **Глава 24. Охота на шакалов.**

За несколько дней до конца июня в Москву приехала большая официальная делегация Великобритании. В нее входили как дипломаты, так и представители крупного бизнеса. Сам визит, конечно, был согласован по линии НКИДа, и даже намечена согласованная приблизительная программа встреч, но вот его реальные цели были сформулированы более, чем расплывчато.

Независимо друг от друга Молотов и Артузов уже в день приезда англичан доложили, что по их каналам пришла информация о каком-то не очень естественном ажиотаже, творившемся в Лондоне перед этой поездкой. И практически все члены делегации пусть и в разное время, но посетили один и тот же офис в Лондоне — Банк Англии. Хотя никакого обсуждения финансовых вопросов делегацией запланировано не было. Да и не могло быть. СССР по всем английским контрактам платил исправно и кредитов не испрашивал. Ну а собственное золото предпочитал хранить исключительно в подвалах собственного Госбанка.

Помимо них и, разумеется, хозяина, в кабинете Сталина находились еще я, Берия и Меркулов, которого пару месяцев назад в ограниченном объеме, но включили в круг посвященных. Не та должность была у человека, чтобы держать его в стороне от согласованных действий, в которых его наркомату отводилась не самая последняя роль. Я был подан ему "под соусом" того, что иногда у меня случаются крайне полезные для партии

и государства озарения предсказательного толка. А потому я являюсь тайным советником Берии. В результате Меркулов воспринял меня как некоего чудака, но довольно безвредного, а для себя лично еще и безопасного.

Шло окончательное согласование планов первого этапа нашей стратегической операции, для которого появление столь высокопоставленных англичан в Москве оказалось как нельзя кстати.

— Ну вот и нарисовались ребята, — ухмыльнулся Сталин. — Давно ждем. А когда там по их программе прием в британском посольстве?

— Послезавтра, товарищ Сталин, — ответил Молотов, даже не заглядывая в тетрадь. — Сегодня отдыхают с дороги, завтра официальный прием в НКВДе, а послезавтра они делают "алаверды" у себя в посольстве.

— Список приглашенных уже есть?

— Да, товарищ Сталин, имеется. И надо сказать, при полном соблюдении внешней естественности, общий подбор приглашенных на определенные мысли наталкивает.

— Тогда сделаем так. Товарищ Молотов, Вы опубликуете завтра днем решение Советского правительства, проект которого у нас идет под номером 1.

— Сделаем, товарищ Сталин. Начинаем операцию? — заулыбался Молотов.

— Правильнее сказать, как написал английский писатель Киплинг в своем великом произведении, "мы принимаем бой". А война против нашей страны ведется уже много веков. Только мы редко это замечаем. Товарищ Артузов, Вы активизируйте всю свою агентуру в Европе и США. В ближайшие дни они смогут выяснить много интересного и зафиксировать необычные контакты. Для нас это может быть важным. Особенно отслуживайте контакты господ из имеющих у Вас списков.

— Так точно, товарищ Сталин. Все подготовлено, ждут условного сигнала.

— Товарищ Меркулов. Ваша задача аккуратно и незаметно проследить все цепочки контактов лиц, входящих в английскую делегацию и гостей посольского приема. Кроме товарища Молотова, конечно, — хохотнул Сталин. — Да и вообще тех из своих людей на местах, кому полностью доверяете, призовите держать в ближайшее время уши и глаза открытыми. Да и еще один важный момент. Держите наготове постоянно несколько групп в полной боеготовности. Мало ли что?

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

— Ну а Вам, товарищ Берия, задачка попроще. Вам необходимо на ближайшее время повесить меры безопасности на всех без исключения объектах, находящихся в Вашем ведении, включая, а то и в первую очередь, Серебряный Бор. Могут быть различные попытки проникновения. Слишком уж они заинтересовались Вашим УЗОРОм. Не исключено, что и в самой делегации есть парочка специалистов широкого профиля и высокой квалификации. Их, конечно, попытаются проконтролировать на дальних подступах, но может случиться всякое. Так что Вы там тоже нюха не теряйте. Только тихо. Внешне все должно оставаться, как обычно.

Мне отдельного поручения не нашлось, да это было и правильно. Руководить чем-то и организовывать что-то должны только те, кто способен нести за это ответственность. А чем может ответить по сути бесплотный Дух, кроме своей совести? Этого для руководства всегда не достаточно, оно предпочитает более весомые объекты для контроля исполнителей. Да и правильно делает.

Через два дня в Москве взорвалась бомба! Слава Богу не боевая, а информационная.

Зато эффект от нее оказался гораздо больше. "Взрывная" волна в течение нескольких дней несколько раз обогнула всю планету и, похоже, совершенно не собиралась останавливаться на достигнутом. Газета "Правда" опубликовала Заявление Совнаркома СССР о том, что с текущего дня Советский Союз выходит в одностороннем порядке из любых договоров и соглашений, предусматривающих блокирование против третьих стран, а также участие СССР в любых военных действиях за рубежом на основе таких соглашений. Любой вопрос об участии СССР в каких-либо конфликтах, в том числе военных, будет решаться исключительно в индивидуальном порядке, исходя из жизненных интересов СССР. СССР отныне переходит к практике заключения исключительно двухсторонних равноправных и взаимовыгодных договоров о дружбе и экономическом сотрудничестве. СССР полностью придерживается политики мирного сосуществования с любыми государствами, политика которых не затрагивает и не ущемляет жизненных интересов СССР, а все споры и взаимные претензии предпочитает разрешать исключительно за столом переговоров.

Формулировка специально была такой навороченной, чтобы заинтересованным лицам было в чем покопаться, пытаясь вникнуть в смысл. А он по большому счету был прост. Все, что не касалось взаимных договоров о дружбе и сотрудничестве без какой-либо военной составляющей, отправлялось в урну. Скопом.

Сначала это решение вызвало по всему миру шок. Ни одно государство не могло сразу сообразить, как ему правильно на это отреагировать. Мирнолюбивый тон Заявления и предложение всем "дружбы и сотрудничества" успокаивали, упоминание о "жизненных интересах" настораживало, а отказ от участия в блоках и коалициях возмущал. Слишком многие видели именно СССР силовым инструментом в решении собственных проблем и реализации собственных интересов. Через день начались осторожные выяснения, не означает ли это Заявление выхода СССР из Лиги Наций. Ответ был очень успокаивающим. Нет, СССР рассматривает Лигу Наций, как международную организацию, призванную разрешать международные проблемы мирным путем переговоров на основе взаимоуважения, что находится в полном соответствии с интересами и политикой Советского Союза.

Это опять несколько запутало европейских и американских дипломатов. Наконец они определились со своей позицией, поняв, что СССР таким образом пытается выскочить из европейских разборок, намеченных закулисной, и остаться в стороне от запланированной всеобщей бойни. Хотя в 36-м еще никто не говорил вслух о готовящейся войне, откровенные приготовления к ней никого уже не обманывали. Так что сама попытка СССР избежать уготованной ему роли удивления не вызвало. Но вызвало откровенное возмущение. Европа в лице Франции и Англии потребовали объяснений. Ведь именно о разрыве соглашений с их участием в первую очередь шла речь. Постепенно в мировой прессе, а потом и на уровне дипломатии начал подниматься настоящий вой. СССР обвинили в попытках уклониться от выполнения союзнических обязательств в Европе, способствующих поддержанию мира и спокойствия. Одновременно посыпались упреки в недружелюбном тоне заявления, позволяющего теперь рассматривать СССР в качестве потенциального противника. Наиболее взвешенную позицию заняла Германия. Она осторожно приветствовала желание СССР заключить договор о дружбе и выразила готовность начать по этому поводу консультации.

Забавно, но вместе с официальными дипломатическими нотами из Европы и США последовали бурные дискуссии самой Москве, в Коминтерне. Здесь речь шла уже ни много, ни мало, как о предательстве СССР интересов международного рабочего класса,

коммунизма и мировой революции. Причем, особенно усердствовали в своих обвинениях представители западноевропейских партий, а также партий троцкистского толка.

На это еще через два дня последовало новое заявление Совнаркома. СССР отказывается от участия в Коммунистическом Интернационале и просит его Исполнительный Комитет покинуть Москву и СССР в течение двух недель.

Теперь уже гомон возмущенных голосов звучал со всех сторон непрекращающимся потоком. Попутно начались попытки срочно создать низовые партийные ячейки ВКП(б) по всей стране, организовать созыв нового съезда и переизбрать ЦК партии, как утративший доверие.

И все эти дни в Москве и других крупных городах наблюдалась бешеная активность. Сотни людей под различными предлогами посетили посольства нескольких европейских стран, резко повысилось количество поездок по стране различных партийных и хозяйственных работников невысокого ранга. Десятки людей, до этого момента имевшие, казалось бы, шапочное знакомство друг с другом, вдруг разом решили устроить многолюдные посиделки на квартирах или пикники на природе.

Ну а тысячи сотрудников Меркулова и Артузова сбили с ног отслеживая всю эту внезапную активность.

Сталин выжидал неделю, а потом разразился разгромной статьей в "Правде". Он очень жестко раскритиковал паникеров и доселе скрытых сторонников троцкизма. А также подробно описал то, ради чего СССР столь резко изменил свою международную политику. Основная мысль заключалась в том, что, оставаясь верным приверженцем идеи победы социализма во всем мире, СССР должен сначала сам, как первопроходец, построить социализм на своей территории. На практике показать всему миру преимущества этого строя, а также обеспечить всему народу Советского Союза достойную жизнь. Помогать кому-то решать собственные проблемы за счет советского народа неправильно. Все, кто выберет путь строительства социализма, должны придти к этому своим путем. Советский народ свой выбор сделал и заплатил за это большой кровью. Понимая, что различные государства и народы находятся на разной стадии осознания своего исторического пути, СССР готов с каждым из них выстраивать равноправные и дружеские отношения, основанные на взаимном уважении.

Эта статья довольно быстро успокоила партийные массы. А проведенные собрания окончательно выявили противников и агитаторов иной точки зрения.

Еще через неделю после обработки всего поступившего шквала информации по стране пронеслась стремительная волна арестов всех выявленных агентов, предателей и оппозиционеров. Она продлилась всего три дня и резко сошла "на нет". Хотя улизнуть из расставленных сетей смогли только единицы.

А еще через два дня на базу УЗОРа было совершено нападение. О его подготовке не знали, но догадывались. Из арестованных и быстро по первому разу допрошенных деятелей удалось узнать косвенную информацию о том, что в Москве готовится что-то серьезное с участием военных. Трогать никого не стали, но бдительность и уровень готовности резко усилили. Даже крыло Кремлевского Дворца, котором находились кабинет и квартира Сталина, было закрыто для посещения всеми, кроме упомянутых в отдельном списке. Также велось тщательное наблюдение на всеми военными частями, расположенными в Москве и ближайших подступах к столице.



Таким образом, заговорщиков заметили еще на выезде из частей. Да, сразу из трех различных частей практически синхронно выехали три грузовика с бойцами при оружии и взяли курс на Хорошевское шоссе. Их никто не стал останавливать, но перемещение тщательно отслеживалось. А вблизи Серебряного Бора была устроена настоящая засада.

Сначала все происходило мирно и обыденно. Три грузовика подъехали к пропускному пункту УЗОРа. Из каждого вышел командир в звании от капитана до майора, которые приказали охранявшим проезд бойцам освободить дорогу. Они, дескать, прибыли по распоряжению своего командования на усиление охраны береговой линии в связи с напряженной обстановкой. Спокойно показали свои командирские удостоверения и даже махнули перед лицами проверяющих документы бойцов приказами.

Проинструктированные бойцы спокойно проверили документы, не выказывая никакого удивления или возмущения, сказали, что им необходимо связаться с начальником дежурной смены и быстро отступили в караульное помещение. Это был самый скользкий момент нашего плана. Ведь по сути бойцы, вышедшие тормознуть грузовики, все время находились в смертельной опасности. Выбрали их из добровольцев. Очень много зависело от агрессивности нападающих в первые минуты, а также от скорости возврата в караулку. Но как только охрана в целостности и сохранности скользнула в помещение, зажглись мощные прожектора, показались с разных сторон несколько пулеметов, и пророкотал громкоговоритель:

— Всем немедленно выйти из машин и сложить оружие. Любое действие иным образом будет расценено, как попытка бегства и будет пресекаться огнем на поражение.

Последний грузовик попытался развернуться, но тут же застыл с простреленными шинами.

— Лучше не дергайтесь, задание провалено, сдавайтесь, — снова раздалось из громкоговорителя. Один из командиров попытался застрелиться, но очередной снайперский выстрел выбил пистолет у него из рук, а сам он своим покотился по земле, баюкая простреленную руку.

После этого из грузовиков начали выскакивать бойцы, тут же отбрасывая винтовки в сторону. Потом в этой куче нашлись даже несколько ППД, которых в войсках было не еще так много.

Но самое интересное ждало проверяющих машины бойцов Иваненко, лично руководившего засадой, в конце. Внимание в кузове одной из них привлек здоровенный короб. На проверку в нем оказался настоящий диверсант английского производства. Причем, помимо него там же нашлось четыре ребризера — разновидности акваланга с замкнутой системой дыхания последней модели. В СССР пока таких не было. Сразу стало понятно, что об отступлении всего десанта никто и не озаботился. Их задача была смести охрану и дать специалистам доступ к информации. А уходить планировали лишь командиры и диверсант. Под водой, прихватив все найденные документы.

Экспресс допросы показали, что вся акция была спланирована в британском посольстве, а команды непосредственным исполнителям давал первый секретарь московского горкома партии Хрущев.

И вот тут выяснилось, что из-за нелепой ошибки именно за Хрущевым никто после приема в английском посольстве слежку не установил. А те, кто приглядывал за ним на постоянной основе в течение последнего года, также не заметили ничего необычного в его поведении. Да, он встречался с военными в горкоме, обсуждал вопросы быта

расквартированных в столице частей. Так это его прямая обязанность. А вот то, что сначала эта лиса успела провести тайную встречу на приеме, а потом и с исполнителями, никто так и не заметил. И окажись заговорщики порешительнее в деле и погибни, его имя так бы и не всплыло. Или всплыло бы нескоро. Сталин рвал и метал, хотя сам же еще в прошлом году не захотел трогать Никиту. Все надеялся через него раскрыть заговор. Вот и раскрыли, но совершенно случайно.

На этот раз Сталин больше не рискнул играть в кошки-мышки и приказ об аресте отдал, не медля.

Ночная акция с нападением на УЗОР вызвала новую кратковременную волну арестов. И на этом внутренние волнения закончились. Как по команде. Британское посольство через несколько дней выразило удивление пропажей одного из членов своей делегации пару дней назад отправившегося погулять и познакомиться получше с Москвой. НКВД ответил не менее искренним удивлением, о том, что такое случилось, и тут же заявил, что если бы его уведомили и попросили предоставить гида, то сейчас бы их человек наверняка находился бы в посольстве. Но помочь разобраться в деле поиска пообещал.

Но ни человека, ни трупа похожего на него по описанию, так никто и не нашел. Сотрудникам посольства показали все найденные за эти дни трупы, но среди них нужного не обнаружилось.

Всего в течение месяца было арестовано около пятидесяти тысяч человек, так или иначе засветившихся во время операции либо в связях с иностранцами, либо в агитации против Сталина. Более десяти тысяч оказались прихваченными по ошибке и были вскоре отпущены, а остальные рассказали немало интересного. По итогам расследования около тысячи сознательных врагов и агентов иностранных разведок было расстреляно, остальные отправились на различное время на стройки Родины, искупать грехи ударным трудом.

Но закончилась лишь именно внутренние волнения. Внешние волнения только нарастали.

## **Глава 25. Дела духовные.**

Сталин внимательно смотрел на троих в летах, еще крепких мужчин, сидящих напротив него. Зрелище было довольно занимательное.

Исполняющий обязанности Патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей смотрел со смиренным спокойствием. Более того, в его глазах мелькала надежда на то, что гонения на церковь сменятся серьезным потеплением с властями. Не случайно же в последний год Советы стали возвращать Церкви множество ранее закрытых храмов. Сигнал серьезный. Бог даст, и местоблюститель вернется. РПЦ никогда не была настроена на жесткое противостояние с властью, а после смягчения позиции партии по отношению к верующим готова была со своей стороны делать все, чтобы этот процесс только укреплялся.

Сидевший рядом митрополит Иосиф, негласный лидер так называемой Истинно-Православной Церкви, иначе именуемой Катакомбной, выглядел совершенно иначе. Гордый, отрешенный взгляд с некоторой толикой обреченности. Этот, видимо, уже себя в мученики причислил. Ну а что еще может подумать человек, отбывающий последние месяцы ссылки, когда его хватают, хотя и довольно вежливо, и срочно везут в Москву? С аэродрома практически сразу в Кремль. Власть он явно не любит, да и РПЦ не больше, вон как взглядом Сергея обжигает. Одно то, что сидит рядом, уже не иначе как подвигом числит. А уж про себя видно, что непрестанно молитвы нашептывает.

Третий сидящий, епископ Древлеправославной Церкви Христовой Викентий.

возглавлял Московский епископат старообрядческой церкви или иначе раскольнической. Этот смотрел на Сталина спокойно, но с некоторым удивлением, вызванным не столько даже приглашением в Кремль, сколько столь необычной компанией за одним столом. Все трое иерархов между собой были как кошка с собакой, по разным причинам, но считая друг друга предателями веры и паствы. Единственное, что их объединяло — недоверие к действующей безбожной власти.

А вот четвертое место к сожалению Сталина осталось пустым. Еще несколько недель назад, задумывая эту встречу, Сталин попросил Меркулова найти через местные органы НКВД кого-нибудь из настоящих староверов-язычников. С тем, чтобы через них выйти на настоящих волхвов. Действовать приказал аккуратно, без обычных приемов. Надо было лишь вежливо обозначить интерес и передать приглашение на встречу. В то, что первую часть задания люди Меркулова выполнили, Сталин не сомневался. Нашли староверов в избытке. Помятуя об указаниях, вежливо передали пожелания, но ответы всех до единого удручали. Нет никаких волхвов, изрочились на Руси волхвы. А между тем Сталин был твердо уверен, что это не так. Что настоящие волхвы есть, и информация к ним попала обязательно. Только вот ответа не было. А ведь какая надежда была. Эти трое, сидящие сейчас перед ним, вмиг бы забыли все свои распри и взаимные упреки, увидев перед собой хоть одного из тех, кого не смогли извести за тысячу лет. Но, видно, не судьба. Придется так уговаривать, если не дураки, то выводы в любом случае должны сделать.

— Сначала позвольте поблагодарить всех вас, что пришли. Нам есть, что обсудить. Только хочу предупредить сразу, что не стоит в этом кабинете устраивать свару между собой, о том, кто из вас более правильно любит Христа и лучше ненавидит Советскую власть. Это вы всегда сможете обсудить за стенами Кремля. И еще. Мы, коммунисты, не очень хорошо разбираемся в правилах обращения к сановникам Церкви, а потому я буду просто называть каждого из вас "Святой отец" с добавлением имени. Меня можете называть "товарищ Сталин". Прежде, чем мы перейдем к сути вопроса, еще одно маленькое замечание. Вам, отец Иосиф, более не нужно возвращаться в Казахстан. Ваша ссылка закончена. Документы получите в приемной на выходе. Надеюсь Вам найдется, где остановиться в Москве?

Дождавшись кивка, но не радости в глазах, Сталин мысленно усмехнулся и перешел к делу.

— Вы, наверное, удивлены тому, что все одновременно оказались в этом кабинете. Но тому есть серьезная причина. У меня для всех вас есть новости. Хорошие и не очень. Но касаются они вас всех в равной степени. Начну с хорошей. Завтра выйдет декрет Совнаркома о прекращении любых гонений верующих, кроме случаев выступления против Советской власти или совершении иных противоправных действий. В последнем случае верующие будут нести такое же наказание, как и атеисты. Перед законом равны все. Мы, настоящие коммунисты, не являемся верующими. Хотя вполне допускаем разумность самого Мироздания. Но мы не можем и не хотим запрещать веру всем, кто в ней нуждается. На протяжении тысячелетий люди верили в высшие силы. И это не может измениться за пару десятилетий. Да и не нужно это менять. Пусть тот, кто хочет, верит. Мы даже не будем запрещать веру для членов коммунистической партии. Если человек является во всех своих делах настоящим коммунистом, но при этом верит в Бога, то пусть так все и остается. В конце концов, не так уж сильно по смыслу отличаются друг от друга моральный кодекс строителя коммунизма и свод библейских заповедей.

Взглянув на буквально ошарашенные лица сидящих напротив, Сталин предупредительно поднял руку. — Все вопросы потом. А сейчас большая ложка дегтя в эту маленькую бочку меда. Церковь, любая, останется отделенной от государства. А потому гонения будут прекращены на все религиозные традиции, являющиеся исторически сложившимися на нашей земле. Включая Буддизм, Ислам и Ведическое Православие, ошибочно именуемое вами язычество. Единственно, что останется под запретом, это альтернативные Православному ветви христианства. Да и то потому, что вас здесь итак трое. А если еще католика с протестантом добавить, так вы до смерти друг друга забудете, а Истины так и не сыщете. А если серьезно, то именем Римского престола много русской крови в свое время было пролито на нашей земле. Так что разрешение католичества было бы явным предательством памяти народной. Да и протестантизм не лучше. Хотя и подлее, из-за угла Русь пнуть норовил.

На лицах церковных иерархов царило настоящее смятение. Как ни старались они скрыть свои чувства за маской спокойствия, ничего не получалось. Сталин откровенно забавлялся, не взирая на всю серьезность ситуации. Ему было реально интересно, что именно будет больше всего беспокоить "святых отцов". А варианты были. И даже несколько.

— Можете высказываться, святые отцы. Давайте начнем с Вас, отец Сергей.

Митрополит Сергей немного приосанился от осознания важности того, что Сталин к нему первому обратился и негромко с достоинством стал говорить: — Товарищ Сталин. Думаю, выражу общее мнение, что столь решительный поворот Советской власти в сторону верующих Советского Союза это знаменательное событие, которое трудно переоценить. Вы совершенно верно сказали, что вера есть внутренняя потребность человека. Она или есть или нет, и по приказу не исчезает и не появляется. И очень отраднo слышать, что Коммунистическая партия понимает это и отказывается от преследований. Эти Ваши слова подтверждают, что обнадеживающая тенденция, начавшаяся не так давно и проявившаяся в возврате тысяч Храмов Церкви, не была случайностью. Все это будет очень содействовать единению нашего многострадального народа, не случайно заслужившего имя "Богоносец". Не менее отраднo мне было услышать и то, что еретики в лице католиков и протестантов не получают со стороны Советской власти незаслуженной поддержки. Лишь упоминание Вами язычников омрачает мою радость от услышанного. Почти тысячу лет назад народ выбрал Веру Христову, отказавшись от язычества. Зачем возвращать его из небытия, ворошить прошлое? Разве не укрепилось Православие на русской земле за эти века? Разве не доказали многими подвигами во славу Земли Русской православные святые торжества Христианской Веры? Я понимаю упоминание Вами Ислама и Буддизма. В Российской империи всегда было множество разных народов, традиционно исповедующих эту религию. Но инородцы и есть инородцы, а разве можно смущать русского человека? Товарищ Сталин. Я Вас от лица Русской Православной Церкви призываю задуматься об этом и поменять Ваше решение.

— А насчет собственного раскола Вас, значит, ничего не смущает? — усмехнулся Сталин.

— Православная Церковь всегда была сильна своей верой. Да, у нее были нелегкие времена, но, думаю, с Божьей помощью все расколы устранимы. Вера у нас одна, и народ один.

— Вера у вас одна, это верно. И народ один, правильно. Вот только интересы отдельных иерархов не всегда совпадают. Не так ли, отец Иосиф? Вон Вы даже по поводу отношения к нашей власти настолько между собой разругались, что даже и не знаю, сможете ли

преодолеть свои разногласия.

— Вы правы, товарищ Сталин. Вы уж простите меня, говорить буду, как думаю. Лукавить с детства не приучен. Когда РПЦ пошла на сотрудничество с Вашей бесовской властью, которая сотни тысяч верующих убила и тысячи храмов порушила, мы сочли ее предательницей Веры. И в сем убеждении прибываем и сейчас. То, что Вы сказали насчет преследований, отлично. Но без покаяния Ваша власть как была, так и остается богоборческой. А потому наша Истинная Православная Церковь в сотрудничестве с ней себя не видит. Тем более, что Ваши слова о гнусном язычестве лишний раз подтверждают, что никаким покаянием здесь и не пахнет.

— Вы не поняли меня, отец Иосиф. Я Вас сюда не сотрудничать пригласил. В этом советская власть как не нуждалась, так и не нуждается. Как не нуждается и в Вашем признании. Нашу власть народ признал. И никакого другого признания нам не требуется. Я лишь уведомил Вас, что проповедовать можете отныне свободно. Если, конечно, сможете удержать себя в рамках именно христианской веры и смирения, без нападков на власть. Ибо богу богово, а кесарю кесарево, не путайте свои миссию и не лезьте в мирские дела. Занимайтесь душами Ваших верующих. Ну а что касается бесовской власти и гибели сотен тысяч верующих, то не с двух ли сторон в Гражданской эти самые ваши верующие сражались, не сами ли христиане кровь христианскую проливали? Да и сама ваша Церковь без греха ли? Иль забыли как Вы железом и кровью Русь крестили? Как такие же сотни тысяч русичей, за свою веру державшихся до последнего, от зрестианских дружин полегли. Как детей и жен языческих жги и убивали? Не помните? Так и напомнить не долго. Ваш Господь сказал: "кто сам без греха, пусть кинет первым в меня камень". Так оглянитесь на себя. Настолько ли Вы сам истинно верующий христианин, каким здесь хотите казаться? "Не суди, да не судим будешь", — это еще одни слова Вашего Бога. Следуете ли им? Или как крысы за кусок мяса друг друга загрызть готовы? НЕ об этом ли Ваш раскол говорит? А насчет язычества я вам всем троим так скажу. Русь не сегодня началась и не тысячу лет назад. Скоро будет опубликована информация об археологической находке древнейшего города на Алтае, которому по предварительным данным около 5-х тысяч лет. И строили его наши народы-прародители. Тот, кто отбрасывает прошлое, кто во имя сегодняшних целей отрекается от своего прошлого, от памяти своих предков, тот не заслуживает будущего. Чтобы было понятно, скажу еще раз. Советская власть это власть коммунистическая, не имеющая к вере в Бога никакого отношения. Но это власть всего нашего народа, среди которых верующих много. И никто из людей не заслуживает того, чтобы быть второго сорта из-за своей веры. Именно это мы и делаем. Мы разрешаем все верования, имеющие глубокие корни в стране и народе. Но мы не собираемся вставать на чью-либо сторону. Кстати, и вас всех призываю не накалять страсти. Не рвите народ на части. Хватит, он и так уже настрадался. Пусть каждый сам себе выберет по душе. А не послушаетесь, полезете в драку, будете иметь ответную реакцию. И еще. Если Вы думаете, что я собрал вас всех сразу для того, чтобы вы нашу власть признали все вместе, то вы ошибаетесь. Я собрал вас вместе лишь по одной причине. Без меня вы могли вообще никогда друг друга не увидеть. Так и дрались бы друг с другом, пока веру людей в Церковь не потеряли бы окончательно. И потеряете, уверен, если не одумаетесь и все свои распри не забудете. А сколькими перстами креститься, или тем более кто именно клир возглавляет, столь ли важно?

От таких слов Сталина митрополит Иосиф насупился, но сохранил на лице упрямое выражение, демонстрируя убежденность в своей правоте.

— Ну а что Вы скажете, отец Викентий?

— Правы Вы во многом, товарищ Сталин. Не без греха мы. Токмо не Церковь, которая и есть Бог, а иерархи наши. Мы грешны все. Оттого и свара часто идет. Но и объединиться нам не так просто, как кажется. Между нашей Древлеправославной Церковью и новомодным "греческим" Уставом раскол уже аж триста лет назад случился, а каждый все на своем стоит. И не мы это от тела Церкви откололись, а еретик Никон свои порядки с помощью тогдашнего царя пропихнуть успел. Потому не нам и каяться. Хотя к покаянию и мы готовы. Есть и на наших руках кровь невинно убиенных. Правы Вы, товарищ Сталин, кровью Руси крещена. Но был ли другой выход? То Ведическое Православие, о котором Вы речь вели, к моменту крещения Руси уже практически само исчезло, заменившись язычеством. Единство Божьего Рода позабыли, каждый своего племенного божка восхвалять и выше других ставить начал. А с Запада уже вражья зараза перла. Не объединил бы Владимир Русь верой единой не было бы ее уже вообще нынче. А что сейчас Вы древнюю Веру разрешите, то особогс урона в том никому не будет. Наша Церковь издревле старых Богов вместе с Иисусом — Радомиром поминала и славилла. Кто в вере крепок, тот в ней и останется. А кто не крепок, пусть себя, где захочет найдет. Все лучше, чем без Бога в душе бегать по жизни. И преемственность страны и народа от древности от сего дня только приветствовать можно. А в наши разборки, товарищ Сталин, власти лучше не лезть. Раз есть государственная воля вере не препятствовать, то и ладно, низкий поклон за это. А внутри мы, будет на то воля Божья, разберемся как-нибудь.

— Ну что же. На том и закончим. Если будет надобность в дальнейшем общении, через мой секретариат всегда свяжетесь. Только учтите. С жалобами друг на друга или прошениями к государству не приму. Вы, если к единению не готовы, лучше Храмы, готовые к передаче, меж собой поделите. Только приму решение от всех троих сразу, пока не договоритесь, ничего не получите. На этом все. Идите, святые отцы, и пусть Христос дарует вам разумение и смирение в ваших спорах.

Оставшись один, Сталин с блаженством закурил трубку и стал, не спеша, вышагивать по кабинету. Вот ведь попы упертые. Так ведь и не поняли главного. Того, что ежели они не объединяться, забыв распри, то и паства их будет таять стремительно. Молодежь все больше к атеизму склоняется, а среди прочих многие, очень многие древнюю веру предков вспомнят. Ведь именно она и была настоящим Православием. Прав был, товарищ Алексей, когда говорил, что воссоединение единства исторической линии народа и страны от сотворения мира и до нынешних времен, важнейшая задача. Историки уже запряжены, работают, скоро, очень скоро в публичную фазу процесс переведем.

Вдруг Сталин вскинул взгляд и замер. На четвертом стуле, том самом, который оставался пустым на протяжении всей встречи спокойно восседал Дед в расписной явно домотканой рубахе. Его почтенный возраст сомнений не вызывал, но размах плеч и осанка не имели ничего общего со старческой дряхлостью. Контраст с только что ушедшими был разительным.

— Ты кто?

— Тот, которого ты звал, Князь! Молва дошла, что свидеться желаешь. Я — волхв Велимир, один из Хранителей Веры Русской.

— А что же не вместе со всеми?

— А о чем мне с ними беседовать, если они меж собой договориться не могут? Они мне не интересны. Заманили народ, да не могут ношу тащить, не по их плечам, видимо. Оттого и

собачатся.

— А как ты в кабинете-то очутился? Почувствовав манеру общения, Сталин тоже перешел на ты, хотя это было ему не свойственно. Но сейчас он ощущал, что именно так и надо вести себя с волхвом.

— Да долго ли твоим псам глаза отвести? Они ж слепы от рождения. Не видел никто, да и не могли. Нет в них силы, чтобы меня увидеть. Так что не сердчай на них, Князь.

— Значит, глаза всем отвел и являлся? А не боишься, что рассержусь и схватить прикажу?

— Боялся бы, не пришел. Да и не смогут твои псы со мной совладать. Слепые они, князь.

— И что многие так могут, как ты, глаза отводить?

— Раньше многие могли, а когда-то вообще все русы им владели. Не самое сложное умение, между прочим. Сейчас сила ушла от отринувших веру. Лишь немногие ведающие остались. Но есть.

— А почему ты меня все князем зовешь?

— А ты Князь и есть. Какая разница, какое ты себе прозвище придумал? Раз ношу за страну на себя взвалил и несешь, значит, Князь. Это ведь не звание какое, это Рок такой. За народ и страну отвечать головой своей. Ты — сможешь. Вижу в тебе для того силу потребную. Только злобы в тебе много. И далеко не всегда она на врагов направлена. Во тьме бредешь, хотя и дано тебе многое, и цели перед собой великие поставил.

— А ты слышал, что я церковникам говорил?

— Нет, Князь, мне подслушивать незачем, я и так ведаю, что ты хочешь. Хорошее дело задумал, Веру истинную, отцов наших воскресить. Пусть и лишь как возможность, без государственного радения, но оно нам не особо и нужно. Треба лишь позволение жить по заветам открыто, без гонений. Правда сама путь к сердцам живым пробьет. За это тебе от нас и поклон земной и поддержка будет. Только не обмани.

— Не обману. Скоро страну тяжкие испытания ждут, весь народ воедино собрать требуется. Только и вы народ не смущайте, пусть свободно веру по себе находит. И не осыпайте проклятиями тех, кто не с вами или вообще лишь в себя и разум свой уверил.

— Не станем. В таком деле поспешность вообще вредна. Да и главной заботой будет на первых порах не массовый набор верующих, а разъяснения многочисленных заблуждений. Сейчас же под видом учителей Веры всякие прохиндеи мигом нарисуются. Без этого никогда не обходилось. А народ слеп пока, самих себя и Правды не чувствует. И быстро это не изменить. И на других хулы ты от нас не услышишь. Обещаю.

— Вот и славно. Как связаться с тобой, если нужда будет?

— А ты меня видишь? Как понадобится, вспомни меня, позови мысленно. Я и появлюсь, как смогу.

— Хорошо.

— Слава тебе, Князь. Только не отступи.

И пропал.

Сталин некоторое время недоуменно пялился на пустой стул, потом встряхнул головой, прогоняя наваждение. Этот последний визит выбил его из колеи. Не слишком ли просто он представляет себе мир? Надо будет с Алексеем поговорить. А то он все гнал от себя этот разговор, специально ни разу не поднимая тему божественного. Но, видимо, придется. Слишком много странного в последнее время происходит, чтобы просто игнорировать эту

тему.

## Глава 26. Закулисные переговоры.

Сухощавый старик застыл в глубоком, очень комфортном кресле. Только что он закончил читать странную статью в газете "Чикаго Трибьюн", не самом крупном, но достаточно массовом и уважаемом издании США. Материал был посвящен участию немецких наемников в войне за Независимость США на стороне англичан. Сам по себе этот факт не был тайным, но и никогда особо не афишировался. А в свете того, что Германия в последнее время стала снова выходить на передний план в европейской политике, причем, не без участия американских банкиров, так и вообще не очень уместный. Удивляло другое. Подробности, приведенные в статье, были далеко не самыми известными. Например, тот факт, что почти половина всех наемников происходила из немецкого княжества Гессен. Но еще любопытнее было то, что статья проводила прямую параллель с событиями в Англии веком ранее. Тогда голландская армия с помощью тех же немецких наемников из Гессена в Англии была сброшена с престола исконно английская династия Стюартов, а вместо нее посажен на британский трон один из немецких князей государства Нассау-Ораниен, находящегося по соседству с Гессеном. Князь, возглавивший голландское войско и известный как Вильгельм-Молчальник, принял имя Вильгельма, принца Оранского, а после коронации стал королем Вильгельмом III-м. Основанная им династия Виндзоров правит Британией и сегодня.

Отложив газету, старик глубоко задумался. С одной стороны, ничего странного. Германия сейчас на слуху. Репортер, как его, этот Джек Простон, откопал в архивах историю, показавшуюся ему жареной и решил немного прославиться. Но, с другой, статья как бы проводила параллель между делами давних дней и тем, что происходит сейчас. Фактически автор прямо обвинял немцев в том, что сначала они захватили Британскую корону, а затем попытались помешать и самостоятельности США, стремившуюся к независимости от метрополии. Тогда это не получилось, тогда последовала расплата в виде унижения для Германии и ее фактического разорения в 1-й Мировой. Но сейчас она снова поднимается с колен и жаждет реванша. Германия тут же поддержала недавний мятеж фалангистов в Испании. При том, что Франция и Англия заявили о собственном нейтралитете. Даже Советы, обычно яростно защищающие всех близких им по духу коммунистов и социалистов, заняли непривычную для них осторожную позицию осуждения путча, но не сделали никакого намека на свое возможное участие.

А вот Германия активно расправляет крылья.

И ее главной целью опять будут Англия и Америка. Причем, даже Британии в этом противостоянии янки доверять не должны. Ибо правят ими по-прежнему потомки немецких узурпаторов, которые всегда договаряются между собой.

Нет, статья старику категорически не нравилась. И тем, что намекала на опрометчивую, по мнению автора, поддержку некоторых американских кругов восстановления промышленности Германии, и тем, что явно демонстрировала исторические познания, которые не так легко добыть. Что-то странное было в статье, не дававшее ее тут же забыть. Какая-то явная неслучайность ее появления.

Старик нажал кнопку на столике рядом с креслом. Практически сразу же прибежал секретарь.

— Макс, записывай. Свяжись с агентством Пинкертон в Чикаго. Я хочу знать все о репортере "Чикаго Трибьюн" Джеке Простоне. Кто, откуда, как давно работает в газете, где



еще работал, где учился, с кем спит, с кем дружит, сколько зарабатывает, сколько тратит. В общем все, что они могут нарыть. Особое внимание пусть обратят на все связи, кажущиеся странными для такого типа людей. Только пусть сделают все аккуратно, не привлекая внимания. По их счетам сильно не торгуйся, но просмотри внимательно. Все понял?

— Все, мистер Рокфеллер, и все записал. Сделаю сегодня же.

— Так дальше. Позови ко мне Джуниора. Пусть заедет сегодня вечером на ужин, навестит старика. А то сын называется, уже две недели отца не видел.

— Будет сделано. Что-то еще?

— Да. И свяжись с Морганом. Я хочу его видеть. Пусть приедет завтра. Только один. Мне не требуются для разговора с ним полчища адвокатов и финансистов. Разговор будет не о бирже. Иди.

После тихого семейного ужина, за которым о делах не было сказано ни слова, Джон — старший предложил сыну Джону Рокфеллеру-младшему выпить по рюмочке французского коньяка в кабинете.

— Тебе же нельзя, отец. Врачи предупреждают, что алкоголь может повредить твоему здоровью.

— Мне, сын, уже можно все. Я уже одной ногой там, в ином мире. Когда ты доживешь до моих почти ста лет, ты это поймешь. Слава Светоносному, голова у меня еще варит, да и ноги пока слушаются. Пойдем. Надо поговорить.

— Ты закончил формирование сети благотворительных фондов, которые я тебе поручил?

— Да, отец, все отчеты будут на днях.

— Наши уши точно не торчат ниоткуда?

— Нет, все сделано грамотно, как ты велел. Никто не сможет связать их с нашей семьей.

— Хорошо. Знать о том, что половина моего состояния, которой я тебя лишу в их пользу, по-прежнему служит семье, не должен никто. Это инструмент твоего тайного влияния. Иногда вовремя сделанный благотворительный взнос или помощь правильному сенатору в его компании может принести больше пользы, чем любая прямая активность. Запомни это.

— Отец, ну сколько можно. Я уже давно и твердо усвоил все, чему ты меня учил. Сам ведь давно не мальчик.

— Сколько нужно, столько и можно. Уйду, тогда уже никто не подскажет. А если ты упустишь все, что я так долго строил, я тебя с того света достану. Впрочем, это лирика. Есть для тебя дело, которое я больше никому поручить не могу.

— Слушаю, отец.

— Ты должен поехать в Россию. Я дам тебе письмо и контакты, которые помогут тебе увидеть Сталина. Только разговаривать с ним ты должен наедине. Понял?

— Конечно.

— Скоро война. Большая война. Ты это знаешь. Мы давно готовимся к ней, правильным образом расставляя на доске фигуры. До относительно недавнего времени все шло так, как должно быть. Но недавно в Советах начались странные шевеления, смысла которых я до конца не пойму. Их подчеркнутая незаинтересованность в участии в европейских делах меня напрягает. Поговори со Сталиным, выясни его намерения, постарайся понять, это политика силы или слабости. Только очень аккуратно. По тому, что приходит из России, можно сделать вывод, что Сталин набрал немалую силу. Он пока полностью следует нашим

договоренностям. Даже в своих чистках не тронул практически никого, кроме парочки совсем оборзевших. Так что будь с ним предельно осторожным. Но во что бы то ни стало выясни, что он задумал. Мне надо знать, насколько он по-прежнему ориентирован на сотрудничество с нами, а не с кем-либо еще. В их гадюшнике полно всяких агентов разных сил влияния. Хотя англичан как раз недавно пощипали прилично. Это дает надежду. Но вместе с тем все алмазы они сбывают через Де Бирс. Это понятно, монополист всегда даст лучшие условия, чтобы остаться монополистом. Но ведь Сталину не нужны деньги. Ему нужно оборудование для заводов и фабрик. И вот это он максимально должен покупать у нас. Ясно? Теперь следующее. Попробуй выяснить, как он видит себе войну. Не чувствовать ее приближения он не может. Сам наверняка всю готовится. Конечно, прямо он тебе ничего не скажет. Но и по косвенным признакам можно понять многое. Кстати, постарайся и у него в ответ оставить чувство неопределенности относительно нашей политики. Пусть до последнего не знает, на чьей мы стороне. А заодно выясни, что он готов предложить за дружбу с США? Задача сложная, но, думаю, ты с ней справишься.

— Понял отец, когда ехать?

— Завтра я пошлю сообщение своему человеку в Москве, он аккуратно провентилирует вопрос, и как только придет добро на поездку, сразу же вылетай. Думаю, неделя для завершения текучки у тебя есть.

В полдень на следующий день перед резиденцией Рокфеллера остановился роскошный лимузин. Водитель пулей вылетел наружу и с полупоклоном отворил дверь. Вылезший из машины человек тоже был далеко не молод, хотя по сравнению с Джоном мог считаться мальчишкой. Его возраст путь даже чуть-чуть, но не дотягивал до семидесятилетия. Впрочем, подтянутая внешность, уверенный взгляд и явно декоративная трость сделали бы честь и гораздо более молодому. Джон Пирпонт Морган-младший, по прозвищу "Джек", был несколько удивлен столь странному и срочному приглашению. Они не часто виделись с Рокфеллером, являясь практически во всем конкурентами, а не партнерами. Исключение составляло лишь их общее членство в ФРС и кое-какие внешние дела. Разумеется, если не считать всевозможных общественных мероприятий, на которых обязательно раскланивались, а иногда и перекидывались парой фраз. Личные встречи всегда случались лишь по наиболее значимым поводам, которые почти всегда позднее выражались в изменении курса внешней или внутренней политики США.

Разговор происходил в кабинете, где после традиционных приветствий оба с чисто символическими стаканами особо старого Бурбона расселись у камина в удобных креслах.

— Скажи, Джек, ты читал вчерашнюю статью в "Чикаго Трибьюн"?

— Насчет немцев? Да, читал. Обычная псевдосенсационная подача давно протухшего материала. А что, ты увидел в этом что-то интересное?

— А ты не считаешь, что это прямой камень в твой огород? Ведь это именно ты финансируешь этого австрийского выскочку.

— Думаешь, чей-то заказ? Пожалуй, стоит проверить.

— Не суетись. Что касается писаки, то его уже просеивают через мельчайшее сито. Я распорядился. Результаты я тебе скину. А ты лучше займись отслеживанием того, кто будет интересоваться твоими делами в этом направлении. Из политиков или прессы. Мне, конечно, не так важно, что ты им будешь говорить, это твои дела. Но я бы не хотел, чтобы мое имя всплывало в качестве одного из твоих партнеров в этом деле.

— Отслежу. Пока вроде бы все тихо. Видел, правда, что парочка мелких газет

подхватила эту тему, задавая дурацкими вопросами, кому выгодна дружба США и Германии, но их почти никто не читает ни в Вашингтоне, ни на Уолл-Стрит.

— И тем не менее подхватили. Поинтересуюсь, я этого материала еще не видел.

— Да и я бы не увидел, мне просто готовят дайджесты всех материалов по Германии, вот и наткнулся.

— Скажи, а ты исключаяешь, что нас хотят таким образом поссорить с Германией? Точнее сделать невозможным наше участие в войне на одной стороне?

— Ну, это ты слишком глубоко копнул, Джон. Сколько еще до той войны. Несколько лет. К тому времени все давно забудут и будут смаковать прелести очередной кинозвезды. Внимание публики такое непостоянное.

— Это только в том случае, если у публики не создать устойчивого отношения к проблеме. Может быть, стоит организовать парочку статей с альтернативной точкой зрения?

— Боюсь, что если это заказ, то именно этого от нас и ждут. Стоит нам пару раз огрызнуться, как сразу же возникнет ситуация самоподдерживающейся перепалки. А скандал неизбежно привлечет общественное внимание еще больше. Нет, пока нет уверенности в том, что это заказ, стоит подождать. В любом случае нам стоит выяснить, кто стоит за автором этого материала. Зная, откуда растут ноги, мы сможем ударить гораздо точнее.

— Это верно. Пусть так и будет. Держи меня в курсе и спасибо, что обратил внимание на проблему.

— Скажи, Джек, а ты давно обменивался информацией с Лондоном? Как там твой старший партнер? Ничем таким особым не интересовался?

— Общаюсь довольно регулярно, но пока ничего странного не замечал, а в чем дело?

— Он ничего не говорил про Россию?

— А, ты об этом? Говорил. Ругался страшно, даже денег просил. Эти сволочи из Советов нашли у себя столько алмазов, что Де Бирс просит очень крупного финансирования на выкуп всей партии. И как это коммунякам так повезло?

— Помощь не требуется? Денег я дам, только не просто так, а под покупку оборудования для Советов на моих заводах. Им же все равно требуется все на свете. Поделитесь заказами, я поделюсь золотом.

— Правильно ли я тебя понял, что ты готов дать нам кредит под заказы для Советов на твоих заводах?

— Именно так. Скажем, на пару лет, в золоте, под 6 годовых?

— Круто берешь, не больше четырех, если в золоте.

— Договорились на пяти, я сегодня не в настроении долго торговаться.

— ОК.

— И, Джек. Держи меня в курсе происходящего. Что-то мне в этой истории все же не нравится. Сам знаешь, в этой проблеме мы в одной лодке, хотя ты и глубже.

— Договорились, Джон. И спасибо, что обратил на это внимание. Я чуть было не пропустил. И даже если ты ошибся, нам лучше быть готовыми ко всему. Время сейчас сложное. Вон в Испании уже полыхнуло. Скоро по всей Европе начнется.

Глядя в окно на отъезжающий лимузин, Рокфеллер думал о том, что Джек явно рассказал ему не все новости из Лондона. Насколько он знал Ротшильдов, они никогда не оставляли без внимания ни одного намека на проблему. Благодаря этому и владеют первым состоянием мира. А не сказал, видимо, потому, что в последних московских стычках кому-то

из его серьезных людей прищемили хвост. Или что-то серьезнее. Над этим стоит подумать.

— Макс, подготовь мне к завтра самую полную справку по событиям в России за последний год, какую сможешь.

## **Глава 27. Дети — наше будущее.**

Я стоял в крайнем волнении на небольшом возвышении и смотрел на зал, блестящий более, чем сотней восторженных детских глаз. На самых ближних рядах сидели самые маленькие лет пяти-шести. Вдвое взрослее разместились вдоль стен актового зала. Мест на всех не хватило. Даже воспитатели и учителя были вынуждены стоять у дальней стены. Сюда сегодня набились все воспитанники трех наших "подведомственных" детских домов, расположенных на базе УЗОРа. Вот уже несколько месяцев все они занимались по особым программам. Каждый знал, что ему выпала особая честь стать в будущем защитником Отечества. Если только не подведет сам себя. Но среди наших детей нерадивых не было. Любому, кто что-то не понимал на уроках, тут же бросались помогать все, включая старших детей и более успешных товарищей по классу. А желания учиться у всех было столько, что в наше время хватило бы не на одну школу. Эти дети просто искренне не понимали, как можно не хотеть учиться, не хотеть стать крупным специалистом в какой-нибудь области. Конечно, они, как любые дети были разными. Среди них наверняка найдутся будущие врачи, военные, учителя, инженеры или ученые. Но среди них не было ни одного, кто бы вообще ничего не хотел.

Я смотрел на них, наверное, не менее заморожено, чем они на меня. Им сказали, что сегодня будет особый общий урок, на который к ним придет очень необычный человек, способный рассказать то, что не расскажет никто другой. И их блестящие ожиданиями чего-то чудесного глаза говорили о них больше, чем любые слова. Я смотрел на них и никак не мог начать говорить, хотя в зале стояла невозможная для такого скопления людей тишина.

Наконец я решился. Я начал с того, что все они, дети, оказались в совершенно уникальной ситуации. Каждому из них не посчастливилось потерять родителей. Все они недополучили обычного детского счастья. Но, как это часто бывает в жизни, лишившись одного, они приобрели то, что нет ни у одного обычного ребенка. О них теперь заботится вся страна. Все двести миллионов советских людей работают, чтобы их детство, их жизнь оказались счастливыми. Да, такое пока не возможно для всех детей, потерявших родителей, и это очень печально. Но именно им повезло, их отобрали по всей стране, чтобы обучить и воспитать совершенно особым образом. Дать то, что не дают больше никому. Именно поэтому для них подобрали самых лучших учителей, самых заботливых и добрых воспитателей. И Вы все, потеряв малую семью, приобрели большую, но не менее дружную. На мой вопрос, согласны ли они с этим утверждением, раздался такой радостно-подтверждающий рев, что у меня не осталось и тени сомнений. И еще. Все Ваши учителя и воспитатели не имеют собственных детей. Так случилось по разным причинам, но отбор был не случаен. Нет ничего хуже, чем невозможность иметь детей. Невозможность подарить ребенку ласку материнства или отцовства. И потому Ваши учителя и воспитатели нуждаются в вашей сыновней и дочерней заботе и ласке не меньше, чем Вы и их. Они — это Ваша настоящая семья. Ведь родители это не те, кто родил, это те, кто воспитал. Помните это. — Я смотрел на детей и всерьез думал, не устроить ли перерыв, так отчетливо читалось в глазах детей желание немедленно броситься к своим взрослым, чтобы обнять их. А в глазах воспитателей стояли слезы. Но все же решил продолжить.

— Вы всезнаете уже, что из Вас готовят будущих защитников Родины. Что Вы, став

взрослыми будете особым отрядом, который, работая в разных местах и разных профессиях, всегда будет помнить о том, что превыше всего своя страна, свой народ. А скажите, кем именно Вы хотите стать, когда вырастете?

Я явно погорячился с этим вопросом. На этот раз хор голосов был не таким слитным, но не менее многочисленным. Каких только профессий не звучало. От мальчиков больше всего слышалось военный, командир. От девочек — врач, ученый.

— Хорошо, я понял. Тихо. А знаете, какая профессия самая важная, чтобы заботиться о Родине наилучшим образом? — спросил я, с трудом дождавшись тишины. — Учитель. Я совершенно не хочу сказать, что все прочие профессии, названные вами, не важны. Все они нужны и полезны для страны. Во всех них можно добиться успеха и признания. И я совершенно не собираюсь вас переубеждать. Каждый из вас должен стать тем, кем мечтает. Нет ничего прекраснее реализации своей мечты, особенно когда она работает на общее благо. Но я выделил профессию учителя не случайно. Ведь все мы живем лишь какое-то количество лет. А потом уходим из этой жизни. Кто-то раньше, кто-то позже, но уходим в свой срок все. И вместе с нашим уходом прекращается наша работа, наша служба Родине. И только одна профессия дает возможность этого избежать. Учитель, я имею в виду настоящий, хороший учитель, всегда продолжает жить в своих учениках. Отдав им кусочек своей большой и теплой Души, он вместе со своими учениками и после смерти продолжает служить Родине, строить дороги и дома, воевать с врагом, охранять порядок и лечить людей. А если кто-то из его учеников сам становится достойным учителем, а других у настоящих учителей не бывает, то жизнь такого учителя продолжается и через поколение. Поняли теперь разницу?

На этот раз криков не было, были задумчивые кивки. Пусть не все, но кто-то после этих слов обязательно захочет быть учителем. Тем более, что у них действительно было перед глазами немало прекрасных примеров. — Хотя повторю. Оставить свой след можно в разных профессиях. Ученый, сделавший важное открытие, врач, вылечивший безнадежного больного, военный, защитивший от врага страну, совершив подвиг, все они живут в памяти благодарных людей даже после своей физической смерти. И совершенно неважно, насколько длинной или короткой по годам оказалась ваша жизнь. Намного, намного важнее, как именно вы ее прожили. Ведь когда умирает тело, душа, неуловимая и невидимая ваша часть, которая и дает жизнь, которая на всем ее протяжении заставляет вас радоваться и страдать, сопереживать с товарищем, она не умирает, она уходит смотреть другие миры.

Именно в этом на самом деле был смысл моего урока. Два дня назад я наконец получил ответ на свой запрос о помощи, переданный через Бегемота. Произошло это, как всегда, оригинально. Войдя в свой домик, я увидел того, кого меньше всего ожидал. Передо мной сидел отправивший меня в этот мир.

— Что-то случилось? Ты же сказал, что мы увидимся лишь однажды. Я проиграл?

— Нет, ты не проиграл. Просто я решил, что твое обращение к Бегемоту достаточное основание, чтобы поменять мое решение об однократности встречи. Тем более, что брат тебя уже посещал, а я за второй год ни разу. Все нормально. Но вот с твоей просьбой все не так просто. Мы не можем ее выполнить.

— Почему?

— Есть законы для вас, людей, есть для нас. Мы не можем нарушить закон о том, что знание дается каждому по его заслугам и результатам собственного осознанного духовного поиска. Иногда бывает, что какой-то отдельный дар дается неразвитым Душам. Но это

автоматически обделяет их в чем-то ином. И это всегда является часть их кармического пути. В данном случае речь идет о детях. Они не заслужили Знания ни в качестве поощрения, ни в качестве наказания.

— А что вы можете сделать?

— Можем мы немного. Мы можем обезопасить их полеты во сне, чтобы они не столкнулись с чем-либо, с чем не смогут справиться. И еще мы можем немного подкорректировать их память. Так, чтобы утром они при желании могли вспомнить, что видели во сне. Но это действительно все, что мы можем. А вот ты, если хочешь, можешь их учить. Это не запрещено.

— Отлично. В том, что касается вашей помощи. Но я совершенно не понимаю, чему я могу их научить, не умея ничего сам.

— Именно потому и можешь, что не умеешь. Ты не попадаешь под действие закона ограничений. Он действует только на магов. А ты имеешь лишь теоретические познания, да и то, большей частью отрывочные. Но у тебя есть одна любопытная особенность. Ты сможешь научить тех, кто может интуитивно, тому, что знаешь теоретически. А знаешь ты немало. В результате может получиться что-то интересное. Даже нам любопытно, линии будущего в этом плане не просматриваются совершенно. Точнее их так много, что выбрать из них что-то более вероятное невозможно.

— Хорошо, я готов попробовать. Если Вы обещаете безопасность экспериментов, что-то может получиться.

— Вот и славно. Бывай. Еще увидимся.

Я мысленно вернулся в зал, наполненный детьми, боящимися даже вздохнуть, и продолжил: — Да, Душа уходит в другие миры и живет новой жизнью. А может вернуться и в наш мир, чтобы прожить новую жизнь здесь. Все зависит от того, как именно сложилась ваша жизнь, и что вы в ней сделали. Но сейчас я хочу сказать о другом. Скажите, вы ведь видите по ночам сны?

Подождав согласные крики детей, немного снявшие их напряжение от только что услышанного, я продолжил.

— И наверняка среди обычных бывают особенно яркие сны, которые кажутся вам совершенно реальными. Это не просто сны. Это путешествие вашей Души, во время которых она может очень многое увидеть и многому научиться. В том числе вы можете во время этих снов попасть и в другие миры. Именно так. Для этого даже совершенно не нужно умирать. Все это можно увидеть во сне. Поднимите руки, кто из вас во сне умеет летать? — Посмотрев на целый лес рук, я улыбнулся. Все-таки совершенно правильным было решение начать заниматься с детьми. Что из этого выйдет, я пока не знаю, но что-то будет точно. — Так вот. Вы можете летать не просто так или, убегая от кого-то. Вы можете летать туда, куда захотите. В том числе и в другие миры, на другие планеты. Во вселенной огромное количество различных миров. И на многих из них жизнь совершенно не похожа на нашу даже внешне. Вы можете побывать в любом из них. Но для этого нужно соблюдение нескольких важных правил, которым необходимо научиться. Вы хотите научиться? — Слитный детский рев был таким громким, что, кажется, оглушил всех. — Тогда запоминайте. Только перед этим Вы должны сейчас встать, повернуться к своим учителям и дружно пообещать им, что все ваши ночные полеты никак не скажутся на вашей учебе или послушании. Стоит кому-нибудь из них мне на вас пожаловаться, и я таких ребят сразу же перестану учить.

Дождавшись, пока дети хором прокричат обещание быть поголовными отличниками и умницами, а затем снова рассядутся, я рассказал им как нужно осознавать себя во сне, как мысленно формулировать желание попасть в какое-то место, как справляться с трудностями. Мысль о том, что в своем сне дети сами являются хозяевами и могут придумывать и создавать все, что только придет им в голову, привела ребят в бешеный восторг. Я был уверен, что сегодня ни один из них не захочет и минуты прободрствовать после отбоя. А будь их воля, так практически все разбежались бы по спальням прямо сейчас.

— Главное запомните. С Вами ничего не может случиться во сне плохого. Даже помимо того, что вы можете создавать себе любую защиту, которую придумаете, за вами присмотрят. Очень серьезные силы, которые сейчас за всеми вами наблюдают и обещали мне о вас позаботиться. Но прежде, чем завершить этот урок, я хочу сказать вам следующее. Во-первых, далеко не у всех получится нужный сон с первого раза. Не надо расстраиваться. Просто когда будете ложиться спать, захотите попасть в какое-то особое, хорошо знакомое вам место. И пробуйте это каждую ночь, пока не получится. Когда пройдет первая радость от полетов и открывающихся возможностей, вы должны во сне продолжать свое обучение. Для этого вам необходимо подумать о том, что именно вы хотите узнать. И, наконец, самое главное. Зачем все это? Ваши новые способности помогут некоторым особо успешным из вас получить дополнительные способности здесь, в нашем мире и обычной жизни. Например, вот так. — Я исчез, а через пару секунд снова проявился. — или вот так. — Я мгновенно переместился в другой конец зала и тут же вернулся обратно. — Только для всего этого нужно очень долго и очень многому учиться. Я скажу честно, я не знаю, кто из вас сможет овладеть такими способностями и сможет ли кто-нибудь. Но когда-то всем этим владели многие наши предки, очень давно, более пяти тысяч лет назад. А значит, знание о том, как это делать, сидит глубоко в каждом из вас. Остается только достать эти знания из памяти. Это очень непросто и дается не каждому. Но я постараюсь вам помочь. Для этого вы должны завести тетради, куда будете записывать все, что с вами происходит во сне. А потом мы с каждым будем разбирать сны и пытаться учиться управлять ими и собой.

На этом сегодня все. Можете бежать по своим делам, а мне еще надо переговорить с вашими учителями и воспитателями.

Когда дети радостно гомонящей толпой выпорхнули из зала, взрослые подошли ко мне. На их лицах читалась дикая смесь из удивления, страха и подозрительности.

— То, что вы сейчас слышали, это не бред. Только обсуждать это за пределами детского дома не стоит. И детям скажите, чтобы общались на эти темы только между собой и с вами. А заодно и проверим всех на степень болтливости. А теперь можете задать свои вопросы.

— А что вы говорили насчет жизни души после смерти, Вы верующий? Разве Вы не коммунист?

— Да, я верующий, нет, я не коммунист. Только сравнивать меня с вашими верующими не стоит. В отличие от них я точно знаю, что есть тот, кто создал этот мир и еще миллионы других миров. Есть те, кто присматривает за нашим миром. И есть жизнь после смерти. И все это ничуть не мешает мне помогать Советскому правительству строить коммунизм изо всех моих сил.

— Вы говорили про детей, а мы так сможем? Ну научиться?

— Теоретически да, практически, боюсь, нет. У большинства простых людей эти способности видеть глубокие яркие реальные сны исчезает после тринадцати лет. Но если видите, можем попробовать.

— Скажите, а что это было? С вашим исчезновением, а потом перемещением в другой конец зала? Это какой-нибудь трюк?

— Нет, это не трюк, это определенные дарованные мне способности. Я был вынужден их показать, чтобы дети больше поверили в себя. Это крайне важно. Но столь же нежелательно говорить об увиденном кому-либо. Ваших кураторов это, разумеется, ограничение не касается. Но со всеми прочими лучше попридержать язык. Ради вашего же блага.

## **Глава 28.**

### **Еврейский вопрос.**

Сталин откинулся в кресле и с наслаждением затянулся. Нелегкий получился разговор, хоть и готовился к нему долго. За последний месяц он просмотрел подготовленную ему гору материалов о деятельности еврейских общин в Российской империи и СССР. Несколько раз беседовал с Алексеем, пытаясь понять, как в отношении евреев развивалось будущее в его мире, и какую роль в этом сыграли евреи. В том числе и в развале СССР. Цельная картинка никак не складывалась, а оттого он и не мог продумать линию разговора с раввинами. То, что этот разговор необходим, он понял давно. Еще с момента, когда Алексей впервые затронул этот вопрос, да и то косвенно, отвечая на вопрос.

То, как развивалась история в мире Алексея, явственно показывала, что роль евреев для судьбы СССР оказалась резко отрицательной, причем, чуть ли не основной. Но ведь в том мире в его, Сталина, время, начиная с объявленной "Безбожной пятилетки", с евреями, исповедующим иудаизм, боролись жестко, даже жестоко. Множество людей прошли через лагеря, большая часть синагог закрылась, наиболее влиятельные раввины отправились в ссылку или были высланы из страны. То есть обвинить его в потворничестве иудеям никак нельзя. И чем все это обернулось позже? Созданием целой сети подпольных религиозных иудейских институтов. Затем неформального сообщества под условным названием "институт еврейских жен", которому удалось протолкнуть своих представителей в супруги практически чуть ли не всех партийных и советских лидеров. И все это с одновременным мощным давлением еврейского лобби в Европе и Америке на власти этих стран и проводимую ими политику. И политика эта была очень враждебна по отношению к СССР. То есть путь оказался явно ошибочным. Частичное прореживание еврейских масс и ограничение религиозной пропаганды необходимого результата не дали. Либо надо было вообще изничтожить евреев в СССР как класс, либо идти в отношениях с ними другим путем. Пути тотального уничтожения Сталина сам по себе не очень пугал. Тем более, что можно было бы в большинстве случаев обойтись простой высылкой за пределы страны. Но в таком случае страна сразу же сталкивалась с двумя крупнейшими проблемами. Во-первых, практически гарантированно СССР получал в качестве врагов всю Антанту. И при этом развитие ситуации с Гитлером отнюдь не выглядело безоблачным. Еврейский геноцид слишком непрочная основа для дружбы. Тем более, что кредиторы Германии и проанглийское лобби в ее властной верхушке были достаточно сильны, чтобы Германия по-прежнему видела в СССР врага. В результате Советский Союз получал то, чего всячески старался избежать — войну на два фронта против всего мира. Англия, толкающая впереди себя Германию и США, сделавшие то же самое с Японией, это был самый большой геополитический кошмар, который только можно было бы себе представить. Но и вторая проблема была не менее серьезной. Большая часть имеющихся на сегодня научных, конструкторских и инженерных кадров, да и органов госуправления была представлена как раз представителями еврейской



нации. Причем, далеко на самая худшая часть. Да и вообще на сегодня в СССР согласно представленной Сталину справке проживало не менее пятидесяти процентов всех евреев планеты. Это не какие-нибудь крымские татары или чеченцы, которых можно переселить в Казахстан в течение недели. Так что путь геноцида тоже не выход. Да и такая значительная доля всех евреев под собственной властью тешила самолюбие. Неужели не найдется способов использовать их таким образом, чтобы не советские евреи на сторону смотрели, а наоборот, все остальные им завидовали и стремились в СССР?

Искать другой тип взаимоотношений и интеграции евреев в советское общество? Так, с одной стороны, они и так интегрированы лучше многих других. С другой, никакие попытки ассимиляции за тысячи лет во всем мире положительного результата не дали. Идти на союз с евреями Сталин помимо всего прочего опасался. И для таких опасений были вполне веские причины. Наличие мощных еврейских центров в США, Англии, Франции даже не позволяли предполагать, что стоит рассчитывать на полноценную лояльность со стороны евреев. Тем более, что именно еврейские кланы стояли во главе мировой закулисы.

По рассказам Алексея Сталин знал, что в том мире после войны он предпринял попытку создания национального еврейского государства, лояльного СССР. И даже смог этого добиться, убедив в правильности такого подхода Британию и США. Но лояльность Израиля оказалась делом времени. Уже вскоре он оказался в стане врага и на стороне США и Англии. Алексей не смог до конца пояснить причины столь резкого ухудшения отношений. Он лишь предполагал, что рост освободительных движений в арабском мире и, как следствие, резкое ухудшение отношений арабов с США и Англией привели к выбору СССР в пользу поддержки арабов, находящихся с Израилем в состоянии перманентного конфликта. Что ж, такая постановка вопроса могла быть правдивой. В условиях выбора между всем Ближним Востоком и Севером Африки и маленьким Израилем, последний не казался достойной альтернативой. К тому же по совершенно объективным причинам США и Европа могли гораздо больше предложить предприимчивым евреям Израиля по части "гешефта" и личных прибылей. Здесь социалистический СССР начисто проигрывал оппонентам.

Немаловажную проблему представлял из себя и собственный менталитет евреев. С одной стороны, они никогда без крайней необходимости не действовали во вред стране, в которой проживали. С другой, гребли под себя все, до чего могли дотянуться, и стремились максимально упрочить свои позиции в государстве. Если реально запустить их во власть, то, возможно, это могло бы принести большую пользу СССР, но в первую очередь это принесло бы пользу самим евреям. А страна от такого симбиоза получала бы пользу лишь до тех пор, пока это выгодно самим евреям. Пример Англии, который привел Алексей из своего будущего, показывал это достаточно отчетливо. Да и делиться с кем-нибудь властью Сталин не собирался в принципе. Это его ноша и только его. Ему и отвечать перед потомками за все хорошее и плохое.

Все эти нелегкие размышления никак не позволяли Сталину определиться с политикой. Складывалось впечатление, что идеального выхода вообще не существовало. Кое-какие соображения, конечно, у Сталина были. Было кое-что, что могло заинтересовать еврейскую диаспору и находилось не в противоречии с интересами СССР. Но будет ли этого достаточно? Еще можно было бы увеличить Еврейскую автономную область на Дальнем востоке. В текущем виде эксперимент был скорее неудачным, хотя определенную положительную роль и сыграл.

В конце концов, Сталин решил сделать "ход конем". Пусть сами евреи предлагают

выход из ситуации, а он, Сталин, будет искать в их плане подвохи и двусмысленности.

Кого выбрать себе в качестве собеседников для этого разговора Сталин сомневался долго. Собирать много людей Сталин не хотел, будет много шума и мало толка. Выбрать кого-то одного, результат может оказаться еще хуже, могут счесть закулисной сделкой. Да и с кандидатурами были проблемы. К сожалению, ли к счастью ли, но почти все главные иудейские авторитеты страны к этому моменту находились кто где. Большинство, например, оба последних Любавичских ребе были высланы за границу, туда же последовали и несколько уважаемых раввинов. Кто-то сидел в лагерях. Кто-то, как пояснил Алексей ушел в подполье. И это было самым неприятным. После длительных размышлений Сталин остановился на двух кандидатурах. Приказал аккуратно и вежливо привезти из Днепропетровска последнего из оставшихся в СССР Шнеерсонов, Леви Ицхака, являющегося раввином города, праправнуком третьего и отцом седьмого Любавичского ребе. Более авторитетную кандидатуру в настоящее время подобрать было невозможно. Вторым участником встречи Сталин пригласил Московского раввина Медалье.

Встреча получилась очень непростой. Оба раввина пребывали явно не в радужном настроении и не ждали от посещения Кремля ничего хорошего. А Сталин совершенно не собирался за что-либо оправдываться или виниться. Но постепенно ему удалось разговорить собеседников, а в какой-то момент и огорошить. Рассказав практически откровенно обо всех своих сомнениях в отношении дальнейшей государственной политики касательно еврейского населения страны, Сталин предложил им самим найти разумный выход из множественных противоречий. Оба его собеседника надолго погрузились в тягостное молчание. Будучи признанными мудрецами даже среди своего не самого глупого народа, они понимали, что большая часть высказанных им аргументов достаточно серьезна, чтобы их можно было отместить вскользь. Увы, но они прекрасно сами знали обо всем, что смущало Сталина. И тоже не видели сразу однозначного выхода, способного удовлетворить обе стороны. А потому для выигрыша времени они сначала предпочли перевести разговор на более мелкие, решаемые проблемы. Они поблагодарили Сталина за то, что вообще поднял этот крайне болезненный для их народа вопрос, и выразили осторожную надежду, что выход обязательно найдется.

— Скажите, товарищ Сталин, а что Вы вообще думаете себе насчет того, как нас можно использовать, не доводя до крайностей? Что Вы хотите в итоге от нашего народа? Неужели столь мудрые люди таки не смогут найти решение к обоюдному удовольствию?

Сталин, прекрасно зная эту национальную черту отвечать вопросом на вопрос, оттягивая собственное решение, ничуть не удивился такому повороту. Но и долго играть в эту игру не хотел.

— А Вы, товарищ Шнеерсон, сами подумайте, чего может хотеть глава государства, которое только-только восстанавливается из руин и разрухи? Включите Вашу фантазию, тем более, что общемировую ситуацию Вы наверняка представляете не хуже меня. Ваш народ извечно славится своей оперативностью в обмене информацией, не замечая границ. Только прошу по существу. Перебрасывать вопросами можно долго, только толка от этого чуть. Решение само по себе из воздуха не появится.

Евреи опять задумались, наконец Шнеерсон, переглянувшись с Медалье, произнес.

— Хорошо, товарищ Сталин. Мы подготовим свои предложения по урегулированию ситуации так, чтобы все остались довольны. Думаю, мы решим проблему, хотя это потребует некоторого времени. Но есть несколько небольших вопросов, на которые я просил бы Вас

ответить сейчас.

— Задавайте свои вопросы, товарищ Шнеерсон.

— Смогут ли ребе вернуться в СССР в случае нахождения взаимоприемлемого решения? Можем ли мы рассчитывать на прекращение гонений на наш народ по национальному признаку? Сможем ли мы открывать синагоги во всех центрах проживания еврейского народа и открыто исповедовать свою веру? Смогут ли евреи столь же полно, как остальные народы Советского союза, пользоваться всеми достижениями социализма? Как Вы видите возможность наших контактов с единоверцами в других странах?

— На большую часть вопросов можно было бы ответить двояко. С одной стороны, на все вопросы, кроме последнего, можно ответить утвердительно. С другой, ответом может быть "все зависит от вас самих". Если Вы будете вести себя правильно по отношению к другим народам СССР, не пытаясь ни прямо, ни уловками добиться большего, чем положено вам как одному из единой семьи народов, если не будете всеми правдами и неправдами добиваться близости к власти, если не будете подсовывать жен своего народа каждому руководителю страны и партии, если будете соблюдать еще кучу всяких "если", то вы вполне можете стать далеко не худшим народом единой советской семьи. Но сможете ли? Предприимчивость вашего народа хорошо известна, как и изобретательность в нахождении путей достижения целей. А потому любые наши договоренности могут быть только двусторонними и соблюдаться только на взаимной основе. Если сможете это обеспечить, значит, найдем выход, нет, значит, будет плохо. И контролировать соблюдение договора с вашей стороны будете вы сами.

— Найдем, товарищ Сталин. Обязательно найдем. Но Вы взваливаете на наши плечи столь большую ответственность, что мы вдвоем не сможем нести этот груз. Нам потребуется помощь. Есть ли возможность мне съездить в Польшу или еще лучше пригласить сюда ребе, дав ему гарантии безопасности.

— Да, второй путь будет лучше, только не подумайте, что мы боимся Вас выпускать. Просто здесь нам будет проще избежать потенциально возможных провокаций. Мы даже можем предложить охрану в пути. И еще. Нам бы не хотелось, чтобы о нашей встрече или о поиске решения проблемы информация ушла бы за границу. Особенно, пока договоренностей нет. Это может очень сильно всем навредить. И вашему народу в первую очередь. Разумеется, Вы можете поговорить с теми, кого считаете правильным поставить в известность. Но и вся ответственность на вас двоих. Вам хватит месяца на подготовку предложений?

— Будем надеяться, товарищ Сталин.

Оставшись один, Сталин немедленно потянулся к трубке. Не совершает ли он ошибки? — Нет, уже неоднократно проверенная логика других решений вела к гораздо более тяжелым последствиям. Только надо подстраховать этих чудаков. Кто знает, как будет распознана информация. Пусть лучше СВК проследит, а НКВД ему поможет. Так будет спокойнее.

— Александр, вызови мне Артузова и Меркулова. Срочно.

## Глава 29.

### Информационные войны на "Диком Западе".

Старый Рокфеллер уже несколько дней находился в глубокой задумчивости. Целая куча отчетов, лежащая на его столе, так и не принесла окончательной ясности относительно той самой антигерманской статьи, напечатанной десять дней назад. Ему даже пришлось

притормозить поездку сына в Россию. Сначала следовало разобраться с происходящим на месте. Точнее сын отправился в Британию, где ему предстояло ожидать дальнейших распоряжений отца. Основные варианты задач они проговорили еще на месте, но отправиться в СССР Джону-младшему предстояло только после получения от отца дополнительных инструкций.

Удивительно. С одной стороны сыщикам так и не удалось накопать ничего, что могло бы указать на заказной характер материалов. Джек Простон ни с кем необычным не встречался, лишние деньги у него не появились, по крайней мере внешне. А даже специально подстроенный разговор в баре с агентом Пинкертонов не прояснил ситуации. Джек радостно согласился на халявную выпивку и совершенно не уворачивался от разговора насчет собственного творчества. Напротив, он выставлял себя этаким идейным борцом за американские свободы, на которые постоянно покушается Старый Свет в своей зависти и злобе. Он рассказывал, как наткнулся на информацию о немецких наемниках в архиве библиотеки, как провел дополнительные изыскания по теме, как писал материал. Чем больше становилось выпитого, тем больше он говорил о своем таланте, который никому не убить. То есть все произошедшее выглядело естественно и чуть ли не делом случая.

Но с другой стороны, как и опасался старый опытный интриган, ситуация все больше производила впечатление мощной целенаправленной и очень хорошо подготовленной компании. Сначала статью из "Чикаго Трибьюн" перепечатало сразу же несколько других, хотя и менее крупных изданий. Затем появился дополнительный материал на ту же тему в "Бостон Глобе", который тоже сослался на коллег из "Трибьюн", но указал, что у этой истории было явное дополнение. Печально известная в США "гессенская муха", погубившая не один урожай и разорившая не один десяток фермеров не случайно названа по имени того же региона, что и наемники, воевавшие против США в войне за независимость. Статья прямо указывала на то, что, не добившись успеха военным путем, те же силы, что оплатили наемников попытались уничтожить молодую американскую государственность экономически.

Намек на англичан был более, чем прозрачен. Причем настолько, что Морган сорвался. И как всегда даже не удосужился поставить Рокфеллера в известность о своих планах. Он инициировал огромную статью в "Вашингтон Пост", в которой в хлесткой разоблачительной манере критиковались вышедшие ранее материалы и указывалось на то, что они, поднимая муть со дна давно остывшей истории, пытаются поссорить Америку с ее самым близким партнером — Британией. А Германия была избрана лишь отвлекающим ударом. Газета задавалась риторическим вопросом, кому может быть выгодно разрушение англосаксонского единства перед лицом растущей напряженности в Старом Свете. Ответа в статье не присутствовало, но перечислялся длинный перечень потенциальных заказчиков, который могли стоять за раздуванием этой истории.

Однако, казалось бы верный ход, и солидный выбор газеты для отповеди обернулись еще большими проблемами. Во-первых, скандал мгновенно привлек к себе на порядок более широкую аудиторию. Все материалы обеих сторон были перепечатаны уже десятком различных региональных изданий. Во-вторых, инициатор скандала "Чикаго Трибьюн" решила на открытую информационную борьбу и задалась вопросом, а не стоят ли за защитниками Германии, прикрывающимися единством англосаксов, экономические интересы некоторых банковских кругов, финансирующих Гитлера, а, следовательно, работающих на провокацию войны. Причем, в статье содержался намек на то, что газета

вполне в состоянии при необходимости добавить в материал необходимую конкретику.

Когда Рокфеллер прочитал это, он даже не нашел в себе сил ругаться. Ситуация разворачивалась по наиболее худшему сценарию из всех, которые можно было себе представить. Причем разворачивалась очень быстро. Надо было срочно принимать меры и дистанцироваться от проблем, пока это было еще возможно. Он связался с Морганом и потребовал максимально быстро потушить пожар разгорающейся информационной войны.

Но Морган закусил удила. Он кричал, что уничтожит этих выскочек и писак, полезших не в свое дело, что никто не будет ему указывать какой бизнес и с кем вести. А пресса набрала слишком много воли и пора ее придушить. Никакие аргументы на него не действовали, и тогда Рокфеллер заявил, что выходит из всех проектов, связанных с Германией. Пусть теперь разбираются в одиночку. А он лично тонуть в этом дерьме и губить свой бизнес совершенно не собирается. Но даже это не остановило банкира. Он лишь осведомился не затронет ли это решение остальных совместных проектов. В частности того, что они обговаривали относительно выкупа советских алмазов.

Рокфеллер заверил своего "заклятого друга" в том, что все остается в силе, и даже предложил любопытный вариант взаимозачета. Теперь все немецкие вложения его группы переходили в собственность Морганов и стоящих за ним Ротшильдов, а эквивалент этой суммы перебрасывался на финансирование алмазной отрасли, включая советские алмазы. Залогом становились акции Де Бирс. Причем, он даже готов был существенно нарастить свое финансовое участие в проекте в том случае, если исполнителем заказов русских станут именно его американские компании. Морган потребовал паузу для принятия решения, но уже через три дня ответил согласием. Ему не терпелось размазать журналистов, замахнувшихся на власть банков и их право быть вне политики. А кроме того, он уже не смог бы отступить при всем своем желании. Оставить последнее слово за оппонентами могло привести к таким серьезным политическим потерям, что об этом лучше было не думать. И видимо это отлично понимал не только Морган, но и Ротшильд, явно санкционировавший сделку, хотя она не выглядела для него не только привлекательной, но и несла в себе существенные риски.

А вот для самого Рокфеллера ситуация, напротив, развивалась более, чем благополучно. Во-первых, он своевременно выскользнул из дурно пахнущего проекта. Теперь никто не сможет обвинить его в финансировании потенциального врага. А если кто рискнет, то легко распрощается со своим бизнесом в суде за клевету. Во-вторых, он сумел приобрести дополнительное влияние на бизнес с поставками оборудования Советам. А это очень немалые деньги. Даже намного большие, нежели в операциях с Германией. Да и платят большевики сразу же в отличие от Гитлера. А это в свою очередь позволит его группе гораздо быстрее забыть последствия Великой Депрессии и выйти на устойчивый рост производства гораздо быстрее, чем любому из его конкурентов. Осталось только договориться со Сталиным.

В какой-то момент у Рокфеллера даже мелькнула мысль о том, не сами ли Советы спровоцировали войну в прессе, но такое предположение казалось уж слишком умозрительным и удивительным. СССР еще никогда не был замечен в попытках игры на поле США. Да и столь дерзкий стиль тоже им не свойственен. Хотя, если разобраться, то Сталин выигрывал от этого скандала больше, чем кто-либо другой. Особенно, если Моргану не удастся заткнуть оппонентов за пояс. И все же, это не Советы. Нахрапистость Моргана, а также его нарочито удивленный вид во время первой встречи скорее показывали, что за всем

этим виднеются уши англичан.

При всей парадоксальности такого предположения аналитики Рокфеллера пришли именно к такому выводу. Во-первых, скандал блокировал возможность альянса США и Германии против Британии и ее интересов в континентальной Европе. Во-вторых, при грамотной подаче информации британцы вполне могли рассчитывать, что союз между Англией и США будет очень прочным, особенно, если Британия и Германия окажутся по разные стороны баррикад. В-третьих, если удастся натравить Гитлера на СССР, а такие планы у англичан точно имелись, то финансирование Германии можно будет подать как священную борьбу против коммунизма. Но здесь все зависит от того, чем и когда закончится эта информационная война.

А она пока развивалась далеко не в пользу Морганов, хотя он и привлек на свою сторону наиболее крупные издания, такие как "Нью-Йорк Таймс" и "Сан". Эти газетчики попытались перевести накал страстей в область священной борьбы с коммунизмом, в которой все средства хороши. Но и эта стратегия, которая должна была снискать множество сторонников, напоролась на явную домашнюю заготовку оппонентов. В борьбу вступила "Нью-Йорк Дейли Ньюс" Мортимера Цукермана. В традиционно ироничном еврейском стиле газета задавалась вопросом, почему ее столь уважаемые конкуренты, взывающие к священной борьбе с коммунизмом любыми средствами, решили в качестве топлива для своей борьбы использовать геноцид еврейского народа. Далее в статье приводились множественные свидетельства явного антисемитизма политики новых властей Германии, включая воспоминания еврейских беженцев, которые уже потянулись в США из Европы. Причем этот поток только нарастал. Заканчивалась статья еще одним риторическим вопросом. Если у США планируются такие союзники, то правильно ли евреи из Германии едут в США? А еврейский бизнес пытается изо всех сил помочь США поскорее забыть Великую Депрессию? Может быть, евреям стоит поискать другое место? Не начнутся ли на них гонения в Америке, которая только хочет казаться страной священных свобод?

Это было туше. Воевать с еврейской общиной в США было не под силу никому. Ни в политике, ни в бизнесе. Морган вывесил "белый флаг". Профинансированные им издания согласились с тем, что антисемитизм недопустим ни в каком виде, и такая политика Германии делает ее автоматически изгоем цивилизации, недоговороспособным ни при каких условиях.

Оценив последствия закончившейся информационной битвы и открывающиеся перед ним перспективы, Рокфеллер наметил сразу же несколько планов.

Один из них предусматривал создание комиссии Конгресса, которая в неспешном порядке должна была продумывать стратегические рекомендации для внешней политики США, касающейся поведения страны в будущей европейской войне. И комиссия эта должна была находиться под его полным контролем.

Другой касался предложений к Сталину по развитию отношений его промышленной империи и СССР. Эти предложения были немедленно отправлены сыну в Англию, а ему самому даны указания выдвигаться в Москву. По своим каналам Рокфеллер уже все согласовал. Сын будет принят Сталиным.

Полученная по всем каналам информация о происходящем в СССР давала обильную пищу для размышлений. Вся эта информация, пропущенная через аналитические службы Рокфеллеров, позволила сделать несколько важных выводов. Во-первых, у Советов появились почти неограниченные ресурсы для оплаты внешних поставок. Во-вторых, они

умудрились под шумок завезти к себе со всего западного мира, страдающего от кризиса и депрессии, огромное число грамотных рабочих и специалистов, позволивших им проводить индустриализацию своего отсталого хозяйства в разы быстрее, чем от них ожидали. К тому же найденные новые месторождения, в том числе нефтяные, резко увеличивали ресурсный потенциал страны. В-третьих, показательная отстраненность от участия в европейских текущих делах и почти мгновенный разрыв отношений с Коминтерном говорили скорее о силе и самодостаточности, нежели о слабости. Да и проведенные внутренние чистки аппарата существенно консолидировали общество в самом СССР. Итогом всех этих выкладок стала рекомендация аналитиков по максимальному расширению контактов с Советами в экономике, а также лоббированию хороших двусторонних отношений на дипломатическом уровне.

Но самый интересный план Рокфеллера касался того, как стоит использовать только что случившееся локальное поражение Ротшильдовского клана для некоторого пересмотра баланса влияния этого клана и его собственной группы в США. И ведь все по-честному. Он предупреждал, его не послушали. Пожалуй, ему стоит на днях пообедать с главным раввином Нью-Йорка.

### **Глава 30. Возвращение утраченной истории.**

В Европе 36-й год по основным политическим событиям почти не отличался от известной мне истории. Укреплялся военно-политический союз между Германией и Италией. Муссолини также в январе выразил согласие Германии на аннексию Австрии, в марте Германия разорвав в одностороннем порядке существующие договора заняла демилитаризованную Рейнскую зону, вплотную придвинувшись к французским границам. В июле без каких-либо изменений произошел путч в Испании. Европа кипела, ощущение приближающейся всеобщей войны неуклонно нарастало. Но СССР показательно оставался в стороне от всех этих волнений. Разумеется, во многих советских городах прошли организованные митинги в поддержку законно избранного правительства Испании, но на этом все и закончилось. Чуть более двух тысяч наших военспецов, оказавшихся на территории Испании вместе с поставленной по контрактам военной техникой, исполняя свои контракты советников, продолжали находиться в рядах Республиканской армии, но делали это они не как советские граждане, а как простые индивидуальные наемники. Заранее продуманные тонкости юридических документов не давали никому ни единого шанса связать их участие в Гражданской войне в Испании с официальной помощью СССР. В начале осени правительство Испании обратилось к СССР с очередной просьбой о поставках дополнительной военной техники. СССР согласился выполнить новый контракт в сжатые сроки, но от посылок дополнительного контингента специалистов отказался, мотивируя этот отказ невозможностью вмешиваться во внутренние дела европейского государства. Такая позиция не позволила втянуть СССР в европейские разборки несмотря на неоднократные и многосторонние попытки. Все обвинения разбивались в железобетонную аргументацию советского МИДа. Республиканское правительство является законно избранной властью, потому СССР в полном праве заключать с ней любые двусторонние договора, тем более экономического плана. Да, на территории Испании есть советские специалисты, работающие по контрактам, но все они попали в Испанию до начала гражданской войны и связаны контрактами, заключенными ими напрямую с испанскими властями. СССР не считает себя вправе вмешиваться в юридические договорные отношения своих граждан. Сразу же после завершения сроков действия контрактов они вернутся в

СССР.

Хотя Сталин до конца так и не оставил идеи максимально затянуть испанские события, пытаясь тем самым ослабить потенциальных противников СССР. Особенно это касалось Германии, которая, как и в моем варианте истории открыто поддержала путчистов. Вооружениями и войсками. Но теперь помощь оказывалась крайне аккуратно. Добровольцы подбирались на территории самой Европы, причем главным образом в странах, которым было суждено оказаться под гитлеровской оккупацией. Финансировались они за счет тайных фондов, проследить связь которых с СССР было практически невозможно. Коминтерн в Европе действовал самостоятельно. После выхода СССР из этого Интренационала Сталин категорически запретил любые контакты с его функционерами, которые можно было бы расценить, как неофициальную поддержку со стороны СССР.

На Дальнем Востоке события также потихоньку развивались в известном мне ключе. Советская разведка неоднократно фиксировала контакты между японскими и германскими политиками и представителями высшего военного звена обеих стран. Все шло к тому, что антикоминтерновский пакт и здесь станет реальностью. При этом Сталин совершенно не заблуждался, что выход СССР из состава Коминтерна не станет для Германии или Японии препятствием для враждебного отношения к СССР со стороны этих стран. Тем не менее определенные трудности для формулирования официальной внешнеполитической доктрины нашим оппонентам это создавало.

А вот в самом СССР логический ход истории в 36-м году поменялся кардинально. Летом по всей стране началось массовое увлечение национальной историей. В прессе развернулись широкие дебаты относительно древности Российского государства. Появились многочисленные публикации относительно того, что наша история насчитывает гораздо больше веков, чем признавалось до этого официальной наукой. Отдельные ученые даже предположили, что в царское время искусственно принижалось историческое наследие Руси в целях упрощения эксплуатации трудового народа. Сначала такой взгляд вызвал легкое недоумение и даже смешки специалистов как в самом СССР, так и за рубежом.

Но, как выяснилось чуть позже, все это было заранее учтено и тщательно спланировано. В августе было объявлено об открытии огромной исторической важности. Советские археологи обнаружили на юге Челябинской области большое древнее укрепленное поселение, получившее название Аркаим. Уже первые находки на месте раскопок позволили предположить, что поселение относится к эпохе средней бронзы и было построено в 3-м — 2-м тысячелетии до нашей эры. Эта находка полностью переворачивала всю официальную историю страны, поскольку неопровержимо свидетельствовала о том, что Русь намного древнее, чем было принято считать до этого момента. А масштабы поселения, оценивающиеся в 15 тысяч квадратных метров, существенно превосходят знаменитый английский Стоунхендж.

Почти одновременно с археологическими находками было объявлено и об обнаружении древнейшего письменного источника, относящегося к дохристианскому времени Руси. История нахождения Велесовой книги, как было названо собрание из нескольких десятков связанных между собой дощечек в древними письменами, не раскрывалась. Однако, было заявлено, что возраст находки оценивается не менее, чем в тысячу лет, а его расшифровкой занимаются ведущие ученые страны. Уже расшифрована часть текстов, которые свидетельствуют о том, что найдена поистине бесценная летопись древней истории славян, по значимости превосходящая "Слово о полку Игореве".



На Западе поспешили заявить, что обе находки имеют явно сомнительную ценность. Что, по всей видимости, имеет место попытка советской власти искусственно придумать историю России в идеологических целях, что не имеет никакого отношения к науке.

Но в самом СССР оба известия о памятниках древности вызвали настоящий ажиотаж во всех слоях советского общества, возникла массовая мода на изучение древней истории, которая только усилилась после большой статьи Сталина в газете "Правда".

Смысл статьи заключался в том, что хотя новая история свободного пролетарского советского государства началась всего два десятилетия назад, победа трудового народа не могла бы иметь места, если бы ее не подготовила славная многовековая история страны. Необходимо принимать и тщательнейшим образом изучать древнюю историю, очищать ее от многовековых наслоений лжи, которые в царское время уничтожали великое и героическое прошлое славянских и других братских народов России. Не случайно Запад стремится извратить нашу историю, представить находки величайших памятников древности подделками. Ибо они сами фальсифицировали прошлое для порабощения народов мира и утверждения собственной власти. Но правду не убить и не спрятать в банковский сейф. Она все равно найдет дорогу к свету и утвердится. Следует очень аккуратно разделять историческое прошлое и классовую борьбу народа за освобождение от собственных эксплуататоров. Первое надо выяснять, изучать и гордиться. Второе рассматривать в контексте исторических эпох и традиционных устоев общества. Только в этом случае прошлое престанет во всей своей полноте и незамутненности. В этой связи, писал Сталин, необходимо тщательно хранить и оберегать от разрушения любые исторические памятники и архивы, кому бы они не принадлежали. За уничтожение древних летописей, книг и иных памятников истории необходимо установить жесточайшее наказание, независимо от того, кому в настоящий момент принадлежат эти памятники.

Одновременно со статьей в том же номере были опубликованы английские и голландские карты 17-го и 18-го веков, на которой была изображена Великая Тартария. В пояснениях к этой карте издевательски спрашивалось англичан о том, как никчемная и варварская, по их мнению, страна на их собственных картах могла занимать столь обширную территорию.

Вскоре было объявлено о предложении добровольной сдачи в Гохран всех исторических документов, находящихся в личном владении. За особо интересные экземпляры даже выплачивалось существенное вознаграждение.

Массовый интерес к истории вызвал небывалый наплыв студентов на исторические факультеты. Параллельно в моду вошли художественные произведения, прославлявшие подвиги предков. Это было еще одним тщательно спланированным элементом всей компании. Уже в начале лета Сталин тайно собрал на закрытое совещание несколько десятков известных писателей, поэтов и кинематографистов, где лично обозначил потребность молодого советского государства в пропаганде славного исторического наследия.

На протяжении всего 36-го года активно велась подготовка к созданию новой советской Конституции. В рамках этой работы неизбежно встал вопрос об отношении к религии. Для того, чтобы придать обсуждению этого вопроса правильное направление Сталину пришлось еще раз выступить с большой статьей в "Правде".

В ней Сталин остановился именно на религиозных вопросах. Мы, коммунисты, писал

Сталин, не верим в бога, который сидит на небе и указывает нам, как жить. Мы берем дело в свои руки и сами строим свою жизнь и свое будущее. Но одновременно с этим мы должны очень аккуратно подходить к нашему историческому наследию. Все религии являются плодом развития человеческого общества и высоких духовных исканий. Тот факт, что очень долгое время, на протяжении веков, религию и идею бога власть имущие использовали в своих корыстных целях, никоим образом не означает, что сам духовный поиск истоков жизни не имеет права на существование. Тот факт, что имеется доказанная разумность человека, совершенно не отрицает возможности разумности и всей Вселенной. Просто сегодняшнее состояние нашей науки пока не способно доказать это со всей строгостью. За религиозной формой очень часто скрываются важнейшие духовные открытия, которые не грех взять на вооружение и настоящему коммунисту. Кроме того, к сожалению, пока не все люди в нашей стране являются убежденными коммунистами. Этим людям еще жизненно необходимы духовные костыли, которые предоставляет религия. Но это наши люди, и они также как и коммунисты строят наше общее социалистическое будущее, отдавая себя полностью общему делу. Разве можем мы запрещать этой немалой части нашего народа находить утешение в вере, которой придерживались многие поколения наших предков? Нет, это будет не правильно, не по-коммунистически. Некоторое время назад мы объявили беспощадную борьбу религии и даже успешно провели "безбожную пятилетку", как это метко было названо в народе. Было ли это нашей ошибкой? Нет, не было. В то время, когда молодое советское государство, раздираемое на части внутренними врагами и внешними недругами, боролось за свое выживание, это был единственный правильный выбор. Как мы уже отмечали, слишком часто и слишком успешно религию использовали эксплуататоры для закрепления своей власти. Попустить религии в то время означало усилить недобитого врага, дать ему в руки мощное идеологическое оружие. Но сейчас это время прошло. Мы выстояли, мы справились с врагами внутренними и готовы во всеоружии встретить врага внешнего. А потому настало время изменить и наше отношение к религии.

Партия и государство объявляют о свободе вероисповедания любых конфессий, являющихся традиционными для нашего народа. Особое внимание следует обратить на изучение древних дохристианских верований, которых придерживался наш народ на протяжении не одного тысячелетия. Изучать наследие предков и, отделяя зерна от плевел, изыскивать сокровища древнего духовного наследия. Любой народ силен своей памятью и традициями. Именно это мы и должны бережно сохранять и защищать в первую очередь. Но свобода традиционных форм вероисповедания совершенно не означает возможности со стороны любой из них устраивать свару с оппонентами или активное затаскивание в свои ряды новых адептов. Этого мы не позволим. Любое таинство веры должно быть делом сугубо добровольным и не навязанным извне. Должно свершаться в тишине и покое. И мы будем за этим очень внимательно следить.

Может ли быть человек одновременно верующим и членом коммунистической партии? Да, может. Возможно, это покажется удивительным, но это именно так. Если человек в жизни и труде полностью соответствует идеалам коммуниста, но при этом он верует в высшие силы, то нет в этом ничего страшного. Мы судим каждого по делам его. И только по делам.

Эти статьи вызвали бурные дискуссии в партийных и рабочих ячейках. По всей стране прошли собрания. Благодаря тому, что вопрос готовился уже достаточно длительное время и

пропагандисты были просвещены заранее, все прошло без особых эксцессов. В результате народ не только правильно и с благодарностью воспринял решения партии, но даже возникла мода на то, чтобы посещать храмы и мечети. То там, то там стали появляться статьи о старообрядцах и причинах раскола церкви. Старообрядческие общины стали выходить из подполья. Уже в десятке районов страны власти получили запросы на строительство храмов старообрядцами.

В какой-то мере реабилитации старообрядческой церкви способствовало исподволь и само государство. Появилось несколько научных трудов и два художественных романа, посвященных теме Никонианского раскола и причин, к нему приведших. Причем, во всех этих работах отношение к старообрядцам было по меньшей мере дружелюбным.

Гораздо меньше было известно про ведическую древнюю культуру, а потому поначалу никто и не обратил особого внимания на то, что в статье Сталина исконной вере уделялось особое внимание. Но все стало быстро меняться, когда в центральной прессе стали публиковаться отрывки из расшифрованной учеными Велесовой книги. Интерес к древности и Вере предков в частности возрос многократно. Перед народом, который в массе своей до этого в лучшем случае читал или слышал родовые рассказы, истории про царей и бояр-эксплуататоров или победоносное шествие советской власти, раскрывалась потрясающе величественная и в то же время трагическая история предков. Славян и Ариев. Реки крови, которыми были завоеваны победы, превозможение многочисленных тягот и невзгод с полным напряжением сил. Поражения, скитания и новые победы. Трагичная и великая история захватила народ. Газеты расходились небывалыми тиражами, их зачитывали до дыр целыми коллективами. Люди 30-х были во многом были чище и прямодушнее моих оставленных современников. А потому зачастую коллективные чтения сопровождались потрясениями кулаков, гневными или восторженными выкриками и неизбежными потоками женских слез. А все вместе это было настоящим катарсисом. Народ начинал обретать себя через обретение своего прошлого. И как-то сами собой распрямлялись плечи, становился более гордым и свободным взгляд. В какой-то момент с низовых уровней политических работников даже пошли массовые сигналы о том, что таким народом будет гораздо труднее управлять. Но из ЦК было спущено распоряжение о том, что или учитесь управлять гордым свободным народом или уступите место другим, которые справятся. Сигналы резко прекратились.

Со стороны РПЦ также раздавался глухой тихий ропот, но предупреждение, недвусмысленно сделанное Сталиным сильно связывало руки иерархам Церкви. Лишь на службах в храмах нет-нет да проскальзывали гневные отповеди язычникам.

На этом фоне Сталин решил еще раз встретиться с волхвом Велимиром. Он представил себе лицо своего тогдашнего собеседника и мысленно предложил встречу. В его голове практически сразу раздался негромкий голос. — Слышу тебя, Князь. Завтра буду.

Сталин несколько ошарашено помотал головой, прикидывая, не почудилось ли ему. В голове снова раздался смешок, — слышал я тебя, Князь. Буду в полдень, не сомневайся.

Помятуя о своеобразном способе появления волхва в своем кабинете в предыдущий раз, Сталин решил позвать еще и Алексея. Он, конечно же, и тогда сразу после ухода волхва позвонил на базу УЗОРа выяснить, где находится Алексей. Уж больно похож оказался метод появления волхва на его собственный. Тогда Сталина успокоили, что последние полчаса Алексей беседовал с детьми в Интернате и ни на секунду не оставался вне поля зрения. И вот теперь Сталин решил на всякий случай окончательно убедиться в том, что не пал

жертвой розыгрыша. К тому же именно Алексей инициировал религиозный вопрос. Вот пусть теперь с волхвом о древней Вере и заботятся.

На следующий день я приехал к Сталину примерно за полчаса до полудня. Вождь решил перед встречей с волхвом поинтересоваться моим мнением о том, как я оцениваю все происходящее на религиозно-историческом фронте.

Что и говорить, я воспринимал все последние события с немалой долей восторга. Я даже не ожидал, что Сталин столь резко возьмется за практическое воплощение этой темы. Мне казалось, что он, напротив, будет оттягивать этот вопрос как можно дольше. Но, видимо, я по-прежнему знал Сталина слишком поверхностно. А уж когда он сказал, что сейчас к нему приедет один из верховных волхвов, самый настоящий, я вообще не сразу нашелся, что сказать. Да и что тут вообще можно было сказать? Я и в своей прошлой жизни ни одного настоящего волхва не видел и даже не знал точно, есть они в принципе. Не те сотни новоявленных ведунов, колдунов и вещунов, объявивших себя неоязычниками, которых мое время нарождало во множестве, не различные "языческие проекты", созданные иностранными спонсорами с целью похоронить истину в потоках очередной лжи и фантазий, а настоящие хранители Древней Веры и Родов славянских. Оказывается, есть. Сохранились. И вот сейчас я с трудом сдерживаемым волнением ждал встречи.

На этот раз Велимир не стал выказывать свои необычные способности полностью, а предпочел проявиться уже в приемной. А потому в кабинет вошел, как обычный посетитель. Кивнул неспешно Сталину, потом мельком взглянул на меня. Вдруг его глаза удивленно расширились, а брови дернулись вверх.

— А это что за чудо такое, Князь? Не человек это, но и не морок. А вот что такое, не пойму.

Сталин довольно ухмыльнулся. Типа, знай наших, не только тебе нас удивлять. Мы тоже кое-что можем.

— Это, Велимир, товарищ Алексей, посланец, так сказать, из будущего. Он тебе потом подробнее сам расскажет. А ты пока оцени, что я от тебя ничего не скрываю и не обманываю. Сам факт того, что я тебе его показал, о многом говорит.

— Вон оно как! Из будущего, значит. А скажи, Лексей, не ты ли на северо-западе Москвы так активно Навь ворошишь?

— Не столько я, сколько дети наши. Кстати, с ними мне помощь требуется.

— Ладно, вы потом обо всем договоритесь, — вмешался Сталин, — а пока давайте делом займемся.

Разговор вышел серьезный. Как без лишнего шума Веру возродить, как выделять землю под капища, как регулировать взаимоотношения между конфессиями, не доводя до войн клира и жречества и антагонизма между верующими, как сплачивать народ воедино в преддверии тяжелых внешних испытаний. О многом проговорили, многие вопросы решить удалось. Велимир оказался человеком потрясающих энциклопедических знаний. Как пошел серьезный разговор, с него мгновенно слетела вся мужицкая простецкость, и пропало ёрничество. Для постепенного возвращения Ведических знаний и эффективного отсеивания всевозможных языческих шарлатанов договорились о плотной координации действий. Велимир пообещал постепенное открытие древних письменных источников, хранимых им и другими волхвами для передачи в печать. С прохиндеями пообещал разобраться самостоятельно и без шума, пыли и криминала. А всех выявленных "поборников" Древней веры, финансируемых из-за рубежа, пообещал передавать соответствующим

государственным специалистам для дальнейших вдумчивых бесед.

Христианскую церковь он предложил не трогать вообще. Со старообрядцами пообещал наладить контакт самостоятельно, благо основа для взаимного понимания и уважения, какая-никакая, но имелась. А греко-православную церковь пусть уже потом старообрядцы воспитывают.

В завершении Сталин поинтересовался мнением Велимира об иудаизме и рассказал про свою встречу с раввинами.

— Сложный вопрос, Князь. Но поставил ты его правильно. По-хорошему бы от них вообще избавиться, но и народ ни в чем не виноват. Многие из евреев нормальные люди, проживающие на нашей земле уже много веков. Так что гостями их уже не назовешь. А вот с раввинами все очень непросто. Они изначально заточены на захват власти для себя. К тому же их вера освобождает их от ответственности перед гоями, коими они считают всех, кто не иудей. Но выход искать все одно, надо. А потому сделаем так. Заставь их клясться не перед собой, а перед единоверцами. У тебя же наверняка найдется несколько преданных лично тебе людей еврейского происхождения, кто не перекрещивался и был вовремя обрезан. Вот им и клятву раввины давать должны. Далее я научу тебя видеть Правду и Кривду в любых словах. Тяжкий это Дар, но ты выдержишь. А потом он тебе не раз пригодится. Ну и, если ты не против, когда будешь с ними опять встречаться, позови меня. Лишним не будет.

— Хорошо, товарищ Велимир, так и сделаем. Позову.

Расставались мы, договорившись, что Велимир обязательно посетит меня на базе в самое ближайшее время. Я понимал, что мои знания постепенно подходят к пределу того, что я мог передать детям. А среди них оказалось очень много талантов, продвигавшихся в деле освоения управляемых сновидений гигантскими шагами. Пора было передавать их обучение в надежные руки.

## **Глава 31.**

### **Ставки сделаны, господа**

Встреча Сталина с Джоном Рокфеллером-младшим прошла в Кремле достаточно буднично и, как принято было писать в более поздние времена, в духе полного взаимопонимания сторон.

Впрочем, за внешним спокойствием, дружелюбием и демонстрацией совпадения взглядов кипели нешуточные страсти. Инструкции, полученные Рокфеллером-младшим от отца, предусматривали несколько важнейших пунктов. Главным из которых было выяснить истинное состояние СССР и его готовность к военным действиям. Рокфеллеры не могли себе позволить ошибиться в выборе перспективного партнера. Своим вынужденным отказом от прямого участия в дальнейшем финансировании гитлеровской Германии вследствие недавней информационной войны они автоматически занимали по отношению к СССР позицию дружеского нейтралитета. И вот теперь наследнику клана предстояло выяснить, стоит ли заменять этот нейтралитет на более активную союзническую позицию. А этот вопрос полностью упирался в те перспективы, которые Сталин был готов предоставить их семье в экономической сфере, связанной с развитием советской экономики. Глава клана еще до отправки сына в Москву прекрасно понимал, что усилившийся и полностью закрепившийся во власти Сталин уже не готов предоставлять Рокфеллерам те же условия и то влияние, которое они имели ранее. А потому готов был к определенным уступкам. Вопрос стоял лишь в том, что из влияния удастся сохранить и какие новые возможности во

взаимоотношениях с СССР получить. Рокфеллер-старший предупредил сына, что скорее всего максимум, что можно выторговать у Сталина это равноправные партнерские отношения, а потому предостерег его от чрезмерного давления на самолюбивого и горячего советского вождя. Потерять можно было гораздо больше, чем приобрести.

Сталин со своей стороны также прекрасно понимал всю невысказанную подоплеку. Ведь именно он и организовал ту самую информационную антигерманскую компанию, заставившую Рокфеллеров отойти от бизнеса с Гитлером. Прекрасно осознавал он и свою кардинально изменившуюся силу, позволяющую уже опираться во внутренней политике не на внешних ненадежных союзников, а на собственные кадры внутри, расставленные на всех значимых позициях. С другой стороны, он также не мог позволить себе полностью испортить отношения с одним из двух самых могущественных кланов планеты. Перспектива войны в Европе требовала хотя бы гарантий нейтралитета со стороны США. А еще лучше активной поддержки с их стороны. Учтя все ошибки своего аналога из мира Алексея, а также существенно продвинувшись с помощью его информации в разработке перспективных вооружений, поднимающих силу советской армии на принципиально иной уровень, Сталин тем не менее прекрасно понимал, что даже с атомной бомбой он не сможет выиграть войну против всего мира. Также он был осведомлен и о глобальном соперничестве между кланами Рокфеллеров и Ротшильдов и был отнюдь не против на этом поиграть.

В результате обе стороны долго ходили вокруг и около, прощупывая друг друга и не решаясь на первые активные предложения. Но все же не Сталин просил о встрече, а потому начинать пришлось именно гостю.

Рокфеллер долго рассказывал об опасениях, которые вызывает у него развитие ситуации в Европе, и всячески пытался выяснить, как СССР смотрит на перспективы войны. Сталин воспринимал этот монолог бесстрастно, а на прямой вопрос ответил, что СССР сам по своей воле ни с кем воевать не собирается, но на прямую агрессию ответит крайне жестко и оставляет за собой право полного уничтожения врага всеми имеющимися средствами. Сказано все это было спокойным и даже несколько равнодушным тоном, который должен был дать понять собеседнику, что эта тема не является предметом первоочередных забот советского правительства. Такой тон произвел на Рокфеллера сильное впечатление. Хотя он был далеко не новичок в переговорах любого уровня и прекрасно понимал весь показной характер производимого Сталиным впечатления, тем не менее, он понял, что это проявление именно силы, а не слабости, пытающейся спрятаться за силой. По крайней мере, это было то, во что верил сам Сталин.

Сделав себе пометку на память, Рокфеллер решил зайти с другой стороны и поинтересовался тем, чем его семья может помочь развитию советской экономики. Здесь Сталин не стал отмалчиваться и рассказал о длинном перечне промышленного оборудования, в котором по-прежнему заинтересован СССР. Причем, особый интерес проявил к получению комплексных спроектированных заводов различного назначения. Сталин передал заранее подготовленный список потребного оборудования, который Рокфеллер быстро, но очень внимательно проглядел. В заключении, понимая, что эта тема Рокфеллеру особенно интересна, отметил, что помимо промышленного СССР хотел бы получить максимально возможное количество бурового оборудования для нефтедобычи.

А совсем под конец изъявил готовность оплачивать все заказы немедленно по факту их поставки. Золотом, валютой или техническими алмазами по выбору американской стороны.

Список оборудования сам по себе произвел на Рокфеллера почти шокирующее

впечатление. Не только своим объемом, но и разноплановостью заказов. Первое и самое важное, что бросилось в глаза американцу, было то, что перечень совершенно не говорил ни о какой спешке в закупках для производства вооружений. Разумеется, в нем присутствовало оборудование для заводов военной направленности, в частности для производства танков, заводы по нефтепереработке и катализаторным добавкам в топливо, но общая структура заказов была таковой, что Рокфеллер даже растерялся. Сталин хотел буквально все. В том числе огромный перечень оборудования для производства товаров народного потребления. Это было невероятно. Вся Европа, судорожно изыскивая последние средства и кредиты, бросает все силы на производства вооружений, а Сталин спокойно заказывает оборудование для текстильного и мебельного производства, горнопроходческую и строительную технику и оборудование для их производства, оборудование для химической промышленности, причем, явно не для производства взрывчатки или пороха. Что же он скрывает, что так спокоен, — думал Рокфеллер. — Его как будто подменили. Последние два года в СССР творится что-то совершенно не укладывающееся в привычную логику. Либо Сталин сошел с ума, либо я чего-то принципиального не понимаю.

— Вы так уверены, мистер Сталин, что производство одежды, мебели, бытовых приборов и легковых автомобилей сейчас является самым насущным? А не, например, производство танков, самолетов или на худой конец стрелкового оружия? Вы не верите в близость войны?

— Я не верю, мистер Рокфеллер, в близость войны. Я точно знаю, что она будет в ближайшие годы. По крайней мере, в Европе. Мы, как уже было сказано, войны не хотим, но и не боимся. Мы всегда готовы защитить свою революцию. Но подготовка к войне еще не повод заставлять наш народ жить в нищете и без элементарных удобств в бытовом плане. В конце концов счастливая и благоустроенная жизнь нашего народа является нашей важнейшей задачей, ради которой мы брали власть в 17-м году. А Вас что-то не устраивает в предлагаемом списке?

— Нет-нет, мистер Сталин. Список просто прекрасный и, думаю, что мы сможем многое из него поставить.

— Многое, но не все?

— Понимаете, мистер Сталин, я проглядел перечень мельком, но уже увидел ряд оборудования, разрешение на экспорт которого необходимо получать у нашего правительства.

— Ну, так получите. Не станете же Вы утверждать, что для Вашей, это слово Сталин подчеркнул интонацией, семьи это представляет собой серьезную проблему?

— Я не готов прямо сейчас дать окончательный ответ, но постараюсь сделать все от меня зависящее.

— Не сомневаюсь. Теперь давайте поговорим о том, что, здесь Сталин опять акцентировал слово, мы можем предложить вам. Ну, или не вам, — Сталин усмехнулся. — Во-первых, мы могли бы предложить расширение Вашей нефтяной концессии на Каспии. Во-вторых, мы могли бы предложить вам монополию на экспорт технических алмазов. В-третьих, мы просто могли бы предложить вам свою дружбу. Что-то из предложенного Вас интересует?

К такому повороту разговора Рокфеллер оказался просто не готов. — И все это за поставки оборудования по данному списку?

— Нет, разумеется. Возьмем то же понятие дружбы. Разве оно может быть

односторонним, — Сталин улыбнулся в усы и лукаво посмотрел на собеседника. — Да и алмазная монополия на миллионы карат стоит не мало. Явно не поставки оборудования двойного назначения.

— А разве Вы не связаны обязательствами по алмазам с Де Бирс?

— Нет. С Де Бирс мы связаны только договоренностями о поставках ювелирных алмазов. А на технические у нас нет никаких обязательств. Между тем, в прошлом году мы нашли одно крупное месторождение сверхпрочных технических алмазов и сейчас активно занимаемся его разработкой. Можем немедленно предложить несколько миллионов карат. Интересно?

— Вы, опытный соблазнитель, мистер Сталин. Что я должен сделать, вступить в коммунистическую партию большевиков?

— Ну, зачем же? Вы там будете не очень местно смотреться со своими личными миллиардами. Требуется немного. Поставка полного перечня оборудования в самые сжатые сроки и обеспечения дружеского настроения США по отношению к СССР. Ну а кроме этого сушая мелочь. Отказаться от помощи всем нашим потенциальным врагам. В первую очередь, это касается Германии и Японии. Как видите, ничего невозможного. Ну и еще, если Вы не против, то мы хотели бы вложить некоторые средства на территории США. Так, чтобы с ними не произошло никаких неприятных неожиданностей.

— Интересно. Вы хотите создать собственные компании или купить акции существующих?

— Купить некоторые существующие компании, которые потом не будут иметь препонов для экспорта своей продукции в СССР. А кроме того какой-нибудь банк, который будет иметь с Вашей группой доверительные отношения.

— Думаю, это решаемый вопрос. А о каких суммах идет речь?

— Начнем с нескольких миллионов долларов, а потом посмотрим, как пойдут дела.

— Вы еще упомянули про расширение концессий в Баку. Сроки и объем?

— Объем можем удвоить от существующего сейчас, сроки определим пока в десять лет. Потом ничего не помешает нам продолжить отношения.

— Предварительно все выглядит очень привлекательно. Но я должен переговорить с отцом.

— Понимаю. Мы будем ждать вашего ответа.

\*\*\*\*\*

Тем временем, почти одновременно с разговором в Кремле состоялся другой разговор в уже знакомом читателю особнячке на окраине Лондона. Вот только очередное заседание правления Английского Общества Блюстителей Традиций кардинально отличалось от предыдущего. Как по тону разговоров, так и по обсуждаемым темам. Страсти кипели так, что ни о какой знаменитой английской выдержке и чопорности речи уже не шло. Даже прислугу при всей ее вышколенности и надежности пришлось на день отпустить. Так что разъяренным джентльменам пришлось самим наливать себе виски, а без обязательного обеда и вовсе обойтись.

Председательствующий Лайонел Уолтер Ротшильд рвал и метал. А остальные 12 членов правления балансировали между таким же праведным гневом, когда он был обращен на кого-то другого, и паническим ужасом, когда дело касалось их самих.

— За последнее время нас постоянно преследуют катастрофические неудачи. Что это расхлябанность в исполнении или чья-то злая воля? Перечислю самое основное. Нам так и



не удалось выяснить, что именно происходит в Москве. Более того, посланная группа полностью провалилась, да с таким треском, что похоронила практически всю агентурную сеть. Теперь мы практически лишены достоверной информации о происходящем в СССР. А те люди, которые еще остались, залегли на дно столь глубокое, что считаем, что их также нет. Это первое. Мы понесли серьезный репутационный ущерб в США в результате информационной антигерманской, а по сути антианглийской компании. Причем, меня совершенно не устраивает бляенье наших аналитиков, что все получилось само собой. Компании такого уровня всегда кем-то организованы. Если исходить из результата, то выигравших двое — Сталин и Рокфеллер. Так что это кто-то из них. Но мне нужны доказательства. Что касается Рокфеллера, то этот старый хрыч в очередной раз отлично преуспел за наш счет. Мы оказались вынуждены отдать ему большую часть промышленных заказов русских, акции Де Бирс в залог его кредитов и остались один на один с финансированием Германии. Причем, Гитлер сейчас ничем заплатить не в состоянии. В лучшем случае мы отобьем свое после успешной войны. А американцы уже сейчас гребут деньги лопатой на поставках оборудования Советам. Исход евреев из Германии, конечно, несет нам неплохой золотой поток в Швейцарии, но все большая их часть предпочитает перебираться подальше, в США. А там эти поцы после информационной войны по совету раввинов выбирают именно банки Рокфеллеров, а не наши. И Моргану никак не удастся задобрить раввина. И, наконец, последнее. Связь с повелителем полностью прервана. Попытка провести полный ритуал призыва обернулась трагедией для десятка не самых слабых адептов. А блок не пробиваем. И в это время в Москве идет постоянное нарастание астральной активности, которое мы даже не в состоянии отследить. К тому же после либерализации религиозных верований проявились наши древние враги — волхвы. Один из них по слухам уже даже был в Кремле. Вы понимаете, чем нам может это грозить? Прошу всех высказаться и предложить выход их создавшегося положения.

Обсуждение было бурным и длительным. Ситуация и впрямь выглядела не лучшим образом. В какой-то момент джентльмены даже скатились до взаимных нападков и откровенного срача, но это довольно быстро пересек Ротшильд.

— Значит, так. Подведем итоги. Война нам необходима. Главная цель — Советы. Для того, чтобы Гитлер мог с ними справиться ему придется отдать всю Европу. Вариантов нет. Но Англия формально должна остаться в стороне. Более того, она должна будет объявить Германии войну в тот момент, когда Гитлер захватит Польшу. Наша задача, с одной стороны, максимально усилить Гитлера, с другой не потерять над ним контроль. Время еще есть. Война против СССР ранее 40-41-го года невозможна. Немцы просто не успеют переварить съеденное и навести порядок. Одновременно Гитлера нельзя пускать в Африку. Если он доберется до большой нефти, он станет неуправляемым. Одновременно следует поддержать негласно Японию. Она в крайнем случае станет тормозом для активности США на европейском направлении. Да и СССР пусть самураи прощупают. Вдруг удастся откусить что-нибудь. Англия должна максимально усиливаться в южной Азии. Про саму Британию вообще молчу. Она должна стать настоящей крепостью. Но часть денег переведем на всякий случай в Канаду. Есть возражения? Нет, тогда последнее. Подкиньте Гитлеру кое-какую сакральную информацию. Пусть учится и усиливается. Не нравится мне наша сегодняшняя слабость и растущая сила русских.

## **Глава 32. Национальный вопрос.**

Когда наши отношения со Сталиным еще только стали выходить на спокойное

обсуждение различных сложных вопросов, требующих изменения существующей ситуации в стране, и перестали напоминать допросы у строгого следователя, мне казалось, что наиболее проблемной из всех тем станет вопрос религии и веры. Но оказалось, что я жестоко ошибался. Как раз эта тема почти не вызвала у Сталина каких-либо серьезных отторжений. Зато при обсуждении национального вопроса градус наших диспутов не раз подходил к пределу допустимого. Порой мне казалось, что еще чуть-чуть, и Сталин выгонит меня из кабинета, закрыв тему. Но я ошибался и в этом. Считая себя серьезным авторитетом в национальном вопросе еще со времен заведования в ЦК именно делами национальностей Сталин решил, что должен именно доказать мне свою правоту, не прибегая к аргументу власти.

В итоге в чем-то ему удалось убедить меня, в каких-то элементах я смог сдвинуть его с мертвой точки. В результате Сталин даже передвинул принятие новой конституции на весну 37-го года, чтобы полностью отразить в ней все результаты наших бесконечных дебатов на эту тему. Разумеется, с проведением полномасштабного всесоюзного обсуждения вопроса.

В отличие от религиозной темы, где Сталин с самого начала задал тон выступлениям своей статьей, предварительно лишь уведомив клир всех конфессий, к национальному вопросу Сталин подошел совершенно иначе. Используя аппаратные рычаги, он инициировал низовое обсуждение вопроса в формулировке "А что есть советский народ"?

Конечно, дело никто на самотек не пускал. Основные тезисы, с которыми выступали на местах различные ответственные и не очень товарищи, был тщательно продуман и профильтрован в Кремле. Тем не менее, большая группа партийных работников и сотрудников НКВД внимательно отслеживала ход дискуссий по всей стране, тщательно протоколируя все более или менее массовые мнения. Окончательный анализ проводился в Москве на базе УЗОРа очередной уже ставшей привычной командой.

Кстати, командный принцип работы настолько понравился Сталину, что он даже стал периодически практиковать его в Политбюро, превратив его самого в подобие проектной команды. Результат его удовлетворил. Особенно ему нравилось перераспределять роли между членами Политбюро и наблюдать за тем, кто как чувствует себя в разных ипостасях. Впрочем, Сталин прекрасно понимал, что командный принцип работы допустим только в отдельных проектах, имеющих обособленный характер, и совершенно не годится для постоянной планомерной и хорошо структурированной работы. А потому его увлечение за разумные рамки не выходило.

Вообще дискуссия по национальному вопросу охватывала довольно широкий круг тем. Это и вопрос о единстве советского народа, и о судьбе различных национальностей, в него входящих. Особенно это было болезненным вопросом для малых народностей. Здесь же обсуждался вопрос о происхождении славянских, угро-финских и тюркских народов, образовавших основу русского суперэтноса. Историки, которых больше не сдерживали догмы "канонической исторической науки" особенно это было болезненным вопросом для малых народностей. Здесь же обсуждался вопрос о происхождении славянской. рированной активно дискутировали по вопросам расселения предков славян по территории Евразии. Впервые давались более или менее убедительные версии, каким образом Южная Европа оказалась заселена православными славянами, какие исходные названия имели реки Германии и откуда они произошли. Но самым главным, ради чего все и начиналось, было формирование подлинно единого советского народа без утраты всего многообразия сотен больших и малых народностей, его составляющих.

На стадии предварительного обсуждения этого вопроса в УЗОРе до вынесения его на публичный уровень кипели жуткие страсти. В частности долго и горячо дискутировался вопрос о выделении особого статуса русского народа, как титульной нации. Но такая постановка вопроса в конечном итоге была снята с повестки дня.

Во-первых, при детальном рассмотрении этой темы вопросов возникло куда больше, чем ясности. Предварительные опросы населения, которые мы провели с помощью привлеченных комсомольцев под видом подготовки январской переписи населения, показали, что слово русский в качестве определения своей национальности в ответах фигурировало редко. Куда чаще звучало Великоросс, белорус, малоросс. Но были и совершенно неожиданные ответы, почти поставившие нас в тупик. Это были древние племенные названия. Поляне, кривичи, родимичи, словене, воляняне, древляне, бужане, уличи и многие другие. Оказалось, что огромный процент людей еще помнит свои корни и именно племенное название воспринимает как свою национальность. Я вспомнил, что мне уже приходилось читать об этом в итогах переписи 37-го года в моем времени. А дополнительные опросы показали, что слово "русский" в массовом сознании имеет совершенно иное значение — принадлежности человека к Руси, как жизненному пространству. Такое положение дел автоматически приводило к тому, что даже среди так называемой титульной нации нам пришлось бы приложить немало сил для внедрения в сознание людей слова "русский" как определение национальности. Тем более, что мы также планировали и всяческое поощрение сохранения родовой памяти.

Во-вторых, расширение Российской империи и включение в нее малых народов далеко не всегда протекало гладко и мирно. Тем более, что запланированное поощрение углубленного изучения истории Родов, населяющих страну, неизбежно провоцировало и воспоминание множества неудобных моментов истории. В этих условиях акцент на "русской титульности" мог привести ко множеству нежелательных последствий, вызвав всплеск разобщенности вместо целевого единения народа.

Использование же слова "советский" для определения единого самоназвания новой исторической общности людей было полностью лишено каких-либо негативных исторических аспектов. Помимо естественного соответствия названию государства это отсылало людей к недавней истории завоеваний социализма, в которой все народы и национальности страны разделялись не по национальному, а по классовому признаку. И для подавляющего большинства населения без каких-либо натяжек являлось объединяющим символом.

В итоге мы пришли к выводу, что русской культуре и традициям, которые сами по себе являлись многонациональными, ничего в результате такой реформы не угрожает. Огромный процент населения исконно ассоциирующий себя с Русью и центральное место именно славянской культуры среди всех народов СССР, объединяющий русский язык в качестве государственного неизбежно и совершенно естественным путем выведут именно русские национальные традиции в качестве главенствующих и разделяемых всеми. Для этого достаточно лишь не принижать и не ущемлять их по отношению к культурам других народов СССР.

С началом публичного обсуждения национального вопроса постепенно с помощью подробных разъяснений, многочисленных собраний и хорошо подготовленных дискуссий по всей стране удалось обеспечить подавляющую поддержку народа заранее сделанным идеологическим заготовкам. Итог дискуссии, как уже стало традиционным, подвел сам

Сталин в большой газетной статье. Сразу же этим последовал Пленум ЦК, который официально утвердил основы национальной политики СССР и сформулировал тексты соответствующих статей будущей Конституции.

Статья Сталина вызвала огромный общественный резонанс. До многих только теперь дошла вся грандиозность замысла и серьезность намеченных перемен. Учитывая важность обсуждаемой темы, Сталин даже не постеснялся напомнить, что много лет своей деятельности отдал именно вопросу национального единения страны.

— Сейчас, — писал он, — наш народ вплотную подошел к следующему шагу, стать подлинно единым. Не будет больше разных народов, населяющих нашу страну. Не будет русских, грузин или таджиков. Как не будет бурятов, и татар. Нам не нужно это разделение, мы — единый народ, строящий единое и равноправное для всех будущее. Мы все вместе завоевали свое право на классовую свободу и вместе строим наше общее социалистическое будущее. И в этом нет ничего оскорбительного для любого народа, самого малого или великого, как русский народ. Название народа всегда отражало образованную им государственность. Потому в Российской Империи титульным был русский народ, хотя он сам состоял из множества славянских, угрских и тюркских племен, как состоял и из сотни различных малых народов. Сейчас у нас больше нет российской Империи, есть Советский Союз, а значит и народ наш советский. И это верно и справедливо независимо от того, каково национальное происхождение каждого из нас. Национальное разделение, в том числе и административное, препятствует подлинному объединению нашего народа. Ведь уже сегодня любой из нас может спокойно работать там, где он может принести максимальную пользу стране. Есть туркмены, работающие на дальнем Севере, есть якуты, трудящиеся в Крыму, есть армяне, служащие в Белоруссии. И нигде никто из них не чувствует себя чужим. Так почему мы должны делить нашу территорию так, как это было когда-то? Это неправильно. А потому нам следует разделить страну не по национальному принципу, не на основе ранее сложившейся и уже измененной государственности. Нам следует пойти дальше и поделить страну на административные равноправные округа, удобные для управления страной и ее экономикой. Это будут крупные округа и их будет немного.

Но нам нельзя и вдаваться в крайности, выплескивая с водой и ребенка. Мы должны пройти по лезвию бритвы, сохранив все богатство нашего многонационального наследия, не расплескав ни капли. И здесь нам видится правильным следующий путь. Во-первых, мы должны сохранять единство Родов, образовавших наш народ. Без глубинного знания своих корней и истоков, без знания, почитания и передачи через поколения всей информации о наших родовых предках мы превратимся в "Иванов, не помнящих родства". Мы ведь не так просто стали единым народом. У каждого из нас были бесчисленные поколения наших предков, которые в лишениях и борьбе отстаивали свое право на эту святую землю и единство нашего народа. Это не мы, это они сделали нас едиными, и мы должны вечно помнить проделанный ими путь, который продолжаем сегодня мы. Род это самое святое, что есть у каждого из нас, это то наследство, тот опыт и традиции, которые сделали нас маленькими частицами той могучей многонациональной общности, которую мы сегодня называем советский народ. А для того, чтобы эта родовая связь каждого из нас была еще прочнее, мы должны ввести институт родовой ответственности. Конечно, он не будет жестким. Никто не станет карать весь род из-за одного отщепенца. Но прежде, чем это сделает государство судить человека должен именно его Род. Так же, как на весь Род должна распространяться слава героев, которых он вырастил для всей нашей страны. Мы дадим право Роду судить

людей по самым высшим законам. Закон чести. И Роды будут выносить до государственного суда свое решение. Объявлять ли человека изгоем, предавшим свой Род, и отказываться навсегда от него, либо полностью разделять с человеком ответственность за все им содеянное.

Но помимо своих Родов, давших жизнь каждому из нас, мы также должны помнить и о другом. О том, что на пути к нашему многонациональному единению наши предки, наши Роды прошли длинный путь. И на этом пути были промежуточные межродовые образования, которые мы сегодня называем национальностями. И мы также должны помнить об этом. О том, что все национальности, образовавшие сегодня великий советский народ, на протяжении многих веков творили и бережно сохраняли свою особую культуру и национальные традиции, которые сегодня становятся нашей общей культурой и традициями. И так же. Как наши предки, мы должны тщательно оберегать и сохранять это наследие. А потому на исторической малой родине каждого народа мы должны организовать национально-культурные центры-заповедники, задачей которых будет хранить это наследие предков в первозданной чистоте. Эти центры будут небольшими по площади, десятки, может быть сотни квадратных километров. Они не будут иметь особого политического или административного значения. Но они будут иметь колоссальное культурно-нравственное значение для всех нас. В них будут бережно сохраняться и передаваться следующим поколениям все традиции и культурное наследие всех, даже самых малых наших народов. А заботиться об этом будут особые группы хранителей традиций. Они не будут работать на заводах и стройках, не будут служить в армии и воевать, они не будут прокладывать дороги или совершенствовать сельскохозяйственное производство. Все это будем делать за них мы. И мы же будем заботиться об их благополучии. Потому, что они будут для всех нас заботиться о гораздо более важных вещах. Они станут нашей коллективной памятью, которую будет невозможно исказить в веках. Это особая и крайне важная миссия. Заниматься ей будут самые достойные представители всех народов Советского Союза. В эти центры-заповедники любой из нас всегда сможет приехать и прикоснуться либо к корням собственного народа или глубже и полнее понять другие народы, образовавшие наш единый советский народ. Эти заповедники станут туристическими центрами всесоюзного, а может быть и международного значения. Эти же центры станут хранилищем национальных языков. Единая страна должна разговаривать на одном языке. И этот язык наши народы определили. Это русский язык. Но это не означает, что любой из малых языков может подвергнуться забвению. Все языки самобытны. И все они наше общее богатство. Кто-то скажет, что это очень напоминает резервации для северо-американских индейцев. В какой-то мере это именно так. У нас в центрах также будут сохранены традиционные уклады жизни и методы ведения хозяйства, ремесла и народные промыслы. Но у нас не будет и никогда не может быть того, что произошло в США. У нас не будет неравноправия, каких-либо ущемлений или каких-то особых денежных привилегий. Это не отдельный статус граждан, это особая культурная миссия в интересах всего народа. Возможно, найдутся те, кто усомнится в целесообразности создания таких национально-культурных заповедников. Ведь архаичное сельское хозяйство или допотопная кузница никогда не сможет экономически конкурировать с передовыми производствами. Скорость жизни в таких поселениях всегда будет разительно отличаться от скорости, с которой живет вся страна. А древняя культура и искусство никогда не будут особо модными и востребованными большей частью народа. Все это так. Но массовые вкусы это еще не истина в последней инстанции. Экономическая

эффективность не является высшей ценностью. Мы должны понимать, что любое обобщение и усреднение, какими бы модными и популярными они не были, это лишь одно из возможных направлений движения. И само это направление проявилось лишь потому, что являлось одним из многих и вобрало в себя лучшее. Убери все остальные, и мы мгновенно станем похожими на флюгер, который без какой-то цели и смысла будет охотно крутиться туда, куда подул сегодняшней ветер. Отрыв от любых традиций всегда рано или поздно ведет к смерти. Дерево без корней не растет, какой бы высоты оно не достигло. И названные мной национально-культурные центры-заповедники как раз и будут теми самыми живительными корнями, которые никогда не дадут нашему дереву общенародной культуры засохнуть.

Наш народ проделал огромный путь в обсуждении вопроса нашего дальнейшего национального развития. Не все и не сразу поняли все правильно. Было много вопросов, почему нельзя сохранить в СССР все многонациональное разнообразие в неизменном виде. У нас есть ответы на эти вопросы. Как вы знаете, наша страна отстояла свою независимость и право на социалистический путь развития в жесткой борьбе. Мы пережили и ужас гражданской войны и внешней интервенции и последующих оппозиционных выступлений. Пережили, выжили и только окрепли. Но это не означает, что наша борьба закончена. Любые трещины в нашем единстве враг будет упорно искать с лупой в руках, находить и пытаться на них воздействовать с целью расколоть наш народ и вновь его поработить. Сохранение национальных различий это именно сохранение тех естественных трещин, которые даже не придется врагу искать. Мы сами оставим их на поверхности. А значит, это недопустимо. Есть и иная сторона вопроса. Когда-то Российская империя включила в себя в своем развитии множество различных народов. Далеко не всегда этот процесс был безболезненным. Но сегодня мир стремительно катится к укрупнению и усилению центров общемирового влияния. В этих условиях ни один народ не может, как в древности, рассчитывать на то, что его обойдут стороной и оставят в покое. Сегодня в мире не осталось мест для выживания слабых, но свободных. Естественная судьба всех малых народов либо стать часть более крупной и сильной общности, либо исчезнуть в бездне времен. Можно без преувеличения сказать, что всем нашим народам повезло. У нас нет метрополии и колоний, у нас нет главного и второстепенных народов. У нас все равны и все едины. Мы все вместе сбросили иго классовой эксплуатации и все вместе строим наше общее равное для всех будущее. А потому не место и не время вспоминать о прошлых противоречиях и обидах. Они в прошлом. Великая социалистическая революция стерла все эти проблемы с облика нашей страны. А потому, кто будет пытаться спекулировать на этих темах, тот враг. Но враг не кого-то конкретно из своих соседей. Враг всего нашего народа, потому что даже если он делает это по глупости, то этой глупостью мгновенно воспользуются совершенно иные сильные враги нашей страны. И отвечать за последствия придется уже всем нам. С полным напряжением всех сил. Помните об этом.

Именно такой путь дальнейшего национального предложила нашему народу партия. И именно этот путь был всенародно поддержан многочисленными обсуждениями по всей стране. Именно он будет зафиксирован в новой Советской Конституции.

Слава нашему великому многонациональному советскому народу.

И хотя фактически статья Сталина лишь четко отфиксировала все то, что прорабатывалось в течение нескольких месяцев по всей стране, она вызвала огромный общественный резонанс. В том числе и международный. Из Британии, Германии и Франции

неслись в основном гневные вопли про ликвидацию всех малых народов, про увековечивание тюрьмы различных национальностей. Не меньше воплей было и по поводу растворения русского народа в инородцах. Лишь в США, которые сами представляли из себя плавильный котел множества народов и даже рас, статья была воспринята нормально, со сдержанным оптимизмом.

Но как говорится, собака лает, а караван идет. Странно было бы от врагов, у которых из-под носа увели самое лакомое место, в которое можно ударить, чего-то иного. Советская история в новом варианте сделала еще один маленький шаг в сторону от того, что было известно мне. И хочется верить, что этот шаг был в совершенно правильном направлении.

### **Глава 33. Хранители Руси. Откровения волхва.**

Как и собирался Велимир появился на базе УЗОРа буквально через день после нашей первой встречи у Сталина. Когда в дверь моего домика раздался аккуратный стук, я почему-то сразу же понял, кого увижу. Предчувствие встречи было с самого утра, недаром я даже предупредил Иваненко, что если кто-то услышит в моем доме голоса, не стоит сразу же трубить всеобщую тревогу. Про то, что волхв сможет беспрепятственно и незаметно пройти на базу, у меня не было ни малейших сомнений. Особенно после того, как Сталин с юмором рассказал о своих впечатлениях от его первого появления у него в кабинете.

— Ну, здрав будь, Алексей! Пришел, как договорились. Свободен ли? — тихим, но необычайно глубоким голосом проговорил Велимир, заступая на порог.

— Свободен, ждал тебя проходи, будь гостем. Присаживайся вон туда.

Пару минут мы буквально во все глаза разглядывали друг друга, не произнося ни слова. Точнее во все глаза таращился именно я. Сколько я читал и думал про настоящих волхвов-хранителей Веры. Не зная, но лишь мечтая о том, чтобы они на самом деле сохранились во тьме веков. А Велимир, напротив, рассматривал меня как-то по-особому, с легким прищуром и не совсем глазами. Я даже в какой-то момент ощутил сгущение воздуха вокруг себя.

— Да, любопытное ты явление, Алексей. Сразу и не поймешь, кто таков или что такое. С первого взгляда, как будто простой морок, а присмотришься, так и не Навь на яву. Что-то совершенно иное, с чем до сих пор не сталкивался.

— А что ты видишь, Велимир?

— Нормальный человек видится как яйцо, вытянутое кверху. Замкнутое. В центре плотное тело, а по краям еле видимое. Ты же ядра вообще не имеешь, плывет оно. А вверх куда-то целый столб идет, так что даже я посмотреть не могу, куда он тянется. Прямо чудо дивное. Одно приятно, нечистью не пахнет, а то бы не знал, что и думать.

— Да нормальный я, только не целиком здесь. Тело мое в совершенно ином месте сейчас спит, и уже не знаю, какой по счету сон видит. Расскажу, сам все поймешь. А ты расскажешь, как вы, волхвы, сохранились? Ведь тысяча лет прошла, как Веру исконную убили в людях.

— То-то я смотрю, поводья вообще не просматриваются. Про хранителей расскажу, но не тысяча лет прошла, гораздо больше. Почти четыре тысячи. Крещение Руси это ведь было лишь последним шагом. Тогда уже всю язычество процветало. Забыли люди корни истинные, перестали Живой своей мир видеть во всем его единстве. Вот и попрятались каждый за своего Родового Бога — хранителя, как за Всевышнего. А потом и вообще его за Всевышнего посчитали. Оттого и пошел разлад между Родами. Кто Велеса чтит превыше

всех, кто Макошь, кто Перуна, а кто Дажьдбога выше всех поставил. И пошел брат на брата, свою мелкую родовую правду отстаивая. А когда в ближайшем родиче злейшего врага зришь, то и истинному врагу ворота сам открываешь. Вот так и довраждовались, пока греко-иудеи нам своего "нового бога" не подсунули. И ведь тоже не просто так все. Был Исус. На самом деле был. Истинным посланником Творца на Землю пришел. Это же наши хранители его роды в пустыне приветствовали. О том ты наверняка читал. Только не к нам послан был, а к тем, кто его потом распял, а учение хитрым образом переиначив, нам переправил. Да и хитрость применили великую. Ведь поначалу его служители хоть и ревновали, но в молитвах своих и наших Богов порой почитали, праздники все наши взяли, лишь имена на свой лад греческий перекроив. Но и тогда столько крови пролилось, что даже сейчас вспомнить страшно.

— Ну а вы, хранители, что же попустили, если Истину ведаете?

— Не просто так все произошло, все в мире по промыслу Всевышнего происходит. Время такое наступило. Боги по большей части ушли на время. Отстранились от дел земных. Так должно. Мир закрыли. Лишь Велес один остался присматривать. Но и его роль поменялась. О том после поговорим. А сейчас расскажи мне свою историю.

Я рассказывал долго. Велимира интересовало все. И история моего появления в этом мире, и я сам, и тот мир, что я оставил и куда рассчитывал вернуться. По его отдельным репликам, усмешкам и качанию головой я понял, что далеко не все из того, что я говорил, он воспринимал за чистую монету. На мой вопрос по этому поводу он не стал отпираться и прямо заявил: — То, что ты не врешь, не лукавишь и говоришь то, что думаешь, я вижу. Но твое видение или представление о реальности еще не есть сама реальность. Вот скажи, например, как ты думаешь, с кем именно ты общался? — Он ткнул пальцем вверх.

— Точно не знаю, они ведь не представлялись. Первый так вообще ничего про себя не сказал толком, а второй явился в образе литературного героя моего любимого писателя. Я так понял, чтобы я его ни с кем не спутал.

— Дьявола имеешь в виду? Допустим, а кто такой этот Дьявол? И кто такой тогда второй, которого он называл "братом"?

— Ну да, Дьявол, точнее темная инфернальная сторона единой СилыЮ присматривающей за миром. А второй соответственно — светлая сторона. Любовь, как я ее называю.

— Однако, ты меня удивил, Лексей. Не думал я, что в сей век полярных дуализмов кто-то в противоположностях подлинное единство увидеть может.

— Так я и не из этого времени. А в моем то ли границы мира истончились, то ли пришло время Правде наружу прорываться. Да и намеков в виде символов нам предки много оставили. Взять тот же восточный знак Инь-Янь. Много разного всплыло, я интересовался, вот и нахватался по верхам. А что Живой принял, то и своим посчитал.

— Все ты верно понял. Те, кто с тобой в разных видах общался, одна единая сущность и есть. Велес то шалит или цель какую имеет. Мне то разуместь не дано. В наше время он в двух ипостасях проявляется, но все больше в темной. Ведь что такое дьявол? Сотворенная Быком-Велесом для физического, нижнего мира Я-сущность. Его инфернальная половина и есть. Он ведь творец всего живого на Земле. Но жизнь есть бесконечная череда созиданий и разрушений в процессе развития от простого к сложному. В этом процессе одно от другого неотделимо. Нет Света истинного без не менее истинной Тьмы. Но если ты понимаешь это, то должен понимать и другое. Угроза, которой тебя сюда заманили, существует не для мира.



Он вечен и всегда сбалансирован. Угроза есть только для твоей цивилизации. Вот она может погибнуть, чтобы дать начало следующей. А расскажи-ка мне, каково в твоем времени вообще представление о Мироздании.

— Разные представления существуют. Могу о своем рассказать.

Мой рассказ, наверное, показался волхву, живущему не первую сотню лет без отрыва от живой передачи истинного Знания о мире, детским лепетом. Но слушал он меня вполне доброжелательно и даже иногда удивленно вскидывал брови. Когда я закончил, он не сразу начал говорить.

— Да, порадовал ты меня. Видеть не видишь, но Правду чувствуешь. Тебя бы поучить Живой на мир напрямую смотреть, да не властен я над тобой. Нет тебя здесь. Душа твоя главным образом в твоём мире осталась, а здесь лишь ее слепок, да разум твой живут. Даже энергия жизни у тебя не своя, а данная тебе свыше. Но теперь я понимаю, почему именно ты Велесу подошел и почему он в обоих половинках тебе явился. Есть у тебя одно неоспоримое достоинство. Чутье, объемное представление о мире и понимание малости своего знания. Не будь чего-то одного, таких дров наколотить бы мог, а так всего в меру. И путь более или менее видишь и сомнений, чтобы напролом не ломиться достаточно. Когда, ты говоришь, здесь объявился? Прошлой весной? Ну да. Именно тогда мы что-то почувствовали. Какие-то изменения в мире начались понемногу. Но причину понять не смогли. Чували лишь, как будто свежим ветерком пахнуло. А это оказывается ты. Отрадно. Еще более отрадно, что Велес воссоединился. Такое только окончание эпохи означать может. Ведь в твоём мире еще почти сто лет такого не наблюдалось. Да и наш круг еще столетие тьмы провидел. Но с твоим приходом или точнее посылкой к нам Творец дает понять, что все начинает меняться прямо сейчас. Теперь и мы кое-что сделать сможем. Ты — нам знак, что время тьмы на исходе.

— А раньше почему не могли? Ты ведь так толком и не рассказал, почему тогда веру спасти не смогли.

— Раньше? Понимаешь, мы ведь все наперед ведали. Боги на смене эпох все донесли, все поведали. Не совсем в деталях, но все существенное указали. И про кровь большую и про Тьму поведали. Так заповедано Всевышним. Раньше, тысяч так пять лет назад, совсем другой мир был. Человек любой, если Живой чист был, с Богами, вот как мы с тобой сейчас, общаться мог. Про мир не верили, но ведали. Кривда власти вообще не имела. Одна Правда царила. Любой ее сразу чувал. Общались люди в основном без слов. Мысль куда быстрее, да и расстояния для нее не существуют. Но человек в то время мог мыслить лишь конкретными образами. А для дальнейшего развития этого было мало. Необходимо было научиться мыслить общими понятиями, обобщать образы, вычленяя главное и одинаковое. Ты бы назвал это абстрактным мышлением. А потому подошло время отрезать человека от мира. Так ребенок, повзрослев, выходит из-под опеки родителей и начинает жить своим разумением. То, что мы устроили со своей жизнью, также было predetermined. В древности было два мощных центра цивилизации. Атлантида и Арктида, которую атланты называли Гипербореей. Две цивилизации, два мировоззрения, две школы магии, на которой тогда держалась все и вся. Число два вообще очень важно. Центр, ядро чего-либо приобретает потенциал развития лишь тогда, когда разделяется на два противоположных полюса. А развитие возможно только в динамическом взаимодействии этих полюсов, направленное на достижение внешних и общих целей. Долгое время все именно так и обстояло. Достижения тех цивилизаций были настолько огромны, что сегодня это даже

невозможно себе представить. К звездам летали, другие миры видели. К сожалению, с закрытием мира количество магической энергии стало падать по экспоненте. Начались трудности. Атлантида не смогла избежать соблазна решить свои проблемы за счет Арктиды. Разразилась страшная война, в результате которой Атлантида погибла полностью, лишь кое-где сохранились поселения быстро дичающих людей. Арктида также не избежала коллапса. Как и центральный остров Атлантов Северная страна погрузилась в пучину моря. Но основа цивилизации сохранилась, хотя она больше не была магической. Общая территория Арктиды пострадала гораздо меньше. Однако, некогда единое пространство разделилось на множество родовых владений. И если первые поколения еще сохраняли относительную полноту знаний о мире, то со временем эти знания частично умирали, искажались.

Еще когда Боги вещали нам обо всем предстоящем, волхвам было повелено сформировать из самых сильных магов тайное общество хранителей Веры. Им были переданы все истинные знания о Мироздании и грядущем. Но им же было запрещено вмешиваться в события до тех пор, пока эпоха не изменится и Боги не вернуться на Землю. Исключением из этого правила являлось только угроза ликвидации священного духовного пространства Арктического наследия. Вы называете его русским духовным пространством. В случае таковой угрозы мы вмешивались, так было несколько раз за последние три тысячи лет. Но и тогда мы не являлись земным правителям напрямую, а действовали тайно, используя данные нам силы. Проявиться мы могли лишь по прямому и недвусмысленному призыву вождей. Но они очень быстро вообще забыли о нашем существовании. Особенно после христианизации Руси. Прочие народы арктического наследия забыли корни еще раньше. Лишь Индия сохранила многие знания о природе вещей. Но и там для предотвращения уничтожения Истины, ее облекли в сказочную фольклорную форму, сохранив лишь оболочку, но глубоко спрятав сакральные смыслы. До них невозможно добраться самому. Почти невозможно, кроме как по воле Велеса. Избранным он иногда дарит прозрение. Отсюда и столько духовных учителей в этой стране. Хотя далеко не все из них видящие Истину. Пути богов неисповедимы. Каждому они дают что-то свое, следуя своим целям и смыслам, нам неизвестным.

Но вернемся к истории. Участвовать в земных делах могли лишь простые волхвы. Но они вместе с народом быстро теряли сакральные знания. Ни один внук не был способен сравниться по силе со своим дедом.

А хранители исчезли. Изредка, провидев рождение особо светлой и чистой Живы, появлялись они в миру и с согласия родичей забирали ребенка в ученики. Мы долго живем, а количество Хранителей практически постоянно. Потому случалось такое не чаще, чем раз в столетие. Сейчас все начнет меняться. Вот и твоих детишек посмотрю внимательно. Уж больно шустрые там у тебя есть.

Среди уцелевших потомков Атлантов также сохранились жрецы древней магической науки. Наиболее сильная школа выжила в Эфиопии, откуда затем распространила свое влияние сначала на Египет, а потом и на все Средиземноморье. С тех пор и длится эта метафизическая война. Я не хочу оправдать потомков атлантов, их предки напали первыми, за что и пострадали. Но я могу их понять. Раз за разом они точат зуб на Русь и хотят поквитаться за старое. Но Русь стояла, стоит и будет стоять. А теперь и время нашего затворничества к концу подошло. Теперь им вообще ничего не светит.

— Скажи, Велимир. Получается, что иудеи с их Торой и Кабалой являются жреческим кланом именно атлантов?

— Да, хотя жрецами из них являются немногие. Остальные это скорее агенты влияния, сознание которых запрограммировано определенным образом.

— Но тогда получается, планы по привлечению евреев к строительству сильного и непротиворечивого СССР, как наследника именно арктической Традиции, обречены?

— Совершенно не обязательно. Все будет зависеть от них самих. Здесь следует разделять понятие евреев, как народность, имеющая в отличие от остальных не кровное, а религиозное происхождение, и раввинат, как жреческий отряд этой народности и наследников атлантической традиции. Что касается первого, то вообще не вижу никаких особых препятствий. Если их отрезать от иудаизма, то в течение всего пары-тройки поколений они вернутся к своему исходному состоянию, разморочатся и станут, как все. А вот со жречеством все не так просто. Все будет зависеть от их выбора. Вот ты упомянул знак "инь-янь". Попробуй взглянуть на него глубже. Разве там отражено лишь противоборство двух независимых начал? Нет. Там внутри каждого из них есть зерно противоположного энергетического содержания. И это совершенно не случайно. Устойчивое плодотворное взаимодействие двух полюсов не может быть только внешним. Необходимо и взаимное внутреннее проникновение. Так что, если получится, то более идеальной кандидатуры на роль чужеродного зерна у нас, чем евреи, просто не найти. Но для этого их жрецы должны сделать правильный выбор. Быть со своим народом у нас, а не отдать предпочтение жреческому единству. И вместе с этим согласиться именно на отведенную им роль. Ты, думаешь, я почему на встречу с ними напросился? Защиту Князю я бы и так навесил, да он и сам далеко не слаб. А вот мозги им в правильном направлении повернуть, только я и смогу. Сталин сам до конца не ведает того, что нужно.

— Но тогда и наше зерно у атлантов необходимо.

— Да, именно так. И нам еще предстоит решить, каким именно ему быть и на какой основе состояться. Дело в том, что изменения стали происходить с такой скоростью, что мы просто оказались к ним не готовы. Мы не могли провидеть такого. Но уверен, решение найдется.

А теперь давай посмотрим на твоих питомцев. Откуда вы вообще их набрали?

По дороге в интернат к детям я рассказал Велимиру о задумках со специальными детскими домами для создания будущего тайного ордена защитников страны и о тех экспериментах, которые я стал проводить с ними по части управления сновидениями. А заодно и нагрузил волхва задачей по их дальнейшему обучению. Мои собственные навыки уже были практически исчерпаны, больше мне нечего было им дать. А среди детей было некоторое количество тех, кто уже сегодня мог намного больше. Велимир усмехнулся. — Витязей, значит, готовить начал? Что ж поможем решить эту проблему. Учителей-ведунов я пришлю, да и настоящих витязей тоже. Пусть сразу полную школу проходят. Но если кто не подойдет, не обессудь.

## **Глава 34.**

### **Стратегические договоренности и тяжелые раздумья.**

Конец 36-го года выдался у Сталина напряженным. Сначала состоялись перед отъездом Рокфеллера-младшего в США окончательные переговоры с этим наследником крупнейшего американского клана. Несколько дней, которые Джон изначально попросил на принятие решения, превратились в более, чем два месяца. Сначала он не рискнул доверить информацию телеграфу и предпочел отправить информацию отцу по дипломатическим каналам. Затем сам в ожидании ответа попросил через МИД разрешения поехать по стране

и посетить несколько строящихся и уже действующих заводов, на которых использовалось оборудование из США и работали по контрактам американские рабочие и инженеры. Сопровождали его в поездке сотрудники Наркомата Орджоникидзе, не считая, разумеется, обязательной охраны. Военные заводы Рокфеллеру, конечно, никто не показывал, но и увиденное произвело на него огромное впечатление. Даже понимая за цифрами контрактов и спискам оборудования масштабы советской индустриализации, он был поражен гигантскими стройками, многочисленными заводами и фабриками. Еще больше его поразило то, что одновременно с производствами сразу же проектировались и строились объекты социальной инфраструктуры, столовые, рабочие клубы, общежития, подсобные хозяйства. Во всем этом чувствовался не только размах, но и серьезное комплексное планирование. — Нет, это не на пару лет, подумал он про себя, — так обустроятся на века. Впервые он понял, насколько в Америке слабо представляют себе происходящее в этой огромной стране. Энергия буквально звенела в воздухе. Даже американцы, с которыми он говорил, отмечали, что в России ничуть не меньше, чем в США, даже больше, созидательного Духа. Им буквально пропитано все. Так когда-то было в Америке до Великой Депрессии. Но в отличие от США это был не предпринимательский дух, замешанный на деньгах и индивидуализме. Здесь это принимало коллективные формы чистого общественного созидания во имя будущего, а личные потребности добровольно ограничивались самым необходимым. Американцам, приехавшим по контрактам в СССР, видеть это было странно и удивительно. Но, хотя им все полагающееся выплачивалось регулярно, а условия проживания вполне соответствовали заявленному при подписании контракта, многие из них уже тоже стали заражаться этой "коммунистической заразой", как про себя подумал Рокфеллер. А некоторые даже задумывались о том, чтобы остаться здесь навсегда. Посетил Рокфеллер и Бакинские промыслы, где их компания владела концессиями. Местный управляющий семьи подробно рассказал о том, как идет бизнес, как развиваются отношения с властями. На вопрос о потенциале возможного расширения концессий он отнесся с таким восторгом и так красочно начал расписывать перспективы, что Джон даже задумался, не имеет ли он дело с перекупленным агентом красных.

В целом все, что увидел Рокфеллер в своей поездке по стране, оставило у него очень двойственное впечатление. Русские развивались колоссальными. Непредставимыми темпами. Уже сегодня их суммарный потенциал представлялся ему существенно выше, чем его оценивали аналитики компании в Нью-Йорке. А каким он может стать после осуществления всех запрошенных поставок было даже трудно себе представить. И это в тот момент, когда его собственная страна едва начала выбираться из глубокой депрессии, парализовавшей экономику на несколько долгих лет. Если все и далее пойдет такими темпами, то русских мы рискуем просто не догнать. Нам кровь из носу требуется война, которая позволит быстро вдохнуть новую жизнь в промышленность. И война будет. Вопрос только в том, на какой стороне нам выгоднее всего оказаться. И здесь шансы русских кажутся куда предпочтительнее. Во-первых, Сталин сделал поистине царское предложение, благодаря которому даже война стала чуть менее актуальной. Во-вторых, дружба с Советами дает их семье шанс стать их главным, если не единственным партнером на Западе и забрать себе все золото, которое они столь щедро разбрасывают в последнее время на закупки оборудования. Если же выбрать Гитлера, то даже в случае его победы и разгрома Советов, нам придется толкаться в очереди из многих желающих отхватить себе кусочек трупа этого гиганта. И не факт, что их позиции окажутся приоритетными. Эту тему Ротшильды оседлали

уже гораздо плотнее. Да, есть в этом выборе и свои минусы. Сталин усиливается, уже сегодня он может себе позволить серьезное изменение тех условий сотрудничества, которые отец навязал ему в 20-х. Но это, к сожалению, уже факт, с которым приходится смириться. А вот с их дальнейшей помощью он усилится еще больше. Что будет, если он легко разгромит немцев и завоюет Европу? Не захочет ли он потом перекинуться и за океан? С другой стороны, ментальность русских все же не такая, как у англичан. Сто лет назад их дикие казаки уже прокатились горячей волной по Франции, загадили и перетрахали пол-Парижа. Но ведь потом убралась же восвосяи, оставив в нем столько русского золота, что это оказалось более, чем достойной компенсацией за кратковременное национальное унижение лягушатников. Сталин, конечно, не Александр, но народ ведь тот же. Да и осваивать Европу, даже если решат остаться, они будут долго. Успеем принять любые меры. Так что решено. Если отец не станет категорически противиться выбор надо делать в пользу русских. Окончательно в своем решении Рокфеллер утвердился уже в Москве, где его ждало уже письмо Главы клана, пришедшего даже без непосредственного созерцания русских просторов к тем же выводам. А уж после того, как Рокфеллеру-младшему показали россыпи технических алмазов, готовых к поставке, и выдали их технические характеристики, он вообще не мог дожидаться, когда Сталин будет готов его снова принять. А Сталин, как опытный психолог, взял небольшую паузу.

Когда же встреча все же наконец состоялась, то при всем своем переговорном опыте и жесткости Рокфеллер просто вынужден оказался пойти на некоторые уступки, о которых не шла речь на первой встрече. Они просто на фоне всего показались ему несущественными. На это и был расчет. В результате подписанных секретных Протоколов о стратегическом сотрудничестве высокие договаривающиеся стороны пришли к следующему:

Рокфеллеры вдвое увеличивали свою концессию на Каспии.

Они принимали на себя обязательства поставить все затребованное оборудование в течение года и обеспечить его шеф-монтаж с помощью американских инженеров и техников. Также при каждом заводе сроком на год оставались специалисты, способные обучить русских рабочих квалифицированно и с максимальной эффективностью это оборудование использовать. Сталину удалось даже протолкнуть поставку двух комплексных заводов по производству тетраэтилсвинца для повышения качества производимого бензина, а также завода по производству портативных радиостанций.

В обмен Рокфеллеры сроком на десять лет с правом пролонгации при обоюдном согласии сторон становились приоритетными партнерами СССР по всем международным импортным операциям. Это означало, что при всех равных условиях контракт подписывался именно с ними. Исключение было сделано только для военной техники.

Также Рокфеллеры становились монопольными партнерами СССР по поставке на мировой рынок технических алмазов. Но в этом вопросе удалось договориться о том, что импорт из СССР будет осуществлять совместная советско-американская компания, которая сама же и будет превращать сырье в готовые технологические продукты — алмазные резцы, сверла и многое другое. В этом вопросе Рокфеллер поупирался, но довольно быстро плюнул и согласился.

Внешние экспортные поставки нефти и нефтепродуктов СССР также должен был осуществлять через Стандарт Ойл. Впрочем, это не касалось главного потребителя советской нефти — Германии, с которой уже был подписан долгосрочный контракт. Как не касалось и немецких поставок оборудования в счет оплаты нефтяного экспорта.

Кроме этого СССР с помощью Рокфеллеров получал право на приобретение территории США двух банков, по одному на востоке и западе страны, а также на создание инвестиционного фонда, который мог приобретать акции различных американских компаний за исключением оборонного сектора экономики.

Но самое важное было, конечно, не в экономике, а в политической области. Отдельный секретный протокол предусматривал союз в военно-политической сфере. Он не означал, что СССР и США должны были бросаться на военную помощь друг другу. Ни Сталин, ни тем более Рокфеллер на себя такие оковы вешать не торопились. Но дружественный нейтралитет и помощь невоенного характера был оговоренным минимумом. К этому добавлялись и взаимный информационный обмен по наиболее важным вопросам международной повестки дня.

Документы были подписаны лично Сталиным и Рокфеллером. Они не носили официального характера из разряда тех, что попадают в прессу и становятся достоянием общественности. Но подпись Сталина сама по себе гарантировала позицию СССР по всем вопросам, а Рокфеллер-младший с полным пониманием приложил к своей оформленную по всем правилам доверенность отца, присланную вместе с его письмом дипломатической почтой.

Почти одновременно с Рокфеллером заявили о готовности к диалогу и иудейские раввины. Здесь тоже разрыв между первой и второй встречами вышел гораздо больше, чем планировалось изначально. Сначала Леви Ицхак Шнеерсон, выехавший на встречу с сыном в Варшаву не обнаружил его в Польше. Седьмой любавичский ребе уехал во Францию и в ближайшее время назад его не ждали. Пришлось престарелому раввину последовать на его поиски в Париж. Затем Менахем-Мендель Шнеерсон долго сомневался в целесообразности своего возвращения в Россию, которую ему спешно не так давно пришлось покинуть, подозревая ловушку. Однако, отец и собственное понимание огромной ответственности за судьбу всех советских евреев, нежданно-негаданно свалившейся на его плечи, заставили его в конце концов принять непростое решение. Важность предложенных Сталиным вопросов была настолько высока, что ребе готов был пожертвовать собой, но попытаться кардинально изменить судьбу своего народа в СССР. К тому же он сам, родившийся и выросший в России во многом впитал в себя и ее просторы и уклады. Европа на этом фоне казалась ему маленькой, тесной и провинциальной.

Перед самым отъездом из Франции раввинов застало известие о том, что в СССР официально объявлено о свободе традиционных видов вероисповедания. Евреи, проживавшие на территории России не одну сотню лет, вполне могли рассчитывать, что иудаизм будет по праву признан одной из таких Традиций, а потому встретили это известие с большим энтузиазмом, посчитав его важным и хорошим знаком. Но уже на въезде на территорию СССР ребе получил сообщение о начале всесоюзного обсуждения национального вопроса. Причем, направляемый ход этой дискуссии однозначно указывал на стремление Советов если не ликвидировать понятие национальности в принципе, то явно стереть любые существенные отличия между населяемыми страну народами. Это сообщение в отличие от первого вызвало у раввинов настоящий шок. Неужели они опоздали, неужели опять их многострадальному народу придется бежать, теперь уже из России? Искать новое пристанище? Кто сейчас вообще может оказаться принять у себя несколько миллионов беженцев, да еще со столь неоднозначной репутацией. Европа исключена, вероятность того, что Гитлер рано или поздно приберет ее всю к рукам, была крайне высока. А его отношение

к евреям было куда хуже, чем у Сталина. Америка? Теоретически это вариант, но лишь теоретически. Там сейчас у самой сложное положение с работой. Страна только-только начала выкарабкиваться из депрессии. Приезд такого числа беженцев однозначно не будет воспринят с радостью. Даже среди своего народа. Что же говорить про остальных американцев. Нет, пока есть такая возможность, надо продолжать путь. Надо во что бы то ни стало убедить Сталина отказаться от реформы, сохранить народ, сохранить его в России. И для этого ребе Шнеерсон был готов пожертвовать многим. Многим, но не всем. Всю дорогу до Москвы он готовил себя к нелегкому разговору со Сталиным, искал варианты решения проблемы и аргументы в пользу евреев. То, что рассказал ему отец про свое посещение Кремля произвело на ребе огромное впечатление. Сталин, как оказалось, осознавал проблему настолько глубоко, что простого поверхностного ее решения быть не могло. Ребе зная свой народ и его традиции и особенности. Ничуть не хуже он знал Тору и Каббалу с их специфическими заветами и целями. Если хотя бы часть этого знает Сталин, а судя по всему он знает, то придти к согласию будет очень нелегко. Но пытаться надо.

В Москве ребе поселился на квартире у московского раввина Медалье, которого прекрасно знал, и стал готовиться к встрече со Сталиным, параллельно отслеживая ход обсуждения темы национального единения. После того, как итог дискуссии был подведен Сталиным в статье, ребе окончательно помрачнел. Он уже понял, что зазыв его в СССР не был ловушкой. Периодически он и его окружение чувствовали на себе легкое внимание сотрудников НКВД, но оно было подчеркнуто нейтральным. Так что с этой стороны непосредственной опасности пока не виделось. А вот поиск решения существенно затруднился. Самое страшное, что ни сам ребе, ни кто-либо иной из уважаемых раввинов, собравшихся в Москву для обсуждения этого важнейшего вопроса, не могли выработать ни одной приемлемой линии поведения со Сталиным. Показанная им на первой встрече удивительная глубина владения вопросом практически не оставляла шансов на то, что его удастся просто обмануть и заморочить. В этом вопросе не могла помочь даже кабалистическая магия, которой ребе владел на очень высоком уровне. Пару раз он мысленно и очень осторожно тянулся к Сталину, но чувствовал вокруг него странную "стену". Ребе не знал, смог бы он пробиться через преграду, если бы использовал все имеющиеся у него силы и возможности. Но рисковать, не будучи уверенным в успехе, он не хотел. Он даже не притронулся мыслью к этой "стене", чтобы никого не насторожить.

Приходилось обходиться обычными методами словесных кружев, в которые можно было бы тонко вплести требуемые установки для достижения желаемого эффекта. Позже на встрече он. Безусловно, будет готов к использованию по возможности всего своего, в том числе и магического арсенала, но это потом.

А сейчас надо было попробовать иной способ разрешения проблемы. Сталин уже показал намеками, что в курсе долгосрочных замыслов еврейского народа. И мягко дал понять, что такое развитие ситуации его не устраивает, и что он готов воспрепятствовать ему всеми имеющимися у него средствами. Но при этом опять же дал понять, что готов к обсуждению разумного компромисса, если его положение "сверху" не будет подвергаться сомнению. При этом надежды, что под собой он имел в виду именно себя лично, не было никакой. Сталина вообще вопросы личной власти пери всей его жесткости в ее отстаивании волновали лишь как инструмент проводимой им политики. А, значит, компромисс возможен лишь в рамках его собственного стратегического плана. Фактически он дал понять, что если в этих его планах евреям найдется какое-нибудь дело и место, то он ничего против иметь не

будет. Но сам план он не озвучил.

Вот из всего этого и надо было исходить. На одной чаше весов народ численностью в несколько миллионов человек, и который одним неосторожным высказыванием можно бросить в пучину бед и несчастий, с другой, цели, записанные в Торе и Каббале. Ребе реально чувствовал себя раздираемым на части. С одной стороны, он с детства знал, что будущее его народа неотделимо от полной приверженности Учению, без которого народа не может быть, без которого народ просто исчезнет и растворится во множестве других. Лишь жесткое соблюдение множества дисциплинирующих и объединяющих канонов дают евреям шансы на выживание. Отсутствие собственного жизненного пространства великолепный стимул для этого. То есть, казалось бы, надо выбирать Закон? Но, с другой стороны, Закон служит на благо народа. И если слепое ему следование народу повредит, то не следует ли в этом случае выбрать народ? "Ведь суббота для человека, а не человек для субботы" — пришла ему на ум старая еврейская поговорка. Что же делать?

Если удастся обмануть Сталина, то замечательно. А если нет? Если после принятых решений народ навечно попадет в новое "рабство египетское"?

Что такого можно было бы выпросить или вытребовать у Сталина в обмен на долгосрочную стратегическую лояльность? Ведь совершенно очевидно, что ему нужно именно это. Ну и еще знаменитые еврейские мозги. При этом отдавать власть или даже ей делиться он не станет. Так что же взамен, чтобы это оправдало хотя бы частичный отказ от Целей? Землю? Но земля это палка о двух концах. Конечно, создание некоей культурной автономии приличного размера было бы неплохо, но ведь сила евреев всегда была именно в ее отсутствии. Именно это заставляло их держаться вместе одной общиной и помогать друг другу. Попав в среду одних евреев, они сразу же от единства перейдут к спорам, ссорам и дразгам. Причем, очень жестоким и длительным. Ведь "селектирование породы" на протяжении сотни поколений было у всех одинаковым. Нет. Это не выход. По крайней мере, выход лишь частичный. Эту "резервацию" просить надо обязательно, но селить в нее надо лишь малую часть народа. Пусть это будет "тыловой базой". А что делать с остальными? А остальным надо максимально раствориться в общей массе. Стать незаметными. Но при этом сохранить Веру и соблюдать канон. А это никак невозможно. Невозможно и отпустить всех в "свободное плавание". Через двадцать, максимум, пятьдесят лет без крайней нужды они даже не вспомнят о своих еврейских корнях.

Сохранить народ можно только открыто, через синагоги и постоянный контроль со стороны раввинов.

Попробуем зайти с другой стороны. Что может быть нужно Сталину? Контроль над страной, а дальше? Контроль над миром? Сейчас все говорят о приближении Большой войны. Если он будет, что крайне вероятно, с немцами, то из двух зол евреям выбирать нечего, за них уже все решил Гитлер. Так что здесь мы союзники даже поневоле. Если Гитлер победит, то так или иначе придется драпать. Но бегство даже в Америку не гарантия спокойной жизни. Захватив Союз, Гитлер усилится настолько, что никакое золото Англии или танки Америки его не удержат. Следовательно, мы на стороне Сталина до конца. До победы. А что после победы? С большой вероятностью Сталин займет или всю, или большую часть Европы. И это будет для него лишь одной ступенькой к мировому господству. Значит, все-таки власть над миром. А ведь это ничем не отличается от планов его собственного народа. Так почему бы не воспользоваться ситуацией и за могучей спиной



союзника не проплыть к своей Главной Цели в тишине и покое? Конечно, это условно, потрудиться придется очень немало, чтобы тебя не оттерли, и дойти до финала как партнер, а не слуга. Потом, в финале, можно будет разобраться и с главной проблемой. Но это уже тактическая задача, в решении которой евреям нет равных. Ребе обрадовался. Он нашел способ примирить интересы народа и Закона. Детали уже можно продумывать коллективно.

## Глава 35.

### "Красный" раввинат.

— Велимир?

— Слышу тебя, Князь.

— Раввины наконец до чего-то договорились, на встречу просят. Мы предполагаем принять их послезавтра в 15 часов. Будешь?

— Буду обязательно, Князь.

— Тогда тебе стоит подойти на час раньше, хотелось бы задать тебе несколько вопросов.

— Буду.\*\*\*\*\*

В оговоренный день в два часа дня Велимир был в приемной у Поскребышева. С того первого раза, увидев в глазах Сталина неудовольствие по поводу своего незаметного появления, Велимир решил держаться как нормальный человек. Даже пропуск себе в Кремль справил. А что, он теперь, можно сказать, официальный представитель хранителей Ведического Православия, постепенно выходящего из подполья. Круг владык решил, что раз он на первый контакт с властью ходил, вот пусть теперь и дальше за все отдувается, занимаясь налаживанием отношений с государством. Теперь каждому куча дел нашлась, на разрыв. Надо было постепенно восстанавливать Общины, набирать учеников. Хорошо Алексей со своими детскими специнтернатами подвернулся. А то ведь народ даже в глубинке пора косился осторожным глазом. И чего удивляться? Ни один даже самый старый дед ни одного волхва живого в жизни не видел. И ни отец его, ни дед про такое не рассказывали. Эх, все же слишком много времени прошло. Успела Церковь на русской земле закрепиться. Но ничего, время для волхвов не имело значения. Они провидели, как будет дальше. И не торопились. Все от естества идти должно, родовая память, пробудившись, сама все подскажет. А потому никого к себе не заманивали, но и пришедших даже любопытствовать не гнали. Редкие общины, разбросанные по самым медвежьим уголкам огромной страны, пока лишь обустроивались и привыкали жить, не таясь. Главное было в другом. Велимир не стал говорить о том Алексею, но контакт между "половинками" Велеса, проявившийся в случае с ним, означал одно. Древний могучий Бог восстанавливал свою полноту. Это был явный признак того, что его земная вахта подошла к концу. Перемены грядут. Уже очень скоро стоит ожидать проявления других Богов Рода Божьего. Со Сварогом-батюшкой во главе. Великая Ночь кончилась. Они выстояли. Но если потребуется, выстоят еще. Теперь уже нет никаких сомнений. Удалось сберечь главное — Веру и Знания. Не сгнули во тьме веков.

Да и Князь нынешний настоящий. Не слабак. Такой страну в обиду не даст. Жесток только без меры, но так и время такое. Станешь разговоры разговаривать, враз без головы останешься. Сколько веков в народе внутреннюю вражду выращивали. Без крови и насилия за короткое время не соберешь. А разобщенность, она ведь как червяк, изнутри дерево точит. Вовремя не заметишь, глядь, а внешне могучий дуб изнутри уже одна труха.

Вот еще бы успеть витязей достойных подготовить. Материал есть и много его. Сильные

светлые ребята. Далеко пойдут, если направлять и учить. Ну Всевышний попустит, выдюжим. А пока надо ко встрече подготовиться. Иудейские жрецы не слабый противник. А сегодня, Велимир чувствовал, будет один из сильнейших. Такой ни одной ошибки не простит. Ну да на своей земле стоим. Справимся.

Сталин не стал долго держать Велимира в приемной. Не прошло и десяти минут, как из кабинета вышел Артузов, окинул удивленным взглядом фигуру волхва, но ничего не сказав, вышел из приемной. И сразу же Поскребышев предложил Велимиру пройти в кабинет.

— Здравствуй, волхв Велимир! — Сталин постепенно освоился с манерой общения волхва, хотя она резко отличалась от всего, к чему он привык. Но прямая и грубоватая манера волхва и даже его привычка величать его Князь Сталину, чего греха таить, нравились. Он вообще любил сильных и честных людей, принимая их сразу и целиком. Правда, только в тех случаях, когда они не могли составить ему конкуренцию и претендовать на его место. Волхв явно был не из этого числа. А потому Сталин, чего с ним почти не бывало, сам тоже начал именовать волхва "на ты".

— Здрав будь и ты, Князь, — степенно ответил Велимир, усаживаясь по жесту Сталина к столу.

— Хотел, пока время есть, с тобой посоветоваться по другому вопросу. А потом и к раввинам перейдем. Нас очень беспокоит Гитлер с его увлеченностью оккультными науками. Разведка сейчас докладывала, что Гитлер проявляет очень большую активность в мистической области. Послал несколько экспедиций на Тибет, откуда какой-то к нему странный народец понаехал. Орден мистический создал, а теперь еще и с англичанами контакты его специалистами оккультных наук установлены. Насколько это серьезно и опасно для нас? Ты, как нам представляется, должен разбираться в этих вопросах? Вот, взгляни на документы.

Велимир бегло проглядел аналитические записки и задумался. Конечно, какой-либо конкретики по этому вопросу он не знал, но какое-то шевеление Нави в районе Европы и в Гималаях они чувствовали уже давно.

— Смотря как воспринимать, Князь. Сама по себе попытка, основываясь на древнескандинавской мифологии, докопаться до корней и серьезной магии особой угрозы не представляет. Не было там уже основ, а без них по большей части фокусничество получится. Англичане это совсем иная магическая школа, атлантическая. Они с нашей арктической магией между собой плохо сочетаются. Скорее глушат друг друга. Так что и здесь опасности непосредственной не вижу. Да и вряд ли саксы что-либо серьезное от себя отдадут. Не тот народец. Забрать, это они запросто, еще и с рукою вместе, если зевнешь, а чтобы отдать, нет. Не приучены делиться честно. А вот Тибет посерьезнее будет. На Тибете множество старых школ есть. Там такие места, что еще войну Арктиды с Атлантидой помнят. И знание в поколениях передается.

Сталин кивнул. Про историю человечества в изложении волхва он был уже в курсе. Алексей буквально на следующий день все рассказал.

— А еще там особая священная гора есть. Местные ее Кайлас называют. Как считают индусы, именно на ней находится резиденция Шивы-Велеса, откуда он взирает на мир.

— А на самом деле?

— На самом деле Велес ни на какой горе, разумеется, не сидит. Но несколько тысячелетий назад Земная ось повернулась. Раньше эта гора находилась прямо на северном полюсе, и ее вершина была устремлена строго на Полярную звезду, Тару. Наши предки

называли эту гору Меру и считали священной. В ней действительно осталось много магической энергии. Ведь ей поклонялись бесчисленные поколения наших предков, причем, во времена именно магической цивилизации, когда любая четкая мысль была настолько сильна, что даже могла материализовывать предметы. Но когда Земля совершила поворот оси, произошло разделение горы на тонком и физическом плане. На тонком она осталась по-прежнему на северном полюсе, а на физическом перешла в Тибет. В результате Силы в ней осталось ровно столько, сколько смог вместить в себя ее камень. И вот уже несколько тысячелетий эта Сила лишь тает. Но ее все еще достаточно, чтобы натворить немало бед, если к ней добавить знания. Я сомневаюсь, что из тибетских хранителей кто-то выдаст немцам настоящие тайны. Но кое-что они получить оттуда смогут.

— Что мы можем сделать? Послать своих людей? Помешать им на месте?

— Не будем торопиться, мне необходимо подумать и пообщаться с Кругом владык. Я дам знать. Может быть, придется и послать, но постараемся обойтись без этого.

— Хорошо, решим после. А сейчас давай по иудеям. Есть какие-нибудь мысли на их счет?

— А с ними все более или менее понятно. Если раввины не дураки, а идиотов среди них никогда не было, то на сотрудничество пойдут. Не могут не понимать, что в противном случае им ни здесь, ни где-либо в другом месте покоя не будет. Попробуют, разумеется, выторговать кусок побольше и повкуснее, это племя без торговли не может. Но согласятся на любой приемлемый вариант. С надеждой переиграть позже, когда наберут силу. Ну и если позволить, то и надуть попытаются, как же без этого. Ты же должен понимать, Князь, что все время Великой Ночи власть именно на Лжи держится. Во всем мире так. А Велесов сын Ярила в образе Яхве именно с их племенем зарочился. Так что без этого не обойдется. Не сейчас. Так позже попробуют. Могли бы и морок навести. Но ты и сам силен, да и я защиту поставил. А в остальном для того я здесь и сижу, чтобы сейчас не случилось, а позже не получилось. Есть у тебя среди людей несколько евреев не выкрестов, которым доверяешь?

— Найдутся.

— Вот и заставь раввинов после того, как до всего договоритесь, в синагоге на Торе твоим евреям поклясться, что договор блюсти будут и никогда не нарушат. Это они по отношению к гоям от обязательств свободны, а по отношению к своим, да еще в синагоге, поостерегутся лукавить.

— Хорошо, так и сделаем. А что ты можешь сказать по сути договора, а Велимир?

— Тут совсем простого решения быть не может. Вот ты недавно объявил, что теперь народ будет единым. Но с евреями так нельзя. Их ядро, как народа не в земле, не в родовых связях, а в общинных и религиозных. Знаешь, сколько на самом деле в них кровей намешано? Отними синагоги и не будет евреев.

— Так, может быть, нам так и стоит сделать? — Сталин лукаво посмотрел на волхва.

— Можно-то, можно, но проблем будет куда больше. Часть наиболее умных и сильных рванет за границу. Потеряешь неплохие кадры, а у тебя с ними и так не густо. Но гораздо хуже другое. Во-первых, на тебя ополчатся все евреи мира. А они немалую силу в разных странах набрали. Тебе эти проблемы нужны, когда война на пороге? Но еще хуже второе. Ты же свободу Веры объявил? Евреи так давно здесь живут, что запрети им молиться своему Яхве, так они такой хай поднимут до небес, что тебе и все остальные народы верить перестанут. А у тебя проблема на проблеме. Что с верой, что с национальными противоречиями. Нет, Князь, ты слово дал, теперь держать надобно.

— Хорошо, тогда что предлагаешь?

— Будучи употребленными в правильном месте и в правильном качестве, евреи очень даже полезны. Тебе хозяйство поднимать надо, промышленность, торговлю? А медицину? А культуру народную? Во всех этих областях ты без них долго не обойдешься. Но только нельзя их во власть пускать даже через баб, нельзя выше директорского уровня отдельных предприятий на производство назначать, надо в идеологическом смысле на культурном фронте жестко контролировать. Тогда все будет хорошо. Да еще кусок земли какой-никакой выделить надо. Пусть свою землю почувят, осядут, потом их оттуда не сдвинешь. Главная их опасность всегда была, что они как перекасти-поле. Везде чужие. А на своей земле разнежатся, будут не хуже прочих народов. Только об одном всегда помни. Они были, есть и будут чужим для Руси семенем. Врагами тогда были, такими и остались. Про войну древнюю чую, Лексей тебе поведал, вот и помни. Но держи к себе поближе, чтобы через своих евреев чужих в узде держать мог.

И еще. Отдавай не скупясь, чтобы они серьезное отношение к себе почували, только возьми и с них полной чашей. Если возьмешь меньше, то они обрадуются, но слабостью посчитают. Не надобно тебе того. Они силу твою видеть должны, тогда и глупости свои насчет обмана попридержат.

В это время зазвонил телефон. Поскребышев доложил, что в приемной ожидают раввины.

На этот раз раввины пришли втроем. К двум прошлым посетителям сталинского кабинета добавился только любавичский ребе. Всех прочих решили не брать, чтобы не усложнять процесс переговоров. Увидев волхва, ребе сразу напрягся. Он не сразу понял, кого видит перед собой, но силу не почувствовать просто не мог, да и Велимир ее специально прятать не стал.

На мгновение воздух между двумя магами чуть ли не зазвенел. Ребе попытался прощупать противника, но мысленным взором увидел перед собой лишь монолитную стену, окружавшую волхва и Сталина. Вся фигура раввина выказывала крайнее напряжение. Волхв смотрелся спокойней, но было видно, что и ему противостоять давлению дается непросто.

Сталин заинтересованно смотрел на обоих, не произнося ни слова. В какой-то мере ему было даже интересно увидеть столь явное соперничество.

Однако, ментальное противостояние оппонентов длилось лишь какое-то мгновение. Следующие за ребе раввины даже не успели еще ничего понять, благо фигуру волхва рассмотрели не сразу, а напряжение уже спало. Раввин молча наклонил голову, признавая волхва достойным соперником и отступая. Лишь после этого он посмотрел на Сталина и произнес положенные приветственные слова.

Сталин, взглянув на довольный вид Велимира, тоже мгновенно расслабился и пригласил вошедших к столу. Переговоры начались.

Предоставив в начале вести беседу своему отцу, уже знакомому со Сталиным, ребе напряженно размышлял. Такого он не ожидал даже в своих худших предположениях. Сидящий напротив высокий крепкий старик обладал колоссальной силой. И он здесь явно не случайно. Теперь о каких-либо попытках воздействовать на Сталина ментально или словесно лучше даже не пробовать. Потерять можно многое. Слишком многое. Да и необходимо для начала выяснить общие перспективы.

— Тебе нечего бояться, жрец. Я здесь лишь для того, чтобы все было нормально. Но и чудить не вздумай. Ты на моей земле, — раздался вдруг в голове ребе голос, а Велимир

спокойно ответил на взгляд и слегка кивнул. — Мол, я это.

Довольно быстро собеседники поняли, что достойны друг друга в умении ходить вокруг да около, не решаясь открыть карты. Наконец, Сталину, который сделал для себя все необходимые выводы, это надоело и он, обращаясь напрямую к ребе, произнес.

— А может нам пора положить все карты на стол? А то так и будем наводить тень на плетень.

— Товарищ Сталин, хотелось бы прояснить Вашу позицию насчет еврейского народа в свете объявленного Вами курса на единение всех национальностей в единый советский народ. — попытался продолжить разговор московский раввин, понимая, что ребе, возможно, требуется время на определение своей позиции, — Что будет с евреями? Не хочу показаться невежливым, но предпочитаю называть вещи своими именами. Вы не можете не понимать, что в отличие от всех прочих народов СССР евреи просто прекратят свое существование. Для них, слишком давно не имевших своей земли, образование национально-культурных заповедников не панацея. Евреи привыкли жить общинами, формирующимися вокруг синагог. Ликвидируй общину и евреев не будет. Мы же не можем загнать всех евреев в заповедники.

— Товарищ Сталин. — Вступил, наконец, в разговор ребе. Я не буду долго ходить вокруг проблемы, Ваше время бесконечно ценно, чтобы отрывать его глупостями. Я скажу одно. Мы прекрасно понимаем, что условия диктуете Вы. Учитывая тот факт, что эта встреча и предыдущая вообще состоялись, то, что Вы пожелали моего приезда в СССР, уже сами по себе говорят, что Вы видите для себя какие-то варианты использования многомиллионную общину евреев Советского Союза как в интересах всего советского народа, так, я надеюсь, и в интересах еврейского народа. Мы готовы согласиться на любые условия, которые позволят евреям СССР успешно развиваться вместе со всей страной.

— Вместе со всей страной, говорите, товарищ Шнеерсон, — ухмыльнулся Сталин. — Давайте не будем лукавить, Вы сами никогда не согласитесь на то, чтобы стать полноценной частью советского народа. Для вас сохранение еврейских общин, традиций и веры всегда будут высшими приоритетами. Так?

— Так, товарищ Сталин.

— Ну вот. Пойдем дальше. Сохраняя и оберегая превыше всего собственную национальную идентичность, вы, евреи, обязательно попытаетесь обезопасить себя любыми доступными способами. Заметьте, мы пока ничего не говорим о какой-либо враждебной или подрывной деятельности. Мы говорим лишь о том, что вы попытаетесь занять позиции во всех органах власти, экономики и других областях жизни. Просто для безопасности. А потом для сохранения этой безопасности вы автоматически попытаетесь набрать и всех подчиненных из своих. Не так ли, товарищ Шнеерсон? Я в данном случае совершенно никого ни в чем не обвиняю. Я лишь рассказываю естественную логику развития ситуации. И как Вы думаете, товарищ Шнеерсон, когда мы это увидим, что по-вашему мы сделаем?

— Ничего хорошего, думаю, для моего народа Вы, товарищ Сталин, не сделаете.

— Правильно думаете, товарищ Шнеерсон. И ведь с нашей стороны это тоже будет лишь естественная защита от потери власти, доставшейся нам большой кровью. Причем, заметьте, это власть принадлежит всему многонациональному советскому народу.

— Так где же выход, товарищ Сталин?

— Выход? Выход есть, товарищ Шнеерсон. Он, во-первых, в том, чтобы открыто

признать, что наши народы и ваш народ хоть и живут долгое время на одной земле, но всегда относились к разным цивилизациям. У них разные задачи, цели, взгляды на жизнь. Разные ценности. Русский народ, например, всегда относился к другим народам как к братьям, никогда не протестовал против соседского или даже совместного проживания на одной земле. Он возмущался лишь тогда, когда кто-то пытается сесть ему на голову. Да и то не сразу. Ваш же народ имеет принципиально иное отношение к другим народам. Надеюсь, вам, раввинам, не стоит напоминать, что именно записано в вашей Торе насчет отношения к гоям? Таким образом, выход начинается с признания различий и устремлений. А вот далее следует думать над тем, как эти различия сделать не слишком принципиальными.

Выход в том, чтобы открыто признать, что целью вашего народа, записанной в ваших священных книгах, указано стремление к мировому господству любой ценой. Выход в том, чтобы признав все это, найти способы объединить усилия вашего народа и наших народов на достаточно длительную перспективу. Сегодня в СССР проживает практически половина всех евреев мира. Почему бы вам, товарищ Шнеерсон, не приложить максимальные усилия вашего народа для того, чтобы земля, на которой проживает половина евреев процветала? Ведь достижение мирового господства дело долгое, и его не достичь даже за несколько поколений.

— Мы двумя руками за такой подход, товарищ Сталин, но что в конкретике?

— А в конкретике следующее. Вам с чего начать, с плохого, неоднозначного или хорошего, товарищ Шнеерсон?

— Давайте с плохого, — напрягся ребе.

— Плохое для вас в том, что никто из вас не будет работать в партийных органах или органах государственной власти. В экономике потолком для вашего народа будут должности директоров предприятий. Все исключения, если потребуются, будут утверждаться персонально на высшем государственном уровне. Плохое в том, что для любого партийного и государственного деятеля жена-еврейка будет автоматическим тормозом в его карьере. А проверять этот вопрос мы будем тщательно. Вот, собственно, и все плохое. Ах, нет, забыл еще одно. За проступки любого из вашего народа отвечать будет вся община. И материально, и морально, вплоть до закрытия синагоги. Вот теперь действительно все. И не подумайте, что это специально для вас придумано. У нас теперь за всех Роды отвечать будут. А поскольку у вас вместо родов религиозная община, то ей и отвечать. Но все евреи, которые захотят выйти из общин и стать полноценной частью нашего советского народа, будут приняты как равные. Вот только игрищ с этим мы не допустим. Не тот вариант, чтобы как раньше решать проблемы путем крещения. На двух стульях сидеть не дадим. Попробовать, конечно, можете, но не обессудьте.

О мере того, как Сталин говорил, евреи молча переглядывались и все больше мрачнели. — А позволено ли теперь будет узнать о хорошей стороне вопроса, товарищ Сталин? — наконец вымолвил ребе.

— Пожалуйста. Вы можете открывать свои синагоги и ешивы в любых регионах СССР. Но мы не потерпим никого подполья. Мы также не потерпим никакого тайного сообщения через синагоги с границей. Это понятно? Любой зафиксированный случай станет поводом для немедленного закрытия синагоги навсегда. А то и для роспуска общины.

Под еврейскую национально-культурную автономию мы готовы выделить вам полуостров Крым. Разумеется, армия и органы НКВД будут подчиняться центру. Но самостоятельность административного руководства, развитие любых традиционных ремесел

и даже артельного производства и торговли мы вам гарантируем. Но вы должны понимать, у нас одна страна и Крым по-прежнему будет ее частью. Назначение на все ответственные должности принимать будем мы, но по представлению вашей крымской общины. Она же и будет отвечать за деятельность назначенных с ее подачи лиц. Хотя этот пряник не только сладкий. Вы должны будете в течение пяти лет переселить в Крым не менее миллиона евреев. Вы возьмете на себя все вопросы контроля крымских татар и греков. В случае необходимости НКВД вам поможет, но отвечать будете вы. Как вам такая территория под культурно-национальный центр-заповедник?

Раввины сидели, как обухом по голове ударенные. Такого масштаба они явно не ожидали. Они, идя на встречу, готовы были доказывать необходимость выделения им земли, готовы были биться за каждый лишний квадратный километр. Но получить в подарок от Сталина Крым они даже не мечтали. Это же будет настоящий Эрец Израель, куда там пустынной Палестине. Одно это делает их движение Хабад наиболее влиятельной силой во всем мировом еврействе. Это поистине царский подарок. Но что за такой подарок Сталин попросит, вот в чем вопрос? В том, что расплачиваться за него придется, ребе не усомнился ни на секунду. Уж больно глубоко Сталин проник в еврейскую тему, чтобы этого не понять.

— Не спешите радоваться. В добавление к Крыму вы должны будете создать аналогичный центр на Сахалине. В его северной советской части. В течение пяти лет вы должны будете заменить все имеющиеся там японские концессии своими предприятиями. Они будут иметь государственный статус, но часть прибыли от них будет распределяться на развитие региона. Это мы вам обещаем. Да, и сто тысяч переселенцев минимум. В дальнейшем Сахалин вашими усилиями при нашей помощи и поддержке должен будет затмить Гонконг. Защитой обеспечим. Все прочие условия, такие же как в Крыму.

Услышав про Сахалин, раввины несколько поумерили оптимизм. — Вот и оплата. — Но, тем не менее, до конца его не потеряли. Да Сахалин это намного труднее, чем Крым. И климат там не такой ласковый и расстояние до центра страны огромное. И отнюдь не миролюбивые японцы под боком. Но ведь это тоже земля. И теперь это будет их земля. Восточный, азиатский Израиль. А к трудностям переездов им не привыкать. Да и японцам найдется, что противопоставить.

— Это не все, — продолжил Сталин, — недавно мы заключили договор с американцами о создании в США двух банков и инвестиционного фонда с советскими капиталами. Помимо этого мы в скором времени планируем выпуск некоторых новых товаров, их патентование и даже организацию производств в разных странах. Мы можем предложить управление этими активами вашему народу. С одним условием. Община будет получать ровно двадцать процентов от прибыли с этих активов. Но не дай вам бог украсть хотя бы цент. Интересно?

— Это очень интересное предложение, товарищ Сталин. Но я по-прежнему ощущаю некоторую недосказанность.

— Все верно. Самое главное не в деталях. Детали всегда можно будет оговорить и решить. Самое главное в том, что лично Вы, седьмой любавичский ребе Менахем-Мендель Шнеерсон, как и Ваши присутствующие здесь товарищи лично на себя возложите всю ответственность за соблюдение достигнутых здесь договоренностей, если Вы примете все предложения. А они делаются лишь все в комплексе. А чтобы эта ответственность не была формальной, вы трое принесете клятву на Торе в московской синагоге перед лицом свидетелей одной с вами крови. Думаю шестерых евреев с нашей стороны для принятия

клятвы будет достаточно? И последнее. В дальнейшем ваши преемники будут приносить такую же клятву.

Как же ребе Шнеерсон ошибался, когда думал несколько минут назад, что он уже не способен удивляться сильнее, чем уже смог удивить его Сталин. Сейчас он испытал настоящий шок. В не лучшем состоянии находились и другие раввины. Но одновременно с шоком ребе испытал странное чувство настоящего внутреннего уважения к Сталину. Это без сомнения был сильный лидер. Да, он очень многое предусмотрел, прямо сейчас ребе точно не видел ни одной оставленной щелочки, позволившей бы выскочить на свободу от навязанных условий. Да и сами условия были, прямо скажем, не плохи. Да что там не плохи, они были просто шикарными. Послужить такому вождю будет не зазорно. На протяжении длинной истории еврейского народа им часто приходилось приспособливаться под самые различные условия и самых разных правителей. Но редко, кто из них был настолько этого достоин. К социализму евреи в принципе так же не испытывали особого отторжения. Традиционно общинный уклад еврейской жизни отлично вписывался в новые рамки. Да, часть их силы, связанная с финансами и ростовщичеством, оказалась уничтоженной, но жизнь длинная, а деньги не отменили даже коммунисты.

### **Глава 36. Маленькие истории с далеко идущими последствиями.**

Василий Бузуев, по кличке Буза, стоял на палубе теплохода и внимательно вглядывался вдаль. На горизонте уже еле заметной полоской виднелась земля, которой предстояло стать его новой родиной.

Если бы кто-то год назад сказал Бузе, что новый, 37-й год он будет праздновать в компании братков на пароходе, плывущем в Колумбию, то в зависимости от настроения он либо поржал, либо набил рассказчику морду. Из своих 43-х лет семнадцать Василий провел за решеткой. В 34 был коронован "вором в законе". Казалось бы, его жизнь давно и прочно катилась по проторенной колее. Страна пережила мировую войну, революцию, гражданскую войну, но все это никоим образом не отразилось на жизни Бузы, разве что послереволюционная неразбериха показалась ему отличным временем для ловли рыбы в мутной воде перемен. Еще в юности он прочно усвоил, что все люди делятся на волков и овец, существующих лишь для кормления хищников. А себя Буза считал хищником всегда, сколько себя помнил.

Но весной 36-го его, севшего незадолго до того в очередной раз за разбой, неожиданно выдернули из барака и притащили к "куму". Кума в кабинете не оказалось, зато там, довольно вольготно расположившись, восседал неизвестный майор НКВД. Предложение которое сделал ему этот совершенно незапоминающейся внешности майор, потрясло Бузу до глубины его воровской души. Ему предложили выбор. Сначала он даже не врубился, подумал, что над ним издеваются. Но майор оказался очень даже серьезным. По мере того, как Буза задавал вопросы, а майор спокойно и сдержанно на них отвечал, Вася начал въезжать в тему. В какой-то момент до него дошло, что предложение, которое ему только что сделали из разряда тех, от которых не отказываются, если не хотят получить постоянную квартиру на пару метров ниже поверхности. Он так майора и спросил. Тот ухмыльнулся и сказал, что на самом деле не все так страшно, Родине требуются лесорубы и рудничные рабочие в разных местах. Но в свой барак он действительно уже не вернется. Ну а куда ему ехать, сам должен решить.

Глядя сейчас на волны, колышущиеся по обоим бортам судна, навсегда уносящего его от родных берегов и прошлой жизни, Буза подумал, что выбор он тогда сделал все же



правильный. Такой же сделала и остальная братва, мирно отдыхающая сейчас в каютах после празднования нового года. Ведь не арестантами они сейчас находились на пароходе. И даже не кочегарами. Они впервые в жизни плыли полноправными пассажирами с билетами. Конечно, билеты были не первого класса, а третьего. Но по сравнению с тюремной шконкой, на которой практически у каждого прошла, почитай, половина жизни, это была роскошь. Теперь Буза стоял на палубе в добротном костюме и рубашке, в кармане настоящие документы и вполне законный браунинг. Там же приятно оттягивала карман и довольно приличная пачка денег необычного вида. Американских долларов, которые Вася видел впервые в жизни. А впереди была новая, такая привычная и такая непохожая на прошлую жизнь.

НКВДшный майор предложил тогда Бузе поработать впервые в жизни на государство. Без эмоций переждал закономерные усмешки и издевательски вежливый отказ и продолжил. Работать предстояло не где-нибудь в Урюпинске на заводе, а заняться вполне привычным делом, разбоем и уголовщиной в Южной Америке. Только на совершенно ином уровне. Под контролем и патронажем соответствующих служб родного пролетарского государства. Совершенно офигевший бандюган даже не сразу нашелся, что на такое ответить, уж больно все сказанное походило на бред сивой кобылы. И лишь серьезные льдистые глаза майора даже без намека на смешинку привели тогда его в чувство. Он как-то сразу понял, что майор не врет, и что вернуться в родной барак ему по-любому не светит. А потому быстро смекнул, что лучше пока не перечить и на все соглашаться. А там дальше кривая как-нибудь вывезет. Или удастся рвануть в бега. Благо не впервой. Рвануть не получилось, но кривая все же вывезла.

Хотя за последний год Вася не раз проклял день, когда ответил согласием. Лучше бы его прямо там закопали. Нет, сейчас-то он думал уже совершенно иначе, но это сейчас, когда все пытки и издевательства органов остались за кормой отплывшего из Владика парохода. А поначалу хотелось выть. В страшном сне ему не могло присниться, через что придется пройти к желанной свободе. Десять ужасных по напряжению и накалу месяцев. Бесконечные тренировки, интенсивное изучение испанского и английского языков, классные занятия по всяким специальным дисциплинам. Регулярно будили по ночам и заставляли сходу давать ответы на различные вопросы прошедших какое-то время назад занятий. И все это надо было делать на том иностранном языке, на котором звучал самый первый вопрос. Нерадивость каралась, но не отменой занятий, а повышением их интенсивности. Не обходилось и без физических методов внушения, хотя и скорее унижительных, чем калечащих. Помогало то, что он оказался в этой ситуации не один. Вместе с ним занималось еще более двадцати человек. Причем, им сразу сказали, что планируются они как единая группа. Но вот выбрать себе главного предложили самим. Только после окончания обучения. Мужики в группе оказались крепкие, тертые. Четыре коронованных Вора, пара медвежатников, несколько грабителей и убийцев. Рецидивисты все до одного, все повязаны кровью и не один раз. Но и среди них нашлись те, что сломались в пути. Через полгода трое отсеялись. Их проводили нормально, но с сожалением. Да и сами они скорее смотрелись побитыми собаками, нежели крутыми парнями. Куда их теперь никто не сказал, но ничего хорошего их явно не ждало. Было очевидно, что после всего пройденного свободу они будут видеть теперь только во сне. И это в лучшем случае.

Примерно в то же время определились и те, кто отказался бороться за право быть первым, кого устроило просто скромное положение в группе не на первых ролях. Удивительно, но среди сдавшихся оказались и два Вора из четырех. А вот с Михасем

Торпедой они бодались до последнего. Лишь примерно за месяц до окончания курса их двоих вызвал к себе начальник лагеря и предложил определиться с лидером. Причем, так расписал достоинства и недостатки каждого, так искусно подвел к выводу, что он, Буза, справится с задачей лучше, что Торпеда проникся оказанным ему уважением и клятвенно пообещал не бузить, а быть Бузе надежной опорой. Все немного поржали над таким каламбуром и на этом поставили точку. И надо сказать, что до сегодняшнего дня Михась действительно ни разу не дернулся. Напротив, помогал всячески, давил своим авторитетом, гася любые склоки. Хотя и не было почти склок. Меньше чем за год из каждого слепили совершенно иного человека. Дураков среди них изначально не было, но теперь это были настоящие монстры, способные в одиночку порвать кучу народа. Стрельба из всех видов оружия, умение убивать голыми руками, основы аналитики и конспирации. Даже химию заставили вызубрить. Особенно специфическую, должную пригодиться на месте. Чего только не заложили НКВДшные спецы в их бандитские головы. Теперь свысока своего положения Буза понимал, каким идиотом был раньше, как примитивно работал и почему регулярно попадался. И точно так же это осознавал про себя каждый. Конечно, никто из них не стал в одночасье тем, кого называют приличный член общества, но так и ведь и цели такой не были. Никто не выбивал из них тягу к свободе, никто не уничтожал в них хищника. Напротив, их периодически даже провоцировали на побег. Регулярно ловили и снова провоцировали. При этом даже не сильно наказывали, скорее это стоило рассматривать как тренировку очередных навыков.

Сколько всего человек находилось в лагере, Буза так и не узнал. Видел другие группы и не раз, но общение с ними не только не поощрялось, но и блокировалось режимом занятий и охранными подразделениями НКВД. Все общение только в своей группе. При этом о роли, к которой их готовят, до последнего никто так и не говорил.

Задачу им поставили лишь накануне отправки. Хотя они давно знали, что работать придется в Латинской Америке, но точный маршрут дали лишь перед посадкой на пароход. Одновременно с документами и оружием им выдали толстые пакеты с информацией, которую они должны были вызубрить за недели плавания. А задание оказалось совершенно невообразимым. Им предстояло закрепиться в Колумбии и взять под свой полный контроль производство в этой стране кокаина, а также все основные каналы его экспорта. Если бы кто-то сказал о том, что это возможно несколько месяцев назад, Буза бы лишь посмеялся и покрутил пальцем у виска. Но сейчас, пройдя всю школу подготовки до конца, он воспринимал задачу совершенно иначе. Как трудную, но вполне выполнимую. Тем более, что в особом конверте оказался подробный анализ текущей ситуации в этом бизнесе и досье на всех главных действующих лиц.

Буза еще раз посмотрел на виднеющийся вдали берег. Уже завтра он ступит на землю, на которой, может быть, ему придется провести весь остаток своих дней. Завтра их встретят те, кто будет курировать по линии советского государства, и Буза навсегда исчезнет. Вместо него появится какой-нибудь дон Базилио из Бразилии, имеющий русские корни. И начнется новая жизнь. Задним умом Буза понимал, что ему выпал по-настоящему редчайший шанс, по случаю, но он вытащил настоящий счастливый билет. И он готов был драться за него всем, что имел.

Завтра, уже завтра их с братвой ждут горячие колумбийские девчонки. Три дня на отдых, так они договорились сразу. А потом, потом они начнут завоевывать этот мир.

\*\*\*\*\*

Дон Франческо Тотти вот уже десяток лет старался не изменять традициям. Каждый день после обеда он проводил в маленьком итальянском ресторанчике с громким названием "Беллисимо" в Бруклине. Ресторан, как и многие другие, был частью его солидной империи. Клан Тотти был одной из пяти нью-йоркских "семей", которые досужие журналисты часто называли "Коза ностра". Бизнес Тотти был многоплановым. Он включал в себя азартные игры, тотализатор, девочек, торговлю алкоголем и подрядами на строительство, транспортировку грузов, контрабанду и многое другое. Но главным, жемчужиной всего его клана, был профсоюзный бизнес. В этом дону Тотти не было равных по все Америке. Именно этот бизнес вывел его семью на первые роли. Люди Тотти заправляли почти во всех крупных профсоюзах страны от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса. Когда возникали какие-либо проблемы с рабочими, профсоюзами, или, напротив, надо было "привести в чувство" какую-либо компанию, к нему не стеснялись обращаться даже другие могущественные доны и политики федерального уровня. Дон Тотти никому не отказывал, всю свою жизнь он считал, что разумным людям всегда стоит договариваться, оказывать друг другу услуги и демонстрировать свое уважение. Но когда было необходимо, бравые бойцы Тотти под руководством опытных капи всегда были готовы решить вопрос кардинально и окончательно. Давно уже никто не пытался путать дружелюбие дона Тотти с его слабостью.

В этот погожий, но прохладный денек дон Франческо привычно сидел за любимым столиком в углу зала в окружении нескольких ближайших помощников и медленно потягивал кофе. Неспешный вялый разговор крутился вокруг политических новостей и ситуации в Европе. Срочных дел практически не было. Январь в Нью-Йорке далеко не самый лучший месяц для деловой активности.

В этот момент в ресторан зашел незнакомый человек среднего возраста. По виду явно не итальянец, скорее славянин. В принципе ресторан был открыт для всех, но совсем чужие люди в этом квартале появлялись нечасто. А потому охрана дона слегка напряглась.

Человек окинул зал быстрым взглядом, мазнул им по столику дона Тотти, слегка поклонился, увидев направленные на него взгляды и, отвернувшись, сел за одним из свободных столиков в зале. Взял меню у подошедшего официанта и принялся внимательно его изучать. Уже через несколько минут он вновь позвал официанта к себе, сделал заказ и, ожидая его готовности, принялся за чтение принесенной с собой газеты.

Охранники дона Тотти слегка расслабились, разговор за столиком дона вернулся в привычное русло, но время от времени то один, то другой телохранитель дона бросали на незнакомца короткие внимательные взгляды. А незнакомец доел принесенную ему пасту и позвал официанта явно с намерением расплатиться. Охранники совсем было решили забыть о чужаке, но неожиданно, передавая деньги официанту, незнакомец сказал тому несколько слов, после чего официант быстро взглянул на дона Тотти и явно принялся что-то выговаривать посетителю. Посетитель судя по всему проявил настойчивость, хотя до столика дона не доносилось ни слова. Официант вздохнул, покачал головой и все же двинулся к столику своего хозяина.

— Извините, дон Франческо, я знаю, что Вы очень не любите, когда кто-то нарушает Ваш послеобеденный отдых, но этот незнакомый человек утверждает, что ему непременно нужно с вами поговорить. Я попытался объяснить ему, что в этом ресторане Вы никого не принимаете, но он настаивает, хотя и довольно учтиво. Он заявил, что Вы обязательно захотите с ним переговорить и назвал имя дона дона Аугусто из Палермо.

— Вот как? Пожалуй, это действительно повод изменить своим традициям. Не

волнуйся, Педро, ты все сделал правильно. Пригласи этого человека за мой столик, а сам принеси нам моего любимого вина.

Дон Тотти взглядом попросил своих людей очистить столик. Они дружно переместились за соседние столы, а охранники остались стоять таким образом, чтобы держать под контролем зал, вход в ресторан и особенно столик своего босса.

— Добрый день, дон Тотти. Меня зовут Майкл. Простите мне возможную неучтивость за беспокойство Вас именно в этом месте. Но у меня не так много времени. Уже через несколько дней я планирую покинуть Нью-Йорк, а, боюсь, в Вашем офисе меня промурыжили бы намного больше. — Человек, говорил на хорошем беглом итальянском, хотя и было видно, что он ему не родной.

— Присаживайтесь, молодой человек. Как поживает мой друг дон Аугусто? Вы давно его видели.

— Признаюсь, совсем не видел. Его знают те, кто послал меня к Вам. У них совместный бизнес в Италии. Но именно он и дал нам наводку на этот ресторан. Впрочем, по моей информации он поживает очень неплохо, хотя и слегка нервничает, не возникнут ли у него трудности, если Италия вступит в войну, которая вот-вот готова разразиться в Европе.

— Вот как? Впрочем, когда мой друг в прошлом году приезжал ненадолго в Америку, мы обедали с ним здесь, и я сам признался ему, что люблю проводить здесь часы послеобеденного отдыха. Но что привело Вас ко мне, и кто Вас послал?

— Позвольте сначала представиться, дон Тотти, — вот моя визитная карточка.

— "Американ хедхантинг компании Инк.", региональный представитель Майкл Камински — прочел на визитке дон Франческо. — Это что же за бизнес "охота за головами", спросил он с легкой улыбкой? Частное детективное агентство или помощь полиции в поиске особо опасных преступников?

— Увы, ни то, ни другое, уважаемый дон Тотти. Никакой романтики, все гораздо скучнее. Мы ищем персонал на работу для наших клиентов. Рабочих, менеджеров, инженеров и прочих специалистов. Времена сейчас тяжелые. С одной стороны, мало работы, с другой всем работодателям требуются без исключения самые лучшие. Вот и приходится, сломя голову, носиться по всей стране, подбирая кандидатов, удовлетворяющих всем запросам. Самое сложное это не утонуть в толпах желающих найти любую работу и найти действительно стоящий персонал.

— Тогда понятно. А название вы себе неплохое придумали, звучное. Но что же все-таки привело Вас ко мне? Вы нашли нужных Вам людей в моей компании и хотите их похитить?

— Ну что Вы, дон Тотти. Разве можно позволить себе даже подумать о таком кощунстве? Мои хозяева хотят предложить Вам интересный совместный проект, который, как мы надеемся, покажется таковым и Вам.

— И что же это за проект?

— Люди. Вы очень уважаемый человек в профсоюзном мире. Можно даже сказать, что Вы первый человек в этом деле. А у нас есть большой спрос на хорошие кадры. Причем, очень массовый спрос. Этот бизнес уже идет некоторое время, но планируется его расширить. Вот мы и подумали, что не совсем правильно вести его без участия профсоюзов. Ведь кто, как не профсоюзы могут помочь в подборе действительно лучших кадров. Разумеется, на основе обратной благодарности.

— Я понял Вашу мысль. В принципе она совершенно верная, но все же, мне надо знать обо всем подробнее.

— Извольте. Наша компания работает по заказам Советской России. Им требуются сотни тысяч различных специалистов. Рабочих и инженеров. Вы наверняка слышали о том, что многие американцы в последний год приняли решение работать там по контракту. До сих пор подбор персонала велся довольно случайным образом и в основном не касался членов профсоюзов. Но теперь процесс необходимо вывести на принципиально иной уровень. Как в качественном, так и в количественном отношении. Не так давно между СССР и США подписаны очень крупные контракты на поставку промышленного оборудования.

— Вот как? — оживился дон Тотти. Этой информации в свободном доступе пока не было, а, значит, следует подумать, как ей правильнее распорядиться.

— Да, причем оборудование довольно широкого ассортимента. — Легким кивком собеседник дал понять, что в случае договоренностей можно получить и более конкретную и подробную информацию. — Основные поставки будут осуществлены в течение года. Американский партнер СССР гарантировал шеф-монтаж оборудования на месте, как и специалистов для обучения работать на этом оборудовании. Но это все касается очень небольшого числа специалистов. А для строительства сотен заводов и фабрик, для строительства всей сопутствующей инфраструктуры и для последующей работы на этих предприятиях Советскому Союзу потребуются сотни тысяч рабочих рук. И чем квалифицированнее будут эти руки, тем большую цену за них готово платить Правительство СССР. Ну и соответственно, тем больше может быть интерес для организовавших эти руки профсоюзов. Помимо этого, мы бы хотели, чтобы по своим каналам профсоюзы распространяли информацию о работе американцев в СССР. Речь о тех, кто трудится там уже давно. Гарантируем, что вся информация будет правдива на 100 %. Это вопрос чести. Вы можете в любой момент направить своего человека в СССР для ее проверки.

— В принципе все понятно, ничего невозможного я в этом вопросе не вижу, хотя хотелось бы уточнить, о каких порядках стоимостей мы ведем речь?

— Вы не будете разочарованы, дон Тотти. О миллионах долларов, как минимум. Но я сразу же должен Вам сказать, что в деле могут быть нюансы.

— Какого рода?

— Возможно, правительство или иные органы власти США вдруг захотят обратить повышенное внимание на процесс нахождения американскими специалистами работы за рубежом. А в каких-то случаях и воспрепятствовать этому.

— Это решаемый вопрос. Вот если бы речь шла о массовом завозе коммунистических агентов в Америку, все обстояло бы гораздо серьезнее. Я не против обсудить Ваше предложение более подробно. Но думаю, что это вряд ли делать в ресторане, даже таком уютном, как этот. А сейчас давайте лучше выпьем этого чудесного вина.

— С удовольствием, дон Тотти. Тем более, что я лишь уполномочен сделать Вам предварительное предложение. А обсуждать серьезные детали Вы будете с другими людьми. Очень надеюсь, что наше сотрудничество будет долгим и очень плодотворным. Тем более, что в перспективе оно может быть расширено и на другие сферы, чем Вы так же не будете разочарованы.

— За успех, дорогой Майкл.

— За успех, дон Тотти.

**Глава 37.**

**Год Красного Быка**

## (Начало)

1937-й год начался торжественным принесением клятвы раввинами на верность СССР. Произошло это в первую субботу января. Сталин присутствовал на этом торжественном мероприятии, но ее фактическими участниками стали его доверенные лица. Это были евреи, занимавшие ответственные государственные и партийные посты, которым Сталин доверял лично — Кагановичи, Лазарь (член Политбюро) ЦК, Михаил (Зам. Наркома Оборонной промышленности) и Юлий (Пред. Горьковского Крайисполкома), Зам. Наркома Внутр. Дел Яков Агранов (Янкель Соренсон), член Комиссии Партийного Контроля при ЦК Емельян Ярославский (Мине?й Губельма?н), секретарь Профинтерна Соломон Лозовский, а также лояльные Советской власти и знакомые Сталину деятели советской интеллигенции Михаил Бородин (Грузенберг), Илья Эренбург, Соломон Михоэлс и Самуил Маршак. Десять человек которым выпало стать не просто свидетелями или даже участниками важнейшего исторического события, но и нести на себе груз ответственности за судьбу еврейского народа. Десять человек, принимавших клятву раввинов на Торе.

До этого момента удалось утрясти все основные вопросы вокруг достигнутых у Сталина договоренностей. Так ребе согласился, что в Крыму обязательно надо сформировать Национально-культурный центр крымских татар. Видимо, вникнув плотнее в этот вопрос, он увидел всю бесперспективность исключительной вражды с теми, кого так или иначе придется потеснить. Более четкие очертания приняли и другие взаимные решения. Уже начались плотные консультации в Наркоматах, которые должны были обеспечить материальную и силовую поддержку массовому переселению евреев в Крым и на Сахалин. Лично ребе взялся за проработку вопросов возможной помощи единоверцев из-за рубежа.

В последствии принесение клятвы верности породило несколько интересных течений и даже волнений среди еврейского и других народов СССР. Если евреи воспряли духом, а среди тех, кто, казалось бы, не имел к иудейским общинам никакого отношения, атеисты и выкресты, обнаружилось множество тех, кто только демонстрировал свою нерелигиозность. Не уверен, что такому развитию событий очень обрадовались раввины, но Сталин, когда ему доложили об этом и показали полный список этих мнимых "атеистов" долго смеялся. А вот кое-кто из других народов увидел в таком отношении к евреям обиду для себя. Разумеется, не весь народ, а вполне конкретные властолюбцы. Но в паре мест пришлось даже применять войска НКВД для нормализации ситуации.

Сразу после торжественной церемонии в синагоге Сталин попросил ребе отойти для небольшого разговора.

— Товарищ Шнеерсон, прежде, чем каждый из нас уедет с этого мероприятия в приподнятом настроении и с чувством хорошо выполненного долга, я хочу сказать Вам следующее. Рано или поздно, Вы или Ваши последователи решат, что ситуация изменилась. Что достигнутые нами сейчас договоренности стали узкими и не соответствуют интересам Вашего народа. Что Вы окрепли, стали сильнее, что рамки договоренностей больше не отражают реальности. И тогда вы попытаетесь нарушить или изменить наш договор. Я не пророк и не могу вам сказать, в какой форме вы это сделаете. Захотите ли в Крыму создать независимое от СССР государство, или начнете внедрять в советские органы своих агентов и покупать советских чиновников с целью постановки под свой контроль политики советского руководства, или вы начнете подтачивать единство советского народа изнутри. А может быть вы придумаете что-то иное. Я не знаю. Я знаю только одно, вы обязательно это

попробуете. Так вот, что я хочу Вам сказать, ребе Шнеерсон. Перед тем как Вы или ваши наследники начнут воплощать этот план в жизнь, вспомните об этом нашем разговоре. И подумайте, готовы ли Вы ради призрачного успеха своего плана пожертвовать всем, чего к тому моменту вы добьетесь. Просто вспомните и подумайте. А потом, если решитесь, храни вас ваш Яхве. Я не угрожаю, я лишь предупреждаю и хочу, чтобы этот наш разговор вы передали тем, кто придет после вас.

Ребе взглянул на Сталина долгим внимательным взглядом. Он не увидел на лице советского руководителя ни злорадства, ни гнева, ни желание его унижить. Он увидел понимание и сожаление. Это был взгляд человека, который знает, который заранее готов отдать приказ на тотальное уничтожение врагов, хотя ему этого очень не хочется. И тогда ребе по-настоящему содрогнулся. В этот момент он окончательно понял, что лукавить в достигнутых договоренностях ему совершенно не хочется. И он точно был уверен, что его настоятельный запрет на любую самодеятельность будет доведен до всех, кто может принять неправильное решение. Теперь он действительно был в этом уверен. Как уверен и в том, что он уже знает большую часть собственного будущего завещания.

— Я понял Вас, товарищ Сталин. И надеюсь, что понял абсолютно правильно. Не буду убеждать Вас в ошибочности Ваших представлений о будущем. Любое будущее покрыто туманом неизвестности, и я не готов сейчас оспаривать Ваши слова. Но я обещаю вам их запомнить и передать, как часть своего завещания потомкам. Да будет наш договор нерушимым. Кстати, товарищ Сталин, пользуясь случаем, хотел вас попросить об одной услуге.

— Я Вас слушаю, товарищ Шнеерсон.

— Дело в том, что в 1917-м году сразу после революции, часть большой еврейской библиотеки, которую собирал мой тесть, 6-й любавичский ребе, оказалась национализированной. Не могли бы вы передать ее в ведение нашей общины? Речь идет о 10-12-ти тысячах книг и брошюр в основном религиозного содержания. Они не представляют никакой ценности ни для кого, кроме евреев.

— И как Вы себе это представляете, товарищ Шнеерсон? Вы хотите, чтобы я взял часть народного достояния и передал частным владельцам? Это невозможно. Но думаю, что мы можем сделать другое. Когда ваша община обоснуется в Крыму и построит там, допустим, национальную еврейскую библиотеку, думаю, советское государство сможет преподнести в дар этой, без сомнения, государственной библиотеке, указанную Вами коллекцию книг. Полагаю, это будет правильным способом решить Ваш вопрос, товарищ Шнеерсон. Как вы думаете?

— Благодарю, Вас, товарищ Сталин. Это хорошее решение. Вы подарили нам надежду. Мы приложим все силы, чтобы слишком долго нам ждать этого торжественного момента не пришлось.

Забегая вперед, скажу, что с задачей евреи справились менее, чем за два года.

\*\*\*\*\*

Из событий первой половины 37-го года наиболее важным было принятие новой Конституции. В моем варианте истории это произошло еще в декабре 36-го года. Но из-за необходимости тщательной проработки национального вопроса в версии "история 2.0" этот срок был сначала отодвинут на март, а потом и вовсе перенесен на июнь. Сталин рвал и метал, но ничего поделывать не мог. Дело в том, что после знаменитой сталинской статьи, посвященной данному вопросу, после некоторого затишья, в течение которого все было

внешне совершенно спокойно, постепенно начали раздаваться недовольные голоса то в одном, то в другом регионе страны. Сначала, когда сигналы только стали поступать, Сталин решил еще раз повлиять на ситуацию пропагандистскими методами. Для этого он собрал в Кремле несколько сотен лучших партийных пропагандистов и заставил их несколько часов задавать ему любые вопросы, касающиеся национальной темы, включая самые дурацкие.

— Если вы зададите мне дурацкий вопрос, то самое плохое, что с Вами может произойти, это сидящие рядом товарищи над вами добродушно посмеются. Но если на какой-нибудь показавшийся вам дурацким вопрос вы не сможете дать правильный ответ, когда вам зададут его на местах простые люди, то мы можем подумать о сознательном вредительстве. С совершенно иными выводами и последствиями.

После этих слов Сталина оживление в зале сначала сменилось оглушительной тишиной, которая затем взорвалась десятками говорящих, мечтающих задать свой вопрос. Но порядок был восстановлен достаточно быстро, для этого Сталину пришлось лишь поднять руку. Далее обсуждение происходило в конструктивном ключе. Как Сталин и предполагал, даже среди этих партийных работников нашлось немало тех, кто до конца сам не разобрался в сути выдвинутых вождем инициатив. Пришлось объяснять все на пальцах, чтобы правильное понимание оказалось доступным даже людям без всякого образования.

— Смотрите, — говорил Сталин, — Мы стоим на пороге большой войны. Нам придется всеми силами защищать свои социалистические достижения. Капиталисты спят и видят нас слабыми и раздробленными, чтобы было легко придти и взять. Чтобы не допустить гибели революции, мы должны быть едины, как сжатый кулак.

Идем дальше. Любое разделение страны на республики, построенные по национальному принципу, как и народ, разделенный на национальности, это те бреши в обороне, в которые враг будет бить в первую очередь. Используя любые методы, искажая или просто выдумывая лживые факты, опираясь на объективные трудности становления страны, головотяпство или сознательное вредительство наших работников, он, враг, будет раздувать пожар межнациональных противоречий, он будет стравливать нас друг с другом. Без этого ему нас не победить. Наше единство автоматически лишает врага любых шансов на успех. Но разве нам самим надо добровольно возвращать собственные слабости? Или мы должны сделать все, чтобы стать для врага нерушимым монолитом? Не сомневаюсь, что на этот вопрос есть лишь один правильный ответ. Любой, кто этого не понимает явный или скрытый враг советской власти.

Но наше единство не должно уничтожить корни народа. А в нашем многонациональном народе корней этих очень много. Больше, чем в любом другом народе. Если мы подрубим корни дерева, то оно засохнет, умрет и упадет. Все наши люди, которые сейчас волнуются и не понимают, что именно хочет сделать советское руководство, думают как? Я казах, мегрел, якут. Мой отец был казахом, мегрелом или якутом, мой дед и дед его деда был таким же. Как я могу перестать считать себя казахом, мегрелом, якутом? Я предаю память своих уважаемых предков. Я предаю свой Род. Вот как думают люди. Потому как им никто правильно не объяснил, что и как будет на самом деле. А на самом деле никто не просит и тем более не заставляет казаха, мегрела или якута предавать своих предков и забывать о своих корнях. Нет, напротив, ему теперь говорят — твой Род должен стать для тебя священным. Память о твоём Роде, твоих предках, давших тебе жизнь, должна стать самой святой, которая у тебя есть. Не народ, в котором ты являлся лишь песчинкой, а именно твой конкретный Род. Но все мы, и ты тоже, живем в быстро меняющемся мире. Вспомним, что



было почти двадцать лет назад. Сначала все радостно захотели построить собственное государство. Чуть ли не в каждой волости, в каждом уезде требовали самостоятельности и хотели создать свое правительство. Но очень быстро поняли, что никто их с распростертыми объятиями таких красивых и самостоятельных не ждет. Освободиться от влияния России легко, но тут же попадешь под влияние англичан, турков или кого еще. Только крупная могучая во всех смыслах страна вправе рассчитывать на самостоятельность. А в экономике? Например, в Средней Азии нет древесины. Кто дает древесину? Древесину дает Россия Англия или Турция не могут дать древесину. В лучшем случае они могут дать лишь деньги, да и то в долг под грабительские проценты, но взамен потребовать полного подчинения. А если Россия даже за деньги не даст древесину, тогда что делать? Как жить, если дров нет и взять негде? А ведь Россия никого не принуждала, полного подчинения не требовала. Любой бедняк из Узбекистана или Казахстана смог после революции почувствовать себя свободным и гордым. Россия ничего не требовала, она давала древесину и многое другое. Давала просто так, без денег. Лишь потому, что мы все вместе боролись с классовым неравноправием, боролись с эксплуататорами. И Россия всего лишь предлагала, — Встань рядом со мной равным, и пойдем вместе строить социализм. И вот когда все поняли, что малой самостоятельностью, мелким местничеством не решить ни одной проблемы, вот тогда все встали и сказали, — Хотим в СССР. Как равные, как свободные. На тот момент это было правильно. Национальная гордость только-только воспряла у всех народов России. Но время идет и то, что было правильным еще двадцать или пятнадцать лет назад, десять лет назад было приемлемо, пять лет назад терпимо, сейчас стало угрозой. Реальной угрозой всей нашей общей стране. Никому не удастся остаться в стороне и отсидеться в медвежьем углу. Предатели, отщепенцы и затаившиеся враги всех мастей только и ждут, что мы покажем слабость и погрязнем во внутренних противоречиях, которые они будут углублять и расширять. Они хотят, чтобы снова, как двадцать лет назад брат пошел на брата, сын на отца, чтобы наша страна снова умылась собственной кровью им на радость и на потеху. Но мы этого не допустим. Мы не можем этого допустить. Ни как коммунисты, ни как патриоты своей страны.

Почему сейчас не может быть так, как было раньше? Да просто потому, что жизнь меняется. Посмотрите, мы строим огромные заводы и фабрики. Один иной завод будет выпускать продукцию для всех, и ее будет хватать всем. Разве нужно строить маленькие неэффективные заводы во всех республиках? Нет. Жизнь ускоряется. Сегодня, чтобы работать у станка, пахать землю на тракторе и тем более развивать науки требуется совершенно иной объем знаний, совершенно иная производительность труда. Еще каких-то пятьдесят лет назад в гимназиях российской империи большая часть программы касалась мертвых языков, литературы и искусства. А сегодня в наших школах дети грызут гранит науки в таких областях, как математика, физика, химия. Все это требует от наших детей совершенно иной скорости усвоения знаний. А это, хотим мы или не хотим, автоматически начинает убивать старые традиции. На их усвоение и применение просто не остается времени. Для того, чтобы быть единой страна должна разговаривать и писать на одном языке. А это приводит к тому, что национальные языки начинают умирать или сохраняться лишь в самых отдаленных уголках. И все это происходит прямо сейчас при формальном сохранении национальностей. Что могло бы сделать советское руководство, если бы хотело реально уничтожить все национальные особенности? Просто подождать. Развитие страны и ускорение ритма жизни все сделали бы сами за пару десятилетий. Не осталось бы никаких

реальных различий между всеми. Вот только все национальные культурные, языковые и исторические традиции остались бы тоже в прошлом. Но зато сохранились бы карьеристы, которые, используя националистические знамена и тоску по утерянному народом в своих корыстных целях, продолжали бы бить по нашему единству.

Давайте посмотрим на экономическую сторону вопроса. Сегодня в патриархальных окраинах нашей страны люди работают по старинке, так, как это делали их отцы и деды. Они не лентяи, они не тунеядцы, они отличные работники. Но технология их труда позволяет произвести продукции в день, скажем, на рубль. А потреблять наши люди различных товаров хотят, допустим, на два рубля. За счет чего это возможно? Это возможно за счет того, что где-то в другом регионе страны рабочие на современном, покупаемом сейчас за валюту, оборудовании производят продукции на двадцать рублей в день. А потребляют на те же два или даже полтора. Разве это справедливо? Разве справедливо то, что одни наши люди, ущемляя себя, начинают работать на других наших людей даже, если последние этого не понимают и лишь хотят жить как в древности? Или правильным будет плюнуть на этих людей, заставив их жить только на то, что позволяют им древние методы хозяйствования? Нет. Это будет неправильно. Все наши люди для нас одинаково ценны и равноправны. Мы не можем себе позволить содержать на своей шее более двухсот разных народов за счет чрезмерной эксплуатации народов центральной России, за счет русских народов. Но мы можем и должны позаботиться о сохранении всех видов национальных культур и языков, родовых традиций всех народов.

Что в этих условиях предлагает партия и советское руководство? Он предлагает усилить и законодательно закрепить Родовые связи. Ведь именно через Род передаются все основные традиции и память. От отца к сыну, от матери к дочери. Именно так, а не абстрактно. Что мы предлагаем еще? Понимая, что законы ускоряющейся жизни автоматически входят в противоречие с традициями, мы создаем изолированные от прессы этой новой жизни национально-культурные центры-заповедники. Там должны сохраняться традиции, там должны сохраняться языки, там должны сохраняться ремесла и народные промыслы. Вспомнить свои национальные корни, выучить язык своих предков, узнать историю своего народа сможет каждый, приехав туда на какое-то время. Мы планируем сделать эти центры крупнейшими объектами народного интереса, культурного паломничества, если хотите. А вот теперь еще один хитрый вопрос. Один народ и имеет сто тысяч человек, второй миллион. Кто сможет лучше создать и поддерживать свой НКЦ? Конечно, более крупный народ. Но разве это справедливо? Разве малый народ заслуживает меньшего внимания и уважения? Как быть? Мы предлагаем самый правильный выход. Мы все, единый советский народ, берем на себя заботу по созданию и поддержанию сразу всех НКЦ. Для нас не имеет значения большой или малый народ. В нашей многонациональной культуре найдутся корни любого из них. Мы одинаково будем заботиться обо всех народах. А вот разного рода властолюбцам и мечтателям разыграть национальную карту в своих личных интересах мы таким подходам бьем по зубам. Окончательно ликвидируем проблему. Именно потому и бесятся всякие недобитки. Понятно теперь, насколько кажущаяся простота вопроса оборачивается на деле полной противоположностью? Подумайте. Вот живет обычный человек нашей страны. Неважно, где он живет, в Воронеже, Алма-Ате или Тбилиси. Разве его заботят всерьез административные границы его района, области, республики? Разве ему важно то, что граница прочерчена на картах именно здесь, а не километром левее или правее? Нет. Обычный человек живет другими понятиями. Ему важен дом или квартира, в

котором он живет. Ему важна улица, на которой он покупает себе продукты, место, где живут его друзья или родственники, место, где расположен его завод или контора. А границы ему не важны. Границы важны только начальникам разных уровней. Потому что это вопрос их личной власти и ответственности. А всем остальным важны только размеры нашей единой страны. Любой наш человек может поехать по всей стране и везде будет своим. Но разве правильным будет ориентироваться не на простых людей, которых полторы сотни миллионов человек, а на местных начальников, которых в тысячу раз меньше? А потому мы должны пойти дальше. Что будет, если мы уберем различия в народе, но сохраним деление на республики? Догадались? Мы сохраним себе головную боль на вечные времена. Тем более, как это существует сейчас, республики, которые могут выйти из состава СССР. А что если мы все с вами проморгаем врага и допустим его к власти в каком-то регионе? Разве простят нас наши потомки за такую забывчивость и невнимание? Нет, не поймут и не простят. Мы создали вынужденно на определенном этапе эту проблему, нам ее и ликвидировать.

Народ слушал Сталина в состоянии шока. Теперь, когда он говорил, все казалось таким простым и естественным. Еще более простым и естественным, чем пару часов назад казалось совсем противоположное. Постепенно народ разошелся, завязались новые споры, посыпались новые вопросы. Они становились все острее и серьезнее. Видимо, до собравшихся в зале угроза, прозвучавшая из уст Сталина в самом начале не была пустым звуком. Они решили выбрать меньшее из зол. Прозвучал вопрос о евреях. Почему им предоставлен совершенно иной статус, чем всем остальным народам? Задавший вопрос волновался так, будто уже ждал в гости сотрудников НКВД, но Сталин отреагировал совершенно спокойно и даже кивнул в знак благодарности.

— Это очень своевременный и важный вопрос, товарищи. Евреи действительно особый народ. В первую очередь тем, что вот уже почти две тысячи лет не имеют собственной земли. Более того, их даже нельзя назвать единокровниками, как все остальные народы. Их землей стала вся земля. Они везде свои и везде чужие. Все их единство зиждется только на религиозных обрядах и традициях, на общинности. Это породило неизбежные последствия. Одна часть еврейского народа, очень влиятельная часть, сионисты, провозгласила своей целью сделать всю планету еврейским царством. Подчинить евреям все остальные народы. Именно волю этой части мирового еврейства выполнял Троцкий, примазавшийся к нашей революции. Именно потому он имел такую широкую поддержку. Именно потому мы, не жалея сил, боролись с ним и до сих пор боремся с его последователями и приспешниками. Это наша земля и мы никому ее не отдадим.

Но есть и иная часть еврейства. Это простые люди, часто талантливые. Рабочие, крестьяне, мастеровые, учителя, врачи, ученые, музыканты и поэты. Они не имеют никого отношения к сионистам. Но именно они в царской России страдали больше всех от негативного отношения к сионистам. Именно по ним сильнее всего была черта оседлости. Именно потому они с огромной радостью приветствовали нашу революцию и приняли в ней активное участие. Но евреям никогда не исправить отношения к себе, если они не станут обычным народом. Таким как все прочие. Потому мы предложили им два пути. Тем, кого не интересует религия, кто уже сейчас ощущает себя частью нашего многонационального советского народа, милости просим. Такие люди перестают быть евреями так же, как перестают быть казахи казахами, грузины грузинами, чукчи чукчами. Но есть другие и их тоже очень много. Сегодня половина евреев мира живет в нашей стране и большая их часть

привержена своим религиозным и общинным традициям. Таким евреям мы предложили сначала пройти путь становления настоящего народа. Мы предложили им землю в Крыму и на Дальнем Востоке. Это была, есть и будет советская земля. Но мы предложили евреям там обосноваться и попробовать, имея статус автономии научиться управлять своей жизнью, научиться быть настоящим народом. Разумеется, все это в рамках советских законов.

— А как быть с великорусским шовинизмом? — прозвучал из зала новый вопрос.

— С шовинизмом? А он существует? Попробуйте придумать хоть одно преимущество русского народа хоть в царской России, хоть в СССР, которым бы обладали законодательно русские и не обладали другие народы? О каком шовинизме мы можем вести речь? Разве не русский народ вынес на себе все тяготы мировой и гражданской войн? Разве не русский народ, надрывая жилы, прилагал все силы для скорейшего развития национальных окраин? Разве не русский народ является тем стержнем, на котором держится единство страны, тем стволом дерева, которое и есть наш СССР. Разве может дерево жить без ствола с одними ветвями? Нет, не может. Особый статус русского языка? А вы можете назвать какой-либо иной, который одинаково хорошо понимали бы в любом уголке нашей Родины? Нет, и никогда не было никакого великорусского шовинизма. Все это очередные происки наших врагов. Скажу больше. Именно русский народ нуждается сейчас в особом к себе внимании и отношении. Слишком долго мы за его счет ублажали различных националистов всех мастей. Русский народ терпелив, но и его терпение не бесконечно. Мы все должны понимать, что для всех наших народов сделал и делает русский народ. Его культура, его язык, его традиции сегодня составляют объективную основу нашей общности. Так есть и так будет всегда.

Разговор длился очень долго, вопросы сыпались один за другим, как из рога изобилия. Сталин, который в отличие от того же Троцкого никогда не любил публичных выступлений уже устал, но держался мужественно. Даже когда на его предложение поднять руки тех, у кого еще остались невыясненные вопросы, никто не отреагировал, он не успокоился. Он предложил хорошенько подумать еще раз, поскольку от того, насколько сидящие в зале пропагандисты смогли все для себя прояснить, зависят жизни тысяч советских людей. Тогда эти его слова мало, кто понял правильно. Но как оказалось, Сталин точно знал, что имеет в виду.

## **Глава 38.**

### **Год Красного Быка. (Окончание)**

После того совещания пропагандисты разъехались по всей стране, проводя собрания во всех мало-мальски массовых рабочих коллективах и местах проживания людей. Органы НКВД получили указание содействовать им всеми силами. Но, как потом оказалось, органы НКВД получили не только это указание, но и приказ внимательно отслеживать реакцию людей и особенно руководителей во время этих собраний и главное после. Не скажу, что эта волна массовых разъяснений политики партии не дала никого эффекта. Дала и очень большой. Конечно, вопросов у людей все еще оставалось много, во многих местах еще относились к инициативам советского руководства с изрядной долей недоверия.

Но главное, на что делал упор Сталин и на что он надеялся, все же произошло. Простые люди стали повсеместно отделять свои интересы от интересов местных руководителей. Теперь даже осторожные националистические или сепаратистские призывы и провокации встречались в народе настороженно, а часто вызывали и массовые обращения в органы НКВД. С мест в Кремль посыпались просьбы окоротить зарвавшихся партийных и советских работников, сеющих напряженность и недовольных партийными решениями. Меркулов

бывал в кабинете Сталина чуть ли не каждый день. Но Сталин довольно долго сдерживал своих "волкодавов". И лишь когда отмашка все же была дана, я понял причины столь серьезной и непонятной для Сталина задержки.

Дело, как выяснилось, упиралось все в тех же вездесущих евреев. Ребе Шнеерсон, достигнув со Сталиным соглашения, развил бурную активность. Уже в феврале первые эшелоны с еврейскими переселенцами потянулись в Крым. Что, естественно, встретило ожидаемое сопротивление крымских татар. Начались стихийные волнения, саботаж, а в некоторых случаях дело дошло и до стрельбы. По договоренности с ребе главой Крымской советской еврейской автономной национальной области, как теперь сложно назывался в документах этот регион, был назначен брат Лазаря Кагановича Михаил. Ребе прекрасно понимал, что одними своими силами без активной поддержки советского руководства задачу поднятия Крыма не решить, а потому легко согласился с этим предложением Сталина. Услышав об этом назначении, я подумал, что, возможно, теперь удастся спасти жизнь еще одного порядочного человека. В моей истории Михаил Каганович застрелился, услышав наветы на самого себя от своего заместителя, которого считал своим товарищем и которого незадолго до того сам отстоял от обвинений в предательстве. Кстати, решил я, надо бы Сталину про этого Ванникова рассказать. Нечего таким людям делать в руководстве страны на ответственных должностях.

Так вот. Сталин, прекрасно зная о начавшихся волнениях в Крыму, выдержал паузу и дождался, когда за помощью в ликвидации националистических выступлений к нему обратятся глава КСЕАНО и сам ребе. И только тогда дал отмашку. Я понял, что он очень хотел решить проблему одним ударом. А то, что он заранее готовился именно к такому развитию событий, я знал. Как-то раз, находясь у Сталина в кабинете, я был свидетелем того, что ему принесли информацию о начале организованных местными партийными органами волнений в Грузии. Сталин даже побледнел и выругался по-грузински. Затем прошептал, уже по-русски, — Нет, второй раз этот номер у них не пройдет. Прошли те времена. Всех, — он до белизны сжал кулак, всех закатаю на нары, на рудники сошлю сволочей. Будут знать, как мутить воду и позорить мой народ.

Немного успокоившись, Сталин рассказал мне историю, которую я до этого не знал. Мне казалось, что Сталин всегда занимал позицию сохранения национальной самостоятельности советских республик. Оказалось, что дело было совершенно иначе. В 22-м году Сталин, отвечавший в ЦК за национальный вопрос, выдвинул идею "автономизации" страны. Все республики должны были получить статус автономий в единой централизованной стране. Белорусский ЦК согласился с этим предложением практически сразу. На Украине думали дольше, но в целом высказались за эту идею. План также поддержали республиканские органы партии в Армении и Азербайджане. Казалось бы все решено. Но в этот момент с отторжением этой идеи выступил Грузинский ЦК и даже в знак протеста в полном составе подал в отставку. Скандал дошел до Ленина, который попенял Сталину на поверхностное и неправильное решение, план похоронил и выразился в пользу самостоятельности национальных республик и их права на самоопределение. Сталин потерпел сильное аппаратное поражение. Но запомнил и обиду затаил. Именно этим и была вызвана его столь эмоциональная реакция сейчас.

Услышав все это, я в очередной раз поразился Сталину. Знаю его уже не по книгам второй год, а он все время продолжает меня регулярно удивлять. Ведь оказывается, что это не я его убеждал в необходимости ликвидации национальных различий, способных в

будущем взорвать страну изнутри, а он не пытался доказать мне правильность ленинской позиции. Нет. На самом деле, оказывается, он на мне тренировался, оттачивал аргументацию именно своей собственной точки зрения за исключением некоторых нюансов. А, может быть, и проверял стойкость собственной позиции. Это же сколько лет Сталин терпел, ни словом, ни делом не определяя своего отношения к решению национального вопроса. Терпел, затаив обиду, и выжидал. После этого я совершенно не удивился, что удар, который НКВД повсеместно нанесло по сепаратистам и националистам всех видов, оказался сокрушающим. Наверняка в пылу и рвении исполнения органами НКВД личного приказа Сталина "под паровоз" попало немало и совершенно случайных людей, которых лишь краем зацепили националистические настроения. Увы, это было неизбежно. И, положив руку на сердце, я не стал бы винить в этом кого-либо. Понимал, что это одна из немногих областей, в которых стоит перебдеть. Успокаивало меня лишь то, что расстрельных приговоров почти не было. Советская экономика остро нуждалась в трудовых ресурсах на самых разных участках. ГУЛАГ, организованный стараниями Берии, отвечавшего за все военные и секретные разработки и производства, становился важным фактором развития новых заводов и научно-инженерных центров.

Однако репрессии на национальной почве оказались не единственными в этом новом, но таком похожем на старый 37-м году. Поменялись лозунги, поменялись причины массовых посадок, но осталась суть. Видимо, не просто так выпадает на тот или иной год какой-то явный фактор проявления его особенностей. В моей истории именно 37-й стал годом массовых репрессий. Все указывало на то, что и в этом варианте все останется таким же. Вторая массовая волна репрессий прокатилась по стране позже, во второй половине года. Но об этом разговор еще впереди. А пока основательно прочищенные органами "мозги" советского народа с радостью встретили принятие 22 июня, в день летнего солнцестояния новой советской Конституции. В ней проявилось множество изменений как от той, что была предыдущей, так и от варианта сталинской конституции моего времени. Во-первых, кардинально менялась административная структура страны. Вместо независимых национальных республик образовывалось семь государственных округов: Дальневосточный, Сибирский, Южный, Приволжский, Уральский, Центральный, Западный и Северо-Западный. Помимо них особый статус территорий центрального подчинения имели Крым, Северный Сахалин и Еврейский автономный округ на Дальнем Востоке. Во-вторых изменилось само название государства. Теперь вместо привычного "Союз Советских Социалистических Республик" оно называлось "Союз Советских Свободных Родов". Разработчики этого названия посчитали необходимым сохранить привычную аббревиатуру СССР и сокращенное название Советский Союз. Решение о переименовании было проведено отдельным постановлением Правительства СССР, в котором помимо прочего отмечалось, почему было принято решение об отказе в названии от слова "социалистический". Указывалось, что страна в своем развитии переживает множество этапов. Сначала, даже после революции экономика нашей страны была многоукладной. Теперь мы строим ударными темпами социализм. Рано или поздно мы построим его и начнем движение к коммунизму. Но все это единый процесс развития одной и той же страны на пути построения высших форм свободного и справедливого общества. Именно потому приоритет был отдан слову "свободный". Исчезновение из названия "республик" было воспринято уже с полным пониманием. Ведь и сами республики были расформированы. Выделение Родов прошло совсем естественно. Тем более, что именно на их важности и значении не

переставали все это время твердить сталинские пропагандисты. Так же в Конституции делался упор на коллективную ответственность Родов в деле воспитания советского человека и построения подлинного социалистического общества. Не обошла Конституция и вопрос образования Национально-Культурных Центров-Заповедников, коих образовалось более двухсот. Все они были выведены из подчинения соответствующих округов и приобрели особый статус территорий, напрямую подчинявшихся Верховному совету и Правительству СССР.

В части религий, как и в прежнем варианте декларировалось отделение церкви от государства, но более четко был сформулирован принцип равноправия всех традиционных конфессий — христианского православия во всех равноправных традициях, включая грузинскую и армянскую церковь, традиционного ислама, ведического православия, буддизма и иудаизма, а также традиционных верований северных и сибирских народов. Хотели сначала назвать их все одним словом шаманизм, но потом отказались от этого термина, как вызывающего неоднозначные ассоциации. Все прочие конфессии, как не имевшие глубоких корней в стране, запрещались, как и любые виды сектантства.

В большинстве прочих положений этот вариант Конституции повторял известный в моей истории. Но даже сделанных изменений было более, чем достаточно для того, чтобы считать эту конституцию подлинно революционной.

Во внешнеполитической области год чем-то особенным не запомнился. Ситуация в целом разворачивалась по главному сценарию. Отличия от моего варианта истории были минимальными. Единственно, что стоит отметить, Европа в лице Англии и Франции постоянно пыталась давить на СССР в целях привязать нашу страну к каким-то вариантам договоров о коллективной безопасности. Но зная цену всем этим словам и предложениям, Сталин устами Молотова постоянно указывал на незаинтересованность Советского Союза в заключении каких-либо военных договоров. В частности СССР даже отказался заключать с Англией договор об ограничении своего военно-морского флота, что произошло в моей истории. Хотя для СССР, не делавшего упор на мощь именно ВМФ, ситуация была не очень принципиальна, любые договоренности военного характера бессмысленно связывали нам руки.

Так что Англии по сути в одиночку приходилось играть на сцене европейского политического театра. И задача перед ней вырисовывалась не очень простая. Ей предстояло обеспечить быстрое усиление Германии, а потом и отдать ей континентальную Европу, оставаясь при этом на поверхности ее самым яростным врагом. Не случайно в мае король Великобритании Эдуард VIII-й отдал престол наследнику Георгу VI-му, а сам занялся решением вопросов личной жизни, женившись в июне во Франции на Уоллес Симпсон. Видимо, чувствовал король неладное и поспешил откреститься от происходящего. Вслед за коронацией нового монарха премьер-министр Стенли Болдуин был вынужден подать в отставку. Главой нового Кабинета стал Нэвилл Чемберлен. Пост министра иностранных дел получил Энтони Иден. Именно этим джентльменам отныне предстояло проводить в жизнь политику Его Величества и стоящих за его спиной Баварских иллюминатов Ротшильдов.

На Дальнем Востоке ситуация развивалась более драматично. В июле Япония спровоцировав инцидент у моста Марко Поло на юго-востоке Пекина, вторгается в Северо-восточный Китай. В отличие от европейских событий на происходящее у восточных границ страны СССР смотрел куда более внимательно. Поскольку все случившееся благодаря мне, а точнее моей памяти, не стало для советского руководства сюрпризом, то и реакция

последовала незамедлительно. Официально СССР оставался в стороне от конфликта, но фактически начались массовые поставки вооружения в Китай. При этом делалось все, чтобы окончательно не подорвать отношения с Японией. И дело было даже не в опасении прямых столкновений. В настоящее время СССР не был заинтересован в сильном ослаблении Японии. Впрочем, как не видел интересов и в поражении Китая. Ситуация контролируемой напряженности, именно так можно было бы охарактеризовать идеальный для Советского Союза вариант, сформулированный аналитиками УЗОРа.

Важнейшие события 37-го года разворачивались в экономической сфере. Начиная с весны массовым потоком в страну пошло из США импортное оборудование. Если в моей истории Торговое соглашение между СССР и США было подписано только в августе, здесь это случилось уже в начале февраля. Видимо, оперативно сработали как Рокфеллеры, так и еврейское лобби США, впечатленные достигнутыми договоренностями. Все порты СССР, и восточные, и черноморские, и на Балтике буквально задыхались от наплыва судов и грузов, постоянно работая в авральном режиме. Слава Богу, что благодаря грамотно налаженной работе с каждым грузом была полная ясность, что он из себя представляет и для какой площадки предназначен. Все поступающее оборудование незамедлительно грузилось на поезда и отправлялось на места назначения. Руководил этим процессом незаменимый Лазарь Каганович. На местах эстафету подхватывал Орджоникидзе, отвечавший за строительство заводов и ввод их в эксплуатацию. Для того, чтобы склеить всю логистическую схему и добиться своевременной подготовки заводских площадок под прием оборудования целой команде аналитиков УЗОРа пришлось несколько месяцев ломать голову. Фактически эта работа началась, как только Сталин подписал соглашение с Рокфеллерами, и когда из-за масштабов поставок стало ясно, что при обычном распределении полномочий и ответственности между руководителями Наркоматов весь процесс приема грузов, их доставки на заводы и открытие производств захлебнется в течение недели. Не говоря уже о подготовке инфраструктуры и зданий новых заводов, растущих по всей стране как грибы. Еще одной проблемой стало обеспечение производств необходимыми кадрами, организация их обучения и жизнеустройства. В последнем очень помогли американские профсоюзные товарищи, но ведь и этот людской поток надо было принимать, фильтровать и направлять по назначению. Людями занялся НКВД Меркулова при содействии людей Артузова. В какой-то момент пришло осознание того, что без единого координационного центра не обойтись и Сталин принял решение создать временную комиссию под собственным непосредственным руководством. И, надо сказать, что оказался полностью прав. Уж если даже в его присутствие Наркомы не раз были готовы сцепиться в рукопашной схватке, отстаивая ведомственные интересы, то можно только себе представить, что было бы, пусть Сталин вопрос на самотек.

Кстати, в отличие от моей истории большинство заводов строилось не на западе или в центральной части страны, а гораздо ближе к Уралу или даже за его хребтом. Это не только повышало обороноспособность страны, но и способствовало более равномерному заселению ее территории.

По мере нарастания поставок и ввода в строй производственных мощностей неожиданно вылезла проблема, которую не ждали. В ЦК полился поток писем и жалоб на срывы поставок, производственных планов и даже порчу оборудования. Слава Богу, что я узнал об этом практически с самого начала. Как-то раз Сталин спросил меня, насколько вероятным я оцениваю сознательное массовое вредительство среди рабочих и инженерных



кадров, допускаю ли наличие централизованного заговора. Особенно среди спецов дореволюционной закалки. И как это было в моей истории?

И тут у меня в голове щелкнуло. Приходилось не раз читать, как косорукие рабочие по глупости ломали оборудование, чиновники но нерадивости срывали график поставок сырья, а всю вину валили на старых специалистов. Ну а как же? Те ведь чуждые социальные элементы, а они все из себя свои. Из самых низов. Я аж взвился.

— Успокойтесь, товарищ Алексей, и рассказывайте, что именно Вас так разволновало.

— Товарищ Сталин, как здорово, что Вы об этом упомянули, надеюсь, что процесс не зашел еще слишком далеко.

И далее я максимально подробно, насколько по ходу удавалось вспомнить, стал рассказывать Сталину как происходили подобные вскрытия "заговоров", как устранялись честные, добросовестные, но политически пассивные грамотные кадры в угоду огульному политиканству всяких примазавшихся к партии сволочей. А представьте себе, как будут валить на иностранцев?

Сталин по мере моего рассказа тоже разволновался, понял, что ситуацию надо немедленно брать под контроль, пока чуткие органы не понаворотили дел на основе подобных доносов.

— И что Вы предлагаете, товарищ Алексей? Не обращать внимание на сигналы с мест? Но кто тогда ответит за срывы производства и порчу оборудования? Ведь, как говорит товарищ Каганович, у каждого провала есть фамилия, имя и отчество человека, который его допустил.

— Ни в коем случае, товарищ Сталин. Единственный способ кардинально решить этот вопрос это проводить независимое от местных властей расследование происшествий и жестко карать непосредственных виновников произошедшего и тех, кто пытался их покрыть, свалив ответственность на других людей. Более того, следует каждый факт укрывательства настоящих виновников предавать гласности, чтобы существенно снизить желание лгать партии и руководству страны. Предлагаю организовать центральную межведомственную комиссию из представителей Меркулова, Кагановича, Орджоникидзе и Берии. В каждом округе сформировать подобные окружные комиссии. В их задачу должна войти полная проверка происшествий и поиск подлинных виновников. Результаты проверки должны докладываться в центральную комиссию, которая и принимает окончательное решение и определяет меру ответственности всех провинившихся, она же направляет дело в суды. Так все будет правильно и по закону. А членов всех комиссий следует предупредить, что каждый из них несет персональную ответственность за ошибку и тем более за покрытие настоящих преступников. Вплоть до расстрела в особо вопиющих случаях.

— Хорошее предложение, товарищ Алексей. Я смотрю, Вы окончательно избавились от чрезмерного либерализма и встали на пролетарскую точку зрения. Вы абсолютно правы, что учитываете обе стороны проблемы. Защитить от нападков безвинного человека ничуть не менее важно, чем покарать преступника. Очень хорошее предложение. И очень своевременное.

Вот так и получилось, что первопричиной очередной волны массовых репрессий стал я сам. Утешало меня лишь то, что созданные комиссии действительно стремились докопаться до сути дела и о любой попытке давления на них со стороны местных органов партии или власти докладывали наверх. Разумеется, существенно меньше от всего этого проблем не стало и количество заключенных по экономическим преступлениям и происшествиям не

уменьшилось, но вот свободные квартиры на рабочие бараки в ГУЛАГе теперь сменяли именно виновники происшествий, а не оклеветанные руководством или завистниками честные граждане. По данным видам преступлений никого не расстреливали.

А еще 37-й запомнился мне тем, что осенью в СССР наконец началось массовое производство антибиотиков. Пенициллин прошел все необходимые испытания и был признан важнейшим открытием века. Его поставка в больницы страны дала потрясающий эффект. Количество летальных исходов даже при тяжелых инфекционных заболеваниях сократилось на порядок. Западные страны стали выстраиваться в очередь за получением лицензий на производство. Препарат, разумеется, был запатентован мгновенно, как только пошли первые результаты. Но СССР пока не торопился раздавать лицензии направо и налево. Фактически их не продавали. В США была организована совместная с Рокфеллерами компания, получившая монополию на распространение готового препарата в Америке. В Европу поставки осуществлялись непосредственно конкретным заказчикам. И только по предоплате. Все производство было решено оставить только на территории нашей страны. Это была, конечно, лишь маленькая ниточка заинтересованности других стран в благополучии СССР, но ведь она могла и не быть единственной.

### **Глава 39. Родовые схватки.**

#### **(Начало)**

После принятия новой Конституции машина организационных преобразований сначала стояла какое-то время на холостом ходу, а потом покатила со все возрастающей скоростью.

Первые изменения затронули реорганизацию административного деления страны. Сказать, что вместо республик отныне будут укрупненные округа одно, а реализовать это на практике совсем иное. По всей стране одновременно ликвидировались старые структуры государственной и партийной власти, тысячи людей выводились за штат и ожидали новых назначений. Параллельно шло строительство новых органов управления. Неразбериха продолжалась несколько месяцев, но постепенно стала сходиться "на нет".

Сталин и здесь не изменил самому себе и организовал Центральную межведомственную комиссию по административной реформе, возглавлять которую поставил Заместителя Председателя Совнаркома Анастаса Микояна, которому всецело доверял. На эту Комиссию он и возложил всю ответственность за проведение реформы.

Его заместителем, отвечавшим за параллельную реорганизацию партийных комитетов, стал Николай Ежов. Благополучно избежав судьбы, уготованной ему в моей истории, он так и не попробовал на радость сотням тысяч людей себя в роли Наркома внутренних дел и все последние годы возглавлял комиссию партийного контроля. На этом посту разгуляться ему особенно не довелось, а страна так и не узнала "ежовых руковиц".

Наиболее остро поначалу стоял вопрос с руководящими кадрами. Многие начальники на местах далеко не сразу поняли всю глубину наметившихся преобразований, а потому промолчали. Не знаю, избежали ли они этим отправки на рудники или лесоповал, либо не смогли составить критическую массу, способную отменить реформы, но время они упустили. Практически все из них рассуждали по накатанной схеме. Как структуру не перестраивай, а все равно в каждом селе, городе, районе и области органы власти нужны. А потому, думали они, как сидели, так и будут дальше сидеть на своих местах. Лишь только вывеску поменяют. Опасность видели лишь руководители республик, но их было совсем немного, да и не все они дожили на своих местах до реформы, чем сподвигли оставшихся к

выжиданию.

Но ни те, ни другие даже близко не угадали развитие ситуации. Сталин не зря потратил кучу времени на разговоры со мной, выясняя все этапы и все причины развала СССР и последовавшего за этим хаоса. Думаю, он и до этого прекрасно понимал проблемы местничества и кумовства во власти, но рассказанное мной придало ему дополнительную решимость.

Первое и самое главное изменение коснулось национальности назначаемых руководителей. До уровня района был введен строгий принцип, что все руководство должно быть местным. Во-первых, национальности можно отменить декретом, но автоматически они от этого не исчезнут. Напротив, это чувство только обострится на время. И чем ближе к "земле", тем это чувство острее. Поставь чужака на местный уровень управлять, где все друг друга знают, где куча особенностей в каждом отдельном местечке, и будь он даже семи пядей во лбу, все провалит. Просто не успеет войти в курс дела и стать для людей своим, как уже наворотит ворох неисправимых ошибок. А потому все руководители набирались из местных жителей, уже имеющих авторитет среди земляков. В партийных органах принцип был несколько иной. Первые секретари всегда были чужаками. Но одним из их заместителей обязательно становился местный партийный руководитель. А вот в органах НКВД местных категорически не было.

Но, начиная с уровня областей и тем более в округах, все менялось почти с точностью до наоборот. Здесь и советское и партийное руководство в обязательном порядке было издалека, даже не из соседних областей. Зато в органах НКВД рулили местные товарищи.

В результате совсем без назначений осталось не слишком много народа, лишь те, кто уже успел заслужить очень плохую репутацию. Но зато всех остальных ждал великий переезд. Впрочем, и он был затеян не одномоментно, а последовательно. Сначала формировались органы НКВД, затем назначались партийные руководители и лишь в последнюю очередь формировались органы собственно административного управления.

При этом, чтобы не допустить возникновения каких-либо националистических проявлений, национальный состав руководства всех партийных и советских организаций подбирался едва ли не более тщательно, чем профессиональный. В какой-то мере даже старались учитывать пропорции, хотя и не до деталей. Но любой самый малый народ СССР мог похвастаться наличием их представителя или представителей на тех или иных постах в партии и государстве. А то, что большинство их служило не там, где родилось, так это лишь добавляло им почета и уважения среди земляков.

Завершилась вся административная реформа созывом 1-ой сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва, на которой Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин единогласно был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Наведя слегка порядок в административной области и сформировав все уровни государственного и партийного управления, советское руководство незамедлительно приступило к фактической реализации родового принципа устройства советского народа. Зная Сталина уже некоторое время, я практически не сомневался, что у него в голове уже была более или менее сформулированная идея такого преобразования. Да и тема эта при различных обсуждениях всплывала далеко не раз еще на этапе подготовки Конституции. Но, как и всегда, он предпочел не давить сверху своим авторитетом, а подойти к решению проблемы с противоположной стороны.

Был объявлен созыв Всесоюзного съезда Старейшин. На него приглашались со всех

уголков страны выбранные на местах уважаемые люди, возраст которых перевалил за 60 лет. В качестве обязательных условий было наличие семьи и детей, а также отсутствие сколько-нибудь серьезной номенклатурной должности. Желание поучаствовать в подобном мероприятии чиновников и партийных функционеров Сталин отменил на корню, запретив им даже участвовать на предварительной стадии. Выборы делегатов съезда проводились в два этапа. Сначала в каждом городе и селе проводился первичный отбор кандидатов. Партийные органы и органы НКВД могли дать отвод тому или иному претенденту, но пользовались этим правом крайне редко. Избранные "аксакалы" собирались вместе и уже из своих рядов выдвигали необходимое количество делегатов съезда. Благодаря неплохой организации мероприятия и незаметно направляемого процесса выяснения отношений между первично отобранными кандидатами, процедура выдвижения делегатов съезда заняла около месяца. Еще месяц ушел на подготовку самого съезда и получение делегатами напутствий от менее удачливых земляков. Тема съезда была обозначена достаточно широко, "организация народного самоуправления через Родовые связи". Но небольшой список предлагаемых для обсуждения тем все же имелся, а потому первые жаркие дебаты развернулись еще на местах.

Съезд собрался в Кремле в начале марта 38-го года. Более пятисот делегатов со всех уголков страны собрались в Колонном зале Дома Союзов. На открытие съезда прибыл Сталин.

— Уважаемые старейшины единого народа Советского Союза. Мне по возрасту еще не положено находиться среди вас, годик я до минимального аксакальского ценза не дотянул, но я коварно воспользовался своим служебным положением, чтобы лично поприветствовать всех собравшихся в этом зале.

Реплика Сталина, выдержанная в шутовском тоне вызвала бурный восторг в зале и немного снизило напряженность собравшихся.

— Здесь собрались те, кому наш великий народ доверил важнейшую миссию, самоорганизации собственной жизни. Жизнь можно организовать сверху, из-под палки. Но если она войдет в противоречие с устоями, с традициями, по которым жили наши предки и не успеет создать новых, более сильных, более справедливых традиций, то такая организация рассыплется и наступит хаос. Этого нельзя допустить. Вы собрались здесь для того, чтобы из всего многообразия местных и национальных традиций выбрать те, которые мы возьмем в будущее. По которым будет жить и процветать наш народ. Кто может сделать это лучше вас, самой судьбой предназначенных стать основателями и хранителями наших новых традиций, устремленных в будущее, но прочно опирающихся на заветы и устои наших предков? Никто. Ни один начальник, каким бы он ни был умным этого сделать не сможет. Такое под силу лишь тем, кто сам является плотью от плоти, кровью от крови народом. Кто за свою долгую жизнь повидал и пережил многое. Здесь собрались те, кто помнит времена царизма, кто жил, отдавая свой труд помещикам и заводчикам. Те, кто помнит революцию и страшные времена Гражданской войны, когда все родовые связи были забыты, когда отец воевал против сына, а брат против брата. И в большинстве случаев воевал не потому, что искренне считал свою родню врагом. А потому, что многие просто вовремя не поняли, на чьей стороне правда. Так больше не должно повториться. Больше никогда и никто не должен поднимать одну часть нашего народа против другой. И вы сейчас должны сделать все, чтобы это стало невозможным. Советская власть уже многое сделала. Она сделала всех нас равными перед страной и народом. Она уничтожила эксплуатацию и дала всем равные права и равные шансы. Теперь вы должны сделать вторую часть. Создать незыблемый свод правил,

по которым народ будет жить.

Я признаюсь вам честно, как руководитель со стажем, на плечах которого давно лежит большая ответственность. Управлять проще теми, кто не имеет правил. Кого можно развести поодиночке, внушить необходимые мысли и подвигнуть на нужные действия. Да, гораздо проще управлять народом, который не имеет собственных традиций, собственного мнения и который радостно одобряет все, что предлагает власть. Проще, но не правильной. Когда я задумываюсь над тем, что по какой-нибудь роковой случайности на вершине власти может оказаться негодяй и предатель, то мне становится страшно. Страшно от того, что он сможет сделать с разобщенным и не думающим народом, одобряющим все до последнего момента, когда станет слишком поздно что-то менять. И я понимаю, что не должен этого допустить. Мы все вместе не должны этого допустить. А для этого наш народ должен быть сильным, единым и живущим по четким правилам и устоям. Раньше мы не могли этого сделать. Раньше мы боролись с внешними, а потом и с внутренними врагами, которые, преследуя личные и коварные цели, пытались нас разобщить. Но мы выстояли и доказали всему миру, что наш народ просто так не одурачить. Мы сильны своей правдой, мы пролили за нее много крови и готовы за свою правду и свободу сражаться до последнего вздоха. Но важна не только наша решимость. Мы должны быть еще и вооружены. Вооружены своим знанием, своей Правдой, своими традициями, которые уберегут нас от ошибок.

И именно для этого вы все здесь и находитесь. Мы надеемся на вас, вся страна доверяет вашей мудрости и надеется.

Человек, отвечающий только за самого себя и думающий только о самом себе подобен песку в пустыне. Куда подует ветер, туда его и несет. Такой человек ненадежен, он слишком легко может попасть под власть иллюзий или собственных фантазий. Но человек, за которым стоит его Род и его традиции, человек, который отвечает за благополучие своего Рода так же, как и Род не бросает его в трудную минуту, оказывая поддержку. Такой человек уже подобен глине на речном берегу. Ветер уже бессилён сдвинуть его с правильного пути. И даже воде, которая точит камень, будет нелегко размывать эту глину.

Мы уверены, что все сказанное вы понимаете даже лучше нас. Мы уверены, что вы, все здесь собравшиеся, полностью разделяете наши мысли и стремления. Но есть одна большая проблема. Наша страна огромна. Наш народ вобрал в себя столько больших и малых народов, веками живших по различным традициям, что просто соединить все вместе в один комок не получится. Вы все знаете слово Род, знаете его смысл и значение. Но вы все понимаете его немного по-своему. Так же, как понимали и ваши отцы, деды и деды ваших дедов. А в разных местах они понимали под этим разное. И именно вам предстоит решить нелегкую задачу. Выявить все особенности понимания Рода, собрать все воедино, отказаться от лишнего и сохранить самое ценное. Конечно, жизнь не подгонишь под одну гребенку. Различия ведь тоже не возникали на пустом месте и беспричинно. Как правило, они проистекали из различных особенностей в жизни и хозяйствовании. Но сейчас очень многое меняется. Сейчас во всех уголках нашей необъятной родины строится новая, одинаковая для всех жизнь. Для нас больше не имеет значение происхождение человека, если это наш, советский человек. А значит и понимание базовых вещей должно быть везде одинаковым. Как решить эту проблему? Думаю, что правильным было бы поступить следующим образом. Надо собрать все общее, что нас объединяет, создать единую основу родовых понятий и устоев, которые будут одинаковыми для всего нашего народа. Но одновременно для каждого региона нашей страны можно оставить и ряд своих традиционных правил и понятий,

которые не находясь в противоречии с базовыми принципами, создадут необходимый местный колорит и традиционность, преемственность понятий. Мы думаем, что вы с этой задачей справитесь. И справитесь успешно. Мы не сомневаемся. Для того, чтобы вам лучше работалось, мы создали все необходимые условия. О порядке работы вас сейчас проинформирует товарищ Калинин, а мне позвольте еще раз сердечно приветствовать наших уважаемых старейшин и пожелать вам успехов в работе.

Только не надо слишком волноваться. И тем более не стоит соревноваться в искусстве поединков. Хорошие решения всегда приходят на холодную голову, — закончил Сталин, как и начинал свою речь шуткой.

Речь Сталина была встречена бурными и продолжительными аплодисментами. Сколько раз мне давным-давно приходилось слушать подобные овации, доносившиеся из телевизора на каждом партийном или государственном собрании. Но я и представить себе не мог, что люди могут аплодировать настолько воодушевленно и неистово. Впрочем, я прекрасно понимал делегатов съезда. Кто они? Простые колхозники, рабочие, в лучшем случае представители сельской или городской интеллигенции, врачи, учителя, хотя и таких-то было немного. И тут сам Сталин обращается к ним с такими уважительными словами. Я был уверен, что после окончания съезда любому делегату немало времени придется провести дома, выступая, как заезжая звезда с концертами перед своими земляками, делясь с ними пережитым.

Всесоюзный староста был встречен такими же бурными овациями. Калинин пользовался в народе настоящей любовью, более того, если Сталина любили, но боялись, то его просто любили. К тому же Калинин проводил немало времени в поездках по стране, часто общаясь с народом напрямую.

— Товарищи старейшины. Я в отличие от товарища Сталина нужный возрастной рубеж уже преодолел, а потому скажу вам просто. Главное в любом деле это вовремя остановиться и принять решение. Для этого необходимо договориться об элементарных правилах ведения диспутов и когда и как их завершать. Также важно договориться по порядку вашей работы.

Вам предстоит решить несколько вопросов, которые можно условно разделить по тематике. В этой связи предлагаем вам в перерыве подойти к столам в холле и записаться для работы в одну из предложенных секций. Скажу сразу, что этот порядок более или менее будет регулируемым. Вы должны понимать, что нам важно во всех секциях обеспечить не только численный состав, но и региональное представительство делегатов. А потому те, кто не найдет для себя места в одной, обязательно найдет его в другой. Важных или неважных секций нет. Более того, всем секциям придется поработать над всеми вопросами, просто в разной последовательности. Таким образом, мнение каждого из вас по всем вопросам окажется не только услышанным, но и учтенным. Но прежде всего вам предложат подписать одно обязательство, это очень важное обязательство. В нем вы все признаете, что после завершения обсуждения всех вопросов принятие решений будет проводится всеобщим голосованием. Даже если кто-то из вас будет недоволен принятым решением, имея другое личное мнение, вы все признаете принятое решение правильным и обязательным к исполнению. Никто из вас после принятия решения не будет словом или делом протестовать против него или тем более мешать его реализации. Я считаю это совершенно справедливой постановкой вопроса. Так решаются все вопросы в любом обществе, в любой семье. Да, кто-то скажет, что в его семье слово главы семьи является законом. Но здесь вы все равные уважаемые люди с огромным жизненным опытом. Разве более весом ваш голос, чем голос

вашего соседа по залу? В любой семье все подчиняются принятому решению. Так же поступим и мы. Мы все и есть одна семья. Вас выбрал весь советский народ. Так будьте же достойны его выбора.

Народ в зале, сначала напрягшийся при слове "обязательство", расслабился. Принятие решения всем миром это было понятно. Как понятно и было обязательное единодушие при исполнении решения после его принятия. На таком примерно порядке жизнь строилась веками.

После перерыва на обед и непродолжительный отдых работа съезда возобновилась. Несколько делегатов из разных регионов страны заранее попросили подготовить выступление об особенностях родовых устоев в их местности. Больших различий не было, хотя иногда разговор уходил немного в сторону и больше напоминал воспоминание бойцов о временах, когда деревья были зеленее, а девушки сплошь ослепительно хороши. Но Калинин, управлявший ходом заседания, довольно быстро восстанавливал порядок, возвращая ораторов в реальность.

В последующие две недели делегаты трудились, не покладая рук. Они совместно творили Родовой Кодекс СССР. Постепенно все более четко вырисовалось несколько блоков, призванных определить родовые взаимоотношения в стране.

1. Состав Рода, прием в Род, исключение из Рода. Создание собственного Рода. Система внутренних взаимоотношений внутри Рода с учетом отдельного и удаленного проживания.

2. Ответственность человека перед Родом, ответственность Рода перед своим членом.

3. Права наследования в Роду.

4. Внутренние органы управления Родом.

5. Взаимодействие Рода и органов государственной власти. Ответственность Рода перед государством и государства перед Родом.

6. Образование и статус межродовых объединений.

7. Родовые поместья, их имущественный статус и передача по наследству.

Был еще блок региональных особенностей, но его обсуждение было отложено до принятия базовых общенародных положений Кодекса.

В первые дни работа двигалась туго. Все участники просто вспоминали все, как было у них, и неизбежно ударялись в описание деталей и различных историй. Поскольку среди делегатов было немало хороших рассказчиков, процесс грозил затянуться в неопределенное будущее. Но такой вариант развития событий был предусмотрен заранее. А потому старикам дали немного выпустить пар, и уже на третий день в каждую рабочую секцию был направлен представитель государственного аппарата, сравнимого с делегатами возраста, который взял управление обсуждением в свои руки. Процесс пошел существенно быстрее.

Через две недели первая стадия была завершена и все наработки переместились в другие секции на обсуждение. При этом был применен один интересный и очень полезный прием. Чиновник, руководивший проработкой какой-либо темы, перемещался в ту секцию, в которой продолжалось ее обсуждение. Там он, по-прежнему управляя процессом, одновременно работал экспертом, при необходимости объясняя, какие вопросы уже обсуждались, и почему были приняты или отклонены в предыдущей секции. Это позволило сэкономить немало времени и сил далеко не юношеского возраста делегатов. Впрочем, вели они себя зачастую как юноши. Находясь в постоянно приподнятом состоянии уже от самого факта востребованности, нового призыва в строй, они проявляли завидную стойкость в работе и баталиях по самым разным вопросам.

## Глава 40. Родовые схватки (окончание)

Работой съезда на всем его протяжении руководил Михаил Иванович Калинин. Являясь членом Политбюро ЦК, он уже давно познакомился и со мной лично, и с моей историей, хотя произошло это гораздо позже, чем с остальными приближенными Сталина.

Но как только Сталиным была объявлена программа административной реформы, он быстро попытался наверстать упущенное и пытал меня на предмет будущих перепетий государственного строительства и развала не меньше, а, может быть, и больше, чем сам Сталин. Скорее всего позже он свои выводы докладывал вождю, поскольку Сталин неизменно оказывался в курсе всего мною сказанного. Но для меня так было даже проще. Калинин был исключительно простым в общении человеком. Сам из крестьян, он до конца дней сохранил здоровую крестьянскую смекалку и хитринку. Часто прикидывался простачком, заставляя буквально разжевывать те или иные моменты. Но это была явная игра. Умные внимательные глаза неизменно выдавали, что он все прекрасно понимал даже с намеков, а подробными рассказами лишь заставлял собеседника безо всякого сопротивления выкладывать все, даже самые незначительные аргументы и объяснения. И лишь понимая, что больше из оппонента ничего не выжать, начинал выдавать результаты собственного анализа услышанного. Возможно, именно такой стиль поведения позволил ему и в моем варианте истории сохранить свое положение, избежав каких-либо репрессий в самые трудные периоды. Прекрасно умел Михаил Иванович и общаться с простым народом. В разговорах с ним он мгновенно переходил на простой народный язык, тут же становясь своим для любого крестьянина или рабочего. Лучшей кандидатуры для общения со старейшинами подобрать было невозможно.

В процессе работы секций съезда он лично неоднократно побывал на заседаниях каждой из них, внимательно вслушивался в ход дискуссий, долго молчал, показывая, что на него не стоит обращать внимание, но потом неожиданно просил слова и буквально несколькими фразами прекращал досужие споры по несущественным вопросам, направляя обсуждение на действительно важнейшие моменты рассматриваемых тем и выделяя серьезные неразрешенные проблемы. Все это лишь добавляло ему и без того огромный авторитет у старцев.

Такое деятельное и успешное участие Калинина в работе съезда объяснялось еще и тем, что он уже вытряс из меня и проанализировал всю проблематику государственных и социальных институтов в позднем СССР и тем более в постперестроечной России. И вот теперь он, вооруженный знанием будущих центробежных тенденций, а также методов, с помощью которых народ в моем времени был доведен до состояния атомизированной и зомбированной толпы, как орешки шелкал задачи, казавшиеся аксакалам неразрешимыми. Он с легкостью ставил в тупик своими вопросами заядлых спорщиков и выстраивал убедительные логические цепочки, от которых даже у "Фомы неверующего" зашевелились бы остатки волос на голове. Неожиданно для всех участников съезда проблема, которой они занимались, превратилась из задачи сохранения в поколениях исторических народных традиций и обеспечение уважительного отношения молодежи к благородным седидам в проблему совершенно иного уровня. Оказалось, что они решают задачу буквального выживания социума, сохранения народа, как единой общности, и защиты всего того, что строили сами и продолжателями чего являлись их дети.

Конечно, никто не рассказывал им о будущем прямо. Калинин лишь умело выступал



оппонентом, предлагая всем желающим переубедить себя логическими доводами. И в процессе этого умело подкидывал людям все новые варианты идеологических диверсий и психологических ловушек. Большого не требовалось. Благо идиотов или увлеченных юнцов среди делегатов не было.

В результате чуть было не случился обратный эффект. В какой-то момент все захотели вернуться к самому началу обсуждения и пересмотреть заново все, до чего успели уже договориться. Но к счастью от этого удалось отговорить. Благо все наработки полностью соответствовали решаемым задачам. Возникла лишь необходимость усилить некоторые аспекты.

В результате Кодекс стал постепенно вырисовываться.

Проще всего удалось договориться по первому пункту. Практически все понимали родовую принадлежность по мужской линии. Женщина, выходя замуж, переходила в Род мужа. А в случае развода начинались варианты. В зависимости от причин такового она могла остаться в Роде мужа по решению совета последнего, ее могли обратно принять в исходный Род, или оба Рода могли отказаться от нее.

Достаточно быстро проговорили и перечень причин, способных привести к исключению из Рода.

Прием в Род вообще не вызвал никаких противоречий, нюансы были лишь в процедурных вопросах, надо ли собирать весь Род для принятия решения или можно обойтись парой рекомендаций и решением Главы Рода. Но этот вопрос со спокойной совестью отдали на региональный уровень, чтобы попусту не ломать традиции.

Вопрос о том, как осуществлять единое функционирование Рода в условиях раздельного проживания его членов в разных регионах страны поначалу вызвал ступор. Но здесь пришло на помощь государство. Калинин пообещал в кратчайшие сроки решить большую часть возникавших проблем. Во-первых, было решено создать специальную службу Родовой почты, письма и телеграммы в которой автоматически приобретали высший приоритет доставки. Во-вторых, когда в Родовых взаимоотношениях возникало само государство, то за передачу информации всем необходимым лицам становились ответственными органы НКВД, передававшие ее по своим служебным каналам связи, и уже местный сотрудник непосредственно входил в контакт с конечными получателями такой информации. По этим же каналам передавалось мнение или решение членов Рода. Это, как правило, касалось случаев необходимости серьезного повышения должности или, напротив, серьезного наказания члена Рода.

Государство приняло также самое серьезное участие в решении и второго раздела Кодекса, о взаимной ответственности Рода и его членов. Выразилось это в том, что Калинин пообещал подготовить ряд законов, существенно повышающих заинтересованность всех сторон в максимальном принятии таковой ответственности. Например, рекомендации сильного и успешного Рода должны будут играть немаловажную, а иногда и определяющую роль при принятии его члена на ответственную должность. И чем выше был уровень этой должности, тем больше значили эти рекомендации. Было также решено, что Род может принять на себя солидарную ответственность за своего члена и взять его на поруки в случае совершения им нетяжких преступлений. В основном это касалось мелких краж и прочих провинностей некриминального характера. При этом Род обязан был полностью компенсировать все материальные потери пострадавшим или государству. При более тяжких преступлениях своего члена Род мог отказаться от него навсегда, либо материально

участвовать в его содержании в системе Гулага.

Вопрос наследственности особых споров не вызвал, его попросту решили спустить на региональный уровень. Исключение касалось лишь всего связанного с Родовым поместьем. Его наследование Кодекс закреплял однозначно. Родовое поместье закреплялось при его выделении изначально за самым старшим членом Рода и передавалось по наследству исключительно его старшему сыну. При отсутствии такового была разработана целая четкая схема передачи его другим членам Рода. Хозяин Родового поместья назывался Хранителем Рода и мог передать его другим членам Рода только с согласия Совета Рода. При отсутствии живых членов Рода мужского пола, то есть вымирании Рода, поместье переходило в другой Род через женскую линию вымершего Рода. При отсутствии любых наследников поместье переходило в государственную собственность. И лишь в этом случае поместье могло быть отобрано государством.

Размер поместья по согласованию с Калининым был определен в один гектар, который государство безвозмездно передавало Родам в бессрочное, наследуемое владение. Выделение земель должно было быть осуществлено в течение трех месяцев после съезда Исполкомами по месту жительства Главы Рода. Если Род полностью проживал в городе, то выделение земли должно было происходить за городом в пределах пятидесяти километров от городской черты.

Управление Родом было решено возложить на Совет Рода, в который входили все его члены мужского пола старше тридцати лет, имевшие собственную семью. Вокруг этого возраста и семейного статуса прошли жаркие дебаты, но в конце концов большинство делегатов сошлось во мнении, что не обладающий достаточным жизненным опытом молодой человек не мог полноценно выступать от имени Рода. То же самое касалось и одиночек, не укрепившихся в жизни через создание семьи. Это условие лично для меня оказалось неожиданно жестким. Но, поразмыслив, я пришел к мнению, что в такой постановке вопроса есть очень сильная логика. Лишь человек, практически осознавший свою ответственность хотя бы перед членами своей семьи, способен ответственно вершить чужие дела и принимать решения, касающиеся не только его самого. Также в Совет Рода обязательно входила минимум одна женщина, избираемая женской половиной Рода. Но любой род собственным решением мог увеличить их число. Возглавлял Совет Глава Рода — самый старший в Роду мужчина.

Возможность образования межродовых объединений сначала стала предметом жарких споров, но после того, как было определено, что никаких дополнительных прав и обязанностей это не дает, более того, Роды могли лишь делегировать этим объединениям часть собственных прав и ответственности, все споры быстро сошли на нет. Решили, что на таких условиях это внутреннее дело самих Родов.

Самый сложный вопрос оказался в области организации формальных отношений родов и государственных органов управления. Поначалу, преисполнившиеся самоуважения от важности порученного им дела, делегаты вообще возомнили о себе неизвестно что. Стали даже звучать разговоры о том, что это особая ветвь власти, чуть ли не самая важная. Но такое развитие событий было быстро и решительно пресечено. Хотя и с известной долей деликатности, чтобы никого не обидеть. Просто в какой-то момент Калинин, посетивший секцию, занятую проработкой данного вопроса, объяснил, в чем именно лежит базовое непонимание государственного устройства и роли Родов уважаемыми старейшинами.

— Есть различные сферы жизнедеятельности государства.

Есть идеология. Ей занимается наша Коммунистическая партия. Идеология определяет нашу долгосрочную стратегию и цели, к которым движется наша великая страна и наш народ. Это огромная ответственность и важнейшее направление. Ведь мы сейчас строим на практике то, что ранее никто не делал. Что было описано лишь в теории и настолько давно, что многие реалии сегодняшней жизни не вписываются в прокрустово ложе старой теории. Потому марксизм-ленинизм-сталинизм это живая непрерывная линия, связывающая прошлое и будущее в интересах всего нашего народа. Идеология не может быть дробной, она не может быть противоречивой, она может быть только цельной. А потому партийная линия управления государством строится сверху вниз. Внизу могут проистекать всевозможные дискуссии, стимулирующие творческое развитие теории и нахождение наиболее перспективных направлений стратегического развития. Поднимаясь вверх эти дискуссии преобразуются в несколько базовых мнений, из которых ЦК партии делает демократический выбор, становящийся решением, обязательным для всех членов партии. Также сверху вниз из ЦК идут все назначения на ответственные должности руководителей.

Есть политика. Во внутренней жизни политика предстает организацией жизнедеятельности общества. Это социальная сфера, инфраструктура и обеспечение наших граждан всем необходимым. Этой сферой занимаются советские органы, Советы народных депутатов всех уровней. Они избираются снизу вверх. Лучше всех жизнь и проблемы простых людей знакомы тем, кто живет среди этих людей каждый день. А потому простой народ выбирает низовой уровень руководителей, а те в свою очередь избирают более высокие уровни представительства. Также Советы избирают Исполнительные комитеты, которые, находясь под их полным контролем, ежедневно решают практические вопросы организации жизни наших граждан на основе решений Советов. Вопросами взаимодействия нашего государства и других стран занимается внешняя политика. Она тоже подконтрольна Совету высшего государственного уровня. Но не только. Она также должна быть полностью согласована с идеологией.

Есть экономика. Ей должны заниматься профессионалы. Это не та сфера, в которой может разобраться любой человек, обладающий здравым умом и твердой памятью. А потому экономикой занимается Исполнительная власть, формируемая Советами, но по согласованию с идеологией, за которую отвечает Партия. Ведь экономическое развитие страны это одна из нескольких стратегических целей, вырабатываемых Партией в интересах всего народа.

И есть еще одна область. Это защита нашего государства от внешних врагов, этим занимается армия и флот, а также внутренних врагов и преступников. Этим занимаются органы НКВД. Они также подчиняются Советам и Партии, но лишь на самом высшем уровне. На уровне округов, областей, районов, эти органы власти совершенно независимы от местного руководства. Этим достигается гарантия единства страны от любых попыток раскола.

И вот теперь, когда мы обсудили все ветви власти, думаю, многие догадались, почему я никак не отметил Роды. Да просто потому, что именно вы и должны делегировать своих лучших представителей во все ветви власти. В Партийные и Советские органы, в органы управления экономикой, в органы защиты правопорядка и армию. Именно ваша рекомендация, солидность которой будет определять солидность давшего ее Рода, должна стать пропуском в органы любого государственного управления. А с некоторого уровня просто обязательной составляющей, дающей право на занятие ответственной должности.

Кто как не Роды, больше других делающих для развития страны, должны обладать такими приоритетами? Вы та кровь, которая должна пронизать все органы государственного управления, насытив их максимально жизнью, жизнью простого человека. Только в этом случае мы добьемся подлинного единства власти и народа. Даже выборная система должна быть изменена. Мы говорим о справедливости. Но разве справедливо, когда какой-нибудь сопливый юнец, не нюхавший жизни, имеет такой же голос, как любой из вас, вырастивших не одно поколение потомков, получивших громадный жизненный опыт, вложивших все свои силы в развитие страны? Разве справедливо, что только что вышедший из тюрьмы уголовник имеет такие же выборные права, как многодетная мать семейства? Разве справедливо, когда сказавшийся больным и негодным к армейской службе пацаненок имеет такие же права как ветеран многочисленных битв? Нет, все это несправедливо. А потому не равные права будут у всех, Равные права будут у Родов, пропорционально их численности и заслугам перед страной.

В этом и состоит главное взаимодействия Родов и государства. Нюансов много и постепенно мы все их учтем, но главное именно в этом.

После таких слов Калинина старейшины достаточно быстро смогли выстроить предлагаемую систему взаимоотношений и работа продолжилась.

В целом съезд успешно справился с возложенными на него задачами. Кодекс получился пусть и не идеальным, но вполне рабочим документом. А где и как его дорабатывать, на этот вопрос должна была дать ответ только практическое воплощение его в жизнь и анализ полученного опыта.

На закрытии съезда снова выступил Сталин. Он поблагодарил делегатов за успешную работу, способную кардинально изменить жизнь в СССР в равноправных интересах всех его граждан.

— Вы, знаете, товарищи аксакалы, нам очень понравилось, как вы поработали на благо страны. Во многих странах есть разные способы прибегнуть к народной мудрости при решении самых сложных проблем. Чаще всего это происходит в форме прямых всеобщих опросов, называемых референдумами. Но, посмотрев на то, как ударно и с какой ответственностью и самоотдачей вы подошли к вопросу создания Родового Кодекса, мы думаем, что съезд старейшин гораздо более эффективный способ узнать полноценное мнение народа и решить саамы серьезные задачи. А потому, мы, конечно, не будем делать съезд старейшин регулярным на постоянной основе, нам незачем плодить еще один орган власти. Но, мы думаем, что нам еще не раз потребуются мудрый совет из народа, от таких, как вы, товарищи. А потому съездам старейшин быть. Мы будем созывать их по мере необходимости для решения самых важных вопросов жизни страны.

Низкий поклон вам всем за работу. Объявляю первый всесоюзный съезд старейшин закрытым.

## **Глава 41. Кавказское чаепитие.**

После съезда старейшин сразу из Москвы не отпустили. Всем было объявлено, что Сталин хочет лично встретиться по отдельности с группами делегатов из разных регионов страны, чтобы лучше понять, как живет народ. И кто может лучше всех рассказать о жизни простых людей, как не отобранные народом уважаемые старейшины.

В принципе все это было затеяно лишь ради одной единственной встречи с делегатами

Кавказа, к ним у Сталина бал очень серьезный разговор, но выделять кого-то одного он не мог себе позволить, а потому приходилось встречаться со всеми. При этом Сталин не стал кому-либо рассказывать о своих истинных замыслах, чем вызвал достаточно большой переполох как среди партийного, так и среди советского аппарата. Ведь кто его знает, что могут рассказать Сталину эти старики, и чем это потом может обернуться для всех остальных? Второй проблемой стало то, что на одном маленьком Кавказе проживало больше различных народов, чем, скажем, в Сибири. Принять их всех вместе означало заведомо превратить разговор в пустую формальность. Принимать по отдельности мгновенно выдавало особый интерес Сталина именно к этому региону. В конечном итоге Сталин распорядился пригласить всю группу в Кремль одновременно, а уже внутри с помощью различных помощников в виде Наркомов, страстно "возжелавших" обсудить собственные проблемы, разделить всю массу посетителей на реальные группы "по интересам".

Не меньше волновались и сами делегаты съезда. Что говорить, а что не говорить? И что вообще будет спрашивать Сталин. Вроде бы съезд прошел хорошо, все цели достигнуты, Сталин лично поблагодарил, но ведь и различные чистки и борьба с врагами, оппозицией и разными уклонами тоже были вот-вот. И бывало, что всего за одно случайно вырвавшееся не вовремя слово, последствия оказывались совсем не радужными. А потому старики не решались даже обсуждать это между собой, лишь многозначительно поглядывали друг на друга, желая во взглядах сотоварищей прочесть их настрой.

Возникла и еще одна проблема. В каком порядке принимать делегации? Ведь все уважаемые люди, все равны. Первая делегация возгордится, последняя оскорбится, а как ни крути, все равно кто-то и той и другой окажется. Но Сталин, отлично чувствуя ситуацию, предложил аксакалам самим определиться с порядком встреч. Те недолго пошумели и решили бросить жребий. Всем одинаково не обидно, как судьба решит, так тому и быть.

Кавказцам выпало идти примерно в середине. Что в целом было даже неплохо. Первые уже успели рассказать, что все не так страшно, Сталин интересовался совершенно разными вопросами. И насчет производства, и насчет сельского хозяйства, и насчет восприятия политики партии, не слишком ли обижают простой народ ответственные руководители. О новой Конституции спрашивал, как ее народ принял, имеют ли люди представление о международной обстановке, как дети учатся, как больницы работают. В общем, говорили за жизнь. Сам Сталин показался почти простым человеком, много шутил, говорил спокойно и уважительно, проявлял подлинную заинтересованность рассказами, вникал в разные мелочи. Не менее важным оказалось и то, что откровенно провокационных вопросов Сталин никому не задавал. Короче будет, о чем детям рассказать, как с самим Сталиным в Кремле чай гоняли.

Эти рассказы кавказских аксакалов почти уже совсем успокоили, но тут обнаружилась неожиданная проблема. В чем же идти к вождю, как не в национальном наряде при полном параде? А неотъемлемая часть этого самого национального "парада" кинжал на поясе. Можно сказать, в нем самая гордость горца. Кремлевская охрана к нашествию такой массы вооруженных отнюдь не декоративным оружием людей оказалась просто не готова. А потому возмутилась и потребовала кинжалы снять. Теперь уже оскорбились аксакалы. У них, делегатов всесоюзного съезда старейшин, кто-то хочет отнять неизменный атрибут воина? Им что, не доверяют, считают врагами? Тогда зачем звали? Дело дошло до самого Сталина. Удивленный задержкой посетителей, он вызвал Власика и Поскребышева и попытался выяснить, в чем дело. По краткому докладу начальника охраны Сталин

мгновенно все понял, свирепо посмотрел на Власика и негромко, но, чеканя слова, произнес, — Ты что творишь? Кинжалы оставить, перед людьми извиниться лично. Так извиниться, чтобы извинения были приняты. Понял?

— Понял, товарищ Сталин. Но тогда встречу надо перенести в зал, где мои люди могут из-за портьер обстановку контролировать.

— Нет, ты ничего не понял, товарищ Власик. Никаких людей. Не хватало еще, чтобы кто-то из стариков их с наганом за шторой заметил, стыда не оберешься. Ничего со мной не случится. Никто на товарища Сталина покушаться не собирается. Не знаешь ты законов гор, товарищ Власик, законов гостеприимства. Это наш народ, это лучшие заслуженные представители нашего народа. Если такие люди на товарища Сталина нападать начнут, то зачем тогда все, что мы делаем? И потом, даже если такое бы и случилось, то неужели остальные джигиты злоумышленника не остановят? Не верю. Это бы означало, что мы совсем все неправильно делаем. Не может такого быть. Мигом чтобы все исправил.

Власик, красный, как рак, пулей выскочил из кабинета. А Сталин смотрел ему вслед и думал, что его личный охранник, пожалуй, прошел еще одну проверку на надежность. Если бы он сразу допустил посетителей к нему, не попытавшись их разоружить, то его срочно надо было бы менять. А так, пусть еще послужит, верен. Очень даже неплохо получилось. И Власик теперь, как провинившийся, землю рыть будет, и старикам уважение окажем. Пусть потом рассказывают, что Сталин их уважительно принял.

Начать беседу Сталин решил с представителей народов Северного Кавказа. Именно с ними надо было в первую очередь придти к важнейшим договоренностям, способным определить на многие десятилетия будущее всего Большого Кавказа.

Когда старейшины северокавказских Родов наконец появились на пороге сталинского кабинета, вождь вышел из-за стола и встретил их у дверей.

— Проходите, уважаемые, позвольте мне самому извиниться за это недоразумение, произошедшее по вине моей охраны. Не понимают иногда в порыве служебной ревности, как надо вести себя с уважаемыми гостями. Не знают законов кавказского гостеприимства и не проявляют должного уважения. Прошу вас простить их и не поминать обиды. Проходите, рассаживайтесь, разговор у нас будет долгий и важный.

Аксакалы, уже до этого слегка раскрасневшиеся от пререканий с охраной, от таких слов даже приосанились и чинно прошествовали к столу.

— Ничего, товарищ Сталин, неужели мы не понимаем? К руководителю страны и с оружием. Но ведь и мы по-другому не можем. Как же джигит в парадной форме и без кинжала, что же это за джигит получится? Не джигит, а просто группа старых развалин, произнес самый старейший из присутствующих, глава крупного ингушского тейпа.

Сталин рассмеялся. — Да уж, джигит без кинжала, как баран без шерсти.

Все заулыбались. Мир был восстановлен. В это время принесли чай.

Сначала, как водится, разговор пошел ознакомительный. Гости по очереди представились, рассказали о себе, своем роде, чем горды. Сталин слушал внимательно, задавал уместные вопросы, интересовался различными нюансами. Но все чувствовали, что это только прелюдия к настоящему разговору.

— Ну что же, будем считать, что немного познакомились, теперь можно и о делах поговорить. Давайте поговорим начистоту, как горцы с горцем. Обещаю, что бояться вам нечего, но разговор должен быть честным и правдивым. Это очень важно, — старейшины взволнованно переглянулись.

— Скажите, ведь не так уж сильна в ваших местах любовь к советской власти? — Сталин обвел глазами присутствующих, которые даже как-то съежились под этим жестким взглядом желтых сталинских глаз. — Не спорьте, речь не о вас лично. Речь о ваших народах. И не надо оправдываться. Много чего случилось за последние годы. Да и не только за них, но и гораздо раньше. Много наслоений разных чувств еще со времен Российской империи тянется. Сначала Кавказская война, потом частичное выселение из родных мест. Затем вроде бы даже все успокоилось. Вы поняли, что времена изменились и даже в горах от будущей жизни не отсидеться. Россия тоже подошла с уважением. Дети ваших родов в личной царской охране служили, большую честь оказал тем российский царь вашим народам. Вы гордость испытали. И как воины, и как народы, которых признали достойно. Так ведь?

Старики сидели насупленные и слегка кивали головами, молча соглашаясь с тем, что говорил Сталин. — А потом пришла Советская власть. И многие, следуя присяге и понятиям чести, оказались в рядах ее противников. Многие не поняли, что происходит и сделали неправильный выбор. И ведь не богатеи какие-нибудь, что свои богатства защищали от национализации, простые люди с Советской властью боролись. Кто по непониманию, кто за кровь родичей мстить пошел, кто решил еще и за кавказскую войну с Россией теперь посчитаться. Много крови пролилось в годы Гражданской войны. Много воинов потеряли ваши Рода. Много советских бойцов сложили головы в ваших горах. Теперь все подуспокоилось, но что на сердце осталось? Смирились вы с неизбежностью, либо приняли советскую власть душой и сердцем? Честно говорите, сладкая ложь ни мне, ни вам радости не принесет.

Старики переглянулись и все тот же старейший из них, кто говорил вначале, решился.

— Все Вы правильно, товарищ Сталин, сказали. Все так и есть. Непростая история у наших народов. Горькая история. Ведь наши народы маленькие. А чем меньше народ, тем больше у него гордости, тем дольше он и добро и обиды помнит. А обид действительно много. Кто постарше, да поумней, давно понял, что не прожить самим, в горах запершись. Нужен сильный и добрый союзник, который и защитит и поможет в трудную минуту. Потому и Россию в конце концов приняли. Да и наших соотечественников, кто тогда по-другому решил, да в Турцию подался, не сказать, что хорошо приняли. Да и сейчас все понимаем. Понимаем, что Советская власть надолго, что она действительно всем народам добра хочет и всех равными делает. Но крови было много. А потому бродит среди иной молодежи бунтарский дух. Да и какая жизнь в горах? Бедная жизнь. Баранов пасти и пасеки держать? Работы иной мало. А какая честь в том, чтобы баранов пасти? Вот и мечтают молодые дураки великими воинами стать, чтобы затмить славу тех, о ком от стариков слышали. Кто постарше, в другие регионы подался, на заводах работает, в различных организациях служат. Маленькие дети в школах учатся, у них тоже перспектива есть. А вот с двадцатилетними беда. Много дури, что здесь скажешь. Но Вы, товарищ Сталин, не волнуйтесь, мы их в узде держим, дурь понемногу выбиваем, не дадим Роды свои позорить. Тем более, что сейчас такой почет Родам на самом высшем уровне оказан. Великое дело, Вы, товарищ Сталин делаете, правильное. Без почитания Рода и страны почитание какое-то сомнительное выходит. Не ценишь малого, как большое ценить научишься. За то Вам, товарищ Сталин, низкий поклон.

Сталин выслушал эту речь внешне спокойно и благожелательно, но обмануть себя не дал.

— Вы правильно говорите, уважаемый, но проблема гораздо сложнее. И простыми

увещеваниями даже таких уважаемых старейшин ее не решить. Загнать проблему внутрь сможете, верю. Но решить нет. Стоит возникнуть какой-нибудь сложной ситуации, как все разом всплывет. И последствия могут быть очень печальными. Не дай бог, нам скоро воевать придется. Немец уже всю силу набирает, а ну как он на нас поперет? Встанете всем народом на защиту Советской власти? Очень я сомневаюсь. И не обидеть вас хочу, просто смотрю на проблему без самообмана. Он нам страшнее гораздо, чем самая горькая истина. Скорее старее обиды всколыхнутся. Разом за все горе и беды посчитаться захотите. Не вы лично, уважаемые, не вы. Но молодежь ваша точно захочет.

— Горько, но есть в Ваших словах правда, товарищ Сталин, — проговорил другой старейшина из Чеченского рода. — Так что же нам делать?

— А вот для этого, уважаемые мы с вами и собрались, чтобы проблемы все эти заранее решить, не доводя до беды. Сможем, как думаете?

— Должны, товарищ Сталин. Обязаны. Еще одной войны наши народы могут не пережить.

— Тогда давайте попьем еще чаю и подумаем. Есть у нас кое-какие соображения на этот счет, хочу с вами посоветоваться. Я сам кавказец, думаю, что понимаю чаяния ваших народов. Я так мыслю, что для спокойной жизни и успешного развития вместе со всем советским народом нужно предложить вашей молодежи две вещи. Первая это воинская слава. Но не простая. Я на Гражданской войне на горцев посмотрелся. Плохие из вас пехотинцы получают. Горячи больно. Вам нужно индивидуальную удасть показать. В кавалерии вот много добрых джигитов служило. А все потому, что с конем горец с детства знаком, да и от личной храбрости да умения все зависит. Но времена кавалерии проходят. Следующие войны будут войнами моторов, техники. Для владения техникой нужны знания, и серьезная длительная подготовка. И плюс еще это коллективные действия, а значит, очень важна не удасть, а слаженность и дисциплина. Здесь вы тоже сильны не будете. Извиняюсь, уважаемые, но дисциплинированный джигит, как волк на поводке. Однако, выход есть, — вождь с усмешкой посмотрел на пригорюнившихся уже аксакалов.

— Какой, товарищ Сталин?

— Выход такой. Война, она ведь в разных местах происходить может. В том числе и в горах. А кто лучше всех горы знает, по камням тихо пройти сможет, на кручу взобраться, как не тот, кто с малолетства приучен оленей в горах гонять? Думаем мы создать специальные войска горных егерей. Чтобы малыми группами большой урон противнику наносить из самых неожиданных мест могли, чтобы в качестве проводников для обычных бойцов послужили, чтобы спрятаться в зарослях могли так, что белка с двух метров ничего не учует. Ну и чтобы по необходимости диверсионные рейды по тылам противника проводили. Здесь как раз лучшие качества горских народов проявиться могут. Войска специального назначения это не просто служба в строю. Здесь индивидуальное мастерство, мужество и умения много значат. А значит, и слава таких воинов высока. Будет, чем молодежи после службы перед девками поковырять и байки пацанью потравить. Что думаете, будет такая служба для вашей молодежи почетна и желанна?

— Такая будет, товарищ Сталин. Такая служба даже более почетной будет, чем до того царская.

— Ну а чтобы она еще почетнее была, надо, чтобы в эти войска самый жесткий отбор был. Чтобы только лучшие из лучших, самые достойные представители родов в них попадали. Это поважнее и почетнее, чем у царя перед дверьми стоять, будет. Как думаете,



уважаемые?

Старики на этот раз уже улыбались, идея явно пришлась им по душе. Как же, именно их, настоящих джигитов, Сталин, по сути тот же царь, на особую службу зовет. И не парадную, а самую, что ни на есть боевую и опасную. — Хорошая идея, товарищ Сталин. Такая идея молодежь точно увлечет. Да они за право в эти горные войска попасть такую меж собой борьбу устроят, что на глуposti совсем времени не останется.

— Ну а когда первые бойцы и командиры на побывку в родной аул приедут, то и вообще забудут.

— Только учтите. Нет теперь отдельных народов на Кавказе, да и в Закавказье. Есть Роды, тейпы. Вот о них и заботьтесь, а про всю старую вражду, включая кровную и думать забудьте. Нам в ближайшие годы очень серьезные события предстоят. Не будет у Советской власти возможности разгребать ваши обиды и искать правых и виноватых. А потому заранее предупреждаю, будем вынуждены наводить порядок крайне жестко и быстро. Я не хочу вас пугать. Уважаемые, просто другого выхода не будет. Очень велика вероятность войны против СССР. Сами должны понимать, что в этих условиях проводить длительное следствие, выясняя все обстоятельства внутренних стычек, времени и сил не будет. Так что сами принимайте меры. Вы главы Родов, вам и порядок блюсти. Да, в указанных егерских войсках все народы служить будут. И ваши, и закавказские. Набирать будем лучших. Но и вы со своей стороны наказ дать должны, чтобы никаких задирок и разборок быть не должно. Выгонять будем сразу и с позором. Пора вам, пора вместе учиться жить Так своим Родам и скажите.

— Но есть и еще одно дело. На порядок важнее первого. Вы наверняка знаете свою священную гору — Эльбрус. Мы специально интересовались у ученых, историков. Эта гора издревле почитаема всеми кавказскими народами по обе стороны хребта. Так ли это?

— Так, товарищ Сталин. Как же иначе.

— Наши историки утверждают, что священной эта гора была уже в те времена, когда еще никакой из ваших народов не сформировался, что самое ее название отражает чуть ли не былинный камень Алатырь, из которого вся земля началась.

— Верно, есть и у нас подобные сказания.

— Отлично. В этой связи, думаем мы образовать вокруг горы Эльбрус священный заповедник как символ единства всех кавказских народов. А для этого образовать там специальное кольцо поселений, по одному для каждого из народов. А также храмы возвести всех религий, что на Кавказе распространены. От языческих капищ до мечетей. И это должны быть такие храмы, чтобы превзойти по своим масштабам и красоте все известное на Земле. Чтобы стал Эльбрус местом всемирного паломничества адептов различных религий. Место это должно также быть охраняемо. Но не обычными воинами, а настоящими витязями. Набирать их будем из лучших бойцов, отслуживших в войсках. В первую очередь егерских. Что думаете, уважаемые? Можно было бы, конечно, поручить это дело Родам, уже сегодня проживающим в приэльбрусье. Но нам такой подход представляется неправильным. И дело здесь совсем не в недоверии к этим уважаемым родам, — Сталин кивнул в сторону представителей балкарских Родов, которых это напрямую касалось, — напротив, это прекрасные уважаемые Роды. Но такой подход вызвал бы естественную ревность со стороны других Родов. Ведь святыня общая, а охраняют не все. Думаю, вы все с этим согласитесь.

Старейшины закивали. Даже старики, Родов которых это касалось напрямую, не высказывали даже молча какого-либо несогласия. Одно то, что по сути на их землях или рядом затевалось дело такого масштаба, делало из земли и Рода на порядок более

значимыми.

Перспективы, описанные Сталиным, произвели на стариков неизгладимое впечатление. Не известно, какие картины они рисовали себе в голове, но их задумчивый и одухотворенный вид говорил сам за себя. Пауза затягивалась, но Сталин не торопил. Понимал, что надо дать людям возможность пережить сказанное и освоится. Наконец, старики явно вышли из глубокой задумчивости, а их взгляды, устремленные на вождя, приобрели осмысленный, восторженный, но несколько настороженный вид. А ну как вождь еще что-нибудь такое придумает, что уже сказанное цветочками покажется. Но Сталин прекрасно понял этот невысказанный вопрос и рассмеялся.

— Нет, это все, можете расслабиться.

Дальше разговор протекал куда более спокойно и больше походил на застольный, под чаек. Лишь в конце, когда уже все поднялись и потянулись к выходу, Сталин попросил нескольких гостей на минутку задержаться. Скажите, уважаемые, ведь ваши Роды мусульманские?

— Да, товарищ Сталин. Не будем скрывать. Много у нас еще верующих в Аллаха, милостивого и милосердного.

— Тогда я попрошу вас передать вашим муллам и имамам, что у меня есть к ним разговор. А чтобы они были лучше к нему готовы, сразу скажу, насчет чего.

— Дело в том, что в арабских странах, которые являются вашими единоверцами-суннитами, правят англичане. Как бы они не прикидывались нашими друзьями-союзниками сейчас, это самые страшные враги России, а теперь и СССР. И они делают и будут делать все, чтобы нас ослабить. У них уже появляются различные версии ислама, направленные на создание оболваненных, но бесстрашных воинов джихада, которые только думают, что воюют против неверных. А на самом деле воюющих за интересы англичан. И в этой войне говорит не только оружие. В ней еще больше вреда приносят вкрадчивые, но лживые молитвы, сбивающие с истинного пути слабые души.

— Но, товарищ Сталин, молодежь сейчас совсем не интересуется верой. Это больше удел стариков, таких как мы. Они скорее в коммунисты подадутся, чем в мечеть.

— Это так, но так может быть не всегда. Враг коварен и терпелив. Никогда не известно где и в какой час он ударит. А соблазн преподать истинную веру предков, попутно обвиняя ваших мулл и имамов в продажности безбожникам-коммунистам, может оказаться сильным. Это не очень острая проблема прямо сейчас, но мы должны ее предусмотреть. И именно сейчас, когда молодежь не слишком интересуется верой, эту задачу можно было бы решить наиболее эффективно.

— Каким образом, товарищ Сталин?

— Нам нужен наш советский Ислам. Да, понимаю, что вам удивительно слышать от коммуниста такие слова, но тем не менее. Коммунистическое воспитание это длительная перспектива. К тому же всегда остается духовная сфера, передача родовых традиций. Отвращать от веры насильственно нельзя. Выбор всегда должен оставаться за самим человеком. Но мы не можем допустить, чтобы центр какой-либо религии, ее главные святыни и учителя оставались за границей. Это создает для наших врагов очень сильный соблазн воздействовать на умы и души наших людей, используя их естественную потребность приобщиться к этим святыням и сокровенному знанию. А потому нам нужны наши святыни, которые, как мы договорились, будут в приэльбрусье. Нам нужны наши учителя, которые будут учить наших верующих. Короче, нам нужен наш независимый от

других ислам. Думаю, будет правильным назвать его Православный Ислам. Ведь у нас Православное Христианство, у нас Ведическое Православие. Слышал, даже некоторые иудеи называют себя православными иудеями. Почему бы и исламу не быть Православным? Передайте мои слова и мое предложение о встрече вашим религиозным авторитетам. Пусть обсудят между собой и когда будут готовы, я их приму. Проведем большую встречу вместе с представителями татарский и прочих поволжских мусульман.

Старики внимательно поглядели на вождя и молча поклонились. — Передадим, товарищ Сталин. — И поклонились еще раз.

Затем Сталин побеседовал с представителями Закавказья. Грузины, армяне и азербайджанцы, хоть и жили рядом веками, хоть и перекрестных браков давно не счесть между ними, а все друг на друга волками смотрят. И дело даже не в том, что религия разная, скорее национальная психология настолько отличается, что плохо совместима. Азербайджанцы как народ сформировались в многовековой борьбе между персами и турками, а потому вобрали в себя все основные черты именно этих народов. Армяне, напротив, выковались как народ в бесконечной череде противостояний с Портой. Одно это уже приводило к постоянным противоречиям и взаимной вражде армян и азербайджанцев. А вот грузины, как истинные торговцы, постоянно лавировали между наиболее влиятельными силами, стараясь именно таким образом обеспечить себе спокойное будущее.

Каких-либо целей в беседе с представителями этих народов Сталин себе не намечал. А потому встреча прошла достаточно спокойно. В самом начале Сталин коротко извинился за недоразумение с кинжалами. Затем, выяснив впечатления делегатов съезда от проведенного мероприятия, а также задав несколько вопросов касательно текущей жизни в различных местах Закавказья, Сталин попенял старикам на слишком бурное выяснение молодежью отношений между собой, особенно, когда речь шла о межнациональных разборках. Указал на то, что теперь все они являются представителями единого советского народа и со старой враждой надо немедленно заканчивать, и что именно аксакалы должны взять этот процесс в свои руки. Старики пообещали приложить максимум усилий для вразумления своего молодняка. В конце Сталин и им рассказал насчет идей с егерскими войсками и священной зоной вокруг Эльбруса. Как и ожидалось, ничего, кроме восторга по поводу обоих предложений не прозвучало. Особенно запала старикам идея насчет Эльбруса. Ведь в отличие от северокавказских народов закавказские были гораздо менее воинственные. Это были народы более склонные к торговле и компромиссам, чем к решению проблем силовым путем. А вот возможность создания единой сакральной области вокруг священной горы наполняло их сердца восторгом. Особенно представителей тех Родов, которые жили поблизости.

## **Глава 42.**

### **Так с чем нас в бой пошлет товарищ Сталин?**

Памятуя о приближающемся вероятном столкновении с японцами в районе озера Хасан, о котором Сталин знал из моих рассказов, вождь решил устроить в апреле большой смотр советских достижений в области разработок новых видов вооружения. Недалеко от Москвы уже почти год функционировал огромный сверхсекретный полигон, на котором все виды новой военной техники и систем вооружения проводили тестовые испытания перед внедрением в серийное производство. На нем и было решено провести этот смотр с полным привлечением высших командиров РККА и руководителей конструкторских бюро, трудившихся в рамках программ Бериевского УЗОРа. Кроме них на встрече присутствовали

почти все члены Политбюро и Наркомы, а также военные специалисты, недавно возвратившиеся из "командировки" в Испанию. В преддверии начала решающих событий, затрагивающих непосредственно СССР, Сталин распорядился начать возврат советских "испанцев" сразу же после Нового года. Большая часть вернувшихся уже была распределена инструкторами в действующие части РККА, но высшее командное звено и наиболее отличившиеся командиры в различных родах оставались в распоряжении Генерального штаба в качестве экспертов по видам вооружений армий наиболее вероятного противника и тактике боевых действий. Сегодня они должны были дать оценку новым видам советского оружия на предмет их сравнения с тем, с которым им пришлось столкнуться на поле боя в Испании.

На этот смотр Сталин пригласил и меня. По его мнению, хотя я ничего толком и не понимал в технических характеристиках оружия, даже тех, что сам надиктовывал по памяти из прочитанных книг, я мог принести в обсуждениях некоторую пользу. Хотя бы тем, что знал стратегическое направление развития вооружений в ближайшие почти сто лет. Не исключаю, что Сталин подразумевал и то, что даже вид опытных образцов мог помочь мне вспомнить еще что-то важное, упущенное во время прошлых "потрошений" информации из моей головы.

Учитывая, что всем предстояло посмотреть совершенно новые образцы вооружений и техники все участники были дополнительно проинформированы о сугубо секретной характере всего, что им предстояло увидеть. Серьезность этим высказываниям придавал тот факт, что путь на полигон протекал через три мощных ряда охранения, которым занимались бойцы УЗОРа. Точнее переданных в подчинение УЗОРа частей НКВД.

Увиденное произвело на меня сильное впечатление. Ведь по сути после того, как я выложил специалистам Берии всю информацию по вооружению, о которой имел хотя бы самое отдаленное представление, а затем поучаствовал в наладке работы УЗОРовских команд по их проектированию, вся остальная деятельность прошла большей частью мимо меня. Да, периодически ко мне обращались за какими-то уточнениями, что-то спрашивали, что-то показывали, уточняли детали, но ни одного действующего образца до настоящего времени я так и не видел. Это уже была сфера ответственности совершенно иных специалистов. И вот теперь я впервые воочию увидел результаты почти трехлетнего труда советских конструкторов и производителей.

Начался смотр с демонстрационных полетов авиации. Представлены были новейшие образцы сразу нескольких КБ. Истребители Яки. Миги, Лагги, "Ишаки", бомбардировщики СБ и Пе, штурмовики Ил. Все эти аппараты поочередно взмывали в воздух, ведомые опытными летчиками-испытателями, а главные конструктора в это время рассказывали советскому руководству о технических характеристиках и преимуществах своих разработок. Почти все самолеты были полными или почти полными аналогами тех машин, которые воевали в Великой Отечественной в моей истории. Разумеется, даже по моим сумбурным словам и рассказам, почерпнутым из прочитанных книг, конструктора попытались устранить на своих моделях наиболее явные недостатки, присущие той или иной конструкции, но не все из них поддавались устранению. Многие оказались неотъемлемой частью самих конструкций самолетов. То, что заметил я и услышал по докладам конструкторов, было следующим.

Штурмовик Ил-2 предназначался к выпуску сразу же в двухместном варианте. Более того, была усилена бронирование верхней полусферы, пулемет в распоряжении заднего

стрелка-радиста, отвечавший за оборону задней полусферы, приобрел возможность большего наклона по горизонтали, что позволяло работать по воздушному противнику более эффективно. Также был увеличен запас топлива в баках. Правда, ради всего этого пришлось еще более снизить крейсерскую скорость этого летающего танка, не помог даже более мощный двигатель. Но по моим прикидкам для штурмовика это было не плохим разменом. Впрочем, последнее слово оставалось за специалистами-летчиками и военными стратегами, ни одним из которых я не являлся.

Порадовало меня то, что был представлен доведенный до ума истребитель И-17 с двигателем жидкостного охлаждения. Ради этого конструкторам, в том числе и с моей подачи, пришлось даже отказаться от работ сразу над двумя предшественниками, маневренным И-15 и скоростным И-16. Не знаю, каких сил стоило Берии убедить их в этом решении, но результат того стоил. Глядя на крутящуюся в воздухе машину, можно было только порадоваться. Истребитель удался на славу, его скорость приближалась к 600 километров в час, а маневренность удовлетворяла всем заявленным требованиям. По заверениям наших "испанцев", один из которых выпросил разрешение "покататься", а остальные внимательнейшим образом наблюдали за его пилотажем с земли, он вполне мог составить конкуренцию любым новейшим немецким истребителям.

Большое впечатление на Сталина и других руководителей произвели пикирующий бомбардировщик Пе-2 и высотный истребитель Миг-3, появившийся в этом варианте времени почти на четыре года раньше. Хотя он по-прежнему обладал слабоватой маневренностью, уступая по этому показателю прочим истребителям.

Но самое главное, что удалось достичь, по мнению конструкторов, существенных прорывов в технологиях. Во-первых, сразу ориентированные на создание мягких топливных баков из ткани и резины, позволяли существенно экономить вес самолета и гораздо дольше металлических удерживать их герметичность. За эту идею Берия, как руководитель УЗОРа, удостоился отдельной благодарности, высказанной тут же перед Сталиным. Во-вторых, такой же благодарности удостоился Орджоникидзе, наладивший с помощью уже построенных в Поволжье американских нефтеперерабатывающих заводов регулярный выпуск и поставки более высокооктанового бензина Б-78 вместо Б-70. Это сразу же существенно увеличило мощность всех двигателей и предельную скорость пилотирования.

От авиации мы плавно перешли к демонстрации бронетехники. И тут меня ждал огромный сюрприз. Несмотря на то, что вы свое время мы сломали огромное количество копий в борьбе за идею основного боевого танка на базе тяжелого в сегодняшней классификации, первым я увидел на поле совсем иной агрегат. Берия, когда-то очень подробно расспросивший меня насчет практического хода войны в моей истории и всех отличившихся образцах техники, настолько хорошо запомнил мою фразу о Т-34, как лучшем танке войны, что даже приняв идею о более тяжелых машинах, как основе танковой мощи, не отказался от выпуска и этой модели. То, что я увидел, напоминало легендарную "тридцатьчетверку" лишь отдаленно и, скорее всего, по габаритам. Танк, лихо катившийся сейчас перед нами по полигону, имел округлую достаточно большую башню, характерную для гораздо более поздних моделей. Двигатель был явно мощнее, а 76-миллиметровое орудие совсем не напоминало ту "пукалку", которую в моей истории часто можно было увидеть на постаментах. Но настоящий шок я испытал не от этого. Башня и верхняя часть корпуса танка была покрыта ровными рядами кирпичиков из тугой резины. Кто-то в свое время очень хорошо запомнил мои слова об активной защите и, поскольку кумулятивных

снарядов пока еще изобретено не было, решил сделать ее на резиновой основе. Благо возросшие объемы нефтедобычи и запуск нескольких нефтеперегонных и нефтехимических заводов позволяли такую роскошь. Всей этой информацией с нами поделился главный конструктор Харьковского тракторного завода, в КБ при котором и было развернуто опытное производство. Что и говорить, танк мне понравился. Я все еще сомневался, что имело смысл разбрасываться в производстве сразу на две крупносерийные модели, но машина была хороша. Даже с позиции моего восприятия потомка, видевшего не раз гораздо более совершенную технику, она была произведением искусства. Хищный и грозный вид, стремительность передвижения производили впечатление. Конструктор рассказал, что пока не удалось разработать надежную систему стабилизации орудия, позволяющей производить стрельбу в движении, но работа над ней ведется и в течение одного-двух лет должны быть получены удовлетворительные результаты.

Я посмотрел на Берия. Тот, уловив мой взгляд, также повернул лицо ко мне. Выражение его лица было более, чем красноречивым, — Вот, мол, мы какие! А ты не хотел.

Т-34, а здесь было решено назвать его так же в честь предшественника, вызвал бурное обсуждение среди наблюдателей. Танк не оставил равнодушным никого. "Испанцы" горячились, что будь у них такие машины, они раскатали бы Франко за пару месяцев, Генералитет Генштаба что-то бурно обсуждал между собой. Сталин с важным, но довольным видом кивал в такт рассказа конструктора.

Вслед за Т-34 на полигон выехала САУ-122. Сделанная на базе все того же Т-34 самоходка получила за счет отказа от поворотного механизма башни более мощное орудие 122-мм калибра. Приятно удивила всех точность стрельбы самоходки, а также пробивная способность бронебойных снарядов. По сути мы имеем дело с истребителем танков.

— На расстоянии до одного километра ни один из современных аналогов германской или английской бронетехники не способен противостоять попаданию бронебойного снаряда из нашей САУ, — рассказывал главный конструктор этой разработки Курин. Его слова очень понравились Сталину. Тот даже переспросил, точно ли это так, и что будет, если бронирование вражеской техники увеличится. — А ничего не будет. Запас по пробивной силе таков, что танк с бронированием, способным противостоять прямому попаданию из нашей САУ, вряд ли будет подвижен. Если. Конечно, помимо брони враг еще и не изобретет намного более мощного мотора, — ответил конструктор. Сталину ответ понравился. Вокруг довольно заулыбались.

Но это были цветочки.

Шок у всех без исключения наступил, когда на смену Т-34 на полигоне перед трибунами показался ПБ. Все, без исключения присутствующие были достаточно хорошо осведомлены о современных моделях не только советской, но и зарубежной бронетехники. В том числе не раз видели живьем или на фотографиях и модели, относимые к тяжелым танкам. То, что они видели перед собой по их мнению просто не могло существовать. Из огромной толпы народа, скопившейся на трибуне лишь четверо сохраняли относительное спокойствие. Я, потому что видел монстров и поболее, конструктор и Берия потому, как не раз побывали и в самом танке, а Сталин хотя бы видел фотографии. Хотя и по его лицу было заметно, что он реально впечатлен. Что же до остальных, то на лицах было забавное сочетание ужаса и восторга. Такая махина просто не могла передвигаться, но там не менее, опровергая ююбой скепсис, довольно бодро промчалась прямо перед трибунами, слегка покачивая здоровенной 107-мм пушкой. При всем этом танк не смотрелся громадиной, а

производил очень странное впечатление. На своих широченных гусеницах и гораздо шире в базе, чем показанные до этого образцы, он при всей своей колоссальности смотрелся приземистым. Только приземистость это была смертоносная. Как и Т-34 корпус ПБ был облеплен резиновыми кирпичами активной защиты. Вынесенные на башню спаренные пулеметы, управляемые пневмоприводами из башни одним стрелком, не оставляли каких-либо шансов пехоте. А колоссально длинное орудие обещало кучу неприятностей любому танку противника. По пробивной способности это оружие мало чем уступало только что показанной САУ. Но если все по отдельности казалось просто впечатляющим, то весь танк целиком выглядел невозможным. И тем не менее скорость, маневренность и скорострельность, которые он показал на полигоне, мало чем уступали "тридцатьчетверке". Главный конструктор танка Котин прямо-таки лучился от удовольствия, видя какое впечатление произвело его детище на членов Правительства и высший комсостав РККА.

Товарищ Котин, Жозеф Яковлевич, — вдруг отвлекшись от созерцания машины, гонявшей по полигону, проговорил Сталин, — передайте, пожалуйста, от советского руководства благодарность всем рабочим и инженерам, принявшим участие в разработке этой удивительной машины. Ну а Вас лично, в самое ближайшее время ожидает достойная правительственная награда.

— Служим трудовому народу, товарищ Сталин. Обязательно передам Ваши слова всему трудовому коллективу. Он весь, как один человек, практически без отдыха работал над воплощением идей, переданных нашему заводу сотрудниками товарища Берии. И в свою очередь мы благодарим тех, кто придумал такой замечательный танк, а также выбрал именно наш завод для его воплощения. Работать над этим танком было сложно, но одно удовольствие. Признаюсь, когда первый раз товарищ Берия показал мне заказные характеристики, то все, что я мог сказать, было "невозможно". Но он убедил меня, что возможно все. А этот танк очень даже возможен и лишь попросил сформулировать требования к смежникам. При этом он сам передал мне на уровне идей несколько технических решений, которые и позволили в конечном итоге получить такого красавца.

— Это хорошо, товарищ Котин, что Вы не только гордитесь достижениями, но и помните о всех, кто Вам в этом помогла. Так и должен поступать настоящий советский человек. Еще раз лично благодарю Вас за прекрасный подарок для наших Вооруженных сил. А товарищи генералы, думаю, сделают это лично чуть позже, когда замучают Вас различными специальными вопросами.

После показа танков нас всех повели пообедать. А через час люди, думавшие, что главный шок они уже пережили, испытали гораздо более сильный. Пока мы насыщались, на полигоне подготовили множественные макеты целей, которые предстояло поразить нашей доблестной артиллерии.

Признаюсь, стрельбы различных орудий и гаубиц особого впечатления на меня не произвели. Ну да, громко и взрывы красивые, но ничего необычного. Но когда на смену гаубицам на рубеж стрельб подтянулись реактивные минометы, названные в мое время "катюшами", я оживился. Машины передо мной, строго говоря, "катюшами" не были. Вместо двух рядов направляющих, они имели сразу четыре ряда. Во-вторых, ракеты находились не просто на направляющих, а в закрытых трубах, что в большей степени гарантировало точность полета. Так что скорее передо мной стояло нечто похожее на прообраз "Града" из более позднего времени. Про результат стрельб можно ничего не говорить. Вот только что на полигоне стояли многочисленные мишени, изображавшие танки, артиллерию и солдат

противника, а через миг огромную площадь накрыл огненный смерч и все мишени разом закончились.

Даже некоторые генералы с ужасом смотрели на происходящее. В их глазах буквально плескался ужас от осознания того, что подобные средства уничтожения противника могут работать и по ним и их войскам. Сталин же, напротив, взирал на результаты стрельбы всего одного дивизиона "ракетометов" с чувством глубокого удовлетворения.

Напоследок нам были продемонстрированы новые образцы стрелкового вооружения и индивидуальных средств противотанковой обороны. К сожалению, автомата Калашникова я не увидел, хотя подсознательно ждал именно его. Однако, продемонстрированный нам образец пистолета-пулемета едва ли был намного хуже. По крайней мере съемный рожковый магазин у него присутствовал, а дальность стрельбы была вполне приемлемая. Больше мое внимание привлек ручной противотанковый гранатомет. Вот он очень походил на знакомые мне "трубы". Хотя в отличие от других это изделие было еще далеко от готовности поставки в войска. Конструкторы успешно справились со всеми техническими сложностями при разработке устройства, но уперлись в недостаточную пробивную силу гранат. Акумулятивные снаряды находились еще в разработке. О чем и было доложено Сталину. Тот покивал, соглашаясь с объективным характером трудности и, повернувшись к Берии, попросил ускорить работы в этом направлении.

Вдруг я заметил среди образцов интересную "машинку", которая показалась мне незнакомой. Она чем-то напоминала пулемет "Максим", но размер дула явно говорил о совершенно ином калибре. Я поинтересовался назначением образца и получил ответ, что это 40,8-мм автоматический гранатомёт Таубина — Бабурина АГ-ТБ. И тут меня не на шутку пробрало. Моя удивительная память мгновенно преподнесла очередной сюрприз. Я вспомнил, что когда-то читал про незавидную судьбу талантливого конструктора Таубина, буквально "съеденного" конкурентами-минометчиками. А ведь его детище подавало большие надежды и даже очень неплохо зарекомендовало себя на стрельбах. Я вспомнил, что потом это т конструктор участвовал в разработке нескольких авиационных пушек, но провалился и был расстрелян в 41-м. Все это, только гораздо подробнее, промелькнуло у меня в голове. Я дал себе слово обязательно поговорить с Берией насчет этого человека и судьбы его детища, которое мне довелось увидеть.

После осмотра всех новинок мы отправились на совещание. Сталин по горячим следам хотел услышать различные мнения от представителей армии и конструкторских бюро. Споры вышли жаркими. Причем, наибольшие баталии развернулись при обсуждении авиации. Дело в том, что конструкторских бюро было несколько, соответственно, каждое из них защищало честь мундира, отстаивая перспективы именно своего детища. Но такое разнообразие машин фактически одного класса не требовалось, скорее это усложняло производство. В конечном итоге, Сталин прекратил обсуждение, выродившееся в свару, и поручил Берии с недельный срок представить решение об окончательном выборе машин для перспективного массового производства в каждом классе. На этом смотр был завершен. Он как оказалось, лично для меня это был еще не конец. Сталин попросил меня и Берию проехать к нему на ближнюю дачу для дополнительного разговора.

## **Глава 43.**

### **Думы о Хасане.**

Сначала я думал, что Сталин хочет без лишних ушей выяснить мое мнение об успехах,



достигнутых УЗОРОм в деле разработки военной техники, а также о перспективах иных изобретений, пока не дошедших до стадии опытных образцов. В принципе разговор с этого и начался.

Я отметил, что все увиденное мне очень понравилось, но разнообразие авиационной техники вызывает большие сомнения в целесообразности подхода. Точнее на уровне конкурирующих разработок и апробирования различных идей и подходов все нормально. Но дальше должен существовать некий арбитр, который выберет в каждом типе самолета наиболее перспективную модель в качестве приоритетной, а все остальные КБ должны будут в сотрудничестве с КБ победителем работать на совместное доведение именно этой машины до совершенства. В том числе и за счет применения в ней их собственных находок и оригинальных решений. В качестве такого арбитра я видел естественным образом Берию, как куратора всего военного производства.

Сталину такой подход очень понравился, хотя он еще долго путем неожиданных вопросов типа "а если..." пытался найти в нем свои слабые места. Но в конце концов тоже окончательно утвердился во мнении о правильности такого развития ситуации. Берия в диалоге поначалу не очень активничал, благо моя позиция полностью играла ему на руку, но в конце, убедившись, что Сталин практически принял решение, тоже вставил свои пять копеек.

Что касается остальной техники, то Сталина больше всего интересовал вопрос, насколько мне понравился танк ПБ, и чем он принципиально отличается от танков моего будущего. Я прекрасно понимал, что этот вопрос он воспринимает очень лично, да и Берия заметно напрягся, ведь именно он организовывал реализацию идеи в металл. Видя все это, я постарался быть максимально корректным, чтобы не ущемить ничьего самолюбия.

— Дело в том, товарищ Сталин, что развитие любого вида техники, это бесконечная лестница в будущее. Каждая последующая ступенька строится на фундаменте предыдущей. То, что предложил в свое время я, а потом под руководством товарища Берии практически гениально, на грани невозможного, реализовали наши конструкторы и инженеры, это рывок, прорыв в будущее. Прыжок сразу через несколько ступенек. И как всегда в таких случаях результат имеет две стороны медали. С одной стороны, ни сегодня, ни еще лет десять, как минимум, ни у одной армии мира не будет ничего подобного. Конкурентов у этого танка на поле боя просто нет. С другой, мы получили пока достаточно сырую машину, если мерить ее по меркам будущего. И дело здесь не в том, что кто-то не доработал или ошибся. Дело в технологиях. Например, сегодня нигде в мире не существует двигателей, способных выдавать сравнимую с моим временем удельную мощность. А без этого мы автоматически упираемся в то, что попытка сделать двигатель большей мощности вызовет резкий рост веса танка, потребует значительно большего объема топливных баков, что его еще больше утяжелит, вследствие этого танк будет ползать как беременная улитка. Возникнет проблема. На самом поле боя танк будет непобедим, но доползти до этого поля ему вряд ли удастся. То, что сделано сегодня, это оптимум. Далекий от совершенства, но тем не менее именно оптимум. Да, вместо более, чем шестидесяти километров в час по шоссе и сорока по пересеченной местности, которые могут выдавать танки в мое время, ПБ выдает более, чем в полтора раза меньше. У него меньше запас хода. Но тем не менее, это реально лучшее, что сегодня возможно. Таким образом, мы имеем прекрасную базовую модель и четкое понимание направлений ее совершенствования. Помимо собственно боевых характеристик я хотел бы отметить и то, что следует совершенствовать машину в других направлениях. Например,

разработать технологию мягкой обшивки башни танка изнутри. Это существенно повлияет на живучесть и боеспособность экипажа. Особенно, пока есть время выпускать танки в мирной спокойной обстановке. В боевых условиях подготовленный танкист будет в несколько раз ценнее самого танка. Особенно, если, не дай бог, война затянется.

Но в целом, повторю еще раз, машина получилась прекрасная, способная обеспечить нашей армии подавляющее преимущество на поле боя.

— Спасибо, товарищ Алексей, за Ваше честное и содержательное мнение. Мы думаем, что товарищ Берия попытается учесть все высказанные нюансы в доработке изделия ПБ. Не так ли?

— Конечно, товарищ Сталин. Тем более, что мы уже работаем практически по всем указанным направлениям. Единственно, не обращали внимания на необходимость мягкой обшивки, но думаю, это правильное предложение, и мы обязательно его учтем.

— Хорошо, а теперь давайте подумаем о том, как сделать так, чтобы война, как сказал товарищ Алексей, не затянулась. Уже скоро нам предстоит столкнуться с японцами на Дальнем Востоке. В истории товарища Алексея их попытка прощупать нашу оборону состоялась в июле этого года в районе озера Хасан. В нашем времени есть все основания полагать, что история повторится, если не точно день в день, то очень близко к тому. Разведчики Артузова и Главупра РККА независимо друг от друга докладывают, что отмечается усиленное шевеление японцев в том районе. Пограничники не раз замечали следы проникновения на нашу территорию, но самих лазутчиков пока захватить не удалось. До настоящего времени мы не хотели спугнуть японцев, а потому специально не предпринимали никаких шагов для наращивания нашей группировки в том районе. Сейчас настало время подумать о том, как нам действовать. Стоит ли, например, применять в качестве практического испытания какие-нибудь новые образцы вооружения, в том числе из увиденных нами сегодня? Товарищ Алексей, как младшего по званию и должности, прошу первым высказаться Вас.

— Слушаюсь. Товарищ Сталин, думаю, что, проводя операцию на Дальнем Востоке, мы должны исходить из следующих соображений.

Японцы устроили это вторжение на нашу территорию исключительно с целью провокации. Более того, заказчиками этой провокации явно являются не они сами. Эта мысль подтверждается тем фактом, что в моей истории все закончилось довольно быстро без каких-либо попыток повторения событий. Позволю себе немного напомнить о том, как это случилось в моем времени.

В июле 1938 японское правительство, не имея на то никаких законных оснований, потребовало отвода советских пограничников с важных в тактическом отношении высот Безымянная и Заозёрная, расположенных западнее озера Хасан. В район Хасана были подтянуты значительные силы японских войск в количестве трех пехотных дивизий, кавалерийского полка и механизированной бригады. Для поддержки войск японцы сосредоточили в устье реки Тумень-Ула 15 боевых кораблей и 15 катеров.

То есть, как мы видим, дипломатическое давление сопровождалось мощным силовым прикрытием, рассчитанным скорее на устрашение. Фактически в захвате советских высот принимала участие только одна пехотная дивизия.

29 июля японцы силами до двух рот перешли границу и захватили на советской территории высоту Безымянную.

По приказу командующего Дальневосточным фронтом маршала Блюхера в район

Хасана в качестве передового отряда был выдвинут один полк пехотной дивизии. Совместно с группой пограничников пехотинцы к исходу дня выбили японцев с высоты и отбросили их за линию границы. Одновременно в район конфликта подтянулись основные силы дивизии.

31 июля японцы после короткой артиллерийской подготовки атаковали высоты Безымянную и Заозёрную силами около двух полков и после упорного боя захватили их. Попытки советских войск отбить высоты имевшимися к этому времени двумя стрелковыми батальонами успеха не принесли.

2 августа высоты атаковали части советской дивизии. Противник оказал упорное сопротивление. Сразу отбросить его с нашей территории не удалось. В район конфликта командующий дополнительно направил ещё одну стрелковую дивизию и механизированную бригаду.

К 5 авг. командование сосредоточило в районе боевых действий свыше пятнадцати тысяч человек, более двухсот орудий и почти триста танков. Действия советских войск поддерживали двести пятьдесят самолётов. 6 августа по японским позициям было нанесено два массированных удара почти двумя сотнями советских бомбардировщиков, действовавших под прикрытием семидесяти истребителей, и была проведена мощная артиллерийская подготовка. После этого стрелковая дивизия, усиленная танковым батальоном, нанесла главный удар на высоту Безымянную. Вторая стрелковая дивизия с танковым и разведывательным батальонами нанесли вспомогательный удар в направлении высоты Заозёрной.

8 августа советские части, сломив ожесточенное сопротивление японцев, овладели высотой Заозёрной, а на следующий день штурмом взяли высоту Безымянную. 10 августа японцы безуспешно попытались вновь захватить высоты, понеся тяжёлые потери. В тот же день японский посол в Москве предложил начать переговоры. 11 августа военные действия были прекращены.

Сталин и Берия молча и очень внимательно слушали мое изложение хода тех событий. Пару раз я заметил, что Сталин досадливо поморщился, но не стал останавливать рассказ.

— Таким образом, — заключил я, — мы имеем следующее. Имея в районе боевых действий значительные ресурсы в живой силе и технике, японцы задействовали лишь незначительную их часть. Сразу же после того, как они поняли, что советская армия настроена решительно и подтянула в район конфликта существенные резервы, атака была прекращена. Вряд ли последнюю попытку отбить высоты стоит рассматривать всерьёз. Больше это похоже на "спасение лица", как принято говорить на Востоке. О спланированной провокации говорит и очень быстрая реакция японского посла по урегулированию инцидента. Могу с уверенностью утверждать, что если бы дело касалось настоящих планов по захвату указанных территорий, то японцы проявили бы в разы большую активность и упорство в достижении целей. Как минимум, они бы задействовали в атаке все или большую часть имевшихся у них сил. Также можно утверждать, что если бы инициатива исходила от них, то бои продолжались бы гораздо дольше и яростнее. Опыт русско-японской войны показал, что добиваясь своих целей, японцы не склонны щадить своих солдат, бросая их в мясорубку до последнего солдата. Более того, командование японских сил при подобном провале и незадействовании всех сил и средств понесло бы жесточайшее наказание, либо покончило бы жизнь ритуальным самоубийством. Ничего из этого не произошло.

Следовательно, стоит констатировать, что за всей этой аферой виднеются чьи-то чужие и очень заинтересованные уши. Не слишком боюсь ошибиться, это наши заклятые "друзья"

англичане. Во-первых, они имеют и всегда имели существенное влияние на Японию. Во-вторых, это самая заинтересованная сила в Европе узнать истинную мощь советской армии. Если мой анализ корректен, то из него следуют три вывода.

Первое, мы должны провести операцию таким образом, чтобы с одной стороны, проявить силу и решительность, а, с другой, никоим образом не раскрыть истинного потенциала наших войск.

Второе, мы не должны никоим образом засветить наши новые образцы военной техники и вооружения. Если будет принято решение об их задействовании, то это должно полностью гарантировать нас от попадания образцов к противнику, либо вызывания у него заинтересованности какой-либо необычностью боевой мощи применяемых образцов. Например, что касается танков, то я бы отправил на Дальний Восток устаревшую технику, которая совершенно очевидно не сможет оказать серьезной поддержки нашим войскам в войне против Германии.

Третье, мы должны использовать операцию для того, чтобы на практике обкатать системы взаимодействия наших войск в составе различных родов — авиации, пехоты и бронетехники. При этом мы обязаны сконцентрироваться на минимизации потерь среди личного состава. Никаких "ура-штурмов" быть не должно.

Для этого предлагаю. Скрыто подтянуть в район будущего конфликта достаточно сил и средств, прилагая все усилия для недопущения попадания информации об этом противнику. Во время конфликта чередовать атакующие и оборонительные действия таким образом, чтобы показать неуверенность в своих силах. Между отдельными эпизодами конфликта скрыто менять подразделения, входящие в соприкосновение с противником для максимальной практической обкатки наших войск. Солдат, побывавший под огнем, стоит нескольких, не имеющих боевого опыта. Это все. К сожалению, не имею военного образования и опыта, чтобы что-либо говорить о тактике непосредственных действий.

По мере того, как я говорил, Сталин смотрел на меня все более удивленно и задумчиво.

— Однако, товарищ Алексей, — наконец проговорил он, — не ожидал услышать столь подробный и всесторонний анализ ситуации. Но приятно удивлен. Думаю, что Вы во многом правы. Это скорее всего была именно провокация. И насчет англичан вполне вероятно Вы попали в точку. Значит, Вы считаете, что мы должны показать достаточную силу, чтобы нас не захотели захватить с наскока, но при этом выказать неуверенность, чтобы нас не испугались? Я правильно понял Вашу мысль, товарищ Алексей?

— Именно так, товарищ Сталин. Совершенно верно. С нами должны считаться, но не испугаться.

— А что скажете Вы, товарищ Берия?

— Я бы этому командующему голову открутил, товарищ Сталин. Может быть Блюхер когда-то и был хорошим кавалеристом, но двумя дивизиями, да еще и с таким усилением так долго и бездарно возиться в парой полков, это недопустимо. А в остальном я вполне согласен с товарищем Сидоровым относительно характера японской операции. Разведка боем и ничего другого. И я так же считаю, что в этом конфликте нам пока не стоит показывать нашу реальную силу, как бы мне не хотелось испытать наши новые машины в боевых условиях. Риски слишком велики. Если за японцами стоят англичане, то их наблюдатели наверняка будут и в их штабе. Нам стоит, как правильно заметил товарищ Сидоров, сосредоточиться на грамотном планировании операции и максимальном получении боевого опыта нашими бойцами.

— Скажите, товарищ Алексей, снова заговорил Сталин. Я как-то никогда раньше не интересовался у Вас фамилиями наиболее отличившихся в войне советских полководцев. Раньше были другие заботы, а вот теперь, думаю, самое время для такого разговора.

К подобному разговору я был готов уже давно. Понимал, что рано или поздно он должен состояться. Тем более, что все основные чистки в армии уже были давно проведены, а время подходило к тому, чтобы командные должности потихоньку должны были переходить от "генералов мирного времени" к "боевым полководцам". Предупредив Сталина, что моя информация имеет относительную ценность, поскольку получена из мемуаров, художественной литературы и официальной неизвестного качества истории, отраженной в учебниках, я максимально подробно доложил обо всех генералах и маршалах Великой отечественной с характеристиками, известными мне по памяти.

— А как же Егоров? — спросил Сталин. К этому маршалу у него было очень своеобразное отношение. Именно Егоров оказался учителем Сталина военному делу, был рядом во всех крупных операциях Гражданской войны, за которые Сталин был лично ответственен. На Егорова и Буденного Сталин опирался в первую очередь в своем противостоянии с Троцким на первом этапе. Но Егоров был выходцем из царских офицеров, перешедших на сторону советской власти, а потому классово чужим. Более того, он всегда имел четкое собственное мнение и не стеснялся его высказывать. Именно это, а также ревность Ворошилова привели его к гибели в моей истории как раз примерно в это время. Его жена была арестована в феврале, а он сам в марте 38-го. Но это в моей истории. А в этой пока ничего непоправимого не произошло. Он все еще занимал должность Начальника Генштаба РККА. Обо всем этом я честно рассказал Сталину, заметив, что хоть я и далеко не специалист, но считаю Егорова одним из наиболее грамотных и подготовленных советских командиров. Тем более, что многолетний опыт планирования и осуществления крупных операций делает его стратегические таланты незаменимыми. Уж он бы точно сработал бы на Хасане не в пример лучше и точнее. Сталина, похоже, такой ответ удовлетворил. Что-то там в руководстве РККА происходило, какая-то непонятная мне возня. И сейчас я почувствовал, что Сталин, управляя этой возней решил для себя нечто важное.

— Ну что же, товарищи, — подвел итог встрече Сталин, — благодарю вас за высказанные соображения. Будем готовиться к встрече с японцами.

#### **Глава 44. Политика, дело тонкое.**

В конце апреля в СССР было опубликовано и широко разрекламировано большое исследование, посвященное истории арийской расы. По данным, составленным на основе глубокого изучения древних летописных источников, морфологии географических названий и сравнительного анализа мировых событий древности делался убедительный вывод о том, что арии появились несколько тысяч лет назад именно на территории сегодняшнего СССР. Центром их цивилизации стал Алтай, откуда различные ветви Ариев распространились в Индию, на Ближний Восток и Север Африки, а так же в Европу. В работе приводилась аргументация, что практически все известные Европе народы, совершавшие набеги на Запад из бескрайних степей срединной Евразии, то есть скифы, сарматы, готы, веныды и другие, все имели арийское происхождение. Кроме них ариев своими предками по праву могли считать персы и тюрки.

Публикация вызвала широкий, хоть и неоднозначный резонанс в европейской исторической науке. Немцы, например, изо всех сил пытались высмеять исследование,

рассматривая его как попытку славян примазаться к великому арийскому наследию, которым по праву владели именно немцы. И все же огромный объем переработанных древних источников не давал злопыхателям просто так отмахнуться от работы советских исследователей. Слишком многое в ней имело четкое документальное подтверждение. На что неоднократно и прозрачно намекала то одна, то другая европейская газета.

А уже в мае 38-го Европу сотряс неожиданный новый информационный взрыв. В уважаемой и известнейшей французской газете "Ле Фигаро" под псевдонимом Франсуа де Джу был напечатан огромный материал на тему геноцида, который устраивает Гитлер евреям Германии. Сама эта статья явно не наделала бы столько шума, подобных материалов в европейской прессе было не мало, если бы не одно обстоятельство. Автор приводил убедительные аргументы за то, что Гитлер сам минимум на четверть был евреем.

Отец Гитлера, Алоис Гитлер, по мнению автора статьи, был внебрачным сыном и носил девичью фамилию матери Шикльгрубер до 1876 года, и родился в период, когда его мать, бабушка Гитлера, работала в Граце у еврея Франкенбергера, который приехал из Венгрии. К Алоису в доме еврея относились как к сыну, до 14 лет Франкенбергеры платили за него деньги и часто делали подарки. Когда ему исполнилось 18 лет, он уехал в Вену и поступил на службу в органы финансового контроля. Бюрократическая карьера ему удалась. Алоис выдвинулся и сменил много мест. Однажды он пригласил к себе 13-летнюю племянницу из своей родной деревни по имени Клара Пельцль, которая позже от него забеременела, в то время, когда его вторая жена лежала при смерти. После ее смерти Клара стала его третьей женой и матерью Гитлера. Она часто называла своего мужа по прежнему "дядя Алоиз")... просто умиление!

Также в статье особое внимание обращалось на тот факт, что столь быстрый рост военной мощи Германии был бы никоим образом не возможен без огромной финансовой помощи со стороны английских и американских банков, хозяевами которых также были евреи.

— Так что же получается, — задавался вопросом автор статьи, — под видом самоочищения арийской нации от еврейского торгашеского гнета и засилья имеет место внутренняя разборка библейского народа? Кто фактически является благоприобретателем всех ценностей, отнятых у десятков тысяч немецких евреев?

А ведь судя по работам русских ученых и с арийским прошлым у немцев не все так ясно, — продолжал автор, — русские убедительно доказали, что если капля арийской крови и присутствует среди немцев, то лишь от самой отдаленной ветви ариев. А раз так, то не является ли вообще все учение и вся пропаганда Гитлера лишь маской, скрывающей от всех истинный оскал грабителей, пытающихся переделать мир. Ведь уже была мировая война, развязанная немцами против всех европейских народов. И неужели немцам не хватило ее уроков, чтобы понять всю бесперспективность силовых методов решения жизненных проблем нации? И всю пагубность подобной политики для самой Германии?

Статья вызвала совершенно разные эмоции у читателей и комментаторов. Было все, от обвинений в дешевой погоне за высосанными из пальца сенсациями до восторженных откликов на предмет того, что наконец-то кто-то нашел в себе смелость рассказать правду.

Но самое главное было в другом. Статью перепечатали по меньшей мере десяток других изданий. Одна из региональных газетенок указала не менее любопытный факт, обнаружившийся в дневнике одного из сослуживцев Гитлера на Мировой войне Ханса Менда. Гитлер был по мнению сослуживца геем. "Ночью Гитлер ложился спать со

Шмидтом, мужчиной-шлюхой, полное имя которого Эрнст Шмидль", — было написано в этом дневнике.

Скандал быстро выплеснулся за пределы Франции и несмотря на все усилия его потушить, предпринимаемые очень серьезными силами, бушевал еще несколько недель. Гитлер, когда до него дошли слухи из Франции, рвал и метал. Он потребовал срочно замять скандал, найти и повесить авторов статьи, взорвать газету и вообще немедленно начать войну с Францией. Германскому генералитету из ближайшего окружения фюрера не скоро удалось его успокоить и доказать, что Германии требуется еще время для полноценной подготовки к войне. А воевать с газетами это давать лишь повод к еще большим слухам. Лучше подождать и тщательно спланировать все ответные действия. Месть гораздо слаще в холодном виде. Этот аргумент немного привел Гитлера в чувство, хотя еще долго он начинал орать на окружение по любому поводу и даже без оно. Впрочем, среди верхушки Вермахта и НСДАП нервных личностей давно не было, они там не задерживались. Выдержат общение с Гитлером могли лишь закаленные бойцы с непробиваемой психикой.

В Англии новости из Франции были восприняты гораздо спокойнее, но отнеслись к ним не менее внимательно. Там еще не забыли, какими проблемами обернулась относительно недавняя информационная война в Америке. В подходе явно чувствовалась одна рука. Кто-то очень удачно придумал использование свободной прессы для массовой пропаганды удобных ему идей. Причем, делалось это довольно тонко. А потому больше всего вопросов в Англии на эту тему касалось силы или личности того, кто за этим стоит, а также преследуемых этим неизвестным целей. Попытка выяснить что-либо об авторе публикации провалилась. Выяснилось, что редактор "Фигаро" получил письмо, в котором анонимный источник спрашивал его заинтересованность в публикации материала, говорящем о странностях происхождения Гитлера и возможных причинах преследования им евреев. Разумеется, редактор ответил согласием, отправив, как было указано в письме телеграмму на Главпочтамт Парижа в адрес некоего Франсуа де Джу. Буквально через несколько дней он получил новое письмо, содержавшее по сути статью в готовом виде. Редактор после прочтения незамедлительно отправил ее в печать, понимая, какая бомба попала к нему в руки, и какую пользу с тиражами может получить газета от этой публикации. Расспросы на Главпочтамте ничего не дали, там даже не вспомнили про эту телеграмму, поскольку таких случаев бывало множество каждый день.

Анализ возможных источников на основе того, кому все это выгодно показал, что заказчиков могло быть несколько. Конечно, первым делом приходил на ум Сталин. И парижская, и до этого чикагская публикации однозначно работали в пользу СССР. Но уж больно это не похоже было на почерк работы большевиков. В окружении Сталина просто не было по информации британского "форин-офиса" специалистов подобного плана и уровня. Из Москвы также не удалось получить на этот счет никакой информации. Впрочем, возможности британской разведки в СССР в последнее время существенно снизились, так что это еще ни о чем не говорило.

Из прочих возможных претендентов аналитикам приходило на ум поискать заказчика в среде еврейских эмигрантов из Германии, оставшихся крайне недовольными брошенным имуществом и вынужденным бегством из страны. И в качестве совсем уж экзотического предположения называлась фамилия Рокфеллера, который очень вовремя выскочил из финансовых операций с Германией и очень неплохо заработал на контрактах с СССР.

Руководство Британии, как официальное, так и теневое, оба остались крайне

недовольными выводами аналитиков. Слишком уж большой диапазон предположений был ими высказан. А ведь враг есть, и это очень умный и осторожный враг. Тот факт, что его не удастся никак полностью идентифицировать, повергал англичан в настоящее уныние. Это заставляло искать и предпринимать шаги, последствия которых не могли быть до конца просчитаны.

\*\*\*\*\*

А в СССР тем временем разворачивались свои интересные события. В июне я в который раз убедился, что мое понимание не годится Сталину даже в подметки. А ведь я уже более трех лет нахожусь достаточно близко к нему, чтобы хотя бы попытаться понять ход его мыслей. И тем не менее, каждый раз чувствую себя пацаном.

Выдержав определенную паузу после съезда старейшин и принятия ими родового Кодекса, Сталин в июне инициировал принятие ряда законов, подводивших под кодекс всю необходимую нормативную базу. И вот тут я на практике понял, насколько мышление такого "ботаника", как я, отличается от мышления настоящего государственного деятеля. Ведь это я был инициатором выдвигания Родов, как основной социобразующей силы советского общества. Но мне и в голову не приходило, что из этой идеи можно выжать то, что сделал Сталин.

А он по сути всего лишь довел идею до логического конца, как государственный. Помимо законодательного закрепления всесторонней ответственности Рода за своих членов и преимущественного права членов Рода, обладающих его рекомендациями, на занятие государственных и важных хозяйственных должностей, Сталин придумал Родовой паспорт и сделал его обязательным для всего населения СССР. В этом паспорте указывались все живые члены Рода, их местожительство и род занятий. Выпуском паспортов занималась специально созданная при Верховном совете СССР служба Рода, в подчинении которой создавалась и Родовая почта. Эта же служба была обязана в срок до конца 38-го года для выяснения требуемой информации провести новую с учетом задач перепись населения, с помощью органов НКВД провести ее перекрестную проверку и осуществить выпуск и раздачу населению Родовых паспортов.

Как я узнал, больше всех такому развитию ситуации радовались органы НКВД. У них появилась реальная возможность проверить не только человека и его слова о самом себе и своем происхождении. Появилась возможность проверить и зафиксировать все родственные связи. В результате все засланные шпионы и попрытавшиеся под видом простых рабочих и крестьян дворяне оказывались на свету. Стоит ли удивляться, что принятые решения тут же стали проводиться в жизнь в ускоренном темпе и бешеным энтузиазмом исполнителей.

Простой народ все эти инициативы встретил спокойно. За последние месяцы уже все имели возможность разобраться в происходящих переменах и относились к ним благожелательно. Тем более, что одним из законов Родовой службе с сотрудничестве с местными Исполкомами поручалось наделение Родов землей под Родовые поместья.

Но, как оказалось, довольны были не все. Не считая шпионов и диверсантов или попрытавшихся дворян, недовольна оказалась еврейская диаспора. Ребе Шнеерсон даже лично напросился на встречу к Сталину.

Появившись в кабинете вождя, ребе, едва присев на предложенное ему место, взял с места в карьер.

— Товарищ Сталин. Еврейский народ на Торе принес торжественную клятву на верность СССР. Я лично был одним из тех, кто это делал. Разве Вы чем-то недовольны, как



развиваются на практике достигнутые нами тогда договоренности? Разве мы чем-то нарушили свои обязательства? Вы только посмотрите, с каким энтузиазмом еврейский народ обживает Крым, мы закрепились уже на Сахалине и начали выдавливать японских концессионеров, хотя это не легко. Ох, как это далось нам не легко, если б Вы только знали. При этом государство имеет от нас намного больше, чем имело от японцев. Но мы не в обиде. Мы понимаем, что все это идет на благо всего народа СССР. А разве мы плохо управляем государственным бизнесом за границей? Вы посмотрите на эти прибыли в отчетах, которые выверены все до последнего цента. Ни одной копейки, ни одного цента, клянусь Торой, не ушли налево. Даже практически всю долю доходов, которые Вы столь щедро отдали нашему народу за управление, мы переводим в Крым и на Сахалин и тратим на строительство и обустройство. И теперь позвольте Вас спросить, товарищ Сталин, чем же еврейский народ так сильно Вас прогневал?

Сталин, который выслушал всю эту пламенную речь с известной долей обалдения, так ничего и не поняв, или сделав вид, что не понял, взглянул удивленно на ребе.

— Товарищ Шнеерсон! Я уже понял, что Вы чем-то очень сильно расстроены, но из Ваших слов я так и не понял, чем именно. И когда это Советская власть хоть в чем-то нарушила свои обязательства? Да, мы в курсе, какими бурными темпами идет развитие Крыма и Сахалина. Мы полностью на сегодня удовлетворены качеством вашего управления заграничной советской собственностью. Но я категорически не понимаю причин Вашей озабоченности. Не проясните?

— Ну как же, товарищ Сталин? А последние законы насчет Родов? Вы ведь прекрасно знаете, что у евреев нет сейчас такого понятия. Что преемственность идет по материнской, а не по отцовской линии. А это значит, что все евреи тут же станут изгоями, не имеющими такой защиты и поддержки, какую имеют все остальные.

— Не совсем так, товарищ Шнеерсон. Если я правильно помню, а память у меня хорошая, мы договорились о том, что поручителем за еврея выступает его община. Она же и будет на правах Рода отвечать за его деяния. И об этом мы тоже с Вами договорились. Разве не так?

— Так, товарищ Сталин.

— Ну так что же Вы переживаете, товарищ Шнеерсон? Будет у Вас такой же Родовой паспорт, как у всех, только записано будет в нем руководство еврейской общины. И никаких препятствий против рекомендаций ваших членов в рамках оговоренных нами условий не будет. Это мы Вам обещаем. Кстати, а как получилось так, что у евреев не стало Рода? Ведь я еще со времен семинарии помню, что Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иосифа, Иосиф родил Моисея, а потом случилась какая-то фигня, и рожать стали женщины. Что произошло?

— Вы же знаете, товарищ Сталин, что почти всю свою историю евреи скитаются по миру и мыкаются без своей земли. Если бы мы, как все прочие народы, вели бы Родовое, а не общинное объединение, то материальные и наследственные проблемы давно бы разрушили нас, как единый народ. Только в сплоченной общине, не разделяющей народ по родам, мы и смогли сохраниться.

— Но теперь у Вас есть земля. И, надо сказать, не маленькая и не плохая земля. Гораздо больше и лучше, чем Палестина. Так что Вам теперь мешает вернуться к Родовому признаку? Будете, наконец, как все остальные, полностью станете частью всего советского народа. Чем плохо?

Ребе задумчиво поглядел на Сталина. — Может быть, может быть. Это совершенно неожиданно, но в Ваших словах, товарищ Сталин, есть много правды. И, не побоюсь, есть надежда для нашего народа. Идя сюда, я был готов биться, как лев. А получилось так, что ухожу в глубокой задумчивости о том, что могу не видеть самого простого и самого лучшего выхода из положения. Благодарю за встречу. Не буду больше отнимать Ваше время.

#### **Глава 45. Посвящение.**

Утром 22 июня я сидел в своей комнате и трудился над составлением концепции экономического развития СССР. Не то, чтобы я считал себя великим экономистом, да и Сталин вряд ли держал меня за такового. Скорее сработал стереотип. Раз я знаю, что именно в будущем пошло не так, то мне и карты в руки, придумать что-то такое, чтобы никаких печальных последствий не случилось. А уж потом специалисты с моими записями разберутся, лишнее отсеют, неправильное поправят, а полезное используют.

В принципе я совершенно не возражал против такого подхода. Давно было пора привести все свои мысли и знания на этот счет в некое подобие порядка. Ведь, так или иначе, но знание практического развития ситуации и взаимосвязи между отдельными проблемами в экономике, не позволившие реальному СССР при всех задатках захватить экономическое лидерство, стоили многого. Как и знание инструментов, с помощью которых осуществлялось противодействие успешному социалистическому развитию извне, а также форсировалось развитие западной экономики.

И вот, значит, сидел я и корпел над работой, призванной затмить "Капитал Маркса" (это я так шучу), как вдруг в голову раздался голос Велимира.

— Алексей, ты там не слишком занят? Хочу тебя на одно мероприятие пригласить.

— В принципе работаю, но если важно или интересно, могу прерваться, — так же мысленно ответил я.

— И важно, и интересно. Когда будешь готов, кликни меня, только побыстрее.

— А я в принципе готов, могу хоть сейчас, только со стола бумаги соберу и все.

— Жду.

Быстро собрав со стола все бумаги, с которыми работал, я убрал их в несгораемый шкаф, который мне уже давно выделили по личному распоряжению Берии, и осмотрел себя. Можно двигать, знать бы еще куда.

— Велимир!

— Представь меня и протяни ко мне руку. Только глаза не открывай.

Что-то схватило меня и потащило. В теле возникла необычайная легкость полета.

— Ну вот и все, можешь открывать глаза, — передо мной стоял улыбающийся Велимир во плоти и на яву. Вид у него был довольный, но очень усталый.

— погоди, отдышусь. Нет, что же ты все-таки такое? Вроде даже тела нормального не имеешь, а перетащить тебя, легче гору переместить.

Оглядевшись, я понял, что нахожусь уже далеко не в своем домике, а неизвестно, где. Мы стояли на краю огромной цветущей поляны, которую со всех сторон окружал вековой лес. А посреди этого цветущего луга рос дуб. Нет, не так. Рос ДУБ. Такой всем дубам дуб. Лет ему, подозреваю, перевалило за тысячу еще до рождения не только меня, но и совсем немолодого Велимира. Я засмотрелся на это великолепие, прикидывая, сколько же человек понадобится, чтобы обхватить его целиком. При всем этом дуб совсем не казался старым и немощным. Его мощная крона, занимавшая под сотню метров в диаметре, была полна жизни и свежих листьев. Вершина ее уходила столь далеко, что самых верхних веток я почти не

видел. А еще от дубы явно веяло Силой. Такой мощной и древней, что она явственно давила на сознание даже здесь, в паре сотен метров от дерева. Впрочем, как враждебное это давление я не воспринимал. Скорее как предупреждение с легкой примесью интереса.

Велимир смотрел на мой обалдевший вид с улыбкой и явным удовольствием.

— Слушай, а где это мы, и что это за чудо дивное? — наконец нашел я в себе силы что-то спросить.

— Где мы, не суть. От Москвы очень далече. А Дуб сей самый древний из всех ныне живущих. Он хранителями еще до крещения Руси посажен был и до сих пор нашей верой и славицами крепок.

— Так ведь дубы столько не живут, Велимир?

— Это обычные дубы не живут так долго. А Родовые дубы могут жить почти вечно. Пока Род, их посадивший не пресечется, да дерево как образ Духа самого себя и Богов, жизнь ему давших, почитает и славить. А этот дуб вообще особый его сам Бус Белояр посадил, последний из истинных князей арийских родов. Его род до сих пор жив, только в Круге Хранителей, от мирских дел, до поры спрятанный. А поскольку Род и себя помнит во всех поколениях и Богам нашим славицы не забывает возносить, то и они со своей стороны сей дуб берегут. Вот уже несколько веков, как эта поляна самым тайным и главным местом Круга Хранителей является. Заповедное место. Незванным сюда никто войти не сможет. И даже заметить его невозможно. Хоть с земли, хоть с воздуха. Так что цени, ЧТО я тебе показываю.

— Да, за такое много отдать можно и не пожалеть. Даже не предполагал, что такое вообще может быть. А с чего ты мне вдруг место это показать решил? Не может быть, чтобы просто так, похвастаться.

— Верно. Не просто так. Только праздник у нас сегодня большой. А ты вроде как к нему отношение имеешь.

— И что за праздник?

— Ты идею с детскими специнтернатами родил? С теми, которые потом нам передал?

— Я.

— Сегодня первые воспитанники этих интернатов посвящение проходить будут. В витязи. Я подумал, что ты имеешь право быть тому свидетелем. Посмотреть, во что на самом деле твоя идея развилась.

— Благодарствую за память и доверие. А что это, посвящение в витязи?

— Витязи, это воины, хранители земли и родов, на ней живущих. От любого врага и любой напасти, извне приходящей. Во внутренние разборки они не лезут, нельзя им. Но извне любую вражину прибить должны. Хоть оружием брякающую, хоть ласковой ложью завлекающую. Все они дают обет отказа от Рода личного. Дети их на попечении Круга с рождения. Они даже не знают, кто именно их семенем рожден. Их задача за все Роды земли нашей, за весь народ, за всю землю радеть, не деля никого на своих и чужих. Вот уже более ста лет среди витязей было очень мало пополнения. Трудно стало их разыскивать и от мирской жизни отвлекать. А тут ты нам всем такой подарок сделал. Более пятидесяти ребят по всей стране отобрать удалось из твоих интернатов.

— А почему пятьдесят? В выпуске должно быть намного больше, если по всем нашим интернатам считать.

— Так ведь ты что сам-то хотел? Орден тайный создавать? Вот остальные в него и пойдут. А витязи они слишком на Яву окажутся, чтобы к тайному ордену отношение иметь.

А кроме того, послужат отличным прикрытием для остальных. Мы ведь этих ребят в витязи сначала тайно прощупывали на предмет потенциала и склонностей. А потом, напротив, открытые соревнования и испытания в несколько этапов устроили. Чтобы теперь любой понял, что все не прошедшие испытаний суть неудачники, вынужденные идти жить обычной жизнью, на заводы, в колхозы, конторы разные. Так они затеряются спокойно среди всех без излишнего к себе внимания. А витязи пусть на виду побудут, все внимание на себя отвлекут.

— Да, хитро придумано.

— А как посвящение выглядеть будет?

— А вот уже скоро все подтянутся и посмотришь. Они сейчас последнее испытание проходят, на силу Духа.

— А как это?

— Несколько взрослых витязей начинают дозированно ментально давить на кандидата, пытаясь сдвинуть его с места. Он обязан выстоять и не сделать назад ни единого шага. Звучит это просто, но на самом деле устоять может только тот, кто всего себя в эту решимость вложит и от давления своей силой укроется. Ведь ему в этот момент может казаться все, что угодно. Кто дракона огнедышащего перед собой видит, кого ураган унести грозит, в кого камень здоровенный летит.

— А что будет с теми, кто не пройдет испытание? В общий строй вернется?

— Нет. Это уже невозможно. Ведь им уже очень многое дать успели. Много показали. А потом для них самих это было бы страшным позором. В провале испытания нет ничего страшного. Оно на самом деле всегда идет на грани возможного. Ничего страшного с отроками не произойдет. Будут учиться дальше. А через год будут допущены к новому испытанию.

— Кстати, Велимир. Хотел тебя спросить вот о чем. Недавно в европейских газетах сообщили, что в Тибете во время спуска в долину с одной из вершин крупная научная немецкая экспедиция попала под ужасную лавину и в полном составе погибла. В Германии даже был объявлен трехдневный траур. Сообщалось также, что во время последнего сеанса связи экспедиция сообщила о каких-то важных находках, но подробности передать не успела. Скажи, не ты ли явился тому причиной?

Велимир усмехнулся. — Ну не сказать, чтобы именно я, но они нашли не то, что нужно. Находки не должны были попасть в неправильные руки. Вот Боги и не пустили безобразия.

— Понятно.

В это время прямо из воздуха не некотором отдалении от нас стали показываться люди. Первыми вышли два могучих старца, которые тут же встали с двух сторон от открывшегося "окна", видимо, помогая его удерживать. За ними вышли несколько человек зрелого мужского возраста, крепких как маленькие копии исполинского дуба. За ними поочередно стали выходить наши воспитанники. Выражение их лиц с такого расстояния было не видно, но в глаза сразу же бросались их фигуры. Кто-то шел гордо расправив плечи с высокоподнятой головой, другие, напротив, понуро горбили спину. Видимо не всем удалось пройти последнее испытание. Но радовало то, что шли все вперемешку, да и на поляне не делились на кучки. Единой группой все вышедшие столпились в нескольких шагах от прохода и как один уставились на живого Исполина в центре поляны. Замкнули шествие опять несколько старцев, после чего проход, казавшейся воздушным маревом захлопнулся и пропал.

— Пойдем, сейчас будет сама церемония, — подтолкнул к стоявшим меня Велимир.

По мере того, как мы подходили я смотрел на то, как на нас реагируют окружающие. Если Велимира знали все до единого, то меня узнали лишь подростки, обучавшихся в интернатах на нашей базе УЗОРа. Они радостно помахали рукой в знак приветствия. Витязи, как я решил про мужчин зрелого возраста, смотрели на меня доброжелательно, но изучающее, как будто прикидывали, чего стоит от меня ждать. А волхвы смотрели прямо на меня с легким прищуром и едва заметным удивлением. Видимо, им, как и Велимиру, не удавалось сходу определить мою сущность. При том, что им уже наверняка было все про меня известно. "Так вот ты какой, северный олень"? — пришел мне на память старый анекдот из моего прошлого. Именно так я интуитивно распознал для себя их взгляды.

Мы подошли к старцам и вежливо поздоровались со всеми.

— Ну что, надо приступать, — проговорил Велимир после того, как стихли ответные приветствия.

На обратной стороне поляны, скрытой доселе могучим дубом, обнаружилась солидная гора дров, явно предназначенных для костра. Разумеется, лежали они в дальнем конце поляны так, чтобы при любом ветре не повредить живой кроне дуба. Приглядевшись, я увидел, что все эти дрова представляли собой сухие, отмершие ветви именно этого могучего дерева. Такое было явно не случайно. Неподалеку от костровища весело журчал ручеек, вытекавший прямо из под корней дуба. Очевидно, там бил родник.

Велимир взмахнул рукой и костер мгновенно вспыхнул жарким и практически бездымным пламенем.

— Приступим.

Не стану рассказывать всю церемонию посвящения. Длилась она долго, да и ребят, прошедших испытание оказалось немало. Почти трое из каждый четверых. Часть торжества было коллективным действием. Был момент, когда все новоявленные витязи встали вокруг дуба, прижавшись к нему всем телом, и простояли так минут пять. Было поочередное окропление водой из ручейка, производимое одним из волхвов. Было много славиц Богам и основателям Родов. Была отдельная славица Бусу.

Все происходило строго заведенным ритуалом, строгим, но очень красивым и торжественным. Завершалось все возгласом каждого новика "Отрекаюсь от Рода во имя Народа" и его имянаречением, производимым волхвом.

Каждый молодой витязь получал новое тайное имя, которое должно было оставаться неизвестным для всех, кроме их воинского братства и волхвов. Имена все были связаны с хищными зверями и ловчими птицами. Принципа выбора имени я так и не понял, но с огромным для себя удивлением видел собственными глазами, как сразу же после произнесения волхвом имен из кроны дуба срывалась призрачная тень названного зверя или птицы и растворялась юноше, кому это имя предназначалось.

Когда закончились поздравления и братание новых витязей со старшими их товарищами, принявшими их в свое воинство, уже начинало смеркаться.

— Ну как тебе, Лексей, понравилось? Не жалеешь, что оторвал тебя от дел?

— Да ты что. Велимир? О таком только мечтать можно было, Слава тебе за то, что пригласил. Теперь я точно знаю, что моя идея, многим тогда показавшаяся странной, теперь приобрела совершенно иной смысл, какого даже я не ожидал. Значение того, что происходит даже невозможно переоценить. И пусть я даже близко не представляю себе на что будут способны эти витязи после окончания их подготовки, но даже сама церемония показала, что

это будут великие войны Земли русской.

— Ты прав. Однако, пора прощаться. Сам доберешься или закинуть? Да, кстати, ты говорил, что в любое место, где побывал, мгновенно попасть можешь. Так сюда даже не пытайся, во избежание, так сказать. Захочешь пройти, попроси, проведу, но сам не рыпайся. Учитывая твое непонятное естество, даже не предположу, что в итоге может с тобой случиться. Не рискуй.

— Не буду. До встречи, Велимир, — проговорил я и шагнул в свою комнату. Оглянулся. Кажется, меня так никто за целый день и не хватился. Ну и хорошо. Надо и о других отлучках подумать, раз все так расслабились.

## **Глава 46. Разговор за чашкой чая.**

Как-то раз я сидел у Сталина, обсуждая вопросы перспективной экономической политики. Разговор уже подошел к концу, как вдруг Сталин встал, взял со стола пачку неизменных папирос "Герцеговина Флор" и принялся не спеша набивать трубку. Было видно, что он о чем-то задумался, а потому я тихо сидел и ждал.

Неожиданно Сталин обернулся ко мне, предложил выпить чая и поговорить на совершенно неожиданную тему.

— Скажите, товарищ Алексей, а как вы относитесь к фашизму и его конкретному проявлению в виде германского национал-социализма?

От такого вопроса я даже не сразу нашелся, что ответить. Учитывая мое знание будущего развития событий, жесточайшую войну и все мое воспитание, захотелось вскочить и бодро отрапортовать про антигуманный, расистский характер гитлеровского режима, противный всему, что мне дорого и свято. Но, подавив этот первый естественный импульс, я вдруг понял, что Сталин имеет в виду совершенно иное.

— Вы же наверняка, товарищ Сталин, не ждете от меня пустопорожних разоблачений и заявлений о природной враждебности фашизма Советскому государству?

— Правильно понимаете, товарищ Алексей. Это я и сам бы мог Вам рассказать. Меня интересует Ваше понимание рациональных особенностей фашизма и его коренных отличий от социализма. Нет ли в нем чего-то такого, что стоит более глубокого изучения?

— Не могу утверждать, товарищ Сталин, что знаю вопрос достаточно глубоко, но определенное видение у меня есть. Если оставить за рамками рассмотрения агрессивную сущность германского фашизма, вытекающую не из его природных свойств, а исключительно обязанную униженному и подавленному состоянию германской нации вследствие Мировой войны, если так же опустить явный антиеврейский настрой режима, связанный с конкретным заказом сионистов для подготовки создания государства Израиль, то суть фашизма или конкретнее национал-социализма можно выразить следующей схемой. Фашизм предполагает, что на всех ступеньках социальной лестницы должны стоять люди, обладающие соответствующими профессиональными и управленческими качествами. Таким образом, условно на самом верху социальной пирамиды должны быть гении, а на самом низу люди-животные, не умеющие ничего. Соответственно, на каждой социальной ступеньке положено иметь строго определенный набор социальных и материальных прав и привилегий, которые плавно возрастают снизу вверх.

— И что же Вы видите в этом плохого, товарищ Алексей, выпустив струю ароматного табачного дыма, спросил Сталин. При этом глаза его смотрели на меня насмешливо, точь-в-

точь как опытный экзаменатор, задавший юному студенту вопрос на засыпку. — А мы разве не стремимся к тому, что бы на всех уровнях государственного управления стояли достойные профессионалы?

— Если брать саму идею в чистом виде, то ее еще можно было бы принять. Хотя есть у нее и одно очень серьезное базовое противоречие, делающее ее нежизнеспособной. Проблема в том, что мы живем в материальном мире, в котором при отсутствии духовных высших целей и призваний на первое место выходят личные корыстные устремления. Более того, развитие профессионализма не только не противостоит этим целям, но, наоборот, их естественным образом дополняет. Ведь именно человек, стремящийся к богатству и карьерному росту, будет наиболее усерден и успешен в развитии своих профессиональных навыков.

— И чем же это плохо? — и опять я почувствовал, что этот вопрос не интересует Сталина всерьез, что он давно нашел для себя на него ответ. Просто он хочет, чтобы тот же или другой ответ дал я. Проверяет, что ли? И кого, меня или себя?

— А плохо это двумя вещами, товарищ Сталин. Во-первых, человек, мотивированный на успех исключительно целями материального благополучия принципиально не ограничен никакими морально-нравственными принципами. Следовательно, они не будут иметь какого-либо серьезного значения при принятии им решений. А, во-вторых, система довольно быстро даст сбой. Ведь человек, добравшийся или почти добравшийся в карьерном плане до предела своих возможностей, совершенно естественным образом захочет сохранить свое общественное положение и материальные привилегии на неограниченно долгий срок. А потому начнет все силы отдавать уже не служению на своем посту делу, а защите своего служебного положения от нижестоящих алчущих претендентов. Что в таком будет происходить? Во-первых, он начнет подхалимничать и выслуживаться перед вышестоящим начальством, чтобы прослыть преданным человеком. Во-вторых, он начнет обрастать дружескими горизонтальными связями, чтобы упрочить свое положение на достигнутом уровне. В-третьих, он начнет отсеивать всех перспективных претендентов на уровнях ниже. Ведь в таком случае он заведомо окажется более профессиональным. Таким образом, мы имеем сразу три следствия. Образуются властные кланы, не заинтересованные реально ни в чем, кроме упрочения своего положения. Снижается общий уровень управления, поскольку большая часть сил и времени уходит на интриги. Все потенциально талантливые специалисты и управленцы начинают выдавливаться из системы. А вся система превращается в свою полную противоположность, действуя методом не положительного, а отрицательного подбора кадров.

Но и это еще не все. Это, так сказать, базовый порок самой модели. Но есть и пороки ее реального воплощения. И этими пороками страдает не только конкретно фашизм, но практически любая организационная модель, реализованная человечеством. В ююбой системе всегда присутствуют два вида информационного наполнения жизненной энергии. Инферно, которое стремится подчинить себе все и выстроить жесткую вертикаль с собой в центре, а всю свою основу воспринимает исключительно, как кормовую базу. И Любовь, объединяющая людей на равноправной свободной основе для совместного созидания и развития. Поскольку Инферно корыстно и гораздо более активно, то на верхних этажах системы концентрируется именно оно, а Любовь растекается по низовым уровням. Великолепным, наиболее очевидным примером такой системы является Церковь. Внизу толпы адептов, которых Церковь призывает любить себя, своего ближнего, Бога и его

представителей на Земле, коими являются церковные иерархи. А на верху, среди этих иерархов идет постоянная мышьяная возня и попытки друг друга сожрать с целью забрать себе повыше и получить кус побольше. Это явные отношения на основе Инферно. Не случайно как в Русской Православной Церкви, так и в Католической Церкви. подавляющее большинство святых и божьих угодников были не Епископами, а монахами, чаще всего затворниками, удаленными от мирской суеты. Ну а про разврат некоторых Римских Пап, думаю, Вам известно не хуже меня. Таким образом, любая человеческая система, построенная на таких принципах неизбежно вырождается в толпоэлитарную модель, которая, загнивая, порождает революционные настроения масс с последующим разрушением основ этой системы. Беда только в том, что в любой революции, даже преследующей самые благие цели выделяется огромное количество энергии Инферно, а на посты в новой элите начинают претендовать не самые лучшие и чистые, а самые громогласные, наглые и жестокие.

— То есть, если я Вас правильно понял, и Советский строй является разновидностью описанной Вами системы?

— Пока нет, хотя определенные элементы ее присутствуют и у нас. Позволю себе напомнить Вам Ваши же слова, товарищ Сталин, из доклада XVIII-му съезду ВКП(б) "Партия знала, что в её ряды идут не только честные и преданные, но и случайные люди, но и карьеристы, стремящиеся использовать знамя партии в своих личных целях. Партия не могла не знать, что она сильна не только количеством своих членов, но, прежде всего, их качеством." Именно это я и имел в виду. И в какой-то мере Вы, товарищ Сталин, пусть и вынужденно, но стимулируете именно такие тенденции?

— Да? Это интересно, товарищ Алексей. А почему Вы думаете, что товарищ Сталин поощряет появление в органах управления "случайных людей, но и карьеристов, стремящихся использовать знамя партии в своих личных целях", — тут уже Сталин с явной иронией процитировал сам себя. Не стесняйтесь, товарищ Алексей, говорите, что думаете. Расстрелять Вас, товарищ Сталин, как других, все равно не может, так что придется Вас выслушать.

— А Вы сами вспомните и подумайте, товарищ Сталин, как происходило укрепление Советской власти и Вас лично в партии? В постоянной и жестокой борьбе. Сначала с Троцким, потом с Зиновьевым и Каменевым, наконец, с Бухариным, а под занавес с Тухачевским. Вы вышли победителем в этой борьбе. Но победа далась Вам нелегко. Я Вам не подметки не гожусь в плане аппаратных войн, но, думаю, победить Вы смогли за счет двух факторов. Во-первых, стравливая одних оппозиционеров с другими, а потом, опираясь на верных людей, расправились с теми, кого брали союзником в войне с главными врагами. Ну а буквально недавно, уже при мне окончательно зачистили поле боя. В том числе и от английского, и от существенного американского влияния. Так ведь?

— Так, товарищ Алексей, продолжайте.

— Ключевыми словами в борьбе последнего этапа, а по сути и всех являются "преданные люди". Именно Вам лично преданные. И за эту преданность Вы готовы терпеть даже некоторую профессиональную малопригодность. А теперь вспомните мое описание системы фашизма, данное выше.

— Значит Вы считаете, товарищ Алексей, что советская система ничем от фашизма не отличается?

— Нет, конечно, товарищ Сталин. Отличается и очень сильно. Но определенные



порочные черты ее все же имеет. Чтобы это изменить, надо кардинально поменять матрицу системы. Повернуть ее на 90 градусов.

— Что-что? Повернуть систему на 90 градусов, это как?

— Смотрите, товарищ Сталин. Сегодняшние практически все системы построены по одному и тому же принципу. Возьмем для простоты описания их двумерную проекцию. Вертикаль покажет нам социальную лестницу, а горизонталь разновидности этой лестницы, ведущие на вершину. В таком случае по вертикали у нас автоматически распространяется энергия Инферно. Карьерные соображения, жажда власти, материальные стимулы и прочее. По горизонтали расположена энергия Любви. Дружба, любовь, товарищество на работе, взаимовыручка, совместное творчество в коллективе и так далее. Так происходит и сейчас. В том числе и у нас. Положительное, хотя и очень мощное отличие советской системы от других только одно. Идеология социализма, обязывающая бескомпромиссное и самоотверженное служение Идее на всех уровнях. Эта идеология очень существенно, хотя и не всегда, сдерживает инфернальные порывы карьеристов. Они вынуждены скрывать свои намерения, маскироваться под настоящих коммунистов и так далее. Но такая система жива только до тех пор, пока на ее вершине стоит вождь Вашего типа. Аскет в материальном плане, бескорытный служитель Идеи. Но как только на смену такому как Вы приходит другой, менее убежденный и ответственный товарищ, как сначала Идея превращается просто в идею, которой придерживаются как ширмы, скрывающей корыстные мотивы властителей, а потом отбрасывают и ее. Система становится как все. Для того, чтобы этого избежать в принципе, систему надо перевернуть. Надо, чтобы энергия Любви растекалась по вертикали, а Инферно по горизонтали. Тогда доступ Инферно на верхние уровни пирамиды будет закрыт на уровне принципа. Любовь будет объединять в рамках решения единой задачи все уровни от государственного руководителя до последнего исполнителя. А Инферно будет в конкуренции на одном уровне выявлять самых толковых и перспективных специалистов. Есть только одна проблема.

— Только одна? Я Вам, товарищ Алексей, искренне завидую. И какая?

— Я не знаю, как перевернуть пирамиду и каким конкретным смыслом, подавляющим Инферно наполнить энергию Любви так, чтобы они свободно текла по всем вертикалям системных связей.

— Это хорошо, что Вы это признаете, товарищ Алексей. Я пока тоже этого не вижу, но Ваша идея меня очень заинтересовала. Очень любопытная задачка и интересно сформулирована. Мы обязательно решим эту проблему. Для настоящих коммунистов ведь нет ничего невозможного, не так ли, товарищ Алексей?

Сталин улыбнулся и даже весело мне подмигнул.

## **Глава 47. Модель мироустройства.**

Вернувшись от Сталина, я никак не мог успокоиться. В голове постоянно крутились различные схемы и варианты общественного устройства. Я пытался представить себе всю схему графически, будучи убежденным в том, что любой работоспособный вариант должен обладать тремя важнейшими особенностями. Во-первых, он должен укладываться в не более, чем трехмерную геометрическую модель. Во-вторых, эта модель обязана быть гармоничной даже внешне. В-третьих, она обязательно должна была иметь аналог в видимой нами природе. Ибо все, как говорится, "по образу и подобию". В голове мелькали различные геометрические фигуры. Пирамиды, шары, конусы и так далее. Я чувствовал, что решение где-то близко, но мне никак не удавалось ухватить суть. То, что я сказал в кабинете вождя,

выглядело просто в виде решетки. Есть вертикали, есть горизонталы. Надо взять и поменять их местами, что то же самое, как перевернуть решетку на 90 градусов. Но, казавшаяся такой логичной двухмерная схема никак не хотела превращаться в законченный трехмерный пространственный образ. А ведь жизнь это еще и динамика. В любой модели обязательно должно присутствовать время, а все динамические энергопотоки должны однозначно указывать на базовое направление движения энергий.

Я понимал, что любое человеческое общество, способное к управляемости, обязано быть иерархично. Уже одно это заставляло меня мысленно скручивать мою "решетку" в некое подобие конуса. На первый взгляд все выглядело более или менее. Инфернальные потоки устремлялись от основания конуса к вершине, а энергия любви вращалась по горизонтали вокруг центральной оси. Но такая модель была совершенно нежизнеспособной. Во-первых, в ней нарушался баланс энергий. Ведь если хоть один из потоков двигается вверх, то для сохранения целостности все модели должен существовать такой же мощности поток,двигающийся вниз. В моей модели он отсутствовал. Вторая проблема заключалась в том, что на уровне здравого смысла я понимал, что в реальной системе все Инферно постепенно сосредотачивалось на верхних этажах конуса, а Любовь сбрасывалась вниз, отторгаемая мыслями и действиями "жителей верхних этажей". Существовала и третья проблема. "Решетка" даже при скручивании создавала лишь видимость внешнего контура общественного конуса, тогда как по жизни общественное устройство пустот не содержит в принципе. То есть каждый горизонтальный срез имеет равную или почти равную плотность на всей своей плоскости.

Как-то сам собой в голову пришел образ блина. Точно! Все наше общество представляет собой горку блинов, в которой каждый из последующих имеет немного меньший диаметр. А движение всех этих блинов происходит по кругу вокруг центральной оси. Только при этом направление движения не совсем горизонтальное, а с некоторым наклоном вверх. Но тогда мы получаем вихрь, только перевернутый.

Значит, вихрь. В таком случае вертикаль у нас будет означать некую шкалу социального статуса. Время представляет круговое движение с наклоном вверх. В таком случае сброс излишков энергии, не соответствующей текущему уровню по информационному содержанию происходит как бы проколом. Человек "вываливается" из собственного блина и переходит на один или несколько блинов ниже.

Рис 1.

1. Основание социального конуса.
2. Управляющая властная вершина социального конуса.
3. Круговое восходящее движение Инферно от основания конуса к его вершине, сопровождаемое восхождением его носителей по карьерной лестнице. Чем больше в мыслях человека Инферно, тем выше он может взобраться по социальной лестнице.
4. Сброс на нижние уровни социальной пирамиды энергии Любви и тех ее носителей, кто перестал удовлетворять энергетическому состоянию текущего уровня социальной лестницы. Крах карьеры. Принцип отрицательного отбора.
5. Нисходящий поток Инферно от вершины к основанию социального конуса. Проявляется в виде насилия, которое власть постоянно творит по отношению к народу для сохранения своего паразитирующего благополучия.
6. Круговое движение энергии Любви в основании социального конуса, распыленной в

Душах простых людей. По мере того, как в ком-то меняется энергобаланс в пользу Инферно, он начинает свое восхождение от основания к вершине.

А ведь получилось! Но это пока получилось лишь более или менее образное описание происходящего. Но по-прежнему совершенно не понятно, что можно и нужно сделать для того, чтобы кардинально изменить направление энергопотоков. Ведь по сути в данной схеме Любовь вообще остается никак не проявленной в виде социальной силы. Действует лишь Инферно, потоки которого полностью сонаправлены временному вихрю. От основания вверх. И ведь нашу "горку блинов" в отличие от решетки даже мысленно никак и никуда не повернешь. Что остается? А остается нам по сути всего два выхода. Или мы должны закрутить Инферно не вверх, а вниз, то есть против вектора временного движения, либо поменять Инферно на любовь в качестве активной социальной силы, а Инферно растворить в пассивном состоянии в человеческой массе.

Истратив кучу бумаги, я понял, что просто поменять Инферно на любовь мне не удастся. Этот путь вел в никуда. Любовь слишком жертвенное чувство, чтобы на постоянной основе являться движущей силой развития общества.

А вот первый путь был на уровне графики выглядел проще и понятней. Надо было лишь раскрутить наш вихрь в обратном направлении, сделав круговые потоки нисходящими, а компенсирующие их направленными вверх. Но не потребуется ли нам для этого запустить обратный ход времени?

И тут я вспомнил, что еще в своем родном мире и времени много размышлял над логикой происходивших событий. То тут, то там я наткнулся на достаточно четкие аналогии в современных событиях и прошлых. И даже вывел какую-то странную зависимость. Чем страна была древнее, тем больше ощущалась ее скорость движения по аналогиям событий прошедших времен. А что если на самом деле это так? Ведь если в моей модели блины вращаются по спирали, то с точки зрения стороннего наблюдателя вектор времени сначала направлен слева направо, а затем на другом секторе витка, наоборот. И даже стоящий на краю блина, но способный просматривать "сквозь" него увидит движение уже прошедших событий именно в прошлое, а не будущее.

Однако, все это прекрасно, но нам требуется совершенно иное. Это лишь иллюзия. Нам не дано перезапустить реальное течение времени вспять. Все, что можно попытаться сделать, это раскрутить инфернальный энергопоток в обратную сторону. Или я ничего не понимаю, или в таком случае на вершине нашего вихря мы должны иметь мощный источник энергии, который будет отбрасывать от себя Инферно. Тогда и только тогда мы обеспечим выдавливание Инферно вниз. Но откуда на вершине может взяться такой источник? Варианта два. Или нам его спустят сверху, или его надо как-то ускоренно добывать снизу. Что касается Всевышнего, то ждать прихода его посланника, который все разрулит, можно до скончания веков. Ему одному ведомо, когда, куда и кого посылать. А нам по меткому выражению Мичурина "нечего ждать милости у природы, зять ее наша задача". Следовательно, нам надо обеспечить прямой прокол энергии Любви с самого низа на самый верх. А не это ли, кстати, пытался сделать товарищ Сталин поощрением своего личного культа? Не исключено. Но вот только это было не системное решение, а локальное. А потому, если и дало положительный эффект, то лишь кратковременный и относительный. А нам нужно именно фундаментальное решение проблемы, способной стать вечным двигателем прогресса. А для этого нам надо, чтобы снизу шел постоянный ток энергии Любви, замыкался на вершине конуса. Но тут опять проблема. Если ток снизу, то после

первого этапа, когда идет всплеск Любви, дальше внизу остается только Инферно. И только Инферно мы может принять снизу.

Противоречие? А может быть и нет. Если мы хотим иметь устойчивую структуру, то на вершине должен стоять Правитель, обладающий в равной степени обоими качествами. В таком случае излишки Инферно он будет сбрасывать вниз по спирали, обеспечивая постоянное движение нашего вихря, а энергией любви притягивать к себе ее носителей. Ведь в отличие от Инферно для активизации энергии любви всегда требуются минимум двое. Это для Инферно достаточно одного Эго.

Взглянув еще раз на картинку, я понял, что центральный восходящий поток Инферно от основания к вершине совершенно не так страшен, как кажется на первый взгляд. Скорее даже наоборот. Именно он и станет нашим вечным двигателем, обеспечивающим постоянное стремление и развитие. Ведь Любовь стремится к Покою. А Инферно вечно чем-то недоволено. И именно это недовольство и станет толкать нас вперед. Только нужно направить его в правильное русло, заставить работать на благо всего общества. Этот поток будет обеспечивать нам на вершине пирамиды не только полное знание о том, чем именно и в какой степени недоволено основание, но и постоянно генерировать идеи, каким образом эти проблемы стоит устранять. Более того, именно по этому потоку пойдут и все открытия и изобретения, способные обеспечить постоянную динамику научного, технологического и социального прогресса.

И что получается в итоге? А в Итоге мы получаем забавную фигуру конусовидного тороида.

Рис 2.

1. Основание социального конуса.

2. Управляющая властная вершина социального конуса.

3. Круговое нисходящее движение Инферно от основания конуса к его вершине, сопровождаемое сбросом его носителей по карьерной лестнице. Чем больше в мыслях человека Инферно, тем ниже его потолок на социальной лестнице.

4. Карьерный взлет на освобождающиеся места носителей энергии Любви, заслуживающих нахождения на более высокой ступеньке социальной лестницы. Принцип отрицательного отбора.

5. Восходящий поток Инферно от основания к вершине социального конуса. Проявляется в виде сигналов о проблемах и недовольстве в основании, вызванными стремлениями Эго к самореализации за счет изменений. Главный инструмент постоянного общественного движения.

6. Круговое движение энергии Любви в основании социального конуса, распыленной в Душах простых людей. По мере того, как в ком-то меняется энергобаланс в пользу Инферно, он начинает свое восхождение от основания к вершине.

7. Вертикальное круговое движение энергии Любви между всеми уровнями социального конуса. Движение, обеспечивающее единство общества и разделение общих целей движения общества всеми его социальными слоями.

А что? Картинка получилась очень даже ничего. Вполне себе гармоничная и логически верная. Но в то же время я чувствовал, что упускаю нечто очень важное. Настолько важное, что это способно полностью обесмыслить все сделанное. И все же мне никак не удавалось поймать причину своего недовольства. Все же верно и сбалансировано. Что не так?

Косвенно это касалось того, что я совершенно не понимал, как запустить механизм изменения системы энергопотоков. Даже война мне уже не казалась удачным моментом. Да, вполне может быть и даже ожидаем временный всплеск нужных нам эмоций и настроений. Но насколько он может оказаться достаточным и привести долгосрочные изменения. Ведь все принципы социальной лестницы остались теми же. И на всех участках сидят те же самые люди. Возьмем того же Сталина. Да, он может понять Идею. Он даже может с ней согласиться и попытаться что-то изменить. Но самого себя же он не переделает. А значит рано или поздно он вернется к своим старым методам формирования кадров и отношений, вернув все на свои места. Да, это причина, но есть что-то еще, чего я просто не понимаю.

Замучившись искать "черную кошку в темной комнате", я понял, что моих знаний о мире элементарно не хватает для того, чтобы найти причины, и решил посоветоваться. Я позвал Велимира. Он обещал появиться через часок и, ожидая его, я принялся еще и еще раз проверять всю свою логику построения модели. Нет, не вижу.

Появившийся Велимир довольно быстро воспринял мою идею и принялся внимательнейшим образом рассматривать рисунки.

— Значит, говоришь, чего-то не хватает? — улыбнувшись, спросил волхв. — А чего именно, не догадываешься?

— Нет, Велимир. Уже всю голову себе сломал.

— А ведь мог догадаться. Даже должен был. Скажи, мир состоит из одного лишь материального состояния? А где в твоей схеме Боги?

— Боги?

— Ну да, Боги. Вообще, где в твоей схеме Духовный мир. Ты нарисовал лишь сторону Яви. А куда лед Навь?

— Подожди. Я согласен, Навь нужна. Но ведь Боги и Навь это же разные вещи?

— Это для таких недоучек, как ты разные. А где они по-твоему обитают?

— А Правь?

— Э, милоч. Как все у тебя запущено-то. Правь, да будет тебе известно, это совсем другая песня. Правь это не наш мир. Правь, это мир Всевышнего. А у нас она проявляется в виде его Законов, с помощью которых он Творит его. Сам мир состоит из Яви и Нави. А Правь управляет взаимодействием между ними согласно Промыслу Всевышнего. Понял?

— Теперь да.

— Хорошо. Пойдем дальше. Что ты знаешь о том, как Всевышний творил наш мир?

— Тут я, конечно, полный неуч, но вроде как путем отражения самого себя в пустоту.

— Теоретически это так. Но практически все несколько сложнее. Смотри. В русском языке есть три важные буквы. В принципе лишних букв там вообще нет, но нам пока важны именно три. Это буквы "О", "Л" и "П". "О" Это образ самого Всевышнего. А теперь взгляни на "Л". И попробуй соотнести ее с "О". Что видишь?

— Сектор круга, только без нижней границы.

— Правильно. Отражая себя в Пустоту Всевышний физически не может воплотить себя полностью. Он может отразиться в Пустоте лишь частично. Примерно так, как ты можешь отразиться в зеркале лишь той своей стороной, которой к нему обращен. Понял?

— Кажется, да.

— Тогда идем дальше. Творение Мира одним отражением Всевышнего не ограничилось. Представь себе звуковой ряд. В нем есть звуки, настолько высокие, что мы их не слышим. Есть высокие звуки, есть низкие басовые звуки и есть настолько низкие, что мы

опять их не слышим.

— Ну да, ультразвук, звук и инфразвук. Пока понимаю.

— Тогда пойми дальше. Представь себе, что первое отражение Всевышнего дало такую мощь и такую запредельную высоту твоего ультразвука, что еще ничего и никого не было. Был только РАЗ — Первый или Сварог. Затем пошло второе отражение, третье и так Дале, пока не возник плотный материальный мир, в котором мы сидим и беседуем. Но все эти последующие отражения уже не были по принципу "Л". Ведь Уже Первое отражение полностью вписалось в наш Мир и далее отражалось целиком. А потому это происходило по принципу "П" или путем переворачиванием "чаши".

— Вроде бы понятно.

— Понятно, да не все. Ведь я не случайно сказал про переворот "чаши". Каждое новое отражение давало и зеркальное отражение сущности. Мужское становилось женским, светлое темным и так далее.

— Ясно.

— Ну а раз ясно, то пририсуй-ка к своим рисункам верхнюю зеркальную половину. И посмотри, что получишь.

Я взял первый рисунок со схемой того, что есть и принялся пририсовывать к ней верхний перевернутый конус.

— Ты только энергии местами тоже поменять не забудь.

— Сделал.

Велимир посмотрел на то, что у меня получилось и попросил карандаш.

— Все верно, но не все учтено. — Несколькими быстрыми штрихами он дополнил мою схему. — Смотри. Помимо самих конусов есть переходное пространство. Это, раз уж ты рисуешь социальный конус национального общества, национальный эгрегор. Этакое коллективное бессознательное всего народа, наполненное его страхами, мечтами, желаниями и представлениями о мире. Вот эти стрелки снизу вверх показывают, что все мысли людей, независимо от их социального статуса мгновенно попадают в эгрегор. А вот эти, которые сверху вниз, это различные духовные силы, которые пытаются воздействовать на него из различных слоев Нави. Среди них есть те, которые вы называете божественными, есть те, которые зовутся демоническими. Вот теперь картинка полная.

1. Национальный (страновой) эгрегор.

2. Попадание в эгрегор мыслей людей.

3. Воздействие на эгрегор Духовных Сил.

Рис 3.

— Кстати, присмотри к верхнему конусу и попробуй понять смысл энергетических потоков.

Я посмотрел на рисунок и впервые почувствовал, что начинаю обретать опору под ногами. Все становилось на свои места. Центральный поток Любви напрямую устремлялся к Всевышнему, сообщая ему о полной удовлетворенности жизнью. В результате навстречу шел такой же нисходящий поток божественной Любви, отсекавший по дороге энергию Инферно, перенаправляя ее обратно к Создателю. Но это оказывалась "дьявольская Любовь, ведь в основании Духовного конуса скапливалась исключительно энергия Инферно. В результате получалась иллюзия удовлетворенности людей таким развитием ситуации, а воздействие на

эгрегор осуществлялось преимущественно "демоническими" низкочастотными сущностями, еще больше ухудшая ситуацию.

— О, дошло, наконец, что мы сами творцы своего "счастья". Что хотим, то и получаем. А теперь дорисуй свою желаемую картинку. Ты, кстати, заметь, что верхний конус упирается совсем не во Всевышнего, а лишь в одно из его Отражений, соответствующего нашему настрою вида. Хотим Инферно, получаем в виде Бога Инфернальную сущность. Захотим наоборот, получим иное.

Я взялся опять за карандаш и быстро дополнил второй рисунок недостающими элементами. Все вставало на свои места.

Теперь не только направление потоков поменялось, но поменялась и вся конфигурация. Теперь в качестве Бога в основании Духовного конуса мы имели Любовь. От нас вверх по кругу струилась энергия Любви. Одновременно внутри конуса от нас к Богу устремлялась энергия Инферно, сигнализирующая о едином желании перемен. Она отражалась от основания Духовного Конуса нам навстречу в виде грядущих изменений сообразно нашим запросам. А все корыстные инфернальные устремления отдельных личностей отбрасывались на соответствующем уровне, не доходя до "ушей" Творца.

Я смотрел и любовался гармоничностью картинки. Но по-прежнему совершенно не понимал, как нам реализовать ее практически. О чем и не замедлил спросить Велимира.

— А это потому, что у тебя в схеме не хватает еще одного, самого главного элемента, Правителя. Он опять взял карандаш и дорисовал еще один круг, захвативший вершины сразу же обоих конусов.

Рис. 4

#### 4. Правитель.

— Вот теперь схема полна и правильна. — продолжил Велимир, — во главе народа должен стоять Светлый Правитель. Его место между людьми его и Богами. Он обязан доносить до людей волю Богов, а до Богов желания и устремления своего народа. Причем, и то, и другое без искажений. Он обязан быть един в трех лицах. Глава, вершина социальной лестницы, это раз. Осознанный лидер национального эгрегора, это два. И, наконец, ведун, напрямую общающимся с Богами, это три. Именно в таком случае ты никогда не будешь иметь проблем со своим мироустройством.

Я как стоял, так и рухнул на стул. Это что же, все напрасно? Где же нам взять такого правителя, чтобы и с людьми, и с эгрегором, и с Богами на "ты" был? И разве ж Сталин власть отдаст?

— Чего пригорюнился, добрый молодец? — засмеялся Велимир. — Понял теперь, какую ношу взваливаешь? А ты думал как? Сейчас по-быстрому пару рисунков сварганишь и все в ажуре? Нет, брат. Так просто дела не делаются.

— А скажи Велимир, это вообще возможно?

— А что ж невозможного-то? Так на Руси раньше и было. По-другому никогда не было. Все Князья русские Светлыми были. Да и царей потом, помнишь, по старой памяти "помазанниками божьими прозывали". Ты думал просто так? Нет. Хотя цари романовской династии уже мало ведали. Что-то в них, конечно, оставалось, но лишь тень прошлых умений. А до них все Вещими были. Не могло просто иначе быть, чтобы слепец до трона добрался.

— А что же нам сейчас делать?

— А что именно тебя смущает? Не бойсь, ежели договоримся, все поправить можно. Взять твоего же Князя нынешнего. Мощные у него задатки. Вещим его, конечно, в силу возраста уже не сделать, но кое-что пробудить можно будет. А там и мы подсобим в общении с горными мирами. Так что, если Князь добро даст, сдюжим.

Я смотрел на Велимира открытыми до предела глазами. Веет тебе и волхв. Интересно, где же границы его Сил и почему все же они так долго вне мира отсиживались? Но это не сего дня разговор. Я чувствовал себя уже выжатым до предела. Хотелось спать.

Велимир взглянул на меня, молча кивнул и исчез прямо из сидячего положения. Впрочем, у меня уже не оставалось никаких сил этому удивляться.

— Благодарствую, Велимир, — пробормотал я, доползая до кровати.

— Здрав будь, — донеслось в ответ.

## **Глава 48.**

### **Хасанская операция**

События у озера Хасан в этой истории развернулись практически в то же время, что я помнил по своей. Но вот по содержанию отличались кардинально, как небо и земля. Во-первых, благодаря моему "послезнанию" советская армия была полностью готова к событиям и сумела скрытно сосредоточить в заданном районе все необходимые силы и средства. Во-вторых, операция сразу же на этапе планирования получила единое выделенное командование, о котором стоит сказать особо.

Начальник советской группировки был назначен лично Сталиным. Им оказался Комкор Павлов Дмитрий Григорьевич, Герой советского Союза, получивший это звание за бои в Испании и пребывавший после возвращения из "командировки" в должности Начальника Автобронетанкового Управления РККА.

Сначала я очень удивился этому выбору вождя, но после некоторого размышления понял, что таким образом Сталин заранее хочет проверить правильность своего решения в моей исторической параллели относительно этого командира. В свое время, отвечая на вопросы Сталина обо всех более или менее значимых фигурах Красной Армии, участвовавших в Великой Отечественной, среди всех прочих генералов и маршалов мы говорили и о Павлове. Тогда Сталин заставил меня вспомнить даже те фамилии, которые я думал, что никогда не знал. А уж мимо Павлова мы никак пройти не могли. Сказать, что я знал об этом человеке много, нельзя. В большинстве прочитанных мною книг и мемуаров отношение к этому командующему Западным Фронтом в первые дни войны было, мягко говоря, не очень. Скорее, наоборот, на него очень легко вешалась большая часть ответственности за провалы армий Западного Фронта, потерю складов и вооружений, а также за попадание в котлы первых месяцев боев сотен тысяч советских бойцов. Я всегда сомневался в том, что вина Павлова за все, что произошло в те дни, была столь очевидна. Скорее он пострадал за то, что кто-то просто был обязан понести персональную ответственность за произошедшее, отводя тем самым удар от Жукова и Тимошенко, а косвенно и от самого Сталина. То есть послужил козлом отпущения за общие грехи и промахи. Примерно так я Сталину все и выложил. Вождь внимательно посмотрел тогда на меня, поиграл желваками на скулах, но промолчал.

И вот теперь он, видимо, решил для себя еще раз все проверить. Ситуация на Хасане была не очень проблемной. Соотношение войск РККА и японцев, включая резервы, позволяло рассчитывать на положительный результат чуть ли не при любом головопятистве



командования. Разумеется, вовремя замеченного. А потому Сталин рискнул. Проявит себя Павлов, значит, в моей исторической версии Сталин ошибся и теперь готов свою ошибку исправить. Провалит задание, значит, будет быстро смещен со всех постов с печальными для себя последствиями. Теперь уже окончательными.

Павлов, надо сказать, ничего не провалил, скорее справился на отлично. Хотя ему и пришлось не так, чтобы очень легко. Дело в том, что в отличие от того, что случилось в параллельной истории, здесь японцы атаковали гораздо более крупными силами. Точнее собирались атаковать, о чем поведал пленный японский капитан, захваченный казаками-пластунами. Несмотря на расформирование Советской властью Уссурийского казачьего войска и последующие многочисленные репрессии, казаки очень часто привлекались для службы в пограничных отрядах и разведке. Мало кто знал эти места так, как они. Как раз такая группа казаков-разведчиков и захватила японского капитана прямо накануне вторжения. Уж больно им меч, висевший у него на боку, понравился, как они потом сами шутили.

Капитан под действием внушительных аргументов специалистов особого отдела раскололся довольно быстро, хотя поначалу строил из себя самурая. Он и поведал, что атака на высоту Безымянную, а следом и на высоту Заозерную, планируется силами дивизии на каждую, поддержанных механизированными частями. И еще одна дивизия должна остаться в резерве на случай осложнений. Причем, атака планируется уже через день. Это известие поначалу вызвало бешеную суету в командном штабе операции. Ведь в моей истории японцы ограничились всего лишь двумя полками одной дивизии. Две другие, как и механизированная бригада, в боях фактически участия не принимали, хотя и находились в районе боевых действий.

Впрочем, паники никакой не было. Ведь общая численность японских войск по данным нашей разведки так и не изменилась. Это были все те же три дивизии и бригада устаревших танкеток. А к таким силам мы были готовы. Да что там, Павлов, выполняя приказ Сталина с минимальном количестве жертв, сконцентрировал в районе будущих событий такие силы, что даже увеличь японцы свои войска вдвое, это не привело бы к существенным изменениям в ситуации.

Провокации, как начались точно по графику. 29-го июля японцы силами одного полка попытались на рассвете тайно подобраться к нашим позициям на высоте Безымянная, выбить наших пограничников и закрепиться на высоте в ожидании основных сил. Однако, хитрость не прошла. Пограничники оказались в полной боеготовности и открыли по противнику такой шквальный пулеметный и снайперский огонь, что японцы, потеряв почти половину личного состава, откатились. Преследовать их никто не стал.

Среди наших войск потери были минимальны. Но как только японцы отошли, на высоте была проведена полная смена всего личного состава. Побывавшие в бою пограничники отправились в тыл рассказывать о своих боевых успехах, а им на смену пришли другие части. Только теперь уже в значительно большем составе.

На следующее утро, не предпринимая больше усилий по атаке на Безымянную и соседствующую с ней высоту Черскую японцы уже полными силами навалились на высоту Заозерную. Наше командование предвидело такую возможность, а потому практически сразу же после начала массированного наступления передало приказ об отходе с позиций на этой высоте. В отличие от Безымянной в этом районе вероятность окружения наших войск была крайне высока. Оставив на позиции незначительный заслон, отсекавший слишком азартные

вылазки передовых отрядов японцев и страхующий от обходов высоты с флангов, пограничники дисциплинированно отступили и на заранее заготовленных лодках переправились в тыл через озеро Хасан. Японцы ценой значительных потерь, используя подтянутую полевую артиллерию и постоянно подрываясь на минном поле в которое превратился все склоны Заозерной, смели заслон и к исходу дня сумели занять высоту. Вот только радости это им не принесло. Как только все позиции оказались заняты, а японцы принялись укреплять на свой лад развороченные снарядами траншеи, высота взлетела на воздух. Практически вся зона обороны была начинена закопанными фугасами большой мощности.

Следующий день боестолкновений практически не было. Японцы занимались разминированием склонов Заозерной и закреплялись на ее вершине, а также переправляли дополнительные войска через реку и концентрировали силы на подступах к Безымянной и Черской, намереваясь закрепить успех.

Но их планам не суждено было сбыться. На следующее утро на рассвете более ста советских бомбардировщиков, поддержанных истребительной авиацией нанесли мощный бомбовый удар по позициям японских войск, находящихся в резерве на другом побережье ручки Туманной. В результате нескольких последовавших в течение дня бомбовых ударов оказались разрушенными все обнаруженные переправы, склады с оружием и уничтожена большая часть стоявшей в ожидании отправки на другой берег бронетехники. Уже перед самым закатом группа из нескольких десятков бомбардировщиков нанесла удары по японским войскам, готовившимся к наступлению на Безымянную. С этого же началось и следующее утро, только к старой цели добавилась новая. Удары наносились еще и по японцам, не спевшим полностью окопаться и закрепиться на Заозерной. Сразу же после окончания бомбардировки из района Безымянной и с юга от высоты Подгорной двумя мощными клиньями атаковали две советские механизированные бригады, поддержанные моторизованными стрелковыми частями. Танки, прорвав недостроенные оборонительные сооружения японцев, пронесли на полном ходу по их позициям и соединились широкой полосой в районе береговой линии Туманной, препятствуя подходу подкреплений к противнику и срывая все попытки наладить новые переправы. За ними в зоны прорывов втягивались все новые войска. Авиация весь день продолжала бомбить тыловые и резервные части противника. Окруженные японские части общей численностью до дивизии предпочли сдаться уже к вечеру.

Японский посол в Москве был в советском МИДе уже в этот же день и просил счесть все случившееся нелепой случайностью и безумной инициативой генерала Каямы, командовавшего японскими соединениями в этом районе. По сообщению посла он уже взят под арест, будет отправлен в Токио и судим Императорским судом. Посол просил отпустить всех японских военнопленных, сдавшихся на советской территории.

Принимавший посла Молотов, посмотрел на посла даже с удивлением, хотя и деланным.

— А что взамен? Вы что думаете, пришли, повоевали, обгадились и в кусты, как будто ничего не случилось? А у нас, между прочим, люди погибли или ранены, техника пострадала. И вот так взять и простить?

Посол, судя по всему был готов к торговле, но оставалось неясным, что именно находится в его полномочиях.

— Что Вы предлагаете, господин Нарком?

— Я предлагаю? Это не я, а Вы должны предлагать, раз бед натворили. А я буду слушать и думать, принимать ли Ваши предложения или сразу отдать команду войскам выбить вас, например, с юга Сахалина.

От таких слов посла аж затрясло. К этому он оказался совершенно не готов. Еще недавно он приходил сюда требовать от Наркома Молотова освободить спорную территорию с полным ощущением собственной правоты и величия японской нации. Более того, он ощущал постоянно и дружескую поддержку британской дипломатии. И вдруг все резко поменялось. Имея представление о реальном раскладе сил на Дальнем Востоке, посол прекрасно понимал, что у русских вполне хватит сил и средств на то, чтобы выбить японцев с Сахалина. И восстановить статус-кво потом окажется очень нелегко. Тем более, что эти хитрые гайдзины успели на своей части острова расселить целую колонию евреев. И теперь случись что, мировая общественность и дипломатия окажутся в крайне затруднительном положении. Уж о поддержке Японии говорить не придется, лишь бы нейтралитет сохранили.

Посол очень внимательно посмотрел на Наркома. Весь вид Молотова говорил о том, что он крайне рассержен, и все сказанное им следует воспринимать всерьез. И даже не как угрозу, а, возможно, и как реальное намерение. Он срочно должен связаться с Токио. Ситуация полностью вышла из-под его контроля и его компетенция совершенно не хватало на продолжение разговора.

— Со всем моим уважением, господин Молотов, мне нужно срочно проконсультроваться с Токио по данному вопросу, я надеюсь, у вас будет время принять меня завтра?

— Хорошо, господин посол, давайте перенесем наш разговор. Только прошу Вас передать Токио наше крайнее возмущение создавшейся ситуацией. Мы всегда воспринимали Японию в качестве доброго соседа. Но все может и измениться.

Посол низко поклонился и отбыл. Телеграфные провода в тот вечер и ночь буквально раскалились от потока сообщений. И не одна бригада шифровальщиков осталась без сна.

На следующий день вопрос был решен. Япония отказывалась от каких либо претензий на Хасанский выступ, отдавала СССР в качестве компенсации за несанкционированное нападение всю территорию острова Песчаный, а также северное побережье реки Туманной, по фарватеру которой теперь и проходила государственная граница. Также СССР доставалась вся техника, захваченная во время столкновения, а пленные перед возвращением домой были обязаны восстановить своими силами все пострадавшие во время боев укрепления советских войск на высотах Безымянная и Заозерная. Правда, кормили их на время работ мы.

Павлов за успешное командование операцией был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Награды также получили и все другие отличившиеся в боях бойцы и командиры.

В ходе инцидента погибли 63 человека, включая 12 бойцов пограничного заслона на высоте Заозерная, с честью выполнивших свой долг. Все они были посмертно награждены орденами, а командир званием Героя советского Союза. Высоту Заозерную было решено официально переименовать в высоту Героев. Ранеными РККА временно потеряла еще 172 человека, но среди них практически не было крайне тяжелых. Из техники выбыло из строя 11 танков, из которых 6 по механическим причинам.

О потерях японцев пресса сообщила уклончиво, сказав, что противник потерял до трех тысяч убитыми и ранеными и множество боевой техники.

Сталин был очень доволен событиями. А вот на другой стороне настроение было не

очень.\*\*\*\*\*

— Что Вы думаете по поводу произошедшего, генерал? — Вальяжно расположившийся в кресле джентльмен без всякого сомнения принадлежал к британской элите. Об этом просто кричали и его надменный вид и небрежная изысканность в одежде. Да эмиссар британской разведки на Дальнем Востоке сэр Майкл Роджер Спенсер и не мог быть иным. Все же несколько поколений аристократов давали о себе знать.

Его собеседник, командующий Квантунской армии, генерал Уэда Кинкити был крайне раздражен.

— А что тут можно сказать? Бездарное попадание в тонко расставленную ловушку. С неизбежными печальными последствиями.

— Очень точно сказано, генерал. Именно ловушка. Но для этого русские должны были точно знать, когда и куда вы ударите. Ищите источник, генерал. И он где-то очень недалеко от Вас. В противном случае он не смог бы узнать весь объем информации.

— Уже занимаются. Скоро отыщем этого грязного шпиона, и я лично выпущу ему кишки.

— Не стоит горячиться. Дело в сущности обычное. Мы шпионим у них. Они у нас Другое дело, что пока шпион не отыщется, у нас связаны руки. Так что больше никаких вылазок и конфликтов.

— Да какие уж тут вылазки? И так нас пощипали, хоть сеппуку себе делай. Сколько отдать пришлось. Да ладно бы техника или земля. Унизительно, что японские солдаты теперь вынуждены своими руками строить им укрепления. А еще эта выходка насчет Сахалина.

— А в Токио восприняли ее всерьез, генерал?

— Да, пришлось учитывать и эту возможность. Теперь на Сахалин срочно перебрасываются дополнительные соединения и техника.

— Только не вздумайте сами нарваться на неприятности. В таком случае вас уже никто не спасет. Там советские евреи. Тронь хоть одного и от вас отступится вся Европа и Америка разом. Разве что Гитлер. Но он далеко, и у него скоро будет полна голова собственных проблем. А без всякой помощи долго вы сможете продержаться?

— Да мы и не собираемся совать голову в петлю. Лишь бы нас не трогали.

— Ну об этом я позабочусь. А что Вы думаете насчет боевых качеств русских и насчет их техники?

— С их стороны, с учетом того, что они готовились заранее и имели возможность понять наши вероятные или истинные планы, операция проведена грамотно. Войска действовали согласованно. Насчет техники ничего сказать не могу. Никаких новых образцов они не использовали. Брели массой.

— Ну что же генерал, удачи. Спасибо за обмен мнениями.

#### **Глава 49. Англичанка гадит.**

Вскоре после победоносного завершения Хасанской операции меня вызвали в Кремль. На этот раз Сталин был не один. В кабинете уже находились Артузов, Берия, Ворошилов, Меркулов, Молотов и Орджоникидзе. Подобный состав участников меня заинтересовал. Намечалось обсуждение какой-то комплексной проблемы, явно имевшей отношение к военным приготовлениям. Причем, откровенное обсуждение, поскольку все присутствующие лица были прекрасно осведомлены о моих особенностях.

— Проходите товарищ Алексей. Позвольте выразить Вам нашу благодарность за

очередное точное предупреждение внешних угроз. Хотя последний инцидент на Хасане прошел все же не так, как Вами описывалось. Чем Вы можете это объяснить?

— Вы имеете в виду, товарищ Сталин, что японцы полезли существенно большими силами?

— Да, это настораживающее отличие. Если все, что случилось потом, легко объясняется нашими встречными действиями и растерянностью японцев, то изменение в несколько раз их ударных сил при полном совпадении времени нанесения удара просто на случайность не спишешь. Хорошо, что мы были готовы и вовремя сосредоточили необходимые силы. А если бы мы бы понадеялись на Вашу информацию, товарищ Алексей? Все могло быть значительно хуже. Могли Вы просто ошибиться, товарищ Алексей, забыть точный ход событий в Вашей истории?

— Нет, товарищ Сталин, это исключено. Моя память сейчас так устроена, что либо я помню все точно, либо не помню вообще. Ошибки могут быть, но лишь тогда, когда я что-то знаю исключительно по художественной литературе. В таком случае ошибка автора неизбежно становится и моей ошибкой. Но это не тот случай.

— Тогда чем Вы можете объяснить столь серьезное расхождение?

— По одному этому факту, товарищ Сталин, что-либо точно сказать невозможно. Мы начали менять исторический ход событий. Причем, нами уже сделано многое, что в моем мире не происходило. Сегодня даже без знания во внешнем мире о новых образцах нашей военной техники СССР все равно выглядит намного сильнее и сплоченнее, чем она казалась в исторической параллели. Даже несмотря на то, что все наши действия должны вызывать и противников больше вопросов, чем ответов. В этой связи вполне возможно, что они решили прощупать нашу силу более мощными средствами. Но не стоит исключать и того, что против нас началась серьезная контригра, в которой Хасан является лишь незначительным эпизодом.

— Даже так? Хорошо, а что Вы думаете по поводу результатов Хасана? Какие выводы должны сделать японцы, а возможно и не только они после завершения инцидента.

— Сработали наши войска, товарищ Сталин, практически идеально. Я не военный. Мне трудно оценить во всех деталях правильность или ошибочность маневров. Тем более я не могу сказать, можно ли было сделать лучше и как. Но для меня все прошло наилучшим образом. Что же касается противника, то скорость проведения нами контрперации, слаженность и решительность действий всех видов войск должны неизбежно привести японцев к выводу о нашей готовности к их вылазке. Причем, эта готовность никак не может быть объяснена их предварительными требованиями насчет этого района по дипломатическим каналам. Боюсь, товарищ Сталин, что они придут к однозначному выводу об утечке информации из собственного штаба. И, как результат, начнут усиленно искать шпионов в своем лагере. Грозит ли нам это чем-то или нет, не знаю, но трести свой офицерский корпус они будут серьезно.

— Как Вы думаете, товарищ Артузов, грозит ли нам это какими-либо последствиями?

— Думаю, нет, товарищ Сталин. В первую очередь они будут перетрясать Квантунскую армию и тех офицеров, кто имел отношение к разработке планов нападения. Среди этой категории наших людей нет. А до Токио они доберутся не скоро. Вероятность провала с нашей стороны минимальна.

— Это, с одной стороны, хорошо, товарищ Артузов. Но, с другой, не является ли отсутствие среди японских офицеров наших товарищей недоработкой с нашей стороны? И не

стоит ли использовать эту ситуацию для того, чтобы такие люди там появились. Как раз после всех проверок контрразведка надолго успокоится, и этот момент может сыграть нам на руку. Не так ли? Не стоит полагаться лишь на всеведение товарища Алексея. Изменение хода его истории уже началось, и чем дальше, тем больше будет накапливаться расхождений. Очень скоро товарищ Алексей уже ничем не сможет нам помочь в этой области. Мы должны быть к этому готовы. В истории товарища Алексея они всего лишь еще однажды попытаются столкнуться с нами напрямую. Но вдруг изменения зайдут настолько далеко, что они отважатся на серьезное нападение крупными силами? Это может иметь большое значение для развития событий в Европе.

— Займемся, товарищ Сталин, думаю, решим эту задачу в кратчайшие сроки. Подготовку начнем немедленно, а внедрение осуществим сразу после окончания всех проверок.

— Хорошо, держите меня в курсе.

— Товарищ Алексей. Вы упомянули, что это может быть элементом большой игры против СССР. В принципе, возможно, Вы правы. Примерно месяц назад нам поступил сообщение от профсоюзных кругов США, что в Конгрессе готовится законопроект об обязательном возврате в страну всех работающих за рубежом американцев.

Еще дней через десять мне передали письмо от Рокфеллера, предупреждающего о том же, только в более конкретной форме. Он пишет, что попытался хотя бы притормозить этот проект, но демократы при очень мощной поддержке англичан продавливают такое решение. Причем, у кулуарах Конгресса открытым текстом говорят, что направлено это против СССР и его слишком быстрого усиления. Разумеется, обставлено это будет все иначе. Потребностями американской экономики, успешно преодолевшей кризис. Необходимостью тщательно подготовиться к возможному росту международной напряженности и так далее.

А не далее, как два дня назад Посол США в Москве передал товарищу Молотову официальное письмо Президента Рузвельта. В письме президент США сообщает о принятом Конгрессом решении по незамедлительному возврату всех граждан США в страну, просит обеспечить возможность послу довести это решение до всех работающих американцев в СССР и не препятствовать их отъезду на родину. При этом он также просит не штрафовать никого за досрочное расторжение рабочих контрактов, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства. Разумеется, Рузвельт рассыпается в дружеских чувствах, надеется на взаимопонимание и успешное сотрудничество между нашими странами, но сути это не меняет.

В этой связи, что Вы думаете по данному поводу, товарищ Алексей.

— А вот это точно еще один ход в игре против нас. Причем, насколько я понял, уши англичан торчат в этом деле, даже не скрываясь. И это достаточно сильный ход. Что-либо сделать в данном случае не в наших силах. Если мы начнем препятствовать отъезду граждан США, то мы рискуем серьезно испортить отношения с нашим наиболее перспективным союзником в грядущей войне. Этого нельзя допустить. Товарищ Орджоникидзе, наверняка сможет точнее оценить наши проблемы от потери почти полутора миллионов квалифицированных рабочих и особенно инженеров, но мое мнение таково. Это серьезное, но не критическое ухудшение обстановки. Практически все заводы за небольшим исключением уже построены и введены в эксплуатацию. То, что осталось, достроим своими силами, хотя темпы роста и даже качество производства большинства изделий на время упадут. Но это поправимо.

— Ваше мнение, товарищ Орджоникидзе?

— Согласен с товарищем Сидоровым. Сложно, но не критично, выправим ситуацию примерно за год.

— Продолжайте, товарищ Алексей. Мы можем что-то сделать в этой связи для облегчения проблемы?

— Думаю, сможем. Во-первых, мы должны аккуратно предложить перейти в советское подданство всем высококвалифицированным рабочим и особенно инженерам. Предложить им хорошие условия. Думаю, процентов десять согласится. Но делать это надо именно осторожно и аккуратно, чтобы не навредить нашим отношениям с США. Затем всех новоприобретенных таким образом советских граждан следует распределить на работу по наиболее важным оборонным предприятиям. Сейчас производство военной техники и вооружений уже выходит на первое место по значимости.

— Спасибо, мы подумаем, как это сделать. Предложение хорошее, но требует тщательного обдумывания в деталях. А скажите, товарищ Алексей. Если опираться на опыт будущих действий и предполагать наихудший вариант, то, что по максимуму может придумать Британия для усиления удара по СССР?

— Сложный вопрос, товарищ Сталин. Главное не в том, что они могут придумать, а на что у них останется ресурсов и хватит решимости. Теоретически, если исходить из наихудших предположений, то мы можем получить войну не только против Гитлера, но и против Польши, Турции и Японии одновременно. Есть таковая угроза и со стороны Ирана, но уж совсем слабая. Просто немцы там перед самой войной очень активничали. Не знаю, как сейчас, но в моем времени было именно так. Сами британцы на стороне Гитлера не выступят, они любят действовать из-за кулис. Скорее даже объявят ему войну для виду.

— Даже так?

— Да, но вероятность всех этих моментов разная. Скажем, Турцию можно заставить воевать, но дальше, чем на формальное объявление войны и вялотекущие действия вдоль границы ее не хватит. Не те силы сейчас у Турков, чтобы ввязываться в драку всерьез.

Про Иран могу дополнить то, что благожелательное отношение Ирана к немцам во многом проистекала из германской пропаганды, основанной на превосходстве арийской расы. Этот тезис находил очень серьезный отклик в Иране. Но здесь мы уже, можно сказать, перехватили этот лозунг. И сейчас еще есть время, чтобы максимально укрепить нашу дружбу с Ираном. В той истории пришлось решать проблемы немцев путем согласованного ввода войск. Мы на Север, англичане на Юг. Кстати, попытка противодействовать изгнанию немецкой колонии из Ирана привела к тому, что мы и англичане вошли в Тегеран, сместив шаха с престола. Он был отправлен в Южную Африку в изгнание. Молодой шах Реза-Пехлеви все понял и больше ничем не мешал. Но в тех условиях получилось, что Иран, потеряв самостоятельность, ничего не приобрел и не дал СССР в том числе. Мы лишь гарантировали себя от неожиданной войны с Турками через Юг.

Что касается Польши, то все еще интереснее. С одной стороны, Польша признанный союзник англичан. Как Лондон скажет, так она и поступит. И вроде бы логика подсказывает, что англичане должны заставить Польшу вступить в сговор с Гитлером. Иначе до наших границ он не доберется. Но, есть и обратная сторона вопроса. Англичанам крайне важно, чтобы до начала войны с нами Гитлер прибрал к рукам всю остальную Европу. Континентальные аристократические кланы должны быть уничтожены или разорены. Да и сам Гитлер никогда не полезет против нас, оставив за спиной ту же Францию. Война на два

фронта в Первой Мировой немцев многому научила. Вместе с Францией в войну с Германией формально вступит и Англия. А для этого она должна иметь серьезный повод. Лучший повод это нападение на Польшу. У нас ведь как получилось. Нападение Гитлера на Польшу и договор немцев с нами временно обезопасил его с востока и позволил добить Европу на Западе. Потом он с легким сердцем, не боясь нападения с тыла, атаковал нас. Напасть на Францию до Польши он также не может. Ведь есть опасность, что Польша если и не нападет сама, то пропустит сквозь свою территорию наши войска. Заключить договор с СССР пока Польша самостоятельна, для Гитлера также проблематично. Неурегулированность этого вопроса не позволяет ему что-либо нам предложить.

Вот, собственно, и все. Больше я не вижу, чем англичане могут нам нагадить.

— Спасибо, товарищ Алексей. Я Вас попрошу расписать все, что Вы сейчас рассказали подробнее на бумаге.

— Хорошо, товарищ Сталин.

— А что Вы скажете по этому поводу, товарищ Молотов? Согласны Вы с аргументами товарища Алексея?

— Кое-какие моменты разночтений есть, товарищ Сталин, но не принципиальные. Думаю, что многие разрешатся после того, как товарищ Сидоров распишет все подробнее. Но главное в том, что я тоже не вижу каких-либо иных способов нам нагадить со стороны Британии, кроме военных.

— А мы сможем одновременно выстоять против всех противников сразу, товарищ Ворошилов?

— Боюсь, товарищ Сталин, что одновременно против Турции, Ирана, Японии и Германии, по сути всей Европы, нас может не хватить. Если только не попытаться решить эти проблемы поодиночке. Но это очень предварительно. Мне потребуется некоторое время на точный расчет потребности в войсках для отражения всех моментальных угроз. Кроме того, мне важно знать, какие объемы новой современной техники смогут нам обеспечить товарищи Берия и Орджоникидзе.

— Хорошо. Жду Ваш доклад через неделю. Информацию по технике и вооружению получите. На этом все, товарищи, можете идти, а Вас, товарищ Берия и Вас, товарищ Алексей, я попрошу задержаться.

Когда мы остались втроем, Сталин встал из-за стола и принялся вышагивать по кабинету, как всегда бывало, если он волновался или о чем-то напряженно размышлял.

— Я тоже боюсь, что одновременному удару со всех сторон мы противостоят не сможем. В этой связи нам очень важно понимать, когда, товарищ Берия, мы получим практические результаты Вашего самого главного проекта?

Я понял, что Сталин имеет в виду атомную бомбу. С тех пор, как меня во всех подробностях выдоили по этому вопросу до основания, я и понятия не имел, как продвигается проект. Лишь по уточнениям несколько раз некоторых моментов я догадывался, что работы ведутся полным ходом. И вот теперь Сталин впервые при мне заговорил на эту тему. Уже сам этот факт заставил меня напрячься. Сталин был человеком, считавшим, что каждый должен знать минимум того, что ему необходимо. Уже имел возможность не раз в этом убедиться. И раз сейчас он счел нужным меня оставить, значит, считал это важным. Вот только я пока не понимал целей.

— Проект близится к завершению, товарищ Сталин. Все работы ведутся со значительным опережением графика. Модели, расписанные товарищем Сидоровым, были



обсчитаны нашими учеными-физиками и признаны рабочими. Уже полным ходом идет накопление и обогащение урана и плутония. Сегодня уже мы имеем материала почти на полноценный заряд. Но испытания пока провести не можем. Идет доработка конструкции устройства. Думаю, мы выйдем на испытания к лету следующего года.

— К лету, ну что же. А сколько Вы сможете произвести зарядов и какой мощности к лету 41-го, товарищ Берия?

По лицу Берии я видел, что этот вопрос не доставил ему удовольствия. Еще бы, ты еще не произвел и первого заряда, ты еще не провел ни одного практического испытания, а уже давай ответ, сколько их будет через три года.

— Пока сказать точно не могу, товарищ Сталин. Делаем все возможное и даже больше. Люди работают самоотверженно, на износ. Многие даже по ночам не уходят домой. Для точного ответа мне потребуется время и хотя бы одно успешное испытание.

— Надеюсь, Вы понимаете, товарищ Берия, как много зависит от Вашего успеха. Вся наша обороноспособность зависит от того, что Вы сможете сделать. Не зная этого, мы не сможем правильно распорядиться всеми прочими нашими силами. А Вы ведь сами слышали, какие осложнения могут быть. Не исключено, что нам действительно придется воевать на два фронта.

— Понимаю, товарищ Сталин. Но давать пустые обещания, не подкрепленные расчетами и уверенностью, тоже не могу. Этим я могу подвести партию гораздо больше. Обещаю, что мы максимально ускорим все работы.

— Это правильно, что Вы не даете пустых обещаний, товарищ Берия, нам не нужны обещания, нам нужны результаты. И мы очень на Вас рассчитываем.

— Товарищ Алексей. А почему Вы не упомянули про Финляндию среди возможных противников? Ведь если я не ошибаюсь, Вы говорили, что нам пришлось с ними воевать в 39-м-40-м годах из-за их крайней несговорчивости в вопросах границы?

— Да, не упомянул, товарищ Сталин. И вполне осознанно. Думаю, что проблему дружественного нейтралитета Финляндии решить можно до войны. Но готовой схемы я пока предложить не могу. Есть несколько вариантов. И даже если нам придется воевать, то делать это в любом случае надо раньше, чем начнется война с Германией. Только нашей стратегической целью в этом случае должно быть не отодвигание границ от Ленинграда, а нанесение удара значительно севернее. Нам крайне важно перекрыть Германии доступ к норвежским месторождениям на севере страны. Без постоянных поставок металлических руд из Норвегии немцы много не навоюют.

— Это неожиданное предложение, но явно не лишнее смысла. Мы обдумаем его. И все же финский вопрос очень важен. Но вернемся к началу разговора. Допустим, товарищ Берия успешно решит возложенные на него задачи. Но не сделают ли этого и немцы?

— Нет, товарищ Сталин. По тому, что я помню, они выйдут на правильный путь решения задачи только после того, как в 40-м англичане разбомбят в Норвегии завод по производству тяжелой воды. До этого они будут пытаться добиться результата именно с ее помощью. Если уже в следующем году товарищ Берия сможет выйти на испытания, то мы опередим их в любом случае минимум на 5–6 лет, а то и больше. И американцев опередим на тот же срок. Я бы даже пока не советовал осуществлять какое-либо противодействие. Только спугнем и ускорим их работы.

— Ну что ж. Мы обязательно учтем Ваше мнение, товарищ Алексей. А финны не смогут быть, например, сговорчивее, если у нас будет готовая бомба, способная уничтожить

Хельсинки?

— Наверное, смогут, и даже наверняка будут, но здесь другой вопрос. Как они узнают о том, что у нас есть эта бомба? Не думаю, что стоит без крайней необходимости применять такое страшное оружие, тем более, по мирному городу, пусть и не дружественному. Тем более, что задачу мы решим локальную, а проблемы получим, боюсь, глобальные.

— Поясните.

— Если мир узнает, что у нас есть такое оружие, и более того, мы не боимся применить его по мирным целям на территории другой страны даже без объявления ими войны нам, то он просто от испуга обязан будет забыть все свои распри и объединиться против нас. И мы получим достаточно быстро фронт по всему периметру наших границ. И даже, если товарищ Берия сможет произвести десять или двадцать зарядов, их не хватит для того, чтобы победить всех. К тому же нам придется применять бомбы на своей собственной территории, превращая ее на десятилетия в безжизненную. Нет, это не выход.

— А если не применять, но дать знать?

— Тогда мы рискуем распространением информации и ускоренным развитием такого оружия у всех наших противников.

— Хорошо, мы подумаем над Вашими словами. Можете быть свободным, товарищ Алексей.

## **Глава 50.**

### **Геополитические расклады Мюнхена.**

С момента того самого совещания у Сталина и осознания начавшихся серьезных изменений в текущей исторической линии работа во всех Наркоматах СССР закипела с утроенной интенсивностью. Несмотря на то, что с самого начала руководство ориентировалось на возможное развитие событий с запасом, в частности вся подготовка к войне должна была быть завершена к весне 40-го года, с учетом возможных изменений внешнеполитической обстановки этот запас мог оказаться недостаточным для полной гарантии успеха.

Одновременно прорабатывались все самые наихудшие сценарии — война по всему периметру границ. Хотя осень принесла некоторое прояснение обстановки. Перспективы оказались менее радужными, чем этого можно было ожидать по ходу событий в моей версии истории, но все же не самыми печальными.

Мюнхенская история внесла довольно серьезную ясность в обстановку. Причем, на этот раз мне удалось уговорить Сталина отпустить меня с тайным визитом в Мюнхен самого. Видимо, вождь настолько сильно был заинтересован в знании точной информации, что он даже не шибко сопротивлялся, когда я влез к нему с этим предложением. Лишь внимательно на меня посмотрел и кивнул, спросив только, как именно я себе это представляю.

А представлял я себе это замечательно. В свое время мне пришлось довольно неплохо изучить немецкий язык и даже прожить несколько лет в Германии. Сейчас благодаря уникальной памяти я мог разговаривать на нем не хуже любого дойча. Немногим хуже дело обстояло и с английским языком. Хотя по тому, как я видел свое посещение знаменательного мероприятия, известного мне под именем "мюнхенский сговор", говорить мне вообще не должно было понадобиться. Все время от начала и до конца я собирался провести в режиме невидимки. С забросом в Мюнхен все предварительно обстояло достаточно неплохо. Я однажды был в Мюнхене проездом и величественное здание Новой ратуши великолепно отпечатались в моей памяти. Знал я и то, что переговоры, подготовка и

подписание мюнхенского соглашения должны были произойти в так называемом "фюрербан". С помощью подробной карты Мюнхена, нашедшейся в архивах артузовской СВК, мы довольно быстро определили, куда мне следует идти после перемещения. Все оказалось довольно недалеко, по карте выходило едва ли больше полутора километров и почти по прямой. В любом случае заблудиться мне не угрожало.

Гораздо сложнее было продумать предварительную заброску. Дело в том, что у меня в памяти сидела еще одна встреча между Чемберленом и Гитлером, состоявшаяся за неделю до мюнхенской. Происходила она в Бад-Годесберге, любимом курортном городке фюрера. И у меня были основания подозревать, что именно та встреча была решающей для всех последующих событий. А встреча в Мюнхене являлась лишь неким прикрытием, в том числе и для Франции, которую "на курорт" не позвали. Беда была в том, что в этом Бад-Годесберге, являвшемся по сути районом Бонна, я никогда не был и совершенно не представлял, как мне туда лучше попасть. Тащиться туда из Мюнхена было полным идиотизмом. Это практически 500 километров. Я стал внимательно изучать карту Германии и определил, что идеальной точкой моего появления будет Висбаден. В этом городе мне как-то даже довелось пожить недельку, причем, что теперь казалось особой удачей, в старейшем отеле Висбадена и одном из самых старинных отелей Европы. В нем еще Достоевский останавливался и даже вроде как писал своего Игрока. Назывался этот отель очень символически "Шварцер Бок", что по-русски означало "Черный козел". Следовательно, в 38-м этот отель благополучно существует и может являться для меня прекрасным ориентиром. В памяти перед мысленным взором возник фасад этого отеля. Да, я чувствовал, что вполне в состоянии переместиться туда в любой момент. Но это по-прежнему отделяло меня от цели более, чем на сто километров.

Эту задачу взялся решить Артузов. Взяв на подготовку неделю и выяснив, что появиться в Висбадене я должен утром 22 сентября, он организовал мне встречу с одним из своих агентов, который должен был встретить меня в семь утра на углу Шпигельгассе, примыкавшем к отелю и на машине доставить в Бонн.

Все произошло, как в лучших шпионских фильмах. Появился я перед отелем невидимкой и убедившись, что мое незримое появление не произвело в этот ранний час никакого эффекта на пустынную улицу, решил осмотреться. Народу практически не было, лишь какой-то средних лет немец в легком пальто и шляпе ковырялся в капоте своего хорьха. Двери машины были предусмотрительно распахнуты. Я понял, что это именно тот, кто мне нужен. Я внимательно осмотрелся по сторонам, но ничего интересного не заметил. Никто не проявляя к "моему" немцу совершенно никакого интереса. Я подошел и осторожно уселся на заднее сиденье. Еще в Москве было решено, что агенту совершенно не обязательно видеть меня или даже разговаривать. Согласно полученным инструкциям он должен был остановиться на определенном месте, открыть двери машины и поискать поломку в двигателе. Ровно через пятнадцать минут поломка должна найтись, и ему предстояло отправиться в Бонн. Тем не менее, хотя он не мог меня видеть, он что-то почувствовал. Я заметил, что когда я садился в машину, он все же слегка вздрогнул и напрягся. Тем не менее, выучка сыграла свою роль, его руки продолжили выискивать в недрах капота мифическую неисправность, и лишь слегка дернувшаяся спина выдала волнение.

Через пару минут он радостно выпрямился, захлопнул капот, двери и завел мотор. А еще через минут двадцать мы уже бодро катили по направлению к Бонну. Во избежание каких-либо неожиданностей я предпочел по-прежнему оставаться невидимым и молчаливым. К девяти часам мы подкатили к центральной части Бонна, а еще через несколько минут,

перескочив на правую сторону Рейна в районе Бад Годесберга, машина вновь заглохла. Водитель со вздохом опять полез ковыряться в моторе. Ну а я, все так же молча, оставив его за этим благородным занятием, направился в расположенный рядом парк. У меня оставалось еще более двух часов свободного времени. Усевшись на лавочку, я принялся вспоминать в точности все, что мне было известно об этой встрече. В свое время мне довелось прочитать мемуары Николауса Белова, бывшего в то время адъютантом Гитлера и достаточно подробно описавшего те переговоры.

Итак, Чемберлен должен остановиться в отеле "Петерсберг", а переговоры пройдут в конференц-зале отеля "Дреезен", расположенного напротив. В первый день переговоры продлятся до семи вечера, а потом начнется длительное совещание Гитлера с Риббентропом. На следующий день в полдень вместо продолжения переговоров Гитлеру принесут письмо от Чемберлена и он совместно с Риббентропом и Кейтелем будет писать на него ответ. Во второй половине дня переговоры продолжатся, но уже будут вестись сопровождающими Чемберлена и Гитлера дипломатами и продлятся до двух часов ночи. Единственным официальным итогом встречи станет перенос начала немецкой оккупации Судет с 28 сентября на 1 октября. Неофициально Гитлер придет к выводу о неготовности Англии и Франции немедленно нападать на Германию. В этой связи я сидел и думал, когда и где мне необходимо незримо присутствовать, чтобы не упустить самого главного. С первыми переговорами все понятно. Дальше очевидно, что стоит остаться на внутреннее обсуждение итогов встречи немцами. Или нет? Я задумался. Кто сможет рассказать больше? Англичане или немцы? Все же, пожалуй, немцы. Помимо всего прочего переговоры идут в Германии, а значит, англичане в любом случае будут опасаться прослушки. Немцы же на своей территории явно будут чувствовать себя на порядок свободней. Да и сам Гитлер с его импульсивностью и горячностью наверняка выдаст больше информации, нежели традиционно сдержанные и скрытные англичане. А к англичанам, пожалуй стоит наведаться завтра часов в десять утра, когда они будут писать письмо Гитлеру. Потом переместимся к немцам, проследим за написанием ответа. После обеда "участвуем" в переговорах, а потом остаемся с Гитлером. Да, видимо, так и надо делать.

Определившись с планом действий, я встал и неспешным шагом пошел в сторону отелей. Пора было осмотреться на местности и почтить личным присутствием прибытие британского премьер-министра. Заодно посмотреть, где он разместится.

На подходе к отелям я заметил мощное оцепление. Был бы я видимым, нечего было бы и думать, что бы попасть за кордон. А так я достаточно легко прошмыгнул между двумя стоящими рядом солдатами и прошел ко входу в "Петерсберг". Время до приезда английской делегации оставалось еще достаточно. Пройдя в отель, я подслушал разговоры отельного персонала и довольно быстро выяснил, в каких именно апартаментах предстоит проживать Чемберлену. Вспомнив, как прорывался три года назад в еще незнакомый мне кабинет Сталина, я повторил этот трюк и здесь. И только чудом не напоролся на службу, наводившего в номере окончательный марафет. Но пронесло. Обогнув по дуге старательного уборщика, я аккуратно обошел номер, запоминая наиболее удобные места, куда можно было бы при случае переместиться, не встревожив обитателей номера. Затем выглянул на улицу и перескочил ко входу в отель "Дреезен", где предстояло пройти переговорам. Судя по суете, Гитлер уже прибыл, хотя конференц-зал был пуст. Это позволило мне и здесь подобрать себе уютный уголок для проникновения.

Чувствовал я себя довольно уверенно, понимая, что самое плохое, что могло бы

случиться, это шум по поводу неустановленного явления. Да и то лишь в том случае, если меня угораздит столкнуться с кем-то из членов делегаций или их охраны. И все же нервы были напряжены. Как-никак, а шпионское амплуа для меня дело далеко не привычное.

Но беспокоился я совершенно напрасно. Все прошло, как нельзя лучше. Более того, я очень порадовался, что такая идея вообще пришла мне в голову. Одно дело читать про извивы тонкой европейской политики и рассуждать про то, насколько Гитлер был самостоятелен или подчинен финансирующей его закулисе, и совершенно иное видеть все это собственными глазами. Все оказалось далеко не так просто и однозначно. Гитлер, безусловно, не был марионеткой. Видя, как уверенно и порой даже нагло держит себя с Чемберленом, я понимал, что джин, если и сидел когда-то в бутылке, уже явно выпущен на свободу. Другое дело, что Гитлер так же не хотел мгновенного обострения отношений с Британией. А потому пытался делать вид, что ее мнение имеет для него большое значение. Но, сравнивая одного политика с другим, я понимал, что, как это ни странно, именно Гитлер чувствует себя намного уверенней. Его позиция и перспективы выглядели достаточно просто. Ему нужно было расширение жизненного пространства и одновременное избегание возможной войны на два фронта. О первом говорилось громко, второе подразумевалась, угадываясь в молчании. Позиция Чемберлена выглядела явно двусмысленной. Официальная политика Британии не предусматривала возможного альянса с Гитлером, а потому премьер пытался надувать щеки и пугать Гитлера осложнениями. Но одновременно ему было необходимо направить экспансию Германии на Восток, а потому так или иначе, но прослойку между ней и Советами надо было сдавать. Англичанин крутился как мог, понимая, что у него совершенно нет и не может даже теоретически быть козырей, чтобы остановить немцев от входа в Чехословакию. Все это было мне известно и понятно заранее. Но один момент привлек мое тщательное внимание. Чемберлен в ходе переговоров проговорился или просто попытался использовать любой шанс, чтобы выиграть время, но он вскользь намекнул, что Англия не будет вмешиваться, если Гитлер направит свои устремления на юг, в Турцию. Для меня эти слова значили больше, чем весь остальной треп. Поскольку именно они ликвидировали одно из главных неизвестных. В тот же момент Гитлер ничего не ответил, но потом обсуждая со своим штабом завершившиеся переговоры вспомнил об этом и поручил военным проработать план операции по захвату Босфора и Дарданелл, а дипломатам нарастить усилия по привлечению Турции в состав стран Оси. Не менее важным оказалось и то, что не произошло. Англия наотрез отказалась отдавать Гитлеру Польшу. И здесь, насколько я смог уловить из обсуждений вопроса Чемберленом со своими помощниками, дело было даже не в том, что Польша была Англии так нужна. Будучи прагматиком Чемберлен совершенно не горел желанием воевать изо всех сил за Польшу. Просто Англия не могла себе позволить отказаться от поддержки Польши. Это не Чехословакия, в которой проживает треть немцев. Там хоть можно сделать вид, что речь идет просто о миротворческой миссии. Тем более, что основная ответственность за Чехословакию лежит на Франции. А вот Польша, это уже чисто британский союзник. И стоит Польше хотя бы официально подружиться с Гитлером, как всем станет понятно, что это именно английское решение. А потому Польшу отдадут на растерзание Гитлеру, но тихо. А на публике будет много криков, громких заявлений и даже объявление войны. Войну ведь тоже можно вести по-разному. Для меня эта информация также оказалась на вес золота. Разумеется, все еще может десять раз поменяться, но уже понятны хотя бы базовые расклады. И принципиальные изменения в диспозиции сторон накануне войны.

После этого для меня даже встреча в Мюнхене прошла уже не так интересно, хотя я на ней и побывал. Основное стало понятно после Годесберга. Что Франция, что Италия на этих переговорах однозначно выглядели статистами. А Гитлер с Чемберленом устроили показательные ритуальные пляски, изображая жестокую дипломатическую войну. Окончившуюся, впрочем, как и ожидалось. Мюнхенским сговором.

Докладывая Сталину о результатах моей шпионской деятельности, я особо выделил следующие моменты.

Англия хочет натравить Гитлера на СССР. Гитлер это прекрасно понимает и ничего принципиально против не имеет. Англии он не верит, а потому ожидает от нее всего, что угодно, вплоть до удара в спину, как только он схватится с СССР. Франция полностью лишена своего мнения и уповает лишь на Англию. Она фактически обречена. Гитлер оговорился, что это уже вопрос решенный. Двигаясь на Восток нельзя оставлять в тылу боеспособных лягушатников. Вояки он никакие, но при поддержке Англии могут доставить немало хлопот, а потому с Францией Германия будет однозначно разбираться до СССР. Да и вообще я пока не увидел у Гитлера четкой решимости воевать с Советским Союзом. Все будет зависеть от его оценки ситуации. Выход, который подсказал ему Чемберлен, намекнув на Турцию, вполне может сместить приоритеты Германии. Правда далеко не факт, что подобная задержка во времени сработает в нашу пользу. Скорее наоборот. Добравшись до нефтяных ресурсов Ближнего Востока, Гитлер будет чувствовать себя намного более уверенно. Если сегодня у него два слабых места, это нефть в Румынии и металл в Норвегии, то с захватом Ближнего Востока ситуация существенно поменяется.

— И что Вы предлагаете, товарищ Алексей? — спросил Сталин после моего подробного доклада.

— Думаю, что самое слабое наше место на сегодня это Иран. Если нам удастся договориться с шахом полюбовно, то даже вступление в войну Турции для нас скорее благо, нежели вред. Сил потребует больше, но и выигрыш может быть принципиально иным.

— Почему Вы так думаете?

— Дело в том, что Турция наверняка в первую очередь полезет на юг, пытаясь двигаться навстречу африканской армии немцев. Если им удастся захватить с двух сторон Суэцкий канал, то это сразу же отрежет Англию от ее колоний. Вокруг Африки много подкреплений не пошлешь. Пока они доплывут, все будет уже закончено. А потому наверняка первая их цель именно там. Вторая цель будет на востоке. Но там опять же будут англичане, которые наверняка попытаются, как и в моей истории, захватить Ирак. Так что с нами им драться будет сначала не резон. А вот для нас союз Германии и Турции в конечном итоге будет великолепным поводом для захвата черноморских проливов. Англия будет слаба и ничем помешать не сможет. Правда, для всего этого будет необходимо победить Германию. В моем времени это заняло четыре жестоких года. Сейчас, я уверен, мы будем готовы в разы лучше, но легкой победы все равно не жду.

— И правильно делаете, что не ждете, товарищ Алексей. Ждать ее не надо, но готовить ее, это наша святая обязанность.

## **Глава 51.**

### **Предвоенные преобразования.**

Скорость, с которой после Мюнхенского сговора Германия, Венгрия и Польша набросились на оставшуюся беззащитной Чехословакию, Сталина потрясла. Всего за два месяца, октябрь и ноябрь 1938 года от некогда вполне самостоятельного государства

остались рожки да ножки. Тем более, что с моих слов и показаний на карте Сталин достаточно хорошо представлял себе, что произойдет к марту 39-го. Довольно сильное впечатление на него произвело и поведение поляков, решившихся, даже несмотря на недвусмысленное предупреждение СССР о разрыве договора о взаимном ненападении при таком развитии ситуации, на то, чтобы урвать и себе кусок чужой территории.

Впрочем, территория Тешинской Силезии была давним предметом споров между Польшей и Чехословакией. Этот район еще со времен Австро-венгерской империи был в ней наиболее индустриально развитым. Особую его привлекательность создавали богатые залежи бурого угля. Еще в 1920-м году при развале Австро-Венгрии вокруг принадлежности этой территории между Польшей и Чехословакией вспыхнул вооруженный конфликт. Тогда Чехословакия пригрозила вступить в польско-советский конфликт, если Тешин не достанется ей. Поляки в тот момент уступили, но обиду затаили. Еще в самом начале развития чешско-немецкого конфликта вокруг Судет Польша на переговорах с Германией однозначно выразила свой интерес к этой территории. И нашла у Гитлера понимание. Как нашла его и в отношении польского интереса к советской Украине.

Никаких особых иллюзий по поводу поляков Сталин не испытывал. Он прекрасно понимал, что Польша, как страна с недосостоявшейся государственностью, очень похожа на человека, обуреваемого комплексами неполноценности, а потому постоянно стремящегося доказать самому себе свою состоятельность. При этом особую зависть у таких и людей, и стран вызывают вполне себе сложившиеся государства-соседи. Прекрасно осведомлен был Сталин и о чередующихся переговорах между Польшей и Германией, начиная с подписания в 1934-м договора о взаимном ненападении. Он нисколько не сомневался, что Польша с гораздо большей охотой при конфликте Германии и СССР присоединится именно к Германии. Что ее сдерживает лишь позиция Англии, мечтающей использовать Польшу, как предлог к собственному вступлению в войну, а также яростное стремление Польши к полному суверенитету, который в случае антисоветского альянса мгновенно оказался бы под угрозой. Самое интересное, что и Гитлер не шибко стремился к практической реализации более тесных отношений с поляками. С одной стороны, в свое время стала широко известной его фраза о том, что "

*каждая польская дивизия под Москвой — это одной немецкой дивизией меньше"*

С другой, независимая и нейтральная, но враждебно настроенная по отношению к СССР Польша была Гитлеру гораздо выгоднее, нежели столь ненадежный союзник. Ведь оставаясь самостоятельной, Польша являлась для Германии отличным восточным щитом, развязывая Гитлеру руки для разборок на Западе. А любая агрессия СССР против Польши мгновенно обернулась бы войной и с Германией, и с Англией, выступавшей гарантом польского суверенитета.

Все это было достаточно очевидно, политические шаги на ближайшее время практически всех сторон предсказуемыми, но, тем не менее, Сталин не мог заставить себя спокойно реагировать на столь стремительные изменения государственных границ в непосредственной близости от границ советских. Будучи опытным политиком, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что все международные договоры, соглашения и союзы более не стоят ничего. Все будет решать лишь сила и политическая целесообразность. Даже обладая от меня всей полнотой информации и знанием ближайших перспектив, видимо, Сталин в глубине души все же надеялся, что все обойдется. Что война не настолько близка, и у него еще есть время для более тщательной подготовки. И то, что все развивалось практически "по

написанному" не могло не вызвать у него тревогу. В этом Сталин мало чем отличался от обычного человека. Нам всем, увы, свойственно гнать в моменты благополучия и спокойствия любые дурные мысли, угрожающие разрушить это благополучие, даже в том случае, когда негативный сценарий и перспективы подтверждаются кучей косвенных данных, логическими выводами и точными расчетами. Надежда умирает последней.

А еще стремительная сдача Чехословакии ее признанными гарантами, в первую очередь Францией, совершенно четко показала Сталину два очевидных момента, о которых он не раз от меня слышал, но в которых откровенно сомневался.

Во-первых, ему окончательно стал ясен глубоко и давно продуманный план погружения Европы в хаос всеобщей войны. Теперь, когда Франция столь легко "умыла руки", отказавшись военным путем защищать независимость Чехословакии, а у СССР руки оказались буквально связанными договором 35-го года, в котором именно чехи настояли на включение пункта о том, что советский Союз может прийти на помощь только в том случае, если одновременно это сделает Франция. Тогда в 35-м, если бы не мой рассказ, этот пункт вообще казался малозначащим и защищающим Чехословакию от потенциальной агрессии СССР. И лишь знание последующих событий придавало ему истинный смысл. Но тогда это было все в теории. А сейчас на глазах Сталина стремительно реализовывалась практика.

Второй момент был связан с осознанием того, что ни Франция, ни даже Англия, откровенно провоцирующие новую всеобщую войну, сами совершенно не готовы были совать голову в петлю. Еще после Мировой, или как ее еще называли в Европе, Великой войны Англия поняла, что прямое участие в боевых действиях приносит больше убытков, нежели прибыли. От последствий той войны даже с учетом последующего передела мира и получения репараций с побежденной Германии ей пришлось восстанавливаться немало лет. Еще меньше готовности к активным действиям проявляла Франция. Да, она активно готовилась к войне, строила мощнейшую линию Мажино, в спешном порядке наращивала все виды вооружений. Но при детальном рассмотрении она готовилась не к нападению или даже защите собственных сателлитов в Европе. Она готовилась к защите исключительно собственных границ.

Еще в 35-м, впервые услышав от меня ход развития ситуации, приведшей в итоге к 41-му, Сталин никак не мог понять, почему сильнейшие европейские державы Франция и Англия столь поразительно легко отдали Гитлеру практически всю Европу. И ведь не только Чехословакию, не только Польшу, не только допустили бескровный аншлюс Австрии. С не меньшей легкостью они отдали на закланье всех своих союзников и экономических партнеров. Бельгию, Голландию. Данию, Норвегию. То, что англичане, заперевшись на своих островах, периодически бомбили то один, то другой промышленный узел Германии или одной из захваченных ею стран, вряд ли тянуло на полноценное участие в войне. Даже с учетом того, что параллельно Англия всячески оказывала сопротивление немецкой армии на севере Африки, стремясь не допустить захвата Суэцкого канала. Такое развитие событий казалось Сталину невозможным, противным всяческой элементарной логике. Теперь, сопоставляя происходящее с моими давними рассказами, он начинал понимать, что фактически все действия европейских держав на протяжении нескольких лет были направлены только на одно, заставить Гитлера напасть на СССР. И этот план был иезуитски точно выверен. Франция оказалась в нужный момент слаба ровно настолько, чтобы уступить Гитлеру, подписав позорную капитуляцию. Но она же оказалась ровно настолько сильна, чтобы ее танки, самолеты и орудия оказали тому же Гитлеру серьезную помощь в войне



против СССР. Англия оказалась слаба ровно настолько, чтобы Гитлер не побоялся, разгромив и подчинив Францию, оставить ее за своей спиной, обратившись на Восток. Но она же оказалась сильна ровно настолько, чтобы не дать Гитлеру возможности захватить Суэц, высадить десант в самой Англии и постоянно иметь возможность тревожить территорию самой Германии налетами дальней авиации. Со всей очевидностью Сталин понял, что все его тайные надежды на то, что войны с Гитлером удастся избежать, что есть шанс договориться и повернуть оружие против зачинщика войны — Англии, оказались напрасными. События предрешены, война будет. Другое дело, что послезнание уже оказало большую помощь. Война не будет такой, какой она случилась в моей истории, она просто обязана быть совершенно иной. Надо найти способ заставить Гитлера воевать не с СССР, а с теми, кто его вырастил и вооружил.

Происходящее Сталина удручало, но в то же время он совершенно не производил вид растерянного человека, как его любили представлять в период начала Великой Отечественной, начиная с шестидесятых годов. Напротив, он резко интенсифицировал подготовку СССР к возможной войне сразу же по всем направлениям.

Во-первых, началась давно подготавливаемая реформа армии. Я даже удивлялся, что мои совершенно непрофессиональные рассказы о структуре армий будущего будут тщательно проанализированы, обработаны штабными теоретиками и во многом признанными целесообразными. Особенно это казалось областей, по которым уже имелись похожие мнения современных военных специалистов. Больше всего меня поразило то, что к очередной годовщине Октября, на пять лет раньше срока в моей истории, было принято решение о переименовании Рабоче-крестьянской Красной армии в Вооруженные Силы СССР, состоящие из советской армии, авиации и флота. Также были введены офицерские звания и погоны. Этому предшествовало публичное разъяснение политики партии и государства в партийных ячейках, на рабочих собраниях и в воинских частях. Специальное обращение Сталина к народу и армии объясняло такое изменение тем, что СССР в настоящее время уже полностью сложился как полноценное социалистическое государство. Что его армия и флот уже давно не представляют собой те самые полудобровольные формирования рабочих и крестьян, которые двадцать лет назад отстаивали независимость первого социалистического государства в мировой и гражданской войнах. Сегодня это профессиональные воинские части, надежно стоящие на защите своей страны в интересах всего советского народа. И в этом тезисе я уловил отголосок нашей давней беседы. Когда-то я говорил Сталину, что одно из принципиальных отличий нашей армии от немецкой в начале войны заключалось в том, что все наши бойцы и командиры свою практику проходили в условиях гражданской войны, в которой обе стороны действовали скорее партизанскими, нежели организованными методами. Даже более или менее организованные действия войск велись исключительно вдоль железных дорог, а наскоки на сторону, захватившую полотно, напоминали стремительные броски бандитских ватаг с немедленным отступлением обратно в кусты. В результате ни о каком четком понимании фронта, противостояния армий, планирования операций речи, как правило, не шло. Отдельные тщательно спланированные операции армейского уровня с обходом противника по флангам, прорывом фронта и другими крупными маневрами подобного рода хоть и сыграли в общем ходе Гражданской войны значимую роль, все же остались отдельными проявлениями индивидуального стратегического искусства некоторых полководцев. А вот немцы, в

отличие от нас, познавали искусство войны в окопах Мировой. И именно это предопределило наш бардак и их четкий порядок. Нашим войскам пришлось учиться порядку действий, а самое главное, точному и выверенному взаимодействию различных частей и родов войск уже в процессе Великой Отечественной. Видимо, тогда этот тезис запал Сталину в душу и теперь он его творчески использовал.

Но помимо этого Сталин указывал еще и на необходимость преемственности Советской армии и российских армий разных веков.

— Наши воины, — писал он, — на протяжении тысяч лет берегли покой и благополучие России, как бы она не называлась. Именно благодаря их героизму и самоотверженности чуть более двадцати лет назад мы смогли взять власть в руки рабочих и крестьян. Именно они сохранили страну для нас от всех поколений внешних врагов и агрессоров. Возвращение в армию привычных на протяжении веков офицерских званий подчеркивает эту преемственность. Но есть и еще один момент. За двадцать лет советской власти выросло совершенно новое поколение советских командиров. Сегодня мы можем безо всякой опаски назвать их офицерами, не боясь путаницы с царскими офицерами и генералами. Это наши советские офицеры, преданно служащие трудовому народу СССР, плоть от плоти, кровь от крови самого народа.

С погонами было подобрано еще более простое объяснение. В том же давнем разговоре я упомянул Сталину о том, что в начале войны немецкие снайперы прекрасно различали наших командиров по нашивкам и петлицам, видимых в оптический прицел их винтовок. И именно благодаря этому выбивали их в первую очередь, превращая войска в скопище оставшихся без командования солдат. Очевидно, он и это запомнил, и теперь этот тезис широко использовался для обоснования пользы погон.

В первых числах декабря вышел новый Полевой Устав, серьезно менявший всю структуру вооруженных сил, тактику их боевых действий и взаимодействие между различными родами войск. Основу сухопутных войск по-прежнему составляли мотострелковые дивизии. Однако, их структуры претерпели существенные изменения, главным образом в части оснащения.

Танковый батальон был расширен до танкового полка, причем, два батальона укомплектовывались средними танками Т-34, а один тяжелыми танками ПБ. К началу 39-года Т-34 только начинал поставляться в войска, а ПБ все еще оставался секретным изделием, массовое производство которых только начиналось. Вся готовая техника сосредотачивалась пока на специальных закрытых полигонах вблизи Челябинска. А потому в штатах дивизии танки пока шли без маркировки, лишь с кодами Тип-1 и Тип-2. Устаревшей технике, подлежащей замене, присваивался код Тип-0.

В штаты дивизии были добавлены еще два зенитных дивизиона с глубоким перевооружением с подчинением каждого из них полковому командованию. Вместо четверённой зенитно-пулемётной установки М4 образца 1931 года на базе пулемета Максим в войска стали массово поступать зенитные установки на базе крупнокалиберного пулемета ДШК, в том числе и сдвоенные. Зенитная артиллерия пополнилась скорострельными 85-мм орудиями. В течение года на основе выводимых устаревших танков серии БТ предполагалось создание самоходных зенитных установок, оснащенных 85-мм орудием и спаркой ДШК.

Артиллерия дивизии осталась на прежнем уровне в виде двух полков, легкого и гаубичного, но было существенно увеличено количество противотанковых орудий, калибр

которых заменялся с 45-го на 57-й. Уже подходили к концу форсированные распоряжением Берии испытания знаменитой ЗИС-2. Именно эти орудия должны были составить основу противотанковой обороны стрелковых частей советской армии. Параллельно планировалась замена противотанковых ружей на одноразовые ручные гранатометы, которые также уже были созданы. Завершались испытания кумулятивных снарядов для них. Разработчики уверяли, что продукция будет готова к массовому производству не позднее конца 39-го года.

Отдельный саперный батальон и отдельный батальон связи были расформированы с распределением штата по отдельным строевым частям. Саперы в количестве взвода придавались каждому стрелковому батальону, а связисты имелись в каждом подразделении, начиная со взвода. Последнему очень способствовало то, что в Ленинграде и Казани на американском оборудовании был налажен массовый выпуск относительно компактных переносных радиостанций, работавших в диапазоне 27 МГц. Эта частота находилась на границе КВ- и УКВ-диапазона, что позволяло сигналу обладать определенными характеристиками обоих, качеством УКВ-сигнала и увеличенной дальностью КВ. Эти станции обеспечивали устойчивый прием-передачу сигнала на расстоянии от 10 км до 30 км в зависимости от высоты приемо-передающих антенн, что в полевых условиях было признано вполне нормальным.

Изменился состав и стрелкового оружия. В каждой роте не менее одного взвода должны были быть вооружены автоматическим оружием, а также иметь одно отделение снайперов. В Сталинграде проходила наладка массового выпуска оптических прицелов, а в Туле начиналось массовое производство снайперских винтовок повышенной точности боя.

Но самое главное изменение происходило в области моторизации дивизии. Предполагалось, что все части первого эшелона к весне 41-го года должны были быть оснащены грузовыми автомашинами, способными одновременно перевозить весь штат дивизии. Этому во многом способствовал запуск летом этого года автозавода в Горьком, ежедневно выпускавшем не менее ста машин. По сути это были известные мне американские "Студебекеры". Рокфеллеры, пользуясь последствиями Великой Депрессии, выкупили за гроши и полностью вывезли в СССР завод этой компании в Саут-Бенде, штат Индиана. Теперь можно было надеяться, что если в этой версии истории война не начнется раньше, то большая часть пехоты действительно превратится в мотострелковые части. Тем более, что какие-то умельцы предложили для этих грузовиков металлическую броневую рубашку, состоявшую из связанных петлями листов противопехотной брони и одевавшуюся на автомашину в течение десяти минут силами десяти человек. Броня собиралась наподобие рыцарских доспехов и практически полностью укрывала кузов и кабину грузовика, включая двигательный отсек, и даже верхнюю часть колес. Толщина брони составляла 5 мм. Конечно, она не могла бы защитить солдат от попадания танкового снаряда даже самого малого калибра, но винтовочную пулю держала уверенно уже на 100 метрах. Открывающийся сверху люк позволял устанавливать на броне в районе кабины ручной пулемет, что превращало вполне нормальный грузовик в довольно грозную боевую противопехотную единицу.

При принятии решения о таком способе защиты бойцов учитывалось и то, что в отличие от полностью бронированных машин такой способ позволял существенно экономить металл, а также использовать автомашины для совершенно различных, в том числе хозяйственных нужд.

При формировании новых частей в каждую из них в обязательном порядке включалось не менее 15-ти процентов подразделений, прошедших серьезную не менее года подготовку в

учебных лагерях Сибири и полностью освоивших все современные виды вооружений, которыми предполагалось оснастить армию к началу войны.

В связи с увеличением бронетанковой мощи стрелковых дивизий было принято решение о расформировании отдельных танковых корпусов. Отдельные танковые части в размере дивизии оставались только армейского подчинения и должны были использоваться исключительно как резерв при коротких, но мощных ударах на главном направлении для поддержки обороняющейся или атакующей пехоты.

Особое внимание уделялось оборонительным действиям войск и их закреплению на достигнутых рубежах. В отличие от всех прежних учений, на которых отрабатывалась тактика исключительно наступательных действий, этому вопросу придавалось приоритетное значение. Крайне важным элементом повышения боевых навыков войск была признана отработка скорейшего перехода от атаки к обороне и наоборот. Причем, все действия должны были отрабатываться в двух вариантах, во взаимодействии различных войсковых соединений и родов войск, а также в индивидуальных действиях отдельных частей, оторванных от основных сил.

Еще более серьезное внимание Сталин уделил модернизации пограничных укрепрайонов. Здесь им тоже было присвоено громкое имя "линия Сталина", но в отличие от моей истории оборудованию этого рубежа уделялось не в пример большее внимание. Фактически линия была укреплена в несколько раз. Перекрыты все более или менее проходимые участки местности, заняты все минимальные холмы и взгорки, а сама линия или правильнее сказать комплекс инженерных сооружений представлял собой многослойный пирог дзотов и стрелковых артиллерийских позиций, позволявших накрывать перекрестным огнем любую точку пространства. Отвечал за строительство этого западного защитного рубежа генерал Карбышев. Сталин очень проникся в свое время рассказом о его геройской смерти в моей истории и теперь поручал наиболее важные участки работ.

Однако, по планам Генштаба УРы не должны были держать оборону в одиночку. Стратегия обороны предусматривала эшелонированные рубежи с привлечением всех видов и родов войск. В непосредственной близости от УРов в сторону от границы шло строительство множества аэродромов с бетонированием взлетных полос и организацией малозаметных укрытий для боевой техники.

Серьезному изменению подвергся и военно-морской флот. Сталин с большим вниманием отнесся к моему рассказу о ходе войны и теперь стремился исправить большую часть допущенных его двойником ошибок. Так было отменено решение о строительстве линкоров и вообще каких-либо крупных кораблей. Самым крупным типом судов, продолжавших строиться на верфях Балтики и Черного моря были эсминцы, способные также выполнять роль противолодочных кораблей. Большое внимание было также уделено строительству минных тральщиков. Вместо этого все силы судостроительных заводов были брошены на строительство подводных лодок и торпедных катеров. На базе торпедных катеров было организовано также строительство ракетных катеров, оснащенных реактивными минометными установками, аналогичными тем, что строились на автомобильном шасси.

Также было принято решение о создании на базе воздушно-десантных войск диверсионных отрядов специального назначения. Обучение этих войск принципиально отличалось от всех прочих. Фактически это были универсальные бойцы одинаково хорошо владевшие навыками десантников, саперов, диверсантов, способных эффективно

действовать малыми группами в глубоком или оперативном тылу противника, выполнять функции войсковой разведки и многое другое. Все бойцы проходили индивидуальную подготовку рукопашного боя, скрытного передвижения в различных рельефах местности, снайперской стрельбы, владения всеми видами оружия и связи, обучения немецкому и английскому языкам. Войска спецназа полностью укомплектовывались автоматическим оружием и индивидуальными средствами бронезащиты, составленной из зашитых в брезентовые жилеты металлических пластин.

Не меньшая активность наблюдалась и на дипломатическом фронте. В ноябре Молотов посетил с дружественным визитом Иран. И хотя его поездка не окончилась подписанием конкретных соглашений, шах Ирана Реза-хан Пехлеви с большим вниманием отнесся к советским инициативам. Он был умным правителем, прекрасно понимавшим расклады международной обстановки. Понимал он и слабость собственной армии, как и невозможность серьезно нарастить ее потенциал в случае прямой агрессии с любой из сторон. Помнил он и о договоре 21-го года, когда тогда еще РСФСР одной из первых признала независимость Иранского государства. А тот договор помимо прочего предусматривал возможность ввода советских войск на территорию Ирана в случае, если возникнет прямая угроза нашим южным рубежам. Конечно, шах Ирана был не в восторге от перспективы видеть на своей земле иностранные войска, но он был прежде всего реалистом и пытался в сложных переплетениях международной политики найти наилучшее решение именно для своей страны. В отличие от той истории, что помнил я, здесь на позицию шаха очень позитивно повлияли изменения, происходившие в СССР. Большое значение в Иране придавалось пропаганде Арийского происхождения большинства народов СССР и родственным связям в том числе и с иранским народом. Эта вовремя поднятая в СССР тема, подкрепленная глубокими историческими исследованиями, существенно повлияла на дружеское расположение Иранского лидера к нашей стране и тем самым выбила у Германии, пожалуй, самый серьезный козырь. Не менее важным являлось и публичное оглашение за несколько месяцев до визита Молотова идеи Православного Ислама, провозглашенная на всесоюзном съезде муфтиев. Эта идея провозглашала возврат к первоначальным ценностям Ислама, провозглашенным пророком и отраженным в сурах Корана. Также Православный Ислам провозглашал преемственность Веры от Ведических корней. И это также как нельзя лучше пришлось ко двору в Иране, ислам которого во многом впитал в себя зороастризм.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Молотов просил у шаха немало. Он хотел договориться о занятии советскими войсками всего западного пограничья Ирана с целью недопущения возможного прорыва турецких войск через Ирак, а также гарантии невторжения из Ирака англичан, которые с большой долей вероятности должны были совершить этот маневр в свою очередь, угрожая туркам с востока.

Шах не дал однозначного ответа, но выразил готовность к продолжению переговоров в Москве, которую, приняв приглашение Сталина, собирался посетить не позднее весны 39-го года.

А вот с Финляндией начало переговоров не задалось. Финское правительство, уповая на мощь защитных линий, пока рассчитывало отстоять свою самостоятельность без внешней помощи, могущей обернуться оккупацией. Финны вполне адекватно воспринимали желание СССР отдалить государственные границы от столь важного города, как Ленинград.

но столь же искренне недоумевали, почему это должно происходить за их счет. Упорству финнов также способствовала позиция Англии, поддерживающей их в твердости заявленной позиции.

Таким образом, ситуация потихоньку начинала определяться, хотя до полной ясности было еще далеко. Но была надежда, что и времени для разрешения существующих проблем еще было достаточно.

## **Глава 52.**

### **Дела казацкие и Православные.**

39-й год остался в моей памяти как нескончаемая гонка за временем. Практически постоянно во всех областях происходили какие-то значимые события, последствия от которых были протянуты в далекое будущее.

Началось все прямо в январе. Сталин собрал у себя наиболее видных и авторитетных представителей казачества. Уже сам факт этой встречи после всего, что выпало на долю казаков за годы советской власти, относился к явлениям фантастическим, почти нереальным. Но, тем не менее, встреча произошла. Сталин, разумеется, не каялся во всех грехах и не пытался за час ликвидировать все многолетние обиды, но и обходить эту тему не стал. Более того, прямо сказал, что не все, но многое из произошедшего, стоит отнести на совесть всех сторон конфликта. И тем не менее советская власть не снимает с себя свою долю ответственности, готова признать множество трагических ошибок и вместе с казаками думать об их исправлениях. Казаки, съехавшиеся со всех концов страны и ошарашенные самим фактом подобной встречи, со своей стороны также не стали упираться на давнюю несправедливость и требовать невозможного. Их больше интересовала причина, по которой они оказались в Кремле и что следует ждать от этой встречи.

Перейдя от оценок прошлого к насущным задачам, Сталин достаточно полно обрисовал проблемы страны и казачества, затем выделил потенциальные способы частичного решения этих проблем на взаимной основе. Собственно, с казаками проблема была единственная. Они со своим жизненным укладом и привычным статусом совершенно не вписывались в новую советскую реальность. Испокон века казаки селились там, куда не доставала государева власть. На рубежах, которые и должны были оборонять от нашествия чужаков. За это они получали землю и множество привилегий, на которые никто и никогда не посягал. Вплоть до того, что любые нарушения законов казаки решали в своем кругу, совершенно не прибегая к помощи государственной машины. Да и не рвалась никогда полиция вмешиваться в эти вопросы, хотя очень часто казаки решали их на порядок быстрее и жестче. Но право такое у них никто не оспаривал.

С приходом и укреплением советской власти все кардинально поменялось. Не только Сталин, но и любой казак разумом понимал, что возврата к подобным отношениям власти и казачества не возможен в принципе. Советская власть совершенно не допускала существование какого-либо независимого от нее уклада. То есть при всем своем хорошем отношении к трудовому казачеству ни партийные, ни государственные органы не могли допустить какой-либо вольницы. И это касалось всех сфер жизни. Оборона границ давно стала государственным делом, это же касалось и правосудия. И даже в хозяйственном укладе на селе допустить сколько-нибудь массовый индивидуализм было невозможно. Это означало бы неизбежный срыв всей программы коллективизации и интенсификации сельского хозяйства. Все это было давно известно и между теми же казаками давным-давно перетерто и обговорено. Все они прекрасно понимали происходящее и его закономерность. Лишь с

глубокой тоской воспринимали свой неизбежный конец, как некогда одного из наиболее славных и значимых сословий России. Тем удивительнее стало для них приглашение на встречу к вождю.

Оказалось, что кое-что у Сталина в значке нашлось, что вызвало у казацких старшин живейший интерес. Первое, что сделал Сталин, это подвел всех к огромной висящей на стене карте СССР. На карту были нанесены традиционные районы массового проживания казаков. Дав казакам немного посмотреть на громадные масштабы Державы, Сталин задал провокационный вопрос.

— Как думаете, уважаемые, на каких рубежах казачество могло бы сохраняя некоторую часть своих традиций и полномочий наиболее эффективно послужить нашему народу?

После чего специально отошел от карты и, подойдя к столу, принялся набивать трубку. А тем временем казаки несколько отошли от неожиданного вопроса и принялись, водя руками по карте, что-то оживленно обсуждать. Через несколько минут они немного подуспокоились и один из пожилых донцов, повернувшись к вождю, хмуро поинтересовался, — Опять ссылать будете?

— В смысле? — удивился Сталин, попыхивая трубкой, — о какой ссылке речь?

— Да как же? Средняя Азия теперь наша, на Кавказе все спокойно, на Западе войска стоят постоянно. Остается только Сибирь и Дальний Восток. Только там казак в своем привычном качестве понадобится может. Вот и говорю, что сослать нас всех в Сибирь и на Амур небось советская власть решила.

— Нет, советская власть ничего такого не решала и решать не собирается. Живите, где живете, работайте. Никто вас не тронет. Только вы сами должны понимать, что во внутренних районах вы такие же, как и все прочие советские граждане. Мы можем, конечно, подумать о том, чтобы из казаков, например, на первоочередной основе органы милиции формировать. Все-таки тоже служба, да и к воинской дисциплине казак лучше всех прочих с малолетства приучен. Пожалуйста, если интересно, готов обсудить.

А вот если хотите какие-то элементы казацкого уклада сохранить, тогда да. Такое только в Сибири, да на Дальнем Востоке возможно. Только там вы советской власти в этом своем качестве пригодиться можете. Там, где простыми войсками и пограничными заставами вопрос решить не в пример труднее. Расстояния огромные, войск надо много. А как снабжение организовать, как жильем нормальным, не барачным всех обеспечить? Трудно. Нужны поселенцы. Те, которые и себя прокормят, да и войскам помочь могут. Те, которым не привыкать на рубежах жить и на границу даже во сне вполглаза посматривать. И никого, кроме казаков я таких не знаю, чтобы умели подворье и хозяйство со службой совмещать. Вот только принуждать мы никого не будем. Не получится ничего хорошего по принуждению. Такое только сами казаки добровольно решить могут. А решив, уже не за страх, а за совесть на рубежи встать.

Казаки слушали Сталина очень внимательно, периодически посматривая друг на друга. В лучшем положении находились представители бывших казачьих войск Зауралья, Сибирского, Забайкальского, Амурского, Уссурийского. Им-то никуда переселяться было не надо. Для них все сказанное Сталиным уже звучало победной песней возврата к жизни по заветам отцов. И пусть отношения с властью будут другие, но само сохранение казачьего статуса, признание казачества необходимым и важным элементом защиты протяженных таежных границ, уже заставляло сердца пожилых ветеранов трепетать с юношеским жаром. А вот всем прочим было о чем серьезно подумать. О чем казаки, немного посоветавшись,

Сталина и попросили. Тот воспринял просьбу полным пониманием. Ответ казаки обещали дать в течение пары месяцев.

Хотя все решилось быстрее. Уже в начале марта казачество ответило принципиальным согласием, и разговор перешел в практическую плоскость обсуждения насущных вопросов. Районы расселения, конкретная земля, численность переезжающих семей, подъемные и иная помощь от государства на обустройство, перечень задач по службе и многое другое. Пришлась по душе казакам и идея Сталина о формировании органов милиции на основе казачества, остающегося на проживание в европейской части СССР. Задача по решению всех вопросов, связанных с переселением казачества была возложена на одного из первых маршалов Советского Союза Семена Михайловича Буденного, получившего ранг руководителя специальной государственной программы и которого ради этого даже освободили от должности командующего Московским военным округом. Такое назначение было воспринято казачеством крайне положительно. Буденный сам происходил из казаков Донского казачьего войска, был героем Гражданской войны и легендарным командармом Первой конной. К тому же Семен Михайлович еще до революции проходил службу на Дальнем востоке и не понаслышке был в курсе местных условий. Полностью доверял Буденному и Сталин, понимавший к тому же, что в готовящейся новой войне Буденный уже не сможет полностью удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к званию маршала. Так что данное назначение одновременно позволяло решить множество проблем.

Почти параллельно с вопросом казачества происходило углубленное решение и вопросов вероисповедания. В самом начале года было объявлено о воссоединении сестринских Православных Церквей СССР. Это воссоединение коснулось не только Русской Православной Церкви и основных старообрядческих Церквей — Русской Древлеправославной Церкви, Русской Православной Старообрядческой Церкви и Древлеправославной Поморской Церкви. К воссоединению присоединились Армянская Святая Апостольская Православная Церковь и Грузинская Апостольская Автокефальная Православная Церковь. Последняя уже с 1811-го года находилась в статусе дочерней по отношению к Московскому патриархату, но сохраняла известную долю самостоятельности. Справедливости ради стоит сказать, что это воссоединение было скорее показательным актом, принятым не без настоятельных рекомендаций со стороны политического руководства СССР, нежели реально свершившимся фактом. Для этого требовался длительный процесс утрясания множества существенных и еще больше малосущественных для прихожан, но важных для клириков противоречий. А потому символом воссоединения пока стало новое название Единая Православная Церковь Христова, во главе которой стал Высший Совет Иерархов, призванный довести дело до полного слияния всех Церквей. Причем, даже для такого результата Патриархату РПЦ пришлось пойти на уступки и в качестве символа примирения согласиться на возвращение движения Крестного хода посолонь, как это было до Никона. Ко всему прочему они пока особой готовности не испытывали, хотя и обсуждать не отказывались. Чувствовалось, что двадцать лет советской власти даже иерархов приучили понимать, что незаменимых людей нет, а поставленная задача обязана быть решена. Узнав о всех этих процессах, Сталин долго смеялся.

— Проще народ объединить, чем пять клириков, имеющих собственное мнение на один и тот же текст Писания. Но мы подождем.

А уже в апреле прошел Всесоюзный Конгресс по вопросам Веры. На нем были представлены все главные религии, исповедуемые народами СССР, Православное



христианство, Ведическое Православие, новообращенный Православный Ислам и буддизм, который Православным себя пока не называл, но и отторжения к этому в лице Пандита-хамбо-ламы не испытывал. Не было только иудаизма. Со вступительным словом на Конгрессе выступил сам Сталин. Начал он с того, что объявил о создании при Верховном Совете СССР Комитета по вопросам Веры и религий, который на постоянной основе будет обеспечивать эффективное взаимодействие государства с высшими иерархами всех традиционных для народа СССР Церквей. Затем, не влезая далеко в глубь религиозных вопросов, он отметил, что вся история нашей страны неразрывно связана с понятием Православия. Наш народ всегда сердцем и Душой чувствовал Правду и радел за справедливость. На протяжении тысячелетий он считал себя народом-богоносцем и славил Творца, каким бы именем его не называл. И собравшимся на Конгрессе предлагается найти те основы для единения людей в вопросах Веры, которые скрепляли бы наш народ независимо от того, какой религиозной Традиции он придерживается или является атеистом. И лучшего слова, чем Православие для этого единения он, Сталин, не видит. Так что на Конгрессе предлагается подобрать такое емкое и точное определение этого термина, чтобы даже он, Сталин, с радостью назвал бы себя православным коммунистом.

Последние слова вождя вызвали в зале смех и даже несколько разрядили обстановку. Вообще священнослужители всех Традиций происходящее в этой области в стране в последние годы воспринимали с исключительным энтузиазмом. Все они были очень умными и опытными людьми, что позволило всем без исключения рассмотреть за всеми инициативами государства всеми силами обеспечить полноценное единство народа СССР. А потому все делегаты Конгресса были полны решимости добиться в рамках сформулированной Сталиным задачи практических результатов. Хотя, отношение к происходящему нельзя было назвать одинаковым. Представители Ведического Православия, Ислама и Буддизма встретили эту новость с удовлетворением, хотя и по разным причинам. Ведическое Православие восстанавливало историческую справедливость, получая право на признание и законное существование. Ислам, став Православным, позволял советским Муфтиям подняться на принципиально иную, высшую ступень авторитета среди верующих, число которых в СССР было более, чем значительным. Буддизм пока довольствовался меньшим, получал равный с другими статус Церкви и возможность исповедовать свою Традицию. А вот среди православно-христианских иерархов подобного удовлетворения не было. Они прекрасно понимали, что Сталин только что окончательно забрал у них монополию на термин "Православие", всегда бывший главным защитником их паствы от разброда и шатаний. В том-то и дело, что вождь оказался совершенно точен. Россия всегда была православной страной. И до тех пор, пока это православие олицетворялось только их Церковью, спать можно было спокойно, паства всегда будет. А теперь за нее придется бороться и бороться всерьез. Но одновременно иерархи теперь уже ЕПЦХ прекрасно понимали, что задача, которую всеми доступными силами решает Сталин, это единство народа накануне надвигающейся войны. И ради решения этой задачи, Вождь пойдет на любые меры. А потому они также внешне приняли решение о придании Православию надрелигиозного статуса совершенно спокойно.

После нескольких дней жарких споров и обсуждений Конгресс выдал емкое определение Православия.

**Праведность в мыслях и поступках;**

**Радение за общее благо и процветание;**

Активная жизненная позиция;  
Вера в Единство и Разумность Мироздания;  
Осознанность жизненного Пути для всех членов Общества;  
Справедливость, как главный критерий Истины;  
Любовь, как Путь познания и единения с миром;  
Арийское духовное наследие;  
Воля к победе в любых испытаниях;  
Искренность в словах и помыслах;  
Единство Человека — Рода — Народа — Мира — Всевышнего.  
Увидев результат, Сталин остался доволен.

Но совершенно в противоположных чувствах пребывал ребе Шнеерсон. Особенно после того, как в очередной раз напросился на встречу в Кремле. Шел он туда преисполненный праведным гневом на предмет того, как это Всесоюзный Конгресс по вопросам Веры прошел без приглашения на него представителей иудаизма, число которых в СССР значительно превосходит буддистов, не говоря уже об адептах Ведической Веры, которые только-только стали массово появляться после тысячелетий забвения. А вот результат встречи оказался очень далек от того, что он себе думал.

Нет, Сталин не позволил себе ничего оскорбительного или даже неуважительного. Он просто очень четко провел черту. Если Иудаизм тоже хочет стать Православным и частью Единой Православной Системы Ценностей, объединяющей советский народ, то нет ничего проще. Надо только выкинуть из священного Писания все упоминания о различиях между евреями и гоями и покаяться за раздор, который это писание на протяжении веков несло людям.

— Станьте в один ряд со всеми, станьте естественной частью советского народа и можете верить, хоть в Аллаха, хоть в Иисуса, хоть в Яхве. Но если вы хотите и впредь выпячивать свою инаковость и носиться со своей богоизбранностью, то это ваш выбор, и совершенно не стоит обижаться на естественную разумную реакцию на него со стороны других. Вас же не будет удивлять тот факт, что какая-то семья собирается на семейный праздник, не зовя на него соседей, даже если с этими соседями прекрасные отношения. Так что Вас удивляет в данном случае?

И вот теперь ребе медленным шагом шел из Кремля в синагогу, и мысли его были невеселы. Ему только что дали понять, что на двух стульях с комфортом сидеть не получится. Да, его народ получил даже больше, чем хотел. Получил по сути свою землю, получил защиту мощного советского государства. Получил право на беспрепятственную веру. Получил то, на что даже не мог надеяться. Получил признание некоторых особых национальных достоинств и их полноценное использование на хороших условиях. Но и плата за все это как бы не оказалась слишком высокой. Это отчуждение. Нынешнее поколение воспринимает это без особого недовольства. Им есть, с чем сравнивать. Но что скажет следующее поколение, или следующее после него? Как им объяснить, что все ограничения это плата за сохранение собственной веры? И многие ли из них предпочтут верность Вере? Ребе было о чем очень серьезно подумать. Ответы на эти вопросы он был обязан найти раньше, чем их начнут задавать другие.

### **Глава 53. Иранский вектор.**

В конце февраля в Москву по ранее переданному приглашению прибыл с официальным визитом шах Ирана Реза-хан-Пехлеви. Этот визит происходил на фоне усиливающихся

противоречий в Европе, а потому обе стороны придавали переговорам огромное значение. Для Ирана добрососедские отношения с крупным, набирающим силу соседом являлись чуть ли не гарантией выживания и сохранения суверенитета. А потому глава Ирана, хоть и был сторонником диверсифицированных и сбалансированных отношений с различными геополитическими силами, считал для себя подтверждение дружбы с Советским союзом наиглавнейшим вопросом, из решения которого уже вытекают все остальные. Тем более это стало актуальным после прошлогоднего визита в Иран Молотова, сделавшего хану-Пехлеви предложения, которые Иранского властителя взволновали до крайности. Да, пункт о допуске на иранскую территорию советских войск был предусмотрен договором от 21-го года и теоретически не нес для Ирана каких-либо неприятностей. Но одно дело гипотетическая ситуация и совсем иное, когда эта ситуация переходит в практическую плоскость. Достаточно хорошо разбираясь в политических реалиях, зная и имея возможность прогнозировать развитие обстановки в Европе, хан не слишком боялся того, что советцы используют давние договоренности для начала враждебной оккупации его страны. Но в то же время он опасался двух других моментов. Первый заключался в неопределенности, автоматически вытекающей из наличия на территории Ирана мощной военной группировки соседа. Мало ли что на этом фоне Сталин захочет попросить у Ирана? И не возникнет ли у него соблазн в случае недоговоренностей использовать эти войска для смены правящей иранской династии? Второй момент был хоть и менее опасен для него лично, но не более приятен. А что если даже наличие советских войск у западных иранских границ не остановит агрессоров? Что если это наоборот послужит тем спусковым механизмом, который приведет войну на земли Ирана? И вдруг этого можно было бы избежать искусственной дипломатией, если бы этих войск не было? Это все были очень нелегкие вопросы, над которыми хан постоянно размышлял с момента визита Советского Наркоминдел. Это были вопросы, на которые он очень надеялся получить ответы во время своего визита в Москву.

Сталин со своей стороны этого визита ожидал с не меньшим нетерпением и надеждой. Иран занимал очень важное место в планах советского руководителя. Как минимум этот визит должен был привести к подписанию договора о взаимной помощи в случае агрессии третьих стран. Но Сталин рассчитывал на большее. Намного большее. Было у него предложение, от которого, как он считал, шаху будет очень непросто отказаться, почти невозможно. И не потому, что им будет двигать страх перед советской военной мощью или опасения за свою власть. Нет, угрожать иранскому шаху Сталин совершенно не собирался. Напротив, он собирался подарить шаху великую мечту любого иранца. Вместе с надеждами на ее исполнение. Мечта эта называлась просто и понятно — Великая Персия.

Переговоры шли довольно трудно. Основная проблема заключалась в том, что оба лидера никак не могли решить, насколько можно друг другу доверять, а потому они долго присматривались друг к другу, обсуждали второстепенные проблемы экономического характера, узнавали видение партнера на современную обстановку. Так продолжалось два дня.

Наконец Сталин решил провести встречу с шахом один на один лишь в присутствии своего переводчика фарси. Шах, подумав, согласился на такой вариант. Он понимал, что такая встреча необходима. Что только глядя друг другу в глаза без кучи советников и помощников, без крючкотворов от дипломатии и юриспруденции они смогут к чему-то придти или по крайней мере попытаться понять истинные замыслы друг друга.

Встретившись с шахом в узком кругу, Сталин сразу же предложил поговорить как

мужчина с мужчиной, отставив в сторону все дипломатические приемы и увертки. Чтобы сразу расположить шаха к себе, он начал первым. Рассказал, как именно он видит развитие ситуации, и какие угрозы существуют для СССР и для Ирана. Однозначно он выразился и по поводу того, что у СССР совершенно отсутствуют какие-либо планы по присоединению Ирана к СССР. Напротив, отметил он, СССР крайне заинтересован в наличии на своих рубежах независимого, сильного, но дружественного Ирана. Корни родства наших народов, отметил Сталин, уходят в глубокую древность, в эпоху расселения Ариев по Евразийскому континенту. И нет никаких причин для соперничества или враждебности между нашими народами. Но у наших стран существуют одни и те же серьезнейшие угрозы со стороны третьих сил. И если СССР еще может рассчитывать напряжением всех своих сил отбиться и ликвидировать эти угрозы, то Иран в одиночку на это не способен. Казалось бы, СССР может отойти в сторону, сосредоточившись на решении собственных проблем и предоставить Иран своей судьбе. Но есть определенные геополитические факторы, дающие обеим странам в случае их совместных действий возможности, которые ни одна из них не способна реализовать самостоятельно. Дальше Сталин поинтересовался, готов ли шах к откровенному обсуждению вопросов, которые не должны ни при каких условиях выйти за рамки этого кабинета, и принять на себя ответственность за сохранение тайны обсуждения, независимо от того, смогут ли они прийти к единому мнению. Шах несколько оторопел от этих слов и глубоко задумался. Уже по тому, как и с каким напором Сталин начал эту встречу, он понял, что обсуждать предстоит гораздо более серьезные вещи, нежели даже присутствие советских войск на территории его страны. Он помолчал, размышляя над тем, не готовит ли его оппонент какой-либо ловушки, предлагая тайные переговоры, но затем пришел к выводу, что в случае согласия теряет он гораздо меньше, чем может приобрести в случае успеха. Сталин не торопил шаха, продолжая спокойно сидеть на своем месте, просматривая лежащие перед ним бумаги. Тем самым он давал понять, что не собирается давить и готов подождать принятия его собеседником взвешенного решения.

Наконец шах внутренне принял решения и заявил, что полностью готов к открытому и серьезному разговору. Он гарантирует, что из его уст никто не узнает ни одного слова, но при этом не гарантирует своего согласия с каким-либо предложением. Все свои решения он будет определять исключительно из интересов Ирана.

Сталин кивнул, показывая, что именно такого ответа он и ждал.

— Вы, господин шах, безусловно, являетесь опытным и мудрым политиком, не разделяющим свои личные интересы и интересы Вашей страны. Скажите, Вам никогда не мечталось о возвращении Ирану величия Персидской империи?

При всем своем опыте и готовности к серьезным темам переговоров шах вздрогнул. Он внимательно посмотрел на Сталина, пытаясь прочитать в его глазах, издевается над ним собеседник или говорит серьезно. Тигриные желтые глаза Сталина смотрели на шаха спокойно и внимательно. Но ни насмешки, ни угрозы в них Пехлеви не увидел.

— О таком, господин Сталин, мечтает всю свою жизнь любой иранский властитель. Но увы, мечты слишком жестко разбиваются о реальность наших скромных возможностей.

Сталин кивнул. — Да, возродить величие Персии одним вам не удастся. Но давайте попробуем абстрагироваться от оценки собственных возможностей и просто оценим те трудности, которые мешают реализации этой мечты. На Западе Иран граничит с Ираком, испытывающим на себе сильное влияние англичан. И хотя в 32-м году Ирак формально стал независимым, фактически им по-прежнему правит Британия. Сирия и Ливан находятся под

протекторатом Франции. И хотя между Сирией и Францией в 36-м подписан договор о независимости Сирии, он до сих пор французами не ратифицирован. Севернее мы имеем Турцию, которая формально является союзником Франции, гарантировавшей ее независимость, но фактически мы наблюдаем все большее усиление влияния на Турцию со стороны Германии. Вы пока согласны, господин Пехлеви?

— Да, господин Сталин, пока Вы описываете все точно.

— Перейдем на Восток. Афганистан является на сегодня независимым королевством, поддерживающим хорошие отношения с СССР. После того, как афганцы выгнали англичан, из ведущих держав ими особенно никто не интересуется. А вот еще дальше, соприкасаясь на юге с Ираном, лежат земли Британской Индии. Таким образом, если мы рассмотрим ситуацию в целом, то основными препятствиями для возрождения Персии в полном объеме являются Англия и Франция. Причем, Англия в первую очередь.

По нашим прикидкам Франция окажется в состоянии войны с Германией в течение одного, максимум двух лет. Рейх уже сумел с помощью бряцания оружием и политическими маневрами захватить все, что было легкодоступным. Следующая большая цель именно Франция. А теперь давайте немного пофантазируем и представим себе, что Англия не сумела остаться в стороне от бойни и также увязла в войне с набирающей мощь Германией. Турция выступает на стороне Германии, а параллельно с этим в Индии разворачивается вооруженная борьба за независимость от колониального ига. — Сталин внимательно посмотрел на напряженно слушающего его шаха. — Как Вам расклад сил в этой ситуации?

— То есть Вы хотите сказать, что в течение ближайших лет в Европе может создаться такая ситуация, когда ни одна из европейских держав не сможет даже физически вмешаться в ситуацию в Южной Азии?

— Именно это я и имею в виду.

— И насколько такой вариант развития событий вероятен?

— Более чем. Это совсем не фантазии, а здравый расчет. Гитлер заявляет, что его главным врагом является коммунизм. А потому все ждут от него крестового похода на Восток. Идиоты, они даже ради этого активно финансируют его и снабжают оружием. Но к счастью для себя и к несчастью для этих ростовщиков Гитлер совсем не идиот. Даже если у него и есть в планах война с СССР, что, кстати, более, чем вероятно, то он никогда не решится на это прежде, чем не завоюет Европу. Еще можно предположить, что он не станет все силы тратить на захват Англии, а предпочтет лишь заблокировать ее на острове, но континентальную Европу он обязан подчинить себе всю. В противном случае в любую секунду он будет опасаться кинжального удара в спину.

— И подразумевая возможность через несколько лет войны между Германией и СССР, которая никак не может быть легкой, Вы всерьез изучаете ситуацию к югу от себя, считая себя в силах на нее повлиять?

— Именно так.

— СССР настолько силен?

— Дело даже не в этом, хотя мы уверенно смотрим в будущее. Любые действия на Юге, в Индии даже близко не потребуют от нас тех усилий, которые придется приложить на Западе. Не более десяти процентов. И этого будет вполне достаточно для гарантированного освобождения Индии. Разумеется, если Иран сделает свою часть работы. Причем, мы предлагаем Ирану лишь освободить братьев по вере, мусульман от колониального ига. Вам совершенно незачем лезть в индуистские районы, где сражаться уже придется не вместе, а

против населения. Там народ освободит себя сам. Мы лишь немного поможем советниками и оружием.

— Вы упомянули про национально-освободительное движение в Индии. Насколько оно реально, если не считать отдельных столкновений и акций протеста, о которых информация иногда просачивается в прессу или доходит до ушей дипломатов в Дели?

— Оно более, чем реально и намного более массовое и мощное, чем это может показаться. Мы находимся с их лидерами в постоянном контакте и нам даже приходится их сдерживать изо всех сил, дожидаясь развития обстановки в Европе.

— Все сказанное Вами, товарищ Сталин, более, чем серьезно. А СССР располагает силами для того, чтобы помочь Ирану в перевооружении нашей армии? Сегодня она, увы, находится не в самом лучшем своем состоянии.

— Безусловно. Более того, мы готовы предложить Вам помощь в строительстве железной дороги между Кумом и Захеданом через Зеренд. Это позволит Вам перебрасывать войска на границу с Британской Индией на порядок быстрее. Кстати, поставки оружия и помощь в строительстве железных дорог будет отличным обоснованием для Вас разрешения нашим войскам встать на западных границах Ирана.

— А где Вы хотели бы разместить войска и какой численности?

— Мы думаем, что для гарантированного предупреждения возможного нападения Турции или англичан из Ирака будет достаточно двух армий. Одна с базой в Тебризе, вторая с базой в Ахвазе. Этого должно хватить. Но в случае, если все пойдет, как показывают прогнозы Вы должны будете определиться, господин Пехлеви. Если брать под свое крыло Ирак и Сирию будете Вы, то и войска, которые пойдут туда, должны быть Ваши. Если же Вы оставите это нам, то в результате получите гарантированно дружественные, но советские Ирак и Сирию. Впрочем, мы готовы предоставить Вам право преимущественного выбора. И в любом случае мы готовы решать все возникающие вопросы на основе взаимности и дружественности. В будущем СССР видит Иран своим надежным партнером и союзником.

Услышанное повергло иранского хана почти в состояние нокдауна. Объем и важность информации, полученной от Сталина, были таковы, что мысли начинали путаться. При всей своей готовности к серьезным переговорам и жесткому отстаиванию иранских интересов, к такому хан оказался элементарно не готов. Ему крайне требовалось время на то, чтобы осмыслить все услышанное и принять решение. То, что Сталин только что предложил ему грандиозные возможности, которые в случае успеха навсегда впишут его имя в ряд самых славных властителей Ирана всех времен, он не сомневался. Но вот так сразу он был попросту не готов к ответу.

— Господин Сталин, я очень ценю Вашу откровенность и грандиозность сделанных предложений. Я очень надеюсь, что Вы с пониманием отнесетесь к моему желанию взять некоторую паузу для принятия решения и ответа. Кроме того, я прошу Вашего согласия частично посвятить в детали нашего обсуждения некоторых своих людей, без которых в последующем все равно не сможет обойтись реализация планов, если они будут согласованы.

— Хорошо, господин Пехлеви, — Сталин строго взглянул в глаза хана, — только Вы должны понимать, что несете за своих людей и возможную утечку информации всю полноту ответственности. Если наш разговор сегодня станет в будущем достоянием любой третьей стороны, Советский Союз однозначно воспримет это как предательство нашей дружбы и доверительных отношений.

— Конечно, господин Сталин. Мы полностью понимаем свою меру ответственности.

— Ишь, жук, — подумал Сталин, — как он про свою долю ответственности намекнул, дескать, утечка может быть с двух сторон.

— За нашу сторону можете не переживать, господин Реза-хан-Пехлеви. Мы гарантируем соблюдение конфиденциальности.

От этих слов переводчика пробил легкий озноб, при всем том, что он уже довольно давно вращался в Наркоминделе и был не раз проверен органами ГПУ-НКВД вдоль и поперек.

Через три дня СССР и Иран подписали Договор о дружбе и сотрудничестве. Сам договор предусматривал лишь советскую помощь в строительстве железной дороги рельсами и специалистами, а также участие советских войск в защите западных границ Ирана. Секретный протокол к этому предусматривал и поставки в Иран советского вооружения разных видов, достаточных для оснащения шести полевых армий. Оплата за эти поставки была предусмотрена с десятилетней рассрочкой. Все остальные договоренности остались за кадром и на бумагу не попали, хотя принципиальных разногласий на данном этапе не возникло ни по одному пункту.

## **Глава 54.**

### **Внешние и внутренние маневры.**

В середине марта состоялось знаменательное событие. Территория СССР увеличилась на полтора миллиона квадратных километров, что явилось полнейшей неожиданностью для всего мира. В начале марта 39-го года Великий народный Хурал Монгольской Народной Республики единогласно принял решение просить СССР о включении Монголии в состав Союза. В Москву это решение доставил сам неофициальный монгольский правитель Хорлогийн Чойбалсан. Подтолкнули монголов к такому решению начавшиеся с января японские провокации на монгольско-маньчжурской границе. И хотя советские войска стояли в Монголии давно, а после информации о возможных столкновениях на Халкин-Голе контингент войск в Монголии был увеличен, Сталин совершенно не хотел полномасштабных действий с Японией накануне европейской войны. Тем более, что Япония в стратегических планах Сталина занимала далеко не последнее место. А потому монгольским товарищам мягко намекнули на возможные варианты. Все всё поняли правильно и оперативно отразили свое понимание в решении Хурала. В Москве Сталин хоть и благосклонно отнесся к пожеланиям монгольских товарищей войти в состав СССР всячески показывал, насколько это обременительная просьба. Разумеется, концерт был адресован в первую очередь сторонним державам, но и самим монголам надо было указать на место. Ведь в их представлении все перемены должны были быть лишь формальностью и закончиться подписанием договора, а на практике все планировалось оставить на своих местах. Пришлось товарища Чойбалсана немного поставить на место. Сразу же после подписания договора и утверждения его срочным Верховным советом СССР. Никакого особого статуса для Монгольского Советского Округа, как теперь слала называться эта территория, не предусматривалось. Более того, компанию монгольским товарищам по возвращению на родину составила значительная делегация уполномоченных советских товарищей, представлявших различные органы и Наркоматы СССР и спешно назначенных на соответствующие должности. Впрочем, лицо монгольских товарищей также было сохранено.

Чойболсан получил сразу два высших региональных поста — Секретаря окружного комитета ВКП (б), куда дружными рядами мгновенно вступила вся монгольская народно-революционная партия, а также председателя Исполкома МСО.

Мир в целом спокойно отнесся к такому событию, поскольку для него по сути мало, что изменилось. Монгольская Народная республика давно по факту воспринималась советской вотчиной. Единственный, кто позволил выразить себе неудовольствие, был японский посол. Он передал Молотову ноту протеста Токио по поводу незаконной аннексии Советским Союзом части исторической территории Маньчжурии, случайно отнесенной к Монголии. Впрочем, все понимали, что никаких законных прав на эту территорию у Японии нет, а потому стороны, обменявшись нотами, признали объективную реальность. Воевать с СССР всерьез Токио никак не хотело, тем более, что в НКВДе послу достаточно прозрачно намекнули, что развитие отношений СССР с Японией может быть различным и не стоит загонять себя в угол различными мелкими укусами.

С большим волнением я ожидал весенних переговоров с Англией и Францией по поводу создания антигитлеровской коалиции. В моей истории эти переговоры проводились с апреля по август и закончились фактически ничем. Даже "наш" Сталин был превосходно осведомлен о двурушнической позиции западных держав и прекрасно понимал причины, заставлявшие Англию и Францию искать союза с СССР. Как понимал и то, что при малейшем удобном случае эти же страны под любым благовидным предлогом от собственных обязательств откажутся. Фактически все инициативы Англии и Франции предусматривали то, что СССР должен быть обязан прийти к ним на помощь в случае атаки со стороны Германии. Ну а уж вооруженный послезнанием и историей того, как, где и сколько времени открывался второй фронт, Сталин тем более был не расположен связывать себя какими-либо кабальными обязательствами.

В этой связи переговоры было решено вообще не проводить. А когда информация выплеснулась на страницы западной прессы, начавшей как по команде бесноваться по поводу коварства большевиков, ответ прозвучал также посредством средств массовой информации. Сталин собрал пресс-конференцию с приглашением на нее не только представителей нашей прессы, но и корреспондентов аккредитованных в СССР западных изданий. Сообщение Сталина было простым и понятным.

— Нас призывают к заключению обязывающего договора о взаимопомощи. Казалось бы, что в этом плохого. И не является ли отказ СССР от подписания подобных актов свидетельством того, что наша страна агрессор, замышляющий войну против Англии и Франции? Нет, не является. Наш отказ, продиктован очень простыми соображениями. Мы не верим ни французским, ни английским политикам. И у нас для такой позиции есть все основания. Возьмем лишь примеры последнего года. Англия активно подталкивала Японию к провокациям против СССР на Дальнем Востоке, что выразилось в конфликте на озере Хасан. И у нас есть надежная информация об этом. Мы можем понять, когда идет попытка с помощью третьих сил прощупать нашу силу и возможности. Но мы категорически отказываемся признавать это дружественным актом. Или еще более показательный пример с Чехословакией. Сначала в 35-м году Франция выкручивает руки Чехословакии, заставляя вставить в договор о взаимопомощи пункт, по которому СССР может помочь этой европейской стране, только если Франция также окажет помощь. А потом вместе с Англией отдает Чехословакию на растерзание Гитлеру. Надеюсь, еще не все забыли про Мюнхен и его последствия? Далее, когда СССР тем не менее ведет переговоры с чехами об оказании



помощи, уже Англия во всеуслышание заявляет, что если СССР вмешается, то она начнет крестовый поход против коммунизма. И что, после всех этих демаршей кто-то хочет сказать, что это Советский Союз виноват в том, что происходит в Европе? А может быть кому-то стоит напомнить, на чьи именно деньги поднялась военная мощь Германии, и кто вместе с Гитлером несет полную ответственность за разорение и изгнание из страны десятков тысяч евреев? Еще три года назад СССР однозначно заявил, что искренне хочет жить в мире со всеми, кто хочет того же со своей стороны. И безукоснительно придерживается этой политики. Но для тех, кто захочет прощупать нашу обороноспособность, у нас найдется, чем ответить.

Вопросов после этого заявления было много, но по существу они мало, что добавили. Смысл был понятен всем. Сталин откровенно послал европейских политиков со всеми их предложениями и политическими интригами. А потому по всей Европе на следующий день газеты вышли с ерническими и издевательскими заголовками. В Англии так вообще разразился кризис, в результате которого позиции Чемберлена серьезно пошатнулись. Лишь в Германии оценка заявлений советского руководителя была сдержанно оптимистичной и делалось предположение, что возможно именно Германии стоит заключить с СССР союзный договор на взаимоприемлемых условиях.

Вслед за внешнеполитическими заявлениями СССР свою публичную позицию огласила Германия. Поводом для этого послужила телеграмма Рузвельта Гитлеру, в которой тот призывал Германию к миру. 28 апреля Гитлер дал ответ в своем публичном выступлении, которое собрало, пожалуй, самую большую аудиторию по всему миру. Хотя обращена речь была прежде всего немецкой аудитории, ее в прямом эфире транслировали более ста радиостанций по всему миру. В США, например, ее передавали все ведущие сети. Одним своим выступлением Гитлер денонсировал сразу два международных договора. Говоря об Англии и заявляясь другом английского народа, Гитлер прямо обвинил Британию в недоверии, которая она демонстрирует по отношению к Германии, и проведении политики окружения. В результате, заявил он, морской договор от 35-го года утратил всякий смысл. Затем Гитлер набросился с нападка на Польшу, которая объявила о частичной мобилизации и заключила договор с Англией, сразу создающий в отношении Германии двойственную ситуацию. Гитлер не исключил, что этот договор может создать условия, заставляющие Польшу выступить против Германии, что автоматически делает польско-германский договор о ненападении бессмысленным, а потому более не существующим.

Покончив с двумя важнейшими европейскими договорами, Гитлер обрушился на США и телеграмму Рузвельта. Хотя этот образ был еще неизвестен, но в издевательской интерпретации Гитлера Рузвельт предстал таким котом Леопольдом, слабо понимающим, на каком свете он живет. Он обвинил США в том, что, явившись инициатором создания крупнейшей международной организации "Лиги Наций", США были первыми, кто из нее вышел. Заявив, что является безусловным сторонником мирных решений любых международных проблем, Гитлер одновременно указал на то, что свобода и независимость самих США была достигнута отнюдь не за столом переговоров, а в жестокой войне. После чего напомнил, что по несправедливым условиям Версальского мира, Германию обокрали, отторгнув значительные территории. И все, что он сейчас делает, это лишь восстанавливает историческую справедливость.

Конечно, никого речь Гитлера не обманула. Все понимали, что фактически она знаменует собой провозглашение Германией готовности к решению своих проблем любыми

средствами. Мирная жизнь в Европе подошла к концу.

А у нас жизнь была ключом.

Интересные события происходили в военной сфере.

В апреле состоялся первый всесоюзный турнир по игре "Го". Оказалось, что Сталин обратил внимание на наш давний разговор о большой пользе этой восточной игры для развития стратегического мышления и о том, что в моем времени эта игра входила в обязательный курс учащихся военных академий США. В результате оказалось, что по его заданию из Японии по дипломатическим каналам были доставлены и переведены на русский учебники этой игры и вот уже год, как во всех военных училищах и академиях СССР эта игра активно вытесняла шахматы, хотя и по ним регулярно проводились турниры. Турнир, хоть и был громко назван всесоюзным, фактически являлся всеармейским. Между собой сражались курсанты различных военных академий. Особую пикантность турниру придавало объявление о том, что победы будут учтены при выпускном распределении.

И это оказалось не шуткой. По итогам выпусков из различных академий, включая академию Генштаба, была сформирована группа из 22-х человек, наилучшим образом зарекомендовавших себя в различных дисциплинах. В нее вошли представители разных родов войск. Но всех отличало одно качество, блестяще проявленные аналитические способности и склонность к стратегическому планированию военных операций. Показали все члены группы и отличные успехи в освоении "го". Отбор в группу был многоуровневым и частично добровольным. Всем кандидатом заранее объявлялось, что они будут выполнять важнейшие поручения высшего командования Вооруженных сил и даже Правительства СССР. Но на период от двух до трех лет они будут вынуждены работать в закрытом режиме, не предусматривающем свободное передвижение. Жить они будут на закрытой военной базе, хотя всем необходимым будут обеспечены. В этой связи были отсеяны все, имевшие детей, поскольку создание для них особой школы не предполагалось, а женатых оказалось всего пять человек, чьи жены согласились на добровольное заточение вместе с мужьями.

Эта группа расположилась на базе УЗОРа в Серебряном Бору. Задача, которую перед офицерами поставил Ворошилов в присутствии самого Сталина, заключалась в том, что они, разбившись на две команды по одиннадцать человек должны были промоделировать различные ситуации военного столкновения советских войск с противником. В качестве такового выступали войска различных стран, Германии, Англии, Японии, даже США. Одна из групп должна была, опираясь на реальные данные о наличии военных сил потенциального противника, придумать максимально эффективный план нападения на СССР, а вторая, соответственно, найти этим планам достойное противоядие. Также опираясь на реальные возможности советских войск. Разумеется, про потенциальные возможности атомного сверхоружия им никто не рассказывал. Периодически стороны должны были меняться местами и играть за противную сторону. Задачей предусматривалось рассмотрение всех потенциально возможных вариантов, включая одновременно нападение на СССР всех потенциальных противников. А в качестве тестового задания группе было поручено разыграть возможный советско-финский конфликт и с минимальными потерями решить стратегические задачи по обеспечению безопасности Ленинграда и всей Балтики от угроз с финской территории. Трудность в протекании переговоров с финнами заставляла при всем нежелании Сталина решать проблему военным путем задумываться и о таком варианте.

В мае были организованы массовые двухмесячные военные сборы для всех выпускников

школ и учащихся старших классов. Абсолютно все должны были сдать нормативы по бегу, стрельбе, а также приобрести первичные навыки в обращении с оружием и слаженным действиям в составе подразделений. Причем, это коснулось в том числе и девочек, хотя спектр их подготовки был несколько иным, с уклоном в медицину. Сборы выявляли потенциальные склонности и способности школьникам к службе в том или ином роду войск.

Очень интересные события касались внешней торговли. Во-первых, СССР практически выполнил планы по импорту производственного оборудования, составлявшего подавляющее большинство всех заказов в последние годы. И сейчас уже последние заводы постепенно подводились к стадии запуска производств. Во-вторых, согласованное с американцами возвращение их соотечественников на родину требовало огромного количества транспорта, что без серьезных поставок товаров из США смотрелось даже не расточительством, а сущим разорением для американской экономики. Вполне естественно, что СССР не собирался оплачивать дорогу домой. Он лишь честно выплатил всем причитающееся по контрактам и не собирался никого насильно удерживать. Сами работники тоже чесали затылки и думали, не стоит ли им и дальше работать в Советском союзе, где условия хоть и были жестче, но зато работа и ее оплата были гарантированы. К тому же всем работникам предоставлялось бесплатное жилье. Не сказать, что очень комфортное, но тем не менее. Так что подумать о чем было. Кстати, решение остаться в СССР и стать советскими гражданами приняло намного больше, чем ожидалось число американцев, около двадцати процентов. А остальным на этом фоне совсем не улыбалось самим оплачивать проезд домой. Так что администрация США очень быстро поняла, если она хочет, чтобы большая часть рабочих вернулась, ей придется предоставить огромное число кораблей. Но не гнать же их порожняком в Мурманск, Одессу или Владивосток? А потому через Рокфеллеров было оказано давление с целью обеспечить соответствующие объемы импорта.

И предмет такого был найден. Частично его составили некоторые виды вооружений и амуниции, включая порох. Другую часть, охотно закупаемую СССР, составляли большегрузные автомашины и запчасти к ним. Но большая часть была отдана под живой племенной скот. Да, как это ни странно, но было решено за максимально короткий срок в несколько раз увеличить поголовье всех видов домашнего скота. В совершенно разных регионах СССР как грибы начали возникать животноводческие колхозы, строились молочные фермы и небольшие мясоперерабатывающие комбинаты. Впрочем, раздавали скот на разведение и единоличникам под договоры о долгосрочных поставках мяса государству. Самое интересное в этом вопросе было и то, что на поставки живого скота преимущественно перешла и наша торговля с Германией в обмен на поставки каспийской нефти. Причем, решение по данному вопросу было именно политическим. Сталин согласился, что превентивным уменьшением потенциала немецкого сельского хозяйства мы способны в случае войны нанести Германии больший урон, нежели вывезенным в виде оборудования металлом.

Я тоже нашел себе новую нишу. Доходы от моих спекуляций стали существенно меньше, но все же до конца не прекратились. И теперь я активно скупал в США и Европе серебро, переправляя его разными окольными путями в СССР. Делалось это в рамках согласованной со Сталиным политики. Не будучи экономистом или финансистом, Сталин тем не менее очень прилично разбирался в различных хитросплетениях мировой финансовой системы. Разумеется, я рассказал ему и все, что нас может ожидать в будущем. Рассказал в частности, что попытка внедрения золотого и свободно конвертируемого

советского рубля в 50-м году, возможно, стала одной из причин его, Сталина, смертельной болезни. В результате множества размышлений, споров и обсуждений, было принято решение заменить золото на серебро, за движением которого надзор был существенно меньше, и не торопиться. Но резервы металла накапливать. В том числе и из зарубежных источников. Такой выбор базового металла был неожиданным лишь на первый взгляд. Золото хоть и завоевало пальму денежного металла первенства пару веков назад, не удалило серебро из списка базовых активов. А серебряных рудников на территории СССР находилось не в пример больше, чем золотых. Да и в промышленности серебро использовалось намного чаще. Еще одним фактором, повлиявшим на выбор в пользу серебра, стало то, что именно в совокупных запасах серебра СССР совместно с дружественным Китаем удерживали пальму первенства по имеющимся физическим объемам металла. В Европе его давно стало мало, в США оно еще было в достатке, но в относительно меньшем, чем золото объеме. Все это в совокупности с недостаточным контролем над основными районами добычи золота позволяло именно с помощью серебра создать полноценную валютную альтернативу Западу. Но до начала войны процесс должен был протекать в скрытой форме.

Все лето войска провели в масштабных учениях. Причем, проводились они по совершенно иным методикам, разработанным специалистами УЗОРа на основе моих дилетантских рассказов. Теперь уже никого невозможно было увидеть бегущего в полный рост на пулеметы противника. И даже на плотно окопавшегося. Почти не наблюдалось действий пехотных частей вне плотного взаимодействия с бронетехникой и артиллерией. Главным критерием успешности действий командира любого уровня теперь считалось соотношение собственных и вражеских потерь. А попытки бесславно погубить бойцов в азартной, но неподготовленной атаке воспринимались чуть ли не как вредительство. Резко было уменьшено время, уделяемое строевой подготовке, зато в несколько раз увеличилась норма отстрела патронов каждым солдатом. Была введена поголовная и многократная обкатка бронетехникой. Но самое большое внимание уделялось пользованию средствами связи и обеспечению эффективного взаимодействия между частями. Наступательные и оборонительные действия отрабатывались попеременно примерно в одинаковых объемах.

Все ближе был судьбоносный август. Дипломатическая служба Рейха все откровеннее набивалась на переговоры. Наступала пора окончательных определений и принятия важнейших стратегических решений.

## **Глава 55.**

### **Пакт Молотов-Риббентроп**

20 августа Сталин получил от Гитлера телеграмму, в которой тот просил не позднее 23 числа принять министра иностранных дел Германии с целью заключения полномасштабного договора о ненападении. Сталин незамедлительно ответил согласием. Риббентроп прибыл в Москву в надежде на быстрое достижение договоренностей. Время стремительно утекало. Гитлер приказал начать наступление на Польшу не позднее 1 сентября, и Германии кровь из носу было необходимо заручиться если не поддержкой СССР, то, как минимум, гарантией его невмешательства.

В свое время мне приходилось читать довольно много всевозможных спекуляций по поводу знаменитого пакта Молотов-Риббентроп. Кто-то называл его санкцией, выданной СССР Гитлеру на начало Второй Мировой, кто-то с пеной у рта доказывал, что СССР всего лишь стремился себя обезопасить и выиграть время. Сейчас, находясь фактически в гуще событий и имея возможность вникать не только в обстановку, но и логику мышления

советского руководства, я стал на порядок лучше понимать происходящее. Для того, чтобы разобраться в ситуации, стоит рассмотреть ее с разных сторон по возможности беспристрастно, а также признавая за всеми участниками переговоров и последующих решений право на здравый смысл и способность к логичной и адекватной оценке обстановки.

Итак, начнем с того, что всем действующим лицам было прекрасно известно, что ни одно небольшое государство Европы в случае полномасштабного конфликта не сможет сохранить свою независимость. То есть вопрос изначально не мог ставиться в плоскости, надо или не надо было захватывать Прибалтику или Западную Украину и Белоруссию. Надо или не надо было воевать в Финляндии. Все эти государства УЖЕ существовали на карте мира номинально и до поры, до времени, даже, если они сами думали на тот момент иначе. Фактически вопрос ставился таким образом, или СССР, оставаясь в собственных старых границах допускает, что все остальное становится Германией, причем, еще до начала войны с нами, либо эти территории становятся частью СССР. Всем желающим предлагается простой выбор побывать в шкуре Сталина в обоих вариантах в первый день войны. Учитывая при этом, что помимо собственно территории и протяженности границ, с которых может начаться война, немалое значение имеет объем ресурсов, становящихся доступным одновременно с этими территориями.

Второй момент, который следует принять во внимание, это то, что фактически все территории, которые в моей реальности по договору с Германией отходили в зону влияния СССР фактически являлись территориями Российской Империи, ранее утраченными в результате Первой Мировой войны и последующих событий. То есть СССР лишь возвращал себе то, что в силу слабости вынужден был уступить двадцать лет назад. И то не полностью. Германия получала право на занятие территорий до так называемой линии Керзона, определенной по итогам Первой Мировой.

Третий немаловажный момент заключался в том, что отношения между СССР и Польшей было крайне трудно назвать дружественными. Скорее существовала огромная опасность договоренностей между Германией и Польшей о совместном нападении на СССР и таковые планы на самом деле существовали и рассматривались обеими странами. И не заслуга СССР в том, что они не сбылись. Участвуя в разделе Польши, Советский Союз лишь уменьшал возможность негативных для себя последствий такого альянса Польши и Германии.

Конечно, Сталин и другие руководители СССР прекрасно отдавали себе отчет в том, что ликвидация нейтральных стран между границами Союза и Германии означает повышение вероятности внезапной войны, но точно также они понимали и то, что соглашением выигрывают существенное время для подготовки к ней. Цели Гитлера были довольно прозрачны. Он страховался от войны на два фронта, ликвидируя возможный плацдарм против себя со стороны Польши с участием английских войск.

В целом, как я ни крутил ситуацию, как ни пытался рассмотреть какие-либо альтернативные варианты в случае отказа СССР от заключения договора с Германией, мне не удалось найти ни одного, перспективы которого для СССР смотрелись бы предпочтительнее.

Впрочем, кое-какие отклонения от свершившегося в моей реальности, все же произошли. И не без моего участия. Сталин сначала с удивлением, а затем с пониманием отнесся к предложению о создании между нами и немцами существенной

демилитаризованной зоны. Такая зона должна была предотвратить неожиданное нападение двумя годами позже.

Это предложение несколько осложнило процесс переговоров с Риббентропом, но после нескольких его консультаций с Берлином все же нашло поддержку и у немецкой стороны. Ведь наличие зоны, на которой запрещалось размещение ударных сил договаривающихся сторон, в текущий момент в большей степени работало на интересы именно Германии. Это позволяло ей уменьшить количество сил, расположенных непосредственно вдоль границ СССР, и меньше опасаться неожиданного удара в спину.

В результате стороны пришли к тому, что относительно линии разграничения зон ответственности в каждую стороны определялась зона шириной от ста километров на севере до ста пятидесяти километров на юге, в которой каждая из них могла содержать лишь полицейские части для поддержания порядка. Эти власти были численно ограничены ста тысячами человек, вооружение которых не предусматривало авиации и бронетехники. Нарушение этого условия допускалось сторонами только в течение первых двух недель от момента выхода к обусловленной договором границе. Этот срок давался на поиск и полное разоружение возможных польских частей. Контроль за соблюдением договоренностей осуществлялся наблюдательной авиацией обеих сторон, которой разрешалось залетать за границу раздела не более, чем на 10 километров. В случае существенного превышения этого расстояния самолет мог считаться нарушителем и быть сбитым силами ПВО. Все прочие положения договора и секретных протоколов к нему остались фактически без изменений.

Документы были подписаны Молотовым и Риббентропом 28 августа.

Второе серьезное отличие от происходившего в моей истории было полностью скрыто от глаз какой-либо общественности, но имело не менее, а скорее даже более важные последствия для отдаленного будущего. Выяснив, что секретную почту можно доставить в Варшаву за три дня, утром 28 августа, еще до подписания договора Сталин вновь пригласил к себе ребе Шнеерсона.

Довольно быстро покончив с вежливой преамбулой, Сталин перешел к основной теме.

— Товарищ Шнеерсон. Как Вы отнесетесь к тому, что Советское правительство в очередной раз окажет неоценимую услугу еврейскому народу СССР?

От такого начала предметной беседы ребе слегка опешил. Еще до встречи, получив на нее приглашение, он не раз задавал себе вопрос о возможной цели беседы, но так и не пришел ни к чему конкретному. Однако опытный переговорщик пришел в себя довольно быстро и решил отшутиться, чтобы лучше сориентироваться в обстановке..

— Разумеется, с неизменной благодарностью всего еврейского народа, которая не будет иметь границ в разумных пределах, товарищ Сталин.

Сталин расхохотался. — Да уж, знаем мы эти ваши разумные пределы, как бы мы еще должны не остаться. — Но тут же мгновенно посерьезнел и произнес. — Товарищ Шнеерсон, а как Вы отнеслись бы к предложению быстро и существенно увеличить население Крыма и Сахалина за счет представителей Вашего народа? Нет-нет, я не имею в виду какую-либо принудительную высылку евреев из центральных или иных областей СССР. Видите ли, в чем дело. Через 3–4 дня Германия начнет войну против Польши. Учитывая разницу военных потенциалов сторон, есть все основания полагать, что война будет очень скоротечной. Польская армия будет разгромлена двух-трех недель. Но не менее вероятным является и то, что знаменитое польское упрямство сделают эту войну крайне ожесточенной. В результате есть опасения, что всю вину за большие потери в своей армии Гитлер захочет

возложить на евреев. Вы же должны знать, как именно он относится к людям из Вашего народа. Наши аналитики прогнозируют настоящий геноцид против евреев. Если в самой Германии Гитлер еще вынужден был проявлять определенную сдержанность, то в Польше он развернется вовсю. А ведь в этой стране проживает, насколько мне известно не один миллион евреев. Как Вы думаете, не будет ли этим людям безопаснее, скажем на Сахалине? Я уже не говорю про Крым.

— Насколько эта информация точна, товарищ Сталин, и что именно можно сделать в этой связи? — на ребе не было лица. Он на секунду представил себе масштабы возможного бедствия и то, что теперь это становится его личным бременем. — я могу обеспечить информирование польских раввинов в течение нескольких дней, но мне трудно представить, что можно сделать дальше?

— Предложите всем, кто Вас интересуется, с началом боевых действий, раньше все равно не поверят, как можно быстрее переместиться в восточные районы страны. В идеале восточнее Вильно, Белостока, Бреста, Львова. Есть основание думать, что на восточный берег Буга немцы не перейдут.

— ??????

— Западные Белоруссия и Украина это советские территории, которые были временно утрачены после Революции. Германия с пониманием относится к интересам СССР в данном вопросе. Восточные территории будут в течение месяца заняты советскими войсками.

— И Вы сможете гарантировать всем людям беспрепятственный проезд во внутренние районы СССР?

— Скажем так. Через систему фильтров они, безусловно, пройдут. Но обещаю, что все, за кого Ваша община поручится и примет на себя ответственность, будут отпущены в Крым или на Сахалин. Второе более желательно, но думаю, что по данному вопросу мы сможем найти общий язык. Хотя с моей сторон будет еще одно требование.

— Внимательно слушаю, товарищ Сталин.

— Из тех семей, которые пройдут Ваш отбор, мужчины от 20-ти до 45-ти лет должны будут остаться в западных районах. На этих условиях их семьям не только не будут чиниться какие-либо препоны по переезду в Крым и на Сахалин, но советское правительство даже окажет им некоторую материальную помощь на обустройство. А мужчины должны будут остаться, чтобы с оружием в руках быть готовыми встретить врага, если Германия вздумает напасть на СССР. Срок службы если войны не будет, определим в два года. Да, и еще. В течение первых трех лет все перемещенные люди будут иметь кандидатский гражданский статус. Впрочем, по желанию, они могут оставить себе и статус беженцев.

Ребе сидел очень задумчивым. Фактически косвенно Сталин только что рассказал ему о наиболее вероятных сроках начала Мировой войны. Причем, не только в Европе, но и с участием СССР. Итак, 3 дня и примерно два года. То, что делает Сталин, это поистине царский подарок. Они смогут не только серьезнейшим образом укрепить общины в Крыму и на Сахалине, но и получить существенный материальный приток средств. Польские евреи в основной своей массе люди не бедные. Ну а то, что кем-то придется пожертвовать, отправив на войну, так ведь теперь это уже будет не чужая война. Впервые ребе задумался о том, что считает СССР, как минимум, не чужим государственным образованием.

— У меня нет слов, товарищ Сталин, чтобы выразить Вам мою благодарность. И я уверен, что благодарить Вас будут еще десятки, если не сотни тысяч других евреев. Это огромный аванс, который мы обязательно отработаем на благо СССР. Но по одному пункту я

бы хотел немного изменить Ваши условия, если это возможно.

— Что Вы имеете в виду, товарищ Шнеерсон?

— Я бы просил Вас отправить на Сахалин полные семьи, если это возможно. Или, как минимум, не менее одного мужчины указанного возраста на семью. Все-таки там условия проживания пока не столько легкие, как в Крыму, да и община поменьше и послабее. Мужские руки будут очень востребованы.

— Думаю, мы сможем с Вами договориться, давайте сначала увидим реальную картину и не будем делить шкуру неубитого медведя. Я рад, товарищ Шнеерсон, что Вы правильно оцениваете значение переданной Вам информации и уверен, что Вы сможете правильно ей распорядиться. А сейчас не буду Вас больше задерживать, Вам наверняка не терпится поскорее связаться с Вашими польскими товарищами.

Проводив взглядом Шнеерсона, Сталин набрал Меркулова.

— Он только что вышел, давай людям отмашку, только смотри, чтобы не засветились. Отчет у меня на столе через три дня.

Положив трубку, Сталин некоторое время задумчиво сидел, глядя в одну точку. В голове беспокойной чередой проносились различные мысли. Правильно ли он сделал, проинформировав евреев, и не аукнется ли это СССР приближением войны с Германией? А если нет, но не получит ли он в итоге большую головную боль в связи с увеличением в стране и так не самой малой численности этого беспокойного и ненадежного племени? Может быть стоило оставить все как есть и не искать приключений на свою задницу? С другой стороны, именно массовая резня евреев в Польше, совершенная руками Гитлера, но по сути устроенная самими еврейскими кланами Англии и США, предопределила очень многое в послевоенной истории Алексея. Много из того, чего всеми силами стоит избежать здесь. А значит все сделано правильно. Заодно посмотрим, как именно распорядится информацией этот хитрый раввин. Не уйдет ли информация куда-либо еще, кроме Польши? Например, в Лондон?

Сталин откинулся в кресле и расслабился, пора выкинуть этот вопрос из головы. Через час уже идти на подписание договора с Германией, а помимо этого есть и куча других не менее важных вопросов. — А все же интересно, чем Гитлер обоснует необходимость польской оккупации. Разведка сообщает, что операция назначена на 1 сентября. Причем, даже перенесена на этот срок с 26-го августа. А пока вроде бы все спокойно и никакой особой напряженности на границе по сообщениям мировых СМИ не чувствуется. И не наши ли затянувшиеся переговоры являются причиной переноса операции?

Гитлер не изменил себе и обставил начало военных действий тщательно продуманной провокацией. Для оправдания агрессии против Польского государства германское командование поручило СД, лично Рейнхарду Гейдриху и Генриху Мюллеру организовать провокацию, которая позволила бы переложить ответственность за начало военного конфликта на поляков.

22 августа, фюрер нации на совещании с высшим генералитетом вермахта заявил, — Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, а будет ли он правдоподобен — значения не имеет. Победителя потом не спросят, говорил он правду или нет. Для развязывания и ведения войны важно не право, а победа.

К середине августа была подготовлена операция под названием "Консервы". Из концлагеря, в окрестностях Ораниенбурга доставили 13 уголовных преступников, осужденных к смертной казни за тяжкие преступления. Каждому из них было обещано



освобождение, после завершения операции. Им выдали польскую военную форму и приказали облачиться в нее, после чего каждому сделали наркотическую инъекцию которая привела их в бессознательное состояние. В восемь часов вечера 31 августа отряд штурмбанфюрера СС А. Нойжокса "захватил" радиостанцию у Глейвица и передал в эфир заранее подготовленную 10-минутную радиопередачу на польском языке. (Текст был следующего содержания: "Граждане Польши! Пришло время войны между Польшей и Германией. Объединяйтесь и убивайте всех немцев"). Затем, обстреляв стены и окна здания и оставив тело убитого заключенного, одетого в польскую форму, покинул здание.

В то же время недалеко в лесу возле Хохеншицен при участии начальника гестапо Г. Мюллера остальные заключенные, одетые в форму Войска Польского, были в бессознательном состоянии расстреляны, якобы в ходе боя с вторгшимися в Германию польскими подразделениями.

Утром 1 сентября Германское информационное бюро распространило под общим заголовком "Поляки совершили нападение на радиостанцию в Глейвице" следующие сообщения:

"

*Бреслау. 31 августа. Сегодня около 8 часов вечера поляки атаковали и захватили радиостанцию в Глейвице. Силой ворвавшись в здание радиостанции, они успели обратиться с воззванием на польском и частично немецком языке. Однако через несколько минут их разгромила полиция, вызванная радиослушателями. Полиция была вынуждена применить оружие. Среди захватчиков есть убитые*

"

"

*Оппельн. 31 августа. Поступили новые сообщения о событиях в Глейвице. Нападение на радиостанцию было, очевидно, сигналом к общему наступлению польских партизан на германскую территорию. Почти одновременно с этим, как удалось установить, польские партизаны перешли германскую границу еще в двух местах. Это также были хорошо вооруженные отряды, по-видимому, поддерживаемые польскими регулярными частями. Подразделения полиции безопасности, охраняющие государственную границу, вступили в бой с захватчиками. Ожесточенные действия продолжаются*

"

Ровно через три дня после подписания советско-германского договора о ненападении на германо-польской границе взрели сотни моторов. Вторая Мировая началась, и одному Богу было ведомо, насколько мне удалось хоть немного изменить ход ее возможного течения.

## **Глава 56.**

### **Предвоенные дебаты**

Гитлер принимал отчет Риббентропа по результатам переговоров в Москве.

— Создание демилитаризованной зоны, конечно, в будущем способно создать нам некоторые сложности по продвижению на Восток. Но сейчас в целом такой пункт договора нам скорее на руку. Он гарантирует невозможность внезапного удара Сталина в процессе европейской операции. А значит, мы можем больше сил направить на Западный фронт. Разумеется, контроль за передвижением советских войск в их польской зоне ответственности должен быть усилен. Да и Ваши люди, господин адмирал, должны тщательно отслеживать обстановку в Москве.

Канарис молча кивнул.

А Вы, господин Кейтель, должны начать проработку вариантов, как в случае необходимости наши войска в обстановке максимальной скрытности и оперативности могли бы преодолеть эту зону.

— Яволь, мой фюрер, штаб немедленно приступит к разработке соответствующего комплекса мероприятий.

Гитлер задумчиво посмотрел на лежащий перед ним конверт без каких-либо отметок.

— Значит, господин Риббентроп, этот пакет передал Вам для меня лично Сталин и без каких-либо комментариев на тему содержимого?

— Так точно, мой фюрер, при этом он подчеркнул, что пакет должен попасть именно в Ваши руки без какого-либо предварительного вскрытия. Он лишь сказал, что информация, которая в нем содержится, поможет Вам избежать лишних ошибок.

— Интересно. Ну что же. Посмотрим, какие ошибки по мнению Сталина мы собрались совершить.

Гитлер вскрыл конверт и целую минуту молча рассматривал короткую записку, отпечатанную на машинке. В ней было всего две фразы.

"Не стоит упускать возможности в Дюнкерке".

"Будет большой ошибкой посылать Рудольфа в Британию".

— Все свободны, Гейдрих, оставайтесь.

— Рейнхард, взгляните. Что бы это могло значить? — Гитлер протянул записку. Дюнкерк это, кажется, во Франции? Там есть что-то особенное?

— Понятия не имею, мой фюрер. Да, это во Франции, но это совершенно заштатный городишка на побережье, не имеющий никакого стратегического значения, кроме близости к Англии. Вероятно имеется в виду Ла Манш. Сталин косвенно дает нам понять, что он не будет против нашего вторжения в Англию.

— Интересно. Особенно в связи со второй фразой. Дело в том, что Гесс уже некоторое время ведет по моему поручению переписку с какой-то прогерманской организацией в Шотландии, обещающей нам поддержку на островах. Но ни о каком полете туда пока и речи не было. Откуда Сталин мог это взять?

— Вероятно, советская разведка смогла нащупать информацию о каких-то планах британцев. Но в таком случае вся игра с нами в шотландское сопротивление подстава.

— А не мог ли Сталин получить какие-то обрывки информации у нас? И этим письмом пытается теперь разрушить наши возможные планы?

— Теоретически возможно. Но это нарушает всю логику. Первая фраза однозначно намекает на то, что советы совершенно не против нашего захвата островов. В таком случае, если шотландцы реально существуют, то это существенно облегчает нашу задачу. И зачем в таком случае Сталину препятствовать нашим контактам? Я, конечно, проведу проверку всех лиц, имеющих доступ к информации по переписке, но все же считаю, что русские получили весточку из Британии.

— Да, это логичней. Ну что же. Отнесемся к посланию русских осторожно, но с должным вниманием. Можете идти, Рейнхард.

\*\*\*\*\*

В Москве параллельно проходил свой разбор полетов на ту же тему.

— Следует незамедлительно инициировать решение Латвии и Эстонии о присоединении к СССР, — докладывал Молотов. — Также необходимо еще раз попытаться

договориться с финнами. Но здесь я смотрю на перспективы крайне скептически. Очевидно, проблему придется решать военным путем. Что касается Польши, то предлагаю не торопиться и дать немцам возможность в полной мере окунуться в военные действия. В таком случае наши последующие шаги по выдвиганию на согласованные рубежи будут в глазах всего мира смотреться не как агрессия, а как нормальная попытка обезопасить собственные границы от потенциального врага. А если мы еще грамотно поведем себя в отношении местного населения, то претензий к нам вообще не будет. Скорее мы сможем подобрать какие-то части польских войск и использовать их в дальнейшем.

— Хорошо, товарищ Молотов. Видимо, мы так и поступим. Но не существует ли опасность, если мы немного задержимся, что немцы быстрыми ударами опрокинут поляков и продвинулись значительно дальше, чем мы с ними договорились?

— Сейчас это крайне маловероятно, товарищ Сталин. Ведь именно Гитлер настоял на скорейшем подписании нашего договора. И все условия были приняты немецкой стороной без какого-либо серьезного давления с нашей. Не думаю, что они тут же решатся на его нарушение. Если бы они хотели подчинить себе Польшу в одиночку, то скорее они бы начали военные действия самостоятельно, а параллельно с этим приехали бы убеждать нас в том, что эта акция не направлена против нас. Они же поступили более корректно. Да и спокойствие на границах с нами им сейчас намного важнее, чем нам. Гитлер явно наметился на войну с Францией, и повторение ситуации Мировой с ее двумя фронтами было бы для него ночным кошмаром. Нет, товарищ Сталин. Сейчас нам пока нечего опасаться.

— Ну что же. Подождем развития событий. Но готовиться мы должны уже сейчас. Товарищ Ворошилов, считаю, что в самое ближайшее время Генеральный штаб должен провести штабные игры, моделирующие операцию в Финляндии. Аналитики считают наиболее удобным временем для ее проведения с учетом климатических факторов ноябрь-декабрь. На это время и будем ориентироваться. Вам хватит двух недель на подготовку игр?

— Так точно, товарищ Сталин, должно хватить.

— Хорошо, а мы с удовольствием поприсутствуем на этих играх. Вот товарищ Берия и свою группу подключит для участия. Пусть они параллельно подготовятся.

— Сделаем, товарищ Сталин, — откликнулся Берия.

— Товарищ Ворошилов, считаю необходимым незамедлительно силами 5-го Управления Наркомата Оборона провести доскональную разведку оборонительных линий финской армии на Карельском перешейке и проверить оборонительные порядки на границе с Карелией. Результаты представить устроителям штабных игр не позднее двух дней до даты их начала.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

— Тогда все свободны. Товарищ Берия, пригласите ко мне товарища Сидорова.

Я появился в приемной Поскребышева сразу же, как только Берия сообщил мне о вызове вождя. Поскребышев мельком взглянул, вздрогнул, не заметив, откуда я взялся и тут же пригласил к Сталину.

— Товарищ Алексей. Хотел бы попросить Вас о некотором содействии нашей разведке по уточнению финских сил на линии Маннергейма. Сможете воспользоваться своими способностями невидимки?

— Так точно, товарищ Сталин. Единственно, мне потребуется время, чтобы туда попасть. В Ленинград я могу сразу, а вот дальше придется как-то добираться.

— Это вопрос решаемый. Сколько времени Вам нужно на подготовку?

— Я практически готов, только надо заскочить к себе за шинелью, чтобы не выделяться.

— Ну так быстро не надо, а то мы сообщить в Ленинград не успеем. Давайте завтра в девять утра Вас будет ждать машина около Смольного. Контактные данные сопровождающего Вам заранее сообщат.

— Хорошо, товарищ Сталин. И еще. Я помню наш разговор касательно причин неудач СССР в финской операции. Постарайтесь своей информацией ликвидировать один из пробелов. А после возвращения передадите всю информацию в группу вашего УЗОРа которая занимается планированием.

— Так точно, товарищ Сталин.

— Желаю успеха.

\*\*\*\*\*

В последние дни августа трое солидных джентльмена расположились в уютных креслах одного из кабинетов клуба "Черный жеребец", одного из наиболее закрытых и аристократических заведений Лондона.

Премьер-министр Чемберлен, отбросив партийные и клановые разногласия, пригласил на неформальную беседу командующего "домашним флотом" Уинстона Черчилля и Первого лорда Адмиралтейства Дадли Паунда.

— Господа, я собрал вас по очень серьезному поводу. Мы стоим на пороге большой войны, избежать которой у Англии почти не осталось шансов. В этой связи я попросил бы Вас без соответствующего согласования с моим офисом не выносить информацию из этого кабинета. Именно поэтому мы сегодня встречаемся здесь, а не на Даунинг-стрит. Вы, видимо, уже слышали определенные слухи о прошедших не так давно в Лондоне англо-германских неофициальных переговорах. С немецкой стороны в них принимали участие советник Геринга по экономическим вопросам Гельмут Вольгат и посол Германии в Лондоне Герберт фон Дирксен. С нашей стороны их вели по моему поручению министр внешней торговли Роберт Хадсон и мой внешнеполитический советник Хорас Вилсон. Даже после оккупации Германией Чехословакии мы пытались сделать все, чтобы Гитлер сосредоточил свою военную и политическую активность на направлениях, согласованных с нами. Мы предложили немцам широкие всеобъемлющие широчайшие англо-германские договоренности", включавшие заключение англо-германского пакта о ненападении, пакта о невмешательстве и распределении сфер влияния, договора об ограничении вооружений, соглашений о включении Германии в эксплуатацию колоний и взаимном финансовом содействии. Мы даже были готовы оказать Гитлеру помощь в борьбе с коммунистами. Мы ясно дали понять, что заключение англо-германского пакта о ненападении освободило бы Англию от обязательств по отношению к Польше, развязывая ему руки. К нашему глубочайшему сожалению нам не удалось придти к соглашению. Гитлер, как молодой бычок считает, что способен самостоятельно решить любые проблемы и взять то, что захочет, где захочет и когда захочет. Более того, вчера мне сообщили, что в Москве подписанием аналогичного по сути пакта о ненападении завершились переговоры Риббентропа и Молотова. По моей информации в них принимал участие и Сталин, что говорит о серьезности и широте обсуждаемых вопросов. Наверняка стандартный коротенький пакт имеет секретные приложения, касающиеся раздела сфер влияния. В этой связи уже в самые ближайшие дни мы ждем начала военной операции немцев против Польши. А значит, Британия будет обязана вступить в войну. В этой связи мне хотелось бы услышать Ваше мнение о наиболее важных задачах, которые стоят перед нами. Прошу высказываться. Сэр

Дадли, давайте начнем с Вас.

— Господин премьер-министр, сэр, безусловно жаль, что Британия втягивается в войну раньше, чем мы рассчитывали. Было бы здорово, если бы Гитлер и Сталин вместо подписания договоров вцепились друг другу в глотки. Но в принципе мы давно прогнозировали возможность такого развития событий. Думаю, не стоит пороть горячку. Вы же помните, как в Мировую немцы, объявив России войну, тут же уселись в окопы и не выползали из них больше месяца, лишь имитируя активность. Так следует поступить и нам. Да, мы будем обязаны объявить Германии войну. Но объявление и начало военных действий не одно и то же. В любом случае наши аналитики считают, что немцы раздолбают поляков всего за пару-тройку недель. Этого времени нам объективно не хватит на то, чтобы не только вступить в войну, образуя западный фронт против Германии. Мы даже не успеем толком провести мобилизацию и занять плацдарм во Франции. Одна перевозка достаточного для любых операций объема военной техники займет больше месяца. Можно, конечно, применить против Германии авиацию, но и здесь не стоит слишком усердствовать. У немцев тоже есть самолеты, способные долететь до Лондона. А вопрос нашей активности с падением Польши отпадет сам собой. Наибольшие угрозы мне пока видятся в зонах наших колониальных интересов и контролируемых проливов. А потому надо немедленно объявить повышенную готовность на флотах по всему миру. Как только мы будем вынуждены объявить войну, нам следует начать охоту на все гражданские немецкие суда в океане, захватывать их и сопровождать на ближайшую подконтрольную территорию. Без торгового флота и внешних поставок ресурсов Германия долго не продержится, и тогда нам останется взять ее малой кровью. Это пока все, сэр.

— Спасибо, сэр Дадли. А что скажете Вы, сэр Уинстон?

— Для начала, сэр Невилл, я хочу сказать, что Вы и беззубая политика Вашего Кабинета получили именно то, на что так долго напрашивались. Можете обижаться, но это правда. Вы, последовательно гоняясь за химерой сохранения мира, когда уже любому здравомыслящему политику были видны военные перспективы, шаг за шагом, уступка за уступкой отдали Гитлеру все, что он хотел. Вспомните Годесберг и последующий Мюнхен. Уже тогда Вы должны были не соглашаться и бежать от проблем, поджав хвост, а проявить максимальную жесткость. Именно тогда, пока Гитлер был еще слаб, пока он не получил в свое распоряжение всех ресурсов Судетов, и надо было увязывать чешский вопрос с пактом о ненападении и прочих геополитических разделах мира. Тогда Вы могли говорить на равных или даже с позиции силы. Но Вы провалили переговоры тогда и, как закономерный итог, получили провал переговоров в Лондоне и войну.

Именно Мюнхен привел к тому, что какой-то заштатный немецкий чиновник вытер ноги о Ваших людей. Гитлер тонкий политик. К Сталину он посылает своего министра иностранных дел, тогда как в Лондон отправил какого-то советника какого-то Геринга. Это завуалированное оскорбление, указывающее место Британии в планах Рейха. Еще раз извините, сэр, но без этого вступления Вам могло показаться странным все, что я скажу после.

Если бы не столь плачевная психологическая ситуация, то я бы полностью поддержал мнение сэра Дадли. Нам действительно нужно время для подготовки к полномасштабной войне. И мы действительно заинтересованы в том, чтобы вся активность рейха была на востоке. Пусть мутузят друг друга с коммунистами до полного изнеможения. А мы по

разным каналам будем оказывать помощь и тем, и другим. Со Сталиным у нас относительно ровные нормальные отношения, да и платят они за все, что берут отлично и исправно. А в Гитлера уже вложено столько кредитов, что очень уважаемые люди считают, что Англия ни в коем случае не должна дать им потеряться.

И идея о задержании немецкого торгового флота в океанах прекрасна, мы обязательно этим воспользуемся. Но, к сожалению, все это совершенно недостаточно для того, чтобы Гитлер посмотрел на Англию хотя бы как на равного партнера, с которым договариваться надо обязательно.

Таким образом, при всей нашей неготовности к войне, при всем том, что нам очень не с руки влезать во все это прямо сейчас, нам придется это сделать. Каждая военная победа будет только усиливать Гитлера, давать ему такие неограниченные человеческие и материальные ресурсы, по сравнению с чем вся наша морская блокада покажется детскими шалостями. И если не сейчас, то через полгода-год мы получим еще более сильного противника. А представьте себе, что Германия и Советы о чем-то договорятся? Что тогда? А тогда нам останется уповать только на США, которые еще десять раз подумают. Зачем им все это надо. Их вполне устроит бегство обеспеченного населения и их капиталов через океан и помощь военными поставками в обмен на оставшееся золото.

Все это я говорю к тому, что уже в первые дни после объявления Германии войны, мы должны будем начать массированные бомбардировки Германии, мы должны будем проводить активные операции на Балтике, мы должны будем готовить массовую сухопутную операцию. И первое, что Вы должны начать делать уже сейчас, это взять за нежное место лягушатников, чтобы им даже в голову не пришло спрыгнуть с нашего поезда. Они обязаны объявить войну синхронно с нами и провести в сжатые сроки полную мобилизацию. Они должны выдвинуть войска к восточным границам, для того, чтобы у нас во время переправы войск на континент не возникло ни малейших проблем. Мы обязаны нанести Гитлеру такой сокрушительный удар, чтобы он тут же захотел вернуться за стол переговоров. И для этого у нас будет всего одна попытка. Это должен быть именно первый удар. Вот тогда, когда он захочет поговорить, уже мы будем иметь полное преимущество и будем диктовать ему условия, куда и когда нападать.

— Благодарю Вас, сэр Уинстон. Вы как и в парламенте довольно безжалостны в своих оценках, но во многом справедливы. Мы обязательно учтем Ваше мнение. Но Вы совершенно не хотите учитывать тот факт, что абсолютно все колониальные администрации упорно отказывались от участия в войне. Неужели Вы думаете, что мы легко справимся с Германией одними островами, без помощи колоний? Защитить себя мы в состоянии, но вот победить, вряд ли. Вы справедливы в главном. Гитлер поймет только сокрушительный удар, мирные намерения он воспринимает как слабость. Что же, покажем ему нашу силу. Господа, мы рассчитываем на флот в полной мере. Как только ситуация выйдет из подполья, мы тут же начнем официальное планирование операций. А пока подумайте над ними в своей голове, не делаясь даже с ближайшим окружением. Меньше всего нам сейчас нужны паника и слухи. Правительственное сообщение об объявлении войны Германии должно быть первым, сразу настраивающим нацию на должный лад.

\*\*\*\*\*

— Сэр. Война начнется в ближайшие дни.

— Благодарю, сэр. Сможете выделить мне пару крейсеров сопровождения для прохода каравана в Канаду?

— Будет сложно, сэр. Наверняка потребуется распоряжение премьера или военного министра. А оно возможно только в том случае, если груз будет чрезвычайной важности.

— Самой чрезвычайной, сэр. Речь пойдет о золоте.

## **Глава 57. Штабные маневры.**

Штабные игры в Генштабе, призванные утвердить окончательный план финской компании, начались 12-го сентября. На них присутствовали почти все советские военачальники, за исключением Тимошенко и тех, кому под его началом было поручено организовать быстрый и беспроблемный захват территории Восточной Белоруссии и Украины, отошедших в зону контроля СССР по соглашению с немцами. Скорость, с которой развивалось немецкое наступление в Польше вызывало определенные опасения.

Договор договором, но если немцы, преследуя отступающих польские войска, займут "наши" территории, то потом выгнать их оттуда окажется сложнее, чем смириться. А потому советские войска на западных границах в экстренном порядке готовились к походу для контроля отходящих к СССР по договору территорий, рассчитывая успеть до того момента, когда немецкие войска вплотную приблизятся к нашим границам.

Сталин лично прибыл в Генштаб, чтобы наблюдать за ходом Игр, во главе внушительной делегации. Помимо меня, его сопровождал Берия и группа военных аналитиков из УЗОРа в полном составе. Генштабисты недобро косились на УЗОРовцев несмотря на то, что некоторые были знакомы друг с другом, подозревая, что именно им и предстоит быть экспертами, оценивающим качество штабных расчетов.

Я только пару дней назад вернулся с Карельского перешейка, пешком пройдя большую часть более, чем 130-ти километровой линии Маннергейма. Причем пройти мне пришлось намного больше данного расстояния. Глубина оборонительных инженерных сооружений местами доходила до двух и более километров. В результате мой маршрут представлял собой сложный зигзаг. Если бы мне пришлось пройти все это расстояние пешком, то я вряд ли успел за то время, которым меня ограничили. Да и многие объекты требовали достаточно внимательного рассмотрения. Не будучи спецом в инженерии вообще и в военной в частности мне было сложно на глазок определить степень готовности того или иного объекта. Я лишь мог дать его подробное внешнее описание для последующего разбора специалистами. А это требовало регулярных остановок и подробных записей увиденного. Но я всю пользовался своими способностями мгновенного перемещения в пределах видимости. Мне не приходилось форсировать множества ручьев и речек в изобилии рассекавших перешеек. Хотя и походить ножками пришлось немало.

Слава Богу, что мои способности не превратили это путешествие в бесконечный индивидуальный поход. Ночевал, да и питался я в нормальных условиях на своей базе. Как только на Карелию опускались глубокие сумерки, я тщательно запоминал место, куда добрался за день и отправлялся на базу ужинать и отдыхать. С утра, сразу после завтрака, прихватив с собой пару бутербродов и флягу с водой, я отправлялся туда, где остановился накануне. Закончив маршрут и составив подробный план всей линии финской обороны, я понял, насколько трудной, практически невыполнимой была эта задача для обычной фронтовой разведки. А потому лучше стал понимать причины, приведшие на первом этапе к столь трагическим последствиям в моей истории. Сложный рельеф местности, множество серьезных хотя бы на вид дотов и целых полей бетонных надолбов и пространства,

перегороженные нитками колючей проволоки, все это не давало возможности произвести полноценную качественную разведку местности стандартными средствами.

В том, что это и на этот раз все оказалось именно так, что данные о разведке лишь попытка пустить пыль в глаза, я убедился довольно быстро.

Перед началом Игр было оговорено, что из всех новых видов вооружения допускается использование средних танков Т-34 и самоходных установок СУ-85.

Командующий войсками "красных" Жуков бодро начал операцию сразу по трем направлениям.

Армия в составе 9 стрелковых дивизий, 1 танкового корпуса, 3-х танковых бригад, а также 16 отдельных артполков и 644 боевых самолета (примечание: реальный состав советских войск) решительно бросилась в атаку на линию Маннергейма, лишь проведя формальную артподготовку. Атака проводилась практически по всей линии фронта с целью опытным путем определить слабые зоны обороны противника и именно в этом направлении использовать приготовленные резервы.

Параллельно еще одна армия в Заполярье в составе двух стрелковых дивизий при поддержке Северного флота атаковала в направлении полуостровов Рыбачий и Средний, отрезая Финляндию от Баренцева моря.

Третье соединение в составе трех стрелковых дивизий в районе Северной и Средней Карелии атаковала в направлении на Кемиярве.

За финнов им всячески пытался сопротивляться сам Нарком Ворошилов, имея по данным военной разведки в распоряжении 15 пехотных дивизий и 7 специальных бригад. На море финскую армию поддерживал флот из 29 боевых кораблей.

После недели "боев" советские войска вышли на основную линию Маннергейма, где вынуждены были притормозить развитие наступление в поисках зоны прорыва. Еще через три дня такая зона была нащупана в направлении Лейпясуо. Оставив на прочих участках фронта войска, достаточные для сдерживания возможных контратак противника Жуков сконцентрировал на выбранном участке войска армию прорыва и после масштабной артподготовки бросил их на штурм финских укреплений.

Параллельно в Заполярье армия захватила два полуострова и прибрежные финские города, отрезав Финляндию от Баренцева моря. А вот наступление в Северной и Средней Карелии провалилось. Лесной рельеф не позволил войскам быстро прорваться сквозь густые леса. Причем именно сам сложный рельеф густой лес стали на этом участке основным противником советских войск. Каких-либо крупных соединений противника в том районе разведкой обнаружено не было.

Ворошилов "защищал" линию Маннергейма отчаянно и даже попробовал атаковать атаковую группу советских войск во фланг, но не преуспел. Войска Жукова прорвали оборону противника восточнее Выборга в направлении на Хеинйоки и далее на Юустила и вышли на оперативный простор. Перед советскими войсками открылась вся перспектива слабозащищенных внутренних районов Финляндии. Часть войск Жуков оставил в районе перешейка. Они должны были завершить окружение финской группировки в районе Выборга и к востоку от зоны прорыва и сдерживать любые попытки финнов вырваться из котлов. Наступательные действия на перешейке фактически прекратились и перешли в позиционные маневры. Другая часть войск ускоренным маршем двинулась на Хельсинки с целью



принудить Финляндию к капитуляции.

Через месяц после начала операции Финляндия "капитулировала".

Даже учитывая факт собственного "поражения" Ворошилов выглядел крайне довольным результатами проведенных Игр.

А вот Сталин смотрел на разыгранный спектакль с усмешкой. После бодрого доклада Наркома об успешном выполнении боевой задачи, он ехидно заметил, — что-то Вы, уважаемый "финский военачальник" прямо-таки светитесь от счастья. Не слишком ли Вы легко уступили свои позиции?

— Никак нет, товарищ Сталин, — Ворошилов все еще не уловил ехидства в словах вождя, — бился как лев, но против такой силищи ничего сделать не смог.

Справедливости ради стоит сказать, что с формальной точки зрения Нарком имел право на такое восприятие обстановки. В ходе штабной Игры советские войска имели почти трехкратный перевес в живой силе, в три с половиной раза по артиллерии, в четыре раза по авиации и абсолютное превосходство по танкам. С позиций военной теории того времени столь масштабное преимущество было более чем достаточно для проведения молниеносной операции. Но Сталин, имея в отличие от Ворошилова более актуальные данные об обстановке в зоне операции, совершенно не разделял такого оптимизма.

— А почему Вы так плохо использовали возможности линии УРов? Или Вы всерьез надеетесь, что от попадания 72-х миллиметрового снаряда ДОТ рассыплется как карточный домик? А легкие танки массой чуть более двадцати тонн так уж влегкую раскидают бетонные противотанковые надолбы? И вообще, расскажите подробнее, какими оборонительными сооружениями Вы по данным нашей разведки располагали?

На этом этапе разговора Ворошилов уже начал понимать, что кажущаяся столь убедительной победа может оказаться не столь простой. Сталин явно имел какую-то информацию со стороны. Но отступать было некуда, а потому Нарком бодро доложил о состоянии оборонительных сооружений финнов на перешейке.

— Наша разведка в зоне оборонительных сооружений финнов, известных как линия Маннергейма, обнаружила несколько укрепленных районов, основной из которых прикрывает подступы к Выборгу. Эти УРы состоят из нескольких пулеметных и артиллерийских дотов, перекрывающих свободные проходы между озерами и речками. Вооружены в основном устаревшими орудиями 76-мм образца 1900 года и 37-мм противотанковыми пушками "Бофорс" образца 1936 года. Реже встречаются 76-мм горные пушки образца 1904 года. Но большая часть ДОТов оборудована лишь пулеметами. Помимо этого во множестве встречаются противотанковые и противопехотные заграждения в виде надолбов, рогаток и многослойных линий колючей проволоки. Точное количество укреплений, к сожалению, товарищ Сталин, неизвестно. Слишком велика глубина обороны и, что самое неприятное, основная линия обороны расположена на значительном удалении от границы, что существенно затрудняет оперативную разведку. Более десяти разведгрупп так и не вернулись с задания.

— Плохо, товарищ Ворошилов, что не вернулись. Значит, не имели достаточной подготовки для успешного выполнения задания. И еще хуже, что эти жертвы были напрасны, и Вы так и не получили всей полноты картины.

— А скажите, пожалуйста, товарищ Жуков, почему Вами было в качестве основных танков были использованы машины Т-28 и модели серии БТ, а не разрешенные к

использованию Т-34?

— Товарищ Сталин! Т-34, безусловно, прекрасные современные машины, значительно превосходящие по мощи более легкие танки. Но сложный рельеф местности и множественные возможности фланговых атак малых пехотных отрядов в противотанковыми ружьями сводят эти преимущества на нет. Скорость оказывается намного более важным фактором. Кроме того, операция запланирована на зимний период. Форсирование многочисленных ручек и озер Карельского перешейка более тяжелыми машинами типа Т-34 и СУ-85 без серьезных инженерно-саперных мероприятий крайне проблематично. А проведение таких работ под огнем сложно подавляемых ДОТов противника создает множественные угрозы и существенно тормозит темп наступления.

— Ваша позиция понятна, товарищ Жуков. А теперь давайте проиграем тот же сценарий операции, только на основе реальных данных о составе и вооружении оборонительных сооружений финнов. На этот раз за "синих" поработают люди из группы товарища Берии.

Стоит ли говорить, что на этот раз все пошло совсем по-другому? Ситуация стала разворачиваться довольно приблизительно к тому, что в реальности случилось в моей истории. Отклонения, конечно, были, но появление на карте плановых прорывов "новых" неучтенных ранее дотов, особенно модернизированных, резко изменило всю ситуацию. Данные по характеристикам ДОТов показывали, что они совершенно не торопятся рассыпаться под огнем легких советских танков и даже под артобстрелом орудий калибром менее ста миллиметров. А подходы подрывников пехотинцев к ДОТам с целью их минирования практически исключаются мощностью противопехотных заграждений и плотность пулеметного огня противника. На двух других направлениях сценарий практически повторился.

В результате советские войска за первые два месяца с успехом отрезали Финляндию от моря в Заполярье, увязли в лесах Северной Карелии и практически топтались на месте линии Маннергейма, теряя людей и технику. А Сталин добавил военным головной боли, заявив, что за это время на месте Президента Финляндии договорился о помощи с множеством других государств, оказавших ему мощную военную помощь по линии поставок вооружения и добровольцев, и только укрепил свою оборону.

Результат был шоковым для всего Генштаба. Лишь Берия сдержанно поблескивал пенсне и старался не показать своего удовлетворения. Ворошилов стоял красным как рак и не мог заставить себя произнести хоть что-то. За него это сделал Сталин.

— Ну что, товарищи, думаю, все ясно. Операция с блеском провалилась. Мы потеряли за первые два месяца более двухсот тысяч пехоты и около трехсот танков. Сил на продолжение активных наступательных действий у нас нет. А теперь задумайтесь о том, какой эффект наши столь "успешные" боевые действия произведут на наших потенциальных союзников и тем более на наших потенциальных противников?

— Товарищ Сталин, а откуда у вас такие данные об обороне финнов? Не может быть так, что они завышены, причем, в разы, — наконец решился задать вопрос Ворошилов, который крутился на языке у всех генералов Генштаба.

— Не может, отрезал Сталин. Данные абсолютно точны. А вот у Вашего генштаба,

товарищ Ворошилов такие данные должны были быть давно. ДОТы, тем более крупные, не строятся за один день. И причина провала во многом связана с тем, что только две недели назад, получив такое задание от Политбюро, Вы активно занялись плотной разведкой. Ну а теперь товарищи, попробуем поменяться местами. Товарищ Жуков, Вас мы попросим повоевать теперь за финнов, а группу УЗОРа провести операцию от имени советских войск. Для начала определим их состав. Товарищ Корнеев, прошу Вас.

— Есть, товарищ Сталин, — молодой полковник из аналитической группы УЗОРа вышел к рельефной карте, изображавшей Карельский перешеек.

— Для начала я бы хотел сказать несколько слов о том, что мы изначально находились в несколько иных по сравнению с товарищами из Генштаба условиях. Во-первых, задача проработать возможное развитие конфликта с Финляндией была поставлена нам несколько месяцев назад, и у нас была возможность рассмотреть все множество вариантов. Во-вторых, как уже сказал товарищ Сталин, мы обладали до сегодняшнего дня всей полнотой картины о состоянии и вооружении противника. И хотя эти данные мы получили совсем недавно, они хорошо легли на один из проработанных нами вариантов. А потому несколько иной результат штабных Игр с нашим участием вполне закономерен и не говорит о низкой квалификации офицеров Генштаба и не должен никого удивлять. Не думаю, что находясь на вашем месте и в ваших условиях мы смогли бы действовать принципиально иначе.

— Товарищ Корнеев, мы сами разберемся с квалификацией офицеров Генштаба и о причинах их поражения. Это хорошо, что Вы не противопоставляете свою группу и Генштаб, но переходите к сути вопроса.

— Слушаюсь, товарищ Сталин. Анализ оборонительных сооружений противника позволяет нам утверждать, что порядок прорыва линии Маннергейма должен быть следующим.

В части прорыва обороны границы никаких особых изменений не потребуется. В этой части план, продемонстрированный нам товарищем Жуковым, вполне подходящий и реализуем в полной мере. Прорыв противопехотных заграждений осуществляется танками Т-34. Они же расстреливают противотанковые заграждения и образуют в них проходы. Броня этих танков делает их практически неуязвимыми для пулеметов и легкой артиллерии противника, расположенной в предполье линии Маннергейма.

На рубеже оборонительного пояса укрепрайона порядок действий меняется. Сначала огнем крупной артиллерии прямой наводкой идет подавление ДОТов противника. Для этих целей мы предлагаем использование тяжелых гаубиц калибра 305 мм. Мы располагаем орудиями такого типа в данной момент на территории Белоруссии. Для их переброски на Карельский перешеек у нас вполне достаточно времени. Затем в прорыв идут танки и самоходные установки, за ними пехота на легко бронированных грузовиках. Тревожащий огонь, в основном артиллерийский организуется почти по всей полосе перешейка, но основное наступление готовится на участке Валкъярви в направлении на Вуоксела. По нашим разведанным на этом направлении имеются три укрепленных узла противника, но все они устаревшего типа и не смогут противостоять высокой плотности артиллерийского огня крупным калибром. Время, требуемое на прорыв обороны, оценивается в срок от одной до двух недель и должно происходить на участке шириной от десяти до двадцати

километров. Больше для решения наших задач не требуется. На широте Вуоксела войска прорыва разворачиваются на запад и, обходя укрепления линии Маннергейма с севера устремляются в сторону Хельсинки, обходя Выборг севернее.

Войска второго эшелона, пройдя канал прорыва разворачиваются западнее и восточнее от него лицом на юг, блокируя финские войска в зоне линии основной обороны.

Несмотря на то, что вся операция может продлиться в пределах двух месяцев до капитуляции противника, одно из других направлений, предложенных товарищем Жуковым совершенно оправдано. Отсечение финнов от моря в Заполярье блокирует наиболее легкий путь доставки им помощи извне. А вот эффективное наступление в Северной Карелии неэффективно. По крайней мере, мы не смогли найти приемлемых способов прорывов в этом районе сквозь лесной массив в разумные сроки с выходом на трассу на Хельсинки. Даже в районе Куусамо, где это расстояние минимально ожидаемый срок прорыва составляет от двух до трех месяцев при противодействии противника относительно низкого уровня. Но такая возможность обнаружилась севернее. Действуя от границы с мурманского направления по отрогам хребтов в направлении южного побережья озерной системы Вазиккаселькё, мы можем в течение недели, максимум, десяти дней выйти к населенному пункту Ивало. Рельеф там умеренно холмистый с твердым каменистым основанием, позволяющим бронетехнике передвигаться с достаточно высокой скоростью. Из Ивало открываются прекрасные возможности по трассе, с марша преодолевая возможное слабое сопротивление противника прорваться в течение нескольких дней к городу Соданкюля. В этом пункте ударная группировка должна разделиться. Одна часть в составе двух дивизий направится на Равиниemi и далее на Кеми. Оттуда вдоль побережья, идя по трассе, эта группа будет должна захватить и удерживать пункт Вааса, через который вероятно оказание помощи из-за рубежа. Вторая группа войск из Соданкюля направляется по другой трассе восточнее в направлении Кемиярве, впоследствии двигаясь по маршруту, который предполагался и генералом Жуковым с аналогичными задачами.

Параллельно силами Балтийского флота одновременно с началом прорыва линии Маннергейма осуществляем масштабный десант в район населенного пункта Котка. Его цель захват и удержание трассы Хельсинки — Выборг с целью недопущения подхода подкреплений на перешеек в результате тотальной мобилизации. Срок проведения операции — неделя. В последствии десант пропускает ударную группировку советских войск, обошедшую Выборг севернее идвигающуюся по трассе в направлении финской столицы, оставаясь выполнять функции арьергарда, не допуская удара в спину если отдельным частям противника с перешейка удастся прорваться из окружения.

Когда полковник закончил, наступила тишина. На лице офицеров и генералов Генштаба и в первую очередь Жукова читалось явное желание найти в этом плане явные ошибки и промахи, но не получалось.

— Ну если 305-м калибром, тогда конечно, — раздался наконец голос кого-то из генштабовцев.

— А вам кто-то мешал об этом подумать? — раздался весело-ироничный голос Сталина. В общем, предлагаю взять план группы УЗОРа за основу и дальше дорабатывать его совместно.

— Так точно, товарищ Сталин! Есть, принять за основу и совместно доработать, прорезался голос Ворошилова.

— План должен быть готов к утверждению не позднее, чем через месяц. И внимательно просчитайте все потребности в войсках. Но людей гнать на убой не дам. Все, товарищи. Работайте. Лаврентий Павлович, оставьте Ваших молодцов Клименту Ефремовичу и пойдемте. Товарищ Алексей, Вам тут тоже больше нечего делать, идемте.

Называя Берию и Ворошилова по именам, Сталин, завершая Игры, показал, что организационных выводов не будет и требуется только слаженная работа. Офицеры это поняли и потихоньку начали расслабляться.

### **Глава 58. Дан приказ ему на Запад.**

— Проходите, товарищ Алексей, присаживайтесь. Я сижу перечитываю Вашу докладную записку касательно присоединения Западных областей Белоруссии, Украины и Прибалтики, которую Вы готовили еще в 35-м по ситуации в Вашей истории. И захотелось еще раз обсудить некоторые моменты. Вы уже в курсе, что мы сегодня пересекли польскую границу.

— Да, товарищ Сталин. Слышал утром по радио.

— Все же удивительно, насколько точно при желании можно повторить некоторые события.

— Это потому, что в принципе у любого события есть некая внутренняя логика, из которой она произрастает. И если внешние условия, создающие вероятность события остаются теми же, а Воля не насилует ситуацию, то почему бы ей не повториться. Могли бы мы, например, начать польский поход одновременно с немцами? Технически и тем более, будучи осведомленными о будущем и готовыми организационно, безусловно. Но смысла в такой спешке не было никакой. Но если бы мы сделали это также первого или, допустим, пятого сентября, то мы бы поймали целую кучу совершенно не нужных нам проблем.

— Да, интересно, и каких же? Продолжайте, товарищ Алексей.

— Во-первых, в глазах всего мира мы бы смотрелись такими же оккупантами, как и Гитлер. И войны, которую Германии объявили Англия и Франция вполне могли бы распространиться и на нас. Да и США десять раз задумались бы о сохранении своего нейтралитета. А так у нас есть совершенно четкое обоснование собственных действий. Немцы стремительно наступают на восток, продвигаясь в день по 25–30 километров. Исходя из этого, продолжая стоять на месте, примерно через две недели мы получили бы их армию уже у своих границ. Так что нам очень легко объяснить мировой общественности свои продвижения стремлением обезопасить собственные границы, создавая предполье. К тому же не грех и напомнить. Что это исконные наши территории, отобранные Польшей в 19-м — 21-м годах с поощрения, кстати сказать, Антанты. Совесть у них, разумеется, не проснется, но формальных поводов протестовать также не будет. Но это, так сказать, информационно-идеологические мотивы. Есть и более серьезные. Фактически мы уже вынудили немцев взвалить на себя разгром польской армии в одиночку. Тем самым, не сделав ни единого выстрела, мы уже одержали тактическую победу, ослабив во взаимных боях обоим противников.

— Да уж, немцы меня уже дней десять домогались, все интересовались, когда мы начнем. А Молотов им все отвечал, что мы обязательно, но пока не готовы, уж больно

быстро они сами начали. Вы бы видели, с какой радостью от меня сегодня ночью выпорхнул Шуленбург, когда узнал. Чуть ли не на крыльях помчался в посольство докладывать радостную весть. Кстати, а Вы действительно считаете Польшу противником? — Сталин ехидно ухмылялся. Я прекрасно понимал игру, в которую он со мною играл. На двести процентов я был уверен, что все, что я ему говорю, он прекрасно осознает и без меня, даже скорее рассмотрел ситуацию намного глубже, но раз ему, видимо, хочется с моей помощью еще раз проверить свою логику, то почему бы и нет?

— Безусловно, товарищ Сталин. Польша с 36-го года активно вела переговоры с Германией в попытках склонить ее к совместной войне против СССР. Поляки нас ненавидят на генетическом уровне. Ведь именно Россия исторически всегда вставала на пути создания Польского полноценного государства. И хотя первопричина здесь не в нас, а в них самих, но кто из нас любит искать причину в себе? Но, если позволите, я вернусь к первому вопросу. Есть еще один фактор, который очень серьезно помогает нам в решении наших задач. Достигнутые соглашения с немцами по пакту Молотов-Риббентроп подразумевают разграничение зон влияния. Фактически граница должна проходить по Висле, делая Варшаву пограничным городом. Но в таком случае мы автоматически вынуждены ввязываться в войну против Польши на стороне Германии, либо довольно жестко напрягать с ней отношения. И это очень большая проблема, мы резко получаем враждебное отношение к себе со стороны простого польского населения. А оно и так к нам неровно дышит. В том варианте, который получился у нас, тоже есть свои минусы. Например, Белостокский выступ стал очень уязвимым местом при одновременных ударах немцев с севера и с юга. Но в то же время договоренности о создании взаимной частично демилитаризованной зоны, чего у нас не было, и получение в свою зону ответственности Литвы делают общую картину гораздо привлекательнее. Теперь наша задержка вынудила немцев в погоне за отступающими поляками пройти дальше на восток и занять эти территории, окружая Варшаву. Скорее всего, они предложат отойти, но надо, как это было в нашей истории, договориться с ними на обмен на Литву. Там они не наступали, да и наступать им там гораздо сложнее. Так что, думаю, согласятся. Тем более, что они не могут не видеть уязвимость Белостока. Вот пусть вокруг него свои планы и строят. А нам, зная об этом, будет легче продумывать контригру.

Все это примерно до деталей повторяется с тем, как это было у нас. Думаю, что Вы знаете все приведенные мною аргументы и уверен, что не только их. Не вижу причин, чтобы Вы в моем варианте думали иначе.

— В целом все правильно, — Сталин встал и принялся медленно мерить шагами кабинет, — нет-нет, Вы сидите, товарищ Алексей, мне просто так лучше думается. Ладно, с военными вопросами более или менее понятно. Будет все примерно так, как и Вы описали, и мы запланировали. Небольшие отклонения не в счет. А вот о том, что делать дальше, надо думать серьезно. Очень вы непростую картину расписали в своем докладе. Меня крайне беспокоит уровень противодействия нашим силам и советской власти на присоединенных территориях. Что в западных районах Украины и Белоруссии, что в Прибалтике. Вот эти моменты Вашей истории уж точно не хочется повторять. Как Вы думаете, можем ли мы что-либо заранее продумать в этом вопросе?

— Вопросы непростые, товарищ Сталин. Я бы не стал складывать и все в одну корзину, хотя многие моменты следует решать одинаковыми средствами. Во-первых, давайте пойдем, что с большой вероятностью эти территории будут нашими всего на протяжении чуть более полутора лет. Затем, если мы не сможем избежать войны против немцев, а вероятность этого

крайне низка, то мы их на какое-то время потеряем. В этой связи торопиться с немедленным административным присоединением "новых" территорий к нашим особого смысла нет. Особенно после того, как мы уничтожили собственное деление на национальные республики. Тем более, что совсем без выражений протестов националистически настроенной категории граждан мы не обойдемся.

Скорее нам следует создать некие буферные зоны, на которых мы будем только обеспечивать правопорядок силами НКВД, не особенно вмешиваясь в организацию местной жизни. Даже с конфискацией частной собственности я бы повременил. Национализировать следует лишь банки. Пропаганду советского образа жизни мы вести должны и будем. Но она должна быть мягкой, основанной на демонстрации наших достижений и качества жизни. В таком случае мы можем существенно снизить накал недовольство нашим присутствием. Скорее нам даже удастся расположить к себе местное население.

Во-первых, нашим пограничным и военным частям, а также частям НКВД расположенным на этих землях, надо будет закупать множество продуктов, что сразу переведет их для местного крестьянства в разряд уважаемых платежеспособных клиентов. Кстати, нам это практически ничего не будет стоить. Мы будем расплачиваться польскими деньгами, изъятыми из банков в отошедших нам городах. А для населения так привычней и не создаст ненужных проблем. Во-вторых, думаю, такой порядок жизни окажется существенно лучше для населения, нежели тот, что будет установлен на территориях, занятых немцами. Какие-то трансграничные передвижения людей все равно будут, и мы их полностью не перекроем. А значит, пойдут слухи, разговоры, сравнения. Все это способно лишить националистов какой-либо серьезной базы для массовой поддержки. А нам существенно облегчит жизнь в последующем, когда на этих территориях будет развернута партизанско-диверсионная работа. Это что касается Польских земель. Примерно так же следует поступить и в Прибалтике. Правильным будет, если они, как и в моем варианте, попросятся в состав СССР, вот только принимать их надо пока без разрушения республиканских границ и в качестве претендентов. В таком случае мы получаем для послевоенного устройства полностью законные права на любые преобразования, но до войны не создаем ненужных конфликтов, делающих существенную часть населения врагами советской власти и пособниками фашистов. Ведь общая логика государственной политики прибалтийских республик на протяжении веков всегда остается одной и той же. Это продажа собственного вассалитета за хорошее кормление и развитие. Вот мы и дадим им перспективу, сделав кандидатами, одновременно оставляя им на время частичную самостоятельность.

— А не сделает ли в таком случае их способными переметнуться к Гитлеру на государственной основе?

— Нет, этого права мы их лишим во время подписания договора о присоединении. По нему СССР примет на себя все вопросы обороны, банковского обслуживания, обеспечения правопорядка и внешней политики и торговли, оставляя им решение внутренних, в том числе экономических вопросов.

— Вы второй раз делаете упор на немедленную национализацию банков при всем том, что все прочие вопросы собственности оставляете на потом. Это так важно?

— Да, это очень важно. И именно сразу. Банки слишком тихая и в то же время влиятельная область экономики, чтобы мы могли полноценно контролировать территории без них. Например, Вам потребуется получить кредит или пролонгировать уже взятый ранее,

чтобы избежать конфискации собственности. Ну какой из Вас в таком случае подпольщик-диверсант, борющийся за независимость? Или какое подпольное движение может обойтись без финансирования. А мешки с наличными при нашей же милиции особо тоже не потаскаешь.

— Да, возможно, Вы правы, товарищ Алексей. Это может иметь смысл.

— Есть еще один момент, товарищ Сталин. Со всех новых территорий я бы обязательно вывез бы на Урал или в Сибирь всех ученых, врачей, инженеров и учителей, знающих русский язык. Оставив до начала войны тех, кто непосредственно занят работой на местах. Их надо будет вывозить перед самой войной. Бойцы из них, как правило, все равно никакие, а вот терять ценных специалистов нам будет совсем не с руки.

— Да, это важный момент, товарищ Алексей. Тем более, что мы перед самым вторжением Германии в Польшу через нашего ребе кинули восточку польским евреям и теперь ожидаем на наших территориях несколько сотен тысяч беженцев из западных областей Польши и Варшавы. А среди них наверняка найдется немало тех, кого Вы назвали. Дальше будем думать, отправлять ли их в Крым и на Сахалин вместе с женщинами и детьми, или давать возможность поселения под контролем в других районах.

— Тогда надо отправлять в Крым еще и всех деятелей культуры. Из музыкантов или писателей плохие вояки, а по своей основной специальности могут оказаться полезней. Особенно если их как пропагандистов использовать. Да и насчет мастеровых я бы серьезно задумался. Хороший плотник или сапожник все же ценнее необученного бойца.

— Так Вы мне всех евреев распределите, товарищ Алексей, — рассмеялся Сталин.

— Нет, что Вы, Вы удивитесь, какой высокий процент среди беженцев окажется бывшими чиновниками, клерками, банкирами и торговцами. Вот их всех точно надо ставить в ружье. Чем больше их погибнет в процентном отношении в борьбе за освобождение Польши от Гитлера, тем лучше станет итоговая структура еврейского народа. Только в пехоте их использовать бессмысленно. Полягут все в первых боях безо всякого толка. Ими надо разбавлять диверсионно-патризанские отряды. Разумеется, предварительно все же немного подготовив.

— А не окажется среди них слишком высокий процент предателей?

— Так брать только тех, у кого семьи будут в залоге. В отношении семьи евреи довольно-таки сентиментальный народ.

— А бессемейных куда прикажете?

— А вот их уже можно и в пехоту. Заодно с поляками.

— Кстати о поляках. Я не думаю, что они окажут нашим войскам какое-либо серьезное сопротивление при занятии нами территорий. Но вот дальше начнутся сложности. По хорошему их обязательно надо разоружить. Но, боюсь, в отношении многих это придется делать силой. И все бы ничего, справимся, но это автоматически создаст по отношению к нам как раз совершенно ненужный враждебный настрой. С другой стороны, вряд ли те же немцы будут спокойно смотреть на вооруженные польские части в нашей зоне. А с ними также не хочется раньше времени портить отношения. И что делать?

— Выход есть, но он компромиссный. Остается надеяться, что поляки его поймут и примут. Их надо переодеть в советскую форму с добавлением какого-либо мелкого и понятного нам знака. И пусть контролируют общественный порядок. Так и им оружие останется, и населению будет спокойней. А с началом войны получим десятки тысяч обстрелянных бойцов, жаждущих поквитаться с немцами. Ну а те, кто не согласится, пусть



уходят в Румынию. Только надо им объяснить, чем это для них закончится.

Да, и поляки не самое страшное. С ними договориться хоть и сложно, но можно, а вот в Галиции придется работать жестко. Особенно со всякими ОУНовцами. Гитлер их прямо в эти дни организационно укреплять начнет, пытаясь создать пронацистскую Украину. Всех их активистов надо с первого дня отлавливать и уничтожать. Иначе потом получим море проблем. Их в моей истории еще кучу времени после окончания войны из лесов выкорчевывали. Столько народу полегло, что проще было с СС воевать. ОУН надо сразу же объявлять вне закона и уничтожать на месте. Всеми силами, включая Осназ, части НКВД и контрразведку.

— Да этот момент из Вашего доклада я помню. А насчет переодевания поляков интересный вариант. Надо его с Меркуловым обсудить. Хорошо, товарищ Алексей, спасибо. В целом наши мнения совпадают. И даже кое-какие моменты не приходили мне в голову. Вот что значит иной тип мышления. Чем Вы мне постоянно и интересны. С Вами приятно работать.

— Всего доброго, товарищ Сталин.\*\*\*\*\*

Занятие областей Западной Белоруссии и Украины в целом прошло по графику. Те же сроки, те же проблемы. Даже те же полуслучайные стычки с немцами и последующие переговоры. А вот с поляками инцидентов случилось на порядок меньше. Узнав о трех предлагаемых вариантах, разоружение, уход в Румынию с вероятным интернированием или переодевание в советскую форму с продолжением службы по обеспечению общественного порядка, большинство выбрало именно третий вариант. Особенно после намеков на то, что позже появится шанс поквитаться с Германией. Причем, с этого времени поляки стали нашим настоящим союзником в деле охоты на ОУН. И пусть они делали это по иным причинам в надежде, что когда-нибудь эти земли снова будут польскими, но главное делали. С офицерами, правда, было сложнее. Многие после бесед в НКВД исчезали, видимо, вели себя крайне агрессивно, и оставлять их войсках было слишком рискованно.

С Прибалтикой также первый этап подписания переговоров о взаимопомощи, включавших в себя размещение советских войск на территории прибалтийских государств. Эстония первой решила сначала поддаться и обратилась за помощью ко всем соседям. Но Латвия и Финляндия отказались оказать Эстонии поддержку, Англия и Франция (находившиеся в состоянии войны с Германией) не в состоянии были её оказать, а Третий рейх рекомендовал принять советское предложение. После этого не только Эстония, но и Латвия и Литва совершенно не ерепенились. С Литвой все получилось именно так, как мы и предполагали. Гитлер двумя руками ухватился за предложение обмена Литвы на земли к востоку от Вислы. В его планах войны против СССР расстояние до Москвы значило больше.

С приграничной демилитаризованной зоной поначалу возникали различные проблемы. То наша, то немецкая стороны выдвигала обвинения в нарушении соседом достигнутых договоренностей. Наконец, после длительных консультаций было принято соломоново решение организовать ежемесячные совместные контрольные поездки в приграничной полосе, а также разрешить еженедельно один контрольный пролет самолета-наблюдателя с заходом на сопредельную территорию на 50 километров. После этого череда конфликтов сошла на нет. Гитлер, стремящийся как можно быстрее устаканить обстановку на востоке для развязывания себе рук на западе, был в полном восторге и даже прислал Сталину благодарственную телеграмму.

Получив ее, Сталин громко выругался по-грузински.

В этот период наиболее идиотское положение складывалось на западе Европы. Англия, Франция и вслед за ними Канада, объявившие войну Германии, не делали на практике абсолютно ничего. И тем все больше загоняли себя в двусмысленное положение. Англичане еще хотя бы начали переброску десятка своих дивизий во Францию, демонстрируя некие намерения. Но на самом деле переправлявшиеся бездействовали и мирно уничтожали запасы французских вин к немалой радости их владельцев. Нежелание воевать ощущалось во всем. Складывалось впечатление, что англичане и французы всеми силами желают Гитлеру скорейшей победы над Польшей и взятия Варшавы. Видимо, чтобы больше не было так стыдно за свою беспомощность и предательство.

Измененная политика СССР на занятых территориях действительно принесла свои плоды. После неизбежных начальных волнений ситуация очень быстро успокоилась и население довольно мирно взаимодействовало с советскими войсками. Органы местной власти остались на своих местах. Но в каждом из них был представитель СССР для обеспечения эффективной связи с советским руководством для решения различных вопросов.

Количество еврейских беженцев оказалось даже больше, чем мы предполагали. Решение о направлении в армию мужчин призывного возраста за исключением отобранных специалистов было встречено ими без какого-либо восторга, но в целом с пониманием, что это плата за предоставление безопасности их семьям. Всеми распределениями на поселение в Крым или на Сахалин занимались люди ребе Шнеерсона, ставшего после этого "исторического спасения" еврейского народа окончательно признанным мировым лидером еврейства.

Я глядел на происходящее со странным чувством раздвоения. С одной стороны, за прошедшие годы удалось сделать очень многое. Да что там многое, страна кардинально изменилась.

Сегодняшний СССР существенно отличался от такового в моей истории. Удалось избежать множество страшных ошибок, создать на много более мощные и подготовленные вооруженные силы. Практически во всех родах войск имелись новинки, способные очень неприятно удивить любого врага, совершенно иной вид имела советская промышленность как по объемам производства, так и по месторасположению, исключавшему необходимость судорожной эвакуации под бомбежками в случае войны.

Были достигнуты серьезные договоренности на международной арене. С Ираном мы стали практически союзниками, в Индии имелись плотные контакты с Индийским национальным конгрессом, и велась активная подготовка к открытой борьбе за независимость страны. Потоки стрелкового и легкого артиллерийского вооружения караванами переправлялись по горным тропам через Гиндукуш и уходили повстанцам.

Неплохой уровень взаимоотношений, пусть и на коммерческой основе сложился с кланом Рокфеллеров в США. Мы часто переплачивали ему и давали некоторые преференции у себя, но вместе с тем уже сегодня было практически гарантировано как минимум нейтральное отношение США к СССР.

Еще большие изменения произошли в социальной сфере. Поначалу отмена национальных республик была воспринята настороженно большинством населения. Однако, выведение на первый план родовых связей во многом погасило недовольство, а затем люди начали на практике ощущать преимущества именно таковой системы. Уже возникло более ста национальных заповедников, отбор на работу и проживание в которых удалось сделать

поистине знаменательными событиями в жизни каждого малого народа. Торжественность этой процедуры, участие в ней представителей всех самых именитых родов позволило буквально каждому проникнуться исторической важностью момента. А параллельно с этим шла настоящая плавка всех малых народов в один большой. Специалисты в самых различных областях получали интересные и значимые предложения переехать в другие регионы. Иногда со значительным повышением. Из тех регионов люди ехали встречными потоками. То же самое происходило и в армии. Практически в каждом полку можно было найти представителей не менее, чем двадцати, а то и пятидесяти упраздненных национальностей. Занимался всей этой работой специальный комитет по национальностям, возглавлял который Микоян и за работой которого Сталин приглядывал лично. С Микояном вообще получилось очень интересно. После изучения переданных ему мной материалов по всем заметным фигурам СССР Сталин очень многих переместил по зонам ответственности. Объективно людей остро не хватало, а потому совсем убрали лишь полностью непригодных или откровенных предателей. Всем прочим Сталин пытался найти место, на котором его недостатки не могли играть существенной роли.

Не меньшее значение для развития самосознания имели и изменения в религиозной сфере. Пожалуй, впервые верующие люди могли быть счастливы без религиозных войн, раздиравших их Души на части своими склоками. Теперь каждый мог выбрать свой путь и он не находился в жестком противоречии с иными. Ни один из служителей веры теперь даже под давлением не позволил бы себе сказать воткрытую, что именно его путь к Богу единственно верный. Все православные. И враг не в выборе пути, а в отсутствии такового.

Да, изменения просто фантастические. Пять лет назад о большей части всего этого я просто не задумывался.

И, тем не менее, на фоне всего этого приближение войны откровенно пугало, заставляло все время возвращаться мысленно к тому, что могло быть упущено и что еще можно было бы наверстать за оставшееся время. Ведь столько всего поменялось, а раздел Польши тот же и в те же сроки. Сейчас будет Финская. И опять пусть и с отклонениями, но будет. А вслед за ней будет Немецкая. Тогда все и решится. Тогда станет окончательно понятно, удалось сделать хоть что-то или все наши преобразования лишь мимолетная пена на поверхности истории, которую война сдует без следа.

Страшно.

## **Глава 59.**

### **Открывай нам, Суоми-красавица (Часть 1)**

Если бы 10-го декабря какой-нибудь невидимый никому наблюдатель смог бы оказаться в районе Восточной или Северо-восточной оконечности озера Торхоньярве, то он мог бы наблюдать удивительную картину. Впервые за последний почти месяц стояла тишина, казавшаяся оглушительной. Нет, конечно, лес был полон различных звуков и шорохов, но ни одного звука выстрела или взрыва не доносилось до маленькой охотничьей избушки, стоящей на берегу небольшой протоки, коих во множестве можно с незапамятных времен найти по берегам различных озер Карелии и Финляндии. Избушки эти, состоящие из одного маленького помещения метра три на четыре, с маленьким оконцем, снабженные нарами и неизменной буржуйкой, никому конкретно не принадлежали. Любой охотник или рыболов мог на время занять пустующий домик для отдыха и обогрева. Найти на полке заботливо

оставленную кем-то из предшественников щепотку соли, а уходя оставить что-то от себя следующему. Так было всегда.

Но на этот раз посетителями охотничьего приюта были далеко не обычные гости. Два крупных военачальника, оставив охрану за сто метров от домика с каждой стороны, сидели рядом на нарах и пытались найти взаимоприемлемое разрешение сложившейся ситуации. Отсвет горящих в буржуйке поленьев бегал по стенам и потолку, а идущее от печи тепло делало обстановку хоть и странной до удивления, но вполне уютной.

Командующий финской армией маршал Маннергейм и Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршал Шапошников хоть и не близко, но знали друг друга еще до революции, а потому психологически наедине могли позволить себе быть довольно откровенными.

— При всем моем уважении, Густав Карлович, но я не совсем понимаю, на что Вы в реальности рассчитывали. Да, линия укреплений, получившая Ваше имя, конечно, в некоторых местах и представляет собой более, чем серьезное препятствие. Но в то же время Вы не могли не понимать, что препятствие это вполне проходимое. Да и модернизировать укрепления вы смогли далеко не везде. Зачем вообще понадобилось это, простите меня упрямство?

— Уважаемый Борис Михайлович! Позвольте, но почему вообще мы должны чем-то делиться из своей территории? Лишь потому, что нашему соседу этого захотелось? Есть же такое понятие, как честь офицера. Лучше погибнуть, защищая Родину, чем безмолвно отдать ее кусок. Да, мы прекрасно понимали, что при серьезной решимости мы сможем ваши войска лишь задержать, но не победить. Хотя определенный расчет в правительстве, не буду скрывать, строился на том, что нам удастся продержаться до подхода помощи от иностранных держав, которая нам была твердо обещана.

— Густав Карлович. Позвольте, я буду с вами откровенен, насколько мне то позволено. Видимо, Вы, занятый чисто военными вопросами, не совсем оказались в курсе происходящего. Вот ответьте мне для начала на один простой вопрос. Финляндскому княжеству в составе Российской Империи разве было плохо? Кто-нибудь вас притеснял или обделял. Да вы имели прав больше, чем самоуправление на исконно российских территориях. Разве не так?

— Это, конечно, верно, но самостоятельность все же лучше.

— Но только я прошу Вас не понимать мои слова, как попытку вернуть все к прежним временам. Мой исторический пример имел лишь одну единственную цель, показать, что наши народы ни когда были вместе в составе Империи, ни до этого, ни после врагами уж точно не были.

— С этим соглашусь, Борис Михайлович. Но все же к чему это? Кажется, недавние события уже поставили крест на этой истории. Ваши действия просто при всем желании невозможно оценить иначе, чем как акт откровенной враждебной агрессии.

— Так, да не так, Густав Карлович. Это если смотреть на события вне контекста всего прочего, происходящего в мире. А это очень здорово может изменить всю картинку. Как, например, Вы смотрите на последние действия Германии?

— Плохо смотрю, но ведь вы совсем недавно подписали с Германией договор о ненападении и, судя по успешному и практически мгновенному разделу той же Польши, не только об этом.

— Ну про Польшу говорить не будем. Вы же не можете отрицать, что мы лишь вернули

себе исконные территории Российской Империи, которые были нагло отняты у нас Польшей в минуту слабости и разрухи.

— Ну так Вы можете мне сказать, уважаемый Борис Михайлович, что и Финляндия эта территория Империи, оторванная у нее в минуту вашей слабости. Тем более, что даже период вполне совпадает. Да и Прибалтику, я смотрю. Вы довольно быстро к рукам прибрали. На карту посмотреть, так одни мы уже и остались.

— Хотите, верьте, хотите, нет, Густав Карлович, но не стояло перед нами задачи насильно вернуть Финляндию в состав СССР. Не нужно нам это. Захотите сами, можем поговорить, но насильно тянуть не будем и не собирались. Причина всего происходящего совершенно в ином.

— И в чем же?

— Дело в том, что даже Вы вряд ли будете отрицать, Густав Карлович, что в Финляндии очень сильны антисоветские настроения. Ведь еще в той гражданской войне Вы смогли победить лишь при активной поддержке Германии и Швеции. Кстати, и прогерманские настроения у вас в стране крайне прочны. Взять Вас же, уважаемый Густав Карлович, Вы же сами неоднократно выступали за то, чтобы оттяпать для Финляндии всю восточную Карелию, которая никогда к Вашему княжеству не относилась. Разве не так?

— Да, я никогда не скрывал своих взглядов и могу пояснить свою позицию.

— Не в позиции дело. Здесь все ясно и понятно. Дело в другом. Вероятность крупномасштабной войны между СССР и Германии мы рассматриваем довольно высоко. Мы ее совершенно не хотим. Но давайте взглянем на ситуацию как профессиональные военные, а не политики. В течение года-двух Германия расправится со всеми потенциальными или явными противниками на европейском континенте. Шансы устоять есть только у Англии, да и то, не бесспорные. Что дальше? Единому Мощному Рейху неизбежно потребуются продолжение экспансии. История учит нас, что Империя не может стоять на месте. Она либо развивается и растет, либо начинает рушиться изнутри. Германии будет просто некуда идти. Либо на Восток, либо через океан. Вероятность того, что она выберет восточное направление, крайне высока. Особенно учитывая все, что Гитлер неоднократно заявлял насчет борьбы с коммунизмом. И теперь взглянем на ситуацию с учетом этого фактора. Будет Финляндия воевать с Германией за свою независимость? Уверен, что нет. Во-первых, это бессмысленно, а, во-вторых, слишком много сторонников Рейха у Вас в Правительстве. Что в таком случае получим мы около Ленинграда? Скажите, как военный, видя такую перспективу, Вы смогли бы это допустить?

— В таком ракурсе, признаться, я проблему еще не рассматривал. Считал, что у вас с Германией довольно прочный отношения. А почему Вы так уверены, что Германия придет на земли Финляндии?

— По понятным причинам я не могу говорить всего, Густав Карлович, но я не уверен. Я это ЗНАЮ.

— И когда этого согласно Вашему знанию, Борис Михайлович, стоит ждать?

— Конец 40-го — начало 41-го. Пока ориентировочно так. Заигрались Вы и такие. Как Вы, Густав Карлович в свою антисоветскую ненависть. Настолько заигрались, что страну уже практически немцам подарили. Ненависть к коммунизму и печаль по утраченной Империи я хотя бы теоретически понять могу. Но вот готовность ради того, чтобы нам насолить, просто взять и подарить с таким трудом обретенную независимость, не понимаю. "Назло маме уши отморожу", получается так.

— Хорошо, Борис Михайлович. Я понял Ваши аргументы, касательно причин. Согласиться не могу, но с позиции разума понимаю. Впрочем, не вижу выхода. Либо под вас, коммунистов лечь, либо под немцев. Но они пока в перспективе, а вы уже здесь, да еще и с оружием в руках. Вы нам выбора даже теоретически не оставляете.

— А вот здесь не соглашусь уже по-крупному, Густов Карлович. Выбор есть всегда. Надеюсь, Вы понимаете, что теперь, после того, как мы практически за две с небольшим недели смогли прорвать Ваши укрепления в районе старых укрепрайонов линии Энкеля недалеко от Онежского озера и выйти в тыл более современным укрепрайонам, нам даже героическая самоотверженность финских солдат вряд ли помешает встретить при желании Новый Год в Хельсинки.

— Несколько оптимистично, на мой взгляд, но допустим.

— Дело в том, что нам этого не надо. Мы хотим договориться. СССР не заинтересован в оккупации Финляндии и насильственном присоединении ее к себе. Я это уже говорил.

— То есть Вы хотите сказать, что готовы вернуться за стол переговоров на тех условиях, что предлагали раньше? Обмен территорий в районе Выборга, ряда островов и перешейка на территории в Восточной Карелии?

— Нет, конечно. То, что было приемлемо тогда, не подходит для сегодняшней обстановки. За все приходится платить. Но мы готовы договориться на условиях, которые позволят Финляндии полностью, как говорят на Востоке, сохранить лицо. В плане территориального обмена все может остаться на тех же условиях. Но к ним должно теперь добавиться еще одно.

— Какое же? — Маннергейм смотрел на Шапошникова с усталой и почти обреченной ухмылкой.

— Одна из частей договора должна предусматривать беспрепятственный ввод советских войск на территорию Финляндии в пограничные районы со Швецией и Норвегией для совместной защиты границ в том случае, если Германия введет войска на территории сопредельных с Финляндией стран. Финская сторона возьмет на себя обязанность полностью обеспечивать эти войска всем необходимым, но за счет СССР. Вот, пожалуй, и все отличия.

— А до предполагаемой оккупации Швеции или Норвегии Ваши войска останутся на своей территории?

— Безусловно. План разграничения территорий у Вас, давно есть. Поверьте, Густав Карлович. Вы хоть и считаете себя нашим врагом, но советский народ не враг финскому народу, и мы не хотим бессмысленных жертв ни с вашей, ни со своей стороны. Случившийся инцидент так и должен инцидентом остаться, не перерастая в войну. Вы должны понять, что на все произошедшее нас толкнули действительно веские причины.

— Хорошо, я Вас понял, Борис Михайлович. Сколько у меня есть времени на ответ? Я не могу решать такие вопросы в одиночку. Прекрасно понимаю. Хотя не скромничайте. Думаю, что Вы в состоянии решить сегодня в Финляндии любые вопросы. А уж остановка совершенно не нужной войны на достаточно почетных условиях вполне сделает вас национальным героем. Недели Вам хватит? Готов даже договориться на две. Все это время наши войска останутся на сегодняшних позициях и будут соблюдать условия перемирия. Того же мы ждем и от горячих финских парней. Только сразу хочу предупредить. Перемещения крупных воинских соединений в указанный период или появление на территории Финляндии иностранных воинских формирований или даже массовых

добровольцев будут рассматриваться нами немедленно как Ваш отказ от договоренностей и перемирия. Потому прошу Вас соблюдать все условия полностью. И еще. Поверьте, Густав Карлович. Российская Империя, которой мы оба когда-то присягали, безвозвратно ушла в прошлое. Но Россия осталась. А ведь мы служили в первую очередь стране и ее народу, а не Императору. Россия вечна при любых формах правления. Не надо об этом забывать. Это выглядит куда более серьезным нарушением присяги.

Маннергейм тяжело вздохнул и промолчал, хотя двигающиеся под кожей желваки показывали, что ему неприятно обсуждать столь скользкую тему. — Хорошо, товарищ маршал, — он перешел на официальный тон, — я услышал больше, чем надеялся. Финская сторона будет неукоснительно соблюдать перемирие, слово чести. Да, Вы правильно сказали, что я считаю себя врагом Советов. Но я не враг России и душа не лежит воевать с ней. Я постараюсь сделать все, от меня зависящее, чтобы мы нашли компромисс. Одно лишь маленькое уточнение. Сказанное Вами касательно условий мирного договора, это Ваша позиция или....?

— Это позиция советского руководства и лично товарища Сталина. Можете быть уверены, что на заявленных условиях СССР будет готов немедленно подписать договор о дружбе и взаимопомощи.

— Вы получите ответ в оговоренные сроки, Борис Михайлович. Не буду кривить душой. Не могу сказать, что обстановка, да и повод для нашей встречи меня столь уж радуют, но вот общение с Вами и разумность Вашей позиции доставили мне истинное удовольствие.

— Так может, скрепим итоги встречи маленькой чаркой неплохого коньяка? Я тут припас к случаю, надеялся, что мы сможем найти общий язык.

— А что, благодарю, не откажусь.

\*\*\*\*\*

А началась эта история 15 ноября. Советские войска прорвали пограничные заслоны на Карельском перешейке и перешли в решительное наступление по всей линии фронта. Впрочем, нет. Началось все почти на месяц раньше....

## Глава 60

### Открывай нам, Суоми-красавица (Часть 2)

А началось все почти на месяц раньше....

В конце сентября Сталин неожиданно довел до объединенной группы, занимавшейся разработкой планов финской операции новые вводные.

Во-первых, проанализировав информацию о ходе финской компании, полученную от меня, Сталин принял решение назначить ответственным за ее подготовку и проведение начальника Генерального штаба ВС СССР Шапошникова. Во многом это объяснялось тем что среди всех военных в моей версии истории Шапошников оказался единственным, кто не побоялся гнева вождя и настаивал на максимально тщательной подготовке, указывая, что недооценка военного оборонительного потенциала противника и шапкозакидательство принесет большое количество жертв и утрату веры в непобедимость советской армии. Именно это качество, умение до конца стоять на своем даже вопреки политической логике момента Сталин, как это может показаться ни странным, очень ценил.

Во-вторых, после продолжительной беседы со Сталиным Шапошников озвучил вторую установку руководства, указывающую на то, что реализация военной компании должна быть непременно проведена в крайне сжатые сроки, стать полностью успешной и одновременно с

этим создать у любого стороннего наблюдателя ощущение неуверенности советской армии в своих силах. Столь противоречивая установка заставила кардинально пересмотреть все ранее сделанные наработки.

После тщательного анализа стало понятно, что выполнение всех условий возможно лишь в одном случае. Необходимо было в кратчайшие сроки добиться от Финляндии согласия на предложения СССР перед лицом неизбежного поражения. Для этого как советские, так и финские войска должны были понести минимальное число потерь в живой силе и технике. А ситуация в зоне конфликта должна быть настолько однозначной с военной точки зрения, что не оставляла финнам шансов на какие-либо успешные варианты продолжения боевых действий.

В частности было принято решение отказаться от массированных атак в Заполярье и в северной Карелии. Ни при каких обстоятельствах наступление на этих направлениях не могло привести к быстрому успеху. В Заполярье решено было вернуться к изначальному варианту отрезать финнов от побережья Баренцева моря и на этом остановиться. Войска из Северной Карелии по большей части было решено перебросить на усиление группировки, которой предстояло прорывать Линию Маннергейма. Без прорыва этого укрепрайона на перешейке о каких-либо переговорах с финнами с позиции силы говорить не приходилось.

В качестве угрозы в Финский залив в район непосредственно примыкающий к Хельсинки было решено отправить крупную эскадру Балтийского флота. Ее участие в непосредственных боевых действиях не предполагалось, однако эта эскадра должна была оттянуть для защиты столицы все силы финского флота, ослабив поддержку войск в районе перешейка. Кроме этого несколько подлодок было определено направить в Ботнический залив для противодействия оказания финнам возможной помощи извне.

Операция непосредственно на карельском перешейке была четко разделена на три составляющие. Часть войск, сосредоточенная широкой полосой в средней части перешейка должна была имитировать несколько ложных направлений прорыва. Основной отвлекающий удар при поддержке крейсеров Балтийского флота должен был быть нанесен в направлении на Выборг. Войска в составе трех полноценных дивизий, усиленных двумя бронетанковыми бригадами должны были максимально быстро преодолеть предполье и постоянными артиллерийскими обстрелами укрепленных районов Линии Маннергейма имитировать концентрацию войск к прорыву на данном направлении.

А главный удар было решено направить на прорыв Линии Маннергейма вдоль Онежского побережья. Этот выбор был предопределен тем, что на данном отрезке укрепрайоны были максимально старыми и заброшенными. Фактически это не было тем, что называлось именем финского командующего. Все инженерно-оборонительные сооружения были построены еще в 20-х годах и являлись частью так называемой линии Энкеля. Анализ оборонительных возможностей финнов именно в этом районе показывал, что прорыв советских войск при поддержке легких кораблей Онежской флотилии окажется наиболее быстрым и лишенным чрезмерных потерь в технике и живой силе.

Единственная трудность состояла в том, чтобы максимально быстрыми темпами пройти все предполье и прорвать оборонительные узлы финнов до того момента, когда они смогут подтянуть в этот район существенные подкрепления.

А успех прорыва сразу же кардинально менял всю обстановку в зоне конфликта. Наступление во фланг основным войскам финской армии при невозможности их поддержки со стороны современных дотов Линии Маннергейма не оставлял финнам шансов на сколько-



нибудь длительную задержку советских войск. При этом сама советская армия получала сразу же несколько возможностей для продолжения операции. Проход севернее открывал возможность ускоренного марша на неприкрытый серьезными войсками Хельсинки. На самом перешейке существовала возможность уничтожения укреплений вдоль побережья Вуоксы, с последующим захватом мостов. А в случае их подрыва финнами большая часть расположенных в этом районе финских войск оказывалась в крайне сложном положении. Отойти они не успевали и оказывались прижатыми к реке.

Шапошников очень рассчитывал на то, что уже самого факта прорыва линии укреплений окажется достаточным для того, чтобы финны согласились вернуться за стол переговоров и на этот раз проявили максимальную уступчивость и понимание интересов СССР.

В операции на главном направлении планировалось привлечь пять полных стрелковых дивизий, усиленных дополнительными полками мортир калибра 280 мм на гусеничном лафете, три бронетанковые бригады, одну механизированную саперную бригаду для уничтожения минных полей и заграждений. Среди танков было решено использовать в основном легкие танки серии БТ, которые хотя и были уже относительно устаревшими, но в условиях планового подавления предварительным огнем артиллерии дотов были признаны оптимальными за счет развиваемой ими скорости, что на этапе прорыва должно было стать серьезным аргументом. Более новые средние Т-34 также были задействованы в объеме отдельного бронетанкового полка, но скорее для их практической обкатки в боевых условиях.

В середине октября план был доложен Сталину и принят им без каких-либо серьезных изменений.

25 Октября было объявлено о проведении широкомасштабных учений войск Ленинградского военного округа. В ответ Финляндия объявила всеобщую мобилизацию.

СССР не замедлил послать по линии НКВД гневную ноту и поставил Финляндии ультиматум с требованием незамедлительно отменить мобилизацию, как акт подготовки к войне. Финляндия ответила категорическим отказом и войска обеих сторон уже открыто стали стягиваться к карельскому перешейку.

7 ноября Сталин выступил с обращением к народу, в котором отметил, что на фоне конфликтов, разворачивающихся по всей Европе, Финляндия заняла откровенно антисоветскую позицию и, объявив о всеобщей мобилизации, фактически предопределила войну с СССР. Учитывая, что граница между странами расположена в непосредственной близости от Ленинграда, колыбели революции, нам не остается ничего иного, кроме как упреждающим ударом обезопасить свою территорию.

Сразу же после этих слов вдоль всей протяженности карельского перешейка началась массированная артиллерийская подготовка. Даже при том, что никаких секретных разработок вроде реактивных минометов применено не было, плотность огня была настолько высокой, что от всех заградительных сооружений в глубину на несколько километров оставались одни ошметки. Через два часа канонада стихла, и несколькими колоннами в различных частях перешейка вперед при поддержке танков, идущих следом выдвинулись невиданные доселе чудовища — бронированные саперные машины, оборудованные катками похожими на катки от асфальтоукладчиков, только не гладкими, а ребристыми. К шасси стареньких танков БТ-2 с усиленной бронезащитой на длинной выступающей вперед подвеске были прикручены свободно вращающиеся катки. Двигаясь

впереди танка они, натываясь на минах подпрыгивали, причем даже не слишком сильно. Но весь эффект от мины лишь этим и ограничивался. Использование этой новинки позволило фактически обойтись без потери времени на скрупулезное разминирование многочисленных минных полей. Три танка-сапера, двигающиеся параллельно друг другу создавали вполне достаточный коридор, по которому вслед устремлялись уже атакующие колонны боевых танков и моторизованная пехота.

В результате выход на линию Маннергейма был в основном завершен уже к концу второго дня конфликта. Этому во многом способствовало и то, что финны, серьезно деморализованные мощью артиллерийской подготовки советских войск и скоростью продвижения их по предполью, фактически не оказывали какого-либо организованного сопротивления. С первыми залпами они откатились к основной линии обороны на заранее подготовленные позиции.

Добавляла свою долю в копилку и советская авиация. Ее господство в небе было полным. После нескольких неудачных попыток завязать воздушный бой финны вообще перестали выпускать оставшиеся самолеты в небо и лишь скрипели зубами, глядя на контролирующее небо советские истребители и волны накатывающихся на линию обороны штурмовиков и бомбардировщиков.

Выйдя на Линию Маннергейма, советская армия притормозила и несколько дней отдельными точечными ударами как бы намечала возможные направления прорыва, заставляя обороняющиеся войска постоянно двигать резервы в направлении ожидающегося прорыва. Примерно через неделю начался массированный обстрел укреплений вблизи балтийского побережья. Все говорило за то, что решающий удар будет нанесен именно в направлении Выборга. Об этом говорили и подошедшие в прибрежную зону несколько кораблей Балтийского флота, и активное сосредоточение советских войск и бронетехники в данном районе, и явно замеченное финнами громкое прибытие в расположение войск генерала Жукова, имевшего репутацию жесткого и решительного полководца. В результате у финнов сдали нервы и, как только с советской стороны началась активная и очень плотная артподготовка, все имеющиеся резервы финских войск были срочно переброшены в район Выборга.

А затем был решающий штурм на восточной оконечности перешейка. В течение пяти дней, из которых фактически три ушло на бомбардировки и артобстрел, финская оборона или точнее то, что от нее осталось, была прорвана и советские войска стремительно начали выходить на оперативный простор, разворачиваясь во фланг обороняющим перешеек финским дивизиям. Однако, советские войска не спешили вступать в бой на уничтожение. Теперь время не имело решающего значения. Даже вздумай финны оттянуть все войска к столице, теперь это ничего бы не изменило. Качественная разница в военной мощи и потенциале не оставляли финнам шансов даже дожидаться существенной помощи из-за рубежа. А потому Шапошников, лично возглавивший операцию на перешейке, остановил наступление и послал парламентаря к Маннергейму с предложением встретиться и обсудить создавшуюся обстановку.

\*\*\*\*\*

Уже 13-го декабря Маннергейм был в Хельсинки и потребовал незамедлительного собрания чрезвычайной сессии парламента. Собравшиеся в зале депутаты были крайне и неприятно удивлены, когда вскоре после начала заседания все проходы в зале заняли вооруженные люди. Это Маннергейм решил не устраивать долгих дебатов и решить дело

быстрым силовым захватом власти. Его популярность в Финляндии была достаточно высока для того, чтобы он мог рискнуть поставить на кон свою репутацию. Его речь в парламенте опять-таки по его же требованию транслировалась в прямом эфире всеми финскими радиостанциями.

Не желая долго переливать из пустого в порожнее Маннергейм сразу же заявил, что преступная и халатная политика президента и парламента республики привели к крайне тяжелому положению в стране. Фактически из-за того, что несмотря на его предупреждения ему еще в 34-м году было отказано в достаточном финансировании линии обороны, Финляндия сегодня поставлена фактически на колени. Все расчеты политиканов пошли прахом, и советская армия при желании может оказаться в Хельсинки уже через неделю. И остановить ему ее нечем. Но это была не единственная ошибка политиков. Отвергнув по сути разумные и достаточно справедливые и равноправные предложения СССР эти же политики, которые недавно кричали о том, что войны нет и не предвидится, сами же привели ее на землю Финляндии. Ну и где теперь все эти обещанные поддержки от Германии, Англии, Франции? Их нет. И теперь вариантов осталось совсем немного. Или драться до последнего без каких-либо шансов на успех, или пытаться остановить бойню и сохранить независимость страны, вернувшись к переговорам с русскими. В связи с чем он, маршал Маннергейм предлагает на время до полного прекращения военных конфликтов в Европе отстранить от власти действующего президента, назначить для управления страной чрезвычайный комитет с ним, маршалом во главе, а парламент после этого решения распустить до мирного времени. Причем, он, Маннергейм совершенно не стремится к узурпации власти, она ему не нужна. Более того, сразу же после окончания европейской войны он обязуется предстать перед высшим судом для расследования всех его действий в процессе работы чрезвычайного комитета. Но сейчас он не видит другой кандидатуры, которая смогла бы договориться с русскими на более или менее приемлемых условиях.

Депутаты, немного посоветовавшись и опасливо поглядывая на суровых бойцов, с оружием в руках стоящих в коридорах, сочли за лучшее согласиться.

16-го декабря в Хельсинки Маннергеймом и прилетевшим из Москвы Молотовым был подписан договор о мире и взаимопомощи.

За все эти дни на карельском перешейке не раздалось ни единого выстрела. Что лишний раз подчеркнуло, воюют не народы, воюют политики, чаще всего безответственные и недалёковидные.

## **Глава 61. Думы о ядреном**

— Ну что, товарищ Берия, Вы готовы доложить нам о том, как продвигаются работы по созданию "Изделия 00"? — спросил Сталин неспешно набивая трубку. Вождь находился в довольно приподнятом настроении. Только что закончилось большое совещание в Кремле, посвященное итогам 39-го года, где основными были вопросы обороны. Цифры, доложенные Ворошиловым, Шапошниковым и тем же Берией обнадеживали. Ситуация кардинально отличалась от моей версии истории. Как в плане технического оснащения армии, так и в боевой подготовке войск. И хотя в войска новая техника все еще не поступала, скапливаясь на закрытых базах Урала и Сибири, подготовку к работе с новыми видами вооружения вахтовым методом прошли уже десятки тысяч солдат и офицеров. Вскоре им предстояло стать инструкторами в сотнях различных частей для своих сослуживцев.

По окончании совещания Сталин попросил остаться Берию, Артузова и меня.

Последнее меня уже не удивляло. Сталин часто использовал меня в качестве своеобразного "тестера" при обсуждении и принятии различных решений. За несколько лет он уже не раз убедился, насколько мышление человека 21-го века отличается от мышления его современников. При этом совершенно нельзя было сказать, что мое мышление или логика были лучше. Скорее наоборот, в подавляющем большинстве случаев я не видел элементарных выходов из ситуации, которые почти мгновенно приходили в голову самому Сталину или другим руководителям советского государства. Тем не менее, бывали и обратные случаи, когда казалось бы какое-нибудь странное предложение с моей стороны в результате всестороннего анализа оказывалось самым интересным и перспективным. Вот и держал меня вождем своеобразным консультантом для таких случаев. Все равно большего секретносителя, чем я придумать было сложно.

Хотя на этот раз, поняв, о чем пойдет разговор, я все же удивился. Речь пошла о развитии ядерного проекта. Вот уж в чем я, будучи чистым гуманитарием, не понимал совершенно, так это в ядерной физике. В свое время все, что я мог вспомнить и рассказать на эту тему, из меня уже вытащили. И под наркозом и без. Однако, обратив внимание на то, что в кабинете остался Артузов. Отвечавший за внешнюю разведку, я понял, что скорее всего дело объясняется именно внешней стороной вопроса. А потому, прислушиваясь к докладу руководителя УЗОРа, стал судорожно вспоминать, что происходило в этой сфере в Европе и США. На эту тему я уже тоже все рассказал, но еще раз перебрать в голове известные мне факты было не лишним.

Тем временем Берия достал из портфеля довольно тонкую папку и принялся докладывать. Проект, оказывается, находился уже в последней стадии. Реактор, титаническими усилиями запущенный под Челябинском в конце прошлого 38-го года, и обогатительный спецкомбинат уже позволили накопить объем оружейного урана, достаточного для производства от пяти до десяти единиц боезаряда. Физики полностью закончили расчет теоретической модели и планировали выйти на испытания первого заряда не позднее весны следующего года. Испытания предполагалось произвести в ледяной пустыне Новой Земли, где сейчас судорожно силами контингента одного из лагерей ГУЛАГа строился испытательный городок и макеты различной техники и сооружений для оценки ударной волны. Разработка плутониевой бомбы отставала примерно на полгода. Ее испытания планировалось произвести там же осенью 40-го.

На выбор столь отдаленного места повлияло несколько факторов. С одной стороны, этот район фактически гарантировал идеальную секретность мероприятия. В отличие от казахских степей, где все же люди иногда встречались, и наблюдение ими хотя бы внешних световых эффектов было неизбежным. С другой, мне удалось в свое время убедить всех причастных к проекту, что его опасность для людей и биосферы настолько велика и долгосрочна, что это также сыграло свою роль. По крайней мере, ни о каком участии войск на предмет оценки их способности противостоять атомному взрыву никто и не заикался. А ведь в моем времени этим грешили и СССР, и США, что привело к массовому поражению людей лучевой болезнью с последующей их гибелью. Было решено ограничиться парой десятков заключенных, приговоренных к высшей мере. Причем, все они дали добровольное согласие на участие в эксперименте. Кто-то рассчитывал на снисхождение, кто-то обусловил свое участие помощью родственникам.

Берия докладывал довольно долго, а я тем временем пытался восстановить в памяти картину происходящего в этой сфере в других странах.

Начнем с Германии. Из множества прочитанных книг и статей в Интернете я отлично помнил, что немцам так и не удалось добиться успеха. Их единственный собранный при Лейпцигском институте рабочий реактор взорвался от до конца не выясненных причин в 42-м, а собрать новый они так и не успели. В феврале 43-го англичанам после нескольких неудачных попыток удалось взорвать единственный в Европе завод по производству тяжелой воды, которую немцы использовали в качестве замедлителя ядерной реакции. Так что вроде бы с этой стороны нам ничего не угрожало. Мы не раз обсуждали этот вопрос с Берией несколько лет назад и пришли к одинаковому выводу. Правда, существовала опасность, что немцы все же попробуют использовать вместо тяжелой воды графит, добившись необходимого уровня его очистки, но эта опасность была чисто гипотетической. Берия тогда сказал, что вместо того, чтобы придумывать какие-то сложные схемы проще отслеживать активность в деле очистки графита и реагировать только в том случае, если опасность его применения станет реальной.

С США все значительно сложнее. Их проект в моей истории был успешным. И хотя на этот раз, судя по докладу Берии, уже мы опережали их на несколько лет, спокойствия это не добавляло. Манхэттенский проект в США, насколько я помнил, стартовал в 42-м, а перешел в практическую плоскость вообще в 43-м, когда его возглавил Оппенгеймер. Хотя сами исследования велись все с того же 39-го. Насколько я помнил, из меня в свое время спецам УЗОРа удалось вытянуть имена всех основных физиков и генералов, участвовавших в американском проекте, но какое по ним было принято решение, я не знал. Скорее всего пока никакого, ведь на настоящий момент проект находился в аморфном состоянии без должного финансирования. И тут я вспомнил, что сам уран для первых американских бомб был получен из Бельгийского Конго. Причем, вокруг этого была довольно странная история. Шахты в Бельгийском Конго разрабатывались компанией "Юнион миньер", управляющим которой был Эдгар Сенжье. После захвата немцами Бельгии в 40-м году он эмигрирует в США, откуда продолжает руководить компанией. Он с самого начала оббивает пороги различных чиновных кабинетов в США, пытаясь убедить, что уран это ценнейшее сырье и таким образом наладить его сбыт. Именно он по собственной инициативе, так и не добившись успеха с чиновниками, отправляет в конце 40-го года в США более 1250-ти тонн уранита, содержащего невероятно высокий, до 65-ти процентов, уровень окиси урана, являвшейся источником получения самого металла. И это при том, что на территории Северной Америки процентное соотношение окиси урана в руде на известных на тот момент месторождениях составляла менее одного процента. Именно про конголезский уранит вспомнили американцы в 43-м. Именно из него и были изготовлены бомбы, отправившиеся в полет на Хиросиму и Нагасаки. Кстати, эта же компания до оккупации Бельгии поставляла уранит и Гитлеру.

И вот тут меня слегка прошиб холодный пот. Я совершенно не помнил, сообщил ли я эту информацию несколько лет назад во время "потрошения" в УЗОРе. Проблема же заключается не в сокрытии информации, а в том, чтобы ее вспомнить, что невозможно зачастую без наводящих вопросов. А наводящие вопросы могут иметь огромные пробелы, если спрашивающий сам имеет о предмете опроса крайне поверхностное представление. Вот не вспомни я сейчас, что немцы в 39-м установили запрет на вывоз урана из Германии, не перешел бы по ассоциативной цепочке к вопросу о том, откуда взяли США уран для своего проекта, так и осталась бы эта информация забытой и не востребовавшейся.

Тем временем Берия закончил доклад и обсуждение плавно перетекло к докладу

Артузова о состоянии исследований в аналогичной области в Германии и США. В Германии агентам СВК так и не удалось пробраться внутрь ядерной программы, а потому оставалось лишь отслеживать активность ее ведущих сотрудников по косвенным факторам, указывающим на ход тех или иных работ. Впрочем, по донесениям, никакого прорыва на этот момент в исследованиях не наблюдалось. В США еще вообще конь не валялся. Хотя здесь агентурные успехи были значительно больше. Резидентуре СВК удалось завербовать перспективного физика итальянского происхождения Бруно Понтекорео, который участвовал в проектировании ядерного реактора в Чикаго под руководством Ферми и Сцилларда.

— Скажите, товарищ Артузов, а что Вы можете предложить нам с целью недопущения быстрого создания конкурентного нашему ядерного оружия в Германии и США? — вновь задымив трубкой, спросил Сталин.

— В Германии, товарищ Сталин, я пока предлагаю остановиться на дальнейших попытках внедрения в рабочие группы проекта с целью контроля ситуации. Ведь по сообщениям товарища Сидорова немцы так и не придут к успеху, а помогут нам в этом англичане в Норвегии. Что касается ситуации в США, то здесь все значительно сложнее. В настоящий момент прорабатывается сразу несколько вариантов от похищения или ликвидации ведущих специалистов проекта до закладки мощного взрывного устройства в районе планирующегося реактора в Чикаго. Но пока ни один из вариантов не готов к реализации и не достиг необходимого уровня надежности. Но мы продолжаем искать пути противодействия.

— Хорошо, товарищ Артузов. Только Вы должны понимать, что вся полученная нами информация от товарища Алексея устареет мгновенно, как только нашим противникам станет известно о наличии такого оружия у нас или тем более в случае нашего применения такого оружия.

— Разумеется, мы это понимаем, но считаем, что время пока есть, а в данном вопросе поспешить и засветить свою заинтересованность, это только подстегнуть процессы и ужесточить их защиту.

— Это верно, время пока есть, но думать об этом надо постоянно и держать ситуацию под полным контролем. А Вы что скажете, товарищ Алексей? Я видел, что во время доклада товарища Берии Вы о чем-то напряженно думали.

— Товарищ Сталин. Я действительно пытался еще раз вспомнить все, что мне известно о развитии немецкого и американского проекта. И мне кажется, вспомнил одну интересную деталь. Я честно не помню рассказывал я о ней или нет в свое время в УЗОРе. Может быть просто не вспомнил. Для проекта обеим сторонам требуется уран в довольно больших количествах. Немцы уже сегодня располагают довольно большими запасами уранита, поставленными по контракту из Бельгийского Конго. А вот в США с ураном дела обстоят пока не столь хорошо. В моей истории этот уран попал к ним также из Конго через того же поставщика.

И я полностью рассказал все, что вспомнил про эти 1250 тонн уранита. Про доставку, про то, как руда более двух лет лежала на частных складах невостребованной.

— А что если нам не допустить этой поставки в принципе. Самим нам это будет сделать очень сложно. Атлантика это совсем не наш регион. Но вот немецкие подводные лодки шныряют на коммуникациях между Америкой и Европой регулярно. Что если аккуратно подбросить Гитлеру информацию о том, что столь ценное сырье отправляется в

массовом порядке в США и там готовится развернуться проект, конкурентный его собственному. Думается, Гитлер вряд ли обойдет этот вопрос своим вниманием. Не случайно в самой Германии уже действует запрет на экспорт урана. Поставка пока планируется частной. Реального покупателя в США на уран пока нет и не предвидится. Так что даже пропажа груза сильно никого не взбаламутит. Утонули пароходы и все, бывает. Тем более, идет война. Всякое случается. Даже доказательств того, что это немцы тому виной, и то не будет. А когда американцы в 43-м всерьез озаботятся ураном, эти 1250 тонн им ой как время добавят. Тем более, что ничего схожего по содержанию урана в руде на американских месторождениях нет и близко. А бельгийская компания скорее всего от этих событий разорится, шахты придут в негодность и на их восстановление также потребуется куча времени.

— Да, это интересная информация, товарищ Алексей. Гитлер, по Вашим словам оккупирует Бельгию в мае следующего года. Скажите, товарищ Артузов, сможет с нашей негласной помощью гестапо или служба Канариса найти в бельгийской фирме информацию о запланированной сделке? Только так, чтобы эта информация вовремя попала на глаза людям, имеющим представление о важности урана?

— Думаю, да, товарищ Сталин. У нас впереди пять месяцев на проработку вопроса. Справимся. Действительно может получиться очень изящно. Даже если американцы через пару лет вспомнят про эту партию, уже ничего не изменишь. А если одновременно с уранитом пропадет и сам господин, как его, этот Сенжье, то вопросов вообще не возникнет. Несчастный случай или разбойное нападение. Такое часто случается в США.

— Только чтобы наши уши в этом деле вообще не то, чтобы не торчали, а даже на горизонте не выделялись. Это понятно, товарищ Артузов?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Как будет готов план, я хочу его видеть.

\*\*\*\*\*

Ноябрь 1940-го. Центральная Атлантика.

Ну вот вы и показались, цыпочки. Идите к дядюшке Карлу.

— Срочное погружение на перескопную глубину, курс 124 градуса, на перехват конвоя.

Субмарина-охотник седьмой серии, ведомая одним из опытнейших капитанов Кригсмарине Карлом Цвингером, была близка к цели своего длительного похода. Более двух месяцев ему пришлось болтаться в Атлантике без захода на базу в ожидании конвоя, думы которого сейчас показались на горизонте. Ничего нет хуже бездействия, а полученный приказ однозначно требовал не вмешиваться ни в какие даже самые симпатичные и легкие авантюры, дожидаясь целевого конвоя. И лишь неделю назад была получена радиограмма, подтверждающая выход кораблей из африканского порта.

Ну теперь-то он оторвется за все. И глядя на то, как радостно и деловито сновал по лодке его экипаж, готовясь к атаке, капитан еще больше преисполнился уверенности в успехе. Гораздо больше его заботило то, что где-то недалеко крадется еще одна "семерка", ведомая его приятелем-конкурентом Дитрихом Шмунгелем. Он должен успеть первым. Впрочем, конвоя хватит на обоих.

\*\*\*\*\*

На пропажу конвоя из Бельгийского Конго, следовавшего рейсом в США лишь вяло отреагировала Нью-Йоркская биржа. Акции страховщика "Американская международная компания" упали на новости на два процента, но довольно быстро вернулись к прежнему

уровню. Пара газет попытались намекнуть на немецкий след в этой истории, но их никто не поддержал. Никаких достоверных сведений не было, а в Атлантике царил не самый спокойный сезон для мореплавания.

Еще меньше внимания привлекла смерть бельгийского эмигранта, найденного в одном из районов Бруклина. Кто знает, что его туда потащило?

## **Глава 62. Бремя одиночества.**

### **Часть 1.**

2 января 40-го года Сталин проводил на "Ближней даче". Сразу после завтрака он приказал никого к себе не пускать и беспокоить только в самых крайних случаях. Все звонки должны были переадресовываться Поскребышеву. Он давно собирался выделить целый день, чтобы спокойно попытаться разобраться в происходящем и, систематизировав всю информацию, максимально подготовиться к приближающимся судьбоносным событиям. Этот день он запланировал уже давно, много месяцев назад, но что-то внутри него постоянно мешало ему, не давало решиться. И он, постоянно загруженный текущими проблемами, легко находил для себя повод в очередной раз отодвинуть разговор с самим собой на более поздний срок. Но дальше тянуть уже нельзя, осталось всего полтора года, а то и меньше.

Сталин давно не сомневался, что данные, полученные из вероятного будущего, достаточно точны, чтобы воспринимать их со всей серьезностью. Но знать будущее и избежать его негативных проявлений это две большие разницы. Постоянно существовала опасность, что любое насильственное изменение событий может привести к неконтролируемым последствиям, к которым он не будет готов. Прежде всего дело касалось внешнего мира и его реакции на события в СССР.

Разумеется, за прошедшие с появления Алексея годы изменений накопилось уже огромное количество, иначе и быть не могло. Что-то Сталин воспринимал естественно, что-то после долгих размышлений, приходя к выводу о правильности таких шагов. Но были и такие, на которые он согласился разумом, после долгих и тщательных обдумываний и бесед с различными людьми, но не собственным естеством. Все же Сталин был человеком власти. Знал власть, понимал ее природу, как никто другой, но и любил тоже. Ему доставляло огромное внутреннее удовольствие повелевать огромной страной, населенной сотней миллионов жителей, которые по его приказу, как один воплощали в реальность его замыслы. Ему нравилось то ощущение страха, которое автоматически испытывали партийные и государственные руководители, появляясь у него в кабинете или даже услышав его голос в телефонной трубке. И все же власть никогда не была для него самоцелью. Возможно, в самом начале борьбы за власть с Троцким и старыми большевиками, грезившими мировой революцией, власть сама по себе и была привлекательным влекущим призом победителю. Но такое продолжалось очень недолго. Достаточно быстро он стал воспринимать власть лишь как инструмент достижения более глобальных, уже совершенно не личностных целей. Целей, которые вместе с ним разделяла вся страна, весь народ или, по крайней мере, большая его часть.

Это не его вина, что он первым понял то, что вместе с ним поняли единицы старых соратников. Без построения сильной индустриальной и военной империи революцию не спасти. Да, именно империи, под каким бы названием или внешним проявлением идеологии это не пряталось. Большинство партийных руководителей этого не поняло или не захотело



принять, а потому вопрос был уже не в том, он их или они его. Правильная постановка вопроса была иной. Он сможет сохранить страну, сделав мощной империей, или страны не будет. В этом мире слабых давят всегда. Как смешно смотрелись для него напыщенные речи "мировых революционеров" о всеобщей победе социализма, о катке мировой революции, который должен был с помощью советской армии и всесторонней поддержке мирового пролетариата и крестьянства смести с лица земли старый мир капитализма. Он с самого начала видел незримые нити, протянувшиеся к тому же Троцкому, Свердлову и многим иным от их спонсоров. Тех самых капиталистов, которых планировалось уничтожить. Но марионетки во все времена лишены собственной воли. Они наделены лишь ее видимостью, предоставленной кукловодами для убедительности внешних проявлений, способствующих реализации замыслов, созревших совсем в иных головах. А потому вопрос всегда стоял или-или.

Ему удалось. Удалось, используя как внутренний террор, так и старый принцип "разделяй и властвуй" победить всех внутренних врагов, лишить внешних кукловодов их силы внутри СССР. Играя на противоречиях между самими тайными кукловодами, используя их жадность, постоянно помахивая перед ними морковкой советских богатств, ему удалось закрепиться. И не только самому, но и создать промышленную и военную основу будущей советской империи.

Когда появился этот странный Алексей, появился таким образом, что даже сейчас Сталин запрещал себе всерьез думать о Силах, пославших его к нему, то довольно быстро Сталин образовался подарку. И хотя он до сих пор нет-нет, да и возвращался мысленно к тому, не окажется ли этот подарок "бесплатным сыром", отказаться от Дара он не мог. Информация из будущего разом вывела и его и СССР из разряда второстепенных Игроков, использующих конфликты Старших, пытаясь закрепить свое положение в мире. Она давала шанс на роль Игрока первого ранга, более того, на роль Великого Игрока, от голоса которого зависела бы вся Игра.

Но была у этого подарка и обратная сторона. Алексей отнял у него уверенность в том, что его дело будет закреплено в поколениях последующих руководителей советского государства. Показал, что то, что сам Сталин считал победой, есть лишь выигрыш локального преимущества, имеющего исключительно краткосрочный характер. То, с какой скоростью и при каком непротивлении народа, развалился СССР всего через сорок лет после его смерти, говорило об ошибках принципиального стратегического характера. Его, Сталина, ошибках. И эти ошибки необходимо было исправлять. Увы, но как оказалось после многочисленных раздумий и неоднократных спорах с тем же Алексеем, никакой террор и чистка кадров проблемы не решали и решить не могли в принципе.

Ну да, чего проще, на несколько лет раньше отправили к Яхве Троцкого, досрочно, уменьшив вред для армии, разоблачили заговор Тухачевского, не допустили массового бессмысленного террора Ежова. Не дали сплести сеть заговора клоуну Хрущеву. И что, проблема исчезла? Как бы не так. Она осталась на своем месте. И ее опасность сегодня ничуть не уменьшилась.

Решены лишь локальные задачи. Укреплена армия, появились новые виды вооружений, которые при благоприятном развитии ситуации помогут обойтись в воцне малой кровью, сохранив жизни двадцати миллионам советских людей. И далеко не самым худшим двадцати миллионам. Алексей рассказывал, что одной из причин гибели СССР в 90-х в его времени считали тот факт, что во время войны с гитлеровцами был выбит именно лучший по

физическим, духовным и интеллектуальным кондициям генофонд нации. А это в свою очередь привело к засилью во власти множества проходимцев, ждавших и дождавшихся своего шанса в тылу. Сталин не был так уж уверен в том, что именно этот факт был решающим, но с тем, что в войнах первыми гибнут лучшие, был согласен. Получается, что сохранение жизней миллионов преданных СССР и социализму людей способно уменьшить проблему, но решить, это вряд ли.

Вторым аспектом проблемы был вопрос преемственности власти. В реальности Алексея он, Сталин, хоть и отошел под конец жизни от многих текущих проблем, но основные нити управления сохранил. Он по-прежнему волен был казнить или миловать, а потому у многих государственных и партийных деятелей вызывал панический, даже животный страх. Услышав про себя такое, Сталин понял, что сказанное вполне согласуется с его собственным мнением о самом себе. Скорее всего, именно так он бы и действовал. Страх был одним из основных его инструментов, с помощью которого он держал в узде всю чиновную массу, независимо от ее видовой принадлежности. А как иначе? Страх, Жадность, Идея, вот три инструмента любого руководителя любого ранга.

В отношении жадности он тоже вел себя с подчиненными довольно терпимо. На чины, премии, подарки от государства никогда не скупился для отличившихся. По рассказам того же Алексея после их войны позволил генералам очень неплохо прибарахлиться в Германии. Закрыв глаза на грузовики и целые вагоны, которые они отправляли на Родину. Жукову аж целый эшелон награбленного простил, хотя мог бы и наказать. А может стоило тогда проявить твердость и отобрать все в доход государства? Сталин на секунду задумался, как поступил бы он — нынешний. И честно признался себе, что не нашел однозначного ответа. Он сам всегда что в той реальности, что в этой, был аскетом. Но к проявляемой в меру тяге подчиненных к комфорту относился вполне терпимо. Если не переходило через край, как у некоторых старых большевиков, скопивших на зарубежных счетах сотни миллионов долларов, франков и фунтов, считая это естественной оплатой их услуг, оказанных революции. Этих Сталин заставил заплатить по полной. Еще в самом начале тридцатых, истратив изъятое на индустриализацию. Очень вовремя, надо сказать, Алексей тогда со "своими" алмазами и золотом нарисовался, конфискует как раз подходил к концу.

Но что-то он отвлекся. Вполне мог и этот Сталин сквозь пальцы посмотреть на послевоенные "шалости" генералов и офицеров. В конце концов в войнах на протяжении всей человеческой истории победителю давали время на разграбление побежденного. Мог, но не явилось ли это существенным камешком, вызвавшим в последствии обвала? Не способствовало ли это разрушению Идеи социализма? Не провело ли границу между внешним видом и внутренним содержанием?

И не получилось ли так, что с его смертью сонм облегченно вздохнувших подчиненных, избавившись от липкого страха за свои никчемные жизни, стали руководствоваться лишь жадностью, заодно добивая Идею? Очень похоже на правду.

И вполне вероятно, что Берия, к которому власть автоматически перешла после его смерти, не смог ее удержать. Правильно в самый первый раз сказал про него Алексей. "Вечный идеальный второй". Второй, не первый. Получилось волею судьбы стать первым, так сразу же пошли проколы, не уследил и лишился головы. Это тебе не подчиненными жестко и умело управлять, зная, что за твоей спиной есть Сила, которая защитит и которая поможет. В том числе и вовремя сделанным указанием, не допускающим заготовленной ошибки.

А ведь первых вообще мало. Точнее таких первых, которые могут, способны и достойны таковыми стать. Желаящих — море. Способных — гораздо меньше, да и далеко не все из них желающие. А вот желающих, способных и достойных, практически не найти. Ведь быть достойным практически всегда означает быть не желающим. Быть понимающим, что власть это огромное бремя, которое приходится тащить в одиночку, лишая себя подавляющей части обычных радостей. Достойные, как правило, ненавидят власть, прекрасно понимая ее природу, являющуюся насилием. Как над самим собой, так и над всеми окружающими без исключения. Власть это ограничение всех подвластных и самоограничение еще более жесткое, чем для окружающих. Это не может нравиться никому. Заставить достойного полюбить власть можно только в случае, когда она видится ему инструментом достижения великой цели. Цели, которую способны осознать и разделить с ним большая часть его "подданных".

Себя Сталин относил именно к таким достойным. И, прислушиваясь к себе, даже не лукавил в этом. Но вот где взять таких достойных на последующие поколения? Как привести их к власти? Как сделать так, чтобы и последующие властители страны и народа могли в свою очередь гарантированно продолжить традицию преемственности власти?

Прав все же Алексей, систему надо в корне менять, делать ее гибче, создавать контрольные механизмы, не зависящие от мнения "наверху". Но при этом не допустить псевдодемократического бардака и безответственности, реализовавшуюся повсеместно в его мире. Надо делать носителем Идеи всю страну, весь народ. Только не формально, как это получилось у Алексея, а реально. Чтобы была принципиально невозможна та атмосфера апатии и пофигизма, которая сложилась в его СССР образца 91-го.

Легко сказать, но как это сделать? Ведь всегда более 80-ти процентов населения озабочены лишь своими мелкими проблемами, интересуясь всем прочим, лишь когда эти интересы не страдают. А раз так, то любая деградация системы должна автоматически вызывать неудовольствие масс. Они должны автоматически чувствовать некий аналог болевого эффекта, причем применительно именно к их личным интересам.

А значит, их главный интерес должен лежать не в материальной плоскости.

Также довольно бессмысленно противопоставлять друг другу материальный и духовный интерес. Каким бы сильным ни был второй, проблема с первым рано или поздно его разрушит, особенно при неизбежной поддержке извне. Именно так и произошло у Алексея.

Остается только воздействовать на более сильный, чем материальный, инстинкт. Инстинкт выживания. Именно угроза смерти способна победить любой материальный интерес. Причем, это не должна быть угроза насилия. Всю страну не расстреляешь, раньше нарвешься на бунт, а если даже и нет, то, обескровив самого себя, созревшим плодом свалишься в руки внешних "доброхотов", исходящих слюной.

Это должна быть вообще не угроза, а Идея, хотя и базирующаяся на подобной угрозе. Алексей рассказывал, что в его мире в последние десятилетия прямо-таки культивировался страх перед различными формами Апокалипсиса. То инопланетяне нагрянут, то астероид прилетит, то ядерная Мировая начнется. А под этим соусом творились различные манипуляции, закабаляющие людей. только уже не в государственном, а в глобальном масштабе. Но было и рациональное зерно. Выяснилось, что к концу, а то и к середине 21-го века Земля уже не сможет прокормить все человечество, размер которого к тому времени удвоится. И тем более, обеспечить даже поддерживаемый уровень материального потребления. Ресурсы планеты оказалось довольно легко истощить. Причем, даже включая

простую пресную воду. Единственный способ спасти цивилизацию, это выйти в космос. Причем, в так называемый Большой космос, находя и осваивая землеподобные планеты. И вот в этом как раз имеется некий сплав страха перед уничтожением человечества и его же мечтой о покорении Вселенной.

Альтернативой этому является только мировая война непредставимого даже сегодня уровня жестокости и массовости. Счет пойдет на миллиарды.

Итак, это должна быть Идея покорения космоса. Но это лишь одна сторона медали. Необходима эффективная самоподдерживающаяся и саморазвивающаяся система, которая стала бы организационным скелетом общества, объединенного этой Идеей. А характер саморазвивающейся система может приобрести лишь тогда, когда она гармонична, то есть когда волевой властный импульс сверху вызывает такую же по силе обратную связь снизу. И все это равномерно распределено по всем элементам и управляющим узлам системы.

Надо же, даже уже словами Алексея частично заговорил, захватывающее это дело, оказывается.

Сталин усмехнулся и начал набивать трубку. Закурив, он принялся ходить по кабинету, продолжая размышлять над развитием темы.

Для мощной обратной связи снизу, способной воздействовать на власть, необходимы общественные системы. Но, как выясняется, такие системы не могут быть политического или даже профессионального характера. Слишком не устойчивы в них связи между людьми, слишком легко рвутся они под властным воздействием сверху, слишком податливы для различных техник манипулирования сознанием. Нет, эти системы должны базироваться на гораздо более сильной основе. Родственной. Интересно, когда Алексей проталкивал через его сопротивление идею возрождения Родов, он уже имел в виду этот фактор? Ведь тогда Сталин согласился с предложением лишь потому, что увидел в идее совершенно иные плюсы. Объединение всего советского народа, ликвидируя национальные различия, повышение ответственности граждан не только перед всей страной, что является для большинства в значительной степени абстракцией, но и перед дорогими ему близкими родственниками, наконец, возможность эффективного выявления "засланных извне казачков". А оказывается, что идея Родовых объединений содержит в себе гораздо больший потенциал. И прошедший несколько лет Всесоюзный съезд старейшин вполне можно преобразовать в некий аналог советских выборных органов, только на совершенно иной основе. Двойной — идее реализации общенародных целей и идее процветания Рода. А это существенно сильнее, нежели выдвижение политических активистов, многие из которых лишь красиво и правильно говорят, но преследуют исключительно личные корыстные цели.

Да, над этим стоит подумать. А потом и посоветоваться. С тем же Алексеем или Велимиром. Можно еще и с Берией. К сожалению, остальные не решаются высказывать противоположное мнение или даже просто собственное, пытаюсь лишь угадать мнение самого Сталина. И это лишнее подтверждение тому, что система выстроена не так, как должно быть.

Что-то забрезжило, надо еще будет подумать в этом ключе. А пока стоит переключиться на более насущные вопросы.

Война через полтора года. И еще большой вопрос удобна ли дата, которую назвал Алексей. Это с одной стороны, в его истории немцам не хватило времени до начала морозов дойти до Москвы. А с другой, их столь быстрому продвижению существенно помогла июньская засуха, сделавшая проходимыми для техники такие места, которые обычно залиты

водой. На погоду мы повлиять не можем. Зато вполне можем попробовать спровоцировать Гитлера на более раннее наступление или, напротив, постараться его оттянуть на более поздний срок. Причем, более ранняя провокация, скажем на начало мая сулит даже более интересные возможности для противодействия вторжению.

Надо сравнить состояние армии накануне войны в реальности Алексея с тем, что по планам Генерального штаба и Бериевского УЗОРа должно быть в наличии к весне 41-го года у этого СССР.

Сталин достал из сейфа папку с данными и принялся анализировать ситуацию.

### **Глава 63. Бремя одиночества. Часть 2.**

Если верить информации Алексея, а он пока оказывался достаточно точным, то в другой ветке истории на момент начала войны СССР располагал в приграничных западных округах следующими силами:

Солдат и офицеров — примерно 3 300 000 человек. Тут Сталин поймал себя на мысли насколько более естественно звучат слова солдат и офицер нежели боец и командир. Нет, не зря он и в том мире изменил названия в 43-м и в этом времени сделал это с подачи "пришельца" раньше. Преемственность поколений древней страны, являющейся единой и неделимой Родиной для всех поколений на порядок важнее любых идеологических штампов. Политические моменты целесообразности приходят и уходят, а следы их остаются кровоточащими ранами на душах людей, разделяя их на условных своих и чужих. И не дело рисковать таким разделением накануне серьезнейших испытаний. А то можно дойти до того, что чужими станут все. Страна, Родина, ее единство и процветание обязаны быть важнейшими элементами той самой Идеи с большой буквы, которая поведет народ в будущее. Иначе никакого народа не будет. Будет население, живущее или точнее выживающее на определенной территории, временно имеющей некие государственные границы.

Однако отвлекся.

В этом мире численность войск в приграничных округах будет примерно такая же, даже несколько меньше. Ход той войны показал, что большое скопление войск в приграничных районах не панацея от бед, а скорее источник больших проблем вследствие плохой управляемости. Сталин отлично отдавал себе отчет, что несмотря на пятилетнюю активную переподготовку с учетом "потусторонней" информации, состояние армии оставалось далеким от идеала. А противостоять ей будут опытные закаленные практически боями в Европе войска рейха. И это не считая природной склонности немцев к порядку против такой же природной безалаберности русского человека. Значит первой и наиважнейшей задачей будет не остановка противника на границе любой ценой, а медленный и организованный отход с боями на хорошо подготовленные и отлично укрепленные позиции в районе "линии Сталина". Отход, сдерживающий прорывы противника, но не допускающий истощения сил, массовых жертв и утрату боевой техники и материально-технических ресурсов. Сталин сделал себе пометку обсудить этот вопрос с Шапошниковым и Василевским. К их стратегическому мышлению он относился с довольно высоким доверием. В свое время он заставил Алексея подробно вспомнить всех тех, кто руководил войсками в его истории, кто организовал победу, кто проявил себя плохим командиром, а в отношении кого были все основания считать его предателем. Никогда уже не командовать Западным фронтом Павлову, Черноморским флотом Октябрьскому, а про Власова и ему подобных и говорить нечего. Да и Жукову не стоит столько воли давать, Тимошенко можно сослать командовать

Туркестанским округом. А вот того же Рокоссовского стоит побольше поддержать. Он всю войну к жизням солдат бережно относился, хотя по успехам тому же Жукову едва ли уступит. А ведь власти гораздо меньше имел. Но тут время еще есть подумать. Когда Алексей подробно рассказал Сталину о ходе первых месяцев боев в его 41-м, то в отличие от самого рассказчика Сталин мгновенно понял, что столь глубокий провал даже при всех прочих недостатках, просчетах и ошибках не мог состояться без предательства. Предательства массового, осознанного и тщательно спланированного. По сути реализовавшегося заговора военных, который планировал еще Тухачевский. Получается, что даже уничтожив загодя головку заговора в той истории, контрразведчики ликвидировали лишь вершину айсберга, оказавшегося намного больше. В этом времени контрразведка по личному поручению Сталина вот уже несколько лет внимательно отслеживала все возможные нити такого заговора и уже нарыла огромное количество свидетельств готовящейся сдачи страны врагу. По личному распоряжению Сталина, державшему этот вопрос на постоянном контроле, контрразведчики пока ничего не предпринимали, готовясь выявить все до самого дна и одним махом по указу сверху ликвидировать всех заговорщиков. Сейчас этот момент еще не настал, это надо делать буквально за пару месяцев до начала войны с тем, что бы даже возможные оставшиеся элементы заговора уже ничего не смогли предпринять и исправить. А пока на части, оказавшиеся под руководством выявленных предателей, уже сейчас планировались новые командиры, комиссары и работники штабов. Как раз те, которые и в той истории делом и кровью доказали свою преданность Родине.

Сталин на этот раз планировал устроить гитлеровцам гигантскую ловушку, которой они не смогут избежать ни при каких обстоятельствах. И этот подход требовал совершенно иного распределения сил и средств, нежели простая концентрация войск в приграничных районах. Будет вообще правильным, если первыми врага встретят не кадровые части Советской армии, а соединения, сформированные из перешедших в зону контроля СССР польские части и польско-еврейские добровольческие отряды. Ведь в конце концов это именно их земля первой попала под немецкую оккупацию, это их семьи были приняты и обустроены в СССР. Кому же и защищать их, как не им. Разумеется, большой надежды на этих вояк Сталин не испытывал. И оправлять их на убой тоже не собирался. По сути они должны были совместно с погранвойсками РККА лишь обозначать сопротивление, не давая гитлеровцам слишком ускориться, планомерно отступая и заманивая оккупантов на подготовленные позиции. А вот там их должна была встретить совершенно иная армия, состоящая из кадровых подготовленных частей, оснащенных всеми видами вооружений и техники, в том числе созданных с подачи "попаданца".

Кстати, о них.

В том 41-м армии гитлеровцев противостояло 12 782 танка, из которых лишь 1475 можно отнести к современным, Т-34 и КВ. У немцев на тот момент на Восточном фронте было всего 3712 танков. И ведь не сказать, что все их танки были такими уж серьезными, хватало еще образцов первой и второй серий, вполне соответствовавших нашим БТ и Т-26. И тем не менее именно немецкие танки в первые месяцы войны ревели на наших коммуникациях, а не наши танки шли на Берлин. При таком количественном соотношении. Да, сработал заговор. Да господство немецкой авиации зачастую приводило к массовым потерям техники, не прикрытой с воздуха. Да, множество техники было брошено по причине поломок и нехватки горючего. Но было еще и элементарное неумение правильно использовать силы. Упор, делавшийся в 30-е годы на исключительно отработку

наступательной техники при полном непонимании логики оборонительных действий сыграл свою печальную роль.

На этот раз, зная возможное развитие событий, мы поступим иначе. Сталин вновь раскурил трубку и принялся задумчиво расхаживать по кабинету. Танков нам вполне хватит тысяч пять — шесть. Только это будут совсем иные танки. До четырех тысяч Т-34 для маневренного боя и подавления пехотных атак, и тысячи две тех самых монстров ПБ-1, созданных по стандартам будущего. Эти понадобятся для опрокидывания вражеских танковых прорывов и разгрома их укрепрайонов. Если немецкая техника будет соответствовать той истории, а пока все данные разведки подтверждают именно это, то защиты от этого "лома" у немцев просто не будет. Проведенные испытания показали, что ПБ совершенно неуязвим для наличествующих немецких танковых орудий, включая знаменитую "ахт-ахт". В то же время его собственный выстрел из 107-мм орудия легко способен пробить броню даже еще не существующих "Тигров" и "Пантер". При этом существовало еще несколько тысяч старых танков и танкеток, выпущенных еще до 35-го года. Но лишь их малая часть предназначалась для непосредственного использования. Прочие же уже массово переделывались в некое подобие тех легкобронированных БМП, о которых рассказывал Алексей. Для этого от танка использовалось лишь несколько модифицированное шасси, все прочее шло на переплавку. Хотя нескольких сотен устаревших танков ждала иная судьба. Если все сложится. Как задумано, то эти танки окольными путями, так чтобы никто не подумал на СССР, окажутся несколько позже в Японии и немного попортят крови американцам. В конце концов, они первыми отказались от полноценного сотрудничества и все больше играют в свою игру, в которой СССР отводится роль катализатора американской экономики, но никак не партнера. Последние заявления Рузвельта вселяют некоторое беспокойство, да и данные разведки говорят о том, что идеальным для себя вариантом политики и крупный бизнес США видят жесточайшую войну в Европе, в которой Америка будет всячески помогать проигрывающей стороне, максимально затягивая ход войны и зарабатывая баснословные прибыли на поставках военной и промышленной и продовольственной помощи. А для себя в качестве закрепления доминирующих позиций в мире они уже врага выбрали. Это будет Япония. Таким образом, США надеются стать главной силой в мире, без которой не может быть решен ни один вопрос.

По орудиям и минометам тогда был почти паритет при некотором превосходстве СССР. Почти шестьдесят тысяч орудий и минометов у нас против чуть менее пятидесяти тысяч у немцев. Вот только паритет этот оказался в той истории кажущимся. В первые месяцы почти панического бегства на многих участках фронта немцам досталось немало наших орудий и складов с боеприпасами. Так что на практике соотношение вышло совсем иным, кратным в их пользу.

На этот раз все должно быть иначе. Количество орудий также было несколько сокращено в пользу изменения их структуры. Уже начато серийное производство самоходных САУ-85 и САУ-100, уменьшено количество знаменитых в ту войну сорокопятков в пользу меньшего количества орудий более серьезного 57-мм калибра. Увеличено количество минометов. Противотанковые ружья будут заменены на наконец-то получившиеся у конструкторов и технологов "трубы" одноразовых гранатометов. Справились все же ученые с кумулятивным снарядом, молодцы, надо будет наградить, как только снимем завесу секретности. Кстати, и термобарические заряды ученые, понявшие суть даже дилетантских описаний Алексея, обещают создать в самые ближайшие месяцы. До начала

войны должны успеть. Из отходов "проекта 00" уже массово производятся сердечники для бронебойных снарядов. Начато серийное производство знаменитых в той истории "Катюш", причем, сразу в модифицированном виде. Теперь боевые части ракет могут меняться под различные цели и задачи довольно оперативно, а мощность залпа, скорость ракеты и максимальная дальность полета существенно возросли.

Удалось создать более или менее адекватное немецкому "ахт-ахт" зенитное орудие, а также скорострельные зенитки меньшего калибра, но существенно большей скорости и интенсивности стрельбы. Для немецкой авиации это должно оказаться неприятным сюрпризом.

Кстати, об авиации. Сравнить голые цифры накануне войны в отношении авиации просто бессмысленно. Ну что может сказать о соотношении сил информация о наличии у СССР 10 743-х самолетов против всего 4 950-ти у немцев. Да тапками закидаем и на Берлин попрём. Примерно так, видимо, и рассуждали генералы и маршалы в той истории. А что получилось на самом деле? Когда первый раз Сталин услышал о том, что за первые месяцы боев было потеряно почти девять из десяти самолетов, причем большую часть из них просто расстреляли и разбомбили на аэродромах в первые дни войны, он едва нашел в себе силы, чтобы тут же не подвести под расстрел все командование ВВС уже в этом времени. Слава богу, остыл и сообразил, что вина этих военачальников хоть и велика, но не определяющая. И вполне хватает времени на то, чтобы тщательно со всем разобраться и не рубить с плеча. Да и не виновных надо искать, а делать все, чтобы именно немецкая авиация на этот раз не могла высунуть носа из тыловых аэродромов. А для этого надо всего лишь не допустить разгрома в первые дни, тщательно готовить полевые аэродромы и аэродромы подскока, оборудованные капонирами, иметь полные комплекты запчастей. Ведь во многом, как он понял, слабая надежность нашей авиатехники в первые годы войны объяснялась именно тем, что надо было во что бы то ни стало гнать количество. Никакого времени и ресурсов на обеспечение надежности деталей и качества сборки уже не оставалось. Если бы большая часть самолетов, имевшихся на июнь 41-го, была ба сохранена. Даже если бы размен в первые месяцы наших самолетов и неопытных летчиков на немецких пилотов, массово прошедших Испанию и Францию, поднаторевших на боях с англичанами, был бы два к одному, то ни о каком бы господстве немцев в воздухе речи бы не было. А все новые поступления техники в войска проходили бы в плановом режиме и имели бы полный контроль качества. Это, пожалуй, самое важное. Приятно, конечно, что и качественно состав авиации будет на этот раз иной. Почти тысяча новейших истребителей с мотором водяного охлаждения И-17, вместо морально устаревших "Ишачков", вдвое больше высотных истребителей МИГ-3, несколько сотен пикировщиков ПЕ-2, модернизированные штурмовики ИЛ-2. Доводится до ума высотный и дальний бомбардировщик, который еще даже не получил своей маркировки. В серию его обещают запустить не позднее осени. В прошлый раз такого типа самолетов у СССР вообще не было в начале войны. А теперь мы еще посмотрим, как будет крутиться Гитлер при регулярных бомбежках Берлина.

И все же главным была не техника, а организация войск и взаимодействия между различными родами войск и различными войсковыми соединениями.

В целом, Сталин чувствовал удовлетворение складывающейся ситуацией. Он уже хотел переходить к другим темам, но вспомнил про флот. В прошлый раз флот так и не смог сыграть большой роли в ходе войны при всем героизме советских моряков, проявленных на полях сражений. Балтийский флот фактически оказался запертым в Финском заливе,



Черноморский был почти вдребезги разбит постоянными налетами немецкой бомбардировочной авиации, Северный флот едва справлялся с защитой побережья и помощью в проводке караванов из Англии и США.

Сталин понимал, что флот такая структура, что в отличие от танков или авиации, его за несколько лет существенно не изменить. А, поговорив с Алексеем относительно того, каким будет выглядеть флот через десятилетия, понял, что и не стоит особенно торопиться. Важнейшими изменениями были достройка одного линкора, оснащение всех кораблей более совершенными системами ПВО и радары дальнего обнаружения противника. В этой области был достигнут по-настоящему серьезный прорыв. Спасенный Алексеем от ареста Аксель Иванович Берг, которому вместо трехлетнего вынужденного простоя в его истории, были представлены все возможности и ресурсы для работы, как и указания перспективных направлений поиска решений, справился на отлично. Уже сейчас большая часть кораблей, как и наземные системы ПВО были оборудованы довольно мощными радары. Жаль, что на истребители разработать мини-радары уже не успевают. Еще несколько лет, как минимум. Просто нет необходимой элементной базы. Все еще производится на лампах. Хотя разработки кристаллических полупроводников идут полным ходом.

Впрочем, он не совсем прав. В функциях флота будут и серьезные стратегические изменения. Во-первых, Балтийский флот должен встретить начало войны в Рижском заливе и его окрестностях, тем самым сохранив свободу маневра и поддержав оборону Латвии при первом ударе. Во-вторых, Черноморский флот, получив относительную защищенность от авианалетов, должен проявлять большую активность и постоянно тревожить немцев и румын на их территории. В том числе затрудняя отправку нефти в Германию.

Ладно, с этим вопросом ясно. Если сможем на этот раз предотвратить предательство, то нерешаемых проблем в области обеспечения войск не видно. должны справиться со всеми задачами.

Гораздо опаснее выглядит внешняя ситуация. На востоке не решен вопрос с Японией, крайне противоречивую позицию занимает Англия, такую же США, есть вопросы по Турции.

Сталин распорядился принести чай с лимоном и продолжил анализировать накопившиеся проблемы.

### **Глава 64. Бремя одиночества. Часть 3.**

Итак, внешняя обстановка. А она далеко не так проста, как кажется. Слишком много различных интересов завязывается сейчас в единый узел, чтобы можно было легко спрогнозировать поведение Игроков в грядущих событиях. Ясно одно, уже практически все силы, кроме самого СССР сделали ставку на войну. Англия стремится упрочить свое положение в мире, уничтожив военную силу континентальной Европы насколько это возможно. Причем, желательно чужими руками. Впрочем, это не удивительно. "Джентльмены" всегда предпочитают действовать из-за кулис, ограничивая свое прямое участие лишь необходимым минимумом. При этом, имея в своем распоряжении многочисленные колонии по всему миру, Англия является по своей сути Игроком номер один на европейском континенте.

Ее слабость только в одном. Малая территория метрополии. Главной угрозой для нее является быстрый конфликт с переносом на территорию островов, что может не позволить успеть подтянуть колониальные резервы. Отсюда и ее главная линия обороны — мощный флот, способный предотвратить высадку десанта на острова и обеспечить бесперебойную

связь с колониями.

В истории Алексея Гитлер так и не решился на высадку десанта. А массированными авиационными налетами, морскими дуэлями линкоров и крейсеров, как и постоянной многолетней охотой на суда подводных лодок гросс-адмирала Дёница он так ничего и не добился. Вряд ли стоит надеяться на то, что на этот раз история будет развиваться иначе. Разве что та самая записка насчет Дюнкерка как-то сработает, но принципиально это ситуацию не изменит. А нам жесткая схватка между англичанами и немцами очень пригодится. Чем больше они сил потратят на борьбу между собой, тем легче будет Союзу. Тем больше времени удастся выиграть для собственного рывка вперед на основе послезнания. Еще лет десять, и нас никто не догонит.

Сталин опять принялся мерить ногами кабинет, так ему было легче думать.

Другим фронтом, на котором немцы и англичане вцепились в том мире друг другу в глотку, была Северная Африка. Но, как рассказывал Алексей, эта война больше походила на рыцарский турнир или игру, не имея по жестокости борьбы ничего общего с тем, как шли бои на Восточном фронте. Целью Гитлера в этой африканской войне был захват Суэцкого канала для предотвращения поставок из английских колоний. Необходимость для англичан обходить на пути в Европу всю Африку не только существенно увеличивала маршрут, но и делало поставки существенно рискованнее. Все же немецкие подлодки в Атлантике резвились достаточно активно и успешно. А на полноценное военное сопровождение колониальных конвоев не хватит сил даже у английского Гранд Флита. Это не между островами и США ниточку протянуть.

Но в той истории сил у немцев на это не хватило. Атака с одной стороны, со стороны Ливии никак не мешала постоянному подвозу боеприпасов, людей и прочих ресурсов по Каналу, что ставило англичан если не в преимущественное, то уж точно в равноправное положение. Кроме того, жестокий и масштабный характер войны с СССР не позволял Гитлеру отвлечь на африканскую кампанию сколько-нибудь серьезное количество собственных войск. В результате ни одна из сторон, не имея шансов на решающую победу, скорее имитировали войну, гоняясь друг за другом по ливийским и египетским пустыням, нежели реально вели ее на уничтожение.

Можно ли что-то предпринять в этом плане, чтобы сместить положение с точки зрения равновесия? Очень может быть, что и да. Только надо обеспечить два дополнительных фактора. Во-первых, надо как можно быстрее завершить конфликт между Германией и СССР. Если это произойдет быстро и закончится достаточно серьезным разгромом передовых немецких частей, то это наверняка охладит пыл Гитлера продолжать попытки бодаться с СССР. С другой стороны быстрая победа СССР позволит не переносить войну на территорию Германии, по крайней мере немедленно. Можно будет сделать вид, что агрессор, получив быстро и уверенно по рогам, все понял, и счесть произошедшее ошибочным конфликтом, переведя стрелки и ответственность на каких-нибудь генералов Вермахта. К тому же всегда можно назвать мир перемирием. Это сделает незадействованными в деле десятки немецких дивизий, которых надо чем-то занимать. И Африка будет здесь очень кстати.

Во-вторых, стоит задействовать Турцию. Если параллельно с немцами из Ливии ее войска ударят на юг через Сирию и Палестину с выходом на Канал с востока, то англичанам будет в разы труднее его защитить. А мы в этом деле ничего практически не теряем. Интересов в районе Суэца у нас нет и не предвидится, более того, сам Канал нам скорее

вреден, чем полезен. Для СССР гораздо перспективнее смотрится постройка мощного железнодорожного сообщения с юга Ирана на север и дальше по берегу Каспия в Европу по территории нашей страны.

Да и закончить все разговоры насчет Израиля в Палестине не помешает. Он только будет конкурировать с нашим Крымом и вносить разброд и шатание в умы советских евреев. А турки, заняв Палестину, вряд ли кому ее отдадут, тем более, что Англия уже не сможет больше настаивать на своем.

Вот только как обеспечить участие Турции в войне лишь в одном, безопасном для нас направлении. Здесь есть над чем подумать и кого озадачить. Сталин подошел к столу и сделал ряд пометок в журнале на эту тему.

Как только англичане проиграют битву за Суэц, настанет время для совместного советско-иранского освободительного похода в Индию. К этому времени восстание там уже должно быть подготовлено должным образом.

Сталин сделал еще ряд пометок. В принципе служба Артузова этим вопросом озадачена давно, еще со времен договоренностей с шахом, но теперь наступает время для более плотного контроля обстановки.

Так, я Европой все более или менее ясно. Никакой иной реальной силы, кроме Германии и Англии там нет и не предвидится. Вот и путь дерут друг другу глотки до полного уничтожения.

Япония. Вот еще одно направление постоянной головной боли. Оно, конечно, прекрасно, что своевременное присоединение Монголии к СССР позволило избежать прямого военного конфликта, который случился в том мире в районе Халкин-Гола. Но есть в этом и свои минусы. Не получив должным образом по шее, самураи все еще считают себя великими завоевателями, а Хасан могут рассматривать как крайнее недоразумение. И без того, чтобы понять нашу истинную силу, они на нормальный разговор не пойдут. Другое дело, что если они не взбрыкнут до начала войны с Германией, то потом быстрый, решительный и жесткий разгром немцев будет для них серьезным основанием для миролюбия. Впрочем, от них потребуется не только и не столько миролюбие, сколь полное согласие с советской позицией. А это обеспечить будет на порядок сложнее. Ведь нам точно стоит перекроить этот регион совершенно иначе, нежели это случилось в истории Алексея. Во-первых, Корею стоит включить в состав СССР. Разумеется, полностью добровольно. Они прекрасно ассимилируются и быстро становятся нормальными русскими. Алексей это тоже подтверждает. Трудолюбивы, неприхотливы. Проблем не создают. А вот Китай лучше разделить на две части. Манчжурию, возможно, стоит оставить Чан Кайши, а при нем императора Пу И, без власти, но выполняющего символическую функцию преемственности. А в Южном Китае пусть господствуют коммунисты Мао и Дэна. Кстати, Дэна Сяопина надобно активнее поддержать и установить с ним прямые контакты. Судя по тому, что ему удалось сделать той истории, он, безусловно, великий руководитель. Пусть будет при Мао серым кардиналом, не позволяя тому впадать в идиотские крайности.

И все эти планы явно не вызовут восторга в Японии. Настолько, что не исключен прямой конфликт. Значит надо что-то придумать, чтобы уход из Манчжурии и Кореи не стал бы для Японии потерей лица. Надо дать что-то взамен. И очень существенное. Что бы это могло быть, Сталин пока не придумал, но обязательно придумает. Например, поможет не проиграть войну США. А как, это уже дело техники.

Проблема их войны с США остается. Как рассказал Алексей, начнут ее японцы, не

вынужденно. США предъявят им ультиматум немедленно покинуть все захваченные территории в ЮВА, причем в настолько грубой форме, что японцы просто не смогут ничего урегулировать, хотя оттянуть начало войны попытаются.

Для СССР очень важно, чтобы Япония эту войну не проиграла или по крайней мере не проиграла быстро и с разгромным счетом. В мире Алексея они проявили себя ценнейшими специалистами, доводящими любое изобретение до технологического и технического совершенства. И этим они прекрасно дополняют СССР. Русский человек по своей натуре прекрасный изобретатель, но ему претит изо дня в день делать одно и то же и вылизывать мелкие недочеты. Зато именно в этом сильны японцы. А те же китайцы являются превосходной рабочей силой. Если их держать под постоянным контролем тех же японцев, то они и халтуру гнать не будут, и объемы дадут любые необходимые.

Да, может получиться целая производственная цепочка.

Значит, после войны Япония должна умерить именно свой военный дух, а всю энергию направить в мирное созидательное русло. И здесь им явно потребуется помощь.

В идеале, — Сталин даже прищурился от того, как бы хорошо получилось, — нам надо, чтобы Германия победила Англию и полезла войной на США. А США, не выдерживая полноценной войны на два фронта, обратились бы к СССР за помощью. Тогда был бы шанс разменять реальную военную помощь против Германии, нам все равно сильная Германия под боком не нужна, на согласие прекратить войну с Японией. При этом именно мы бы определяли условия, на которых это прекращение войны было бы достигнуто.

Их этого следует то, что на момент подписания мира Япония должна находиться на грани поражения, но еще держаться. При этом у США тоже не должно хватать сил на то, чтобы Японию дожать до победы.

Сами США, активно втягивающие в войну весь остальной мир и пытающиеся на ней вылезти из глубокого кризиса и неплохо подзаработать, должны получить для себя то, что готовят другим. Пусть варятся в собственном соку на своем континенте, изображая из себя регионального лидера обеих Америк, но не больше. Никакой гегемонии и однополярности.

Да, мысль определенно хороша. Теперь, когда стратегия поведения и главные цели в голове у Сталина сформировались, пусть и лишь на самом высоком уровне, требующем дальнейшей проработке, он уже мог позволить себе и посоветоваться с другими. С тем же Алексеем, например.

Кстати, об Алексее стоит подумать отдельно. Очень уж непростое у него к Алексею отношение. Нет, информации, которую выдавал этот странный пришелец, Сталин научился доверять давным-давно. Да и в лояльности и простой человеческой порядочности совершенно не сомневался. А вот как человека не понимал.

Алексей резко отличался от всех, кого Сталин видел за свою довольно длинную жизнь, кого научился распознавать и кем научился отлично управлять.

Кем-то двигал страх и желание быть всегда на стороне сильного лидера. Этим было большинство. Таких людей всегда требовалось держать в некотором напряжении, чтобы страх совершить ошибку всегда гарантировал их лояльность.

Некоторые в любом деле прежде всего преследовали личный интерес. И не важно, проявлялся он в карьерной или материальной области. Этими людьми двигала жадность. Управлять этими было еще проще, расставляя для них понятные границы проявления и удовлетворения такого интереса. Главное было плавно тормозить их амбиции, когда они реально достигали пределов своего профессионализма. Для этого надо было всего лишь

вовремя показывать им, что с большим они просто не справятся и выказывать им поддержку на занимаемом сегодня месте.

Изредка встречались подлинные люди идеи, которые готовы были отстаивать ее даже с риском для самих себя. Тут всегда приходилось делать выбор. В идеале Идея была правильной и тогда людей можно было использовать и в хвост и в гриву, лишь периодически поощряя, показывая ценность их работы и слегка указывая нужное направление движения. Если Идея была неправильной, то естественной была попытка переубеждения с целью сделать таких работников своими преданными сторонниками. Иногда получалось, и в этом случае более идейных и убежденных сторонников было трудно найти. Наконец, при неудаче такие люди становились идейными врагами и подлежали уничтожению.

Еще проще работать было с обывателями. Среди них встречались люди всех предыдущих трех типов, но с настолько слабым их проявлением, что они легко поддавались даже самому легкому давлению.

Алексей не походил ни на один из таких типов. Он был активен, но не амбициозен. За всеми его словами и действиями вообще не угадывалось ничего лишнего. Страх он из-за своих удивительных способностей в этом мире был полностью лишен. Никаких личных устремлений не проявлял, даже скорее сторонился всего, что могло бы их выказать. То ли это была такая маска, за которой он прятал что-то глубоко внутри себя, то ли это было полнейшее равнодушие к любым материальным, да и моральным стимулам. Его как бы вообще в этом плане не существовало. Да и в плане Идеи он вел себя очень странно. С одной стороны, иногда спорил до хрипоты даже с ним, Сталиным. И далеко не всегда безуспешно. Порой ему удавалось находить такие аргументы, что самому Сталину никогда не пришло бы в голову рассматривать проблему под таким углом зрения. С другой стороны, он никогда не держался за правильность своего мнения, довольно трезво оценивая силу встречной аргументации и спокойно принимая правильность позиции оппонента. Но это не было и безответственностью или следствием равнодушного отношения к результату. Результат ему был важен и даже очень. Вот только лежал он за пределами всего, на что сам Сталин был способен повлиять.

Точнее не так. Сталин либо мог добиться того результата, который Алексею казался важнейшим и необходимым, либо отказаться от этого. Но повлиять на его отношение к этому Сталин не мог. Отчего Алексей на протяжении всех прошедших лет оставался для Сталина своего рода загадкой. Он одновременно и нервировал его, оставаясь подчеркнуто независимым, и радовал своей помощью, которая уже оказалась неоценимой, и все больше становился для него таким наркотиком. Без обсуждения с Алексеем, часто наедине, каких-либо сложных вопросов, Сталин уже очень давно решений не принимал. При этом он всегда принимал их сам, но абсолютно лишена всяческого подобострастия независимая позиция Алексея позволяла Сталину всегда беспристрастно оценить это решение со стороны. И иногда увидеть очень серьезные дефекты, способные привести к принципиальным ошибкам.

Однажды он даже спросил Алексея напрямую, почему он никогда не проявлял ни в чем своего личного интереса. Даже к наградам относился внешне уважительно, но подчеркнуто равнодушно. Самое удивительное, что Алексей не стал отпираться и подтвердил, что все так и есть. Но вот его ответ о причинах такого Сталина просто поразил. Алексей сказал, что находясь в этом странном положении практически голого разума, он понял, что все личное лишь уводит человека от истины, расставляет границы, не пускающие человека к создателю. И чем больше таких границ, тем дальше человек от Бога в своем сознании. В своем мире он

не мог себе этого позволить. Слабость и зависимость физического тела от внешних обстоятельств, интересы, связанные с благополучием собственной семьи, необходимость постоянно подстраиваться под общепринятые условия и правила, все это существенно мешало. Здесь же он от всего этого свободен. Семья спит в безопасности, тело неуязвимо, есть — пить не просит. Ничего материального он с собой в свой мир захватить не в состоянии. Так ради чего тогда отделять свой интерес от единственного, имеющего настоящее значение — обеспечить с помощью этого мира выживание собственного?

И тут Сталин понял, что фактически их отношения были странным союзом двух независимых одиночеств, при том, что один обладал всей полнотой власти, а другой даже отсутствием ее тени. При том, что для одного это был его мир, лежащий огромным грузом на его плечах, а для другого такой же мир на плечах, но другой, по странному велению судьбы кинутый ему на плечи и тесно связанный с этим миром.

А может и не стоит ломать себе над этим голову? Может стоит просто принять все, как есть и пользоваться подарками судьбы, тем более, что их не мало? В конце концов это даже приятно иметь в полностью подконтрольной среде некий независимый, но дружески настроенный элемент. Да, пожалуй, так будет лучше.

## **Глава 65.**

### **Взгляд на ситуацию из Берлина.**

Примерно в то же самое время, когда Сталин на ближней даче в тишине размышлял о перспективах изменения в мировой ситуации, теми же самыми вопросами задавались и в совершенно иных местах.

Пятого января состоялось совещание у Гитлера с целью уточнения последних моментов перед началом европейской экспансии. На этот год у Германии были намечены очень серьезные планы.

Первый их этап никаких принципиальных вопросов не вызывал. Занятие территории Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии было тщательнейшим образом спланировано и подготовлено изнутри. Швеция недавно неофициально подтвердила готовность к дружественному нейтралитету, который по сути был союзническим договором, исключавшим разве что прямое участие в боях за границей шведских войск. В остальном страна ради сохранения своей официальной независимости готова была на все. Даже на массовые поставки любых требуемых рейху товаров по минимальным ценам и с хорошим кредитом.

Чуть больше опасений у Гитлера вызывала Бельгия. Сомнений в том, что немецкие войска в случае чего сомнут бельгийскую оборону в момент, у фюрера не было никаких. Но какие-то военные действия все же ожидались. Тем более было до конца не понятно, какое непосредственное участие в этих событиях могут предпринять Франция и Англия. А еще легкой занозой в голове Гитлера постоянно сидело упомянутое в том неожиданном письме Сталина название бельгийского городка Дюнкерк. Он до сих пор не понимал, что имел в виду советский руководитель, но к подобным странностям относился крайне серьезно. Гитлер сам был в значительной степени мистиком, а потому прямое указание на какие-то вероятные события в будущем воспринимал далеко не как какой-то курьез.

Все вышеназванные направления движения движения Германского Рейха к статусу Еврорейха входили в единый разрабатываемый план "Гельб", итогом реализации которого должна была стать победа над Францией.

Этот план предусматривал наступление основных сил немецких войск (2 группы армий

в составе 5 армий и танковой группы при поддержке 2 воздушных флотов) на фронте от Северного моря до южной границы Люксембурга через территорию нейтральных государств Нидерландов, Бельгии и Люксембурга.

Направление главного удара намечалось южнее Льеж-Шарлеруа с форсированием р. Маас у Динана и Седана и последующим выходом главной группировки к нижнему течению р. Сомма, разгромом англо-французских войск и успешным завершением войны на Западе.

Начало наступления планировалось еще на 12 ноября 1939, но затем сроки начала операции переносились около тридцати раз. Существенно менялся и сам план.

Первоначально он назывался план ОКХ, за основу которого был взят план Шлиффена 14-го года. Однако, первоначальный план ОКХ не ставил перед собой особо серьезных задач, например, победу во Фландрии, а предполагал установление позиционного фронта вдоль реки Сомма. Но затем амбиции Рейха существенно выросли и план стал включать в себя уже выход к Ла-Маншу.

Однако, и этот план не устроил фюрера. Кстати, именно ход обсуждения этого плана и его множественная переделка в существенной степени демонстрируют тот факт, что Гитлер на самом деле обладал отличным стратегическим мышлением. Именно он раскритиковал попытку повтора с несущественными изменениями плана Первой мировой. К подобному развитию ситуации его англо-французские оппоненты не могли не быть готовыми. Ведь линия Мажино вдоль франко-бельгийской границы гарантировала если не безопасность Франции, то, как минимум, серьезные трудности для атакующего. А потому именно территория Бельгии предполагалась всеми участниками, как вероятная зона боевых действий. А потому Гитлер потребовал представить новый план, который стал бы неожиданным для противника.

И такой план был разработан начальником штаба группы армий "А" Эрихом фон Манштейном. Манштейн сделал вывод, что лучше нанести главный удар через Арденны в направлении Седана, чего союзники никак не могли ожидать. Основной идеей этого плана было "заманивание". Манштейн не сомневался, что союзники обязательно прореагируют на вторжение в Бельгию. Но, разворачивая там свои войска, они потеряют на какое-то время свободный резерв, загрузят до отказа дороги, а главное, ослабят "скольжением на север" оперативный участок Динан — Седан.

Но и этот план встретил сопротивление штаба сухопутных войск, который считал его невозможным по причине плохой проходимости техники в горах. Тем не менее Гитлер был оповещен о наличии плана Манштейна, хотя и с критическими замечаниями.

В итоге основным все же был признан план ОКХ, получивший название "Гельб", но в него были внесены существенные изменения, предусматривающие параллельную активность в Арденнах с упором на главный удар именно войсками группы армий "А".

Затягивание с принятием окончательного решения сильно беспокоило Гитлера. Он буквально чувствовал, что задержка с началом операции может быть воспринята оппонентами как нерешительность и неуверенность в собственных силах, а потому вызвать игру на опережение. К концу 39-го года Гитлер уже начинал нервничать и торопить свой генералитет. Его главные опасения вызывала безопасность Рура, являвшегося главной ресурсной базой Рейха. Он всерьез опасался возможной атаки англо-французских войск в этом направлении. В случае аннексии Рурской области рейх был бы обречен. А потому Гитлер настаивал на игре на опережение. Еще в конце 39-го года в одной из своих директив он писал:

"

*Я решил, не теряя более времени, перейти в наступление. Дальнейшее промедление не только повлечет за собой прекращение бельгийского и, вероятно, голландского нейтралитета, чем не преминут воспользоваться союзники, но и дальнейшее наращивание военной мощи противника, что подорвет веру нейтральных государств в окончательную победу Германии и значительно усложнит вступление Италии, как полноценного союзника, в войну*

"

Текущее совещание должно было поставить окончательную точку в обсуждениях всех оставшихся нерешенными вопросов, а сам представлен на окончательное утверждение фюреру к концу января текущего года.

Оговоримся, что в последующем план "Гельб" перенес еще не одно изменение, прежде, чем воплотился в реальность, но на момент январского совещания в Ставке Гитлера он был именно таковым.

С обсуждением плана "Гельб" совещание покончило довольно быстро. Общие цели и задачи были понятны, противоречий особых не существовало, а потому Гитлер поручил закончить детальную разработку плана в кратчайшие сроки и провести по итогам военно-штабные игры.

Но на этом совещание не прекратило свою работу. Гитлер посчитал довести до собравшихся более долгосрочную стратегию Рейха.

— У меня нет никаких сомнений в том, господа, что обсуждавшийся здесь план будет полностью выполнен войсками нашего вермахта в самые сжатые сроки. Следующий за ним этап понятен и очевиден. Мы должны разгромить Францию, являющуюся нашим единственным серьезным противником в континентальной Европе. Уверен, что нам под силу справиться и с этой задачей. Можете ничего не говорить. Настоящий вопрос не в этом, а в том, что делать дальше.

Напрашивается вывод о том, что следующим объектом поглощения должна стать Англия. Победив ее Рейх не только уничтожит старого врага, но и окончательно освободится от гнета того унижения, что испытала наша страна по итогам Великой войны.

Однако, сделать это будет совсем не просто. Сила англичан не в территории и не в сухопутных войсках, она в первую очередь в ее флоте и гигантских колониях по всему миру. Кроме того, сила Англии в ее золоте и контроле финансов по всему миру. Даже захватив острова, мы не победим Англию окончательно.

Мы должны тщательно просчитать все возможности и спланировать эту войну так, чтобы не упустить инициативу и решить вопрос окончательно. А для этого нам надо сначала максимально ослабить Англию, лишить ее маневра, связей с колониями. Но и это не все. Нам крайне важно провести соответствующую подготовку наших войск. Сегодня в Германии еще слишком много англофилов, считающих британцев братским народом. И это тоже один из самых печальных итогов той войны. Враг захватил не только наши земли, не только украл наше золото. Он унижил нас, внедрив в сознание миллионов немцев миф о том, что Германия не ровня Англии. А между тем историческая правда в другом. Это Вильгельм Аранский с помощью немецких штыков захватил Англию. И вместо благодарности мы имеем откровенную враждебность.

Она понятна. Британия не терпит конкурентов своему господству. Но мы покажем ей, как она ошибается. Она уже ошиблась, когда скупила у США все долги Германии, думая, что



этим сможет удержать торжество арийской справедливости. Мы уничтожим ее вместе со своими долгами. Нация торговцев и ростовщиков никогда не будет править нацией воинов. Мы построим наш величайший тысячелетний Рейх, в котором не будет места евреям-ростовщикам, захватившим власть в Британии. Во главе общества должны стоять воины, а не торговцы. И так и будет.

Мы захватим Францию, мы объединим под собой всю Европу и тогда мы нанесем по Британии смертельный удар. Но не напрямую, мы ослабим ее, мы приведем империю к упадку, мы заставим их потратить свое золото на выживание. И только после этого нанесем решающий удар.

Гитлер взял паузу и выпил воды, заодно немного успокаиваясь. Его сумасшедшая энергетика требовала выхода, а потому он даже в своем кабинете начинал вещать, как на многотысячном митинге. Все присутствующие давно к этому привыкли, а потому сидели молча с внимательным выражением на лицах. Продолжил Гитлер уже спокойнее.

— Мы должны уже сейчас, не забывая о насущном моменте и первоочередных задачах, планировать будущие победы. И начнем мы с Африки. Мы должны прервать все английские каналы снабжения. Для этого мы высадимся в Северной Африке, где-нибудь в Ливии или Тунисе. Мы пойдем на Каир, а дальше захватим Суэц. Мы захватим Гибралтар и полностью освободим средиземноморье от английского присутствия. Два этих пункта, Суэц и Гибралтар, должны стать нашими ключами к победе. Без них рухнет весь британский Ближний Восток. Вы должны уже сейчас начать разрабатывать эти планы, чтобы в нужный момент мы вдохнули в них жизнь. А потому:

— Риббентроп. Вам поручается склонить Турцию к сотрудничеству в деле атаки на Суэц, а в идеале обеспечить ее полноценное участие в нашем Пакте. Можете обещать ей что угодно, даже Ирак, только добейтесь успеха. Кроме того, Вы должны склонить к сотрудничеству Испанию. Пока каудильо на это не пойдет, но после поражения Франции все изменится. Как минимум, он обязан пропустить наши войска на Гибралтар. Да и первую высадку в Африке должен сделать наш друг дуче. Пусть обеспечит нашим победоносным войскам хороший плацдарм.

— Кейтель. На Вас военное планирование всех операций и расчет потребных средств.

— Адмирал Канарис. На Вас все информационное разведывательное обеспечение. Я постоянно должен знать, что происходит в странах, которые могут быть задействованы в операции и в самой Британии. Я знаю, что Вы с симпатией относитесь к англичанам, но уверен, что Ваша преданность идеалам Рейха превыше всего. На так ли?

— Яволь, мой фюрер. Я действительно не очень позитивно смотрю на перспективы жесткой войны с Англией, но лишь потому, что вижу множество проблем. А сердце мое принадлежит Великой Германии.

— Хорошо, дальше. Денниц. Я очень рассчитываю на то, что Ваши brave подводные кригсмарине обеспечат англичанам хорошую трепку и заставят себя уважать. Они должны если не блокировать морские пути Британии, то, по крайней мере, заставить их всю нервничать и совершать ошибки. Атлантика должна быть нашей.

— Геринг. Вам совместно с Функом надлежит обеспечить производство всего необходимого для нашей армии и финансирование этого производства.

— Ну а Вы, дорогой Геббельс, должны выбить из наших немцев эту еврейскую ложь о братстве английского народа немецкому.

Всем все понятно? Первые наброски жду от всех через два месяца.

А теперь о самом важном. Что каждый из Вас может сказать о Советах? Как вам понравилась их финская операция? Слабы они или только пытаются казаться слабыми и невыразительными. Что вообще у них происходит. За последние годы они скупили в Америке столько заводов, что хватило бы на всю Европу. И деньги у них не перестают водиться. Я уже давно не слышал ни от кого из вас о состоянии России. А ведь до нее рано или поздно дойдет дело. Без их продовольственных ресурсов мы не обойдемся. Но для принятия верного решения по ним, нам надо точно представлять, что именно там происходит и что кроется за их показным, но тем не менее отстраненным дружелюбием.

Давайте начнем с Вам, адмирал. Что может сказать разведка?

— Мой фюрер, вот уже несколько лет в России стало невозможно нормально работать. Большая часть из внедренных агентов провалилась. Часть попала под их знаменитые чистки, а с введением этих их родовых паспортов заслать человека от нас практически не возможно. Остается только подкуп. Но на это идут очень немногие и средств эффективного шантажа у нас почти нет. Тем не менее, мы продолжаем работать. Часть наших агентов глубокого внедрения сумели сохранить не только свою жизнь, но и положение в обществе. Они, к сожалению, редко имеют возможность выходить на связь, чтобы не попасться в лапы НКВД и этой их СВК, но работают. По имеющейся у нас информации в последние годы СССР очень здорово изменился. Наблюдается удивительное сочетание репрессий и идеологического сплочения нации, у них даже церковь вошла вновь в фавор. Экономика прет как на дрожжах. Все поступающие из Америки заводы в кратчайшие сроки вводятся в эксплуатацию. Есть множество слухов о создании современных видов вооружения, но ни в полевых частях, ни на парадах, ни даже в финской операции что-либо принципиально нового замечено не было. Разве что, кроме танка Т-34, примерного аналога наших троек и четверок и довольно интересного на их основе вида танковых тралов, примененных в Финляндии. Однако, слухи есть и агенты делают все, чтобы найти их подтверждение.

— Всеми силами, адмирал. Вы можете себе представить то, что мы вдруг окажемся в состоянии конфликта с советами, и при этом не учтем реального положения вещей? Это будет катастрофа. А потому я приказываю бросить все силы на выяснение обстановки. Кейтель, а что можете добавить Вы? Ведь у Ваших офицеров, насколько я знаю, сохранились какие-то контакты с советскими военными?

— Да, мой фюрер. И по моим источникам новое оружие в СССР производится. Но это также на уровне слухов. Никто в действующей армии, с кем мы имеем контакт, его не видел своими глазами. А среди наших знакомцев имеются и генералы.

— Так может быть. Это блеф? Может быть. Никакого чудо-оружия нет и не было. А имеет место не двойная, а тройная игра? Ты слаб, сделай вид, что ты слаб, тогда все подумают, что ты силен? Ведь никакой реальной силы, кроме грамотного планирования и умения торговаться они в Финляндии не показали? Даже по сути пробившись на оперативный простор сквозь линию Маннергейма, они не пошли развивать успех, как вделала бы любая нормальная армия, а опять устроили торг, мало отличающийся от их довоенного предложения. Это сила или слабость?

Гитлер сердитым взглядом обвел сидящих в кабинете. — В общем так. Любой ценой выяснить. Что происходит в СССР на самом деле. Мы не имеем право на ошибку. Представьте себе, что Советы сильны и бьют нам в спину в разгар войны с Англией. Или мы будем вынуждены придти к ним за ресурсами, с чем мы столкнемся. Мы должны знать это наверняка. На этом все, господа, сожжете быть свободны. О любой информации из России

докладывать мне немедленно.

## Глава 66. Туманы Альбиона.

Первый Лорд Адмиралтейства сэра Уинстон Черчилль воспринял приглашение конфиденциально посетить в воскресенье 14 января 40-го года Виндзорский замок для неофициальной встречи с Его Величеством со смешанным чувством тревоги и ощущения грядущих серьезных перемен. Конечно, ему приходилось бывать в этом замке и раньше, как и иметь честь лично беседовать с Его Величеством. Но никогда прежде эти встречи не были столь таинственно обставлены. Письмо с приглашением было доставлено ему лично в запечатанном чистом конверте, по которому было невозможно определить отправителя. А сам текст отличался максимальной лаконичностью. Ему предлагалось посетить с частным визитом Виндзорский замок к полудню 14-го числа, не ставя при этом никого в известность, а также предприняв разумные усилия для сокрытия цели своего маршрута. Это было непривычно, а потому возбуждало множество различных предположений.

Самое неприятное, что в письме даже не содержалось намека на тему предстоящей беседы. А Черчилль терпеть не мог чувствовать себя не подготовленным. Потому два дня, отпущенных ему до свидания с монархом, он потратил на то, чтобы еще раз проанализировать всю информацию о положении в Британии и в первую очередь в зоне его непосредственной ответственности — Королевском флоте, а также оценить международную обстановку и перспективы ее развития. По своей должности Черчилль обладал почти всей полнотой информации, в том числе и поступавшей по линии британской разведки. Достаточно неплохо, являясь фактическим лидером одной из парламентских партий, владел он политическими раскладами внутри страны. Однако, полного успокоения так и не произошло. Сама таинственность приглашения заставляла его снова и снова размышлять над причинами, побудившими монарха сделать его в столь неожиданной форме. Ведь его должность была в достаточной степени ответственной и публичной, а флот одной из постоянных тем, которыми король интересовался непосредственно, поскольку именно флот обеспечивал величие его Империи. Все это подразумевало возможность его встреч с монархом без каких-либо дополнительных оправданий. Тем не менее, король выбрал столь необычный способ.

Когда в назначенное время дворецкий объявил о прибытии лорда Черчилля и пропустил его в кабинет, все стало на свои места. Расположившись в уютных креслах вокруг низкого столика, в кабинете сидели двое самых могущественных без каких-либо скидок людей Империи. Его Величество Георг, олицетворявший власть явную, и барон Лайонел Уолтер Ротшильд, олицетворявший власть тайную. Насколько велика была эта власть и была ли она большей, нежели власть короля, Черчилль не знал, однако очень хорошо усвоил много лет назад одну простую истину. Среди тех, кто навлек на себя немилость короля, иногда находились те, кому это обошлось без больших последствий. Однако среди не угодивших клану Ротшильдов таковых не было в принципе. И он не знал ни единого случая, когда бы протекция короля или королевы помогла уберечься несчастному от очень серьезных неприятностей. Причем, их большая часть случалась таким образом, что обоснованно показать пальцем на виновника этих неприятностей не мог никто. Или никто не рисковал, что по сути было одно и то же.

— Ваше Величество! Сэр Лайонел!

— Проходите сэра Уинстон, присаживайтесь. Надеюсь, Вы не будете против составить компанию двум таким джентльменам, как мы за бокалом хорошего бренди. Впрочем, как

мне помнится, Вы предпочитаете коньяк. Наливайте себе сами, мы тут расположились попростому, чтобы не надоедать слугам своими занудными разговорами. А они почему-то считают степенность своих действий своего рода обязательным ритуалом, потому постоянно пришлось надолго прерываться и терять нить разговора. И давайте без лишнего официоза.

Черчилль, наливая себе немного коньяка и слушая попутно эти вроде бы мягкие и даже немного ворчливые слова короля, мгновенно насторожился. Уж слишком много нарушений этикета. Такое без нужды не бывает.

— Не нервничайте, сэр Уинстон. Нам сейчас всем придется понервничать, — произнес Ротшильд. Что Вы можете сказать по ситуации в Европе?

Черчилль немного поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, а заодно давая себе пару мгновений собраться с мыслями. Что от него хотят услышать?

— Насколько я в курсе, господа, ситуация разворачивается достаточно серьезная и скоро перейдет в открытую военную фазу. Но это вполне прогнозировавшиеся нами события. Немцы, по всей видимости, заканчивают плановую мобилизацию и готовы атаковать. Первой их целью вполне ожидаемо будет Бельгия. Затем, если их войска действительно так хороши, как о них говорят, на очереди будет Франция.

— Вы считаете, что объединенные англо-французские силы не в состоянии будут отбить их атаки в Бельгии? Или хотя бы создать позиционный фронт, удерживающий их на месте, как это случилось в прошлую войну?

— Такая вероятность, безусловно, есть. И все же нет никакой уверенности в успехе. Прошу простить меня господа, но лучше сказать горькую правду, чем сладкую ложь. Ибо считаю, что наша неготовность к последствиям поражения в Бельгии может сыграть с нами гораздо более злую шутку, чем неприятное мнение такого зануды, как я.

— Безусловно, сэр Уинстон. Только правды мы от Вас и ждем. Тем более, что Ваше критическое отношение к готовности Британии к войне широко известно. К чему, по Вашему мнению, нам стоит готовиться при наихудшем раскладе?

— Я бы рискнул предположить, что в худшем случае Гитлеру удастся захватить почти всю Европу, включая Северные государства.

— И Францию?

— И Францию, Ваше Величество. Я достаточно хорошо знаком с этими надутыми парижскими индюками. Да, у них большая армия, она неплохо вооружена, у них далеко не самая слабая эта их линия Мажино. Но все это ничто по сравнению с тем, что они утратили пассионарность. Видимо, слишком много французов осталось на полях Великой войны, не успев бросить свое семя в почву. Нация фактически выродилась. Эти придурки всерьез с умным видом размышляют о том, что самое страшное в войне не проигрыш, а человеческие потери. При этом у немцев, напротив, униженных результатами той войны, мотивация просто зашкаливает. Они готовы рвать французов чуть ли не голыми руками. И такой настрой в них всячески поддерживается их фюрером и пропагандой.

— То есть, другими словами, в Бельгии на них особой надежды нет? И что нам в этом случае делать?

— Надежды действительно нет. Французы не выдержат серьезного удара и побегут. Наши войска на континенте могут остаться если не в одиночестве, то в неприятной ситуации. Потому следует заранее подготовить флот к эвакуации наземных частей из Бельгии и Франции. Надо лишь уловить момент, чтобы французы побежали первыми и дали нам возможность сохранить лицо, как говорят китайцы.

— А какова вероятность того, что Гитлер обрушится не на Бельгию, а на Советы?

— Пока ничтожна. Для войны с русскими Гитлеру потребуются совершенно иные ресурсы и опытная обученная армия, познавшая вкус побед. Европа для этой практики подходит как нельзя лучше.

— Следует ли Британии опасаться, что после захвата Франции она будет следующей?

— Вы же хотите услышать от меня правду, а не заверение в верноподданнических чувствах?

— Разумеется.

— Британия, безусловно, готова к войне совершенно недостаточно. Я уже неоднократно критиковал беззубые действия Правительства, направленные на удовлетворение запросов немецкого волка.

— Но ведь мы сами приложили руку к его возвращению!

— Да, но не против себя же, а против русских. Гитлер должен стать нашим копьем, уничтожившим коммунизм. Но для этого мы должны быть сильны настолько, чтобы он даже не помышлял о войне против Англии. А пока ситуация от этого далека. Если на море мы еще можем диктовать свои правила, то на земле, боюсь, скоро будет наоборот. В метрополии просто слишком мало обученных солдат, чтобы не опасаться немецкого десанта. Особенно, когда под властью Гитлера окажется вся Европа.

— Хорошо, к этому вопросу мы еще вернемся. А пока что вы думаете о русских. Насколько они готовы к серьезной войне с Германией?

— Боюсь, Ваше Величество, что степень готовности русской армии будет выше ожидаемой.

— Почему Вы так думаете? Разве их финская операция дает нам достаточно оснований для такого вывода? Или у Вас есть данные, которыми не располагаем мы?

— Нет, данные у нас одинаковые, если только у сэра Лайонела нет своих негосударственных источников информации.

— Увы, мой друг, к сожалению, Советы не та страна, где мои возможности серьезно отличаются от нуля. Кое-что удастся добыть через Америку, но опосредованная информация всегда чревата искажениями вплоть до противоположности. Единственно, что мне известно точно, это сколько и каких американских заводов они приобрели, и какие из них запущены в производство по сведениям вернувшихся в Америку после их запуска рабочих и инженеров. Известна потенциальная мощность этих предприятий, как и примерный спектр возможной к выпуску продукции. Но все это наверняка известно и Вам, сэр Уинстон. Однако, извините, я Вас прервал, продолжайте, пожалуйста.

— Хорошо. Да, чего-либо особо выдающегося в Финляндии русские не показали. Все выглядело достаточно просто и даже несколько примитивно. Но в том-то и фокус, что для того, чтобы обеспечить эту простоту и примитивность, русским наверняка потребовалась разработка тщательных планов, детальный сбор разведывательной информации о противнике, точное знание всех его укреплений и слабых сторон обороны. И все это они наверняка проделали. А то, что при этом они практически не подняли никакого шума, что их план удался на сто процентов, говорит о многом. Я даже давал нашим офицерам для развлечения возможность проиграть эту операцию за обе стороны. И знаете, что они сказали? Они в один голос уверяют, что мы не смогли бы даже при идеальном планировании обеспечить столь идеального взаимодействия войск и провести операцию в те сроки и с такими минимальными потерями, как это сделали русские. И это пугает. Но еще больше

пугает другое. По иногда просачивающейся информации из Москвы русские активно разрабатывают какие-то новые виды вооружений. В войска пока ни новая техника, ни оружие массово не поступало, но многих офицеров из различных частей то и дело отвлекают на какие-то длительные военные сборы. Вернувшись, они совершенно не склонны что-либо рассказывать, ссылаясь на данную подписку. Ничем иным, кроме как освоением новой техники я не могу это объяснить. При этом самым естественным полигоном для испытания новой техники является маленькая война с заведомо более слабым противником. Но русские почти ничего нового не показали. Танки Т-34, про существование которых мы и так знаем, особо не отличаются от тех же немецких и не дают преимущества. Самоходки на базе того же танка это новинка, но не принципиальная. Саперные машины это новинка, но ими войну не выиграть. На флоте русские не показали вообще ничего, а в авиации ничего интересного или необычного. И вот это настораживает. Или у них ничего нет, а таинственность призвана создать ощущение наличия, чтобы оттянуть участие в европейской войне, то ли, наоборот, это попытка максимально скрыть свою силу до решающего момента.

— И к какому выводу склоняетесь лично Вы?

— Думаю, что скорее сила, нежели слабость.

— Это имеет для нас какое-либо принципиальное значение?

— Безусловно. Если Гитлер решит, что русские сильны, то он может элементарно побояться на них нападать. И тогда он неизбежно будет интенсифицировать войну против нас. Если же решит, что они слабы, то, наоборот, сразу же после Европы займется ими.

— Мы можем как-то повлиять на этот процесс?

Черчилль сидел и все больше не понимал, почему встреча была обставлена такой таинственностью. Весь текущий разговор вполне укладывался в рамки обычного, способного произойти открыто и в гораздо более широком составе. — Нам надо постараться. Но пока в Берлине совершенно не думают о советах. Их сейчас больше волнует Франция и по слухам, что для нас уже неприятнее, Северная Европа, включая Норвегию. Там слишком хорошие руды, чтобы немцы оставили этот вопрос без внимания.

— Ну что же. Ситуация более или мене понятна. Извините нас, сэр Уинстон. В Ваших глазах я вижу отблеск непонимания, почему весь этот разговор происходит при столь странных обстоятельствах. Но это еще был не разговор, а лишь необходимая к нему прелюдия. Настоящий разговор впереди. Вы позволите, Ваше Величество, я начну?

— Конечно, сэр Лайонел, прошу Вас.

— Сэр Уинстон. Как Вы знаете, Британия предполагала грядущую войну и готовилась к ней достаточно давно. Но в отличие от прошлой войны, давшей нам очень дорого, мы совершенно не планировали и не планируем в этой войне уничтожить цвет британской нации. Мы планировали сделать это чужими руками, участвуя лишь время от времени для обеспечения необходимого баланса сил. Франция должна пасть под сапогом германца, а затем Гитлер и Сталин должны до изнеможения отмутузить друг друга. И всем им должна требоваться Британия для помощи. До относительно недавнего времени все происходило строго по плану. При этом мы вообще оставались в стороне от прожекторов общественного внимания. Американцы оказывали помощь в возрождении немецкой промышленности и одновременно обеспечивали индустриализацию Советам. Частично нашими деньгами, но светились на публике именно они. На них и должна была лечь основная ответственность.

Но некоторое время назад все пошло не так. Сначала у русских неожиданно обнаружили новые ресурсы, позволившие им резко взвинтить темпы закупок оборудования

и даже комплектных заводов. У них даже хватало наглости, пользуясь кризисом, завезти себе на работу сотни тысяч профессиональных специалистов из Европы и США.

Черчилль сидел, недоумевая, зачем Ротшильду потребовалось повторять всем известную информацию.

— Подождите немного, сэр Уинстон, я в курсе, что все это Вам известно. Но Вам неизвестно другое. До недавнего времени МЫ ВСЕГДА, — эти два слова были очень четко выделены голосом и интонацией, — четко планировали и затем неукоснительно следовали планам. Несколько лет назад мы по непонятным для нас причинам лишились очень мощного источника информации, в значительной степени обеспечивавшего наш предыдущий успех. И причины этого нам неизвестны. И примерно с этого же времени стало обнаруживаться все большее расхождение между нашими планами и реальной ситуации. Так что с Вашего разрешения я продолжу.

Черчилль задумчиво кивнул, недоумевая, что за источник имел в виду Ротшильд.

— Следом за русскими, чудить начали наши "кузены" из-за океана. Вместо того, чтобы исправно на паях финансировать немецкий проект, они устроили информационную войну в СМИ, в результате которой наши оппоненты в США вышли из проекта, да еще и полностью заставили нас выкупить все уже сделанные ими вложения за нас счет. И отказаться от этого мы не смогли. Они же направили высвободившиеся ресурсы на еще большее укрепление Советов. Таким образом, мы имеем сейчас в лице Гитлера должника, выступая его единственным кредитором. И эта ситуация мне крайне не нравится. Во-первых, потому что у Гитлера может возникнуть серьезнейший соблазн вместо денег расплатиться с нами снарядами и бомбами. Во-вторых, потому, что для возврата наших вложений нам уже требуется не столько взаимное уничтожение Германии и СССР, а победа Германии и уж никак не победа Советов. Но ее победа сделает Германию настолько сильнее, что она опять-таки может захотеть расплатиться с нами по-своему.

Но и это еще не все. Собственно, почему я Вам все это рассказываю, сэр Уинстон. Мы тут с Его Величеством посовещались и поняли, что по всей видимости Чемберлена скоро придется менять. Как Вы знаете он ставленник колониальных администраций, которые совершенно не хотят никакого участия в войне. Разумеется, если возникнет серьезная угроза Метрополии, они никуда не денутся, но желания воевать у них нет. А оттого и позиция премьер-министра видится нам недостаточно энергичной для гарантии успеха британской политики. И не место Чемберлена мы хотим предложить Вашу кандидатуру, сэр Уинстон. Ваш талант политики и стратега нам очень нужен. Как и Ваша преданность Британии. Но даже они не смогут помочь Вам, если Вы будете пребывать в неведении относительно реального положения дел. Другое дело, что определенная информация не должна стать достоянием кого-либо, кроме Вас.

— Ваше Величество, сэр Лайонел, это огромная для меня честь и столь же огромная ответственность. Как перед вами, так и перед Британией. Но я готов ее нести, если вы мне доверите. — Черчилль был крайне амбициозным человеком и все свои прошлые карьерные неудачи воспринимал крайне болезненно. И вот теперь столь мощный рывок на высшую государственную должность. Но одновременно он понимал, особенно после рассказа барона Ротшильда, что его назначение во многом объясняется именно неудачами британской политики в последние годы. И очень может быть, что именно ему придется стать публичным козлом отпущения. Но, даже видя все это, Черчилль не сомневался в своей согласии. Ведь насчет козла, это еще большой вопрос, а его триумф будет уже сейчас. — Я прошу Вас лишь

об одном. Пока ведь не происходит ничего катастрофического прямо сейчас. Я прошу дать мне немного времени на подготовку и выработку плана действий с учетом всего, что Вы мне сказали.

Кроме этого я предлагаю еще две вещи. Первое, немедленно послать Чемберлена к Сталину с предложением заключить соглашение о взаимопомощи в случае начала немецкой агрессии. Во-первых, я сомневаюсь, что Сталин на это пойдет. Но мы должны знать это точно и учитывать в своих раскладах. Во-вторых, если Сталин все же согласится на такое соглашение, то Гитлер точно изберет его для нападения, а не нас. Ну а мы, пока Германия не победит, сможем неплохо подзаработать на поставках Советам помощи.

Второе, почти неизбежно Германия в этом году вторгнется в Норвегию. Связанные союзническими обязательствами, мы будем обязаны ввязаться. Но на суше мы не сможем полноценно противостоять немцам, а потому будем вынуждены уйти. И вина за это падет на Правительство. Не ради себя и своего имени, но ради эффективности дальнейшей британской политики, я прошу Вас, чтобы это произошло при Правительстве Чемберлена. Все это время я готов работать теневым премьером, полностью снабжая вас всей необходимой информацией для своевременного принятия правильных решений, способных исправить положение там, где можно.

Король и Ротшильд переглянулись и синхронно кивнули. — В этом действительно есть смысл. Как в первом, так и во втором. Договорились. Сэр Уинстон. Но Ваше видение стратегии Британии нам хотелось бы видеть в разумные сроки и гораздо раньше, чем отодвинувшееся Ваше назначение. Вам хватит двух месяцев?

— Должно, Ваше Величество.

— В таком случае, соберемся здесь снова через указанное время. А теперь давайте выпьем за успех британской политики и ее новой восходящей звезды, сэра Уинстона.

## **Глава 67. Проектирование будущего.**

— Скажите, товарищ Алексей, а каким бы Вы сделали весь мир, если бы обладали силой Бога? — Сталин с легкой ухмылкой посмотрел на меня и выпустил изо рта ароматное облако дыма. — Только не надо нас уверять в своей приверженности идее коммунизма, Вашу позицию по данному вопросу мы себе представляем. Попробуйте свою фантазию несколько увязать с реальностью и ограничиться сроком в пару десятилетий. За этот срок даже Всевышний не сможет переделать весь мир и все человечество кардинальным образом.

Разговор происходит в конце февраля 40-го года на Ближней даче. Еще по дороге, когда меня вызвали к Сталину, я сидел и мучительно пытался понять, зачем я понадобился вождю на этот раз. Вызов на дачу прямо говорил о том, что скорее всего никакого многочленного совещания не предвидится. Такие мероприятия Сталин всегда проводил только в Кремле. Но и на приглашение к совместному отдыху вызов никак не походил. И дело даже не в том, что я за прошедшие пару лет участвовал в чем-то подобном лишь пару раз, просто на дворе был вторник, а Сталин никогда не устраивал себе выходной посреди рабочей недели. Так что, судя по всему, речь пойдет о чем-то связанном именно с моей личностью и ее особенностями в этом мире. Скорее всего, вождю срочно потребовалось обсудить какой-то вопрос, решение которого зависит от информации из будущего. Несмотря на то, что его спецы, да и он сам по деликатным вопросам вытрясли из меня всю информацию не по одному разу, время от времени Сталин вновь возвращался к этой теме, заставляя меня вспоминать какие-то нюансы, упущенные во время предыдущих бесед. Связано это было как правило с какими-то его думами о конкретном человеке или конкретном событии,



занимавшими его в текущий момент.

Однако, я ошибся. На этот раз я потребовался Сталину как партнер-оппонент в вопросах, имеющих далеко не локальный характер.

— Хорошо, товарищ Сталин, попробую. При том, что я уловил Вашу тонкую иронию насчет моей приверженности коммунизму, я все же замечу, что солидарное общество, одной из разновидностью которого является коммунизм, я безусловно предпочитаю обществу конкурентному. Но здесь, как и во всем прочем, дьявол кроется в деталях. Конкуренция тоже необходима и имеет смысл, весь вопрос в уровнях. На уровне человечества и мира в целом альтернативы солидарному обществу нет и быть не может. Это даже не приоритет, скорее единственный способ обеспечить выживание человечества на планете Земля. Вы же сами видите, что противоречия между сильными державами и стоящими за ними интересами отдельных кланов неизбежно приводят ко все более разрушительным конфликтам. Оружие становится все мощнее, войны все масштабнее, их последствия все страшнее. Сегодня мы стоим на пороге самой глобальной и разрушительной войны, которую только знало человечество. В моем мире в ней погибло более 50-ти миллионов человек. И ведь это далеко не предел. Если бы то изделие, которое сейчас дорабатывается под руководством Лаврентия Павловича, появилось бы на несколько лет раньше и не у одной из сторон, а сразу у нескольких, то мы мгновенно оказались бы на пороге полного взаимного уничтожения. Опять же в моем мире мы несколько раз подходили к этой черте, слава Богу, останавливались, но лишь потому, что все прочие противоречия на тот момент не достигали критической массы. Рано или поздно ядерное оружие взорвало бы мир. Так что, повторюсь, солидарное общество на высшем уровне единственный способ уберечься от глобальной катастрофы. Другое дело, что на уровнях ниже столь же объективно необходимо разнообразие. В первую очередь разнообразие культур и организационных форм построения общества. Только в этом случае мы будем защищены от стагнации и постепенного скатывания к упадку цивилизации. Для развития всегда требуется внешний раздражающий фактор.

— Так-так, интересно, продолжайте — Сталин продолжал ходить по комнате, попыхивая трубкой. — А каким образом, Вы хотите достичь и первого и второго одновременно?

— Первое достигается тем, что миром правят несколько крупных цивилизационных центров, находящихся в согласии между собой относительно глобальных целей развития. Скорее всего, должен существовать некий наднациональный орган, состоящий из представителей этих центров, который будет формировать эти глобальные цели и управлять всем человечеством по четко очерченному кругу стратегических вопросов. Второе должно достигаться за счет того, что каждый из этих центров будет иметь собственную модель организационного устройства общества и в рамках общих целей конкурировать между собой за достижение их наилучшим образом. Если говорить в терминах привычной мне капиталистической экономики, то мир должен стать таким акционерным обществом, в котором доля каждого центра будет определяться его вкладом в достижение этих общих целей.

— А просто коммунистическое общество в общемировых масштабах сделает это хуже?

— Товарищ Сталин, мы же с вами уже не раз затрагивали эту тему. Конечно, у нас сегодня есть огромные преимущества за счет точного знания направлений, обеспечивших в моем мире наиболее эффективное развитие. Но ни за пару десятилетий, ни даже за сто лет

невозможно переделать всех людей настолько, чтобы они все стали убежденными адептами коммунизма. Да и не нужно этого даже пытаться. Возможно, мы могли бы сделать это силой, обладая самым мощным оружием на планете. Но итог был бы крайне печален. Во-первых, рано или поздно нам бы пришлось его применить. И в результате вместо цветущей планеты мы получили бы выжженную пустыню. Во-вторых, сопротивление на всех уровнях было бы настолько сильным, что нам бы пришлось уничтожить или распахать по лагерям существенную часть населения, а принудительный труд хоть и дешевый, но низкоэффективный. Да и сама возможность это осуществить вызывает море сомнений, сил просто не хватит. В-третьих, мы рискуем получить против себя объединенные силы всего остального мира, а этот вопрос мы уже обсуждали, вероятность поражения крайне высока. В-четвертых, даже при успехе этот путь вместо развития заставил бы нас идти путем концентрации сил и ресурсов на военных производствах и обеспечении порядка на захваченных территориях. В результате мы оказались бы отброшены далеко назад и рано или поздно получили бы новую революционную ситуацию. Человек может напрячься ради понятной ему цели на год или даже на несколько лет, но жить в таком режиме постоянно на протяжении нескольких поколений невозможно, и история СССР в моем мире это подтвердила.

— Все-все, достаточно, товарищ Алексей, засмеялся Сталин, будем считать это провокационным вопросом. На самом деле мы сами придерживаемся примерно такой точки зрения. То, что было возможно в России, которая несмотря на развитие капитализма все еще оставалась преимущественно общинной, то есть солидарной страной, не пройдет даже в Латинской Америке, не говоря уже о Европе и тем более США. По крайней мере этот процесс не быстрый и уж точно не решается силовым путем. Но давайте примем это за данность. Меня больше интересует, какие, как Вы их назвали, цивилизационные центры Вы видите, и означает ли это, что весь мир будет состоять всего из нескольких стран?

— Нет, конечно, весь мир практически невозможно привести к нескольким крупным державам. Ведь фактически ни у кого, кроме России нет ни малейшего опыта создания таких многонациональных образований и относительно бесконфликтного управления ими. Все прочие образовывали колонии, которые безжалостно эксплуатировали в пользу метрополии. Потому колониальные империи типа нынешних обречены. Рано или поздно их взорвут либо внутренние конфликты, либо стоимость поддержания в колониях порядка превысит любую экономическую эффективность их ограбления. Не поможет нам сильно и американский опыт. Там прекрасно научились переплавлять множество разных национальностей в единую нацию, но происходило это в исключительных условиях. Во-первых, ангlosаксы в США всегда занимали доминирующее положение и определяли стандарты, а всем прочим приходилось с этими стандартами мириться. Во-вторых, ни для кого из американских народов эта земля не является родной, они все эмигранты, беженцы из своих стран. Коренное население англичане в своей манере уничтожили практически полностью, решив проблему кардинальным образом. Создание подобных надгосударственных образований по всей планете попросту невозможно.

Но все страны объективно делятся на субъекты и объекты глобальной мировой политики. Субъектами являются или потенциально могут являться лишь несколько государств на планете. Ведь для этого требуется очень много факторов. Большая территория, государствообразующая нация со своей историей и культурно-цивилизационным подходом, отличным от других, способность защитить себя любыми средствами, включая военные,

обладание мощной и самодостаточной экономикой. Много ли таких наберется?

Что же касается потенциальных центров единой цивилизации, то здесь на протяжении нескольких лет в вашем времени мое мнение несколько раз претерпевало существенные изменения. Раньше я предполагал наличие двух главных и двух второстепенных центров. Главные СССР и США, а второстепенные Европа и Китай или Япония. Сейчас я больше склоняюсь к тому, что оптимальным будет создание пяти равноправных центров. Первый это СССР с зоной влияния от Индии на востоке до Турции на Западе. Второй это США зоной влияния на всю Южную Америку. Третий — Япония, с зоной влияния, включающей Филиппины, Борнео, Индонезию, Океанию и Австралию. Четвертый — Китай зоной влияния на всю континентальную часть Юго-восточной Азии до Индии на западе. Пятый — Европа с зоной влияния на Африку. Кстати, в моем времени был подобный проект мультиполярного мира, состоящего из четырех глобальных зон, отличий два — сохранение Англии и включение в англосакскую зону Австралии, а также объединение Китая и Японии в одну зону по причине послевоенной ущербности Японии. Но логика была примерно такая же.

— Любопытно, подождите секунду, сейчас принесут карту и мы повнимательнее посмотрим на Ваши предложения, — Сталин снял трубку и уже через две минуты на столе была развернута карта мира. — Получается, товарищ Алексей, что Ваше видение таково, чтобы сделать из мира этакий слоеный пирог, в котором зоны Ваших цивилизационных центров располагались с севера на юг?

— Примерно так, товарищ Сталин, но главное не в этом. Важно, чтобы такие центры обладали цивилизационным потенциалом, отличным от других, а также были бы обеспечены всеми видами необходимых ресурсов, позволяющих обходиться без серьезных конфликтов друг с другом. И одновременно я исходил из потенциала указанных центров овладеть относительно легко зонами своей ответственности. Есть, правда, множество непростых нюансов. Например, СССР должен вернуть себе Корею, которая сегодня уже оккупирована Японией, хорошо бы и Порт-артур себе вернуть с КВЖД.

— Ладно, такие нюансы, это дело далеко не первого порядка, а скажите, товарищ Алексей, почему именно эти страны вы видите в роли Центров, и на базе какой страны Вы видите будущую объединенную Европу?

— Европа, безусловно, должна быть объединена под Германией.

— Даже при всем том, что Вы в своем мире пережили с ней такую тяжелейшую войну?

— Да, товарищ Сталин. Даже при всем этом. Фактически альтернативы всего две. Первая это Германия, вторая Англия. Ни одно другое европейское государство, включая Францию на такое не способна. Но вариант Англии я вообще не хочу рассматривать. Немцы могут быть нам врагами и неоднократно бывали, хотя даже в этом случае за ними всегда виднелись британские уши. Но это враг хоть и жестокий, но довольно открытый и честный. От него понятно, чего ждать. А вот островитяне бесконечно хитрый и подлый народ, способный на любую гадость из-за спины и чужими руками. Причем, это еще и самая жестокая нация на планете, исключая, может быть, японцев, хотя даже у японцев есть определенные правила. У англичан таковых нет в принципе. К тому же США это те же самые британцы только несколько более разбавленные другими народами. Хватит им и одного центра.

Что же касается остальных, то я исхожу из той роли или проявленных национальных

способностей, которыми та или иная страна отличилась в моем родном мире.

— И каковы же они, эти роли и способности?

— Япония великолепно умеет доводить до совершенства практически любые технические изделия, но совершенно не способна изобретать их самостоятельно. Но в моем мире она находилась в уязвленном и безвыходном положении. Маленькая площадь островов не позволяла развиваться нации нормальным путем, что и приводило как к их воинственности, а затем и к образованию множества совершенно идиотских комплексов и массовых отклонений в психике. При всем этом Япония это даже по своей психологии островная держава, потому ее зона в указанном мною размере будет для нее естественной и одновременно более, чем достаточной, чтобы на долгое время забыть о своей воинственности.

Китай в моем мире являлся практически всеобщей фабрикой по производству предметов потребления. При относительно хорошем качестве эти товары оказывались удивительно дешевыми, а за счет величины своего населения китайцы могут производить все потребляемое миром в необходимых количествах. Но в моем мире Китай был ограничен в своих ресурсах, в первую очередь в нефти. Там ее мало. Но она есть в необходимых количествах во Вьетконге и Малайзии.

США в моем мире проявили себя как гениальные изобретатели всего, связанного с комфортом и сферой развлечений. Именно эту роль им и надо развивать во всемирном масштабе. Тем более, что и Южная Америка не отличается особым трудолюбием, там намного больше любят именно развлекаться, а работают только по необходимости.

Европа за счет Африки полностью решит свои задачи по ресурсному самообеспечению и территориальной достаточности. Одновременно в моем мире немцы известны как ревнители строго порядка, что только им и позволит обеспечить более или менее нормальную жизнь в Африке, где каждый туземный князек спит и видит, как бы наехать по возможности на соседнее племя. Ну и еще немцы славятся как непревзойденные производители качественных сложных технических агрегатов. В общем, знаменитый немецкий орднунг и не менее знаменитое качество продукции.

— Ну а с нами что? Раз уж Вы всем дали столь любопытную и не лишенную смысла характеристику.

— Если говорить только о России и использовать информацию из моего будущего, то Россия уникальна как всемирный изобретатель принципиально новых приборов, технологий и даже направлений в науке. Большая часть мировых изобретений приходится либо на наших соотечественников, либо на бывших наших соотечественников и их потомков. Но у нас слишком суровые климатические условия, чтобы эффективно производить большую часть массовой продукции с небольшой добавленной стоимостью. СССР должен стать мировым разработчиком новых продуктов и технологий, а также всемирным культурно-идеологическим центром, чему объединение с Ираном и Индией, то есть воссоединение территории древней арийской цивилизации очень сильно поможет. И, конечно, мы также можем стать мировым поставщиком избытков природных ресурсов.

— Да, товарищ Алексей, сказанное Вами очень необычно, но крайне интересно, мы подумаем над Вашими словами и предложениями. Давайте пока отставим эту тему и поговорим о другом. Можем ли мы обойтись без Большой войны?

— Если Вы имеете в виду СССР, товарищ Сталин, то я убежден, что мы вполне в состоянии избежать масштабного участия нашей страны в мировой войне. Тем более, что ни

одна из причин, ее вызвавших, к нам прямого отношения не имеет. А сегодняшнее состояние нашей армии и новые виды вооружений вполне способны ликвидировать любые внешние проявления агрессии на уровне локального конфликта. Особенно, если мы не влезем в войну на ее первых стадиях и дадим всем желающим увязнуть на своем театре военных действий. Это предотвратит возможность их объединения против нас. А вот если Вы говорите о всем мире, то, уверен, что войны уже не избежать. Ни на западе, в Европе, ни на востоке, в Тихом океане. Фактически на Западе она уже начинается по-крупному, а на востоке идут последние приготовления к войне США против Японии.

Японцам просто некуда деваться. К нам они вновь сунуться побоятся. С юга их экспансию ограничивает Китай, масштабы населения которого таковы, что даже уступая Японии в качестве солдат и вооружений, он представляет из себя очень грозного соперника, способного полностью обескровить Японию, что равносильно для нее поражению. Тем более, что для Японии это война в первую очередь за доступ к ресурсам, которых в Китае не так много, особенно нефти. Они будут рваться на юг по островам. И как только они усилятся настолько, что смогут оказывать влияние на южную часть Тихого океана, угрожая коммуникациям США — Австралия, Америка будет вынуждена включиться в войну всеми имеющимися силами.

— Хорошо. А что Вы можете сказать насчет возможности войны между Германией и СССР. Насколько я помню из Ваших слов, в Вашем мире СССР тоже не хотел этой войны хотя и готовился к ней. Однако, война все же случилась и ситуация оказалась намного хуже, чем предполагалось.

— Тут возможны два варианта, товарищ Сталин. — Я давно понял, что подобными вопросами Сталин не столько хотел действительно узнать мое мнение и что-то новое для себя, он просто пытался с моей помощью проверить собственные размышления, выискивая в них слабые места и ошибки. — Мы или играем в слабость, провоцируя немцев на начало войны и затем мощными ударами, как говорил в мое время один политический деятель, быстро принуждаем Германию к миру. Либо мы идем другим путем, показывая свою силу и серьезные преимущества в вооружениях, заставляя немцев отступить и выбрать цель полегче. Которой неизбежно становится Англия. Оба варианта имеют слабые и сильные места. Первый все же ведет к войне на нашей территории и неизбежным потерям. Но он дает войскам необходимый практический опыт, который не приобретешь на учениях. Одновременно мы очень сильно ослабляем немецкую армию, и последующая война с Англией становится для нее на порядок тяжелее. К тому же мы провоцируем немцев на разработку собственного более совершенного вооружения, что и нас в свою очередь заставит заниматься тем же самым. Второй вариант вроде бы лишен всех этих слабостей, но для Германии остается непонятной наша реальная мощь, отчего у нее вполне может возникнуть желание напасть на нас после победы над Англией. Но это дает нам дополнительное время на подготовку, а немецкой армии несет существенные потери в войне. Я не берусь товарищ Сталин однозначно порекомендовать тот или иной вариант.

— И все же, что бы Вы выбрали, будь Вы товарищем Сталиным, хотя бы интуитивно?

— Думаю, я бы склонился к попытке отсрочить войну до момента победы Германии над Англией. После этого я бы попытался убрать Гитлера и предотвратить нашу войну с ней. Но это действительно интуитивно, товарищ Сталин.

— Спасибо, товарищ Алексей. Сегодня я Вас больше не буду мучить и задерживать, но через некоторое время мы планируем провести совещание в узком кругу посвященных в

Вашу историю и попытаться найти ответы на все эти вопросы. Вы там тоже будете востребованы. Попрошу Вас подготовить свои соображения, каким образом мир теоретически мог бы с нашей помощью придти к ситуации, которую Вы так красиво описали нам в начале беседы. С этими Вашими пятью ЦЦ, — Сталин открыто улыбнулся и протянул мне на прощанье руку.

## **Глава 68.**

### **Подготовка к "Совету в Филях"**

#### **(Часть 1)**

Совещание, о котором Сталин упомянул при нашей встрече было назначено на 12-е марта. Ровно через три недели от моего посещения Ближней дачи. И все эти три недели пришлось пахать, как проклятому. И ведь даже на базе УЗОРа я не рискнул кого-либо привлечь, понимая, что уровень секретности предполагаемых к обсуждению тем просто зашкаливал, особенно на данный момент, когда еще ничего не было решено и план действий не только не утвержден, но еще даже и не составлен. Хорошо еще, что секретариат Сталина распространил по предполагаемым участникам совещания информацию практически сразу, давая время на подготовку. При этом совершенно прозрачно намекнули, что каждый участник будет готовить свой собственный перечень вопросов и их преждевременное обсуждение даже в кругу участников не поощряется.

Мне, как я и предполагал, было предложено сформулировать общие направления внешнеполитической активности СССР в ближайшие два года с таким расчетом, чтобы это сделало потенциально возможным ту самую конфигурацию сил в послевоенном мире, о которой я рассказывал Сталину. Плюс к этому подробнее обосновал бы саму эту конфигурацию.

Вот это я влип. Впрочем, это если бы дело происходило в моем мире, где большинство привыкло в лучшем случае лишь формулировать общую идею, совершенно не задумываясь о путях ее реализации, полученные задания были бы контрольным выстрелом в голову. А здесь за годы, проведенные среди высшего советского руководства я уже привык, что инициатор какого-либо решения не только должен был бы ее полностью обосновать и доказать его исключительную полезность и целесообразность, но и с вероятностью почти в сто процентов был обязан разработать и стратегию достижения цели. И пусть потом эта стратегия могла десять раз переработаться с учетом мнения различных органов и ведомств и принять окончательный вид весьма далекий от первоначального, пусть с большой вероятностью воплощать эту стратегию в жизнь будут совершенно иные люди, но ограничиться голым идеей не было позволено никому. Как и не представить себе всех положительных и отрицательных последствий ее реализации, а также всех рисков с этим связанных, включая риски неудач на этапе воплощения в жизнь.

Такая постановка вопроса на несколько порядков уменьшало размеры чиновного и политического словоблудия и безответственности. "За базар" здесь было принято отвечать по полной программе. В лучшем случае должностью. И самое интересное, что мне начало это активно нравиться, такой порядок проводил четкую границу между людьми дела и творческой интеллигенцией, которая была занята исключительно собственным делом, для которого и обучалась — творчеством на благо Родине и только в тех сферах, в которых разумела не понаслышке. Несколько показательных примеров, когда выскочек заставили публично реализовывать предложенное и всячески наиздевались в процессе над их неадекватностью, всячески подчеркивая каждый раз проявляемую некомпетентность,

убедили оставшихся если и бурчать, то исключительно на кухне, а желательнее в собственной комнате, плотно закрыв двери.

Так что я влип, но морально был готов к этому еще задолго до встречи со Сталиным. Благо затронутая тема за один день в голове не устаканивается и в размышлениях над этим времени я провел не мало. В том числе прикидывая различные возможные пути реализации описанной Сталину конфигурации. Теперь все это предстояло свести воедино и предусмотреть ответы на множество вопросов, которые неизбежно последуют даже в первую очередь не от самого Сталина, хотя и от него тоже, а от всех остальных участников, которым предстоит услышать такое впервые.

Начал я с Европы. Здесь задач виделось сразу несколько.

Не допустить нападения Германии на СССР или сделать его плановым с гарантированным результатом.

Обеспечить реальную войну Германии с Англией с победой первой.

Не дать США ввязаться в войну в Европе.

Не дать возможности Европе преждевременно замириться и консолидировано напасть на СССР.

По первому вопросу, как я и сказал Сталину, я склонялся к оптимальности первого варианта. И даже не потому, что отсутствие войны это отсутствие потерь в человеческих жизнях и различного рода ресурсах. Война вообще виделась мне проявлением слабости при невозможности решить проблему иными способами. Она допустима лишь в том случае, когда малая война способна предотвратить большую. А в том, что ситуация именно такова, я был совершенно не уверен. Самое главное, война в Европе совершенно не была нужна СССР ни в тактическом, ни в стратегическом плане. Все интересы СССР по изменению мироустройства в моем понимании лежали вне пределов Европы. Слишком давно поменялось мировоззрение у населения европейских стран, чтобы рассчитывать на то, что зона влияния СССР могла быть расширена на территорию Европы. И уж точно этого не стоило делать военным путем. Здесь наверняка кто-нибудь обязательно вспомнит про "православных братушек-славян", которые якобы с надеждой смотрят на СССР. Но по этому вопросу у меня было очень твердое мнение, что никакого реального "православного братства" не существует. Взять ту же Болгарию, которая при любом намеке на внутренние проблемы звала на помощь Россию. Но во всех без исключения войнах, она дралась на стороне нашего противника. А вспомнить про Югославию из моего мира, которая всячески виляя хвостом даже после Второй мировой, преследовала политику и нашим, и вашим?

Да и понятие православного единства не более, чем условность и затертый флаг, который каждый раз доставался европейскими странами, когда им приходилось туго, когда они собственными руками затаскивали самих себя в очередную политическую и экономическую задницу. Как только дела поправлялись, тут же проявлялся гонор, Россия больше не нужна, мы сами с усами. Да и само православие в этих странах представлялась мне больше долговременной ловушкой, устроенной нашим Врагом ради того, чтобы иметь удавку для России. Трудно представить, чтобы Рим, подчинивший себе всю Европу, как до него в какой-то момент и мусульманская Оттоманская империя, захватившая все православные страны, просто так по доброте душевной проявила терпимость, оставив православие в неприкосновенности. С куда более близкими католикам христианами-катарами шла борьба на смерть до полного уничтожения. И иудаизм, хотя и чисто внешне, но давили усердно. А тут такое благодущие. Я давно разучился верить в случайности

подобного рода, тем более счастливые. Нет, однозначно, пусть Южная и Восточная Европа разбираются со своими проблемами самостоятельно.

Что может заставить Гитлера напасть на СССР? В моем мире он долго колебался в своем выборе между нападением на нас и Англию. Многие в мое время считали, что все это было игрой, заставляющей Сталина расслабиться и недооценить опасность. На самом деле все было намного сложнее. Да, англичане воспринимались немцами гораздо более близким дружеским народом, чем русские. Да и корни британской власти лежали именно из Германии. И финансировали Гитлера англосаксы по обе стороны океана. Все это верно и правильно. Наверняка нападение на СССР являлось по всем параметрам для Германии более перспективным и осмысленным. Но при всем том, окончательное решение Гитлера в моей истории произошло отнюдь не по этим причинам. Главными причинами были совершенно иные. Во-первых, Гитлер совершил ошибку во Франции. Не добив ее до конца, позволив сформировать пусть и марионеточное, но все же формально независимое правительство, Гитлер ограничил себя в маневре, особенно в Средиземноморском регионе. Он не смог получить абсолютное господство на Средиземном море, отчего и его операция в Северной Африке существенно потеряла в эффективности. Вторым моментом из той же оперы являлось его согласие на нейтралитет Испании. Третья, может быть, самая главная причина заключалась в том, что он поддался на шантаж США, своего главного кредитора, выпустив англичан из Дюнкерка. В результате всего этого Гитлер не чувствовал своего реального превосходства над Англией даже после победы в Норвегии, и побаивался высадки на островах, не завоевав господства в воздухе, чего ему тоже не удалось из-за поставок в Англию американской авиации и средств ПВО. Одновременно с этим бездарное проведение Советским Союзом операции в Финляндии вызвало у всей Европы ощущение тотальной военной слабости СССР. Гитлер получил основание считать, что сможет справиться с Россией одним молниеносным ударом.

Таким образом, если попытаться устранить все эти ошибки, а заодно и осторожно явить свою собственную силу, то можно рассчитывать на совершенно иной ход Второй мировой. Более того, многое из необходимого уже сделано. В Финляндии результат был достигнут молниеносно. И пусть теперь гадают, почему СССР не стал действовать там, как в Прибалтике, но слабостью. Тем более военной, этого не мог объяснить никто.

Также несколько лет назад удалось вполне изящно провести операцию, в результате которой все немецкие долги оказались в банках Британии. И теперь вместо сдерживающего фактора, это работало на войну. Искушение разом ликвидировать многомиллиардные долги Германии англосаксонско-иудейской финансовой мафии вместе с кредитором будет очень сильным. Да и США, уже вытаскившим свои деньги из Европы будет совсем не интересно связываться в войну, в которой у них нет никакого финансового смысла. Наверняка они предпочтут оказывать кому-нибудь из участников лишь экономическую, хорошо оплачиваемую помощь.

Не виделось мне принципиально невозможным и полный захват Франции. Надо лишь хорошенько разозлить Гитлера, чтобы он и думать не хотел насчет каких-либо компромиссов. И ведь задел уже есть, та история про гомосеячество Гитлера во французской прессе последнего разозлила страшно. По слухам его уже тогда едва удержали от нападения. Теперь надо лишь реанимировать ту историю и кое-что добавить.

А заодно подкинуть немцам информацию о возможном samozатоплении французского флота в Тулоне. Наверняка Гитлер, Кригсмарине которого в надводной части флота сильно



уступало британскому Грандфлиту, не откажется провести операцию по предотвращению подобного и присовокупить к своему флоту девяносто французских кораблей, из которых было три линкора, семь крейсеров и почти тридцать лидеров, эсминцев и миноносцев. А присоединив, он вполне способен реально блокировать Средиземное море от англичан и американцев. Если еще удастся ввести в игру Турцию с ударом на Суэц через Палестину, то положение англичан в этом районе становится просто плачевным. При этом же их коммуникации с колониями увеличиваются вдвое и для "орлов Денница" наступит прекрасный сезон охоты в Атлантике. В такой ситуации можно даже не торопиться с высадкой на острова. Каждый день сопротивления будет не только истощать силы Британии, но и существенно подрывать ситуацию в США, которые наверняка будут вынуждены всеми средствами помогать "кузенам".

Остается только продемонстрировать общественности часть нашей силы, чтобы Гитлер в нашу сторону и не посмотрел криво, пока не обеспечит себя полностью ресурсами из Африки и не останется единственным Игроком в Европе. И здесь нужно действовать не только военным путем. Немцам в текущий момент крайне важны наши поставки продовольствия и топлива. При этом они даже не скрывают, что не в состоянии поддерживать торговый баланс и отвечать адекватными поставками техники и оборудования. Себе на подготовку к войне не хватает. В этой ситуации нам надо проявить максимум твердости в отстаивании своих интересов, заставить немцев хоть немного, но прогнуться, чтобы они почувствовали нашу уверенность в себе. Ну и конечно кое-чем из вооружений похвастаться. Из чего-нибудь особенно смертоносного и такого, что Гитлер у себя ранее, чем через несколько лет не воспроизведет при всем желании. Но в этом вопросе найдется кому выбор сделать и форму представления придумать, куда более крутым, чем я специалистам.

Таким образом, все проблемы в Европе в принципе на данном этапе решаемы. Остается другой, но не менее важный вопрос. Как обеспечить договороспособность Германии после того, как она захватит Европу и утвердится в Африке. Не станет ли эта победа для нее основанием думать, что ей позволено все? Гитлер, хоть и очень талантливый, но истерик и шизофреник. Его надо устранять от власти в любом случае. Иначе проблем может в итоге оказаться куда больше, чем хочется. В идеале это сделать не своими, а чужими руками. Например, руками американцев, если Гитлер после Европы вяжется в войну с США исполняя союзнические обязательства перед Японией. Но здесь слишком много других рисков. США могут сами оказаться слабее, чем кажутся и тогда их провал обернется таким усилением Японии и Германии, что разруливать ситуацию однозначно придется с помощью ядерной бомбы в большом ассортименте и количестве.

Но, слава Богу, есть и иной вариант. Не случайно Сталин не стал полностью вычищать всех заговорщиков "имени Тухачевского". Оставил многих половить на живца и даже кое-кого на должностях. А у этих "товарищей" наверняка остались связи с заговорщиками на другой, немецкой стороне. Из родовитой прусской аристократии, которая своего выскочку ненавидит гораздо больше, чем "тухачевцы" Сталина. Вот пусть и послужат своей стране в надежде хоть немного, но оправдаться. Пусть поддержат аристократов, помогут решить "бесноватую" проблему. Да я даже сам готов ради такого дела наводчиком поработать, чтобы сбоев, как в моем 44-м не случилось. Решаема проблема. Однозначно решаема, особенно на волне нескончаемых побед. А нам от этого и с другой стороны польза выйдет. Старая европейская аристократия всегда была серьезным оппонентом англосаксам в борьбе

за мировое господство. Вот и будут противовесом американцам в капиталистическом секторе мировой экономики и политики.

Так, кажется, с этой стороной вопроса более или менее разобрались, будет, что доложить Сталину со товарищи, чтобы не выглядеть полным идиотом-мечтателем. Конечно, многое еще надо причесать и согласовать по срокам, но "были бы кости, мясо нарастет", — говорит старая русская поговорка. Теперь надо переключаться на Азию. Там проблем на порядок больше и настолько же меньше рычагов воздействия на ситуацию.

## **Глава 69.**

### **Подготовка к "Совету в Филях"**

#### **(Часть 2)**

Азиатский регион мне, хочешь — не хочешь, но придется делить на два театра геостратегической Игры. Первое направление — южное, включающее в себя Иран, Ближний Восток и Индию. Второе направление — дальневосточное. Япония и Китай.

С точки зрения наличия четкого представления о стратегии и тактике действий в каждом из них южное направление проще и понятней. Договор, который пару лет назад Сталин подписал с Шахом Ирана определяет порядок и логику действий в этом регионе. Здесь главное не что, а как, какими силами и когда действовать. Понятен наш первый шаг. Это стремительный рейд наших войск на юг Ирана при полной поддержке местных сил с целью блокировать всю западную границу этой страны от возможного проникновения англичан. Примерные потребные силы для этой операции определены и сейчас проходят усиленную боевую подготовку в Астраханской области и Азербайджане. Первым предстоит морской десант на южное побережье Каспия к западу от Тегерана с последующим маршем на юг с разделением на две группировки. Первая должна остановиться в районе Шахабада и Керманшаха, вторая проследовать южнее почти до побережья и взять под контроль район от Ахваза до Абадана. Именно в этих местах в моей истории наблюдались прорывы англичан. Вторая группировка должна пройти по суше из Азербайджана в район Тебриза и взять под контроль северную часть границы с Ираком. Таким образом мы должны получить три мощных воинских соединения вдоль западной границы Ирана, на первом этапе гарантирующие Иран от английской оккупации. Тем самым мы полностью освобождаем армию Шаха для наступления на английский Белуджистан. Главная задача иранской армии на данном этапе установить полный контроль за морским побережьем до Карачи на востоке.

По договору с Ираном советские войска не будут принимать никакого участия в этой операции, но полностью снабдят союзников всеми необходимыми видами вооружения и боеприпасами. Да, и вооружения и боеприпасы будут вполне себе устаревшими. Но ведь это только для нас устаревшими с учетом мощной модернизации в последние годы. А в моей истории этим вооружением Красная армия сражалась практически два первых года Великой отечественной. И держалась. Так что иранская армия практически гарантированно окажется наиболее мощной и современной в том регионе. Каких-либо опасений за судьбу операции не предвиделось.

Гораздо сложнее выбрать правильный момент для начала нашего входа в Иран. Чуть поспешишь и наткнешься гарантированно не только на дипломатические протесты со стороны англичан, но и на вполне вероятный военный конфликт. Бриты уверены в том, что Иран это их исконная зона влияния, а потому не озабоченные на других фронтах вполне могут рискнуть на интервенцию даже против наших войск. А оно нам надо? Тем более, что в случае прямого конфликта между нами в него могут оказаться втянутыми и США, пока

временно свободные от войны с Японией.

Если слишком промедлить, то мы можем получить ту же самую английскую интервенцию, только в более масштабном исполнении. У англичан вполне может родиться мысль взять под свой контроль Иран даже просто с целью собственного усиления в регионе и использования войск Ирана против своих противников на Ближнем Востоке.

А вот если точно подгадать момент, а по сути его надо не угадывать, а планировать и создавать, когда Турция рванет через Сирию в Палестину и все мысли англо-американцев окажутся занятыми сохранением контроля над Суэцем, то наш вход в Иран окажется практически незамеченным. Конечно, не в буквальном смысле. Воплей по дипломатическим каналам будет море, однако, ни времени, ни сил что-либо предпринять у британцев уже не будет.

Да и основание для ввода войск у нас будет железное — союзнические обязательства перед Ираном на фоне турецкой агрессии. Пусть попробуют хоть что-то возразить.

Параллельно с событиями в Иране должно начаться массовое восстание в Индии. Насколько до меня доходила информация, подготовка к освобождению Индии от колониальной зависимости идет полным ходом. Начнется активная фаза борьбы с севера их сикхских районов, а затем полыхнет по всему континенту. В моей истории эта борьба была разделена на несколько отдельных ветвей, плохо координированных, а зачастую и враждебных между собой. Индийский национальный конгресс, возглавляемый Джавахарлалом Неру и Махатмой Ганди выступали за мирное сопротивление колонизаторам, более решительные, такие как Субхас Чандра Бос призывали к более решительным действиям. В борьбе с англичанами множество разных групп опирались как на германскую, так и на японскую помощь. Нам всего этого было совершенно не надо. А потому советские эмиссары уже давно тайно вели переговоры со всеми значительными силами Национально-освободительного движения и договаривались о предоставлении от СССР всей необходимой материальной и иной помощи в случае восстания. Более того, тайные поставки оружия и боеприпасов на север Индии уже начались, хотя осуществлялись посредниками. Даже в случае перехвата какого-либо каравана обвинить СССР было бы невозможно. В случае же когда восставшим удастся закрепиться хотя бы в одном из районов Северной Индии и провозгласить независимость от Англии, то индийцы твердо могли рассчитывать на явную помощь со стороны СССР всеми имеющимися у нас средствами, вплоть до участия советских войск в освобождении Индии от англичан.

Собственно большего про планировании действий в Индии я и не знал, этим занимались совершенно иные люди, профессионалы своего дела. Им и докладывать обстановку.

Мое участие в обсуждении могло свестись только к одному, этот процесс было необходимо очень четко увязать по срокам со всеми прочими событиями в мире. С одной стороны, желательно было бы приурочить восстание к началу битвы между Англией и Германией непосредственно за острова, а, с другой стороны, не упустить момент в отношении Японии. В моей истории в 42-м японцы создали в захваченном ими Сингапуре так называемую Индийскую национальную армию, которая была направлена на Бирманский фронт. Японцы тогда, выйдя на оперативный простор, активно продвигались с боями на запад. И хотя тогда же эту индийскую армию англичане разбили, успокаиваться не стоит.

Привнесение в мысли Японии плавно переключило мое внимание на Юго-Восточную Азию. Что-то я увлекся воспоминаниями из реальной истории моего мира. Ведь если все пойдет по плану, то никаких японцев на данном театре боевых действий не будет в

принципе. Их активность будет перенаправлена на острова. Даже тот же Сингапур у англичан в идеале будут отбирать не японцы, а китайцы. Хотя для того, чтобы они оказались способными это сделать, придется немало потрудиться. Что и говорить, сегодняшний Китай не имел ничего общего с тем Китаем из начала 21-го века. Ни мощной армии, ни флота. В настоящее время Китай вообще отрезан от моря, практически вдоль всего его побережья находится зона японской оккупации. Да и армия может похвастаться лишь численностью бойцов. Но ни вооружение этой, с позволения сказать, армии, ни ее боевая выучка не воодушевляют. Наверняка на совещании возникнут вопросы, зачем я вообще обозначил Китай в качестве одного из будущих цивилизационных центров. Ведь он явно сейчас не тянет даже на средней руки региональную державу.

Но здесь мне есть, что ответить. Ведь по большому счету особого выбора у нас нет. Всего возможно три принципиальных варианта развития событий. Первый, Япония давивает Китай, уничтожает его сопротивление и занимает все пространство, предназначенное моим планом сразу для нее самой и Китая. Но в этом случае, с учетом национально-психологических особенностей и природной агрессивности японского менталитета, а также традиционной склонности китайцев к порядку и дисциплине, мы получаем через пару десятилетий такого геополитического монстра, которого придется унимать всем миром. А с учетом совокупной величины населения этого региона действовать придется предельно жестко с применением многочисленных атомных бомбардировок. По другому их будет не взять. Ну и зачем нам зараженная радиоактивная пустыня протяженностью многие тысячи километров? Те, кто за нами наблюдают, явно ждут от нас чего-то иного. В противном случае меня бы здесь не было.

Берем второй вариант. Мы не допускаем, а точнее ликвидируем японскую оккупацию континентальной части Юго-Восточной Азии, но при этом не даем Китаю статуса цивилизационного центра. При этом мы будем вынуждены ограничить его экспансию на юг и в идеале дробим сам Китай на несколько государств. В этом случае проблема оттягивается еще на пару десятилетий, но неизбежно всплывает вновь. Огромная территория, населенная более, чем миллиардным населением, никем по сути не контролируемая. И при этом полная взаимных претензий и противоречий. В итоге бесконечная череда локальных военных конфликтов, которые сами по себе на затухнут, а попытки разрешить их извне приведут нас опять к тем же ядерным бомбардировкам.

Сюда еще стоит добавить тот факт, что сам Китай находится сегодня в задавленном, но крайне ущемленном состоянии на грани пассионарного взрыва. Ведь еще лет сто-сто пятьдесят назад Китай воспринимал себя единственной полноценной империей. На фоне которого все прочие просто варвары. И надо сказать не безосновательно. И его культура, и наука и даже 16 % общемирового ВВП давали ему для такой позиции достаточно оснований. И это самовосприятие китайцев никуда не делось и сегодня. Оно задавлено многочисленными поражениями последнего столетия, но раздражение лишь копится и ждет своего выхода. Вспоминаем опять же про величину и быстрый рост его населения и понимаем, что это глобальная проблема, не считаться с которой себе дороже.

Таким образом, активная поддержка Китая и помощь ему в быстром восстановлении и подъеме экономики, придание ему высокого статуса управляющего над большим и густонаселенным регионом оказывается чуть ли не единственным выходом из ситуации.

Если суммировать то, что нам предстоит сделать в этом регионе, то получается жуткая смесь из полных противоречий.

Нам нужно выдавить Японию с континента и перенаправить всю ее активность на острова Тихого океана и подготовку вторжения в Австралию. При этом нам надо сохранить с ней, как минимум, дружелюбный нейтралитет, гарантирующий нас от нападений на собственном Дальнем Востоке.

Нам нужно активно материально и технически поддержать Китай, помочь ему перевооружиться и повысить выучку и боеспособность его войск. При этом буквально заставить Чан Кайши и Мао действовать не порознь, а рука об руку. И на фоне этого умудриться не разругаться с Японией.

Нам надо убедить Японию отдать нам Корею и бывший Порт-Артур. А желательно еще и южную часть Сахалина. Первое нам необходимо для того, чтобы иметь постоянный выход в теплую незамерзающую часть тихоокеанского побережья Евразии, а заодно и на будущее собственные курорты в этой части страны не помешают. Второе должно нас оградить от проблем и противоречий, когда на Сахалине с моей помощью "обнаружат" и начнут добывать нефть и газ.

Эти три проблемы в принципе решаемы. Правда, за рамками хороших отношений с японцами. В условиях отсутствия нашего участия в европейской войне мы вполне могли бы объединенными усилиями с китайцами выдавить Японию из Маньчжурии, Кореи и Сахалина. Но нам ведь нужно кое-что еще. Нам крайне важно, чтобы Япония смогла победить США на тихоокеанском театре военных действий и захватить Австралию. А после нашего освобождения Китая будет крайне странно и нелогично не добить ее вообще. Да и США этого точно не поймут. Хотя и без этого американцы разделают узкоглазых под орех в первой же битве. А нам совершенно не нужно, чтобы они развязали себе руки для активного участия в европейской заварушке. Наоборот, нам надо, чтобы США вовсю увязли в борьбе с Японией, напрягали все свои силы и в итоге вообще проиграли. Чтобы их возможностей хватало лишь на защиту себя от Японии на западе и от Германии на востоке. А это задача сама по себе еще та. В моей истории при том, что Японии никто не мешал и в ее распоряжении находились материальные ресурсы существенной части Китая, при всей слабости китайской армии, Япония Штатам войну бесславно продула. Хотя кое-какие шансы на победу у нее все же были и если бы не ряд ошибок, то ситуация могла бы повернуться и по-другому. Но гарантий успеха нет никаких. Следовательно, этот вариант даже рассматривать нельзя. Нам так или иначе придется оказывать Японии пусть и скрытую, но помощь и в довольно серьезном объеме.

Да уж. Задача из разряда не решаемых. То, что без дипломатии не обойтись, понятно сразу. Но и одной дипломатией проблему не решить. Нам надо буквально вынудить Японию действовать единственно правильным образом и при этом обеспечить ее даже не лояльность, а благодарность. Даже не представляю, как нам решить эту задачу. Япония сейчас на подъеме, просто так в чем либо убедить ее невозможно. Да и исторически наши отношения далеки от идеальных. И у нас, и у них еще живы участники войны начала века. Даже прямую угрозу от нас японцы будут воспринимать через призму той победы в Корее и Порт-Артуре. А ведь еще и их связь с англичанами никуда не делась. Советников из Британии там и сейчас хватает. Стоит замутить какие-нибудь тайные переговоры, как британцы тут же окажутся в курсе происходящего. А через них и США получают всю необходимую информацию незамедлительно. Отсюда трудности у нас не только по логике, но еще и по срокам всех действий.

В результате трудных и многодневных размышлений единственное, к чему я пришел и

что давало хоть какую-то надежду на успех, это было тайное приглашение полномочного представителя японского императора на испытания нашей атомной бомбы с последующим ультиматумом насчет всех наших колониальных претензий и обещанием ресурсной помощи в войне на океанских просторах против США. Если совсем не идиоты, то должны понять не только угрозы, но и свои возможности. А не поймут, то возможно придется обходиться и без Японии. Хотя оставлять Австралию с ее ресурсами в зоне американского контроля очень не хочется. Как и практически применять атомное оружие. В этом случае для баланса придется еще и пытаться оторвать от США Южную Америку, а это уже совсем темный лес и непредсказуемые последствия.

В итоге я решил доложить свою идею на совещании, а там пусть Сталин решает. Может быть найдет какой-нибудь иной выход из ситуации, мимо которого я прошел в своих размышлениях.

## **Глава 70. Подготовка к "Совету в Филях"**

### **(Часть 3)**

Помимо планов, каким образом, хотя бы теоретически и технологически можно было бы привести мировую ситуацию к интересующей меня конфигурации мировых Сил, в не меньшей степени меня занимал вопрос, как вообще донести до участников необходимость именно такого развития событий. Если с задачей предотвращения войны для СССР согласятся, думаю все, или большинство, то ценность многополярного будущего мира для них, воспитанных на идее всеобщей пролетарской революции, будет, мягко говоря, неоднозначной. Ведь даже Сталин во время первого нашего разговора на эту тему пару лет назад принял эту идею скорее не по убеждению, а вынужденно. Его довольно сильно настораживала возможность заполучить в противники СССР сразу весь остальной мир, с чем страна явно не могла бы справиться, а также даже в случае гипотетической победы выстраивать жесткую централизованную систему управления всем миром, что выглядело явно авантюристично.

Но при нынешних раскладах даже оба эти аргумента могли и не сработать. Что, скажем, мешает действительно на Дальнем Востоке серьезно потрепать Японию, затем принудить ее к мирному договору, чтобы она сосредоточилась на борьбе с США, а заодно придумать как подтолкнуть Германию на нападение на США с другой стороны. В случае успеха к концу мировой бойни все ее участники, истощив силы и ресурсы, сами будут готовы упасть нам в руки как перезрелый плод. И тут выходим мы все в белом, полные сил и здоровья и с ядерной бомбой, и нате вам, пожалуйста в новую реальность, всемирный коммунистический интернационал. И объяснить, что итогом такого развития событий будет катастрофа ничуть не лучше, чем в мое мире, будет крайне сложно.

Не проще будет объяснить и то, почему невозможно выстроить вертикаль управления миром на основе единой пирамиды, что вся она неизбежно выродится в жесточайшую диктатуру с многомиллионными жертвами и приходом к власти повсеместно не истинных коммунистов, а бюрократов-перерожденцев. Не поможет и создание распределенной системы управления. При ней неизбежно вспыхнут множественные конфликты интересов различных региональных элит, которые, забыв о единой коммунистической идеологии, тут же примутся с упоением сначала вооружаться, а потом и воевать друг с другом за свои интересы, взаимно обвиняя друг друга в оппортунизме и властолюбии.

Ведь как ни крути, а единственной жизнеспособной формой в масштабах человечества является очень тонкое и точное совмещение как первой, так и второй систем организации

общества. Один единый надгосударственный и наднациональный Центр управления с жестко очерченным кругом компетенций, в рамках которого он царь и бог, а за пределами его никто и ничто. А на более низком уровне прямая и свободная конкуренция-взаимодействие со всей полнотой власти у ЦЦ за исключением вопросов, добровольно. Но безвозвратно переданных в единый Центр управления человечеством. И еже придется помучиться для того, чтобы как УЦУ, так и региональные ЦЦ могли бы гарантированно обеспечить соблюдение всех прав и обязанностей друг друга. Решаемый вопрос, но очень не простой.

НЕ менее сложным и запутанным выглядит вопрос о целях, которые должно реализовать единое человечество под управлением Единого Центра. Нет, на верхнем уровне логики проблем нет. Если существует угроза истощения ресурсов планеты и фактического уничтожения среды обитания, значит либо надо кардинально сокращать человечество, либо искать новые среды обитания, что в нашем случае равносильно покорению Большого Космоса с нахождением новых пригодных для жизни планет.

Сокращение человечества планировать довольно бессмысленно. Это помимо моральной стороны вопроса неизбежно приведет и к прекращению или в лучшем случае торможению научного и технологического прогресса.

С космосом все выглядит гораздо привлекательнее и перспективнее. На первом этапе, в качестве промежуточной стадии вполне возможно использование воды и минералов из многочисленных астероидов солнечной системы. Если в моем мире человек запускал спутники на Марс, то технологически потянуть пояс астероидов в обозримом будущем скорее всего сможет. Но, во-первых, это лишь отсрочит проблему, во-вторых, наверняка возникнет проблема распределения добытых на астероидах ресурсов внутри человечества.

А самое главное, это не даст человечеству сколько-нибудь долгосрочной перспективы. Так что это можно использовать лишь как ближайшую задачу. С решением же глобальной вопросов и сложностей через край. И дело не в том, что даже в начале 21-го века задача межзвездных перелетов была далека от разрешения. Вопрос в том, что я очень сомневался, что ее в принципе можно решить в рамках современного мировоззрения и с помощью современной даже мне физики. Ведь если мир это божественная иллюзия, а в наличии Бога или Богов я смог убедиться на собственной шкуре, то, думается, совершенно не случайно между звездными системами установлены такие пространственные расстояния, представляющие собой фактически непреодолимый барьер. Скорее всего, проблема может и должна решаться совершенно иными методами. И я даже теоретически представлял какими именно.

Если мир это иллюзия, а единственный элемент ей не принадлежащий, это Разум Всевышнего, распределенный на мириады отдельных разумных частиц, то только для этого Разума не существует расстояний и проблем их преодоления. А поскольку все его частицы, включая Разум самого человека, суть одно и то же, то возможность межзвездных путешествий зависит только от степени осознанности человеческого Разума. Взять, например, того же Велимира или меня самого в этом мире. Если мы способны мгновенно перемещаться из точка "А" в точку "Б", лишь четко представив себе, куда именно хотим попасть, то значит и путешествие на любую иную планету возможно таким же образом. Велимир и меня еще за собой таскал к Дубу. А это значит, человек вполне способен утащить с собой что-то материальное. И даже огромный космический корабль, управляемый таким человеком вполне может быть перемещаем мгновенно между звездами. Для этого

достаточно лишь, чтобы человек включил мысленно этот корабль в свою личную систему, которая подлежит перемещению. Правда, возникает совершенно иной вопрос. Если никто из людей пока на других планетах не побывал, то каким образом их можно представить себе настолько точно, чтобы попасть туда первый раз. Но и эта проблема мне не кажется не решаемой. Существуют же эзотерические техники, позволяющие астральные путешествия, в том числе и в другие миры. Да, это искусство доступно очень немногим, но так ведь речь и идет о степени осознанности человеческого Разума. Если у большинства голова болит лишь о том, чтобы накормить и ублажить свою биологическую тушку, о том, как потешить свои комплексы и испытать яркие эмоции, то до осознанности ли этому большинству? Этим путем способны идти лишь те, кто полностью осознал иллюзорность материального мира и мысленно вышел за его границы, кто приблизил, пусть на малую толику свое сознание к Единому сознанию Творца.

Додумав эту мысль до конца, я удовлетворенно расслабился. Ведь то, что делаем мы в наших специнтернатах, то что после нас продолжает Велимир с другими волхвами, это и есть как раз воспитание той будущей когорты покорителей Космоса, которым все будет по плечу. И ведь даже каких-либо особенных супертехнологий изобретать не придется. Можно и простой грузовик на другую планету переместить, если там будут условия подходящие. Хоть завтра. Нет, завтра все же не получится. То есть технически возможно, но не найдется оператора с таким запасом личной энергии, чтобы в достаточной для переноса степени насытить Образ. Эту способность надо долго и упорно тренировать так же, как спортсмены тренируют собственные тела для достижения высоких результатов.

Но есть и еще одна серьезная проблема. Это проблема допуска. Надо попробовать связаться с моими "кураторами", но что-то подсказывает мне, что никто нас с планеты не выпустит до тех пор, пока мы не прекратим относиться к ней по-варварски, пока продолжаем ее загаживать всеми способами, а еще и пока не уберем за собой должным образом, не восстановим полностью ее экологию. А это в свою очередь накладывает очень серьезные ограничения в плане технологического развития. Сегодня-то любой завод дымит так, что все в его многокилометровой округе тонким, а то и толстенным налетом продуктов горения засыпано. Какая уж тут экология может быть.

Стоп. А нужно ли вообще это технократическое развитие, эта погоня за астеоридами, если проблема в принципе решается иным образом. Совсем отказываться от техники смысла нет. Многое без техники сделать невозможно или крайне трудно. Но это должна быть совершенно иная техника. Я когда-то читал, что наши далекие предки использовали технику, управляемую силой мысли. Что-то типа такого нам и нужно. Вот это направление и надо развивать в первую очередь.

Да уж. Интересно, куда завела меня мысль. Но уж это точно не для нашего совещания. Такое даже Сталину пока говорить не стоит, не поймет. Надо сначала обсудить этот вопрос с Велимиром, а то выяснится, что я себе все это напридумывал, а реальность совершенно иная. Для совещания пусть будет Космос, "космические корабли, бороздящие просторы Вселенной" и астероиды, как источник ресурсов. А параллельно, если в моей идее что-то есть, будем прорабатывать вопрос с Велимиром и готовить операторов межзвездных путешествий. Да и до "кураторов" постараюсь достучаться.

### **Интерлюдия 5.**

Велимир стоял на высоком утесе, обрывающемся в океан. В вечернем небе над водой парили сразу три луны разного цвета и размера. Голубоватая, видимым размером со свой



земной аналог то ли всходила над небосводом, то ли собиралась зайти за горизонт. Почти в зените светила мягким желтоватым светом крупная луна, раза в два больше чем солнце. Третья, промежуточного размера между первыми двумя, розовая как новорожденный поросенок расположилась на другом краю видимого сектора неба и тоже то ли заходила, то ли недавно появилась. И что удивительно, все три луны были полными, этакое тройное супер-полнолуние. Но что еще удивительнее, их свет совершенно не затмевал свет многочисленных разноцветных звезд, гроздьями висящих на небе, а скорее соединялся с ними в потрясающую световую и безмолвную симфонию. Велимир застыл, не в силах оторвать взор от дивной и величественной картины.

То, что это сон, как и то, что это не Земля, Велимир понял сразу же. Но и место это оказалось ему совершенно незнакомым. Иногда во сне Велимир попадал в другие миры, но очень редко ощущения были настолько яркими и полными, до прозрачности воздуха, богатства запахов, из которых многие были незнакомы, до ощущения легкого ветерка кожей лица.

— Что нравится, — раздался за спиной глубокий и сильный голос, от которого, хоть и негромкого, казалось, слегка дрогнул мир, — ишь, как застыл.

— Нравится, — ответил Велимир, с трудом удержавшись от того, чтобы вздрогнуть, и только после этого медленно повернулся.

Перед ним стоял высокого роста старик с белоснежной шапкой длинных волос и столь же длинной бородой. От его мощной фигуры в простой белой полотняной рубаше, подпоясанной простой бечевой, и темных свободных штанах веяло такой силой, что Велимир все понял.

— Ну что, догадался поди, кого перед собой видишь?

— Догадался, Владыка Влесе, неужто ты воссоединился до срока? — Велимир степенно, но в пояс поклонился явленному Богу — неужто ночи Сварога конец пришел?

— Так парень наш в твоём мире такое творит, что все расчеты прахом пошли. На столетие почти сократил время. Я и не ждал от него такой прыти. Впрочем, в ногах правды нет, давай присядем, потолкуем неспешно.

Между ними материализовался небольшой столик с двумя крепкими, но простыми деревянными стульями с разных сторон. На столик так же из ниоткуда плюхнулся здоровенный кувшин, полный какого-то напитка.

— Отведай, волхв, такого ты у себя не попробуешь. На столе возникли две немаленькие кружки, а графин самостоятельно взлетев в воздух, немедленно их наполнил.

— Велимир присел и сделал большой глоток. Легкий чуть пенный напиток мгновенно, казалось бы пропитал весь его организм, наполнив его необычайной легкостью и свежестью. Да и сил, казалось, появилось столько, что стоит захотеть, и он сам немедленно сотворит мир, не хуже этого.

— Ну, это ты загнул, усмехнулся Велес. Мир создавать, это тебе не между мирами мотаться, тут никакой волшебный напиток не поможет. А вот здоровья и сил он прибавить в состоянии. Почитай эта кружка тебе еще лет десять жизни земной добавит, если ты сам раньше ко мне не запросишься.

— Скажи-ка мне, как тебе парнишка?

— Интересный. Далеко пойти может, если с Пути не свернет. Да и ты с самого начала в него вложил столько, что он еще и с тем, что имеет, наполовину не разобрался. Да и не стремится особо, погряз в мирских делах по уши. А по Духу правильный, нравится мне,

легкий он.

— Ты на него и его дела со своей колокольни не смотри. Он так историю замутил, что даже я удивился до крайности. А меня удивить, знаешь ли, очень не просто. Да одно то, что две противоположности во мне лет на сто раньше слились, чем по Року положено, о многом говорит. Я ведь на него особо и не рассчитывал, скорее решил использовать небольшую имевшуюся вероятность. В его то мире и его времени я уже был готов соединиться, правда, лишь для того, чтобы стереть эту очередную неудавшуюся цивилизацию и начать все сызнова. А, значит, и твой мир та же участь ждала бы. Он ведь до появления Алексея в твоём времени вообще единым с его миром был, с разницей лишь почти восемьдесят лет.

— А как вообще все это произошло?

Когда я его забросил в твоё время, я поначалу думал, что он бросится вооружать Россию всем, чем сможет, потом выиграет героическую войну, потом, начнет строить всеобщее светлое будущее коммунизма по всей планете. Это было крайне ожидаемо. Я ведь сам с собой поспорил, что так и будет. Только на этом пути его ждала засада. Я ведь от своей темной половины не случайно ему всего десять лет пообещал, что не вмешаюсь. Зато потом я бы развернулся.

Ведь до этого эксперимента все так и было. Я-темный отошел временно в сторонку, Я-светлый помог России выиграть войну, а потом Я-темный стал готовить реванш, чтобы посмотреть насколько Россией усвоен урок, преподанный мной-Светлым. Ничего хорошего не получилось. Пара-тройка десятилетий и Я-Светлый был вынужден признать свое поражение. Темная сторона оказалась сильнее и привлекательнее для человека. И тогда Я и Я решили провести этот эксперимент, ввести в Игру новый фактор, частично осведомленный о происходящем и ближайшем будущем.

— И как движется эксперимент?

— Знаешь, поначалу все происходило в полном соответствии с тем, как я ожидал. Точнее ожидали оба Я. Парень довольно шустро пробрался к Сталину, неплохо с ним поговорил и стал наращивать военную мощь СССР. Так сказать, активно готовиться к войне. Если бы он на этом остановился, то Германию он, конечно, победил бы. Но вместо нее получил бы войну со всеми оставшимися силами. Итог был довольно печальным. Даже эта его атомная бомба на помогла бы.

Но он первый раз удивил меня, когда умудрился придумать и даже протащить через Сталина идею объединения всех религий на одной надконфессиональной основе. Если эта форма приживется и тенденция сохранится, то есть очень серьезный шанс, что человечество скачкообразно приблизится к пониманию реальности Мироздания. А это поможет ему ступить на правильный путь развития.

Второй раз он меня просто поразил, когда додумался упразднить национальности и вместо них выдвинуть на первый план Роды. Без Родов это была бы пустая попытка, а так есть очень неплохой шанс для всеобщего объединения на основе многообразия Родов. Хотя в сущности Род человеческий один и есть, просто истина эта скрыта за наслоениями различий между всеми живущими и абсолютизацией их собственного маленького "Я". И опять-таки, если идея эта не заглохнет, то есть неплохие шансы на быстрое слияние всего человечества в единый организм. При сохранении всех накопленных знаний и культурных достижений.

Третий раз, хотя уже не так сильно, я начал привыкать, он удивил меня, когда собрался строить многополярный мир с единым центром управления, но с сохранением многообразия господствующих в разных частях Идей и моделей общественной самоорганизации.

И, наконец, он даже не удивил, он меня просто поразил тем, что дошел до этого настолько быстро, когда он сегодня прислал мне Зов. Я посмотрел, что он предположительно ждет от меня, и очень сильно поразился. Он додумался до того, что проникновение в новые миры потенциально не требует мощных космических кораблей, медленно и грустно летящих от одной звезды к другой. То, что он будет проталкивать идею совместной работы над скорейшим выходом в космос, было ожидаемо. Ведь в его мире все это стало реальностью, хоть потом и заглохло. Но то, что он дойдет до понимания бесперспективности этого, чисто технологического пути, я не ожидал.

— И что, теперь все у нас пойдет на Земле по-другому?

— Может пойти. Не пойдет, но уже может пойти. Точка невозврата еще не пройдена. Но пожалуй впервые на это появился реальный шанс. Не отодвинуть катастрофу лет на сто-двести-пятьсот, а именно пойти другим путем, не имеющим ограничений по времени. Да и мне, признаться, этого бы очень хотелось. Надоело, знаешь ли, уже шестую попытку вырастить в человеке Бога, а не животное, в туалет спускать. Хочется уже чего-то новенького, а не повторения. Да и моя Игра с самим собой получит новые перспективы и горизонты.

Да, я собственно, зачем тебя позвал, волхв. Зов пришел мне, но я сейчас не могу появиться в твоём мире даже самой слабой проекцией. После моего воссоединения твой мир этого просто не выдержит. А выдергивать его к себе преждевременно, не дорос еще, в том числе энергетически. Так что ты уж там объясни ему за меня, как дела обстоят, обнадежь, поддержи, помоги, чем сможешь.

— Сделаю, владыка. А можно личный вопрос? Почему именно я? Ведь я не самый старый и не самый сильный волхв из ныне живущих?

— Да, но таков твой Рок. Тебе посчастливилось или не посчастливилось, это ты уж сам реши, оказаться в нужном месте в нужное время. И линия твоего Рока определилась на долгие годы. Так что держись, сыне и тащи свою ношу достойно. Мне, извини, пора, а ты еще посиди, полюбуйся на мое последнее творение, напиток еще попей. А потом и просыпайся.

## **Глава 71. По пути к тайнам Мироздания.**

Когда на следующее же утро после моей попытки мысленно достучаться до "небес" в моей голове раздался голос Велимира, я даже не очень удивился. При том, что уже довольно длительное время я ничего про него не слышал, да и сам, занятый повседневными делами, о нем практически не вспоминал. Но я внутренне чувствовал, что Велимир не простой волхв и совершенно не случайно оказался вписанным плотно в мою историю, и подспудно ожидал возможность этого варианта.

— Здравия тебе, Алексей, бодрствуешь уже?

— И тебе здравствовать, Велимир, — ответил я в его же стиле. — Давно уже встал, дел по горло.

— Дела подождут, надо поговорить, это важно. Ничего, если я у тебя появлюсь?

— Буду рад.

Велимир, возник, как обычно практически мгновенно, из скромности проявившись не прямо в домике, а перед ним. — Пойдем, хватайся за меня.

— А здесь поговорить нельзя?

— Может и можно, но лучше не рисковать.

Притащил Велимир меня к тому же дубу, у которого я когда-то видел посвящение

витязей. И как в прошлый раз мгновение темноты, ощущение легкого сопротивления, и мы уже там. — Здесь нам точно никто не помешает.

— Рад тебя видеть Велимир, сам уже собирался с тобой связываться кое-что обсудить, а тут ты. Но почему такая срочность и такая секретность. Мы многие вопросы с тобой обсуждали, и тебя никогда не смущало место встречи. Что изменилось? Случилось что?

— Нет, ничего особенного не произошло, о чем стоило бы беспокоиться, но нечто значительное произошло на самом деле. Давай присядем и спокойно поговорим. Дел ты таких, оказывается, понаделал, что даже не знаю, как сказать. Я, конечно, краем глаза за тобой присматривал, интересовался изменениями в стране, знаю, что в мире происходит и намечается, но такого эффекта не ожидал.

— И что же все-таки случилось? Я тебя первый раз таким взволнованным вижу.

— Случилось то, что меня вызвали на ковер.

— На какой-нибудь круг высших волхвов?

— Если бы. Будь так, я бы не тебя вообще бы не беспокоил. Бери выше.

А внимательно посмотрел на Велимира. — Тогда все ясно. Я как раз вчера попросил о встрече с тем, кто меня сюда забросил, но ответа не получил. Теперь понятно, что ответ, это встреча с тобой. С чего начнем? Расскажешь, каково это, пред Богом предстать, или сначала мои проблемы обсудим?

— Давай вкратце я начну, а то без этого многое непонятным останется. Помнишь, Алексей, наш разговор о том, кто тебя сюда выдернул и почему ты с двумя сущностями встречался? Я тогда тебе еще сказал, что в Ночь Сварога Велес себя надвое делит?

— Помню, Велимир, такой разговор. Ты тогда еще сказал, что теперь до единения Бога дожить мечтаешь, раз все ускорилося.

— Так вот, это уже произошло. Здесь это пока никак не проявилось, но Велес воссоединился.

— Ничего себе! И это что, все из-за того, что мы с моим участием за несколько лет наделали?

— Как тебе сказать? И да, и нет. Катализатором ты, и тем более, твои действия безусловно явились. Но здесь важно понимать, что первично, а что вторично. Если бы Велес не хотел этого ускорения, то и тебя бы в этот мир никто не призвал бы. Другой разговор, что ты и его удивить немало сумел, он так прямо и сказал.

— Ну и как теперь? Мне уже можно домой возвращаться, ситуация изменилась безвозвратно?

— Нет, так легко тебе не отделаться. Ты, почитай только начал трудиться. Ладно-ладно, не ерпенься. Знаю, что не баклуши бьешь, и что многое сделать удалось. Но только ситуацию надо правильно понимать. Воссоединение одного из старших Богов, оставленного на ночное время на хозяйстве, означает вхождение в жесткий режим альтернативы. Тут или выход на новый уровень, или досрочная ликвидация цивилизации.

— А почему досрочная ликвидация? Ведь в моем мире-времени она еще существует и какое-то время еще протянет, если в атомной войне себя не спалит?

— А ты сам посуди. Тебя почему призвали? Потому, что шансов у твоей цивилизации больше нет. А если тебе, хорошо, с твоей помощью, ее повернуть с проторенного пути не удастся, то зачем Ему второй раз наблюдать закат нынешней версии человечества? Проще сразу срубить и дать шанс следующей. Воссоединение Велеса означает окончание Ночи Сварога. Новый День Его идет в совершенно иных условиях, совершенно иной опыт человеку

передается. Либо изначальный, указующий путь, что проще сделать для нецивилизованного человека, разум которого зашорен многочисленными догмами и теориями, возникшими при развитии цивилизации. Либо для человека, пережившего Цивилизационный кризис, но выстоявшего и готового к восприятию другого уровня энергий и совершенно к иным задачам. Мы сейчас к своему кризису приближаемся семимильными шагами. А вот как мы его пройдем, зависит только от нас. Тут нам никто помогать не будет. Все, чем могли Высшие силы помочь, они уже сделали. Считай это нашим экзаменом на зрелость.

Но ты не сникай, пока на Руси все делается правильно, сейчас важно довести все начатое до логического конца. Укрепить силу Родов, выстоять, не позволяя втянуть себя в чужую войну за чужие интересы. Ну, и, разумеется, отпор дать супостату, если ползет. Но самое главное, что потом. Чем будет жить мир после войны?

— Вот об этом я как раз с тобой поговорить и хотел, а может быть ты мне и по вопросам, которые я наверх хотел задать поможешь.

— Может и смогу, а если нет, то сам постараюсь достучаться. Кстати, ты не обижайся, что тебе ответа не было. Так надо было. После воссоединения Велесу самому на Землю хода нет даже в проекции, слишком большое потрясение для мира будет. Это если только мы не справимся со своей задачей, он придет судить и новый мир строить. А пока есть шанс, а он есть, нам самим тут придется трудиться. Но и тебя к себе поднять он не может. И не потому что не хочет. Тебя убрать отсюда только раз можно, если забирать домой. А вернуть тебя сюда после встречи, это как гигантскую свечу, отовсюду видимую, зажечь. Метку Бога с себя никому не снять. А твои оппоненты хоть прямой поддержки и лишились, но способностей своих отнюдь не растерялись. Засветишься так и считай покойник. И так удивительно, что до сих пор жив и не опознан.

— Мне, значит, светиться нельзя, а тебе, значит, можно? — Обижен я не был, но какое-то чувство разочарования и неудовлетворенности все же присутствовало.

— Ты меня с собой не путай. Меня поди найди. Я среди людей очень редко появляюсь и очень ненадолго. А здесь меня никому не отыскать. Свое пространство Круг Волхвов хранит бережно. Чужому или без сопровождения сюда хода нет. А сунутся, найдется, чем ответить и охоту, куда не надо лезть, отбыть навсегда. А ты в самой гуще событий постоянно. Тебе светиться никак нельзя, очень уж большая ноша на тебе висит, может быть решающая для всего мира. И, что важно, ты пока ее тащишь. Так что не переживай, все так, как должно быть и единственно возможным образом. Ладно, рассказывай теперь ты, что за проблемы?

Я подробно рассказал Велимиру о своих планах по послевоенному мироустройству, о целях, которые вижу для объединенного единой Идеей человечества, о трудностях перехода и своих сомнениях в способности их разрешить. Рассказал и о возникшей у меня Идее относительно способа передвижения между мирами.

Волхв слушал внимательно и, не перебивая. Затем поднял на меня задумчивый взгляд.

— Значит, долгосрочное развитие человечества ты видишь через заселение новых миров? Через Космос? А почему ты считаешь, что Земля слишком мала для человечества? Почему ты думаешь, что она не способна регулировать его численность для обеспечения самодостаточности? Почему ты пытаешься заменить качественный рост сознания количественным ростом биомассы? А может быть будущее человечества в переходе в состояние чистой энергии? Ты вот как раз и представляешь из себя эту энергетическую форму, уплотненную до уровня материальной. Не думал об этом?

— Думал, Велимир, как же не думать? Но не пройдет это. Ни первое, ни второе.

— ???

— Давай с простого, с саморегуляции. Да, в живой природе все так и обстоит. Если стада антилоп разрастаются, среди них появляется количественно больше слабых и больных особей, в ответ на это начинают плодиться львы, которые их пожирают. И стада приходят в свое нормальное состояние. Расплодившиеся львы начинают голодать, их рождается и выживает в детском возрасте меньше, и система вновь приходит в сбалансированное состояние. Но с людьми так не получится. По крайней мере естественным путем. Наш цикл жизни значительно длиннее, чем нужно для такой саморегуляции. А потом, у нас нет ограничений по источнику пищи. Мы скорее сожрем всю биосферу, чем начнем вымирать.

Остается путь катастроф. Но катастрофы не только сокращают численность человечества, они неизбежно отбрасывают в цивилизационное прошлое, в дикость. А это мало чем отличается от полного уничтожения и создания новой цивилизации. Доказательства приводить надо?

Волхв медленно покачал головой.

— Тогда идем дальше. Я воспринимаю человечество как единое целое, в том числе и с точки зрения Разума. Его совокупная мощь с ростом численности человечества возрастает. Хотя правильнее сказать возрастает его потенциал, ибо мои современники в большинстве своем, напротив, демонстрировали по мере роста населения устойчивую тенденцию к деградации разума и постепенное превращение в бездумную животную массу. Но я это отношу не к естественным причинам, а к следствиям ошибочного Пути и подготовке к минимально болезненной процедуре самоликвидации. Напротив, период того же моего, да и нынешнего СССР, когда народ в едином порыве увлечен созидательным развитием, его совокупная интеллектуальная мощь непрерывно возрастала и возрастает. Так что, думаю, что переход человечества на качественно новый уровень Разума и осознанности должен сопровождаться и его количественным ростом. Для чего на Земле достаточной базы нет.

— Ну что же. Во многом ты прав и выглядишь убедительным. Но ты прав и в том, что Космос не случайно создан таким пустым, что пространство между мирами представляет из себя непроницаемую преграду для путешествий между мирами. В материальной форме, разумеется. Ты прав и в том, что силой собственного Разума и воображения, воссоздающего в сознании четкий Образ иного мира, человек способен перемещаться между мирами. Но могу тебя разочаровать. Этот путь доступен единицам и безотносительно всего прочего, одиночкам. Смотри, даже сюда в рамках одного мира я испытываю трудности для проведения тебя с собой. Да и ты при этом преграду чувствуешь. А ведь это всего лишь место твоего родного мира, защищенное магией волхвов. А теперь представь себе защиту мира, над которой потрудились боги. Тут себя бы протащить, и это не просто, хотя техники для такого имеются. И опыт кой-какой тоже. Но массовое переселение недоступно однозначно. Ни у кого таких сил не хватит.

— Так что, все зря? Выхода нет? Не верю, должен быть выход. Либо связанный с аккумуляцией необходимого объема энергии, либо с помощью каких-нибудь технологий.

— Не горячись. Я мог бы долго спорить с тобой на предмет того, что переход на иной уровень сознания, позволяющий такие перемещения, дело сугубо индивидуальное, и никто никому идти этим путем и учиться, не запрещает. Но не стану. Есть и иной путь. Назвать его технологическим не берусь, скорее он комплексный, но делающий путешествие между мирами на коллективном уровне возможным.

— И что же это за путь?

— Во Вселенной существует множество мест, в которых возможно мгновенное перемещение из одной точки Вселенной в неважно насколько от нее удаленную другую.

— Порталы?

— Ты их так называешь? Пусть будут порталы. Их два вида. Это звезды и черные дыры. Первыми могут пользоваться адепты светлых богов, вторыми — темных.

— А адептам равновесия?

— Таким можно пользоваться любими, с осторожностью, но еще проще, им вообще не нужны порталы, а лишь наличие личной Силы для перемещения, но об этом мы уже говорили. Просто на массовом уровне не может быть много адептов равновесия, удерживающих в себе точный баланс Света и Тьмы. Связано это с гораздо более строгими требованиями к личной осознанности и уровню развития Разума, да и Силы это требует больше. Более, чем вдвое. Ведь в зачет пойдет только энергия определенного качества, вторая сторона бесполезна, да и ее еще необходимо на время перехода блокировать, чтобы избежать взаимодействия с энергией портала. Но я, с твоего позволения продолжу.

Поскольку добраться до этих порталов, хоть они и есть в любой звездной системе индивидуально в материальном виде невозможно, требуется техника и технология перемещения в космическом пространстве.

— Космические корабли то есть?

— Да, корабли. Но и это не все. Корабль просто так через портал не пройдет. Он должен обязательно управляться сильным адептом, способным своим Разумом и энергией защитить весь корабль и всех в нем находящихся. Но и это лишь позволит пройти в портал. А вот куда тебя выкинет, это большой вопрос. Точнее выкинуть может куда-угодно. Порталы не привязаны к конкретной точке, они позволяют выйти в любом другом портале аналогичного типа. А для того, чтобы попасть по конкретному адресу, его надо очень хорошо себе представлять. В виде образа. А качественный образ может создать только тот, кто уже хоть раз в той системе побывал, хотя бы в осознанном сне или мысленном озарении. Вот такие пироги получаются. Что-нибудь понял?

— Примерно понял. А скажи, Велимир, откуда ты все это знаешь?

— Так ведь наши далекие предки уже использовали такие технологии, уже летали в Космос, заселяли другие миры. Эти знания передаются издревле от волхва к волхву.

— Но как же так получилось, что они все это могли, но все равно скатились до нашего сегодняшнего уровня?

— Первым детям Творца нашего мира было дано очень многое. Для них почти не существовало секретов Мироздания. По сравнению с нами нынешними они сами были как боги. И у них даже теоретически не было вопросов. Ведь вся необходимая информация возникала у них в голове в тот момент, когда рождалась мысль и потребность.

Но мир не может существовать без разделения на антиподы. В этом разделении заключена его сила и источник его жизни. Адептам равновесия приходилось тщательно выверять все свои шаги, чтобы не нарушить баланса. И это очень сильно связывало им руки. Адептам обоих полюсов было дозволено много больше. Ведь служение своему полюсу Силы не накладывало никаких ограничений и давало бесконечную свободу реализации, лишь бы все действия были направлены на борьбу с оппонентом. Вот так и доигрались и доборолись до почти полного взаимного уничтожения. Из остатков того первого человечества было возрождено новое, на которое во избежание было наложено больше ограничений. Битва и подготовка к ней заняла больше времени, но все окончилось тем же самым. Наша волна

разума уже шестая, собранная и возрожденная из остатков предыдущей. И каждая последующая была изначально слабее и ограниченнее в правах и возможностях. И теперь уже наша стоит на пороге самоуничтожения. Если мы погибнем, седьмая волна будет вообще настолько ограничена в познании мира, что почти не будет иметь самостоятельности в развитии. Но, увы, обратной стороной этого процесса является резкое уменьшение творческого потенциала и вероятности достичь божественного уровня.

— Послушай, а как же Велес объединился, если ты говоришь о вечности полюсов?

— Так полюса, те самые, вселенские, никуда не делись. Единение Велеса состоялось лишь в отношении нашей Земли в конкретное время. Для судилища по сути. Все ставки сделаны, все стороны по большому счету определены. Кто на какой уровень выйти успел, на нем и примет будущее.

— Ясно. Да, задал ты мне задачку, врагу не пожелаешь.

— Что так?

— Понимаешь, сначала мне представлялось все довольно простым. Объединяешь человечество Идеей покорения Космоса, подкрепленной страхом перед истощением ресурсов. И все, хочешь — не хочешь, но довольно дружно ползут к единой цели. Забыв про распри. И уже это казалось мне выходом из тупика. Потом до меня дошло, что чисто технологическим путем цели не достичь, и я увидел свет в конце тоннеля в лице перемещений между мирами силой Разума. Здесь я подумал, что мы, Россия, первыми добиваемся успеха, и пока все прочие растаскивают на ресурсы какие-нибудь астероиды, мы уже начинаем заселять новые миры. А остальные, это увидев, резко отказываются от своих догм и становятся на нами проторенный путь.

А теперь выясняется, что надо и то, и другое сразу. При этом еще стоит ограничить информацию об истинном положении дел от кого бы то ни было. Благо внешне все равно надо строить корабли, способные перемещаться по нашей системе. Ни о чем ином другим пока знать не надо. А когда мы сможем летать к звездам, то выяснится, что для повторения другим все равно надо развивать своих пилотов высокой степени осознания.

— Ты забываешь, что темные жрецы существуют и обладают такими же знаниями, как и я. Да, кричать на каждом углу о своем знании они не станут, но уверен, к мирам полетят одновременно с нами.

— И что делать?

— А что делать? Делать, что должен. Искать миры, составлять их точные образы, засылать индивидуальных разведчиков для выбора оптимальных, годных для правильной жизни. И одновременно развивать технологии, чтобы достигать портала. В нашем случае Солнца.

— С технологиями понятно. А с разведчиками что делать? Наши воспитанники подойдут?

— Подойдут, я ими займусь, а ты пока обеспечивай технологии и не загуби мир в войне.

— По рукам.

После встречи с Велимиром у меня осталось легкое и очень приятное чувство, что наш мир, пусть и на малую толику, но все же отодвинулся от края пропасти. А уж дальше мы постараемся ликвидировать эту опасность вовсе.

**Глава 72.**

**"Проверка на дорогах"**

**(Часть 1).**



Сталин вызвал меня к себе за два дня до назначенного совещания. Как это часто бывало, перед тем, как выносить серьезнейшие вопросы на всеобщее обсуждение, он захотел еще раз с моей помощью проверить всю логику будущих решений и утвердиться в своей правоте, либо скорректировать проекты решений, если в логике обнаружатся серьезные ошибки. Будучи очень самолюбивым человеком, привыкшим для своего окружения казаться мудрым и непогрешимым, он крайне не любил решать вопросы на скорую руку, тем более во время совещаний даже с самым ближним кругом. Он постоянно играл в демократичного руководителя во время обсуждений вопросов любой сложности, давал каждому подробно и аргументировано высказывать и защищать свою точку зрения. Но при этом любой вопрос должен был решен у него в голове еще до начала обсуждения. И когда аргументы оппонентов заставляли его сомневаться в оправданности собственной позиции, он вообще предпочитал отложить решение вопросов. Но, как уже было сказано, подобных ситуаций он старался всячески избегать.

Я довольно давно стал для него своеобразным спарринг-партнером при подготовке решений. Примерно с того момента, когда Сталин стал полностью мне доверять, убедившись, что меня не привлекает личная власть, и что я не готов и не хочу участвовать в политических интригах в любом качестве, а также, что я являюсь искренним патриотом СССР. Правда, сначала его очень смущало мое двусмысленное отношение к коммунистической идее, но затем и в этом вопросе Сталин убедился, что мои сомнения и возражения не являются следствием враждебной позиции, а продиктованы исключительно попыткой избежать ошибок, совершенных в моей версии СССР.

Правда, Сталин не был бы самим собой, если бы перед тем, как наши взаимоотношения приняли настоящий вид, он бы не попытался использовать любые возможности взять меня под полный контроль. Даже однажды организовал на меня покушение. Ну это я так думаю, что за покушением стоял именно он. Формально это был кто-то из недобитых троцкистов, озабоченных моим появлением и влиянием на решения Кремля, хотя я всегда старался максимально держаться в тени. Но уж больно аккуратно было все подстроено, а сам выстрел должен был лишь повредить мне ногу. Странно при серьезном покушении видеть исполнителя, который выбрал бы такую бесперспективную часть тела в качестве мишени или был бы настолько не профессионален. Как я понимаю, если бы выстрел сумел бы причинить мне какой-либо вред, то это стало бы для Сталина основанием считать меня полностью контролируемым. Но, увы и ах. При том, что я даже проморгал сам выстрел, будучи чем-то увлеченным, тело само отреагировало на опасность, мгновенно дематериализовавшись на пути пули, пропустив ее беспрепятственно мимо, а затем восстановившись в прежнем виде. Причем все произошло столь мгновенно, что никто ничего не заметил, а я даже не потерял устойчивости. Не знаю, были бы потом еще какие-нибудь попытки продолжить в том же духе, ведь стрелявший вполне мог подумать, что промахнулся. Но мне это совсем не улыбалось, а потому я сам при ближайшей возможности рассказал Сталину о странном случае, подчеркнув, что тело отреагировало на опасность даже без моего сознательного участия. Возможно, это, а возможно что-то другое, но больше подобных "покушений" на меня не было.

Видимо, в какой-то момент Сталин окончательно успокоился насчет меня, хотя периодически я чувствовал, что охранники базы нет-нет, но пытались через окно проверить мое наличие в домике по ночам. Но, так или иначе, Сталин вспомнил о моем давнем предложении использовать меня в качестве независимого, но дружеского оппонента и начал

все больше привлекать меня на этапе выработки решений. Он даже ограничил мои рабочие контакты с остальными членами советского руководства лишь самым необходимым.

Вот и сейчас, приехав на дачу, я сразу же попал под довольно жесткий прессинг вождя, желающего не просто выяснить мою подготовку к обозначенному совещанию, но и потренироваться на мне для уверенности в прочности собственной аргументации.

— Скажите, товарищ Алексей, я, конечно, помню, что Вы обосновывали необходимость создания сразу пяти мировых центров, но все же хотел бы еще раз вернуться к этому вопросу. А что, разве трех недостаточно? Мы ведь когда-то с вами уже обсуждали этот вопрос, и тогда Вы сами высказывались за три центра Силы, даже, помню, образно приводили в пример табуретку, как минимально устойчивую конструкцию. — Сталин при этом практически ласково, но слегка лукаво посматривал на меня, неспешно набивая свою трубку.

— А я и сейчас, товарищ Сталин, считаю, что трех центров хватило бы. Но тут иная проблема. Насколько я могу прогнозировать развитие ситуации даже с учетом моего знания альтернативной истории, то есть на ближайшие пару десятков лет, я не вижу ни одного шанса придти к этой конфигурации. Точнее придти можно, но очень искусственно, подавляя огромное количество противоречий, загоняя их вглубь и получая тем самым мощнейшие социально-психологические бомбы замедленного действия. И эти бомбы потому уже будет не разминировать, они рванут. И вряд ли в удобный для нас момент.

— Социально-психологические бомбы, — Сталин посмаковал это выражение, — а ничего, хорошо звучит, а главное в целом отражает суть, но продолжайте, товарищ Алексей.

— Смотрите, товарищ Сталин. Если говорить о трех центрах, то это СССР и наши союзники, это США и их зона влияния и это Восточная Азия. Другой более или менее устойчивой на длительный срок конфигурации я не вижу.

Сталин кивнул и жестом попросил продолжать.

— Таким образом, мы имеем два отличия от "пятизонной" конфигурации. Это Восточная Азия единая или разделенная на Японскую и Китайскую зоны влияния. И это Европа, имеющая или не имеющая собственного статуса. Давайте начнем с Азии.

Сегодня мы имеем реально такую картину. Мощная и амбициозная Япония уже начавшая экспансию на юг от собственных островов и добившаяся в этом существенных успехов, а также слабый и даже раздробленный Китай, но обладающий огромным потенциалом как в человеческом, так и в территориальном и экономическом смысле. А кроме того Китай обладает мощной и древней культурно-исторической цивилизационной базой, существенно отличающей его от многих иных стран. Если мы начнем объединять Восточную Азию на базе Японии, то в лице Китая через пару десятилетий мы получим мощнейший взрыв национально-освободительной борьбы. Причем, в этом Китае обязательно помогут. Может быть, этим помощником станем мы, может быть Америка, но так или иначе вместо одного из трех целостных мировых полюсов стабильности мы получим мощнейший полюс нестабильности и хаоса, который будет трудно контролировать даже всем вместе. В свете стоящих перед нами, как человечеством, стратегических задач, которые мы с Вами не так давно обсуждали, я считаю это недопустимым. Если же мы будем создавать этот Центр на основе Китая, то для начала нам придется в довольно серьезной и затратной войне уничтожить Японию, а затем еще пару десятилетий, если не больше подтягивать гигантский Китай до необходимого уровня развития, чтобы он оказался способным выполнять приданные ему функции. Причем, полное уничтожение японской цивилизации я считаю недопустимым как по моральным соображениям, так и по чисто

рациональным. Особенность японцев в том, что они способны любую техническую идею довести до идеального воплощения. Причем, сделать это в том числе в отношении любой сколь-угодно сложной и при этом массовой продукции. Таким больше не может похвастаться ни одна страна в мире. А учитывая, насколько мощный технологический рывок нам предстоит сделать в ближайшие десятилетия, эта национальная японская особенность становится жизненно необходимой для всего человечества. Если же мы не станем уничтожать Японию, а всего лишь попытаемся поставить ее под контроль Китая, то получим ту же самую проблему сепаратизма и национально-освободительного движения. Только уже с другой стороны. И потенциал этих проблем с учетом национальной агрессивности и одновременно специфического отношения к вопросам жизни и смерти окажется как бы не большим, чем в случае с Китаем.

— Хорошо, товарищ Алексей, Ваши аргументы заслуживают внимания и принимаются, но разве мы не будем заниматься в отношении Китая тем же самым при разделенных зонах ответственности? Ведь современная отсталость Китая никуда не денется? И нам все равно придется, как Вы выразились, его подтягивать.

— Совершенно верно, товарищ Сталин, придется. Но нам придется делать это в гораздо более спокойной обстановке. У нас появляется существенный запас времени. Я вполне допускаю, что через два-три десятилетия Японский и Китайский центры влияния сначала обозначат все более тесное взаимодействие между собой, а затем и вовсе объединятся. Но происходить это будет ненасильственным естественным путем, во многом завязанным на взаимное экономическое проникновение, а также в целях стремления к паритету по отношению к советскому и американскому центрам. То есть мы в данном регионе получим потенциально единый азиатский центр, но не будем внедрять его насильственным методом, а дадим ему вырасти самостоятельно.

— Ну что же, эта позиция вполне заслуживает внимания, и мы очень внимательно рассмотрим все нюансы, вытекающие из такой постановки вопроса. А что Вы можете сказать по Европе в таком разрезе?

— Что касается Европы, то ситуация в какой-то мере аналогична, а в какой-то прямо противоположна азиатской. Стратегически, если заглядывать на десятилетия вперед, я, признаться, вообще не вижу Европу в качестве самостоятельного геополитического центра. Скорее всего, под воздействием различных факторов в течение двух-трех десятилетий различные страны Европы примкнут либо к советскому, либо к американскому центру. Но если попытаться сделать это опять же быстро, то без существенных потерь не обойтись. Сейчас Европа стремится путем конфликта разрешить накопленные в регионе противоречия. Если "помочь" ей обойтись в этом своими силами, не влезая в конфликт без крайней необходимости, то по всей вероятности Европу в обозримом будущем ждет объединение под эгидой Германии. Доступ к Африке с ее природными ресурсами на время сделает Еврорею довольно самостоятельным и сильным геополитическим игроком. Но это только на ближайшее время, пока Германия не централизует Европу под своей властью. А вот затем наступит неизбежно период самоопределения. Для того, чтобы стать полноценным центром у Европы должна появиться глобальная Идея мирового уровня. Национал-социализм таковой стать не сможет, поскольку излишне жесток и иерархичен по своей природе.

Как только европейцы победят на своей территории всех евреев и цыган, они столкнутся с идеологической пустотой. В результате произойдет одно из трех. Либо они успокоятся и будут медленно деградировать, либо они начнут искать недочеловеков уже

среди европейских народов, либо они попробуют дальнейшую экспансию в сторону СССР или США. Возможно, конечно, представить себе и тотальную европейскую экспансию в Африку, но с этим у них будет еще больше проблем. В моем мире Африка сплошь поделенная на европейские колонии уже в шестидесятых годах получила независимость. Заставить эффективно работать тамошнее население практически невозможно, а держать для усмирения бунтов большие воинские контингенты накладно и бесперспективно. Так что это тоже путь в никуда.

Из трех вышеперечисленных вариантов развития ситуации первый ведет к медленной деградации и постепенному разрушению единства со все возрастающими внутренними конфликтами. Второй способен вызвать серьезную внутреннюю войну и привести Европу к быстрому краху. Наиболее опасен для нас третий вариант. Но здесь у нас имеется от одного до нескольких лет подготовки. При правильном точечном направлении ситуации в нужное русло, это будут именно несколько лет. И, уверен, мы их используем по максимуму. Я практически не сомневаюсь, что рано или поздно Гитлер попробует укунить СССР. Но сейчас его стоит перенаправить, потом немного напугать, а затем, если рискнет, устроить показательную порку. В результате он может еще разок дернуться в направлении США, но столь же безуспешно. Надо понимать, что война, даже победоносная это совершенно непроизводительная трата всех видов ресурсов. Даже в тех случаях, когда она приводит к успеху и позволяет получить серьезные трофеи, эти трофеи совершенно не окупают неизбежное разрушение инфраструктуры, потерю квалифицированных человеческих ресурсов, а также крайне однобоко развивает экономику. На время войны консервируются любые виды внутренних конфликтов, но как только она заканчивается, как все эти загнанные вглубь проблемы начинают одновременно всплывать, топя тем самым саму цивилизацию. В войне есть только очень небольшие плюсы, реализовать которые может только новая война. Это наработка боевого опыта армией и развитие военных технологий. В нашем случае второе вполне нивелируется нашим знанием тенденций развития аналогичных областей в будущем, что касается первого, то это преимущество должно быть нивелировано нашим превосходством во втором.

Но, извините, товарищ Сталин, я немного отклонился от основной темы. Тем или иным путем Европа зайдет в тупик. А зайдя в него, будет вынужденно ориентироваться либо на крайний индивидуализм, культивируемый в США, либо на коллективизм советского типа. И здесь очень важный фактор это куда повернется собственно Германия. Если к нам, то имеется хорошая возможность постепенно присоединить к нашему центру практически всю Европу. Но для этого на определенном этапе потребуется физическое устранение Гитлера.

— А без Гитлера Вы считаете, товарищ Алексей, что нам удастся легко присоединить Европу? И вообще, почему Вы придаете его фигуре столь большое значение? Вам ли не знать, что за каждым публичным лидером стоит большая система, состоящая из представителей всех уровней управления. Ликвидация верхушки имеет смысл и приводит к изменению политики только в том случае, если со смертью лидера уходит из власти вся система, а на смену ей тут же приходит новая, заранее подготовленная и не менее мощная.

— Все правильно. Но все же имеются некоторые нюансы. Давайте посмотрим на это на примере того, что случилось в СССР после Вашей смерти, если эта тема для Вас не слишком болезненна.

Сталин как-то криво ухмыльнулся и сделал неопределенный жест рукой с зажатой в ней трубкой. Мол, давай, продолжай.

— Ваша смерть в моей версии истории одновременно явилась причиной и следствием произошедших после драматических изменений в стране.

— Как это следствием? Разве может быть более раннее событие быть следствием последующих?

— Это некая аллегория, конечно. Но если посмотреть в суть, то Ваша смерть, а были очень серьезные основания считать ее неестественной, была следствием того раздражения, которое длительное время накапливалась в Вашем даже довольно близком окружении, и которое сначала привело к покушению на Вас, а потом запустило в стране множественные разрушительные процессы. И связано это раздражение было с двумя факторами. Первый это эгоистичная неудовлетворенность собственными возможностями. Не властными, хотя и ими тоже, а в первую очередь материальными. Ваш личный аскетизм пусть подспудно, но ограничивающее воздействовал на всех остальных, не позволяя им развернуться в полной мере, не давая их властному положению превратиться в материальное барство. Второй фактор это тривиальный страх. С одной стороны, победа в Великой отечественной под Вашим руководством подняло Ваш авторитет на такую высоту, что полностью ликвидировало у кого бы то ни было возможности сместить Вас с постов и устранить от руководства страной. В то же время это же самое Ваше положение и авторитет позволяли Вам в любой момент любого из них не только отстранить от власти, но и отправить замаливать грехи в места не столь отдаленные или даже подальше. И этот страх за себя, за сохранение своего положения во власти, за свое благополучие в конце концов заставил их действовать. А после Вашего убийства, один раз встав на этот путь, они волей неволей были вынуждены идти по нему, каждый раз ставя личные интересы и страх перед потерей власти выше интересов страны. Итог Вам известен.

— И что таки все участвовали?

— Товарищ Сталин, ну я же Вам уже не раз рассказывал обо всей информации и даже слухах, которые до меня дошли в моем времени. Тема же была настолько засекречена, что только после развала Союза стала просачиваться какая-то информация, да и то неизвестно, сколько в ней правды, а сколько простого желания родить сенсацию на пустом месте. Все в совокупности указывает на покушение, но каких-либо железных доказательств этого не существует.

— Ну хорошо, давайте вернемся к Гитлеру. Значит, Вы считаете, товарищ Алексей, что его смерть существенно повлияет на обстановку в Германии?

— Да, товарищ Сталин, повлияет. Там, насколько я могу себе представить есть несколько реальных центров влияния. Первый это орден СС, не войска, а именно орден, их создавший, корни которого уходят в мистическую область. Возглавляет эту структуру, Гимлер. Дальше идет группа партийных товарищей, не связанных с СС, но поднявшихся во власть по линии НСДАП, к сожалению, я не очень хорошо знаю личные роли и властное влияние кого бы то ни было персонально у нацистов, но пока пусть это условно будет группа "партийцев". Третья группа влияния это старая военная аристократия. Она сегодня находится в довольно двусмысленном положении. С одной стороны, практически весь генералитет и офицерский корпус гитлеровской армии состоит из представителей этой группы, с другой, они находятся под жестким присмотром гитлеровской службы безопасности. Четвертая группа это группа влияния англосаксов. В ней имеется большое число представителей крупного немецкого бизнеса, связанного с английским и американским множеством деловых и партнерских связей, а также ряд высокопоставленных

военных и партийных чинов, например, начальник Абвера адмирал Канарис. Сегодня все эти группы, имеющие разнонаправленные интересы жестко связаны друг с другом волей Гитлера. Если его не станет, то неизбежно начнется борьба за власть и передел сфер влияния и ответственности. Причем, самым сложным окажется именно выбор вектора развития Рейха. Наибольшее противостояние будет между военной аристократией и "партийцами", в большинстве своем являющимися выходцами из низовых классов. На чью сторону встанет СС сказать трудно, возможны варианты вплоть до борьбы за верховную власть.

— А "англичане"?

— Эти будут всячески ориентировать немцев за поход на Восток против коммунизма и продолжение войны в этом направлении, прекратив боевые действия в Европе, которую попробуют поделить на немецкую и английскую зоны влияния.

— И кого нам стоило бы поддержать, по Вашему мнению?

— Как ни странно, "аристократов". Из всех групп эта, оказавшись наверху, будет проводить наименее агрессивную политику. Особенно, если приход к власти будет в момент, когда их жажда крови и мести за национальное унижение Первой Мировой окажутся удовлетворенными. Хотя при власти аристократов нам потребуется больше времени на вовлечение Европы в собственную орбиту влияния после войны. И все же это оптимальный путь, как мне представляется. СС нельзя поддерживать принципиально, это сатанисты чистой воды. "Англичан" бессмысленно, только зря время терять. А "партийцев" было бы принципиально возможным при условии постепенного смещения их идеологии в правильном направлении, но шансов на их победу не так много. В этом случае СС объединится с "аристократами" и "англичанами".

— Хорошо, к этой теме мы с Вами вернемся чуть позже, хотя даже эта вполне убедительная аргументация, если ее лишь в этом виде озвучить нашим товарищам на совещании, окажется для них почти предательством коммунистических идеалов. А, кстати, почему все же Вы уверены, что нам не стоит брать курс, пусть и в долгой перспективе, на победу коммунистической идеи во всем мире? Вам она настолько противна? — Сталин хоть и смотрел на меня вроде бы с добродушной ухмылкой, но глаза впились как два лазерных луча, готовых испепелить. И они то как раз и выдавали всю серьезность вопроса. Сталин решил явно устроить мне еще одну проверку на вшивость. Ну что ж. Раз так, то и отвечать будем без экивоков. В лоб.

### **Глава 73. "Проверка на дорогах" (Часть 2).**

Я видел крайне серьезное отношение Сталина к заданному вопросу, видел его напряжение, с которым он ждал моего ответа и думал: "Что это, очередная проверка, внутренняя борьба Сталина с самим собой или очередной поиск аргументов для Политбюро?" Я даже позволил себе встать и принялся ходить по комнате, всем своим видом показывая глубокую задумчивость, и размышлял про себя.

— Ведь от моего ответа явно что-то зависит. Но ведь мы уже не первый раз беседуем на эти темы, всю мою логику Сталин уже знает и учитывает. Вряд ли он ждет от меня новых откровений. Он прекрасно знает, что я не являюсь убежденным адептом коммунизма, поскольку не вижу реальных способов его достижения в том виде, в котором он был бы успешен. Я множество раз беседовал с ним о человеческой природе, которая по большей

части эгоистична, и это противоречие между идеей и реальными личными интересами рано или поздно начинает деформировать Систему, приводя ее все больше в соответствие именно с интересами, а потом наступает коллапс, как он наступил в моем СССР. Что даже страх, который широко применялся в моей версии сталинского СССР и в чуть меньшей степени в этой, не может быть без конца сдерживающим фактором. Блин, ну мы же для того все и замутили несколько лет назад с идеей Рода и с распространением Веры, чтобы нам было помимо страха и коммунистической идеи на что-то опереться и если не решить проблему совсем, то, как минимум, снизить напряженность противоречий и выиграть существенный запас по времени. Но ведь все это Сталину прекрасно известно. Что же он ждет от меня сейчас? Ладно, пауза хороша, но отвечать все же надо. Попробуем разобраться по ходу пьесы.

— Товарищ Сталин. Вы прекрасно знаете, что из всех видов придуманных человечеством общественных формаций я считаю коммунизм наиболее прогрессивной. Хотя бы потому, что он декларирует всеобщее равенство и пропагандирует коллективизм. Есть множество более частных вопросов, которые в моем представлении требуют корректировки данной Идеи, и я неоднократно Вам об этом рассказывал. Кое-что Вы приняли и даже начали воплощать, чему я безмерно рад. Но если отвечать на Ваш вопрос именно в том виде, в котором он задан, то я считаю реализацию победы коммунизма во всемирном масштабе невозможной. Причем, я говорю не о временной проблеме, не о том, что это невозможно в течение, скажем, ближайших двадцати-тридцати лет. Я говорю о том, что это невозможно в гораздо более длительной перспективе.

Для того, чтобы массово изменилось человеческое сознание необходимо выполнение сразу нескольких принципиальных условий. Один из наиболее известных постулатов коммунистической философии, которую у нас называли марксистско-ленинской, гласит "бытие определяет сознание". На самом деле процесс намного сложнее и не столь однозначен. Что касается бытия, то оно скорее ломает сознание у слабых, таких большинство, и делает бунтарями сильных, таких меньшинство, но по сути, это самый ценный человеческий материал. В моей истории его почти полностью истребили сначала в Первой Мировой и Гражданской, потом во время массовых чисток и борьбы с троцкизмом, а затем окончательную точку поставила Великая Отечественная. Здесь мы получили то же самое в Первой мировой и Гражданской, сумели свести к минимуму потери во время борьбы с троцкизмом и, надеюсь, сможем спасти миллионы во время Второй Мировой. Но так или иначе проблема остается. Если ничего не поменять, то мы будем раз за разом осуществлять новые чистки и борьбу с очередной оппозицией. Если этого не делать, то начнет разлагаться то самое, казалось бы, уже перекованное слабое большинство. Необходимо искать иной выход. И он в том, что коммунистическая философия совсем не учитывала. Обратная сторона медали в том, что сознание определяет бытие в ничуть не меньшей степени, чем наоборот. Скорее даже в большей. Только работает это несколько иначе. Этот фактор проявляется лишь у свободных сильных людей. Если сильному высококонравному человеку дать сколь угодно большую свободу без каких-либо непосредственных последствий, то он все равно не скатится до состояния скота. Это будет противно его природе и сознанию. Ваш же пример в какой-то мере это показывает. Вы что, не могли бы позволить себе роскошь обстановки, сотню наложниц и праздность? Да легко, уверяю Вас, что никто бы из Вашего окружения даже не дернулся, приняли бы как должное и радостно бросились подражать. Вас удерживает не возможное осуждение товарищей и не опасность

потерять власть, а именно Ваше внутреннее "Я".

А вот слабое большинство скатится, причем, сделает это незамедлительно и с большой радостью. Сами знаете, что катиться с горки куда проще, чем забираться на кручу. Но коммунизм, реальный, можно построить лишь с теми, кто лезет в гору, а не катится в болото. Да, при этом можно использовать и слабое большинство, но только надо четко понимать, что оно послушно только под влиянием страха или жадности. Большинство безидейно по своей натуре, как бы громко не выступало на митингах. Сделать его сильным и идейным это единственный шанс на долговременный успех. Только в этом случае большинство окажется способным предотвратить любые негативные тенденции, какой бы предатель Идеи не оказался бы во власти, хоть на самом верху. Только так. Никакие спецслужбы, никакие контролирующие органы, никакой спецконтроль над спецнадзором не обеспечит успеха. Любые службы состоят из людей и легко оказываются коррумпированными и блокированными. А чтобы сделать большинство сильным, нужно очень немало. Необходимо сразу многое. Нужен видимый и однозначно воспринимаемый успех в материальной сфере, нужна мощнейшая дружелюбная идеология, нужно реальное равенство всех перед законом независимо от должностей и статуса, а помимо всего этого нужна такая глобальная мечта, которая для каждого человека стала бы его персональной, личной мечтой. Чтобы весь народ в едином порыве шел за той синей птицей, которую считал бы своей собственной, и она должна быть одна на всех.

А теперь давайте посмотрим, что мы имеем в мире. А имеем мы лишь зачатки коллективного самосознания, которое условно назовем коммунистическим, на территории СССР, причем, и оно во многом обеспечено мощной системой подавления недовольства и инакомыслия. Причем, эта система выбивает главным образом именно сильных, тех, кто должен был бы стать системе опорой. А во всем остальном мире мы не имеем и этого. Там царит голый индивидуализм, если не сказать корыстолюбивый эгоизм. И он в равной степени фактически разделяем как высшими слоями общества, так и последними люмпенами. Дай любому пролетарию или крестьянину Запада свободу творить, что хочешь, как они сразу же после разграбления дворцов, банков, предприятий и уничтожения их бывших владельцев, всласть перестреляют друг друга в борьбе за передел награбленного, а выжившие тут же займут место уничтоженных аристократов. Только окажутся еще гораздо хуже и духовно ниже тех, кого уничтожили.

И даже если СССР смог бы вмешаться в ситуацию и установить свой контроль над обстановкой, то итог был бы печален. Мы получили бы ценой огромных потерь всех видов ресурсов, включая жизни наших солдат и управленцев, медленно тлеющий протестный заряд огромной разрушительной силы. Нам бы пришлось устанавливать там мощнейшую репрессивную систему для подавления бунтов, а в людях бы все больше воспитывалась бы ненависть к нам. Нет, нам надо своим личным примером сначала увлечь их нашей Идеей, а лишь потом дать им возможность ее реализации у себя. Причем, добровольно и сознательно.

В общем, как то так, товарищ Сталин.

Сталин, который внимательно рассматривал мой взволнованный бег по комнате, сопровождавший мою речь, улыбнулся и проговорил. Я все помню, товарищ Алексей, все наши разговоры на эту тему. И не стоит так волноваться и переживать. Во-первых, товарищ Сталин ничего с Вами сделать не может. Просто не получится. Ни убить как врага народа, ни даже просто посадить под замок. Никакие средства на Вас не действуют. Так что остается терпеть. — Сталин рассмеялся в голос. Во-вторых, если бы товарищ Сталин все же



придумал, нашел на Вас управу, товарищ Алексей. Он бы все равно не стал бы ничего делать или менять в сегодняшнем Вашем положении. Мы давно убедились в том, что Вы не враг. А товарищу Сталину бывает просто необходимо поговорить с кем-то, кто его совсем не боится. Вы же не боитесь меня, товарищ Алексей? — И довольный произведенным эффектом, Сталин продолжил, — Просто я сейчас еще раз хотел услышать от Вас одну мысль в этом монологе. Это бы показало бы действительно Ваше серьезное отношение к ней. И я ее услышал. Я говорю о необходимости Большой мечты. Мы тоже долго думали на эту тему. И пришли к выводу, что эта мечта не может носить абстрактный умозрительный характер. Это должна быть такая мечта, чтобы если не сегодняшние коммунисты, то хотя бы их дети могли бы застать ее реализованной при своей жизни.

Мы много думали о различных вариантах такой Мечты. И пришли к выводу, что это должна быть мечта о космосе, об освоении новых миров. В нашем мире слишком много накоплено различных противоречий и обид между народами. Эти противоречия и обиды не дадут нам возможности установить на Земле прочный и долгосрочный мир, особенно, если оставить несколько центров Силы с разными цивилизационными моделями. Вот Вы говорите, и товарищ Сталин с Вами в этом согласен, что установить коммунистический строй на всей планете не получится. Именно потому наша партия взяла курс на построение социализма в отдельной стране, отказавшись от идеи мировой революции. — Сталин тоже встал и, вновь раскуривая трубку, принялся ходить по кабинету. Мне пришлось сесть, чтобы не мешать его передвижениям.

— Получается некий замкнутый круг. На Земле прочного мира быть не может, тем более, что по Вашим заверениям, которые проверили и практически подтвердили наши аналитики, ресурсов планеты при столь быстром росте мировой экономики и мирового населения хватит не очень надолго. А с выходом в космос, тем более с возможностью освоения новых миров все очень неясно. Вам же это не удалось. Вы даже до Луны толком не добрались, уступили эту честь американцам, но и они почему-то ограничились одним полетом.

— С их полетом все вообще не ясно, товарищ Сталин. Не могу ничего утверждать наверняка, но ходила информация, что этот полет был имитирован при поддержке СССР. Что-то мы от них за эту поддержку получили типа современных заводов. Американцы вообще больше мастера в создании виртуальной реальности и индустрии развлечений. Здесь они непревзойденные специалисты. В свое время читал, что наши эксперты выяснили, что между Землей и Луной находится особый радиационный пояс, который не позволяет пересечь себя человеку даже в мощном космическом корабле. Не свинцом же его оббивать, тогда его и на орбиту не поднимешь. И потому мы отказались от управляемого полета на соседку. А американцы существенно отставали от нас в развитии космоса, хотя смогли после войны прибрать к рукам все немецкие наработки по ракетостроению и даже главного немецкого специалиста Вернера фон Брауна. И им срочно требовался какой-то прорыв, чтобы утвердить свое формальное первенство в этой области. В результате вполне могло оказаться, что СССР просто купили ради этого публичного шоу. Еще раз повторю, ничего не могу утверждать, но косвенное свидетельство подобного имеется. Уже в мое время американцы запустили марсоход на красную планету. Так вот когда в Интернете появились первые цветные кадры якобы с поверхности Марса, сделанные этим аппаратом, то на некоторых из них вместо неба явно виднелся купол павильона, в котором делались съемки. А на одном из фото вообще по недосмотру оказался вполне земной суслик. Так что есть

большие сомнения.

Сталин слегка посмеялся. — Тем более, товарищ Алексей, тем более. Значит ваши успехе были еще скромнее, чем кажется. Так где же выход? Видите ли Вы какую-нибудь большую идею, способную стать настоящей Мечтой для миллионов или даже миллиардов людей?

— Да, товарищ Сталин, вижу. И она, эта мечта практически не отличается от того, о чем говорили Вы. Это действительно новые миры и возможность их освоения. Но только с этим вопросом все очень непросто. Для посещения новых миров нужно очень мало и очень много одновременно. Я говорил недавно с Велимиром на эту тему. Отдельный человек, достигший необходимого уровня сознания и внутренней силы, вполне способен просто шагнуть из одного мира в другой. Но это путь подходит лишь для уникальных одиночек. Они нам, безусловно, понадобятся, но лишь как разведчики, способные создать необходимый координатный образ для перемещения уже настоящего космического корабля. Что же до последнего, то ему для посещения удаленных миров надо лишь долететь до солнца и окунуться в него. Это, конечно, с технической стороны, фактически все намного сложнее. На подобном корабле также должны оказаться лишь люди, которые по своему уровню развития могут быть до этого допущены. Ну и корабль должен противостоять громадным солнечным температурам. Но этот вопрос, уверен, решаем. По крайней мере, это не самая сложная из проблем, которые нас ждут.

— А что Вы имеете в виду под особым уровнем сознания и внутренней силой, товарищ Алексей?

— Дело в том, что независимо от нашего желания это признавать или нет, мир, весь мир, вся вселенная, разумны. Я прекрасно понимаю, что Вы всячески не хотите затрагивать эту тему, товарищ Сталин. Что коммунистическая идеология не предполагает наличия Всевышнего, что даже все изменения в отношении религий, которые были осуществлены в последние годы, это скорее политический шаг, направленный на успокоение обстановки в стране и создание еще одного канала воздействия на массы. И все это не имеет отношения к вопросам увеличения духовности у нашего человека. И тем не менее, если мы хотим добраться до сути проблемы, нам придется об этом говорить, товарищ Сталин.

— Ну что же, раз придется, давайте говорить, — Сталин едва заметно поморщился и продолжил, — в конце концов товарищ Сталин в свое время учился в духовной семинарии и кое-что еще помнит с тех времен из учения о Боге.

— Тут не в учении дело, товарищ Сталин. Если рассматривать канонические тексты христианства, то они так же далеки от Истины, как любые иные Книги-источники. Они все не лживы, нет, просто информация в них дана в образной аллегорической форме, и понимание сути написанного дано далеко не каждому даже профессиональному богослову или имаму, что уж говорить о простых людях, которые не все и читать самостоятельно могут. По большому счету в том, чтобы обрести Веру, прошу не путать с любой из религий, даже древнеславянской, достаточно не так много. Нужно воспринимать Мироздание в качестве живого организма, обладающего единым сознанием, пусть и непредставимого человек уровня. И нужно воспринимать самого человека как его выделенную частицу, через которую Создатель смотрит на этот мир и происходящее в нем. Для этого он подарил нам ощущение времени. А все, что нас окружает, есть материальная иллюзия, созданная как декорации для того, чтобы разум прошел все стадии становления и взросления, обрел силу и смог исполнить свое предназначение, создать новые миры-вселенные. Вот собственно и все,

лишь одно добавление. Все разумы низшего уровня обладают одним соборным разумом более высокого уровня, даже в том случае, если они не подозревают о его наличии. Вот теперь вкратце действительно все.

Сталин какое-то время молчал, потом поднял на меня глаза и спросил.

— Хорошо, допустим, все так и есть, хотя мне это сложно представить и тем более осознать, но какую практическую пользу из этого для воспитания нашего человека готовым для полетов в иные миры мы можем получить?

— В первую очередь это уважительное отношение к миру, в котором живем. Одно дело, если ты просто ковыряешься в мертвой материи и разбрасываешь отходы, другое дело, если ты делаешь больно своему родичу, коим и является Земля. Не случайно я столь активно перед Вами ратовал за возвышение родовых связей, через них намного проще воспринимать и разумность мира. Во-вторых, это восприятие себя и своего разума как частицы единого организма, хотя бы даже из одного человечества. Одно дело, когда ты в своих корыстных интересах грабишь или убиваешь ближнего, но совсем иное, если этим же ты наносишь меньший вред своему собственному организму, чем хочешь найти пользу. Ведь непредставимо себе, чтобы клетки правой руки пошли войной на левую руку, а желудок бы начал воевать с сердцем. На самом деле даже ортодоксальная коммунистическая идеология с ее пропагандой равенства и коллективизма уже многое сделало полезного в этом отношении. И я могу свидетельствовать, пожив в сознательном возрасте при социализме, даже уже извращенном, и при бандитском капитализме, что люди там и там совершенно разные. И будь моя воля, я бы всю жизнь прожил бы среди человека социализма. Нам по большому счету, чтобы вырваться качественно вперед и стать авангардом всего человечества, даже не придется что-то сильно ломать через колено. Ведь русский человек изначально имел общинное сознание, надо его лишь расширить, он всегда бережно относился к земле и природе. Строительство социализма лишь усилило тягу к коллективизму, нам осталось лишь правильно направить дальнейшее развитие сознания, соединив усилия Церкви в широком смысле слова и партийную коммунистическую идеологию. В таком случае, если мы не допустим барства и несправедливости в номенклатурной среде любого вида, если мы обеспечим реальное равенство всех перед законом, если мы создадим необходимую материальную базу процветания, то нам даже не придется никому ничего доказывать. Мы легко сможем набрать требуемое число людей для полетов в другие миры, а потом и заселения их. А как только это случится, и мы получим неопровержимое доказательство успеха, то нам больше не придется думать о мечте, она уже будет здесь и будет манить любого жителя Земли сильнее самого мощного магнита.

Сталин смотрел на мою горячность несколько иронично, но кивал достаточно ободряюще.

— Хорошо, товарищ Алексей, Ваша убежденность в собственных словах выдает хотя бы Вашу искреннюю веру в то, о чем Вы говорите. Если все, что Вы сказали окажется правдой на самом деле, то это действительно будет то, что нам нужно. Вопрос только в том, как это подтвердить?

— Товарищ Сталин, Вы можете сами поговорить с Велимиром, Вы можете попросить его, чтобы кто-то из волхвов сходил в мир, принеся из него нечто, что убедило бы Вас в реальности таких путешествий, что-то явно не принадлежащее этому миру.

— Это хорошая мысль, товарищ Алексей, я обязательно поговорю с волхвом.

— Кстати, попросите его улучшить Ваше физическое состояние, он это может. Речь не о

том, что Вы больны сейчас, я о том, что если мы пойдём тем путем, что мы обсуждали, жизнь товарища Сталина потребует нам намного дольше тех полутора десятилетий, отпущенных Вам в моем мире.

Сталин глянул на меня очень задумчиво и ничего не сказал. Потом махнул рукой и попрощался, хотя было видно, что такая возможность ему самому в голову не приходила и откровенно заинтересовала.

— До свидания, товарищ Алексей, на совещании я не планирую Ваш доклад, но попрошу поучаствовать в обсуждении вопросов, только соблюдайте аккуратность в своих речах. Далеко не все товарищи будут с пониманием относиться к тому, что спокойно выслушает товарищ Сталин.

## **Глава 74. Ставки сделаны, господа (СССР)**

Это совещание разительно отличалось от практически всех, на которых мне пришлось побывать до этого. Начать с того, что проводилось оно не в Кремле, как обычно, и даже на даче Сталина, что изредка, но бывало. Для него в ведомстве НКВД был подобран специальный дом в ближайшем Подмосковье. Не знаю, какое количество войск было задействовано в охране объекта, но три плотных кольца оцепления было точно. В самом доме практически отсутствовал даже привычный обслуживающий персонал. Точнее он был, но только на момент встречи участников совещания и покинул здание еще до его начала. Сталин не хотел допустить ни единого шанса для утечки информации за стены кабинета. Уже одно это настраивало приглашенных на крайне серьезный лад. Интересно было наблюдать, как на лицах руководителей партии и государства, закаленных в многолетних партийных и аппаратных баталиях, совершенно явственно чувствовалось волнение и ожидание чего-то судьбоносного. Да и сам состав участников был несколько необычен. Здесь собрались лишь те, кто был в курсе моего иновременного происхождения, да и то не все. Например, того же Кагановича Сталин постепенно, но довольно неуклонно отодвигал в сторону. Сейчас он практически постоянно болтался между строительством волжской железной дороги и таковой же в Иране, которая должна была сыграть решающую роль в походе на Индию.

Описать само совещание практически не реально.

Сначала все присутствующие, кроме меня, испытали реальный шок и непонимание происходящего. Это когда Сталин поведал им о крайне мрачных перспективах человечества всего лет через сто из-за окончания доступных ресурсов и загубленной экологии. Я то и дело ловил на себе внимательные и откровенно недоверчивые взгляды. И даже то, что говорил на этот раз не я, а сам Сталин, которому присутствующие привыкли доверять безгранично, ничего не меняло. Слишком уж картина мира в изложении Вождя на этот раз отличалась от сложившейся за многие годы у них в голове. Представьте себе, что гордый мустанг, еще секунду назад взиравший на безграничный простор прерии, который ему предстоит покорить и по которому можно скакать всю жизнь без остановки, вдруг увидел, что мир кончается буквально через несколько сотен метров.

Потом оказались совершенно не готовы к мысли о том, что задача постепенной победы социализма, во всем мире разумеется, меняется на цели сознательного создания в мире целых пяти мощных и независимых друг от друга центров мировой власти. Причем

некоторые из них явно придется создавать с помощью СССР. То есть своими руками создавать и усиливать своего потенциального если не врага, то соперника. Зачем, для чего? В глазах всех без исключения присутствующих руководителей сквозило явное непонимание. Особую проблему представляло то, что каждый из них прекрасно владел материалом на своем участке работ и лишь в самых общих чертах представлял ситуацию в других областях. Так было заведено и никогда не вызывало вопросов. Всей полнотой информации традиционно владел лишь сам Сталин. Сейчас он совершенно явно шел против собственной психологии и логики политика, выдавая присутствующим гораздо больше информации, буквально заставляя их впитывать в себя и осознавать всю сложность обстановки. Одно это производило на участников совещание сильнейшее, даже гнетущее впечатление. И даже при этом Сталину потребовалось немало времени, чтобы объяснить, например, почему СССР должен определенным образом на данном этапе, пусть и завуалировано, но поддерживать Гитлера. Все присутствующие, хоть и в общих чертах, но были осведомлены, какая война разразилась между СССР и Германией в моем варианте истории, как бесчеловечно вели себя гитлеровские захватчики на оккупированных территориях, и какой страшной ценой досталась нам победа. А уж убедить в том, что такой подход будет единственно правильным....

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы не справился с этой задачей. И по мере того, как присутствующие все больше проникались глубиной стратегического замысла Вождя, а каждый из них начинал видеть свой кусок и свои цели и задачи для достижения успеха, глаза опытных управленцев становились все более осмысленно-задумчивыми и загорались мрачным огнем решимости. Окончательно все недоразумения рассеялись в тот момент, когда Сталин не только обозначил долгосрочные цели СССР по обеспечению для страны стратегических перспектив и ликвидации угроз истощения ресурсов, но и дал понять, что лишь у нашей страны есть четкое понимание единственного пути, ведущего к успеху. И это дает СССР настолько глобальные преимущества, что количество мировых центров силы по большому счету не имеет значения. Все остальные будут либо принять наш путь, либо через пару-тройку десятилетий окажутся отброшенными далеко назад.

После этого разговор перешел в гораздо более конструктивную плоскость обсуждения насущных задач и проблем по каждому из ведомств. Хотя периодически я продолжал ловить на себе задумчивые полувопросительные взгляды то Берии, то Артузова, то Меркулова, то Орджоникидзе. Лишь Ворошилов, привычно согласный во всем со Сталиным, ни в чем не сомневался и усиленно размышлял над огромным ворохом задач, стоящих перед армией и флотом. А Молотов полностью погрузился в себя, обдумывая проблемы обоснования нового поведения СССР на внешнеполитическом фронте.

В конце концов, для выработки оптимального набора решений по каждому из направлений Сталиным было предложено отложить дальнейшее совещание на сутки, чтобы каждый руководитель мог обсудить все необходимые детали и выработать детальный план мероприятий со своим аппаратом. Разумеется, к раскрытию предполагался лишь самый минимум требуемой информации, относящийся к оперативному плану, а за возможную утечку каждый из присутствующих отвечал головой.

На следующий день "компания" собралась в прежнем составе. По внешнему виду можно было легко прочесть, что поспать всем если и удалось, то не более одного — двух часов. Тем не менее, напряженность подготовки совершенно не повлияла на четкость и уверенность начавшихся докладов. В результате после бурных дебатов было согласовано все,

что должно было составить основу политики СССР на период до конца 40-го года.

Во внешней политике было решено отказать Англии в участии СССР в антигитлеровской коалиции, подтвердив политику дружественного всем странам нейтралитета. Одновременно МИДу следовало начать осторожные и тайные переговоры с Японией касательно взаимных гарантий ненападения и обмена стратегически важной информацией. При этом, ни у кого, даже случайно узнавшего про эти переговоры, даже и мысли не должно было возникнуть, чтобы отнести СССР к потенциальным союзникам Оси. Гитлер должен быть уверен, что ему нечего опасаться от СССР удара в спину, но и Англия с Францией не должны были подозревать Союз в поддержке Германии и ее планов. То есть все должны были быть уверены именно в подлинном нейтралитете СССР. И это была задача МИДа. Хотя контакты с США Сталин без объяснения причин оставил за собой, не мешая впрочем, Молотову творить обычную дипломатию.

Ну а отсутствие у СССР страха за возможное невнимание к его нейтралитету с чьей бы то ни было стороны, должна была обеспечить советская армия. После того, как было принято окончательное решение, что ликвидация угрозы войны с Германией или хотя бы задержка ее начала всеми возможными путями гораздо выгоднее в русле общей политики, нежели ее провоцирование с последующим разгромом, отпала необходимость в полнейшей секретности большей части новейшей техники и реальной выучки войск. Разумеется, истинные ТТХ техники и вооружений никто в газете "Правда" публиковать не собирался. Но выдвижение и поставка их в западные округа и проведение регулярных масштабных учений с их применением стало задачей ближайших месяцев и даже недель. Одновременно из войск первого эшелона в глухомань должны были разом быть переведены все генералы и СССР, находившиеся под подозрением в возможном предательстве и сговоре с немцами. Сделано это должно было быть столь явно и показательно, чтобы у противной стороны не осталось и сомнений в причинах таковых действий.

Бериевскому УЗОРу было вменено в обязанность максимально сократить сроки доработки перспективных видов вооружений и доведения их до серийного производства. Давно отойдя в сторону от деталей этой работы, я сидел и поражался, как много удалось сделать советским конструкторам и разработчикам всего за несколько лет. Про "изделие", испытания которого были уже твердо намечены на июнь этого года, я уже как то упоминал. Но оказалось, что уже полностью доработаны и испытаны кумулятивные снаряды. В войска в самое ближайшее время начнут поступать одноразовые противотанковые гранатометы. Все войска ПВО первого эшелона уже обеспечены качественной системой радаров, а уже осенью мощнейшей системой ПВО должны были быть прикрыты все города Западной и Центральной части СССР с населением от ста тысяч человек. После освоения зонной плавки гигантскими темпами развивалась электронная промышленность. Уже тестировались первые прототипы цифровых вычислителей, которых с нетерпением ждали все заинтересованные ведомства. Но больше всего меня удивил тот факт, что производственники твердо гарантировали показ высокой комиссии первых образцов ударных вертолетов не позже весны 41-го года. Не буду утомлять читателя полным перечнем достижений советской промышленности и КБ, но замечу, что я сидел, мысленно открыв рот от удивления и восторга.

Не меньше проблем выпало и на долю артузовского СВК. Ему надлежало обеспечить получение немцами информации о возможном затоплении французского флота в Тулоне, причем так, чтобы немцы получили эту информацию из самой Франции, как один из

планов, разрабатываемых на крайний случай после начала войны. А еще немцы, французы и англичане должны настолько взъяриться между собой, чтобы ни одной из сторон не возникло даже тени надежды, что можно, объединившись, напасть на СССР. Даже формирование марионеточного прогерманского правительства во Франции по словам Сталина стоит считать нашим поражением. А еще, а еще..... Ну вы понимаете. С некоторых тем секретность и через сто лет снята не будет.

Самая привычная работа досталась Меркулову и НКВД. Обеспечить порядок, найти и обезвредить всех возможных диверсантов и шпионов, а также пресечь возможную утечку любой значимой информации, кроме специально организованной своим же ведомством.

В наиболее сложной и непривычной для себя ситуации оказался Орджоникидзе. Да и было от чего. Сталин недвусмысленно потребовал начать продумывание технологий, сохраняющих первозданность природы. Термин экология Сталину сразу не понравился своей непонятностью для простого человека, а свой пока не подобрали. Здесь даже я слегка припух. Думать о сохранении окружающей среды в 40-м году накануне самой жесточайшей мировой войны, для этого надо быть Сталиным. Хотя я понимал, что по сути он совершенно прав. Чем раньше мы начнем сохранять природу, чем быстрее научимся не наносить ей вред и уберем то, что успели изгадить в прошлом, тем быстрее нам будет позволено подобраться к освоению новых миров. Откровенно говоря, не хотел бы я оказаться в этот момент на месте товарища Серго. Ведь объемные планы производства и сроки освоения новой продукции с него никто снимать и не думал. Как хочешь, так и крутись. Не в одиночку, конечно, на него эту задачу водрузили, но ведь именно промышленность и является главным врагом экологии, ему за результат в целом и отвечать.

Естественно выплыл вопрос и денег. Советская промышленность и ее растущие потребности требовали все больше средств, в том числе и на импорт, пока война не перекрыла каналы доставки. Уже даже открытых с моей помощью месторождений алмазов и золота стало не хватать. Точнее пока денег хватало, но в обозримом будущем уже наметился возможный дефицит, который заставил бы нас ограничить свои инвестиционные потребности.

И тут я неожиданно для всех заявил, что имеется еще одно большое месторождение золота в Средней Азии, но проблема в том, что его сложно найти. Прикол в том, что я сам вспомнил о нем недавно и совершенно неожиданно. Ко мне в какой-то момент приклеился незатейливый мотивчик модной некогда песенки из прошлой жизни "учкудук, три колодца...". Снова и снова напевал я его у себя в голове, никак не мог избавиться. И вдруг меня как обухом по башке. Учкудук ведь это гигантское месторождение золотоносных и урановых руд. Откуда я это взял, из каких глубин памяти всплыло это знание, я не мог бы ответить даже под угрозой расстрела. Но в достоверности информации я не испытывал ни малейших сомнений. Даже некое подобие координат удалось вспомнить. Слава Богам, подарившим мне абсолютную память. Как и древнее название поселка по близости — Кермине. От него месторождение расположено примерно 120–150 км к юго-западу. Точнее мне ничего вспомнить не удалось. Видимо, в прошлом ничего больше и не читал. Странно и то, что такое вспомнил, черт меня в свое время дернул посмотреть в Интернете, что такое Учкудук. Вот это все я и вывалил на собравшихся, даже не смущаясь откровенно подозрительного взгляда Вождя. А Стали и впрямь, только услышав от меня про золото впился в меня таким взглядом, что по моему несуществующему телу пробежали столь же несуществующие мурашки.

— Это хорошо, товарищ Алексей, что Вы так вовремя вспомнили про новое месторождение. И если бы мы не знали Вас вот уже несколько лет, мы бы обязательно подумали, что Вы сознательно скрывали от нас эту информацию. Но мы понимаем, что могут быть всякие случайности. Вспомнили и отлично. Думаю, что наши геологи вполне способны по таким данным справиться с задачей обнаружения золотоносной жилы. Да и уран нам очень не помешает. Не так ли, Серго?

— Так точно, товарищ Сталин, не помешает, — Орджоникидзе даже в голову не пришло применить менее официальное обращение в этот момент, даже несмотря на "Серго".

— А товарища Берию мы попросим взять этот район под особый контроль. Ведь уран находится в Вашем ведении, не так ли?

— Совершенно верно, товарищ Сталин. Уверен, что мы вместе с товарищем Орджоникидзе справимся с поставленной задачей в кратчайшие сроки.

— Отлично. Тогда на этом совещание заканчиваем, все знают, что им делать. А товарища Алексея я попрошу задержаться ненадолго, он у нас все равно пока наименее загружен.

— А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться, — мгновенно всплыло в голове. Уж больно момент похожий.

— Мы тут вот о чем подумали, товарищ Алексей. У Вас неплохо получается описывать модели крупными мазками. Пока все руководство СССР будет занято исполнением принятых решений, Вам стоит обрисовать в общих чертах Ваши предложения по будущей структуре управления государством. Мы много уже говорили с Вами об этом, многое уже даже начали внедрять в реальность и кое-что сделали. Но еще больше нам предстоит сделать. И сначала было бы неплохо увидеть картину целиком. Нам представляется, что начало большой войны в Европе и имеющийся у нас, как минимум, запас по времени будут лучшим моментом для проведения наиболее значимых реорганизаций. Как думаете, справитесь, товарищ Алексей? И сколько Вам потребуется времени?

— С учетом уже имеющихся заделов и наработок, думаю, в течение месяца управлюсь, товарищ Сталин.

— Постарайтесь, товарищ Алексей. Время сейчас становится для нас наиболее ценным ресурсом. Теперь можете идти.

## **Глава 75. Наш французский ловелас....**

Неизбежность войны нависала над Европой огромной грозовой тучей. Не той войны, которая вроде как велась уже почти год и получила название "странная война". В которой пока не было в реальности сделано ни одного выстрела за пределами Восточной Европы. В которой ведущие европейские державы лишь обозначили свое состояние в войне друг с другом. А войны настоящей, сметающей все на своем пути. Эта неизбежность давила на простых людей буквально физически, доводя их сотнями до нервных расстройств и приступов острой паники. Слишком много людей еще помнили, как это бывает, и какие ужасы несет с собой.

И вот на этом фоне первого апреля 40-го года в Париже взорвалась бомба. Не авиационная, не оставшаяся в наследие в земле с той войны. Нет, бомба оказалась информационной, хотя по своему воздействию на последующие события она значительно перекрыла эффект от любой иной бомбы, включая еще не испытанную атомную.

Впрочем, начиналось все довольно обычно. Одна массовая, но довольно желтая парижская газетенка вспомнила давнюю шумиху в прессе насчет гомосексуальных



пристрастий Гитлера, перепечатала вновь ту старую статью и все сопутствовавшие ей материалы, а также добавила кое-что от себя. Помимо старых текстов она поместила на своих страницах карикатуру, на которой бравый французский мушкетер, опираясь на укрепления линии Мажино и весело улыбаясь, вдумчиво потреблял немецкого фюрера в зад. Подпись под карикатурой полностью соответствовала рисунку. "Французы предпочитают женщин, но если хорошо попросить.."

В течение пары дней эта карикатура обошла практически все французские газеты, причем, каждая из них посчитала своим долгом добавлять кое-что от себя. Началось форменное ура-патриотическое безумие, прославлявшее доблесть французского солдата и откровенно издевавшееся над немецкой армией. Надо сказать, что французы в своей основной массе достаточно адекватно относились к самим себе, как к довольно посредственным воякам, а потому реального столкновения с Германией боялись до колик. Однако, благодаря длительности "странной войны", которая могла стать реальной в любой момент, этот страх уже стал привычным, угнездившимся в их душах, от которого очень хотелось, но казалось невозможным избавиться. А потому поднявшаяся информационная волна послужила спусковым механизмом, при котором затаенный, подавляемый в себе страх выплеснулся наружу безумной эйфорией и массовой веселой истерикой. Францию затопило всеми видами массового творческого самовыражения на одну и ту же тему. В течение одного — двух дней страну облетали новые шедевры поговорок неизвестных авторов типа "Наш французский ловелас и в бою не пи\*\*рас". Вдоль всей линии Мажино над укреплениями гордо реалии плакаты с той самой карикатурой или надписями типа "французский кавалер в самом соку приглашает в гости Гретхен из вермахта".

Франция бурлила и билась в истерике. Во множестве городов стали образовываться девичьи сообщества, выступавшие под лозунгами "Подарим свою девственность солдату, уходящему на фронт". Проститутки на борделях вывешивали объявления "Вход только французам" и одевались в белье национальной расцветки.

Через неделю информационный шторм пересек Канал и достиг берегов Англии. Здесь никакого особого бума не случилось, но наиболее популярные карикатуры и поговорки были перепечатаны всеми центральными газетами, отчего Лондон ржал как сумасшедший.\*\*\*\*\*

Но в Сити не все отнеслись к происходящему с юмором и радостью. В тихом кабинете одного из престижных лондонских клубов собрались три джентльмена. Один из них был уже знакомым нам бароном Ротшильдом, второй, Стюарт Мензис, являлся руководителем британской секретной службы МИ-6, третий был гостем, прибывшим из Франции. Великий мастер Великой ложи Франции Дюмениль де Грамон.

— Что вы думаете господа по поводу истерии, захлестнувшей Францию? — спросил барон после того, как присутствующие отдали должное старому коньяку, привезенному Великим мастером.

— Позвольте на правах младшего члена нашего собрания мне высказаться первым, — начал Мензис. — сотрудникам моей службы не удалось обнаружить ни одного признака искусственности данной кампании. По крайней мере, на острова информация перетекла совершенно естественным путем через множество журналистских каналов. Интерес к теме у прессы совершенно объясним. К тому же помимо прессы информация поступает активно и от наших войск, расквартированных на севере Франции. В письмах или через прибывающих домой в отпуск. Мои люди во Франции также не смогли найти ничего, что могло бы указывать на заказной характер кампании. Да и кому вообще по плечу столь массовые

акции? Это сколько же денег надо вложить, чтобы получить сопоставимый эффект.

— На самом деле, мой друг, — вступил в разговор де Грамон, — денег на подобное может потребоваться не столь много как кажется на первый взгляд. Подобные кампании всегда похожи на брошенный в воду камень, от которого по воде расходятся круги. Камень может быть совсем небольшой, но, попав в центр пруда, он вызывает множественные волны, расходящиеся по всей поверхности пруда. Но и это лишь один момент из многих. Второй заключается в том, что в качестве камня может выступать разный предмет. Если это будет легкий деревянный брусочек, то волн будет меньше, если брусочек железа, то намного больше. Так и в мире информации. Если иницирующий материал падает на благодатную почву и естественным образом интересуется массовую общественность, то уже сама эта общественность начнет создавать вторичные и третичные волны, делая процесс самоподдерживающимся, а то и самораскручивающимся, усиливающимся, как это произошло в нашем случае. Если же тема людям не близка и не вызывает эмоционального отклика, то в таком случае вам действительно постоянно придется тратить немало средств, чтобы поддерживать костер интереса, стремящийся потухнуть, как под хорошим дождем.

Простите мне, господа, эту маленькую лекцию, но я посчитал, что должен обратить на это ваше внимание для лучшего понимания того, с чем мы столкнулись. В данном случае, не важно, преднамеренно или случайно, но камень, скажем так, оказался идеальным для нашей среды. Всего один информационный повод в далеко не самой популярной газете, а круги на воде не успокаиваются вот уже две недели. Мне, увы, также, — кивок в сторону английского разведчика, — не удалось точно определить, являлась ли та публикация преднамеренной провокацией неведомого нам игрока, либо все произошло случайно. Мои люди вдумчиво побеседовали с автором публикации и художником, нарисовавшим ту первую карикатуру. Но ничего достоверного прояснить не удалось. Первый утверждает, что вспомнил о давней истории совершенно случайно, размышляя о том, как некоторым журналистам удается мгновенно прославиться своими материалами. Идея вновь опубликовать старую историю, наделавшую в свое время немало шума, показалась журналисту, а затем и редактору интересной и способствующей укреплению национального духа. А художник оказался вообще не при делах, его вызвали в редакцию и дали конкретную задачу.

Так что все выглядит чуть ли не случайным. Однако, душу мою продолжают терзать немалые сомнения на этот счет. Я давно отвык видеть случайность там, где результат может привести к большим последствиям. Да и мое чувство опасности прямо-таки кричит во все горло.

Барон Ротшильд молча глотнул немного коньяка, покрутил бокал в руках, как бы разглядывая интерьер кабинета через его тонкое стекло, и задумчиво произнес.

— Это не случайность. Против нас играет враг. Враг страшный, неожиданный и очень сильный. И мне кажется, я знаю, кто он. Скажу сразу, доказательств у меня нет, как и у вас. Да их скорее всего и быть не может. Против нас действует не одиночка, а мощная система, не допускающая любительских ошибок. Ваша же ошибка, господа, лишь в одном. Вы рассматриваете данный факт изолированно, как единичный, а потому, возможно, случайный. Но данный факт является уже третьей мощной информационной компанией, наносящей нам огромный и совершенно реальный вред и еще больший потенциальный.

Вспомните информационную шумиху несколько лет назад в США, похоронившую надежды на возможный союз между Америкой и Германией, а заодно начисто поссорившую нас и клан Рокфеллеров. Что в итоге? А в итоге мы были вынуждены тянуть груз германской

реиндустриализации и восстановления практически в одиночку, а заодно отдали, опять же вынужденно, часть очень выгодных контрактов с советами тем же американцам. В результате все деньги им, а риски приходится нести нам. А ведь изначально планировалось совершенно обратное. Именно американские инвестиции в Германию казались наилучшим выбором, поскольку были защищены расстоянием и Атлантикой. Теперь же не удивлюсь, если Гитлер испытает соблазн прихлопнуть кредитора, ликвидируя таким образом свои долги. Его военная машина сегодня объективно самая мощная в Европе.

Идем дальше. Вспомним о предшественнике сегодняшней истерии в прессе. Тогда она оказалась не столь большой, но и напряжения в обществе было куда как меньше. Но дело свое сделало. Немцы стали воспринимать Францию как врага и, вероятно, планы по захвату соседа ужесточились.

И вот теперь третий случай. Вам не кажется, господа, что во всех этих информационных компаниях чувствуется один и тот же почерк?

— Спасибо, что напомнили нам про эти случаи, сэр Лайонел. Я как-то не удосужился связать их воедино, а они действительно выглядят единой цепочкой. — де Грамон покачал головой. — Никогда бы не подумал, что пресса может стать столь грозным информационным оружием. Я как-то привык воспринимать ее как элемент контроля толпы. И уж в страшном сне мне не приснилось бы, что может найтись, кто-то способный нашу же прессу использовать против нас. И так, чтобы мы даже этого не заметили. Вы сказали, сэр Лайонел, что Вы знаете, кто наш столь могущественный и таинственный враг?

— Ну, как Вы понимаете, мсье, достоверно знать это мы не можем. Но давайте подумаем. Мы совершенно очевидно столкнулись с очень мощной и никак не проявляющей себя системой. Следовательно, мы имеем дело либо с тайным орденом по типу нашего, либо с государственными спецслужбами. Чтобы не умножать сущностей, отмечу, что рассматривать первый вариант довольно бессмысленно. Вдруг из ниоткуда подобные тайные общества не возникают. И если мы никогда раньше не замечали их присутствия, то с большой вероятностью их и не существует. Значит мы имеем дело с государством. Вопрос, с каким именно. Вариантов здесь немного, если мы подумаем, а кому собственно было выгодно все, что произошло. И здесь у меня лишь одна разумная версия. Сталину.

В кабинете после этих слов поплыла звенящая тишина. Собеседники начали мысленно перебирать в памяти все, что за последние годы им было известно из необычного, происходящего из СССР. Оказалось, что такового набралось довольно много. Здесь и неожиданно возникшее богатство, позволившее России, не залезая в долговую кабалу профинансировать гигантскую по своим масштабам индустриализацию хозяйства. И не слишком массовые, скорее точечные, но тем не менее значительные чистки государственного аппарата. И мощная волна перевооружения армии, причем, сильнейшая завеса секретности вокруг этого процесса даже не позволяла достоверно оценить итоги этого перевооружения и опасность с ним связанную. Это и появление в последние годы новых и крайне влиятельных государственных структур, типа УЗОра, чья деятельность несмотря на все усилия британских спецслужб оставалась тайной за семью печатями. И, наконец, это неожиданная невообразимая по масштабам и потенциалу активность в социальной и духовной сферах. Все это по отдельности еще можно было расценивать как логическое или не очень, но продолжение политики Сталина, начатой еще в конце 20-х годов. Но все вместе производило впечатление, что те, кто считал себя на планете главной управляющей силой, двигающей цивилизацию по предначертанному ею пути, вдруг

проворонили появление настоящего независимого монстра, с которым не только надо было считаться, но и которого стоило всерьез опасаться. В первую очередь потому, что было непонятно, можно ли с ним бороться и какими методами. А главное осталось ли время, чтобы попытаться исправить положение.

— У нас есть шанс остановить или хотя бы серьезно отодвинуть начало немецкой кампании? — спросил француз, осознавший, что все они находятся на краю гибели. Их тайная власть находится на грани коллапса.

— Боюсь, что уже нет. Гитлер по моей информации рвет и мечет, до начала его наступления остается буквально несколько дней, а наших людей сейчас вообще отодвинули несколько в сторону. Любое публичное благожелательное для Франции или Англии высказывание легко может стоить головы любому независимо от должности и прошлых заслуг перед Рейхом.

— И тем не менее мы должны сделать все, чтобы пусть постепенно, но выправить ситуацию, отвести угрозу немецкого вторжения хотя бы от Англии. Проклятый Сталин. Он еще недавно имел наглость отказать Чемберлену в визите с целью присоединения СССР к антигитлеровской коалиции. Нота советского МИДа недвусмысленно дала понять, что никакие обязывающие СССР союзы и коалиции ему не интересны. В войне СССР не заинтересован, чужих территорий ему не надо, а свои он способен защитить самостоятельно. Нота была корректной по форме и совершенно наглой по содержанию. Но еще хуже то, что согласно моим источникам об этом уже известно в Берлине. И теперь Гитлер уверенно считает, что с востока ему не стоит ничего опасаться. Сталин вольно или нет, но развязал ему руки.

— Господа, сейчас мы ничего не решим. Предлагаю встретиться через какое-то время, когда каждый из нас будет готов предложить что-либо конкретное по изменению сценария европейской войны. А пока всем нам стоит сосредоточиться на том, чтобы хоть как-то унять бушующего фюрера.\*\*\*\*\*

А фюрер действительно бушевал. Его истерический голос и многочисленные разносы подчиненным разносились далеко за пределы его кабинета. Те, кого он вызывал входили в приемную как восходят на эшафот, заранее прощаясь если не с жизнью, то с должностью. Между тем никаких оргвыводов пока не последовало. Гитлер разумеется, был взбешен, как никогда раньше. Но его показная истерика была очень тщательно срежиссирована им самим для того, чтобы генералы, отвечавшие за французскую кампанию отнеслись к поставленной задаче максимально серьезно и даже мысли не допускали о какой-либо осторожности, не говоря о трусости, и тем более не мыслили о снисхождении к врагам Рейха. В результате в топку полетели все наиболее мягкие варианты проведения кампании, в том числе подразумевавшие возможное разделение Франции на оккупированную и формально независимую, но подконтрольную Рейху часть. А авторы этих вариантов к их немалому везению заблаговременно, почувствовав угрозу для себя, отбыли с контрольными проверками в войска и на производства. Теперь план подразумевал лишь стремительные удары по войскам противника, проникновение в тыл и скорейшее взятие не только Парижа, но и всех крупных городов на Юге Франции. Особое внимание фюрер уделил сценарию спецоперации в Тулоне, где по данным итальянской разведки существовали планы затопления французского флота при неблагоприятном для Франции развитии военной кампании. Операция намечалась совместной для итальянских и германских войск с привлечением серьезного союзного десанта и многочисленных подводных лодок

Кригсмарине.

— Проклятые лягушатники, думал Гитлер громко вопя на очередного попавшего под раздачу генерала. Ничего, скоро они узнают цену своим шуточкам. Это не мы, а они во всех видах прочувствуют на своей заднице мощь германского солдата.

Результатом очередной истерики фюрера и посетившего во время нее вдохновения стала секретная директива, предписывающая по мере наступления во Франции и Бельгии использовать всех попавшихся под руку женщин по их прямому назначению.\*\*\*\*\*

Поскребышев недоуменно прислушался к громовому хохоту, доносившемуся из кабинета Сталина. Он даже, что практически никогда прежде не бывало, позволил себе встать и приоткрыть дверь, чтобы убедиться в том, что все нормально. Увидев взмах руки хохочущего от души Сталина, Поскребышев закрыл дверь и пожал плечами. Таким Сталина он видел впервые.

— А ведь вроде бы на доклад Артузов пришел, как-то не вяжется его служба с фабрикой юмора. Ну да смех все же лучше рыданий.

## **Глава 76. Шестая колонна.**

В который раз ребе Шнеерсон возвращался из Кремля со странным, но уже ставшим привычным, чувством, что он не понимает до конца, что происходит. Что весь его собственный немалый жизненный опыт, опыт и знания, переданные его предками, мистическое знание Кабалы, просто пасуют перед реальностью. Особенно остро он испытывал чувство неуверенности во время встреч со Сталиным. Как будто не он, Шнеерсон, а именно Сталин был Учителем, по сравнению с которым сам ребе выглядел юным учеником. Настолько глубоко понимал Сталин все, что заботило ребе, настолько просто и понятно мог сформулировать любую проблему и даже предложить на выбор несколько путей ее решения. Но при этом Сталин никогда ничего не предлагал, оставляя выбор за собеседником. И тем самым еще больше смущал ребе. Сталин как будто каждый раз сознательно проводил границу между собой и стоящими за ним страной и народом и еврейским сообществом, которое на этих встречах представлял ребе. Да, Сталин постоянно лучился дружелюбием и готовностью помочь, но он всячески показывал, что не несет ответственность за последствия. Что выбор евреями своего пути, это только их выбор, а реакция советского народа будет лишь адекватным ответом на этот выбор.

Если бы кто-то еще несколько лет назад, когда ребе только ехал из Франции на первую встречу в Кремль по приглашению Сталина, мучительно размышляя, ждет ли его ловушка или действительно новые возможности для его народа, сказал, что все обернется именно так, что евреи найдут в СССР свой Израиль, в котором будут сами жить своим умом без серьезного вмешательства извне, что таких Израилей будет даже два на разных концах этой огромной страны, он бы просто не поверил бы. Так не бывает. А если бы случилось чудо, и Яхве бы дал Шнеерсону силы и мудрость поверить, то ребе прыгал бы от восторга, как маленький ребенок.

А вот теперь он ловил себя на мысли, что испытывает совершенно иные чувства.

Конечно, радость от достигнутого была и огромная. Пожалуй, впервые евреи могли чувствовать себя в полной безопасности, защищаемые огромной советской армией. Они не были гонимыми, они жили по сути на своей земле, жизнь на которой управлялась общиной. Советские органы власти на удивление мало вмешивались во внутриобщинные разборки, а советские законы оказались очень удобными и мало отличающимися от неписанных правил, принятых в Народе. Еще большим подарком судьбы стала передача управление еврейской

общине огромного количества зарубежных предприятий, капитал которых полностью или частично принадлежал СССР. Как и плата за это управление. Разумеется, по договоренности со Сталиным использование этих средств имело свои ограничения. За вычетом разумного вознаграждения за работу непосредственных исполнителей остальные комиссионные поступали в распоряжение общины и могли быть использованы лишь таким образом, чтобы эффект от этого распространялся на всю общину, а не на какую-либо ее отдельную часть. Но такие ограничения ребе лишь радовали, поскольку существенно снижали уровень напряженности внутри общины.

И все же несмотря на очевидные преимущества и прекрасные результаты за несколько лет ребе Шнеерсон находился в глубокой печали, давившей на него тяжелым грузом.

Сегодня Сталин назвал евреев СССР шестой колонной. А в ответ на вопросительный взгляд ребе охотно с улыбкой пояснил.

— Вы наверняка знаете, товарищ Шнеерсон, недавнюю историю Испании. Республиканцы проиграли тяжелейшую гражданскую войну не только и не столько из-за своей военной слабости или малочисленности войск. Не только из-за мощнейшей поддержки, которую франкистам оказал германский Рейх, хотя это также сыграло свою роль. Они проиграли из-за того, что нашлось большое количество предателей, являвшихся агентами Франко и выступивших в последний момент на его стороне. Термин, кстати, ввел в оборот сам генерал Франко, заявивший, что ведет наступление на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая в решающий момент ударит с тыла.

Так вот, сегодня евреи в СССР являются шестой колонной, преследующей свои собственные интересы, и от которой непонятно, чего стоит ждать. Подождите, товарищ Шнеерсон, — Сталин оборвал уже готовые сорваться с языка ребе возражения, — я совсем не имею в виду, что Вы лично или кто-то из еврейской общины хоть в чем-то нарушил достигнутые нами договоренности. Такой информации у нас нет, и мы очень надеемся, что никогда и не будет. Но наступают тяжелые времена. Мир стоит на пороге глобальной войны, которая, возможно затронет всю планету. Европа полыхнет уже в самом ближайшем будущем. Впрочем, вряд ли Вы об этом не знаете. Информация внутри еврейского народа всегда циркулировала надежней и быстрее любых официальных каналов.

Ребе задумчиво кивнул и внимательно смотрел на Сталина, ожидая продолжения.

— Образно говоря, четыре вражеских колонны, которыми окружена наша страна сегодня, это грабительский капитализм, человеконенавистнический фашизм, агрессивный национализм и сатанизм во всех его проявлениях, религиозных, идеологических и социальных. Противостоят им наши собственные четыре колонны, на которые опирается советская власть в СССР. Ими являются Коммунистическая партия, советская власть, опирающаяся на многонациональные советские Роды, армия и флот, а также Православие в новом широком смысле. Пятую колонну мы самоотверженно и своевременно зачистили, она сегодня приносит пользу народному хозяйству на предприятиях Гулага.

А вот вы, евреи, остаетесь этаким котом в мешке, потому я и назвал вас шестой колонной. Что от вас ждать, не знаем не только мы, но могу смело утверждать, что и вы сами. Не сегодня, а в случае начала действительно драматических событий, борьбы за независимость и защиту социалистических завоеваний. И, конечно, я не имею в виду всех евреев вообще. Многие выходцы из вашего народа полностью отвергли древние идеологические и религиозные догмы, добровольно слились во всем советским народом. Некоторые по праву занимают важные посты в государстве, армии, науке и народном

хозяйстве. Я имею в виду ту часть еврейского народа, которую представляете Вы, товарищ Шнеерсон. Ту часть, которая так много получила от советской власти и которая, надо признать, сегодня полностью отвечает ей взаимностью. Вы много пользы приносите СССР, ваши предприятия в Крыму и на Сахалине дают заметную прибавку к национальному продукту и работают на пользу всей стране. Повторюсь, у нас нет никаких оснований обвинить вас в нарушении существующих договоренностей. Но что дальше? Вы столь упорно цепляетесь за свою исключительность и религиозные постулаты, что тем самым автоматически проводите между собой и всем советским народом незримую грань. В случае начала войны мы вполне допускаем, что вы вольетесь в единый строй советских защитников Родины. Но так же мы вполне допускаем и обратное. Что вы вольно или невольно, но встанете на сторону врага. И сделаете это не потому, что будете считать его, а не нас, правым. Нет, вы достаточно пользуетесь преимуществами нашего строя, чтобы не видеть его перспектив в том числе и для еврейского народа. Вы сделаете это потому, что именно в этом увидите единственный путь своего спасения как народ, с его исключительностью и богоизбранностью. Этого потребует все ваше наследие, ведь именно этот путь обеспечивал ваше выживание на протяжении веков. Вы понимаете меня, товарищ Шнеерсон? Именно потому я и назвал вас "Шестой колонной".

— Понимаю, товарищ Сталин. И Вы правы, Мне нечего сказать Вам, что могло бы разубедить вас или уверить в нашей полнейшей преданности СССР. И только потому, что вы правы. Я сам не знаю, как поступит наш народ в критической ситуации. Разум будет диктовать нам одно, традиции и страх иное. Я не знаю ответа на то, каков будет итоговый выбор. Но спасибо Вам за этот разговор, я совершенно не думал об этой проблеме, сердце мое радовалось тому, как мы стали жить и какие перспективы у нас есть в дальнейшем. И Вы правы в том, что как один из руководителей еврейской советской общины я обязан об этом думать, более того, я обязан знать точный ответ на Ваши вопросы.

— Думайте, товарищ Шнеерсон, крепко думайте. Сегодня в СССР проживает уже почти две трети мирового еврейства из числа ортодоксов. Это очень значительная доля. Мы не будем торопить вас с выбором, это должен быть ваш и только ваш выбор, вашего народа. Но вы должны его сделать до того, как СССР будет вынужден ввязаться в войну, отражая нападение внешних агрессоров. Мы всячески пытаемся оттянуть этот момент, а по возможности и вообще его предотвратить. Но гарантии я вам дать не могу. Впрочем, я позвал вас, товарищ Шнеерсон, по совершенно иному, гораздо более простому поводу.

— Слушаю Вас, товарищ Сталин.

— Надеюсь Вы в курсе современных мировых событий хотя бы в общих чертах, товарищ Шнеерсон?

— Разумеется, товарищ Сталин.

— Тогда Вам должна быть понятна внешняя политика СССР, как и всех основных мировых держав. Но я все же кратко обрисую ситуацию. СССР всеми силами пытается отстраниться от намечающейся Большой войны, которая в ближайшее время вспыхнет в Европе. Германии в союзе с Италией и частично Испанией противостоят Англия и Франция при моральной и материальной поддержке США. Но в войну непосредственно США вряд ли будут втянуты в ближайшее время. У них намечается гораздо более важный для страны конфликт с Японией в тихоокеанском регионе. Вы согласны со мной?

— Полностью товарищ Сталин.

— В этой ситуации СССР посчитал для себя невозможным какое-либо участие в

антигитлеровской коалиции, куда нас очень активно хотела затасщить Британия, чтобы перевесить именно на наш народ основное бремя войны с Гитлером. Так, как они сделали более тридцати лет назад. В этой связи мы опасаемся, что наш отказ может быть неправильно воспринят общественностью и политической элитой США. А нам бы этого очень не хотелось. Мы дорожим отношениями с заокеанским партнером, который немало помог нам при индустриализации и который, насколько мы в курсе сегодня оказывает существенную помощь еврейской общине в развитии советской части Сахалина. Мы, конечно, предпринимаем все необходимые усилия по дипломатическим каналам для того, чтобы наша позиция была понята американскими друзьями правильно и именно как нейтральная, а не враждебная по отношению к антигитлеровской коалиции, в состав которой входят США. Мы не враги Америке и думаем, что она также не считает нас своим врагом.

Однако, мне хотелось бы, чтобы и Вы, товарищ Шнеерсон, по своей, так сказать, линии связи с еврейской общиной США помогли нам в этом вопросе. Насколько я в курсе, еврейское лобби в США является значительной политической силой, без согласия которой не предпринимается ни одно серьезное политическое решение ни во внешней, ни во внутренней политике. Это так?

Ребе задумчиво покачал головой.

— Безусловно, Вы правы, товарищ Сталин. Евреи сумели добиться в США некоторого влияния. Не стал бы утверждать, что оно настолько велико, чтобы определять всю политику страны, но к голосу моего народа прислушиваются и в Белом Доме, и на Капитолийском холме. Не стану отрицать, что мы имеем некоторую возможность донести информацию до наших единоверцев в Америке. Думаю, что они прислушаются к нашему мнению, поскольку могу не без гордости заметить, что благодаря Вашей мудрой политике, выделению нашему народу двух обширных автономий в СССР и передаче в управление зарубежных предприятий, большая часть из которых находятся именно в США, наша советская община приобрела определенное влияние на американскую еврейскую общину. К нам относятся с уважением. Не могу, конечно, полностью гарантировать результат, но обещаю, что сделаю все, от меня зависящее. Но для того, чтобы не возникло, не дай Бог, каких-либо недоразумений между нами, могли бы Вы, товарищ Сталин, хотя бы немного уточнить задание, которое возлагаете на бедного еврея Шнеерсона?

— Ну не стоит так приbedняться, товарищ Шнеерсон. Я, конечно, осведомлен об этой вашей национальной особенности, но по моим данным Вы отнюдь не бедны и более, чем влиятельны. И не только в нашей стране. Фактически именно Вы являетесь сегодня одним из наиболее авторитетных лидеров еврейского народа в мире. К Вашему голосу прислушиваются евреи всей планеты, а возглавляемая Вами община давно не только самая многочисленная, но и одна из самых богатых в мире. Не бойтесь, товарищ Шнеерсон, — Сталин увидел, что на этих словах ребе едва заметно, но поморщился, — никто вас раскулачивать не собирается. Тем более, что вы пока полностью действуете в рамках договора, расходуя средства эффективно и, самое главное, на благо всей общины и заселенных ей территорий, а значит, действуя на благо всего Советского Союза, частью которого являются ваши автономии.

Эта реплика, хоть и сказанная Сталиным легко и с улыбкой, но была однозначно прочитана Шнеерсоном, как завуалированная даже не угроза, а лишь намек на ее возможность, но все же, все же, все же. Видимо, Сталину действительно очень нужны добрые отношения с США для решения своих внешнеполитических задач. Но ребе не видел



ничего, что могло бы в этом противоречить и интересам самой общины. Война евреям не нужна точно так же, как и Сталину. Что она может принести с собой, стало хорошо понятно по польским событиям. Нет уж, если можно что-либо сделать, сделать надо.

Между тем, Сталин продолжил.

— Мы не будем просить от Вас ничего слишком невозможного, товарищ Шнеерсон. Нас вполне устроил бы договор между СССР и США, по которому стороны бы сохраняли между собой дружественный нейтралитет, а также обязались бы предоставлять друг другу экономическую помощь в случае вступления любой из них в непосредственную войну. Разумеется, лишь по запросу нуждающейся стороны и на вполне коммерческой основе. Также этот договор должен исключать обязательства любой из сторон вмешиваться в войну, если ее ведет другая сторона. Мы выйдем с этой инициативой по линии НКИДа, а ваши еврейские лоббисты поспособствуют благоприятному рассмотрению нашего предложения. Это достаточно конкретная постановка задачи, товарищ Шнеерсон?

— Вполне, товарищ Сталин. И, надеюсь, вполне выполнимая. Не буду сейчас давать каких-либо обещаний, но сделаю все, что смогу. Это, в конце концов, и в наших интересах тоже.

— Постарайтесь, товарищ Шнеерсон. Ну а мы, в свою очередь, при успехе этого мероприятия будем считать, что еще до окончательного выбора наша "Шестая колонна" уже начала движение в правильном направлении. — Сталин улыбнулся. — Всего Вам доброго.

3...

2.

1...

## **Глава 77.**

### **Началось.**

Барон Ротшильд сидел в своей резиденции, просматривая бумаги с последними новостями. Однако, мысли его занимал один-единственный вопрос. Что можно успеть сделать до начала немецкого наступления на позиции союзных войск, чтобы отсрочить войну? К большому его сожалению ничего путного на ум не приходило. Во многом именно он поспособствовал тому, чтобы эта войны началась. Много лет, усилий и денег было потрачено на возвращение немецкой военной машины. Замысел был прост и изящен.

Германия, как феникс, возрожденный из пепла, движимая национальным унижением и стремлением к мести за бесславное поражение в Мировой войне, консолидирует вокруг себя всю Европу за исключением, разумеется, Британии, а затем становится тем тараном, который сметает вышедшую из повиновения финансового Интернационала Советскую Россию. Этого колосса на глиняных ногах, который вдруг ни с того ни с сего осмелился бросить банкирам вызов, проводя независимую политику и доказывая личным примером, что государство свободного народа может быть жизнеспособным. Ничто и никто не мог помешать выполнению этого плана, детали которого прорабатывались несколько лет. Были учтены, как казалось, все, даже маловероятные факторы. Вплоть до того, что США обязались помочь провести в России индустриализацию, чтобы ее разгром не стал бы для Германии легкой прогулкой. В противном случае выйти из-под контроля могли уже сами немцы. Их сумасшедший фюрер вполне мог счесть себя истинным лидером, любимцем богов, которому никто не указ.

Нет, все должно было быть именно так, как задумал "сумрачный гений" узкого круга мировых банкирских кланов. Немцы и русские должны были в масштабной и бескомпромиссной битве истощить себя настолько, чтобы не осталось ни материального, ни человеческого, ни идейного ресурса к сопротивлению. И тогда помощь Англии и США стала бы для них единственным шансом на спасение от возврата в дикость. Конечно, даже этого бы им никто не позволил, установив под видом "гуманитарной помощи пострадавшим" жесточайший контроль над всеми сферами управления. Ну а масштабные кредитные вливания сделали бы эти страны вечными должниками. Из такой кабалы выхода просто не предусмотрено.

План был гениальным хотя бы потому, что весь основной потенциал англосаксонской нации, весь финансовый капитал Интернационала фактически оставался за пределами этой глобальной бойни народов. А позиция над схваткой позволяла постоянно контролировать процесс. Конечно, несколько десятков тысяч англичан должны были быть также принесены в жертву, чтобы никто не смог обвинить Англию в подстрекательстве. Именно потому война Германии была объявлена сразу же, как только Гитлер напал на Польшу, а английский экспедиционный корпус встал в континентальной Европе рядом с французскими войсками. Но объявить войну и вести ее всерьез это две разные вещи. В идеале такой тип войны и предусматривался практически до финала. Кое-где столкновения с немцами были запрограммированы, но по большей части для демонстрации непримиримых противоречий и исполнения Британией союзнического долга.

Было даже предусмотрено то, что американцы могут начать своевольничать и захотеть помочь СССР в войне против Германии больше, чем нужно. Для этого Англия давн пестовала японские агрессивные устремления и имперские амбиции. Это должно было излечить американских "кузенов" от излишнего оптимизма в помощи Советам. Им хватило бы своих военных игрищ в Тихоокеанском регионе. А оружие, производимое всеми сторонами на кредитные вливания банковского пула, должно было обеспечить многие десятилетия долговой кабалы.

И вот совсем недавно еще казалось, что все в полном порядке. Все действующие лица и исполнители этой грядущей драмы добросовестно выучили свои роли согласно сценарию и готовы исполнить предназначение. Но затем что-то произошло, и в различных частях планеты начали накапливаться мелкие отклонения. Сначала они даже не вызывали какой-либо озабоченности. Теория в конце концов никогда не бывает полностью соответствующей практике. Но чем дальше, тем больше эти отклонения стали вызывать удивление и опасения.

И самое неприятное, что большая часть отклонений касалась России, где у Интернационала оказалось слишком мало возможностей для получения правдивой информации о происходящем. Черeda кадровых чисток оппозиционеров и соперников Сталина широким гребнем прошла и по агентам различных разведок. Не избежала фатальных потерь и кадровая сеть агентов МИ-6. Но ведь кадровые чистки казались вполне логичными, более того, неизбежными с того самого момента, как Сталин окончательно подмял под себя власть в стране. Проигравших конкурентов убирали с доски все и всегда. Ничего, что могло бы всерьез привлечь внимание. Досадно, но не удивительно.

Проблема и в том, что многие иные факты до последнего момента казались разрозненными и даже случайными.

Ну перестарались чертовы янки в своей жажде наживы и построили в СССР на пару сотен заводов больше, чем планировалось. Ну продали чуть более современные технологии,

чем хотелось. Ну так ведь у Советов совершенно неожиданно нашлись очень даже неплохие финансовые ресурсы для оплаты всего этого. Как часы расплачивались за все поставки. Кто же не продаст в таких условиях, когда на собственном дворе царит многолетний экономический кризис? Все казалось логичным и объяснимым. И даже это неожиданное богатство вопросов не вызывало. Ну повезло комми, нашлись месторождения золота и алмазов. Так ведь это тоже неплохо, после войны пригодятся. Ведь понятно же, кто в итоге станет хозяином этих богатств.

Чрезмерное, незапланированное сближение Сталина с американцами? Да, неприятно, но объяснимо. Когда так платят и так помогают твоим предприятиям выйти из кризиса, то не только другом, братом назовешь. Пока деньги не кончатся.

Японцы проявляют слишком большую робость по отношению к Советам? Ну так сами идиоты, без должной разведки поперли напролом, вполне закономерно получили по зубам, и теперь предпочитают тренироваться на китайцах.

Гораздо больше вызвало подозрение то, что с некоторых пор положение дел в СССР перестало просматриваться даже с помощью магии. Но это в свою очередь наложилось на то, что ни сам барон, ни кто-либо из его людей вот уже несколько лет не смог связаться с Повелителем. Тот как будто исчез. Лишь один раз масштабное ритуальное жертвоприношение дало слабую тень ответа в форме приказа "Не тревожить". И теперь все доступное ранее магическое оперирование резко сократилось по масштабам. Так что и проблемы с Россией в этом ключе казались следствием общих трудностей.

В результате время для принятия оперативных решений и корректировке планов было упущено. Лишь буквально на днях личный аналитический центр Ротшильда выдал ему отчет, по которому существовала большая вероятность того, что все ранее непонятные или неприятные события являлись следствием целенаправленного воздействия неизвестного управляющего центра, которому в том числе и доступна определенная магия. И центр этот предположительно находился в России.

И теперь барон уже очень сильно жалел, что собственный план Интернационала был скроен настолько крепко, настолько предусматривал защиту от любых случайных или целенаправленных сбоев, что в короткий промежуток времени практически не поддавался корректировке. Остановить войну уже практически невозможно, хотя этого прямо требовало новое осознание обстановки.

В кабинете раздался стук в дверь.

— Войдите, раздраженно крикнул барон, который страшно не любил, когда его отвлекали от размышлений.

— Срочная новость, господин, — произнес слуга, протягивая Ротшильду бумаги, — немцы блокировали порты в Дании и Норвегии и начинают высадку сухопутных сил.

Ротшильд взмахом отпустил слугу и лишь после этого витиевато выругался сквозь зубы. — Ничего не успели, началось. Теперь остается только делать хорошую мину при плохой игре, надеясь, что рано или поздно удастся оседлать ситуацию. Ну а заодно надо быть готовым и к любым неприятностям. Вплоть до эвакуации с островов. Впрочем, с документацией и остатками золота стоит начать уже в самое ближайшее время. Уж до Канады война точно не должна докатиться. Или мы ее там остановим.\*\*\*\*\*

— Товарищ Сталин, война в Европе перешла в активную фазу. Немцы вторгаются в Данию и Норвегию, — вбежавший на доклад Ворошилов даже не смог еще отдышаться.

— Началась, говорите, товарищ Ворошилов? — вставая и принимаясь набивать трубку,

произнес Сталин. — Это было ожидаемо и практически даже в точности соответствует по срокам нашим прогнозам. На завтра мы назначим заседание Политбюро по данному вопросу, а пока срочно начинайте готовить запланированные войска к выдвигению на западные границы Финляндии. НКВД сегодня же свяжется с Маннергеймом и согласует маршруты выдвигения нам позиции.

Проводив Ворошилова, Сталин, раскуривая трубку, встал напротив большой карты Европы, висящей на стене, и принялся внимательно рассматривать Скандинавию, попутно вспоминая материалы, переданные Алексеем о ходе той войны.

— Надо же, практически день в день. Там 9 апреля и у нас та же дата. Но не означает ли это, что нам так и не удалось что-либо поменять в истории? Что неумолимый рок сомнет все слабенькие препоны, что они постарались возвести на пути грядущей катастрофы? Что всего через год с небольшим нас ждет самая опустошительная войны в истории, способная унести десятки миллионов советских граждан? Причем, лучших граждан. Что в свою очередь еще через пару десятков лет сделает возможным фактический переворот во властной верхушке и постепенный отказ от социализма в угоду личной наживе и жажде власти? Что еще через три десятилетия поставит крест на всем, чем он жил и живет, что пытается воплотить?

Нет, не может такого быть. Сегодняшний СССР даже близко не похож на все, что описывал Алексей о своем Союзе предвоенного образца. Совершенно другая армия, несравнимо более мощное оружие и выучка войск. Существенно более развитая промышленность и ресурсная база, к тому же более рационально с военной точки зрения расположенные. Нет, не может такого быть, что все зря. Хотя готовиться надо к худшему, и мы будем к этому худшему готовиться. Но сделаем все, что возможно и невозможно, чтобы Игра пошла по нашим, а не английским правилам. Лишь бы силы были и здоровье не подвело. А то ведь это в мире Алексея он благополучно дотянул до 53-го да еще и ушел возможно не без чьей-то помощи. А вдруг здесь он не справится с таким грузом, вдруг его путь прервется раньше? Эта мысль бросила Сталина в пот. Ведь еще ничего не успел, еще ничего не готово. Случись с ним что-то сейчас, и еще не известно, как начнут разворачиваться события. Как и любой другой человек Сталин понимал, что не вечен, и до некоторой степени смерти боялся. Но собственно страх перед неизбежным был значительно слабее иного страха, страха не успеть завершить начатое. Не успеть привести страну к такому состоянию, что ни при каких условиях стало бы невозможным то, что произошло у Алексея. Социализм должен победить окончательно и бесповоротно. Россия должна жить и показывать всему миру пример, ведя его за собой в будущее. А для этого он, Сталин, еще очень нужен стране и народу.

Кстати, Алексей что-то намекал насчет того, что в этом деле мог бы помочь Велимир. Продлить жизнь, укрепить здоровье. А что, сам-то он уже по собственным словам не одну сотню разменял, а смотрится таким грибом-боровичком, что молодые обзавидуются. Может и впрямь попросить волхва? Подарил бы лет пятьдесят хотя бы, так он бы так развернулся, что никакие там Никитки или прочие властолюбцы даже на пушечный выстрел к власти подойти не смогли бы. Страшновато, конечно, кто его волхва знает, что он там в организме понаделает? Но вроде и довериться можно, благо хотел бы плохое замыслить, давно бы успел и не раз. Вон каждый раз, как черт из табакерки выскакивает, если позовешь. Стоит или не стоит? Ладно, торопиться не будем. Еще подумаем.

— Подумай, подумай, Князь, — раздался в голове веселый голос Велимира.

— Ты что, зараза, прописался у меня в мозгах? — не на шутку взъярился Сталин.

— Нет, конечно, успокойся. Больно надо мне в твоей голове сидеть, своих дел мало, что ли? Ты же сам про меня думать стал, да еще так громко, что не услышать было невозможно. Помочь тебе можно, Князь, хотя на такой срок, как у меня, уже не рассчитывай. Стар ты уже, да и груз прошлого на тебе таков, что плечи гнет. Но несколько десятков лет накопить можно. Так что, думай. Буду нужен, позовешь. Да и еще момент. Если решишься, то определенные условия будут.

— Что за условия? — Сталину и так было явно не по себе, а уж то, что кто-то мог ставить ему условия, вообще вышибало из колен.

— Условия не самые обременительные, но знать ты их должен. Да успокойся, ничего я у тебя просить не собираюсь, а принуждать тем более. Условия такие. Если помощь богов примешь, то и ответ перед ними держать станешь другой. Большой. За все содеянное тобой сторицей спросится. На что, мол, лишние годы жизни потратил. Если на благо Руси и народа русского одно дело. А если загнобишь народ, разоришь страну, совсем иной спрос будет. Вовек за грех не расплатишься. Вот такие условия. Если готов будешь, свистни, приду. Только сначала все свои сомнения в себе разреши и твердо уверься в своей готовности.

Сталин слышал в своей голове голос волхва и потихоньку расслаблялся. Вот, значит, какая плата ждет. Что ж подумать и вправду стоит крепко. На такое не с бухты-баракты решаться надо, а полностью осознанно. Потом уже не передумаешь.

— Хорошо, Велимир, свяжусь. Спасибо за предложение и честное описание условий.

— Будь здоров, князь. — Голос Велимира пропал.

Сталин, уже успокоившийся, вернулся к столу и из потайного ящика достал тонкую красную папку. Этих материалов не видел никто, кроме самого Сталина. Эти бумаги он писал собственноручно. Документы представляли собой схематическую разработку действий СССР на различных направлениях в зависимости от развития внешней обстановки. Сейчас бы такое назвали многофакторным моделированием, но Сталин не знал подобных терминов. Он лишь составил на основе информации Алексея, уже предпринятых в этом времени шагов и разработанных планов, схему задействования тех или иных сил, начала той или иной проработанной операции, привязанных по логике и времени к разворачивающимся в мире событиям.

На ближайший месяц в этой схеме было не так много пунктов, но Сталин решил все же освежить свою память, а возможно и внести дополнения и коррективы.

## **Глава 78.**

### **Нормальные герои всегда идут в обход.**

Я сидел в своем домике на базе УЗОРа в Серебряном Бору и корпел над заданием

Сталина. Ох и задал же он задачку, впору целую Академию подключать. И хотя наметок и наработок было множество, но вот так взять и свести все воедино, да еще всего за месяц, та еще работенка. Хотя я давно заметил, что в этом времени жизнь вообще протекала на совершенно иных скоростях. Куда там хваленой капиталистической производительности труда. Да любой ответственный советский работник средней руки заткнет их хвалебный менеджмент за пояс, не поморщившись. А в моем времени на то, что здесь за сутки делалось, недели потребовались бы. Я вот сам тоже так втянулся, что и забыл, как раньше на работе штаны просиживал в ожидании конца рабочего дня.

Тут неожиданно раздался стук в дверь. Открыв, я с удивлением увидел на пороге Берию. Не то, чтобы Лаврентий Павлович был редким гостем в наших Палестинах, но вот так, чтобы

самому заявиться в гости, это впервые.

— Добрый день, товарищ Сидоров, не помешаю?

— Заходите, конечно, товарищ Берия, разве такой человек может помешать? Да и Вы явно не просто так на чашку чая заглянули. Что-то случилось?

— Нет, ничего особенного не случилось. Просто хотел переговорить. А что чаю не нальете?

— Ну почему не налью, проходите в комнату, сейчас чайник поставлю.

Начинать разговор Берия не спешил. Сначала мы с ним пили чай, обмениваясь впечатлениями о последних событиях и о том, насколько нам стоит рассчитывать на то, что в Скандинавии, а потом и во Франции все пройдет по запланированному нами сценарию. И лишь потом Лаврентий Павлович наконец решился и задал вопрос, ради которого, насколько я понял, он и пришел.

— Скажите, товарищ Сидоров. Это ведь наверняка не без Вашей помощи товарищ Сталин выбрал именно ту стратегию, которую он озвучил на том совещании.

— Ну как сказать. Да, я принял некоторое участие в разработке озвученной стратегии, и несколько раз обсуждал с товарищем Сталиным эти вопросы, товарищ Берия.

— Если Вы не против, то я хотел бы перейти на менее формальный стиль общения, мы же с Вами не в Кремле, зовите меня Лаврентием.

— Хорошо, тогда зовите меня Алексей. А Вас я бы хотел все же называть по имени-отчеству. Лаврентий Павлович, все же как ни крути, а Вы для моего поколения человек-легенда, и пусть в моем времени отношение к этой легенде далеко не однозначное, про ничтожества легенд не складывают.

Я увидел, что мои слова Берии явно понравились. И хотя в свое время он многое узнал от меня про свой вклад в строительство СССР, думаю, еще больше узнал от Сталина из того что последний счел нужным ему рассказать, но лишнее упоминание его значительной роли в истории все равно явно порадовало. Берия махнул рукой, — ладно, что с вами, потомками, поделаешь, пусть будет Павлович. Тем более, что и выглядите Вы намного моложе.

— Я думаю, не стоит преувеличивать мою роль в принятии стратегии, — вернулся я к теме обсуждения, — товарищ Сталин, принимает все решения исключительно самостоятельно, хотя и выслушивает перед этим различные точки зрения. Мы действительно много раз обсуждали с ним эту тему еще до совещания, и я неоднократно высказывал ему свои соображения на этот счет. Мне приятно, что я смог привести ему достаточно весомые аргументы, которые склонили его в итоге именно к такой стратегии.

— Вот-вот, именно это я и имел в виду. Тогда, если это не выходит за рамки Ваших ограничений, Алексей, наложенных, — Берия поднял палец вверх, — не могли бы Вы подробно рассказать, почему Вы ратовали именно за такой вариант.

Понимаете, перед тем совещанием Сталин поручил УЗОРу проанализировать различные возможные варианты. В том числе и тот, который предусматривал наш превентивный удар по Германии с последующим выходом во Францию и дальше. Анализ показал, что нам вполне по силам подчинить себе всю Европу. Аналитики, правда, указали на ряд существенных, возникающих при этом рисков, а потому однозначных рекомендаций не выдали, но все же.

— Что, Лаврентий Павлович, идеи товарища Троцкого насчет мировой революции бессмертны, — я засмеялся, — мы назло всем буржуям мировой пожар раздуем, — и, увидев, гримасу на лице Берии, поспешно добавил, — это шутка.

— Нехорошие у Вас шутки, Алексей, даже в такой обстановке, опасные шутки.

Я поднял руки вверх, признавая вину, — извините Лаврентий Павлович, погорячился.

— И тем не менее, в чем-то Вы правы. Вы пришли из совершенно иного мира, где все происходящее сейчас давно стало историей, а образ мышления людей кардинально изменился. Вы смотрите на мир сквозь призму того, что произошло в Вашей истории.

А вот для сегодняшних миллионов простых коммунистов страны этой истории еще не случилось, для них идеи победы социализма во всем мире далеко не пустой звук. Да, партия приняла программу строительства социализма в отдельно взятой стране. Но лишь потому, что мы осознали принципиально различный уровень готовности пролетариата в разных странах к открытой борьбе за свои права. Мы осознали, что у нас просто не хватит сил и ресурсов добиться немедленной глобальной победы. А потому решили сделать паузу и укрепить свои позиции в нашей стране настолько, чтобы продемонстрировать всему преимуществу социализма. То есть цели всемирной победы не были отброшены как ошибочные, они лишь отложены до благоприятного момента. И вот сейчас, в том числе и с Вашей помощью, многие видят, что, возможно, этот момент настает.

Что мешает нам сейчас, точнее в тот момент, когда Гитлер увязнет во Франции, нанести ему сокрушительный удар с другой стороны? Мы располагаем сейчас наиболее мощной армией и системами вооружения, которых у них не будет еще несколько лет. И это без учета "изделия". Мы обладаем мощной промышленной базой.

Гитлер ведь достаточно уязвим, особенно сейчас. Стоит нам лишиться его румынской нефти, как он окажется на грани поражения. Его танковые армии встанут без горючего, самолеты не смогут покинуть аэродромов.

До африканской нефти он еще не добрался, а больше топлива в требуемом количестве в Европе взять негде. Что помешало Вам предложить этот вариант? Наши аналитики просчитали возможное развитие этого плана и уверенно заявляют, что наши шансы на победу более, чем существенны. И даже то, что Англия может пойти на мир с Гитлером, вступив в войну против нас, не сильно меняет ситуацию. И еще. Поймите, пожалуйста, меня правильно. Я отнюдь не ратую за этот вариант действий. Как я уже сказал, те же аналитики видят в нем достаточно много рисков различного рода. Но мне хотелось бы услышать Ваши соображения, а потом сравнить их с теми, что сделали аналитики. Вы же наверняка рассматривали такой вариант?

— Я понял, Лаврентий Павлович. Разумеется, я рассматривал этот вариант, более того, мне удалось достаточно детально разобрать его и с товарищем Сталиным. Вы хотите спросить, почему мной был предложен, а товарищем Сталиным принят совершенно иной, более медленный и осторожный стратегический план, а не решительный удар по прогнившей Европе. Я отвечаю, здесь нет никакой тайны. Давайте попробуем спрогнозировать события по этому варианту. Если Вы с чем-то будете не согласны, то сразу говорите.

— Договорились. Я внимательно слушаю.

— Рассмотрим этот вариант с различных сторон. Сначала с военной точки зрения. Пройдемся по основным данным. Численность наших Вооруженных Сил составляет около 4-х миллионов человек плюс около миллиона резерв. Из них на достойном уровне боеподготовки находятся от силы полтора-два миллиона солдат и офицеров. Это то, что мы успели сделать за несколько лет целенаправленной подготовки. Против этого у Германии численность сухопутных войск составляет 2,7 миллиона человек плюс тот же миллион резервистов. Во Франции это 2 миллиона человек, у Англии около миллиона человек в

Метрополии и еще тысяч триста в колониях. Примерно миллион может выставить Италия, чуть меньше Испания.

Уже эти цифры при всех скидках на боевые качества, а они сопоставимые с нашими лишь у немцев, показывают, что даже при существенном преимуществе в технике и вооружениях, легкой прогулкой эта война не будет. Тем более, что у того же Гитлера сегодня накоплено топливных резервов примерно на год тотальной войны. А через год он уже точно доберется до ливийской нефти.

По моим, скажу сразу, любительским прикидкам, мы потеряем при захвате континентальной Европы не менее двух миллионов солдат и офицеров, причем, как ни печально, почти полностью окажутся выбитыми именно боеготовые части и личный состав. И лично я не вижу сейчас ни одной причины жертвовать таким количеством наиболее опытных и преданных советских людей. Но об этом позже.

Идем дальше. Даже с учетом нашего военного преимущества победа нам отнюдь не гарантирована. Практически сразу мы рискуем получить против себя объединенные силы Европы, забывшие о своих внутренних распрях. Но это еще полбеды. Я могу спрогнозировать сепаратные договоренности между Японией и США, после чего мы получаем японское вторжение на Дальнем Востоке и вступление в войну США в Европе. Выстоять в одиночку против всех, воюя на два фронта, мы не сможем. Точнее сможем, если применим ядерное оружие. Но зачем нам в Европе или на собственном Дальнем Востоке радиоактивная безжизненная пустыня?

— Аналитики не учитывали вероятность применения "изделия". Они о нем просто не знают. А скажите, насколько по-вашему вероятно соглашение между Японией и США, они ведь воевать собрались. К тому же в этом случае японцы наверняка смогут овладеть рядом ключевых английских колоний в Юго-Восточной Азии. Разве Лондон допустит такое развитие событий. Мы пытались его просчитать, но не пришли к однозначному выводу.

— Лаврентий Павлович. Здесь надо исходить из совершенно иных предпосылок. Да, Англия гарантированно окажется пострадавшей. Но лишь на какое-то время. Если Лондон и Вашингтон между собой договорятся, а это в высшей степени вероятно, то англичане пойдут на эту временную жертву "фигуры". Ведь при таком варианте появляются огромные шансы на то, что сначала Европа при поддержке США с Запада, а Япония с Востока двумя мощными ударами уничтожат СССР, а затем та же Англия при поддержке США восстанавливает статус-кво в восточной Азии, разбивая зарвавшихся японцев. Да и потери колоний будут не столь значительны, как кажется. Япония рвется именно к ресурсам. Вся ее экспансия направлена на обеспечения доступа именно к ним. Территорией они вполне способны обеспечить себя за счет одного Китая. А у нас ресурсов намного больше, чем на юге Азии. При договоренностях японская экспансия будет главным образом переориентирована на наш Дальний Восток и затем Сибирь, а не на Индонезию или Малайзию с Сингапуром.

Берия сидел во время моей речи задумчиво, медленно кивая головой в знак согласия или принятия высказываемых аргументов.

— Но самое страшное, Лаврентий Павлович, не в этом. Все должно иметь большую цель, ради которой стоит жертвовать малым. Завоевать Европу, как это делали наши далекие предки, то есть пройти огнем и мечом, собрать трофеи и отбыть на Родину, бессмысленно. Во-первых, можно быть уверенным, что подавляюще большая часть ценностей успеет утечь из Европы до того момента, пока мы ее захватим. Во-вторых, мы так и не сможем решить



политической задачи, то есть перехода Европы на социалистический путь развития. Следовательно, нам стоит рассматривать лишь вариант нашего закрепления на завоеванных территориях с их последующим управлением. Но давайте зададим себе простой вопрос. А мы с этим способны справиться? Мы способны с армией, в которой осталось без мобилизации не более двух миллионов человек, из которых даже начальное образование вряд ли имеют двое из каждых трех, управлять гигантской территорией с населением в пятьсот миллионов. Причем, давайте исходить из того, что это будут отнюдь не дружески настроенные полмиллиарда. В Европе совершенно иной менталитет и другие традиции. Россию там никогда не любили и боялись до колик. Европа на генетическом уровне еще помнит орды Чингисхана и Батые. Как помнит и русских казаков в начале 19-го века после наполеоновских войн. Даже социально близкие нам, пролетарские, слои населения будут воспринимать нас захватчиками и оккупантами, тем более, что мы сами дадим им к этому железный повод. Нам будут не помогать, а всячески ставить палки в колеса. Устраивать диверсии и вести партизанские действия против наших войск и наших администраций на местах. Что мы сможем этому противопоставить? Тотальный террор? Да у нас не хватит ни солдат, ни сотрудников НКВД даже для того, чтобы просто контролировать ситуацию. И это все при самом благоприятном раскладе, когда войска США не примут участие в европейской войне.

Но и это еще не все. Есть иной, самый важный и решающий аргумент в пользу того, что этот вариант недопустим. Я, к сожалению, не могу рассказать Вам всего, это может сделать лишь Сам. Но скажу лишь одно. При любом, самом лучшем для нас раскладе, даже при нашей полной победе в Европе и способности после нее удержать ситуацию, пойдя на этот вариант, мы выиграем битву, но проиграем войну.

— Что Вы имеете в виду, Алексей?

— Я имею в виду, грустно заметил я, что своими действиями мы вызовем настолько мощный поток Инферно, что никакими благими целями мы не сможем это оправдать. А следовательно, мы сами прикуем себя кандалами к скале и лишим себя свободного и многообещающего будущего. Мироздание нам этого не простит. И наша история так или иначе завершится лет через сто или около того. Извините, я не могу сказать большего. Сейчас не могу. Уверен, что через какое-то время Вы и все наши основные соратники узнаете все. Узнаете ради чего происходит сейчас все то, что мы делаем, не щадя ни сил, ни жизни. Будущее стоит наших усилий. Но для того, чтобы это будущее обрести, мы не имеем права на фатальные ошибки такого масштаба. По большому счету мы даже не имеем права на массовое применение "изделия". Один-два раза в самом крайнем случае, возможно. Но не как правило. Иначе лекарство окажется хуже болезни.

Берия какое-то время посидел молча на стуле, и даже глаза его, хоть и смотрели на меня, но взгляд его блуждал где-то далеко. Настолько он погрузился в свои мысли. Потом он как бы очнулся. — Спасибо, Алексей. Действительно спасибо. Теперь мне намного больше понятно из того, что и почему происходит. Ваши аргументы действительно серьезны, даже без последнего. Я не совсем понимаю, что Вы имели в виду под будущим. Ведь явно не только грядущий тотальный дефицит ресурсов. Что-то совершенно иного уровня. Но я понимаю, что это что-то глобальное и крайне важное. Я это чувствую. Чувствую Вашу правоту, хотя и не могу объяснить свою уверенность. Надеюсь, что мы сможем время от времени беседовать с Вами столь же доверительно и откровенно.

— С огромным удовольствием, Лаврентий Павлович.

## Глава 79.

### Красное и черное. (Часть 1)

— Товарищ Сталин, немцы прислали официальный запрос, как им воспринимать сосредоточение наших войск на границе Финляндии со Швецией и Норвегией.

— И что Вы им ответили, товарищ Молотов? Если я правильно помню, по нашему договору от прошлого года Финляндия отнесена к нашей зоне ответственности. Что их не устраивает?

— Все верно, товарищ Сталин. Собственно, никаких особых претензий немцы не высказывают, хотя чувствуется, что такое положение дел их нервирует. С учетом того, что компания в Норвегии для них развивается пока с переменным успехом, для них крайне важно понимать наши намерения. И уж точно наше вступление в войну может оказаться для них критичным.

— Это все верно, товарищ Молотов. Мы можем понять волнение Гитлера. Особенно, учитывая наше знание вероятного будущего, в том числе ближайших планов Германии по захвату Франции. Но что они хотят от нас? Устных заверений в том, что мы не собираемся нарушать договор о взаимном ненападении?

— Все немного сложнее. Разумеется, мы поспешили заверить немецкую сторону в нашей полной приверженности букве и духу заключенных соглашений. И в устной, и в письменной форме.

— Так что же им еще надо?

— Есть информация, пока не подтвержденная, что немецкая сторона считает, что все вопросы наших отношений могли бы быть сняты на личной встрече вождей нации. То есть Вас и Гитлера. Предположительно такая встреча, по мнению немецкой стороны, могла бы состояться где-нибудь в районе Бреста. Город как раз удобно расположен на границе между нами.

— Это Ваши предположения или есть серьезные основания предполагать заинтересованность немцев в подобной встрече?

— Товарищ Сталин. Вы же знаете, как делаются дела в дипломатии. Вопрос настолько щекотлив, что никто в подобной ситуации не станет брать на себя ответственность предлагать такое в прямом виде. Ведь отказ от предложения может нести за собой серьезные последствия для межгосударственных отношений. Потому вопрос всегда затрагивается намеками не очень ответственных лиц, на которых всегда можно списать могущее возникнуть недопонимание.

В данном случае все происходит именно так. Сначала на приеме в нашем посольстве один из сотрудников немецкого министерства иностранных дел в кулуарах оговорился, что вот бы было хорошо, если бы наши лидеры встретились напрямую. Сколько бы вопросов можно было бы решить. Затем спецпосланник Риббентропа, привезший запрос немецкого МИДа насчет наших войск в Финляндии, вроде бы как вскользь задал вопрос о том, покидает ли товарищ Сталин столицу хоть иногда. А потом во время обеда вдруг сказал, что он когда-то был в Бресте и очень жалеет, что по нашему договору город оказался на нашей стороне границы, так он ему понравился. Но он надеется, что хорошие отношения между нашими странами

Товарищ Сталин. Я считаю, что немцы всерьез зондируют почву на предмет возможности такой встречи. Товарищ Сталин. Решение этого вопроса находится уже вне рамок моей компетенции и компетенции НКВД. Я прошу Ваших инструкций по поводу

дальнейших действий моего ведомства.

Сталин встал из-за стола, подошел к окну и довольно долго стоял, молча размышляя. Наконец, он повернулся к Молотову. — Можете со своей стороны также аккуратно начать встречный зондаж. Только надо сделать все, а заодно и строго предупредить немецкую сторону, что все переговоры должны оставаться строжайшей тайной. Аргументируйте это тем, что, отказавшись от встречи с англичанами и декларируя подчеркнутый нейтралитет в европейских делах, нам очень не хочется, чтобы нас уличили в двойной игре.

А такая встреча с немецким фюрером, возможно, действительно была бы полезна. наших противоречий она, разумеется, не разрешит, как и не сформирует взаимного доверия, какое может быть доверие в таких делах, но определенный градус напряженности снимет. Как думаете, товарищ Молотов?

— Думаю, Вы правы товарищ Сталин. Только надо тщательно продумать всю организацию встречи, чтобы исключить малейшие риски.

— Это уже не Ваша задача, товарищ Молотов, ею займутся люди Власика, Меркулова и немного Артузова. А Вы, главное, обеспечьте секретность переговоров по линии своего НКВД, а то оттуда раньше частенько информация уплывала не туда. Куда надо. В этот вопрос должно быть посвящено минимальное количество людей. За это отвечаете лично.

Проводив Молотова, Сталин набил трубку. Закурил и принялся ходить из угла в угол. Так легче думалось. В том, что Гитлер захотел встретиться лично, он не видел ничего особенно странного, выбивающегося из всего хода событий. На данный момент особых противоречий между СССР и Германией не существовало. Проблемная точка была только в экономической области. Немцы все хуже платили за поставляемые товары и все больше задерживали встречные поставки. Сначала они просто извинялись за задержки, но чем дальше, тем больше они стали требовать кредита, объясняя, что не в силах поддерживать баланс торговли из-за больших потребностей своих армии и флота. Эту тему вполне можно было бы выдвинуть вперед, чтобы прочувствовать истинные настроения немцев насчет характера длительных двусторонних отношений. И все же, даже дав Молотову добро на переговоры, Сталин сомневался. Он вообще не очень любил куда-либо выезжать, относясь крайне внимательно к собственной безопасности, особенно после убийства Кирова. Но в данном случае причиной его сомнений были не риски. После всего, что он узнал о вероятном будущем, которое в мире Алексея стало фактическим прошлым, он с трудом мог себе представить, что пожимает руку виновника гибели более двадцати миллионов советских граждан. И будучи опытным политиком, он также понимал, что если встреча состоится, то он не сможет этого не сделать. Подчеркнутое отторжение оппонента мгновенно бы разрушило все планы и стратегию действий советского руководства. Стоило бы Гитлеру почувствовать в нем, Сталине, своего личного врага, как скорее всего война в Европе прошла бы быстро и по наименее жесткому сценарию даже несмотря на все предпринятые усилия. А затем объединенная Европа во главе с немецкой армадой выступила бы в свой крестовый поход против России. То есть в ухудшенном варианте произошло бы все то, что произошло в мире Алексея. Так встречаться или нет, справится он со своей ненавистью или не сможет? Вдруг ему в голову пришла одна любопытная идея. Он походил-подумал и наконец, вновь откинувшись в кресле, облегченно улыбнулся.\*\*\*\*\*

— Товарищ Алексей, проходите, присаживайтесь. Как насчет чаю?

Что-то не похоже на Сталина такая любезность, — подумал я, — обычно он выглядит намного строже, хотя чай предлагает и не впервые. Ну-ну, что-то явно хочет. Решил у

Велимира подлечиться? Но в таком случае зачем ему я? Он с ним напрямую связаться может в любой момент. — Но я жестоко ошибся. То, что предложил мне Сталин, мне даже в самом кошмарном сне не могло присниться.

— Вы способны на героический поступок, товарищ Алексей?

— Эээ, как-то необычно слышать. В принципе, конечно, готов, если это в моих силах, но я не понимаю. Я же как-то Вам говорил, что теоретически пробраться в ставку Гитлера я бы, наверное, смог. И даже, вероятно, смог бы его убить. Но вот чем это потом могло бы обернуться для нашей страны, я не знаю. И, честно говоря, пробовать не хочется. Меня вполне конкретно предупреждали.

— Нет, товарищ Алексей. Гитлера Вам убивать не придется. Вам придется с ним встретиться, изображая из себя товарища Сталина.

Если бы в этот момент на меня рухнул потолок кремлевского сталинского кабинета, я бы, уверен, удивился меньше.

— Изображая из себя товарища Сталина? — переспросил я, — Я Вас правильно расслышал?

— Правильно, товарищ Алексей. Вам нужно прикинуться товарищем Сталиным, выглядеть при этом настолько убедительно, чтобы никто этого не заметил. И в качестве меня встретиться с Гитлером. Обсудить с ним все и с тех позиций, о которых мы с Вами предварительно договоримся. Сможете?

— Ох, товарищ Сталин. Ну и вопросик. Знаете, чего я в этой связи опасюсь больше всего? Я Вам честно скажу, благо знаю Вас не первый год уже лично. Технически я могу изобразить Вас внешне хоть сейчас. Думаю, что мне также по силам скопировать и Ваш голос, и Ваши любимые жесты. Но я очень опасюсь, что если подмены никто на самом деле не заметит, то это разрушит наши доверительные отношения.

— А почему это должно разрушить наши доверительные отношения?

— А товарищ Сталин может мне гарантировать, что у него не появится ненужных мыслей о том, что товарищ Алексей, раз однажды неплохо справился с задачей, то может захотеть играть эту роль постоянно? Не вызовет ли это у товарища Сталина подозрений и желания избавиться от товарища Алексея? Не физически, этого Вы не можете. А просто отстранить меня от любых дел.

— А у товарища Алексея может возникнуть такое желание? Играть мою роль постоянно? Вы серьезно? Да я бы с радостью уступил Вам свое кресло. Думаете, в нем так комфортно сидеть? Это такая сладость тянуть на своей шее все проблемы огромной страны, постоянно думая о том, кто ошибся, а кто сознательно вредит? А Вы вообще смогли бы?

— Нет, конечно, и не смог бы, и не хочу. У меня совершенно иной склад психики, да и организаторскими талантами я как-то никогда не блистал. А уж про необходимую любому правителю здоровую толику паранойи и говорить нечего. Лишен начисто.

— Ну так почему Вы думаете, что только Вы узнали хорошо за эти годы товарища Сталина? Почему Вы не думаете, что товарищ Сталин также неплохо узнал, кто такой товарищ Сидоров?

— Товарищ Сталин. Я так не думаю, просто я очень волнуюсь и очень дорожу Вашим отношением ко мне. Это позволяет мне быть в гуще событий и максимально эффективно решать те задачи, ради которых я попал в Ваше время.

— Ну тогда давайте прекратим заниматься ерундой и будем работать. Для начала покажите мне, как Вы сможете скопировать товарища Сталина внешне.

Я слегка напрягся от волнения, потом резко выдохнул и... превратился в товарища Сталина. Встал, прошелся по кабинету, представил, что курю трубку, сделал пару характерных для Сталина взмахов правой рукой.

Сталин расхохотался. — А что неплохо.

— Конечно, неплохо. За эти годы, проведенные нами рядом с товарищем Сталиным, мне достаточно хорошо смогли изучить его манеру поведения и разговора, — подражая его акценту и добавляя в речь характерные интонации и ударения, — проговорил я.

Сталин захохотал еще громче. — Ну прямо как в зеркале. И все же нам надо потренироваться, чтобы ни у кого не возникло даже толики сомнения.

Наконец Сталин оказался удовлетворенным достигнутым результатом настолько, что тут же захотел проверить эффект на ком-нибудь еще. Он заставил меня сесть в его кресло, принять привычную для него позу, приказал вызвать Поскребышева и дать ему задание, а сам спрятался за портьеру.

Поскребышев, увидев меня — Сталина не выразил никакого удивления, лишь мимолетно оглядел кабинет, убеждаясь, что я — Сидоров отсутствую. Впрочем, это было далеко не первый раз, когда я покидал сталинский кабинет, минуя приемную, а потому особого удивления на его лице не было. Скорее его манера общения со Сталиным одним или в присутствии кого-либо в кабинете иного неуловимо менялась. Выслушав приказание пригласить ко мне назавтра Меркулова, Власика и Артузова, Поскребышев подтвердил, что все понял правильно и покинул кабинет, плотно прикрыв за собой дверь.

Сталин вышел из-за портьеры и выглядел довольным.

— Ну раз наш дотошный Александр Николаевич ничего не заподозрил, значит точно похоже. Хотя длительность общения все же коротковата. Но у нас еще будет время потренироваться. А сейчас давайте займемся главным. Что и как говорить на встрече.

Сразу скажу, что последней моей тренировкой было участие в качестве Сталина на Первомайской демонстрации. Я стоял на мавзолее и махал рукой проходящим по Красной площади радостным москвичам. Причем, стоял в окружении всей партийно-государственной верхушки, ни один человек из которых не был в курсе, что Сталин это я. Затем уже во время приема в Кремле Сталин снова был настоящим и активно общался со всеми пытаюсь понять, не заметил ли кто-то его странного поведения утром. Но все прошло гладко. Предварительный экзамен я выдержал. Теперь оставалось столь же успешно сдать основной.

## **Глава 80. Красное и черное (Часть 2)**

Поезд с нашей делегацией отбывал в Брест третьего мая. Встреча была назначена на пятое и шестое. Можно было бы, конечно, долететь и самолетом, но Сталин очень не любил летать, как и вообще не любил никаких рисков, связанных с его безопасностью. А потому мне пришлось, подражая ему, ехать поездом. Выезд был обставлен со всей серьезностью. Я заблаговременно прибыл на дачу к Сталину и был приглашен к нему в кабинет. Оттуда вышел уже не я, а сам вождь, который в сопровождении Власика отправился на вокзал. Кстати, убедить Власика поехать со мной, а он и пара его людей были одними из немногих посвященных в наш план, оказалось чуть ли не самым трудным. Верный начальник сталинской охраны до последнего отказывался покинуть вверенный ему "объект". Но именно на этом его и убедили. Раз "Сталин" едет, то и он должен быть рядом, причем, ни жестом, ни словом, ни взглядом не должен был выдать своего скепсиса по отношению к сопровождаемому лицу. Инструктировал его, зная своего начальника охраны лучше, чем кто-либо, по этому поводу лично Сталин. Не знаю, что он там ему наговорил, но ко мне Власик

вышел достаточно уверенно, хотя и слегка бледным.

Пока наш поезд тащился сутки до Бреста, мне было о чем подумать. Даже при том, что по всему пути следования нам был дан зеленый коридор, скорости в этом времени оставляли желать лучшего. И больше всего мои мысли занимала фигура самого Гитлера.

Я вырос в послевоенном СССР, когда официальная пропаганда твердо внедрила в массовое сознание советских людей этакий карикатурный образ "бесноватого фюрера".

На экранах кино и телевизоров тщательно отобранная документалистика и художественные киноленты демонстрировали нам тщедушного жалкого человечка, постоянно истерил по поводу военных поражений от СССР, требовал от своего окружения немедленных успехов на фронте, менял генералов, как перчатки, иступленно орал на митингах что-то непотребное, а в перерывах общался с Евой Браун, которой прощал все, включая его отвлечение от государственных забот.

Я давно, еще задолго до попадания в этот мир, подозревал, что этот образ, знакомый каждому советскому человеку, крайне далек от реальности. В детские годы я попал на территорию ГДР и был крайне удивлен, что спустя сорок лет после укладки бетонные автострады смогли сохранить ровность и гладкость своей поверхности. Став старше и заинтересовавшись историей, я начал понимать, что реальная личность Гитлера была очень далека от того карикатурного образа, который сложился у меня в голове. Что ни говори, но при всех ужасах войны, связанных с этим именем, невозможно отрицать потрясающие успехи германской экономики в тридцатых, которая, как Феникс, буквально возродилась за считанные годы из пепла. Невозможно не заметить молниеносное возрождение национального духа немецкой нации после всех унижений по результатам Первой Мировой. Невозможно одним ораторским искусством Гитлера объяснить его потрясающе мощное и очень длительное воздействие на огромные массы людей, причем, не только в самой Германии. И даже то, что я узнал значительно позднее о той целенаправленной и очень значительной помощи, которая оказывалась режиму Гитлера как со стороны финансовых и промышленных кругов Англии и США, так и, чего греха таить, со стороны СССР, не объясняло всего этого целиком. Все указывало на то, что Гитлер, безусловно, был очень сильной и неординарной личностью.

Думая под стук колес поезда о том, почему стал возможным столь резкий и мощный взлет немецкой нации после Первой Мировой войны и экономической разрухи двадцатых годов, я не мог обойти вниманием и мистическую составляющую, являющуюся неотъемлемой чертой Третьего Рейха. Слишком много было свидетельств о том, что и Анернербе и тем более внутренний Орден СС были крайне серьезными организациями оказавшими на Рейх и немцев огромное влияние. И тут я нащупал очень интересную идею, которая сначала показалась мне абсурдной, но чем больше я размышлял, тем больше понимал, что я подобрался в плотную к Истине. Коллективный мистический "Гитлер" обратился к древним богам и символам. Он сделал это в тот момент, идя против всего остального мира, утратившего свою жизненную ярость за века христианства. А боги и символы это прежде всего энергия. Символ это энергоимпульс, застывший в графике, а бог, это на уровне поклонения коллективная мыслеформа, как говорили в мое время, эгрегор. И как любое энергоинформационное образование, питающееся за счет энергии верующих. Древние боги, которых человечество отринуло века назад, давно потеряли почти всю свою энергию, сосредоточенную в их эгрегорах. Но тем не менее эти эгрегоры не умерли, поскольку в книгах и преданиях еще сохранялись их имена. И этот коллективный

мистический "Гитлер" очень правильно рассудил, что у немцев практически нет шансов как-либо выделиться в рамках христианства. Это означало бы быть одними из многих. А прямое обращение к древним языческим богам, образы которых оказались запечатлены в скандинавских сагах, то есть по сути в памяти немецких предков — викингов, позволит не только возродить воинственный дух нации-победителя, но и установить с эгрегорами этих богов взаимовыгодные отношения. Немцы давали эгрегорам энергию, которой они были лишены уже несколько веков, а эгрегоры просто не могли не отреагировать на это возрождение их культов встречным потоком энергии, закреплявшим отношения. Взяв к тому же на вооружение древний мощный символ, которым была ведическая свастика — коловрат, немцы вошли в резонанс с энергией этого мощнейшего символа-оберега. Свастика стала защищать тех, кто наполнил ее новой Силой своей веры. Результат оказался предсказуем. Являясь единственной нацией современного мира, столь осознанно и концентрированно использовавшей духовную энергетику и поддержку структур Нави, немцы автоматически получали колоссальное преимущество перед другими народами. Причем, здесь даже неправомерно говорить о том, была ли эта поддержка оказана темными или светлыми силами. Просто все древнегерманские, они же скандинавские боги были воинами, что автоматически определяло направление возрождение германской нации. Только через войну.

Параллельно я понял и еще один немаловажный фактор. Гитлер, становлению которого в качестве лидера немецкой нации изначально помогали, а правильное сказать даже вели, английские масоны, было предоставлено не так много свободы действий. И он практически гениально смог использовать единственный шанс для попытки обрести подлинную независимость. Именно через связь с богами, которые позволяли нивелировать плотную опеку англичан. Когда я это понял, я посмотрел на Гитлера совершенно иными глазами. Он явно был Посвященным и далеко не самого низкого уровня.

Эти мысли неожиданно позволили мне эмоционально успокоиться в отношении собственной встречи с ним. Он по-прежнему вызывал у меня отвращение, но одновременно я готов был отдать должное его, пусть и inferнальному величию. А значит, речь шла уже не об эмоциях и чувствах, не о моем личном к нему отношении, а о рациональной интеллектуально-духовной Игре, в которой мы обязаны были победить. Мы были должны переиграть Гитлера по всем статьям. И это превращало его для меня из живого ненавидимого человека в простую фигуру на шахматной доске истории.

К тому же я понял еще одну вещь. Возродив в СССР Ведическую веру, вернув слову Православие исконный смысл, вспомнив собственный Божий Род, мы тем уже лишили Гитлера той монополии на внимание древних богов, которой он обладал в моей истории. А это очень немало. Наши боги будут постарше и мощнее тех, кому молились древние германцы, возникшие как народы уже в более поздние языческие времена. Конечно, мы пока сделали в этом направлении лишь первые шаги и еще уступали немцам по силе взаимодействия с Горним миром на массовом уровне, но на уровне Волхвов-Жрецов не только обеспечивали паритет, но и прошли значительно дальше, выйдя с уровня божественных эгрегоров на уровень непосредственного взаимодействия с самими богами.

Мой бронепоезд стремительно для этого времени продвигался к Бресту, а я стал вновь проигрывать для себя одно из направлений нашей будущей беседы с фюрером, которое должно было казаться второстепенным, но на самом деле являлось для нас ключевым. Неожиданно для меня высказанная мной несколько дней назад вскользь идея-пожелание

вдруг стала стремительно обрастать "мясом" и уже перешла в ранг практических задач. В связи с чем я получил дополнительное задание от Сталина на эти переговоры. Благо под этот вопрос даже не пришлось продумывать какой-то особенной легенды. Он вполне вписывался в рамки экономической темы обсуждения двусторонних отношений.

А вообще подготовка к моей поездке была крайне напряженная. Ведь мне не просто придется позировать перед Гитлером, изображая из себя советского вождя. Мне придется вести с ним серьезнейшие и сложные переговоры по широкому кругу вопросов. Вести так, чтобы у оппонента не возникло и толики сомнений в величии и решимости товарища Сталина. И не просто вести, но и принимать решения. В таких условиях и на таких встречах отговорка, что "надо посоветоваться с товарищами" практически не работает. Зачастую приходится принимать решения здесь и сейчас. Хотя для подстраховки и был выбран формат двухдневной встречи для того, что бы в перерыве, ночью, можно было бы дополнительно проконсультироваться с настоящим Сталиным. Защищенную телефонную линию подготовили и проверили. Сталин приказал звонить ему в любое время суток незамедлительно.

И тем не менее прежде, чем Сталин посчитал, что я готов к встрече, с меня семь потов сошло. Последние дни при наших с ним обсуждениях предстоящих переговоров он постоянно заставлял меня принимать образ Сталина и говорить с его интонациями, чтобы я дополнительно вживался в роль. С трудом себе представляю, каково было ему в эти дни общаться с самим собой.\*\*\*\*\*

Гитлер оказался и похож и не похож на себя киношного одновременно.

Наша встреча состоялась в Бресте в здании горкома партии. Выбор был довольно удачен и принят обеими сторонами, поскольку такие объекты традиционно располагались на площади и имели достаточно свободного места вокруг, что облегчало организацию безопасности. Здание было старой постройки, с флигелями, в одном из которых и расположились мои апартаменты. Фюрер е предпочел остановиться на территории, подконтрольной Германии, для чего пришлось временно выселить одну из небольших польских деревенок неподалеку. Утром немецкую делегацию привозил на встречу внушительный кортеж с наглухо зашторенными окнами. Выходил он из машины уже в замкнутом дворе гостиницы. Охранные службы сработали на отлично и вполне качественно взаимодействовали друг с другом, хотя в глаза это особо не бросалось. В качестве легенды для встречи было выбрано двустороннее совещание советского и немецкого генералитета, посвященное якобы запланированным на лето совместным учениям. Ни товарища Сталина, ни геноссе Гитлера в Бресте никто, кроме самого ближнего круга охраны и дипломатов не видел. Я уж не знаю куда дели на эти дни весь аппарат горкома, но никто из местных начальников за два дня мне на глаза так и не показался.

По условиям предварительных договоренностей наши делегации были сокращены до минимума. Нас представляли Сталин, Молотов и Тимошенко, помимо которого с нами приехало еще десятка два генералов разных родов войск, которые должны были изображать из себя участников совещания-легенды. С немецкой стороны были Гитлер, Риббентроп и Кейтель. Ну и конечно неизбежные два десятка генералов Вермахта для прикрытия. Впрочем, их генералы точно были рады такой синекуре вместо отправки в Норвегию, дела в которой хоть и обнадеживали Гитлера, но пока не гарантировали успеха.

В первый день мы по сути присматривались друг к другу. Встреча проводилась в формате один на один плюс переводчики. Военные в другом крыле здания активно



обменивались информацией по делам в Северной Европе и разбирали преимущества и недостатки военной техники различных европейских стран. То есть творчески убивали время между совместными возлияниями за столом "переговоров".

Дипломаты занимались выяснением деталей внешней политики друг друга, пытались при этом произвести друг на друга максимально благоприятное впечатление и заверить другую сторону в вечной дружбе и нерушимости заключенных договоров.

Ну а у нас поначалу был театр одного актера.

Гитлер с ходу постарался произвести на товарища Сталина максимально благоприятное впечатление и как бы эмоционально подчинить его себе. Пару раз он даже принимался, вскочив, что-то громко вещать, подпуская в голос истерические нотки. Но при этом его глаза, совершенно осмысленные и серьезные выдавали театральность происходящего. Впрочем, довольно быстро убедившись в том, что на товарища Сталина его эмоциональные демарши не производят особого впечатления, он довольно быстро успокоился, и встреча протекала в гораздо более уравновешенном режиме.

Довольно быстро мы выяснили, какие вопросы интересуют другую сторону больше всего. Гитлер пытался для себя понять, может ли он довериться Сталину и его словам настолько, чтобы сосредоточиться на западном театре военных действий. Не воткнет ли ему СССР нож в спину внезапным военным ударом с Востока или резким прекращением сырьевых поставок, так необходимых военной промышленности Германии.

Я при этом делал вид, что все эти вопросы вообще не стоит обсуждать очень подробно, поскольку не понимаю, почему СССР вдруг ни с того, ни с сего должен нарушить любое из своих обязательств по уже заключенным договорам. Разве соответствующих подписей на документах недостаточно?

Гитлер делал вид, что все понимает, и пытался зайти с другого бока. Например, какие причины для СССР были главными, на основе которых он отклонил предложение Англии о вступлении в антигитлеровскую коалицию. И снова получал в ответ, что при определенных условиях это могло вызвать противоречие с заключенным между СССР и Германией договора о ненападении, что неприемлемо. Впрочем, на этот вопрос я решил дать более развернутый ответ.

— Вы наверняка понимаете, господин канцлер, мы очень внимательно в СССР изучаем нашу историю. И она нам дает очень четкие ориентиры на будущее. Мы с Вами политики, и нам иногда приходится высказывать нашим народам не совсем то, что мы думаем на самом деле или планируем сделать. Это понятно. Иногда нам приходится осуждать, как ошибочный, Ваш национал-социализм, а Вы точно также негативно с трибуны высказываетесь насчет коммунизма. И внешне это выглядит как однозначно недружественная позиция.

Но это лирика.

Если вспомнить все последние столетия, то вопрос кто нам друг, а кто враг становится очевидным. Буквально за всеми покушениями на наших царей, за любыми попытками смуты или переворотов, за любой войной, в которой Россия принимала участие, всегда виднелись уши англичан. Не было ни одного раза, когда бы Британия или наше хорошее отношение к ней принесли бы России пользу. Вместе с тем, хотя и с Германией наши отношения складывались по-разному, они всегда были менее подлыми. Дружим, так дружим, враги, так честные и откровенные враги. Причем, когда мы дружили, то пользу получали оба наших народа и государства. А когда враждовали, то проигрывали обе стороны. Разве этого

недостаточно, чтобы сделать однозначный выбор? И, кстати, это прекрасно понимал великий немецкий политик и канцлер Бисмарк. Он всегда однозначно ратовал за прочный союз немецкого и русского народов.

Гитлер во время моей специально сделанной эмоциональной реплики смотрел на меня очень внимательно, даже пристально, пытаясь разглядеть на моем лице хоть тень лукавства. Видя это, я решил добить его окончательно.

— Вы же политик, господин канцлер, высочайшего уровня. Но политик это не только профессиональный лгун, — на этих словах Гитлер рассмеялся, — Вы еще и сильнейший государственный деятель. Люди такого ранга просто не могут не чувствовать, когда им лгут. Вы знаете, что я говорю правду.

Проняло. И заставило Гитлера серьезно задуматься. Он молчал целую минуту, что для него было не очень характерно. Он вообще, как человек, живущий в особенном мире личных мифов, больше любил говорить, любил, когда слушали его, чем когда приходилось слушать ему. Но сейчас Гитлер молчал довольно долго.

— Я понял Вас, Герр Сталин. Правда это очень серьезная и безошибочная позиция. Я верю Вам.

После этого мне удалось перехватить в разговоре инициативу и завести речь о вопросах, которые волновали меня прежде всего. Как ни странно, об экономике. И тому было сразу две причины. Как я уже упоминал, немцы стали хуже платить за наши поставки и задерживать встречные. Акцентируя именно эти проблемы, мы с одной стороны, рассчитывали добиться большей справедливости в отношениях, а, с другой, это должно было подчеркнуть, что все военные вопросы мы заведомо считаем надуманными.

И здесь между нами развернулась настоящая битва. Я доказывал, что отношения между равными и дружественными партнерами обязаны быть столь же равноправными, а Гитлер пытался настаивать на двухлетней отсрочке перед выходом на полностью сбалансированные отношения. Что сейчас у Германии просто не хватает производственных мощностей, чтобы удовлетворить все советские потребности. Что сейчас высшим приоритетом для германской промышленности являются поставки для собственных армии и флота. В противном случае Германия не сможет достойно противостоять английскому империализму.

Наконец, я понял, что подвел разговор к нужной черте и предложил закрепить документально дисбаланс между встречными поставками определенными границами и сроками выравнивания, но одновременно Германия должна была обязаться поставлять СССР дополнительные объемы продукции в обмен на живое золото, которое мы брались переправить в Германию.

Эта идея Гитлеру понравилась. Огромный объем английских кредитов довольно сильно давил на немецкую экономику, а момент, когда можно будет попробовать воздействовать на кредитора силовыми методами был еще крайне далек. Мы договорились, что предварительно согласны с такой постановкой вопроса, а детали оставим на второй день переговоров. После чего нас ждал торжественный ужин. Гитлер поднял тост за процветание наших стран и их нерушимое единство. В ответ я предложил выпить за ясное и четкое видение исторических перспектив, на дающее совершать фатальные ошибки.

Кстати, о золоте я поднял вопрос не просто так. В конце концов несколько тысяч грузовиков или пара сотен современных станков этого не стоили. Это и был тот особый вопрос, который занимал в наших мыслях первостепенное значение. Когда я в шутку предложил Сталину переправить в наше посольство в Берлине атомную бомбу, он

неожиданно отнесся к этой идее очень серьезно. Связался с Берией, тот подтвердил, что выход на испытания запланирован на июнь этого года. Сталин приказал разработать при успехе испытания заряд, который мог бы быть помещен в стандартный броневедомобиль.

Идея заключалась в том, чтобы доставить в советское посольство в Берлине несколько броневедомобилей с золотом, из которых один должен был иметь внутри не Золотов в слитках, а бомбу. И вот теперь эта идея практически обретала плоть. Наличие в центре Берлина в паре сотне метров от рейхстага атомной бомбы мощностью от десяти до двадцати килотонн, как обещали ученые, должно было стать нашей самой мощной страховкой от войны с Германией. Или инструментом возмездия на случай таковой.

### **Глава 81. Красное и черное (Часть 3)**

Вечером я связался со Сталиным и доложил ему ход переговоров. Он меня успокоил и сказал, что все идет нормально, никаких ошибок я не совершил. Также он заверил меня, что по информации Власика никто из нашей делегации, а тем более из немецкой подмены не заметил и никакого волнения по этому поводу не проявляет. Так что со своей ролью я справляюсь прекрасно. Мы также обсудили все нюансы будущего расширения двусторонних экономических связей, которому предстояло стать ширмой для запланированной Берлинской спецоперации.

Еще в Москве мы рассматривали со Сталиным возможность моего прямого перемещения к нему в перерыве между встречами с Гитлером. Это выглядело бы намного естественней, поскольку времени у меня этот процесс не занимал, а знакомое мне место, куда я мог бы тайно переместиться для встречи со Сталиным, найти было бы проще пареной репы. Тем более, что такой вид общения совершенно исключал какую-либо утечку информации. Однако, подумав, Сталин отбросил этот вариант. Он предпочел пойти на риски, связанные с телефонными проводами, но не захотел идти на другие.

Первое, чего он хотел бы избежать, так это огласки подмены за рамки тех трех человек, кто был в курсе. Вероятность того, что в момент, когда я перемещусь, случится нечто, требующее немедленного информирования товарища Сталина хоть и была небольшой, но тем не менее не нулевой. Но главной причиной несогласия Сталина была иная. Не только по моим воспоминаниям, но и по данным нашей разведки было известно, что немцы очень большое внимание уделяют эзотерике. Практически всегда неподалеку от Гитлера находились люди из Анненербе, включая тибетских монахов. Существовала большая вероятность того, что и в Бресте будет кто-то из них. Мои перемещения, пусть и незначительно, но колебали тонкие пространства, и те, кто находился рядом, могли это почувствовать. А расстояние от Бреста до деревушки, где остановилась немецкая делегация было слишком незначительным, чтобы быть уверенным в обратном.

Даже в том случае, если бы немцы и не смогли бы понять, что именно происходит, то возмущение астрала так или иначе могло бы негативно сказаться на доверии Гитлера к переговорам. Он вполне мог бы принять это за атаку на самого себя. Сталин иногда просто поражал меня тем, насколько внимательно он относился к различным мелочам. Даже в тех вопросах, к которым сам относился с подозрением и недоверием.

Следующий день переговоров начался довольно рутинно, с той же самой экономики, на которой мы остановились вчера. Я предложил Гитлеру показавшийся ему интересным вариант. Мы отказывались от масштабных претензий по закупкам готовых изделий, по которым в Германии намечался дефицит, но заменяли их на интересующие нас германские технологии и сложное современное промышленное оборудование. В частности мы

отказались от ранее заказанного крейсера "Лютцов", отказались от чертежей устаревших образцов техники и вооружений, отказались от закупок тысяч тяжелых грузовиков, поставка которых была нами давно отлажена из США. Вместо этого мы хотели несколько современных заводов по производству тех же грузовиков, авиатехники, конструкторскую документацию на некоторые модели немецких самолетов, самым интересным из которых был разведчик Fw 189 "Рама" и широкий набор технологического и производственного оборудования. Вне политических соображений это предложение было фантастически выгодным для Германии. При сохранении общего стоимостного объема поставок немцы получали бешеную экономию по затратам материальных ресурсов, в первую очередь, металла, энергии и трудозатратам.

Гитлер слегка задумался, подсчитывая опасность передачи своему пусть и гипотетическому противнику современных немецких разработок, в том числе и военных, но в конце концов счел опасность не слишком существенной. В его голове, безусловно, уже бродила мысль о возможном вторжении на Восток, хотя решение принято не было. Но сопоставив возможные сроки военной операции и те же сроки, необходимые для полного освоения переданных технологий и оборудования, решил, что Германия ничего не теряет от такой замены. А потому ответил согласием. Документы должны были быть подписаны руководителями наших дипломатических и экономических ведомств через две недели в Москве.

Затем Гитлер после небольшой паузы задал вопрос, который волновал его больше всего прочего. По нему даже было заметно, что он готовится к чему-то важному для себя и всячески пытается сделать так, чтобы вопрос звучал обыденно и выглядел простым любопытством.

— Скажите, товарищ Сталин, а что за странное письмо Вы передали мне с Риббентропом в прошлом году после подписания договора? Там было что-то насчет Дюнкерка и какого-то странного полета Гесса в Англию? Что Вы имели в виду. Я долго пытался понять, но у меня ничего не получилось.

Разумеется, мы со Сталиным были готовы к этому вопросу. Еще в Москве, рассматривая различные варианты тем, которые могут всплыть на этой встрече, мы пришли к выводу, что проявление интереса Гитлера к этому письму будет практически неизбежным. Ну и ответы готовили со всей тщательностью.

Я сделал вид, что вспоминаю, затем, что глубоко задумался над ответом и наконец задал встречный вопрос.

— Скажите, господин канцлер, а как Вы относитесь к возможности увидеть будущее?

Гитлер слегка ошалел от столь прямого вопроса, в котором фактически содержался и мой ответ. Посмотрел на меня внимательно и проговорил, — Герр Сталин, Вам наверняка известно, что мы очень внимательно относимся к области так называемого "тайного знания". Для меня скорее является удивлением, что и Вы, судя по всему, уделяете этой теме не меньшее внимание. Так называемое ясновидение является достаточно распространенным явлением. Вопрос лишь в том, насколько можно доверять такой информации. Уж слишком часто попадаются или шарлатаны, или те, кто что-то увидел. Но не смог правильно интерпретировать увиденное. У что, та информация в письме была получена от ясновидящего?

— В целом да, и от ясновидящего, в отношении которого нет ни малейших сомнений, что он не шарлатан. Но потом эта информация была дополнительно проверена по другим

каналам, скажем так, более реалистичного характера. Наши аналитики просчитали некоторые варианты возможного развития ситуации в Европе, кое-что подкинули наши товарищи из Лондона. Вы же понимаете, что я не могу быть более откровенным.

Гитлер задумчиво кивнул.

— Разумеется. Но все же какое существенное или тем более судьбоносное значение может иметь небольшое местечко на побережье?

— Судьбоносным я бы его не назвал, а вот слово "существенное" вполне точно определяет смысл. Ваше решение в этой точке способно существенно повлиять на весь ход дальнейшей кампании Рейха в Европе. И в том числе привести к последующим фатальным ошибкам.

— Даже так? Но Герр Сталин, я же не могу принимать решения на основе столь туманных намеков. Не могли бы вы хотя бы несколько конкретизировать сказанное и написанное в Вашем письме?

— Ну что касается вашего любимого соратника Гесса, то в определенный момент он захочет посетить Англию для тайных переговоров с Вашими якобы сторонниками на островах. Если Вы дадите свое добро, то больше его не увидите.

— Он погибнет?

— Нет, он имеет все шансы пережить Вас и надолго, но Вы его больше не увидите.

— Так, с этим понятно хотя бы на уровне общего смысла. Употребленное Вами слово "якобы" говорит о многом. А что все может случиться в Дюнкерке?

— Поверьте, господин канцлер. Я совершенно не призываю Вас верить мне или не верить. Мы все же политики и всегда действуем, исходя из интересов собственных государств. Но все же предлагаю прислушаться. Если Вы во время летнего наступления во Франции дадите возможность английскому экспедиционному корпусу спокойно эвакуироваться с континента, а это и может произойти в Дюнкерке, то Германия в итоге войну проиграет. Случится это не сразу, но тем не менее. Так говорит наш ясновидящий, так прогнозируют наши аналитики. Это все, что я могу Вам сказать по данному поводу.

— Понимаю. Спасибо и за то, что сказано. Я не буду утверждать, что обязательно последую вашему предупреждению, но я к нему внимательно прислушаюсь. Я чувствую к Вам расположение и доверие, Герр Сталин. И я высоко ценю сказанное Вами.

— В таком случае, господин канцлер, позвольте высказать еще одно соображение, хотя оно на порядок менее конкретно, чем предыдущие.

— Буду признателен.

— Не торопитесь после победы над Францией немедленно форсировать Ла Манш. Вы кажется, готовите операцию под названием "Морской Лев". Слишком рискованно и неоправданно. Есть более эффективные способы добиться окончательной победы.

Неизвестно, что испытал в душе Гитлер, услышав название операции, являющейся одной из самых страшных тайн рейха, кого именно он захотел немедленно поставить к стенке, но вслух он проговорил достаточно спокойным и доброжелательным тоном,

— Ваша информированность, Герр Сталин, делает Вам честь. Мои поздравления. Мы хоть и не враги, но название этой операции не висит на каждом столбе в Берлине. А что Вы имели в виду под более эффективным путем в победе?

— Дорогой, господин канцлер. Я знаю Вашу приверженность молниеносным решительным действиям. Тем не менее в случае с Англией было бы лучше поступить иначе. Выкиньте их сначала из Средиземноморья. В этом случае они вдвое увеличивают маршрут,

связывающий их с колониями, несут дополнительные расходы и потери, а Вы получаете доступ к ресурсам северной Африки.

— Это замечательно, но не так легко сделать.

— Наши аналитики утверждают, что это реально. Думаю, Турция могла бы помочь Вам с Суэцем, а Каудильо Вы наверняка сможете уговорить на совместную операцию в Гибралтаре. После чего Средиземное море становится внутренним для Вашего Рейха, а Англия оказывается на грани коллапса. Затем Вы легко добьете ее на островах, перерезав оставшиеся крайне растянутые коммуникации.

— А в чем Ваш интерес, Герр Сталин? Не станете же Вы утверждать, что обсуждаете со мной этот план лишь исключительно из интеллектуального интереса. Вы отказываетесь присоединиться к странам Оси, но, что особенно удивительно, спокойно предполагаете вступление в войну Вашего соседа — Турции.

— Не скрою, наш самый главный интерес в крушении Британской империи, от которой Россия видела немало зла. Безусловно, у нас есть собственные интересы, но они лежат не в Европе. Они вообще не связаны с какими-то завоеваниями. В отличие от Германии, у нас достаточно собственной территории и собственных ресурсов. Но мы очень заинтересованы в том, чтобы вокруг наших границ все было спокойно, чтобы СССР был окружен сильными развитыми государствами, с которыми можно плодотворно сотрудничать, строить совместное будущее. Голодный и униженный сосед, это плохой сосед, который всегда будет смотреть на тебя с завистью и ненавистью. Мы способны защитить себя от любого врага, мы никого не боимся. Но мы не хотели бы, чтобы на нашу страну смотрели с вожделением и желанием попробовать нашу оборону на крепость. Это отвлекает от действительно важных дел и бесцельно расходует ресурсы, для которых найдется лучшее применение. Но та же история, на которую я все время ссылаюсь, говорит нам, что пока Англия существует, она всегда будет сраживать другие государства между собой в надежде поймать в этой мутной воде свою золотую рыбку.

— Да, именно, Вы совершенно правы, Герр Сталин, — Гитлер даже чуть не подскочил в волнении. — Именно Англия всегда была источником и наших бед. Но теперь ей точно наступит конец. Немецкий солдат растопчет своим сапогом британскую империю и вернет Германии величие, которого она заслуживает.

Мы проговорили с Гитлером довольно долго, плетя взаимные словесные кружева с целью выяснить насколько мы можем полагаться друг на друга и насколько мы должны друг друга опасаться. Точнее это Гитлер водил хороводы вокруг меня, у меня такой проблемы не было. Я точно знал, чего от него можно ожидать и видел своей задачей сделать максимум, чтобы у него не возникло желания и впрямь счесть СССР колоссом на глиняных ногах, как это было в моей истории. Для этого я даже специально затронул прошедшую краткосрочную финскую операцию, поскольку помнил, что именно неудачи на этом фронте в моей истории заставили Гитлера усомниться в силе советской армии и подвигли его на поиски счастья на востоке. Здесь Гитлер был вынужден согласиться со мной, что операция в Финляндии была проведена идеально, даже заметил, что немцам есть чему поучиться на этом примере. Думал ли он так на самом деле или просто проявил вежливость, не знаю. Но я точно был уверен в том, что никаких признаков нашей слабости он точно не заметил.

Закончились наши переговоры драматически. На нас с Гитлером было совершено покушение.

Точнее о том, что в здании были мы, скорее всего, никто не знал, а покушение

готовилось против генералитета обеих стран, изображавших масштабное совещание. В тот момент, когда немецкие генералы уже выходили, чтобы сесть в автобус, а наши их вышли проводить, на площадь перед зданием вылетели две машины, из которых раздались автоматные очереди. Машины прорвались через кордон оцепления и, не снижая скорости, пронеслись мимо стоявших у входа генералов. Слава богу, генералы оказались боевыми и при первых же выстрелах браво бросились на землю или под защиту автобуса. Никто не пострадал, лишь одному из наших пуля зацепила бедро.

Вслед умчавшимся машинам понеслась охрана мероприятия, и вскоре за поворотом раздалось два мощных взрыва. В это время мы с Гитлером продолжали сидеть в креслах, как приклеенные, а в комнату дружно ввалилась моя и его охрана, обступившая нас со всех сторон.

Вскоре ситуация разрешилась, нападавшие были убиты в машинах во время тех самых взрывов, лишь один попытался скрыться, но его настигла очередь преследующих сотрудников НКВД. По крайней мере к такому выводу пришло совместное следствие наших и немецких специалистов, прошедшее по горячим следам. На трупах было найдено достаточно мелочей и документов, указывающих на польское происхождение террористов. А немцы даже узнали одного из нападавших, им оказался поляк, которого давно и небезосновательно подозревали в работе на британские спецслужбы, и который давно находился в розыске гестапо за приписываемые ему диверсии на территории немецкой зоны оккупации Польши.

Происшествие несколько скомкало завершение нашей встречи, но поскольку все закончилось благополучно, то особого негатива не было. Мы договорились о том, что и дальше расследование этого инцидента должны проводить совместно обе наши стороны, которые должны были довести его до конца и сделать однозначные выводы. Хотя все и так было ясно.

Вернувшись в Москву через какое-то время я с удивлением узнал, что во всей этой истории настоящими оказались лишь поляки, которых НКВД незадолго до этого выловило в лесах под Брестом, где они на полном серьезе собирались вести партизанскую войну как против нас, так и против немцев. Все остальное было спецоперацией НКВД, призванной убедить Гитлера в крайне негативном отношении англичан лично к нему. А учитывая, что к собственной безопасности Гитлер относился едва ли менее серьезно, чем Сталин, это должно было сыграть свою роль в будущем.

И, надо сказать, операция прошла блестяще. По результатам расследования никаких сомнений относительно возможного заказчика этой акции у немецкой стороны не осталось. Сталин, как всегда, сумел выжать из ситуации максимум.

## **Глава 82.**

### **Гуманизм и кривые зеркала.**

Сталин расслабленно сидел в кресле своего кабинета на даче и перед сном с удовольствием курил последнюю на сегодня трубку, набитую его любимой "Герцеговиной Флор". В голове медленно прокручивались детали недавней встречи "его двойника" Алексея с Гитлером. Вроде бы все прошло очень даже неплохо. Особых неточностей "товарищ Сталин" на переговорах не допустил, от составленного заранее плана ни в чем существенном не отошел. Конечно, окончательно реакция немецкого фюрера на состоявшуюся встречу еще не понятна, это станет ясным после того, как проявятся действия немецких войск в Европе. Но по впечатлениям других участников встречи немцы никакого неудовольствия не

проявили. Скорее наоборот.

Забавный все же этот Алексей. Волновался, что товарищ Сталин может приревновать его к собственному образу. Да он, Сталин, только обрадовался тому, что может не поехать на переговоры, а вместо себя послать его. Ради одной безопасности это стоило бы сделать. Может быть вообще поручить ему исполнять роль товарища Сталина на всех публично-протокольных мероприятиях, чтобы от работы не отвлекали? Хотя нет, пожалуй, не стоит. Разве что в самом крайнем случае. А так он, Сталин, еще сам вполне способен тянуть свою ношу. Тем более теперь.

Вот уже второй день Сталин испытывал непередаваемые ощущения силы и бодрости, о которых давно забыл. Он все же решился и доверился Велимиру. Сталин с трудом, но признался себе в том, что боялся. Прежде всего, боялся довериться, поскольку своим разумом не понимал, что именно ему предстоит, а значит, был вынужден полностью положиться на добрые намерения волхва. И потому тянул. Но страх не успеть совершить все задуманное, страх не увидеть триумф воплощения своих мечтаний, был сильнее страха того, что волхв может замыслить недоброе. Тем более, что с его способностью неожиданно возникать и исчезать, хотел бы. Так давно сотворил бы все, что задумал.

А в свои шестьдесят Сталин все больше и больше ощущал упадок сил и потерю былой работоспособности. Конечно, будучи в высшей степени дисциплинированным и аскетичным человеком, он старался не снижать темпов работы, по-прежнему много часов проводил во встречах с людьми и за чтением различной специальной литературы, иногда глотая по триста страниц в день. Причем, прочитывая материал вдумчиво, делая множественные пометки. Но этот ритм с каждым годом давался ему все тяжелее. Не раз и не два он уже задумывался над тем, что его реальный образ все больше и неизбежно входит в противоречие с тем образом "стального" Сталина, который сложился в народе.

И вот теперь все изменилось. Точнее внешне Сталин практически сохранил свой прежний вид. Но внутри ощущения напомнили ему себя же, только тридцатилетнего. Мышцы налиты силой, походка вновь стала упругой, а взгляд орлиным. Сталин заметил, что даже вновь стал обращать внимание на женщин, хотя, осознав это, тут же постарался скрыть этот интерес. Не сложилось у товарища Сталина с личной жизнью. Она вся оказалась подчинена интересам партии и страны, интересам народа. А раз не сложилось, то и не стоит об этом думать.

Велимир обещал, что если сам Сталин, Князь, как называл его волхв, не свернет со своего пути, останется верен ноше и ответственности, которые добровольно возложил на себя годы назад, то он вполне сможет дожить лет до ста — ста двадцати. Больше не получится, слишком солидным был уже его возраст для модификации организма, слишком много уже успел набедокурить. Но даже этого, отпущенного волхвом времени должно было хватить на то, чтобы довершить гигантские начатые преобразования. Настолько изменить массовое сознание советского человека, чтобы никто и подумать не мог о возврате к старому, о том, что социализм можно сломать, развалить изнутри. Если даже в мире Алексея на это потребовалось минимум три десятилетия, то теперь это будет вообще невозможным. Тем более, что внутренний враг теперь ясен. А с внешним народ всегда разберется по-своему. Не впервой.

Сталин мысленно вернулся из грез о будущем к встрече с Гитлером и "польской" операции НКВД. Молодцы. Все молодцы. Даже для немцев неожиданная атака "польских диверсантов" ничего не испортила. Они не стали предъявлять советской стороне претензий



по поводу плохой организации безопасности встречи. Все же они сами не раз сталкивались на своей территории с польской проблемой и понимали, что предвидеть подобные акции практически невозможно. Получив доказательства авторства диверсии со стороны польских подпольщиков и убедившись в том, что обе стороны переговоров оказались в равной степени пострадавшими, они даже высказали свои соболезнования советскому раненому генералу, которому не повезло больше всех.

Хорошо все же, что Алексея, других участников переговоров и даже охранение встречи никто не стал предупреждать заранее. Все же искренний испуг и волнение, как и действия бойцов НКВД, контролировавших подходы к зданию, полностью достоверно сыграть невозможно. Да и само ожидание происшествия неизбежно отложило бы свой отпечаток. А так все получилось идеально. Ни одной нотки фальши. Даже трупы поляков подложить и распределить удалось практически идеально. Про возможную инсценировку никому из немцев даже мысль в голову не пришла.

Но в данном случае Сталина волновало не это, а реакция на происшествие самого Алексея, когда он узнал о том, что это была спецоперация советских органов. Вместе с пониманием задумки он стал говорить о том, какой опасности подвергались советские участники встречи. Хорошо еще, что пострадал всего один человек, да и то не фатально, но ведь могло быть и множество трупов, стрельба велась настоящими боевыми патронами.

В целом он, конечно же прав, вероятность того, что кто-то мог пасть жертвой операции, действительно была. Кто-то из охраны мог не успеть отпрыгнуть из-под летящего автомобиля. Кто-то мог схватить шальную пулю или рикошет. Гарантий в таком деле быть не могло. Участники акции были предупреждены лишь о том, чтобы ни в коем случае не пострадал никто из немцев, а потому палили куда угодно, только не туда, где они стояли или упали. Что касается единственного пострадавшего, то это отдельная история. Он-то был плановой жертвой, который получил пулю не от мчавшихся в машинах, а от снайпера, сидевшего на чердаке напротив. Сакральная жертва была запланирована по сценарию. Но об этом тем более никто не знал.

А вообще Сталина иногда даже озадачивало какое-то интеллигентское отношение Алексея к неизбежным жертвам, которые бывают при любых серьезных операциях. Это вообще отличительная черта его времени. Все как будто в кривом зеркале. Всеми силами спасти одного человека, попутно погубив тысячи других ни в чем не повинных людей. Эти тысячи, гибель которых являлась по сути неизбежным следствием спасения того самого одного, у них воспринималась просто как грустная статистика. Никакой связи между двумя событиями просто не предполагалось и не рассматривалось, будь она даже очевидной.

Как-то Алексей рассказал ему об одном фильме, в котором американские войска для спасения одного своего солдата обрекли на смерть десятки других таких же солдат. И именно в этой глупости увидели собственную доблесть. Чем погибшие солдаты оказались хуже спасенного авторы фильма не поясняли.

Мир Алексея вообще представлял часто для Сталина какой-то жуткой фантазмагоричной пародией на нормальный.

В его мире было принято пожизненно кормить и содержать насильников, серийных убийц, педофилов. Содержать, между прочим, на деньги тех самых простых граждан, кого они убивали и насиловали. А потом еще и выпускать их по амнистии, чтобы они вновь могли повторить все содеянное. И все это называлось в его мире гуманностью.

Такой же гуманностью считалось тратить бешеные государственные деньги на лечение

агрессивных психических больных или спасение от смерти безнадежных уродцев, в то время, как тысячи других людей, совершенно нормальных членов общества, пенсионеров, отдавших всю свою жизнь стране, не могли получить требуемых лекарств и умирали без помощи государства, потому что все деньги уже были потрачены на дебилов и уродов.

И это называлось у них справедливостью.

Нет, такой справедливости в кавычках и такого гуманизма Сталин не понимал и не принимал.

Как не понимал и того, что этом изуродованном мире миллионы простых людей должны были из последних средств наскребать на благотворительность, чтобы помочь безнадежно больным детям и старикам всем миром сделать операцию за границей. И это в том время, как многочисленные олигархи и коррумпированные чиновники ни о какой такой благотворительности не задумывались, а лишь исправно переводили миллионы нажитых непосильным трудом долларов на свои заграничные счета. Да украденных средств одного какого-нибудь рядового нувориша хватило бы на то, чтобы сделать операции всем нуждающимся безнадежным больным.

А какой национальный позор, что некогда самое мощное государство мира попросту не могло обеспечить лечение таких больных на Родине? Вроде бы на закупки самого современного оборудования выделялись огромные бюджетные деньги. Но все они разворовывались, а то оборудование, которое все же доходило до больниц и госпиталей, годами пылилось на складах, поскольку на нем некому было работать.

Нет, в его будущем такой страны и такой ситуации не будет, дал он себе обещание. Он сможет сделать так, чтобы и через сто или двести лет после его смерти никто не смог жить за чужой счет, обворовывая сограждан или государство, принадлежащее всему народу. И у него в стране будет подлинный гуманизм.

Такой, когда на любое отродье в лице насильника, убийцы, педофила, предателя собственного народа или чиновного коррупционера будет тратиться ровно столько средств, сколько будет стоить пуля.

Такой, когда извращенцы будут либо высылаться из страны туда, где об их правах кто-то захочет проявить трогательную заботу, либо будут удовлетворять свои сексуальные потребности на лесоповале, обеспечивая Родину качественным пиломатериалом.

Такой, когда право критики будет иметь лишь тот, кто сам приносит стране осязаемую реальную пользу.

И, наконец, такой, когда любой порядочный гражданин будет ходить по улицам городов спокойно в любое время суток. Когда милиционера он будет встречать улыбкой и приветствием, а не гримасой страха. Когда чиновники будут служить, а не прислуживать. Когда дети безбоязненно будут гулять, бегать в школу и кружки самостоятельно, а не под прикрытием профессиональной охраны или в лучшем случае бабушек и родителей. Когда женщины будут мечтать о счастье замужества и материнства, а не о том, чтобы стать проститутками и порномоделями.

Его страна будет именно таковой. В этом и будет состоять настоящая гуманность.

Пусть современники и потомки будут считать его жестоким, но если гибель десятков людей поможет спасти тысячи, он, не дрогнув, пойдет на это. Ибо именно это и будет гуманностью. Это, а не противоположность из мира Алексея. Его мир попросту не имеет право на существование. И нет ничего странного, что он умирает. Умирает прямо на глазах его бездумных обитателей, ослепленных блеском кривых зеркал.

Странно только, что Алексей, проживший здесь уже пять лет, все еще сохраняет в себе остатки того извращенного мышления. Видимо, слишком глубоко смогла укорениться эта зараза. Ведь все понимает, многое ужасает его самого до ненависти, но до конца так и не избавился. Когда же это началось, когда стала распространяться в обществе и сознании людей эта гниль? Сейчас он ее не чувствует, хотя такие люди есть и в этом времени. Они есть всегда. Просто здесь они вынуждены скрываться, прятать свои взгляды, ненавистные любому нормальному человеку. И даже исподтишка им удается гадить лишь по мелочи. Так пусть все так же и остается. Сразу такие люди не исчезнут, должно пройти несколько поколений, чтобы муть эгоистического индивидуализма не выплескивалась за естественные берега и не руководила поведением большого числа людей. И на протяжении всех этих поколений потребуется огромная воспитательная работа. И проводить ее должны профессионалы, которых еще только предстоит воспитать. Система, которую еще предстоит построить.

Но он справится. Теперь точно справится. И Сталин, вновь прислушавшись к своему обновленному здоровому и сильному телу, улыбнулся, отложил потухшую трубку и отправился в спальню.

### **Глава 83. Гулкие шаги командора.**

Судя по всему, Гитлер также оценил встречу со "Сталиным" очень высоко. По крайней мере, определенные изменения с известной мне историей начались буквально сразу же после его возвращения в Берлин. Французская операция началась на два дня раньше срока. Уже восьмого, а не как в моем мире десятого, мая. Двумя ударами, направленными на Голландию и Бельгию, немцы открыли "горячую фазу" Второй Мировой. Конечно, таковым началом можно было бы считать и идущую уже месяц датско-норвежскую операцию Рейха. Бои в Норвегии не стихли до сих пор, а помимо непосредственно норвежской армии против вермахта в ней принимали участие и подразделения английской и французской армий, а также осколки польской. Но все же основная война началась именно сейчас. Уже первые дни боевых действий на западном направлении показали, что здесь немцы совершенно не собираются либеральничать. Любое сопротивление сначала бельгийских и голландских войск, а затем и англо-французских, выдвинувшихся навстречу немецкой армаде, подавлялось немцами максимально быстро и с примерной жестокостью, которая совершенно не наблюдалась в Скандинавии. Раззадоренные длительной и грубой информационной кампанией, направленной против Гитлера и Рейха, немцы были полны решимости делом доказать, кто здесь настоящие мужики. В течение трех дней против четырех в моей истории капитулировала Голландия, Бельгия продержалась чуть больше, целых три недели.

Тактика немцев была все той же. Перед важными объектами, которые могли быть взорваны, такими как мосты, или которые могли за счет активного сопротивления существенно замедлить поступь "немецкого командора", такими как форты и прочие укрепленные пункты обороны, немцы высаживали с воздуха парашютные соединения, осуществлявшие захват объектов, а затем мимо них уже, не снижая скорости, проносились основные ударные группировки войск, закрепляя успех и беря объекты под постоянный контроль.

Поводом для вторжения для Германии послужила старая как мир причина — "Не так сидишь, не так свиستیшь". Германия обвинила Голландию и Бельгию в нарушении статуса

нейтралитета, который, честно говоря, и впрямь воспринимался этими странами излишне односторонне. В частности все укрепления в этих странах располагались только вдоль границ с Германией, а английская авиация беспрепятственно пропускалась национальными силами ПВО в направлении рейха.

В свое время, когда я изучал, как и все в школе, историю Второй мировой войны, то всегда считал, что войну спровоцировал именно Гитлер. Только у него я видел реальные причины, требовавшие внешнего расширения государства за счет других. Здесь и национальное унижение Германии, кстати, очень сильное, после Первой мировой. Здесь и реальная потребность в ресурсах, без которых Германия, не успевшая к разделу колоний, физически не могла развиваться и была обречена. Позже я видел и другие версии, которые говорили о том, что при всей правильности такой постановки вопроса, сами сроки начала боевых действий Германии против Северной и Западной Европы были во многом вызваны внешними причинами. Имей такую возможность, Гитлер постарался бы задержать войну года так до сорок седьмого. Не уверен, что такая точка зрения полностью оправдана, но, пребывая в этом мире в качестве живого очевидца событий и следя за развитием ситуации, я бы не стал уже поспешно отбрасывать эту версию.

Начнем с того, что сама война была predetermined условиями мирного договора по итогам Первой Мировой. Этот договор либо ставил крест на будущем Германии, либо должен был рано или поздно спровоцировать взрыв ее пассионарности, что в итоге и произошло. Причем именно через те 20 лет, которые и предполагал премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж после Версальского договора 1919 года.

Но и гораздо более близкие события говорили о том, что действия немцев были во многом вынужденными, если не по логике, то по срокам. Гитлер попросту сыграл на опережение, обогнав своих противников иногда всего лишь на сутки, как это случилось в Норвегии. Если бы немецкий десант промедлил с высадкой на побережье Норвегии всего один день, то неизвестно состоялось бы это десантирование вообще. И уж во всяком случае исход операции был бы крайне сомнителен. Одновременно с немцами к берегам Норвегии выдвинулся флот и подразделения морской пехоты Великобритании. Фактически Гитлер прыгнул в последний вагон. Стоило промедлить, и Германия осталась бы без норвежской стали.

В Бельгии и Голландии происходило примерно то же самое. Формально именно немцы первыми пересекли границы этих стран. Но французские и английские части выдвинулись им навстречу практически мгновенно. Уже на следующий день после вторжения передовые части вермахта в лице 9-й танковой дивизии вступили в бой с частями 7-й французской армии. А ведь для этого последней пришлось еще пересечь всю территорию Бельгии. И кто-то может всерьез подумать, что французы мирно спали в казармах, как делали это больше, чем полгода до этого, а потом вдруг, узнав о немецком вторжении, спешно поднялись по тревоге и за сутки, пройдя Бельгию, оказались в Голландии? Не смешите. По всей видимости, к началу весенне-летней операции были готовы обе стороны. И обе видели себя атакующей стороной. Ну или, если кому-то станет от этого легче, то англо-французские войска могли назвать это планом активной обороны.

И даже тот факт, что "мозговой центр" в самый последний момент понял, что происходит что-то не то, что план дал сбой и требуется как минимум пауза, чтобы переосмыслить ситуацию, не могло ничего изменить. Так всегда бывает, когда имеет место быть гигантский замысел, разрабатывающийся на протяжении многих лет, и в который

осознанно или втемную вовлечены десятки, если не сотни тысяч людей. Никакой управляющий сигнал сверху не может пройти до исполнителей мгновенно, и нижние уровни исполнителей, не догадываясь об изменении обстановки, продолжают добросовестно исполнять последние приказы, уже противоречащие изменившейся логике замысла.

Фактически в Голландии и Бельгии Гитлер также сыграл на опережение, причем, не исключено, что это заслуга даже не его разведки, а той же английской, подбросившей в нужный момент нужную информацию. Тем более, что адмирала Канариса, главу Абвера, при желании вполне можно было бы считать и тем, и другим одновременно.

Несмотря на стремительное продвижение немцев в Голландии и на севере Бельгии операция по оккупации этих стран вряд ли была бы настолько успешной, если бы немцы ограничились только этими ударами, как во времена Первой Мировой. К такому развитию ситуации в равной степени были готовы обе стороны. О чем говорило и первое крупное танковое сражение между немцами и французами около бельгийского городка Анню, в котором немцы потеряли подбитыми 164 танка против 104-х у французов. И это при том, что всего в операции у Германии было задействовано чуть более 2400 танков против более 4000 у ее противников.

Но, видимо, проигравший всегда лучше делает работу над ошибками, чем победитель. Общий план наступления, известный как план "Гельб", предусматривал второе, неожиданное для французов, направление удара. Южнее, через Арденны. Группа армий "А" вермахта под руководством генерал-полковника фон Рунштадта стремительно преодолела арденнские перевалы, легко сбив незначительные заслоны противника, и совершенно неожиданно для него вышла фактически во фланг частям, стремящимся на север для помощи обороняющимся войскам. Удар оказался страшным. Рассеяв французские части, войска вермахта вышли к берегам реки Маас, захватив город Седан на восточном берегу реки, а затем сходу форсировали ее, овладев и его западной частью. В результате в районе Седана в течение суток после его захвата у немцев возникли два плацдарма и прорванными оказались укрепления линии Мажино, полностью обесценив огромные деньги, вложенные в ее строительство. Немцы вырвались на оперативный простор. Судьба Франции была предрешена.

Но все эти события, хоть и с незначительными временными отклонениями лишь повторяли известную мне историю. А вот в Норвегии ситуация поменялась весьма существенно. В моем мире 12 мая английский экспедиционный корпус при поддержке франко-польских частей, высадившись севернее Нарвика, а также норвежской дивизии, предпринял мощное наступление на захваченный немцами Нарвик и к 28-му мая полностью освободил этот стратегически важный город-базу. Здесь все пошло по-другому.

Позже Сталин признался, что это с его подачи один из наших генералов, участвовавших во встрече в Бресте, слил немцам информацию о готовящейся против них операции на севере Европы. Объяснив это данными нашей разведслужбы в Англии и обосновав, что действует с разрешения советского руководства, желающего таким образом на деле доказать свои слова о миролюбивом характере действий наших войск в Финляндии. Неизвестно, насколько немцы поверили, но совершенно точно решили подстраховаться, заодно доказав, что способны принимать быстрые решения и прекрасно осуществлять их на практике. В течение всего трех суток после получения данных целая парашютная дивизия была сброшена с самолетов в районе Нарвика на усиление имевшейся там группировки. А с моря к городу для поддержки наземных частей подтянулись карманый линкор "Лютцов" и легкий крейсер

"Эмден". В то же время восемь немецких эсминцев и четыре подлодки нарезали круги неподалеку, защищая старшие корабли от нападения английского флота.

Операция переброски к Нарвику дополнительных сил прошла столь стремительно и тайно, что англичане ее проворонили и с началом своего наступления угодили в ловушку, практически сразу начав нести существенные потери. В течение недели ожесточенных боев союзникам так и не удалось зацепиться в Нарвике, и они были вынуждены отойти, преследуемые немецкими частями. Фактически это был еще не разгром, но близко к тому.

Впрочем, самое главное было еще впереди. Вместе с Нарвиком англичане потеряли прекрасную базу для высадки дополнительных частей и создания мощного плацдарма для дальнейших операций, как и удобное защищенное место для эвакуации в случае провала. Именно это позже произошло в моей истории.

Преследуемые немецкими частями здесь англичане были вынуждены приступить к эвакуации на неделю раньше и из гораздо менее удобного места. Оттуда, где они и высаживались, из Харстада. Но еще печальнее было то, что эта неделя оказалась ключевой и для способности английского флота обеспечить безопасность эвакуации экспедиционного корпуса. И если на суше англичане еще могли по своей давней традиции прикрываться другими союзниками, попеременно бросая в арьергардные бои норвежцев, поляков и французов, драпая в первых рядах от наступающих на пятки немцев, то в море такого удобного прикрытия не уже было.

В море всех, кто сумел вырваться из Норвегии уже с нетерпением ожидали корабли и подводные лодки Кригсмарине, которые в отличие от спешащего на подмогу Грандфлита обладали достаточным временем для занятия удобных позиций.

Маневренные немецкие эсминцы выдвинулись далеко в море, чтобы связывать борьбой военные суда, охраняющие транспортный караван, и отсекал их от гражданских пароходов, на которых должен был эвакуироваться личный состав экспедиционного корпуса. А уже ближе к берегу беззащитные транспорты поджидали подводные лодки и крейсера. Немцы даже не стали заморачиваться с тем, чтобы дать англичанам погрузиться на суда, с тем, чтобы потом покончить с ними одним ударом. Они топили пустые корабли, спешащие на помощь своим войскам, а наземные части перемалывали своими наступающими войсками и бесконечными налетами бомбардировочной авиации, в которой имели подавляющее преимущество. Время было важнее. Командование Рейха прекрасно отдавало себе отчет в том, что пока Германия не могла на равных соперничать в море с британским флотом, уступая ему, как численно, так и качественно. Причем, это касалось не только кораблей, но и подготовки личного состава. А потому все силы были брошены на то, чтобы успеть разгромить наземные части до того момента, пока корабли Кригсмарине еще были в состоянии сдерживать англичан в море. И им это удалось в полной мере. Уже к концу мая немцы полностью овладели Норвегией, а из 25-ти тысячного экспедиционного корпуса англичан до родины смогли едва ли три тысячи выживших в этой мясорубке.

Огромные потери живой силы и техники, как и бесславный провал военной операции в Норвегии вызвали громкий скандал в Британии, который чуть не стоил поста премьер-министра Уинстону Черчиллю, назначенному на эту должность всего пару недель назад вместо подавшего в отставку его предшественника. Причем, по той же самой причине.

Но у норвежской операции было еще одно следствие, которое не имело аналога в моей истории. Воодушевленные победой немцы решили использовать смену власти в Англии и сопутствующую ей всегда неразбериху в государственных учреждениях и службах по

максимуму. Прямо из Норвегии часть освободившихся после ее капитуляции войск погрузились на транспорты и под защитой военных кораблей и подводок рванули к Исландии. Эта операция оказалась настолько неожиданной для англичан, что немцам удалось полностью подчинить себе остров, включая Рейкьявик, за считанные дни.

Англичане оккупировали Исландию буквально за пару недель до этого силами бригады морской пехоты. Происходило это при откровенном, но мирном возмущении местного населения. А потому, когда, как черт из табакерки, на острове возникли еще и немцы, то местные жители заняли позицию полного нейтралитета.

Морская пехота Великобритании поначалу постаралась оказать немцам ожесточенное сопротивление, но силы оказались очень неравными. За те пару недель, что англичане провели на острове до начала битвы, они никак не успели полноценно закрепиться и создать серьезные рубежи обороны. Даже полевой аэродром, способный принимать транспортные самолеты, был только начат, но еще не готов. А потому военным кораблям Германии, стоящим на рейде, англичанам попросту нечего было противопоставить.

После пары суток довольно вялых боестолкновений на суше и массированного обстрела с кораблей, англичане сдались и продолжили возводить укрепления. Только теперь уже в качестве военнопленных.

Увязнувшие в войне на континенте английские войска, а также массированные налеты на саму Британию немецкой авиации не позволили новостям из Исландии даже занять первые строчки английских газет. И операция возмездия оказалась отложенной в дальний ящик. Про оставленную на острове морскую пехоту попросту предпочли молчаливо забыть.

На континенте в это время разворачивались куда более драматические события. Вышедшие уже к 17-му мая (на три дня раньше) мая к устью реки Сомы в районе Абвиля передовые танковые соединения вермахта раскололи надвое позиции англо-французских войск, что послужило образованию первого в истории этой войны гигантского котла. В окружении, точнее прижатыми к морю, оказались сразу десять английских, восемнадцать французских и двенадцать бельгийских дивизий. Англичане мгновенно задумались об эвакуации, они всегда предпочитали браво отступать, попадая в сложные и невыгодные ситуации. Особенно, когда есть кому прикрыть на время их спину.

Сложность обстановки на побережье Бельгии мгновенно отразилась и на положении пытающихся в тот же самый момент эвакуироваться британских войск из Норвегии. Именно сложность обстановки на континенте не позволило британскому флоту создать требуемое преимущество на море около берегов Норвегии. Большая его часть оказалась прикованной к континентальному побережью.

События на суше разворачивались драматически.

18-го мая секретарь передал Гитлеру запечатанный конверт без каких-либо отметок. Лишь большая и затейливая сургучная печать, украшавшая конверт и контролировавшая его целостность, наводила на мысли о чем-то явно важном. Объяснить, как письмо, а внутри явно прощупывались листы бумаги, оказалось на его столе, секретарь не смог, но, ощутив конверт, распечатать его не решился и передал фюреру. Вскрыв конверт и прочитав находящиеся в нем бумаги, фюрер надолго задумался.

Теперь многое становилось понятным.

Письмо оказалось не подписано, но текст хоть и в неявной форме однозначно указывал на адресата. Англичане предлагали немцам позволить провести беспрепятственную эвакуацию английских войск из Дюнкерка и гарантировали свое дальнейшее максимально

пассивное участие в военных действиях. Также в письме содержался явный намек на то, что многолетнее финансирование восстановления германской промышленности, стоившее немало денег, было осуществлено явно не для того, чтобы два родственного народа сошлись в смертельной схватке при том, что на востоке стремительно набирало силу совершенно чуждое европейскому духу, а потому враждебное советское государство.

От каких-либо враждебных действий на континенте англичане отказывались полностью и рассчитывали, что континентальной Европой ограничится и наступательный порыв Рейха. В качестве доказательства своих серьезных намерений англичане приводили пример, что буквально на днях отказались выступать навстречу французам согласно утвержденного плана.

Такая странность в действиях противника действительно была замечена германским Генштабом, но поскольку она работала на успех немецкой операции, то размышлять над ней долго не стали.

При всем том, что само письмо было составлено в спокойном уважительном и явно дружественном ключе, Гитлер отметил про себя и намеки на явную угрозу в том случае, если он примет неправильное по мнению англичан решение. Фраза о том, что не стоит Германии, только начавшей возрождение своего державного статуса, вступать в жесткий спор с англосаксонской цивилизацией, неоднократно доказавшей всему миру свое превосходство, говорила о многом.

Гитлер надолго задумался. Письмо явно подталкивало его к решению быстро закончить европейскую кампанию и нацелиться на войну с СССР. Но при всей очевидности такой альтернативы войне с Англией фюрер интуитивно страшился этого варианта. Особенно после встречи со Сталиным. Спокойный уверенный тон его собеседника при всем дружелюбии показывал, что Сталин явно готов и к такому варианту развития событий и в завуалированной форме дал понять Гитлеру. Что это может стать его роковой ошибкой. Особенно Гитлеру, который очень многое воспринимал на невербальном интуитивном уровне, запало в голову ощущение, что говорилось все это не из-за страха перед возможным противостоянием с набирающим мощь германским Рейхом, а скорее из-за крайнего нежелания делать тяжелую и ненужную работу, не сулящую серьезных прибылей. Но работу в успехе которой Сталин не сомневался.

С таким ощущением бросаться в омут в войну против СССР Гитлеру крайне не хотелось. А потому довольно быстро он перешел к анализу перспектив развития успеха на западном направлении. И здесь он опять вспомнил про встречу в Бресте. Сталин тогда открытым текстом предлагал ему сосредоточить усилия на полноценной оккупации Франции с последующим развитием операции в Африку, что должно было решить германские ресурсные проблемы, а заодно значительно ослабить, а потом и вовсе исключить английское влияние в Средиземноморье.

Гитлер все больше склонялся к мысли, что этот вариант действительно может оказаться наилучшим. Англия может и подождать. Пусть бриты сидят на своих островах как в осажденной крепости и постоянно ожидают нападения, одновременно тщетно пытаясь защитить расплзающуюся колониальную империю. Время способно очень серьезно подточить дух нации, постоянно терпящей один за другим пусть и не смертельные, но болезненные укусы, не имея возможности нанести ответный удар.

А для блокировки контрударов с Островов будет вполне достаточно усилий подводников Деница, а также частей истребительной авиации Геринга.



Приняв для себя окончательное решение, Гитлер не стал отдавать приказа на приостановку наступления, и после взятия Булони и Кале немцы продолжили стягивать кольцо вокруг последней оставшейся в распоряжении союзников гавани, через которую можно было эвакуировать такое количество войск.

Битва получилась страшной. С каждой стороны в ней участвовали почти по полмиллиона человек. Прижатые к морю англичане, французы и бельгийцы сражались с яростью обреченных. Все прекрасно понимали, что в условиях боевых действий в лучшем случае транспорты успевают эвакуировать раненых. И даже для этого остальным приходилось сражаться не на жизнь, а на смерть. Особенно ожесточенно защищались англичане после того, как поняли, что их план провалился, и Гитлер не намерен отступить.

Но и с другой стороны им противостояли не менее озверелые воины. Уже вкусившие вражеской крови и опьяненные первыми победами, немцы, униженные и оскорбленные длительными насмешками французов, рвались в бой как сумасшедшие, сметали все на своем пути и, не считаясь с собственными потерями, берсерками рвались добить противника. Этому во многом способствовал прямой приказ Гитлера. Из всех предложенных ему вариантов, среди которых били и те, что позволяли достичь успеха малыми потерями, он намеренно выбрал самый кровавый. Гитлер прекрасно понимал, что в его окружении достаточно сильна партия сторонников сближения с англичанами, да и их прямых агентов было явно не мало. Жестокая битва и масштабные потери немецких войск от рук англичан должны были по сути блокировать влияние и какую-либо открытую активность этой партии перед началом операции на южном направлении.

Результат битвы при Дюнкерке оказался ужасающим. С обеих сторон в битве, продолжавшейся почти две недели, погибло более шестисот тысяч человек. Вместо трехсот с лишним тысяч эвакуированных в Британию в моей истории, на этот раз таковых набралось едва ли больше сорока тысяч, причем в лучшем случае это были легко раненые, способные в течение месяца вновь встать в строй. Союзники потеряли две сотни самолетов, более пятисот танков, почти три десятка кораблей различного класса, бесчисленное множество транспортной техники и артиллерии.

Но и немцы умылись своей и вражеской кровью по макушку. Почти двести тысяч убитых, огромное число раненых разной степени тяжести, около семисот танков, триста пятьдесят самолетов. Мир на секунду застыл в ужасе и безмолвии от сотворенного, переваривая эти реки крови и горы человеческих трупов. Но Гитлер, несмотря на столь значительные потери, остался доволен результатами операции. Теперь на стороне немцев была не только реальная сила и отсутствие какого-либо серьезного в Европе противника. Теперь перед его войсками, надолго опережая их, мчался "ужас, летящий на крыльях ночи". Этот ужас сковывал тела и сознание еще не вступивших в войну частей французской армии. Давно смолкли шуточки насчет сексуальной ориентации немцев, давно прекратили стекаться к дорогам по которым к фронту отправлялись новые части девушки в нарядных платьях. А сами солдаты, сменив бравый вид на обреченность и уныние, старались как можно быстрее проскочить населенный пункт, чтобы не слышать вслед возгласы сострадания.

В Англии ситуация была не лучше. Черчилль с трудом переживший очередной правительственный кризис, обратился к нации с воззванием превратить британские острова в непотопляемый авианосец и несокрушимую крепость. А заодно пообещал скорый подход новых частей из колоний и всестороннюю поддержку со стороны Канады и США.\*\*\*\*\*

Доклад о положении на европейском театре военных действий в Кремле делал маршал Шапошников. Он подробно и обстоятельно обрисовал развитие ситуации на фронтах и тех перспективах, которые имелись с учетом уже проведенных сторонами операций и их последствий.

— Таким образом, — завершил свой доклад Шапошников, — успех немецкого наступления как на западном, так и на северном направлении стал следствием почти идеальной синхронности действий на всех участках боевых действий. Союзники по антигитлеровской коалиции оказались к такому попросту не готовы и не смогли вовремя что-либо этому противопоставить. Также следует отметить великолепное взаимодействие всех родов войск германской армии, которые органично дополняли друг друга, создавая в ключевых точках стратегическое преимущество, обеспечившее победу. И нам, товарищи, в этом направлении есть чему поучиться у вермахта. На сегодня именно тесное и эффективное взаимодействие всех видов войск и вооружений является нашим слабым местом, которое необходимо срочно исправить.

— Совершенно с Вами согласен, товарищ Шапошников. Очень важный и своевременный вывод, — проговорил Сталин. Именно этот вопрос давайте обсудим подробнее.

Но сам Сталин, уже знавший об основных событиях, слушая начавшееся обсуждение вполуха, думал совсем о другом. О том, что Гитлер с доверием отнесся к информации по Норвегии и Бельгии и не прогадал. А значит теперь волей — неволей будет внимательно относиться и к другим сделанным рекомендациям и переданной информации. И это очень неплохо. Но стоит еще подождать. Дюнкеркская операция, конечно, закончилась для Германии убедительной победой, но потери огромны. И Гитлер вполне может сделать из итогов вывод, что Сталин захотел специально заманить его на бойню, чтобы существенно снизить военный потенциал Германии. Стоит внимательно присмотреться к дальнейшим шагам фюрера, еще ничего не решено.

А значит, угроза войны по-прежнему висит над страной дамокловым мечом, и к этому надо быть готовыми.

## **Глава 84.**

### **Загадки и подсказки.**

Шнеерсон вновь сидел в кабинете Сталина и недоумевал. Каждый раз, попадая в Кремль он ощущал, что совершенно не понимает, что происходит. Каждый раз он тщательно готовился к разговору, взвешивал свои возможные реплики и реакцию на них Сталина, пытался предугадать о чем захочет поговорить сам Сталин, но каждый раз поражался, насколько все оказывалось иначе. Вот сейчас, он шел сюда в полной уверенности, что знает, как пройдет беседа. Ведь главным вопросом был его рассказ о том, что поручение "партии и правительства" выполнено с блеском. Американские друзья клятвенно заверяли, что вся подготовительная работа проведена и будущему соглашению между СССР и США ничего не угрожает. Стоит советскому МИДу инициировать официальное предложение о таком договоре, как оно мгновенно найдет положительный отклик во всех кругах американского истеблишмента, и ему будет дан зеленый свет на всех уровнях, включая президента. Был и еще один вопрос, который он хотел обсудить, связанный с темой предыдущего разговора, но по нему он также не ждал никаких сложностей.

Однако, реальность оказалась совершенно иной. Нет, с теми вопросами действительно не возникло никаких сложностей. Но сам Сталин снова смог удивить. Да еще как. Во-

первых, он был не похож на самого себя. Не внешне, нет. Внешне он совершенно не изменился. Но Шнеерсон владел истинным зрением, и вот в нем Сталин выглядел совершенно иначе. Он буквально лучился деятельной энергией, которая мгновенно захватывала собеседника в свои мягкие объятия и уже не отпускала. Будучи сам далеко не слабым в этом плане человеком. Шнеерсон и раньше чувствовал энергетику советского вождя очень явственно, но никогда он не ощущал себя мухой, попавшей в плотную паутину. Никакой опасности при этом он не чувствовал, но отстроиться, отгородиться от сталинского напора никак не получалось. А главное даже невозможно было подумать о том, чтобы слукавить хоть в одной мелочи.

— Значит, Вы говорите, товарищ Шнеерсон, что в Америке все подготовлено для официального обращения Советского Союза с предложением о заключении двустороннего договора, о котором мы с Вами беседовали в прошлый раз?

— Да, товарищ Сталин. Именно так и обстоят дела. Меня уверили, что никаких трудностей не будет ни по дипломатической, ни по лоббистской линии.

— Это очень хорошо, товарищ Шнеерсон, Вы очень хорошо поработали. Передайте пожалуйста всем участникам этого мероприятия поздравления и наилучшие пожелания. Мы также серьезно подумаем о каком-нибудь ощутимом поощрении для всех. Хотя не думаю, что это надо делать публичным процессом.

— Благодарю, товарищ Сталин, наши товарищи действительно знатно потрудились. И я совершенно с Вами согласен, что это не стоит афишировать. Помимо этого, товарищ Сталин, я хотел Вам сказать, что уважаемые люди нашей общины обсудили внимательнейшим образом тот вопрос, который Вы задавали мне в прошлый раз. И у нас есть на него промежуточный ответ, который я хотел бы до Вас донести.

— Промежуточный, говорите, товарищ Шнеерсон? То есть ответ есть, но не окончательный, я правильно Вас понял? То есть вы еще можете передумать?

— Нет, товарищ Сталин. О передумать речи не идет. Просто ответ, который мы готовы дать сегодня не отражает всего перечня частных вопросов, которые явно или косвенно содержал тот вопрос. Сегодня мы готовы ответить свое твердое "Да" по одному, скажем так, из пунктов этого вопроса. В случае нападения кого-либо на СССР евреи, входящие в наши общины, примут полное участие в защите страны, как и весь советский народ. Это ведь уже и наша страна, товарищ Сталин. Она стала нашей и уже очень многое нам дала. Гораздо больше, чем мы могли и мечтать еще лет десять назад. Мы будем ее защищать до последней капли крови. Потому что прекрасно понимаем, что если вдруг случится несчастье и Советский Союз падет, наше счастье закончится вместе с ним.

— Ну что же, товарищ Шнеерсон, Вы оправдали наше доверие и нашу помощь Вашему народу. Я скажу честно, я надеялся на такой ответ. И я рад, что не ошибся ни в Вас лично, ни в общине, ни в тех решениях, которые советское руководство приняло несколько лет назад. Но Вы сказали, что ответ промежуточный?

— Да, товарищ Сталин. По другой части вопроса, мы пока не готовы ответить положительно. Мы не готовы раствориться в советском народе, потеряв национальную и религиозную идентичность. По крайней мере пока. Но мы очень надеемся, что дверь будет оставаться открытой еще долго. Ведь Вас же устраивает то, как советские евреи помогают развитию всего СССР?

— Теперь я Вас понял, товарищ Шнеерсон. Вы действительно можете не опасаться, что упомянутая Вами дверь захлопнется. И все же будет момент, когда выбор сделать придется.

Мы не будем сейчас говорить о причинах, которые могут к этому подтолкнуть. Не время. Но такой момент обязательно настанет. И тогда времени на раздумья уже не останется.

— Спасибо за откровенный ответ, товарищ Сталин. Мы обязательно продолжим думать над этим вопросом. И я надеюсь, придем к правильному решению.

Скажите, товарищ Сталин, а почему Вы вообще столько внимания уделяете советским евреям? Мы, конечно, благодарны Вам за это без всякой меры, но нас продолжает несколько тревожить то непонимание причин, которое побудило Вас к этому. Вы же не откажете нашему народу в известной толике ума и сообразительности. Для нас редко возникают загадки, которые мы не способны решить. И это одна из них. Вы таки подарили нам сказку, практически Ерец Израэль, да еще в двойном размере. Но за что? Вы, конечно, имеете с этой сказки, простите, свой гешефт и свой профит. Где бы Вы еще нашли столько готовых толковых управленцев, да еще с международными связями, да еще и тех, за которых несет ответственность большая община? Все это так. Но это совершенно ничего не объясняет. Масштабы просто не сопоставимы. Товарищ Сталин, мы в смущении и не знаем, что думать.

Сталин слушал эту пламенную речь с веселой ухмылкой.

— А знаете, товарищ Шнеерсон, я не буду раскрывать Вам ответ на эту, как Вы выразились, загадку. Не буду. Но я дам Вам возможность разгадать ее самому. Может быть не сразу, но, уверен, Вы это сделаете. А пока могу дать первую подсказку. Как у Вас обстоят дела на Сахалине?

— На Сахалине? — ребе удивлено запнулся, совершенно не ожидая столь резкой смены темы разговора. — На Сахалине у нас все хорошо. Обжились, отстроились, начали развивать потихоньку ремесла и местные промыслы, готовимся к добыче нефти на разведанных месторождениях. Как я Вам уже докладывал раньше, мы связались с нашими американскими друзьями и на суммы тех комиссионных, что наши люди зарабатывают на американских предприятиях, принадлежащих СССР, мы активно покупаем строительную технику и материалы. Скоро Сахалин преобразится. Уже через несколько лет нам будет не стыдно пригласить туда государственную комиссию.

— Это прекрасно, товарищ Шнеерсон, что мы в Вас и здесь не ошиблись. А как у Вас с японцами, конфликтов на границе не бывает?

— Да какие конфликты, товарищ Сталин. Те японцы как дети малые. Они, конечно, все из себя самураи, готовые все как один умереть за своего императора, но ведь не от голода и холода. А их там бросили можно сказать, крестьян немного подкинули и все, мол, на самообеспечении. А что там эти крестьяне? Ну ковыряются в земле, да много ли там вырастишь? Рыбу ловят, но и той немного. А наш народ, Вы же знаете, вкусно покушать очень даже уважает. И с материком у нас связи хорошие налажены. Только боже упаси Вас что-то подумать, товарищ Сталин. Все официально, по государственным каналам. Ну мы и подкармливаем немного этих бедолаг. На границе-то, стоим, конечно, друг против друга с оружием и глядим в оба. Но движению мирных торговцев, обоюдно не препятствуем. Смешно сказать, но японцы у нас даже тепер сапоги для солдат заказывают. Отличные сапоги, говорят, не чета ихним. Берут, даже за месяц вперед уже заказывают и платят сразу.

Сталин улыбнулся.

— А насколько Вашим людям понятна японская ментальность?

— Вы хотите спросить смогли бы евреи укорениться среди японского общества? — в свою очередь улыбнулся Шнеерсон, — это очень сложно, но нет ничего невозможного. В конце концов наш народ имеет в этом деле такой опыт, которого не имеет ни один другой. А

это реально требуется?

— Скажем так. Было бы очень неплохо, если бы еврейские общины образовались в Японии и парочке-троечке крупных центров Китая. Скажем, с Шанхае, Пекине и Гуанджоу, который еще называют Кантоном.

— Национальные истоки не является, как я понимаю, приоритетом? Важна иудейская община, находящаяся в прямой и постоянной связи с остальными общинами мира? Я правильно понял Вашу мысль, товарищ Сталин?

— Исключительно точная формулировка, товарищ Шнеерсон. Это реально?

— И сколько у нас есть времени? Вы же понимаете, что за один день такие дела не делаются?

— Разумеется. Думаю, несколько лет у Вас есть, но все зависит от того, насколько эти общины укоренятся.

Шнеерсон внимательно посмотрел на Сталина. — Понимаю. Но Вы же не планируете сделать из мирных евреев чудо-разведчиков?

Нет-нет, об этом речь не идет. Более того, особой связи с СССР даже не должно быть. Вполне достаточно того, чтобы это были именно иудейские общины. Пусть занимаются чем хотят. В русле того, как обычно укореняются евреи в любом обществе.

— И это есть Ваша подсказка, товарищ Сталин?

— Это именно она. Только не стоит делать скоропалительных выводов. Думайте не спеша, товарищ Шнеерсон.

— А другие подсказки будут? А то в голову такое лезет, что и подумать страшно.

— Бояться не надо, товарищ Шнеерсон. Никто Вашему народу ничего плохого не желает. А насчет подсказок... Будет Вам еще одна подсказка. Вы когда выйдете из здания, там недалеко от входа Вас будет ждать Велимир. Вы должны помнить этого волхва. Вот с ним пообщаетесь, прогуляетесь, погода сейчас хорошая. Глядишь и еще одна подсказка появится.

Ребе Шнеерсон всегда считал себя сильным и смелым человеком. Но здесь он вздрогнул. Конечно он помнил того волхва, который присутствовал на его первой встрече со Сталиным. И если сам глава государства со всей своей жесткостью и мощью вызывал у него трепет, то этого волхва он откровенно боялся. И даже не стеснялся себе в этом признаться. От него разило такой силой, которой ему нечего было противопоставить.

Сталин заметил смятение раввина и поспешил его успокоить.

— Не стоит так волноваться, товарищ Шнеерсон. Встреча с Велимиром ничем Вам не грозит. Это была моя инициатива. Именно для того, чтобы Вы получили очередную порцию к размышлению. Просто Ваш разговор будет о темах, в которых я лично знаю слишком мало, чтобы вести на них беседу самостоятельно. А вот вы оба в них понимаете намного больше. Так что удачи Вам, товарищ Шнеерсон. До новых встреч.

Ребе медленно спустился во двор Кремля и практически сразу увидел стоящего неподалеку волхва. Тот в свою очередь заметил Шнеерсона и медленно пошел ему навстречу. Улыбчивым или даже благожелательным его взгляд было назвать нельзя, скорее это было равнодушие, смешанное с небольшой толикой серьезности.

— Здрав будь, раввин, — поприветствовал Шнеерсона подошедший волхв. Надолго я тебя не задержу, так проясним один вопрос и все.

— И тебе здравствуй, волхв, — ответил внутренне подбравшийся ребе.

— Давай прогуляемся, а заодно и переговорим. Скажи, насколько ты знаешь истинную

историю своего народа?

Что себе не передумал Шнеерсон за то время, пока шел на выход из кабинета Сталина, но такого вопроса он точно не ожидал.

— Тебе как, от Адама или от Авраама начать? — усмехнулся ребе.

Волхв задумчиво посмотрел на собеседника.

— Нет, я же сказал, настоящую историю, а не ту, что вы всему миру втюхали под именем "ветхий завет".

Теперь уже задумался Шнеерсон.

— Ты имеешь в виду времена до Египта?

— Разумеется. Что ты вообще знаешь о древних цивилизациях?

— Увы, слишком мало. Что может знать простой раввин из маленького села Смоленской губернии? Только то, чему учили в синагоге. Конечно, раввин должен знать больше, чем простой правоверный, но я как-то не особо задумывался о такой древности. Тебя же явно не заинтересует история о расселении трех сыновей Ноя после потопа?

— Да уж. Эти сказки мы, пожалуй, оставим другим.

— Тогда, может быть, ты мне поведаешь истину? — усмехнулся ребе.

— Поведаю, поведаю, отчего же нет? — кивнул Велимир. — Только перед этим еще один вопрос. Сейчас можешь на него не отвечать, просто подумай после. Найдешь правильный ответ, это и будет тебе самой большой подсказкой.

— Что за вопрос?

— Зачем Велес, которого вы называете Яхве, создал народ еврейский, выделил его из остальных, дал ему совершенно особую судьбу? Должна же была быть цель у Бога для не самого, а не просто прихоть, по которой он взял маленькое и невзрачное племя и так возвысил только из-за обещания верить в него всей душой. Как думаешь? Только не говори мне про власть над миром, оставим это для синагоги и ее прихожан. Скучно.

Ребе помолчал и кивнул.

— Вопрос понял, подумаю. А как насчет истории.

— Только сразу скажу, не обижайся. Нет у меня желания унижить или оскорбить тебя или народ твой. Буду говорить, как есть. А ты при случае покопайся в своих самых древних да тайных рукописях, может и найдешь что.

Евреи как маленькое, но самостоятельное, племя возникли на острове Ланка. Среди многочисленных потомков древних Гипербореев. Англичане называют этот остров Цейлон. Было это более пяти тысяч лет назад. Когда племя разрослось, оно перебралось на материк, в Индостан, где пополнило ряды самой низшей касты — неприкасаемых. И так продолжалось долго. После битвы на поле Куру, в которой евреи приняли участие на стороне Кауравов и проиграли, они бежали со ставшего безжизненным полуострова Индостан на запад, пока не приютились в Египте. С этого момента они попадают под влияние жрецов потомков Атлантической цивилизации. С помощью пришедшего из Эфиопии и получившего жреческое образование в Египте Моисея, твое племя начинает свой особый путь. Путь боевого отряда жрецов Атлантиды. Собственно это все, что я хотел тебе сказать. Иди и думай над тем вопросом, что я тебе задал. Только крепко думай. От ответа на этот вопрос зависит многое и в твоей судьбе, и в судьбе твоего народа. Не ошибись.

— А как я смогу узнать правильный ответ?

— Ты должен услышать его в своем сердце, — усмехнулся волхв, кивнул на прощанье и, не дожидаясь ответного кивка, быстрым шагом направился к выходу за территорию Кремля.

А вот раввин еще несколько минут молча стоял на одном месте, задумчиво глядя вслед Велимиру.

## Глава 85.

### Что нам стоит, дом построить?

— Товарищ Сидоров, можно Вас на пару слов?

— Конечно, товарищ Берия.

— Давайте выйдем в коридор, чтобы не отвлекать Александра Николаевича от дел.

Мы вышли из приемной Сталина. Берия только что освободился и поймал меня, выходя от Вождя, ожидающего своей очереди. Вид у него был слегка взъерошенный.

— Алексей, — произнес он, когда мы остались одни, — что случилось с товарищем Сталиным?

— А что с ним произошло?

— Если бы я не знал его столько лет, то подумал бы, что его подменили. Он как будто скинул лет тридцать и так и брызжет молодым задором и силой. От него исходит буквально физическая волна энергии, которая просто подавляет. Он и раньше этим отличался, но разница потрясающая.

— Думаю, Лаврентий Павлович, что не стоит переживать по этому поводу. Я уж и вправду испугался, что что-то случилось. Точно не знаю, могу лишь догадываться о причинах, но даже догадки высказать не вправе. Прошу не обижаться. Можете задать этот вопрос самому товарищу Сталину.

— Да задал, он лишь хитро улыбнулся и посоветовал заняться собственным здоровьем, дескать оно мне еще понадобится.

— Не волнуйтесь, если это то, что я думаю, то все нормально. Очевидно, нам всем придется привыкать теперь к новому более сильному и решительному образу Вождя.

Берия внимательно посмотрел на меня, потом покачал головой и, слегка взмахнув рукой, попрощался и пошел на выход. Я же вернулся в приемную.

— Товарищ Сидоров, проходите в кабинет, товарищ Сталин только что про Вас спрашивал.

Сталин действительно выглядел гораздо бодрее, чем обычно. Перед ним на столе лежали папки, которые несколько дней назад я передал ему на изучение. С учетом встречи с Гитлером мне с трудом, но все же удалось уложиться в месяц, который Сталин отвел мне для работы.

— Присаживайтесь, товарищ Алексей. Ну и понаворотили Вы тут. Впрочем, есть очень интересные мысли, которые я хотел бы обсудить подробнее. Давайте начнем с того, как Вы видите общую конструкцию управления государством, товарищ Алексей. — Сталин пододвинул к себе одну из папок и открыл ее. Краем глаза я заметил, что весь мой текст испещрен сталинскими пометками и надписями. Чувствовалось, что он не просто проглядел материал, а очень серьезно с ним поработал и теперь готов к "битве". Интересно было бы знать, что ему пришлось по душе, а что вызвало неприятие. Впрочем, сейчас разберемся.

— Товарищ Сталин, я бы хотел начать не с самого верха, а с общей логики построения. Причем, по уровням. Начнем с верхнего. У нас есть несколько взаимосвязанных, но все же отдельных сфер управления и самоорганизации общества. Назовем их условно так. Социальная сфера отвечает за организацию жизни в стране на всех уровнях и выработку правил поведения в обществе, то есть законотворчество. Идеологическая сфера отвечает за целеполагание и определение векторов движения к поставленным целям, а также

разъяснение людям на всех уровнях этих целей и особенностей текущего этапа движения. Экономическая сфера отвечает за производство материальной базы для удовлетворения жизненных потребностей человека и обеспечение идеологии материальным инструментарием для достижения поставленных целей. Вот, пожалуй, и все на этом уровне. Экономика заботится о, так сказать, ТЕЛЕ общества, социальная сфера о ДУШЕ, а идеологическая сфера о ДУХЕ.

— У Вас, товарищ Алексей, прямо-таки религиозная Троица нарисовалась.

— Так ведь весь мир по образу и подобию устроен. И это не христианская истина, это вечная истина. "Что вверху, то и внизу, что в большом, то и в малом", — это еще Экклезиаст говорил. Весь наш мир есть триединство понятий, образующих целостность.

— Хорошо, а куда Вы денете армию, милицию, прокуратуру, суды?

— Вы сейчас затрагиваете несколько иной уровень понятий, товарищ Сталин. Вы говорите о функции защиты общества как от внешнего врага, так и от внутреннего врага или отщепенца. Но при всей важности вопроса это всего лишь функция, а не принцип самоорганизации. Смотрите. Идеология говорит нам, куда мы идем, зачем мы идем туда, куда выбрали, а также какой путь и почему является лучшим, чтобы дойти до цели. Социальная сфера, это своего рода порядок движения, форма колонны, а также внутреннее и внешнее взаимодействие в процессе движения. Экономическая сфера это наше материальное обеспечение движения, продукты, одежда, снаряжение, транспорт.

Когда Вы говорите о функции защиты, то смотрите, что получается.

Определение того, кто нам друг, а кто враг, это задача идеологии. Иначе мы можем лесного татя принять за мирного пилигрима и пропустить исходящую от него угрозу, а мирного путника. Напротив, посчитать бандитом и убить, взяв грех на душу.

Организация боевого охранения колонны в пути и отрядов самообороны это задача социальной сферы. То есть всего общества по выявлению из своих рядов наиболее приспособленных к этому воинов, их организация, а также определение их статуса и взаимодействия с другими социальными группами, то есть наделение их задачами, правами и обязанностями.

А вот материальное обеспечение этой охраны и отрядов самообороны, чтобы они в нужный момент не оказались перед врагом без качественного оружия и доспехов, это уже задача экономики.

Сталин помолчал, подумал, потом махнул рукой. Ну хорошо, давайте рассуждать дальше. Пока смотрится убедительно.

— Прежде, чем спуститься на уровень ниже и перейти к задачам, мы сначала должны подняться на самый верх. Раз у нас есть три сферы управления, то должен быть единый координационный центр, связывающий все три в монолитную структуру, действующую по единому плану.

— Единый центр, это правильно, но как его сформировать? Я прочитал у Вас, что это должен быть некий коллективный орган, имеющий лидера. Как Вы себе его видите?

— Безусловно, это должен быть коллективный орган управления, в котором были бы представлены все три сферы. По несколько человек от каждой, плюс еще один от идеологии. Возглавляться этот орган должен представителем идеологической сферы управления. А вот выбирать его из нескольких предложенных кандидатур должны все три сферы.

— К технологии управления мы вернемся позже. А пока давайте о главном. Почему именно управленец от идеологии должен быть главным?



Товарищ Сталин, давайте вернемся к образу Троицы, а точнее обыкновенного человека, в котором есть тело, душа и дух. Вы же как выпускник духовной семинарии должны знать это разделение. Да и мы с Вами не раз об этом беседовали.

— Не выпускник, а ученик, но да, знаю. И наши беседы тоже помню, продолжайте, товарищ Алексей.

Что получится, если рулить будет экономист, то есть представитель "Тела"? Ничего хорошего не получится. Тело всегда подвержено сиюминутным желаниям и соблазнам. Если человек будет думать потребностями тела, то все свои усилия он направит не на движение к цели, которая прежде всего духовная величина, а на скорейшее удовлетворение всех своих материальных потребностей. Затем все силы будут брошены на получение удовольствий, а потом, когда первоначальный голод отступит, человек начинает осматриваться по сторонам, видит, что кто-то из окружения достиг в материальном плане больше, и у него возникает зависть. Его достижения больше не радуют, он раздувает в себе новые потребности и все усилия бросает на их достижения. И так круг за кругом человек начинает превращаться в животное. Именно так, собственно, и произошло в моем мире. Как только мыслями и мечтами человека завладело безудержное потребление, которое даже получило отдельный термин "потреблятьство", так мгновенно весь мир сошел с ума и с возрастающей скоростью цивилизация покатила под откос. Так что экономику или "тело" до власти допускать никогда нельзя. Помните, я сравнил эту область с материальным обеспечением похода. Именно так это и должно быть. Ведь не сапоги и не банка тушенки в рюкзаке определяют куда идти, а человек, который несет их на себе.

— Какое интересное и точное слово Вы придумали. Звучит вульгарно, но суть отражает идеально. Продолжайте.

— Гораздо менее очевидным выглядит порочность организации, возглавляемой представителем социальной сферы, являющейся в нашем случае аналогом души. Но душа человека всегда двойственна. Вы наверняка слышали названия "темная душа", "светлая душа". Душа всегда обуреваема эмоциями, чувствами, желаниями. Они не столь изменчивы и примитивны, как желания тела, но они могут быть направлены как вверх, к Свету, к Богу, так и вниз, во Тьму. Если руководить обществом будет его коллективная душа, то такое общество становится автоматическим заложником ее желаний. И если эти желания будут светлыми, направленными на духовное развитие, общество будет процветать, если же нет, то общество неизбежно погрязнет в пороках и разложении. Но вниз, с горки всегда катиться легче, чем карабкаться на кручу. А потому даже из самых лучших побуждений душа рано или поздно поведет общество вниз. Мы же не можем устранить из человека всех изменчивых желаний. Они ему свойственны и органичны. Если не контролировать этот процесс постоянно, если не тянуть человека вверх буквально за шкуру, а дать ему развиваться свободно и бесконтрольно, то человек почти всегда выберет грязь. Вся история человечества свидетельствует именно об этом. Самые великие империи распались и сгнивали изнутри. Именно это было причиной их падения. Варвары лишь довершали процесс, уже утративший жизнеспособность.

— Да, не слишком высокое мнение у Вас о человеке, товарищ Алексей.

— так ведь за примерами далеко ходить не надо. Взять, например, простого крестьянина. В своей общине он был прекрасным хозяином, жившим в мире и взаимоуважении с соседями. Что не мешало ему при случае, взяв топор или вилы, выйти на большую дорогу, чтобы ограбить, а то и убить случайного прохожего. И, заметьте, никаких

угрызений совести. А мало ли в революцию было примазавшихся, которые использовали свое положение и мандат, чтобы грабить, насиловать и убивать невинных?

— Но ведь были и другие.

— Да были и есть. Но таких, увы, всегда меньшинство.

— Значит, Вы уверены, что руководить обществом непременно должна идеология?

— Да, товарищ Сталин. Идеология это всегда проявление Духа, то есть частицы Всевышнего, которая есть в каждом из нас. И в отличие от тела и души, эта частица одинакова в каждом человеке и полностью лишена эгоистичных желаний. Когда во главе угла стоит цель, когда путь к этой цели определен, когда процесс движения к ней постоянно находится под контролем, только тогда общество получает серьезный шанс на долгосрочное и уверенное развитие.

— Но ведь и в этом случае руководить будут обыкновенные люди. А они тоже подвержены всем порокам, желаниям, соблазнам. У каждого из них есть тело и душа. Как же можно гарантировать, что эти люди будут руководствоваться своим духом, а не другими составляющими своего естества?

— Гарантировать такое может только постоянный контроль. И очень тщательный подбор людей на руководящие должности. Фактически в обществе должна существовать мощная многоуровневая система, подбирающая на руководящую работу только тех, кто живет духом. Эта система должна быть создана в идеологической сфере управления. Когда человек всю свою жизнь находится на виду, он не сможет скрыть свою сущность.

— Здесь есть над чем подумать. Пока не готов возражать, но и не готов однозначно согласиться. Конечно, такая система должна быть, но вот как заставить работать ее без сбоев и ошибок. Ведь стоит хоть раз допустить ошибку, стоит позволить человеку с низменными наклонностями занять руководящий пост, как он мгновенно начнет подбирать для себя таких же помощников. Разве не так произошло в Вашем СССР, товарищ Алексей?

— Не совсем так, хотя похоже. Но у нас в отличие от того моего мира есть одно важное отличие, позволяющее надеяться, что мы сможем избежать подобного.

— Да? И Что это?

— Идеологическая сфера там была представлена коммунистической партией. И только ей. В нашем случае она будет представлена двумя независимыми направлениями, перекрестно контролирующими друг друга. Это партия и православное жречество. Задача Православия объяснять человеку всю картину и устройство Мироздания, вести его к Богу так, чтобы человек с каждым шагом все больше открывал Бога в себе. На определенном уровне в этой сфере уже просто не остается место Лжи, Кривде. Правда видна даже тогда, когда человек всеми силами пытается ее скрыть. Православие должно отвечать за образование и наиболее долгосрочные цели, за духовное развитие человека. А у коммунистической партии совершенно иная задача. Это краткосрочные цели, это выбор пути, это разъяснительная и просвещенческая работа касательно современной социальной организации. И, что самое главное, это контроль соответствия идеологическим целям и выбранному пути всего, что происходит в социальной и экономической сфере.

— В общих чертах понятно, хотя здесь еще очень многое надо будет додумывать и разрабатывать. В частности как контролировать саму идеологическую сферу. Перекрестный контроль между православным жречеством и коммунистами это отлично, но достаточно ли?

— Есть еще одна задумка, но она выходит за рамки чистой идеологии. Помните, мы когда-то давно говорили о создании Ордена хранителей? Вот именно он и должен

осуществлять окончательный контроль, вмешиваясь тогда, когда обычные инструменты дают сбой.

— Это из выпускников наших специнтернатов?

— Да, именно из них. В отличие от всех остальных у них нет низовых социальных привязанностей. Делаящих их пристрастными. Они должны быть на четком гарантированном обеспечении государства, по сути всего общества. А помимо этого пряника наказание для любого, изменившего принципам и задачам Ордена наказание только одно — смерть.

— Жестко, но идея неплохая, подумаем. А пока давайте в двух словах о том, как Вы видите организацию социальной сферы.

— Как некий аналог советской выборной системы. Но с очень существенными отличиями. Во-первых, это должна быть не индивидуализированная выборная система, а коллективная. Выбирать должны не индивидуумы, а Роды. Для этого у каждого человека должен быть собственный выборный коэффициент, зависящий от его личных достижений, от величины его рода и от коллективных достижений Рода.

— Да, я читал это у Вас в докладе, но не увидел, как именно Вы планируете рассчитывать эти коэффициенты. Хотя сама идея мне нравится.

— Товарищ Сталин, я пока остановился только на самой идее, просто не успел даже приблизительного варианта рассчитать и предложить.

— Хорошо, можно эту работу даже снять с Вас и подкинуть нашим ответственным работникам социальной сферы. Пусть тоже подумают. Как думаете, товарищ Калинин справится?

— Думаю, да. Он прекрасно провел тогда "Родовой съезд". Ему и карты в руки.

— Хорошо, товарищ Алексей, так и поступим. А по экономике мы подробнее поговорим в следующий раз. Спасибо Вам за отличную работу, товарищ Алексей. Есть над чем думать, но очень много перспективных идей, которые я полностью разделяю. Продолжайте прорабатывать детали. У нас не так много времени, чтобы перейти к реализации наших планов по переустройству общества. Война накладывает свой отпечаток, нам и так придется решать, какие изменения начинать внедрять уже сейчас, а какие придется отложить до послевоенного периода, чтобы не оказаться со спущенными штанами в момент нападения врага.

— Товарищ Сталин, Вы думаете, что нам все же не удалось отвести от себя угрозу нападения Германии?

— Надеюсь, что удалось. Гитлер потерял много солдат в Бельгии. Это должно заставить его задуматься и искать более экономичные пути для продолжения экспансии, но мы пока не можем быть уверены ни в чем. Вот если он всерьез полезет в Африку, перекроет Гибралтар и Суэц, только тогда мы сможем вздохнуть спокойней. Но и мы не будем сидеть без дела. На конец лета запланированы масштабные учения, призванные показать нашу мощь и заставить забыть о возможности нападения на СССР.

— А не опасно светить наши новые разработки?

— Так мы же не будем светить их все. Только тот минимум, который заставит врага задуматься. А заодно намекнем, что показали только то, что уже имеется в серийном производстве. А сами учения подгадаем под момент, когда сговор между англичанами и немцами станет уже невозможным. Кстати до этого, товарищ Алексей, Вам, видимо, придется посетить Японию.

## Глава 86. Выбор стратегии.

Гитлер, еще взбудораженный головной болью, которую только что устроил своему Генеральному штабу, и той экспрессией, которую вывалил на генералов за огромные потери в бельгийской операции, медленно остывал и успокаивался в тиши своего кабинета. Приказав себя не беспокоить, он уселся в кресло и уставился в одну точку. Ему необходимо было подумать. Будущее представлялось ему размытым и неопределенным. Как будто он стоял перед развилкой, и от выбора правильного направления пути зависел успех всего его замысла. Но прежде стоило уже без крика и необходимого в таких случаях накручивания хвоста подчиненным разобраться в том, что уже произошло.

А подумать было над чем.

Он размышлял, что, возможно, поддался на магию Сталина и поступил в соответствии с его советом, бросив все силы на скорейшее уничтожение окруженной в районе Дюнкерка группировки союзников. И в результате немецкая армия хоть и одержала убедительную победу, но понесла огромные, можно сказать, неприемлемые потери. Даже отдавая приказ сделать битву кровавой, чтобы заблокировать какие-либо попытки навязать ему примирение с Англией, Гитлер ожидал существенно меньших потерь. И вот теперь ему предстояло решить для самого себя, был ли такой шаг оправданным. Не явилась ли подсказка Сталина ловушкой, призванной нанести Германии непоправимый урон? От ответа на этот вопрос зависело слишком многое.

Гитлер еще раз задумался об имевшейся накануне битвы альтернативе. Можно ли было пойти иным путем? Видимо, да. Некоторые генералы в Генштабе даже предлагали такой выход. Остановить наступление, заблокировать возможность наземного прорыва и утюжить прижатые к побережью войска союзников дальнобойной артиллерией и авиацией. Некоторые оптимисты заверяли в лице Геринга, что смогут силами одного люфтваффе уничтожить всю группировку противника. Однако, трезвые расчеты показывали, что все не столь радужно. При таком варианте операции союзники успевали фактически создать довольно мощный укрепленный район и успеть эвакуировать подавляющее большинство личного состава на территорию Британии или свободную зону Франции. Да немцы могли бы обойтись совсем незначительными человеческими потерями. Хотя и это не совсем очевидно. Линия фронта между немецкими и французскими войсками находилась не слишком далеко для того, чтобы союзники не могли попытаться прорвать фронт и прорубить в немецкой обороне коридор до дюнкеркского плацдарма. Это было вполне возможным, тем более, что германская армия была нацелена и сформирована таким образом, чтобы стремительными ударами самой прорывать оборонительные рубежи противника, расчленять его и добивать по кускам. Но она же при этом мало подходила для того, чтобы самой отражать массивные наступательные действия французов.

Также невозможным было и заблокировать постоянный подвоз продуктов и боеприпасов к осажденным. Фактически гарантированный шанс на успех мог быть только при быстрой ликвидации плацдарма. И здесь надеяться на то, что даже тысячи ежедневных самолетовылетов храбрых асов люфтваффе могут быстро уничтожить противника, не приходилось. Да и не было пока такого количества асов. Да, были летчики, прошедшие школу боев в Испании, но таких немного. А большинство впервые увидели реальный бой в воздухе меньше месяца назад в небе Бельгии и Голландии. Если бы можно было гарантировать господство в небе, еще можно было рискнуть. Но, увы. Дюнкерк плотно прикрывала в воздухе авиация союзников, поддержанная зенитками подошедших к берегу

судов грандфлита.

Но самая главная опасность таилась в другом. По оценкам штаба даже если союзники не стали бы настаивать на сохранении плацдарма любой ценой, а предпочли бы скорейшую эвакуацию своих войск, то из полумиллиона солдат и офицеров они были бы способны переправить в Британию и Францию не менее трехсот, а то и четырехсот тысяч человек. И все эти войска рано или поздно все равно встали бы перед германским солдатом. Только произошло бы это на более укрепленных рубежах. И прорыв этих рубежей обошелся бы Германии значительно дороже. Военная теория утверждает, что прорыв хорошо оборудованной обороны противника может стоить до трех человек против одного защитника. Да, Германия сумела доказать ошибочность этой статистики. И при прорыве линии Мажино, и при атаке Дюнкерка немцы потеряли даже меньше, чем обороняющийся противник. И если в случае с Дюнкерком еще можно что-то скинуть на спешно подготовленную оборону, далекую от совершенства, то уж с линией Мажино этот аргумент совершенно не работает. Немецкий солдат лучший солдат. И при всей кошмарной численности потерь вермахт сумел перемолоть в этой мясорубке в два раза больше живой силы противника. Это ли не успех? Тем более, что противостояли вермахту не желторотые юнцы, а дивизии первого эшелона, составленные из проверенных опытных бойцов. Гитлер представил себе, сколько бы человек он мог потерять в боях за Англию, если бы все эти триста-четырееста тысяч погибших в Дюнкерке обороняли бы Острова при высадке немецкого десанта, и даже поежился. Слишком фантастической выглядела прогнозная цифра. И даже тот факт, что он не собирался проводить немедленную операцию по захвату Британии играл против него. Все эти сотни тысяч, среди которых было полно раненых разной степени тяжести, за время отсрочки пока направление главного удара переносилось на Юг, могли бы вылечиться и встать в строй полноценными солдатами, имеющими жестокий реальный опыт боев и способными доставить в будущем не мало проблем и не только в самой Англии, но и в Африке. Теперь же этот вопрос решен окончательно.

А собственно чего он так распереживался? Да, победа в Бельгии и Голландии далась нелегко. Но ведь победа. Да еще какая. Англия теперь точно запрется на своих островах и будет бояться высунуть даже нос, зализывая раны от такого разгрома. Тем более, что этот разгром случился на всех направлениях сразу. И в Норвегии, и в Исландии, и на Континенте. Франция? Да она сегодня даже в гораздо худшей ситуации, чем Англия. Оборонительные рубежи, стоившие казне сумасшедших денег, прорваны в нескольких местах и без особого напряжения. Фактически для Германии уже открыты любые дороги для продолжения победоносного наступления. Так что это, пусть и кровавая, но бесспорная и убедительная победа. Придя к такому выводу, Гитлер слегка расслабился. Конечно, он правильно "построил" генералитет, а то тот уже начал задирать нос от первых победных репортажей. Пусть охладится. Но сделано все верно и единственно правильным образом. Да, жертва немалая, но вряд ли теперь у кого-то в Европе найдутся яйца, чтобы встать на пути шествия Рейха. Боги услышали, приняли жертву и даровали победу. Да, именно так мы и объявим об этом нации. Народ быстро забывает о потерях, если есть повод праздновать победу.

Что же до Сталина, то вполне возможно, что он и предполагал такое гигантское количество жертв. Или даже знал. Знал и ничего не сказал. Но если этот вариант оценен и действительно признан наилучшим или даже единственным, дарующим победу, то виноват ли Сталин в том, что промолчал о цене? Нет, это знание действительно могло бы поколебать уверенность фюрера. А самому Сталину такой вариант развития событий тоже очень

выгоден. Англия почти разгромлена, Франция разгромлена, можно считать, без "почти". Германия заплатила высокую цену в человеческих жизнях, что не сможет сразу качественно восполнить. Все пусть и немного, но проиграли. А Сталин, оставшись в стороне, автоматически выиграл. Означает ли это, что Сталину нельзя доверять? Конечно. Доверять никому нельзя вообще. А вот его информации и его анализу доверять пока можно. Можно и нужно использовать. Тем более, что сейчас на кону очередной вопрос. Атаковать ли Англию, пока она не оправилась от удара, или спокойно и неторопливо, восполняя потери, занять Францию, а затем и до Африки добраться? Именно это предлагал Сталин. Стоит ли прислушаться? Скорее да, чем нет. Если предположить, что Сталин знал о масштабах будущих потерь немецкой армии в Дюнкерке, но тем не менее рекомендовал именно этот вариант, а насчет десанта на Острова высказался резко отрицательно, то какие потери могут быть там? Сомневаться в том, что Сталин ненавидит англичан, не приходится. Значит, что? Неудача или действительно Пиррова победа, после которой Германию можно будет брать голыми руками? Как-то не хочется проверять это на практике, для опровержения прогноза. Тем более, если нет уверенности в результате.

Вот недавно и Канарис докладывал, что по информации Абвера в Британии сосредоточено не менее сорока боеспособных дивизий, мощные оборонительные укрепления и огромное количество техники и авиации. Такой орешек с наскока действительно не взять. А ведь есть еще и флот, который пока намного мощнее, чем Кригсмарине. Видимо, все же стоит послушаться Советов и перенести это дело на потом, а пока всемерно ослаблять Англию, последовательно отрезая ее от колоний и коммуникаций с внешним миром. Долгую блокаду они не перенесут.

Кстати, Канарис передал ему очень интересный анализ, который был по его словам проведен в Москве и с огромным трудом и риском был добыт тайным агентом Абвера. Этот анализ касался результатов штабной игры советского Генштаба и касался различных вариантов немецкого наступления во Франции и затем в Африке. Анализ показал, что наибольшие шансы на успех имеет вариант, при котором немцы хорошо координируют свои усилия с испанцами каудильо. Параллельная операция немцев на Крите и Мальте, а испанцев по захвату Гибралтара сулила максимальный успех при минимальных потерях и рисках неудачи. Советский анализ по заданию Гитлера был подвергнут тщательному разбору уже в германском Генштабе и был признан настоящим и заслуживающим всяческого доверия. Генералы Вермахта в один голос утверждали, что вариант присутствующий в документе действительно наилучший, а сам анализ крайне полезный, поскольку сэкономил Генштабу вермахта огромное время на разработку подобного плана с нуля. А тот, кто добыл этот анализ, заслуживает самой высокой награды.

Такая высокая оценка попавшему в руки Абвера анализу советского Генштаба и была запланирована теми, кто готовил всю эту операцию. Контрразведка давно выявила одного из агентов Абвера в структурах Генштаба, но поскольку он имел доступ к крайне ограниченному спектру документов, не имеющих критического значения, его решили пока не брать, а использовать для дезинформации потенциального противника.

А в данном случае речь шла даже не о дезинформации, а о реальных документах, которые должны были направить Германию в правильном направлении. Агенту создали возможность получить доступ к материалам так аккуратно, что у него не возникло никаких сомнений в том, что он наконец после долгих месяцев фактического бездействия ухватил за хвост свою Жар-птицу.

Гитлер размышлял о Франции.

Больших проблем здесь не будет хребет армии уже переломлен, боевой задор и бравада давно сменились унынием. Пройдем легко. Есть только одна проблема, как забрать себе их флот, который очень пригодится, чтобы выкинуть англичан из Средиземноморья.

Буквально накануне Гитлеру принесли секретное сообщение, поступившее от итальянцев. Но их информации флот, базирующийся в Тулоне, запланировано утопить при приближении немецкой армии и угрозе захвата базы. Это недопустимо. Итальянцы предлагают совместную диверсионную операцию по захвату базы с моря. Ха, сами сделать этого не могут, но на часть трофеев претендуют. Ладно, с дуче потом разберемся по-свойски. Сейчас главное овладеть кораблями, не дав их уничтожить. Вот только кому бы это поручить?

Гитлер на минуту задумался. Безусловно, понадобятся ребята Денница. Без подлодок такую операцию не провернуть. А насчет десанта стоит поговорить с молодым офицером СС Скорцени. Гитлер с улыбкой вспомнил этого молодого и бравого человека, которому буквально пару дней назад лично вручал рыцарский крест за доблесть. Он и его люди очень неплохо проявили себя при прорыве французской обороны. Если дать ему время подготовиться, то он справится наверняка. Решено.

Не умевший долго находиться без движения, чего требовала его психика и необходимость регулярно выплескивать избыток энергии, Гитлер возбужденно вскочил и принялся вышагивать по кабинету, а потом вызвал секретаря. Необходимо было немедленно отдать распоряжения, чтобы процесс завертелся. Немецкая армия не должна топтаться в нерешительности, пока будет готовиться эта диверсионная операция. Все должно быть организовано максимально быстро. Нельзя давать Франции оправиться от шока. Надо давить и давить. Если все расчеты оправдаются, то уже через месяц, максимум дней через сорок немецкие солдаты будут купаться в по-летнему теплом Средиземном море. А значит, украсть флот у французов предстоит в течении максимум трех недель.

Приказав секретарю, вызвать к нему Деница, Скорцени и Риббентропа, которому предстояло согласовать все вопросы взаимодействия с итальянцами, Гитлер снова остался один и переключился на другие вопросы. Раз он избрал такой путь, а сейчас он уже чувствовал уверенность в его правильности, то нужно сразу же организовывать и все остальное. Турция должна вступить в войну сразу же как только Франция подпишет капитуляцию. А испанцы должны готовиться к возвращению Гибралтара. С турками пусть разбирается Риббентроп, это его уровень, а вот каудильо придется приглашать к себе и уговаривать лично. Да, при этом самим немцам еще предстоит осуществить захват Мальты. Этот чертов остров с его английскими частями и приданными кораблями может серьезно осложнить переправку войск в Африку, когда до нее дойдет очередь.

Черт возьми, ну почему за все должна болеть голова у фюрера. Все эти заносчивые генералы аристократических корней, все эти графы и бароны в "дцатом" поколении годятся в лучшем случае на то, чтобы спланировать операцию, но совершенно ничего не понимают в долгосрочной стратегии.\*\*\*\*\*

Тем временем по другую сторону Ла Манша барон Ротшильд в куда более грустном и озлобленном настроении ходил из угла в угол своего кабинета. Только что его покинул этот заносчивый боров премьер Черчилль. Вместо того, чтобы полностью признать свою вину за случившееся в Бельгии, он посмел оправдываться, что вся вина должна лежать еще на его предшественнике. Как будто это не он уже будучи главой кабинета почти одновременно

провалил операции в Норвегии, Исландии и Бельгии. И что теперь делать лично ему, барону Лайонелу Ротшильду? Верить его заверениям о том, что Англия Гитлеру не по зубам? Что никакой десант не сможет закрепиться на острове? Но точно такие же бравадные прогнозы он давал и раньше. И чем это кончилось? Его счастье вообще, что лучше него не нашлось ни одной кандидатуры, которая могла бы и захотела сменить его на этом посту. Вот так всегда. В моменты триумфа от желающих отбоя нет, так и толпятся у дверей его кабинета, нагруженные ценными подарками и убежденные в море собственных достоинств. А как наступает фиаско и трудный момент, так все подобно крысам прячутся по углам, не желая брать на себя ответственность. Король уже тоже в бешенстве и теряет терпение. Даже спрашивал, не стоит ли ему на время покинуть Британию и перебраться куда-нибудь в Канаду. Так сказать, проинспектировать заморские владения. Еле уговорил, что покинуть Англию сейчас, это окончательно подорвать национальный дух и обречь страну на поражение. Король должен до последнего демонстрировать уверенность в победе. Так что эвакуировать Двор будем не раньше, чем немцы кажутся в паре десятков километров от Лондона.

А вот самому так надолго можно и не задерживаться. Те же канадские банки давно заслуживают инспекции, тем более, что основной запас золота и драгоценностей давно переправлен в эту страну, а последний караван отправляется буквально на днях. Да, пожалуй, так и стоит сделать. Тем более что в последнее время политика Белого Дома стала совершенно непонятной. США все больше отрываются от рук и начинают играть в самостоятельную игру. Затеяли непонятную сепаратную сделку с Советами, которая дополнительно поставила Британию под удар. И вообще начинают мнить себя независимой и чуть ли не главной силой на планете. Пора уже детально во всем разобраться, а из Канады сделать это будет проще и безопасней.

## **Глава 87.**

### **Европейские военные баталии и политические баталии вокруг.**

Несмотря на то, что импульсивный характер Гитлера был широко известен, при всем этом никто бы не рискнул называть его непоследовательным человеком. Приняв какое-либо решение, он следовал ему до тех пор, пока не убеждался в его ошибочности или не был вынужден изменить его под серьезным давлением внешних обстоятельств.

Выбрав для себя политику и направление дальнейшей военной кампании, а также сожгя все мосты в отношениях с англичанами, Гитлер направил всю свою кипучую энергию на достижение успеха по захвату Франции и подготовке вторжению на африканский континент.

Пропаганда под бесменным руководством Геббельса вновь вспомнила об унижениях, которым долгое время подвергалась Германия весь период после Мировой войны начала века и требовала, чтобы нация на деле доказала "лягушатникам", как немцы презрительно называли французов, кто в европейском доме настоящий мужик.

Наступление вермахта стремительно развивалось на Юг. Париж было решено временно оставить в стороне от основного удара, лишь блокировав его со всеми армиями его защищавшими со всех сторон. Гитлер отмел любые переговоры о приостановке боевых действий и единственное, что могло бы его устроить, это безоговорочная капитуляция Франции с автоматическим присоединением к Рейху на правах жестко контролируемой автономии.

Одновременно со стремительным продвижением на суше совместно с итальянскими



частями была проведена молниеносная спецоперация по захвату военно-морской базы в Тулоне, где сосредоточились основные силы французского флота. В операции были задействованы сорок подводных лодок Кригсмарине, на которых из итальянских портов была тайно переброшена первая волна десанта под руководством Скорцени.

Все произошло ночью с 29-го на 30-го июня всего за несколько часов. Дата была выбрана неслучайно. Практически весь июнь между Москвой и Берлином по дипломатическим каналам происходила оживленная переписка, связанная с уточнением деталей позиций сторон в отношении советско-румынского конфликта и присоединения Бессарабии и Буковины к СССР. В 20-х числах все вопросы были согласованы, и Генштаб Вермахта ожидал, что операция Советов должна закончиться как раз к концу месяца. Было просчитано, что в этот момент все внимание мировых политиков будет приковано именно к этой теме, а также то, что выходной день даже в военное на флоте традиционно являлся днем отдыха, и большую часть моряков вечером можно будет найти не на своих кораблях, а в барах и ресторанах или у шлюх Тулона.

Чтобы еще больше создать требуемую атмосферу Вермахт даже приостановил за несколько дней до операции наступление на южные регионы Франции, временно перейдя к тактической обороне и накоплению резервов.

На подходе к бухте лодки подвсплывали и в полнейшей темноте высаживали десант, которому предстояло добираться до кораблей, стоящих в гавани, и до берега на небольших надувных лодках.

Результатов первой фазы операции мористее дожидалась вторая намного более массовая волна десанта на кораблях итальянского флота. В ней большинство составляли уже отряды Дуче.

Удача всячески сопутствовала успеху десантирования. Это было predetermined не только прекрасной подготовкой и тщательным планированием каждого шага, не только подробной информации о базе и всех мерах безопасности, собранной итальянской разведкой, включая карту минных зарядов и схемы подрыва кораблей, но и природным разгильдяйством самих французов. При всем том, что немцы с небольшими боестолкновениями оккупировали уже половину страны, моряки Тулонской базы по-прежнему несли службу вольготно и спустя рукава. Враг казался еще очень далеким, а официальная пропаганда на тему, что французская армия сильна как никогда и вот-вот после сосредоточения мощного ударного кулака выкинет агрессора за пределы страны, играла только на руку противнику. Как и до сих пор не взятый Париж. Ведь не будет же официальная власть самостоятельно объяснять собственным гражданам, что все это не от непобедимости защитников, а лишь от нежелания немцев терять время и силы на лобовое столкновение с обороняющимися. Блокада гораздо эффективнее.

Так что, то ли все указанные факторы сделали свое дело. то ли просто звезды так сошлись, но захват военно-морской базы в Тулоне произошел почти бескровно. В операции по взятию под контроль основных кораблей флота и предотвращение любых попыток подрыва, на которых была лишь дежурная малочисленная команда, обошлось немцам лишь в несколько десятков погибших.

А после того, как по сигналу стремительным броском бухты достигла вторая волна десанта, на кораблях которой помимо собственно десантников находилось достаточное количество флотского персонала для приведения орудий кораблей в боевую готовность, судьба операции была предрешена. Перед возможным залпом собственного флота береговая

база и город оказались полностью беззащитными, а потому гарнизон капитулировал практически сразу. Так что десанту пришлось в основном не захватывать город, а лишь взять его под контроль и принимать сдаваемое французами оружие.

А после того, как было объявлено, что все желающие могут беспрепятственно покинуть Тулон, включая военных моряков и офицеров флота, сопротивление практически сразу же прекратилось.

Еще никогда в истории более 70-ти кораблей, включая три линкора, авианосец и семь крейсеров различного класса не доставались победителю такой малой кровью.

Как только информация об успехе операции дошла до Берлина, вермахт предпринял решительное наступление на Юг и, практически не встречая сопротивление подавленных постоянными неудачами и потерей главного флота страны французов, к концу июля вышел к Тулону с севера.

С этого момента участь Франции была решена. Даже в Париже уже стала проявляться готовность к капитуляции, но пока еще французы пытались выторговать себе приемлемые условия и сохранить за собой контроль хотя бы части страны. Гитлер оставил все эти обращения без внимания, отдав приказ войскам планомерно зачищать территорию Франции от любых вооруженных частей соединений противника.

В результате захвата Тулона Германией по договоренности с Муссолини отходило более половины всех судов, включая все крупные боевые корабли. Такой раздел "имущества" стал возможен после того, как Гитлер недвусмысленно увязал правила дележа с будущей ролью каждой из сторон в дальнейших боевых действиях против англичан. Дуче корабли тоже хотел, но биться с англичанами напрямую особым желанием не горел. А потому вынужден был уступить львиную долю добычи своему более агрессивному и воинственному партнеру.

В течение осени 40-го года практически синхронно войсками стран Оси и Испанией были проведены еще три молниеносные операции на средиземноморском направлении.

Итальянцы высадились на Крите, причем при поддержке флота и такими силами, что даже не слишком воинственные итальянцы смогли осилить находящийся там относительно небольшой английский контингент.

Сами немцы, всюю задействуя новоприобретенный флот, получивший название "средиземноморский", с уже полноценными немецкими экипажами, провели успешную десантную операцию на Мальте, взяв ее под контроль в течение нескольких дней несмотря на упорное сопротивление англичан.

А испанцы в тот же самый момент решительным броском захватили английскую базу в Гибралтаре. Для этого, правда, пришлось сравнять ее фактически с землей, а потом еще долго уничтожать остатки гарнизона в многочисленных прорытых за столетия ходах в скале, но дело того стоило. Ведь фактически испанцы кровью снимали многовековое унижение. А потому несмотря на существенные потери страна встретила это известие настоящим ликованием.

Видя этот национальный восторг и подъем, а также успехи союзников на других участках фронта и то, как стремительно меняется ситуация на континенте Франко подумал, что совершенно напрасно так долго пытался сохранять нейтралитет и не поддавался на уговоры Гитлера. Теперь он уже почувствовал вкус к "игре" и даже дал своему Генштабу задание разработать план по захвату Португалии.

Невозможное еще вчера становилось более, чем вероятным завтра.

Успехи Германии и ее союзников оказали сильнейшее воздействие на Турцию, которая

вслед за Испанией решила, что нейтралитет это не совсем то, что ей требуется. Особенно после того, как из посольства в Москве пришло сообщение, что Кремль готов закрыть глаза на некоторую внешнюю активность "османов", если только эта активность будет проявлена исключительно на южном направлении. Хотя публичное негодование было обещано в полной мере, но на него было рекомендовано не обращать большого внимания. Немцы со своей стороны гарантировали туркам, что не оставят ее один на один с англичанами или Россией, а при необходимости поддержат ее "справедливые" устремления всей своей мощью.

Риббентроп старался не зря, и уже в ноябре, лишь дождавшись полного окончания сбора урожая, Турция вторглась на территорию Сирии и решительно двинулась в направлении Палестины. Одновременно с этим отдельные турецкие части под видом необходимого уничтожения сопротивляющегося противника попытались существенно продвинуться на восток в сторону Ирака. Страной уже начала овладевать идея восстановления Ближневосточной порты. Однако, продолжалось это недолго.

СССР в полном соответствии с советско-персидским договором в целях обеспечения безопасности обеих стран стремительно ввел войска на территорию Ирана вдоль границы с Ираком, а также по дипломатическим каналам передал Турции, что, заглядывая на восток, она рискует свернуть себе шею, как и то, что в южном направлении пейзажи поинтереснее для глаз. Намек был понят мгновенно.

Советские войска вошли в Иран в составе двух полноценных армий Закавказского фронта, одной армии и кавалерийского корпуса Среднеазиатского военного округа при поддержке кораблей Каспийской флотилии.

47-я армия ЗКФ, самая многочисленная, в составе трех стрелковых, трех кавалерийских и двух танковых дивизий, а также ряда более мелких отдельных частей расположилась в районе Тебриза, закрывая непосредственно турецкое направление.

44-я армия ЗКФ в составе трех стрелковых дивизий ускоренным маршем проследовала на юг страны почти до самого побережья и закрепились в районе города Бендер-Машхехр, прикрывая страну от возможной интервенции англичан с моря.

53-я армия и 4-й кав. корпус САВО в общем составе пяти стрелковых дивизий остановились в районе Керманшаха, закрывая Иракское направление и одновременно выполняя роль резерва для двух других группировок.

Между нашими частями расположилась и часть иранской армии, создавая впечатление полноценной совместной операции по защите границ. Но основная часть иранских сил ускоренно готовилась к вторжению, или как это именовалось в окружении Шаха освобождению, в Афганистан и Белуджистан, концентрируясь для удара в восточных регионах страны. Благо с помощью СССР железная дорога была уже большей частью построена.

Все эти события естественным образом вызвали страшный переполох в дипломатических кругах. Впрочем, в Европе выступать особенно было уже некому, только Англия бесилась на Островах, да из Вашингтона периодически доносились осторожные голоса с предостережениями о недопустимости эскалации конфликта и призывами к скорейшему заключению мира.

Что касается США, то для СССР это ровным счетом уже не имело никакого значения. Еще в октябре усилиями дипломатов обеих стран при активном содействии американского еврейского лобби было заключено двустороннее соглашение, по которому стороны,

выказывая всячески свою приверженность мирному разрешению конфликтов, обязывались в случае войны кого-либо из них оказывать друг другу экономическую помощь. Разумеется, к этому прилагались двусторонние гарантии о неизменно дружественной друг другу позиции и неучастии в любых союзах, направленных против одной из сторон.

В Лондоне, начиная с момента Дюнкеркской бойни и провала попытки тайных договоренностей с Гитлером, не прекращался политический кризис, грозящий стать перманентным. Черчилль уже трижды просился в отставку, полностью осознав в какую задницу он оказался втянут, но неизменно король отказывал ему в этом. В такой ситуации желающих взять на себя ответственность за судьбу страны просто не находилось. А неудачи преследовали Британию одна за другой. Появление теперь уже у настоящего противника сильного флота на Средиземном море, потеря двух военных баз на Крите и Мальте, а также, что было практически смертельным, на Гибралтаре, раз за разом сотрясали политический Олимп Империи. Причем, события развивались столь стремительно, что на них просто не успевали адекватно реагировать.

Только возникла мысль спровоцировать США на конфликт с СССР или еще лучше втянуть их в войну с Германией, как появился советско-американский договор о дружбе, а призывы из Белого Дома к миру в Европе не оставляли надежд на желание американцев вляпаться в совершенно не нужную им войну на континенте. США при этом соглашались оказывать Англии всяческую поддержку на словах и даже в экономической области, путем поставок необходимых материалов, товаров и вооружений. Но при этом никогда не забывали спросить за это полновесным золотом, которого при таких темпах в Империи могло уже просто не остаться.

Еще неприятнее для Лондона оказалась попытка воздействия на СССР с целью образования антигитлеровской коалиции. Британии в очередной раз потребовалось бьющееся за ее интересы "мясо", а потому британский спецпосланник Черчилля разливался в Москве настоящим певчим соловьем. Если не знать истории, то складывалось впечатление, что русский и британец такие друзья навек, что водой не разольешь.

Однако, СССР остался при своем, подтвердив четкую политику невмешательства в конфликты, которые его не касаются. Колониальных интересов у СССР нет, с контрибуцией Россию в прошлую войну "союзники" благополучно кинули, так что никаких претензий у Германии к СССР быть не может. Да и у СССР к ней аналогично.

А уж когда советские войска вошли на территорию Ирана, то попытки переубедить Москву мгновенно превратились в хоровой вой по поводу "красно-коричневой угрозы миру". Но никакая массовая истерия "прогрессивной мировой общественности" на этот раз не срабатывала. США усиленно готовились к будущей войне с Японией, ибо считали, что именно в Тихоокеанском регионе лежат их основные геополитические интересы, а экспансия Японии в ЮВА всячески этим интересам угрожает. А помимо этого развитие военной промышленности, да еще фактически оплачиваемое звонкой монетой "кузенами", очень благоприятно сказывалась на темпах роста американской экономики и зарплате простых американцев. Следовательно, всячески укрепляла политическую власть и народное доверие к ней. В этих условиях лезть куда-то воевать в Европу американцы совершенно не хотели. Тем более, что благодаря мудрому выходу Рокфеллеров за несколько лет до событий из финансирования Германии с передачей активов британцам резко меняла и экономические интересы бизнес-элиты США. Теперь она была крайне индифферентна к тому, кто и когда победит в Европе. Поражение Германии не наносило бизнесу США

никаких убытков. Бурное развитие Рейха с его откровенным антисемитизмом вызывало массовый поток беженцев в США, причем в основном далеко не нищих. А поражение Британии в любом случае всегда могло быть оплачено землями Канады и Австралии. Никакой формально самостоятельный статус этих стран никого не обманывал.

Так что вся британская истерия, как и все потраченные деньги на ее организацию и поддержание фактически вылетели в трубу.\*\*\*\*\*

Сталин воспринимал все происходящее с исключительным удовлетворением. Фактически грандиозным успехом завершился первый этап сложнейшей и многолетней стратегической Игры, которую он начал пять лет назад с моей подачи. А ведь какие сомнения были поначалу. Но тем не менее Сталин понял и принял ситуацию, поверил и связался в Игру, сделал ее своей. И теперь заслужено радовался первым победам.

Он даже как-то в декабре пригласил меня на дачу одного, чтобы выпить великолепного грузинского коньяка за успехи и подвести итоги уходящего года. Фактически только мы двое в полном объеме владели всей информацией. Хотя нет, я владел ею больше других, но тоже частично.

Например, я хоть и знал о том, что еще в июле на Новой Земле было проведено успешное испытание "Изделия N1", но лишь за этой самой рюмкой коньяка узнал, что это самое изделие, чуть меньшей мощности, но уже доставлено в подвалы Берлинского посольства СССР вместе с грузом оговоренного мною-Сталиным в Бресте с Гитлером золота.

И за это действительно стоило выпить. 40-й год фактически предопределил для СССР если не полное снятие угрозы войны с Германией, то уж точно ее смещение на более поздние времена, а это серьезнейший временной ресурс для подготовки. Фактически ситуация развивалась пока в точности с намеченными планами. Единственным слабым местом пока оставалась ситуация с Японией, хотя Сталин намекнул, что и в этом направлении работа уже проведена и возможно мне придется вскоре посетить острова для проведения важных переговоров в роли его личного посланника.

Эта новость меня взволновала, в мою ту прошлую жизнь побывать в Японии мне так и не довелось, да и современная мне Япония во многом уже благодаря воздействию американской культуры напоминала театр абсурда или живое шоу из сумасшедшего дома. А здесь я мог увидеть еще ту настоящую Японию, пронизанную самурайским духом, которая в моем мире давно канула в лету.

## **Глава 88.**

### **Экономические диспуты на фоне вялотекущих внешних событий.**

#### **(Часть 1)**

В начале 41-го года события на военных фронтах Европы несколько стабилизировались. Англия предпринимала отчаянные попытки восстановить свое положение в Средиземноморье, для чего активно перебрасывала войска из Австралии и Индии в зону Суэцкого канала как с Палестинской стороны, где продолжались вялотекущие боевые действия с турками, так и со стороны Египта, где ситуация казалась намного более угрожающей.

Турки не горели большим желанием бросаться на амбразуру любой ценой, а потому заняв Дамаск и дойдя до Голанских высот, перешли к позиционной борьбе, дожидаясь решительного наступления немецко-итальянского экспедиционного корпуса в Египте. Этот

корпус формировался на захваченном союзниками плацдарме в Ливии под командованием пока еще не знаменитого немецкого генерала Роммеля.

Но главная проблема англичан была все же не в Суэце. Оборона Канала была продумана ими достаточно давно и очень хорошо, так что теперь с "колониальным усилением" она и вовсе превратилась в крепкий орешек для любого противника. Гораздо опаснее был тот факт, что потеряв Крит и Мальту, имея очень серьезные риски и практическую невозможность удержать Кипр, атака на который ожидалась в самое ближайшее время, и, что несравненно важнее, потеряв Гибралтар, англичане фактически потеряли для себя Средиземное море вообще. И в любом случае потеряли его для проводов караванов из колоний в метрополию. Теперь конвоям приходилось огибать Африку и совершать путь через всю Атлантику. Это занимало лишний месяц по времени и являлось на порядок более опасным. На океанских просторах давно и успешно рыскали подлодки Кригсмарине, собирая свою кровавую жатву. Редкому конвою удавалось без потерь преодолеть путь до Британии. Причем, это касалось не только кораблей, идущих из Индии или Австралии, но и судов, пересекавших Атлантику из США. Американский противолодочный флот еще только строился и фактически все атаки немецких подводников проходили совершенно безнаказанно. Еще в своем мире я немало читал, что в 40-м году немецкие "кригсмаринеры" настолько наглели, что не стеснялись высаживаться на американский берег и в собственной форме, не снимая знаков различия, посещать американские бары. Истории эти были очень похожи на утку, но попадались довольно часто.

Знаменитый британский Грандфлит в этот период почти не оказывал влияния на события на океанских коммуникациях, сконцентрировавшись вокруг Британских островов, чтобы ни в коем случае не допустить возможной десантной операции, и лишь немного тревожил немецкий флот к северу от европейского континента в отдельных рейдах. Единственным его успехом было то, что средиземноморская эскадра смогла успешно вырваться в Атлантику в последний момент, когда Гибралтар уже пал, но испанцы еще не полностью восстановили его артиллерийскую мощь. При этом, что подавалось как особенный успех флота, благо радостных новостей был самый мизер, это уничтожение нескольких французских кораблей на рейде в порту Мерс-ель-Кибир в Алжире. Англичане даже придали этой операции собственное кодовое имя — "Катапульта".

Да, как ни странно, уничтожение остатков флота бывшего и уже окончательно павшего в конце 40-го союзника, как и гибель почти тысячи трехсот французских моряков подавалось в Англии как грандиозный спех британских моряков. Иначе, писала официальная лондонская пресса, эти корабли почти неизбежно оказались бы в руках Кригсмарине и действовали бы против Англии. Но газеты не писали другого, гораздо менее приятного. Безжалостное и предательское уничтожение французских моряков, не подозревавших об угрозе и подпустивших англичан беспрепятственно на дистанцию уверенного огня, не поднимая боевой тревоги, очень резко изменило отношение французов к происходящему. Если раньше практически во всех провинциях страны активно действовали партизанские группы, а каждый город обладал серьезным подпольем, то теперь все громче стали слышны призывы отомстить коварным англичанам и присоединиться к Германии, создав единый Еврорейх.

Немцы, разумеется, не препятствовали этому никоим образом, напротив, всячески раздували эту историю в подконтрольных французских СМИ. Газеты с каждым днем все больше вспоминали то Столетнюю войну, то битву при Ватерлоо, где лишь коварство и

случай позволили англичанам взять верх над Наполеоном. И как следствие накал противодействия немецкой оккупации во Франции стал существенно спадать. Это в свою очередь позволило Германии перебрасывать все больше войск в Африку и даже устраивать для войск постоянную ротацию с регулярным отдыхом в Европе.\*\*\*\*\*

В советско-германских взаимоотношениях царил мир и порядок. Даже экономическое двустороннее сотрудничество вышло на полностью сбалансированный уровень взаимных поставок. Фактический захват всей европейской экономики и снижение накала борьбы на континенте позволил Германии довольно быстро нарастить свои поставки оборудования и транспорта по заказам СССР, ликвидируя ранее возникшую задолженность и даже уже вовсю осваивая перевезенное в Берлин советское золото.

На этом фоне Сталин наконец отвлекся от текущих вопросов и добрался до экономической части моего трактата. Результатом стало то, что в начале февраля я был вызван "на ковер" для обсуждения всех возникших у вождя вопросов. Увидев практически сразу же обилие пометок, сделанных Сталиным на страницах моего документа, я понял, что на этот раз дискуссия получится и жаркой, и обильной. Хотя легкая хитровая смешинка в глазах Сталина, когда он предлагал мне присаживаться, говорило за то, что он находится скорее в хорошем расположении духа.

На эту работу я реально потратил несколько месяцев. Постарался учесть все, что мне было известно о достижениях советской экономики моей истории, а также все ее недостатки, приведшие среди прочего к итоговому провалу. В меньшей степени я постарался вспомнить и осознать опыт капиталистического хозяйствования последних двадцати лет, прожитых мною в моем времени после развала СССР. Чем дальше я старался вникнуть в проблему, тем больше понимал, что как и в других областях виноватой в провале оказалась не сама экономика социализма, а то, во что ее в итоге превратили. К сожалению, о реальной экономической политике сталинского времени мне было известно гораздо менее детально, тем более, что из-за войны, а потом устранения ее последствий эта политика претерпевала неоднократные изменения под действием текущего момента. Но этот пробел я постарался устранить за счет непосредственных наблюдений происходящего уже здесь, а также за счет многих и продолжительных обсуждений с руководителями советской индустрии. Не забывал я, разумеется, и про серьезный положительный опыт в других странах. Та же Япония в моем мире показала множество интересных и поучительных примеров организации производств.

То, что у меня в итоге получилось, оказалось странной на первый взгляд смесью командной, плановой и свободной предпринимательской экономики. Но именно эта "жуткая смесь" могла показать наилучшие результаты. Оставалось теперь убедить в этом Сталина и остальное советское руководство.

Пока Сталин пробегал глазами мои тексты и свои пометки к ним, освежая их в памяти и не начинал разговор, я вспоминал, как трудно шел поначалу процесс подготовки материала.

Первое, с чем я столкнулся, была необходимость общего осмысления экономики и тех задач, которые она должна была решать в интересах страны. То, во что она выродилась в моем времени оптимизма, не внушало совершенно. Погоня за прибылью, как главной целью экономики привела к тому, что планета оказалась загаженной в считанные десятилетия, а ресурсы планеты, которых при другом подходе могло бы хватить не на одну сотню лет, истощились. Мир год за годом становился все абсурднее, примат материальных ценностей над духовными привел к стремительному разрушению цивилизации, имеющей перспективы

развития.

Безусловно, рост материальных потребностей человека, его стремление сделать жизнь комфортнее, а труд более легким есть объективный процесс, который совершенно не стоит пытаться отменить или затормозить. Но поставить его в необходимые рамки, сбалансировав или даже подчинив материальные потребности духовным совершенно необходимо.

Второй вопрос, который меня заботил в самом начале, потому что считал его фундаментальным, это найти необходимый баланс между справедливостью, при которой уровень жизни человека должен был напрямую зависеть от количества и качеств его труда на благо общества и безусловной важностью сохранения единства общества как такового. То, во что может превратиться человека вырвавшийся за флажки индивидуализм, я прекрасно видел собственными глазами в России после распада СССР. Но я также видел, к чему может привести тупая показная уровниловка всего и вся, дополненная чиновничьими спецраспределителями, в последние десятилетия СССР. Необходимо было придумать систему, при которой индивидуальные творческие устремления граждан находили всестороннюю поддержку государства и работали на общество, а не на его разрушение. Но при этом и все те, кто не обладал какими-либо уникальными качествами для индивидуальной самореализации должны были бы иметь достойный уровень жизни и не считать себя людьми второго сорта, ненавидя со своей стороны "выскочек" до глубины души. Общество должно было всемерно поддерживать тех, кто смог подняться над общей массой, чтобы у них от этой поддержки только прирастали силы для новых свершений.

Исключение должно было касаться только тех, кто проявлял склонность к откровенному тунеядству и желанию жить за счет других. А это ставило передо мной задачу решить проблему и так называемых рантье, кто в какой-то момент "выстрелил" идеей или удачным решением, получил от страны и людей заслуженную благодарность, а потом решил почтить на лаврах всю оставшуюся жизнь, проживая ее в неге и бездельи.

Когда я впервые попытался набросать на бумаге все эти положения, чтобы свести их воедино, мне показалось, что попытка безнадежна. Что я пытаюсь совместить противоположности, которые могут лишь взаимно уничтожить друг друга, а не гармонично дополнить. Но потом кое-что стало постепенно вырисовываться. Хотя за то, что вырисовывалось, меня бы легко заплевали все современные мне экономисты.

Первая задача, на мой взгляд, глобально решалась переосмыслением глобальных целей экономического развития. Если в моем мире ими была максимизация прибыли, а двигателем развития была конкуренция, то здесь все должно быть иначе.

Во-первых, целью экономики должно было стать максимально эффективное удовлетворение потребностей страны и народа в товарах и услугах при минимальных затратах ресурсов. Слава Богу, социалистическая экономика имела возможность не ставить вопрос прибыли во главу угла. Общественная собственность на все средства производства и прямое материальное распределение всех основных ресурсов позволяли сделать в этом направлении очень многое. Тем более, что эта цель базово оказалась совершенно непротиворечивой существующей в этом времени цели максимально быстрого развития объемов промышленного производства в виду постоянного и всеобщего дефицита. Сейчас эта задача решалась как правило тупым методом максимальных валовых объемов, более сорока процентов которых тут же уходило в брак и в лучшем случае означало необходимость вторичной переработки сырья, а то и окончательную потерю ресурсов. Впрочем, второе присутствовало всегда, поскольку затраты электроэнергии, топлива и рабочего времени



являлись невосполнимыми потерями.

Естественным образом напрашивалось повсеместное переориентирование производств на выпуск именно качественной конечной продукции, принятой независимой экспертизой. А распределение ресурсов по заводам и фабрикам должно было производиться в прямой зависимости от того, какое итоговое ресурсное потребление приходилось на одно конечное изделие. А помимо внешней независимой приемки должна была существовать и система внутреннего контроля, отсекавшего брак сразу же после его появления. В противном случае забракованной могла оказаться продукция гораздо более сложная, включающая труд множества добросовестных людей. Да, такая задача и такой путь необходимы. В моей истории ставить ее не было ни времени, ни возможности. Сначала бесконечная индустриальная гонка, чтобы успеть подготовиться к войне, затем сама война, потом ликвидация ее последствий не давали даже шанса на такую формулировку задачи. А когда напруг спал и в семидесятых ее все же попытались поставить, то выяснилось, что привычку к попустительскому отношению к браку впитало в себя уже не одно поколение рабочих и инженеров, да и партийным и государственным чиновникам было проще закрывать на это глаза, нежели реально пытаться перестроить систему с риском сломать себе шею. Единственное, где брак карался с самого начала по всей строгости, было штучное сложнейшее производство типа ракетостроения или сложных систем вооружения. И именно благодаря этому данные отрасли пусть и полузадушенные рынком, но все еще держались спустя два десятилетия на момент моего "отбытия" в эту реальность.

Здесь и сейчас благодаря тому, что очень многие проблемы оказались решены намного раньше, подготовка к войне завершена досрочно, а сама война отменяется или в худшем случае серьезно отодвигается по срокам, эту задачу можно и нужно было ставить. Но проблемы были и здесь, причем такие, которые кабинетным мозговым штурмом не снять. Это проблема объективного и всеобщего дефицита квалифицированных рабочих кадров. Даже при том, что СССР удалось всосать в себя тысячи профессиональных рабочих из США или воюющей Европы, этот дефицит составлял десятки процентов от численности работников по всем основным специальностям. И эта проблема могла быть решена только наличием комплексной системы качественного образования и профессиональной подготовки молодежи, совмещенной с такой же комплексной системой передачи опыта и навыков от мастеров к новичкам уже на самом производстве.

Не меньшую важность имело для решения данной задачи и единение трудовых коллективов, причем не привычными идеологическими лозунгами, в изобилии продуцируемыми местными партийными органами, а через регулярное обсуждение в коллективах имеющихся производственных проблем, стимулирование и поощрение, включая материальное, любых эффективных рационализаторских предложений. Если объединить эту систему с общей системой стимулирования производства и трудового коллектива по итоговым результатам выпуска конечной продукции и снижению ее ресурсоемкости. А чтобы не было злоупотреблений и сговора, то помимо независимой приемки непосредственно на производстве должна была существовать система контроля еще и у потребителя этой продукции. Например, если одно предприятие получило и приняло без указания брака станок, произведенный поставщиком, то этот станок должен быть загружен работой в самое ближайшее время. Если он пылится на складе получателя, то либо наказанию подлежит тот, кто заказал ненужное оборудование, либо оба предприятия если одно поставило, а второе приняло бракованную продукцию. Точно также в отношении

населения. Если на качество проданного торговлей товара имеются претензии купивших его граждан, то торговля несет такое же наказание, как и производитель.

Наконец, общественное признание и поощрение качественного добросовестного труда можно и нужно дополнять изменениями в социальном статусе самого работника. Мы уже начали вводить в общественное сознание важности Рода и индивидуальной ответственности человека перед Родом, как и наоборот. Вполне можно увязать и социальный статус самих Родов с тем, какую пользу приносят его члены обществу своим трудом.

Я прекрасно отдавал себе отчет в том, на каком низком материальном уровне находится сейчас жизнь народа СССР. Но это палка о двух концах. С одной стороны, нужно делать все, чтобы он рос максимально быстро, но, с другой, именно сейчас прекрасный момент для того, чтобы донести до людей, что пусть он растет медленнее, но зато только за счет качественных товаров, имеющих длительный срок использования.

Кстати о последнем. В моем мире погоня за прибылью привела к тому, что искусственно раздувалась потребность к потреблению все новых и новых товаров. Бесконечная смена моды, стилей, постоянное появление лишь слегка модернизированных товаров, имеющих по сути те же самые потребительские свойства, заставляли людей все заработанное тут же тратить, даже залезая в долги, чтобы только соответствовать текущим стандартам. Но даже эти стимулы имели свои пределы зомбирования, а потому производители неизбежно перешли к производству быстропортящихся товаров, требующих замены. Ремонт как таковой вообще ушел в прошлое. Колготки у женщин планово рвались на второй-третий день носки, электроника "случайно" ломалась сразу же после окончания гарантийного срока. И даже автомобили фирм, некогда знаменитых качеством и надежностью, требовали после окончания гарантии почти также гарантированно сложного и дорогостоящего ремонта, что проще было их продать, заставляя мучиться с этими проблемами будущего "счастливого" покупателя б/у продукции. Здесь мир пока к счастью до этого не дошел. И очень важно сейчас в самом начале построения системы нацелить ее прямо на противоположное. В сущности, если разобраться, то кардинальные изменения даже в сложную технику вносились не так часто. Проще говорить о поколениях этой техники, нежели о постоянном процессе существенных изменений. А потому гораздо проще настраивать производство таким образом, чтобы физический износ первого поколения наступал не раньше, чем начинало выпускаться четвертое. Конечно, в каждом виде продукции частота поколений будет различной, но суть от этого не изменяется. Более того, низкий уровень текущего потребления и невозможность мгновенного удовлетворения потребностей всех сразу будет здесь только в помощь. Например, автомобили. Допустим, первое поколение выпускается десять лет, далее каждую декаду идут их смены. А качество таково, что срок службы автомобиля без серьезных принципиальных проблем составляет не менее тридцати лет. В таком случае имеем сразу два огромных плюса. Тому, кто купил автомобиль первым, просто нет смысла его менять все десять лет. За это время он все зарабатываемые деньги тратит на приобретение других видов потребительских товаров, столь же качественных и долговечных, а потому именно с качественной точки зрения уровень его жизни растет наиболее быстрыми темпами. Через десять лет он меняет авто на второе поколение, а свой прежний "пепелац" продает другому потребителю, у которого нет достаточных средств на покупку нового автомобиля. В итоге и его качественный уровень жизни растет быстрее. Насыщение рынка товарами, выдерживающими многолетнее интенсивное использование, решает сразу несколько важных социальных задач. Во-первых,

производителю нет смысла гнать объемы в ущерб качеству. Во-вторых, общий качественный уровень жизни всего народа растет намного быстрее, поскольку на каждый вид продукции можно тратить деньги один раз за множество лет, а потому новые заработки идут на покупку, удовлетворяющие уже все новые потребности, а не на постоянно возобновляемые старые. В-третьих, общий объем потребляемых ресурсов снижается в разы, выигрывая для цивилизации целые десятилетия, если не века и сохраняя экологию планеты.

Единственное, что при этом страдает, это потенциальная прибыль производителя. Но в условиях настоящей социалистической экономики, это может коснуться только частного сектора. Но это отдельная проблема, ничуть не менее важная, чем данная. Можно было бы сказать, что проблему частного предпринимательства очень просто решить кардинально, путем простой ликвидации такого понятия вообще. Но практический опыт того же СССР наглядно показал, что это не выход. Что планировать абсолютно все, включая цвет и рисунок трусов, которые станут популярными в народе, а потом еще и обеспечивать необходимое их количество в магазинах всех городов и сел СССР невозможно. Должно существовать очень четкое разделение тех секторов, которые должны в обязательном порядке являться государственной монополией и основываться на общенародной собственности, в каких секторах допустимо и оптимально наличие обоих видов собственности, а какие экономические области должны быть вообще полностью отданы на откуп частному предпринимателю.

## **Глава 89. Экономические диспуты на фоне вялотекущих внешних событий. (Часть 2)**

Еще до начала моей "альтернативной" эпопеи я довольно много размышлял на тему того, какую объективно полезную роль могла бы играть частная предпринимательская экономика с тем, чтобы максимально приносить пользу всей стране и обществу, а не только набивать карманы своих хозяев. Мифы о том, что частная собственность намного эффективнее государственной, были развеяны достаточно давно элементарными примерами того, что практически всей мировой экономикой в мое время так или иначе управлял профессиональный наемный менеджмент. За исключением разве что уровня простого ларька или частного такси. А этому менеджменту в принципе по барабану, на кого работать, если его личная мотивация аналогична и эффективна. Отличие только в одном. Весь доход государственного предприятия принадлежит всей стране и всему народу, а не какому-то одному ушлему дельцу. Второй плюс государственного предприятия в том, что его цели могут вообще быть связаны не с корпоративной прибылью, а с теми целями и задачами, которые ставит перед ним государство. И эти цели вполне могут оказаться совершенно различными до противоположности. Я искренне убежден, что в условиях частной собственности на те же тракторные заводы, которые в войну выпускали танки, никаких танков фронт бы так и не дождался, а войны закончилась бы нашим поражением в считанные месяцы. Ибо платить государству этим заводам, как и работающим на них людям было просто нечем.

В итоге я пришел к выводу, что в любых базовых отраслях экономики должна существовать государственная или правильно сказать общенародная монополия. С этими понятиями вообще в мое время было много путаницы, с которой я разобрался до конца уже здесь. Оказалось, что той государственной собственности, которую при своей жизни застал в свое время в СССР я, здесь не существовало. Не было такого понятия, как государство собственник такого завода. Ни одно предприятие не владело даже ни одним из

станков, на котором оно работало. Абсолютно все средства производства принадлежали исключительно всему народу, а государственные службы и экономические ведомства, так же как и администрация заводов лишь управляли этими средствами производства и использовали их в своей деятельности. В результате не возникало никаких противоречий в том, чтобы что-то продать или что-то купить. Ничего из этого невозможно в принципе. Любой произведенный станок, оборудование или даже грузовой автомобиль централизованно распределялся и назначался туда, где по общегосударственному плану он должен был принести максимальную пользу. И все это точно так же, как распределялись по предприятиям и те материальные ресурсы, которые они потребляли в своей деятельности. То же самое касалось и импорта. В итоге такой известной мне по прошлым временам как "толкачи", задачей которых было выбивание в главках и министерствах дополнительных ресурсов, пока просто не существовало. Все это появилось позднее, когда сначала Хрущев передал все средства производства в собственность пока еще государственных предприятий, а потом реформа Косыгина завершила процесс вводом понятия хозрасчет.

Глобальная общенародная собственность на средства производства вкупе с централизованным плановым распределением ресурсов и готовой продукции создавали феноменальную эффективность всей экономики, позволяя ей развиваться невиданными для капитализма темпами. Это тот самый ключевой фактор, который практически никто не осознает, но который довольно просто объяснить на примере. Возьмем простую стандартную западную корпорацию, производящую совершенно любой продукт, но который в процессе производства проходит несколько стадий обработки поступающего извне сырья. И возьмем два варианта себестоимости этой готовой продукции. В одном случае все, как оно и есть, а во втором представим себе, что абсолютно каждая операция, производимая на этом заводе, делается отдельной частной независимой компанией, желающей иметь собственную прибыль. Представили? А теперь для полноты образа представим себе, что каждая эта "микрокомпания" не просто получает заготовку от предыдущей, обрабатывает ее и передает по цепочке следующей, а постоянно проводит открытый рыночный аукцион с целью купить эту заготовку где-угодно, главное дешевле и лучше, а по итогам работы также устраивает второй аукцион с целью продать свой полуфабрикат кому угодно, главное дороже. Ни одна компания в таких условиях существовать просто не может. Потрясающая эффективность советской экономики до начала внедрения в нее чужеродных рыночных элементов как раз и объяснялось тем, что вся страна работала как единая корпорация с внутренними затратами на всех этапах, но без внутренней прибыли и необходимости тратить на сбытовые и маркетинговые службы. Госплан и Госснаб отлично справлялись с этими функциями в общегосударственном масштабе.

Это приводит к пониманию того, что как минимум все базовые отрасли, а также все отрасли, конечный продукт производства которых завязан на государственное потребление, должны быть в общенародной собственности.

Также в общенародной собственности должна находиться вся внешняя торговля, поскольку ее основная функция даже не заработок денег как таковой или даже сброс излишков производства, не востребованных внутри страны, а в первую очередь ликвидация дисбаланса национальной экономики между возможностями внутреннего производства и востребованным спросом. Никакому частнику ни при каких условиях не дано исполнить эту функцию просто ввиду отсутствия необходимой информации.

Особую роль в экономике играет денежная и банковская система. Здесь тоже реальный

опыт СССР моего времени дает великолепные примеры оптимальной организации процесса. Фактически под одним и тем же названием "рубль" до конца 80-х годов 20-го века в СССР просуществовало три параллельные денежные системы, реально обособленные друг от друга. Первая система была безналичной системой внутренних расчетов между предприятиями. Это вообще были не деньги, а некая расчетная единица, позволявшая на единой базе оценивать ресурсные и трудовые затраты на производство. Никакой иной функции у этого вида "денег" не было. Вторая система это наличное внутреннее денежное обращение, которое касалось исключительно граждан и потребительского сектора торговли. Фактически эти деньги возникали в нужном объеме из ниоткуда, формально из Государственного Банка, и исчезали в его же закромах при каждом завершении оборота. Эмитировались эти деньги в строгом соответствии с суммарной заработной платой населения СССР и по возможности увязывались по объему с доступной массой потребительских товаров и услуг. Наконец, третья денежная система и была деньгами в общепринятом смысле. Использовалась она только в международных расчетах по экспортно-импортным операциям. Фактически это было золото, серебро и валюта основных стран — торговых партнеров СССР. Рублевый эквивалент этих ценностей по своей сути также являлся исключительно виртуальной расчетной величиной. В той системе, которую собирался предложить я, эта общая трехзвенная система должна была подвергнуться серьезной реорганизации, но по своей сути оставалась такой же. Необходимо было лишь предусмотреть четкие и корректные механизмы, которые должны были связать все эти три системы в одну, обеспечив возможность частичного и подконтрольного государству перетока денег из одной системы в другую в некотором наборе случаев.

Что касается банковской системы, то здесь мое мнение было однозначным. Никаких банков, кроме государственных быть не должно в принципе. Банк мог быть один или их могло быть несколько, специализированных на определенном сегменте операций, но все они на сто процентов должны принадлежать государству, точнее всему народу.

С государственной экономикой все было более или менее понятно, тем более, что ничего особо изменять было не надо. На текущий момент этой реальности вся экономика за исключением отдельных артелей и кооперативов, а также наличия уже не очень крупного, но остающегося индивидуального сектора в сельском хозяйстве, и так была государственной.

Не очень сложным, как я надеялся, было убедить Сталина и в том, что практически всю сферу услуг стоит отдать в частные руки. Вся эта область настолько индивидуальна и напрямую завязана на личную заинтересованность как производителей, так и потребителей, что корректному плану, учету и даже отслеживанию соблюдения законности не поддавалась в принципе. А там, где не можешь четко планировать, контролировать и точно учитывать, лучше вообще ничего не делать. Жизнь она мудрее и имеющийся спрос на услуге будет самостоятельно обеспечен соответствующим предложением без какого-либо участия государства. Единственным исключением здесь должна быть сфера торговли. Розничная торговля вполне может быть по большей части частной, но в случае реализации производимых государством товаров, их сбыт должен контролироваться государством по минимальным или максимальным ценам продажи. Что касается оптовой торговли, то в условиях подавляющего производства в государственном секторе экономики, этот сектор должен остаться за государством. А распределение товаров по заявкам розницы должно быть максимально прозрачным.

Несколько сложнее выглядела ситуация в производственной сфере. С одной стороны,

если человек или группа лиц хотят самореализоваться в производственной сфере и своим трудом и умением принести стране пользу, то это стоит только приветствовать. Особенно, если эти производственные амбиции касаются потребительского сектора экономики. С другой стороны, если все производство оборудования, без которого серьезного предприятия не создашь (набор швейных машинок, купленных в розничной сети в расчет не берем), как и импорт такового является государственной монополией, то необходимо предусмотреть механизм закупки оборудования у государственных предприятий. Побочный момент, который тут же возникал, где взять на это оборудование деньги, если банковская система также государственная? А где взять помещение или землю? Над этой проблемой я бился довольно долго до тех пор, пока не пришел к выводу, что заявка на приобретение оборудования должна поступать в установленном порядке в плановые государственные органы как часть единого проекта по созданию производства. В этом же проекте расписывалось что собирается производить предприятие, просьба о выделении кредита на закупку оборудование и предоставление производственного помещения, план привлечения наемных работников и предполагаемая система оплаты их труда. Соответственно в государственных органах должна быть сформирована отдельная служба с отделениями по всей стране, которые эти проекты рассматривают и выносят свои заключения. Причем, мотивация сотрудников отделений этих служб должна быть настроена таким образом, чтобы удовлетворялось максимальное количество адекватных реальности заявок, но при этом на них же возлагался контроль за реализацией принятых проектов. В принципе, с учетом того, что за исключением частного сектора вся остальная экономика государственная, то есть в ней вполне может отсутствовать налоговая система, как таковая, поскольку кроме искусственной занятости кучи народа и перекладывания государством денег из одного кармана в другой, на ничего не дает, то указанная служба оценки и контроля частных проектов вполне может сочетаться с налоговой службой. Ее все равно придется создавать для частного сектора хотя бы в сфере услуг.

Отдельный вопрос у меня долго стоял в отношении возможных размеров частных предприятий. И как его обратная сторона вопрос, какую максимальную сумму может тратить в месяц или год на себя частный предприниматель относительно среднего заработка в стране. Или тот же взаимосвязанный с первыми вопрос наследования частного предприятия. Вопросы очень даже не праздные. О какой социальной справедливости может идти речь, если в только-только выбирающейся из нищеты стране появятся нувориши, считающие себя хозяевами жизни и разбрасывающиеся деньгами направо и налево. Стоит такое допустить, как неизбежно начнется коррупция среди чиновников всех уровней, которым захочется такой же красивой жизни. А за каждым НКВД надзирать не поставишь, да и сотрудники органов тоже люди. Лучше вообще не доводить до соблазна.

У меня не было никаких сомнений в том, что хорошо зарабатывающий своим трудом и создавший успешное предприятие с нуля предприниматель должен жить достойно. Так что для таких внешний материальный успех вполне мог быть закреплен на уровне не ниже руководителей крупных государственных предприятий или известных ученых. Как говорится, квартира, машина, дача, драгоценности жене и дочке и все прочее по мелочи. После завершения всех военных перипетий в мире возможность регулярного и достойного отдыха за границей. Если конечно доходы предприятия позволят. Но не должно быть никакого бессмысленного шика и снобизма, вызывающего у людей ненависть. Не должно быть ни в коем случае повторения НЭПа со всеми его уродствами. Чуть более десяти лет

прошло с момента завершения того проекта, повторения не надо.

Вложение денег в развитие производства должно быть без ограничений, но, на мой взгляд, должно быть ограничение на максимальный размер самого предприятия, находящегося в исключительной частной собственности. При достижении этого уровня должна быть предусмотрена процедура поэтапного по мере дальнейшего роста компании или единовременного по желанию владельца продажи предприятия государству. Например, каждое последовательное увеличение годового дохода или выручки предприятия свыше пороговой величины, установленной государством, означает обязательную продажу не менее 10 % собственности предприятия в государственную собственность. До тех пор, пока доля частной собственности в предприятии составляет не менее 30 %-ти процентов, оно управляется частными собственниками. Далее право назначения дирекции предприятия передается государственным органам и профильным министерствам. При этом государство вполне могло оставить прежнего владельца предприятия его директором по обоюдному согласию.

На первый взгляд такая схема выглядела абсурдной. Но я считал, что стремление к предпринимательству может быть проявлено по двум причинам или их комбинацией. Первая это стремление к творческой самореализации, вторая стремление к власти и личному богатству. В целях одновременного стимулирования наиболее быстрого и эффективного развития общества, но с соблюдением его непротиворечивого единства, первое необходимо было максимально поощрять, а второе разумно сдерживать, чтобы не плодить слишком явное социальное неравенство. Предлагаемая мной схема позволяла предпринимателю в полной мере проявить себя с точки зрения реализации творческого потенциала, но ограничивало чрезмерное личное обогащение.

Отдельный вопрос стоял по стоимости выкупа предприятия государством у частных и использованию последними получаемых средств. И здесь при том, что оценка стоимости и реальность выплаты должна быть совершенно адекватной, я тоже предлагал ввести жесткие ограничения. В первую очередь не для того, чтобы человек не стал слишком шиковать на показ и тем самым привлекать к себе повышенное негативное внимание, среди тех, кто с нуля построил бизнес таких в целом очень немного. А для того, чтобы ограничить возможности праздной жизни у их потомков, что встречается сплошь и рядом.

Потому я предлагал все средства, получаемый от продажи такой собственности направлять на конкретные прописанные законодательно цели. Человек имел право на создавать на эти средства новое предприятие, что должно быть государством только поощряемо. Он также мог использовать их на приобретение в допустимых для общества рамках жилья для себя и своих родственников. Все прочие средства должны были поступать в, как я его назвал, Родовой фонд. То есть не доставаться в свободном виде самому бывшему предпринимателю или в случае его смерти, его наследникам, а составлять долговременные активы всего Рода. Средства такого фонда могли быть частично использованы на дополнительную поддержку пенсионеров-членов Рода помимо государственной пенсии, могли тратиться на все то же приобретение жилья для тех членов Рода, которые его не имели, могли использоваться по решению Совета Рода на развитие какого-либо частного предприятия, инициируемого любым членом Рода, а также на иные законодательно определенные виды трат подобного типа.

Таковыми ограничениями достигались сразу две цели. Наследники предпринимателя, заработавшего значительные средства, при этом реально принесли пользу своей

деятельностью всему обществу, не могли произвольно ими распоряжаться и, откровенно говоря, тунеядствовать за счет трудолюбия и таланта родителя. Помимо этого от активности и предпринимательской состоятельности любого своего члена выигрывал весь Род, что создавало все необходимые предпосылки для его успешного развития, усиления и процветания в долгосрочной перспективе.

Конечно, все это было описано мной не подробно со всеми деталями и нюансами. Такой цели я перед собой не ставил, ограничившись общей логикой. Если эти идеи будут востребованы руководством страны, найдется немало профессионально подготовленных людей, способных довести их до четких законодательных актов.

— Товарищ Алексей, Вам нехорошо?

Я вострепнулся, вернулся к реальности и обнаружил внимательно разглядывающего меня вождя.

— Нет, товарищ Сталин. Все нормально. Не хотел Вас сначала отвлекать, а потом и сам задумался.

— И о чем же вы так глубоко задумались, товарищ Алексей, что даже не сразу отреагировали?

— Вспоминал, как готовил для Вас эти материалы, товарищ Сталин. Над некоторыми моментами всю голову себе сломал.

— Да, работу Вы проделали немалую. Такого понакрутили, что сразу и не разберешь что, зачем и почему. Но в целом время было потрачено не зря. Над многим еще стоит очень внимательно подумать, чтобы не наломать дров, но Ваш труд оказался полезным. Давайте пройдемся по некоторым моментам, по которым у меня пока не сложилось определенного мнения. Надеюсь, что с Вашей помощью, мы сможем определиться окончательно.

— Хорошо, товарищ Сталин, я готов.

## Глава 90

### Экономические диспуты на фоне вялотекущих внешних событий. (Часть 3)

— То, что Вы, товарищ Алексей, понимаете важность главенства общенародной социалистической собственности для экономики, это хорошо. Особенно хорошо, что Вы пришли к этому осознанно всего лишь после двух десятилетий восстановления у вас в том мире капитализма. И это при том, что экономика СССР, неважно сейчас по каким именно причинам, но рухнула. Кстати, о последнем. Что все же по-Вашему послужило основной причиной катастрофы именно в экономической сфере?

— Извините за необычное выражение, товарищ Сталин, скрещение ужа с ежом.

Сталин улыбнулся.

— До определенного момента, насколько я сумел разобраться, и с поправкой на сложности предвоенного, военного и послевоенного периодов, экономика СССР выглядела почти органично.

— Почти, — приподнял одну бровь Сталин?

— Да почти. Все-таки в сторону огосударствления был сделан излишний перекосяк несмотря на то, что частные или правильнее сказать кооперативные артели занимали в экономике страны свое место. Но это было правильно для тяжелых, базовых отраслей, которым требовались крупные предприятия, большие инвестиции в основные фонды, централизованное распределение ресурсов и готовой продукции. То есть там, где основным потребителем являлось само же государство в лице других своих предприятий или той же



армии. А вот там, где потребителем являлись люди, или где максимальный эффект при производстве достигался за счет индивидуального мастерства, этот путь оказался не совсем эффективным. Особенно с учетом жестких планов по производственным показателям. Возьмем, например, производство тканей для одежды. Любому директору в идеале хочется производить всего один вид ткани одной расцветки. С точки зрения валовых показателей производства это наиболее легкий путь к успеху. Ведь на смену настроек оборудования уходит время. Чем больше видов ткани, и сырья, тем больше остатков и неликвидов, больше брака, неизбежного при пробном производстве во время настройки и т. д.

Но это желание наталкивается на совершенно противоположное желание людей, которые являются потребителями этих тканей. В них на генном уровне заложено желание отличаться от остальных. Никто не хочет носить одинаковые костюмы или платья, они стирают индивидуальность, противоречат основному инстинкту человека, да и вообще природы. А теперь третий момент. Предположим, что мы на уровне государства все это понимаем и спускаем план на производство сотни разных видов тканей по качеству, цветовой гаммы и рисунку. Вроде бы противоречие снято, каждый может найти себе что-то по вкусу. Но не так все просто. Ведь все эти типы, цвета и рисунки тканей кто-то утверждает. А у каждого человека свой вкус. Получается, что мы на государственном уровне закладываемся на мнение одного человека.

— А в случае частной собственности разве мы не закладываемся на мнение производителя? И разве ему не выгодно точно также гнать всего один вид ткани и один вид расцветки?

— С одной стороны, выгодно. С другой, он вынужден считать не только временные и трудозатраты на перенастройку оборудования, но и возможную прибыль от продажи. Кроме того, все сырье, которое он получает от государства, он оплачивает за свой счет. И подобных производителей может быть несколько.

— Вы меня пока не очень убедили, но давайте все же вернемся к первому и основному вопросу.

— Хорошо. Можно было бы еще привести пример с сельским хозяйством, там все еще более очевидно. Государственная и даже колхозная собственность эффективнее личной или частной только там, где может быть серьезный выигрыш в технологии с применением техники. А это степная и в лучшем случае лесостепная зоны, где пашни занимают большие площади и по сути переходят одна в другую. В лесной зоне с небольшими площадями полей, расположенными вдали друг от друга, индивидуальные хозяйства более эффективны. Возвращаясь же к первому вопросу, скажу, что проблемы начались с того момента, когда Хрущев начал вводить в экономику СССР завуалированные капиталистические элементы, одновременно физически уничтожая реальные элементы частной и коллективной экономики, которые были до него и отлично вписались в общую систему.

Началось это с невинной внешне передачи основных средств предприятиям. Казалось бы какая разница, ведь сами эти предприятия государственные? На самом деле появилось понятие собственника, который был государственным уже опосредованно. То есть государство по сути уже лишилось права передачи основных средств от неэффективного предприятия к эффективному. В том же сельском хозяйстве были МТС, не принадлежащие никому, кроме государства. Они обеспечивали планомерно техникой все хозяйства независимо от формы их собственности. При этом одна и та же техника шла с юга на север, последовательно подготавливая почву, осуществляя сев или убирая урожай параллельно

природному сезону. Хрущев все отменил тем, что передал технику в хозяйства, расформировав МТС. В итоге техники резко потребовалось в разы больше. А сама она оказалась либо опосредованно государственная в совхозах, либо вообще в колхозах, то есть по сути частная.

Сталин слушал все это молча, лишь легкая игра желваков под кожей выдавала его злость. Если бы Хрущев был бы еще жив, то после сегодняшнего дня ненадолго.

— Но это было лишь самое начало, — продолжил я. — В начале 70-х была проведена следующая диверсия. Под внешне прекрасными лозунгами о том, что экономика должна быть экономной, ввели в обиход еще более мощное капиталистическое по сути понятие, хозрасчет. То есть целью любого предприятия отныне становилось не производство необходимого государству и людям определенного объема определенной продукции, а получение прибыли. Фактически директор любого предприятия становился физическим хозяином своего предприятия. Более того, его нацеливали именно на это, окончательно добывая переводом его даже официальной мотивации на денежную основу. Для выпуска "левой" неучтенной продукции ему не хватало лишь таких же "левых" поставок сырья и каналов сбыта. Стоит ли говорить, что все это возникло в считанные годы, а в стране стала бешеными темпами развиваться вторая подпольная экономика? И как это повлияло на состояние "первой" экономики, думаю, тоже говорить не стоит.

У общенародной и капиталистической экономики изначально совершенно различные цели, делающие их полностью несовместимыми на принципиальном уровне. А потому частная собственность нужна объективно лишь там, где требуется большое разнообразие, быстрая замена продукции и небольшие объемы производства. То есть она должна выполнять заведомо подчиненную функцию устранения недостатков государственного планирования.

— Это понятно. Согласен. А как быть с тем, что деньги в государственном секторе и частном не одинаковы, что системы не пересекаются. И что делать для того, что Вы назвали "утилизацией" избыточной массы денег у населения и в частном секторе?

— А вот для этого, я как раз предусмотрел некий общенациональный паевой фонд, куда каждый может и экономически заинтересован вкладывать как свои индивидуальные денежные средства, так и родовые деньги. На самом деле даже среди людей, имеющих избыточные, то есть не требуемые для непосредственного текущего потребления денежные средства, тех, кто готов начать свое дело, не так много. В лучшем случае один к семи, а в реальности один к десяти. Что делать остальным. Государству не выгодно, чтобы эти деньги лежали "в чулках". Помимо всего прочего они создают избыточный денежный навес над потребительской товарной массой, а также затрудняют ее планирование. С другой стороны, я противник того, чтобы эти деньги просто лежали в банке и на них начислялся процент по вкладу. Даже небольшой процент, это прививание любви к халяве? К жизни за счет других. Поэтому я предлагаю решить эту проблему иначе. Фонд, который я описал в документе, это своего рода общенациональная копилка, в которой каждый участник получает пропорциональную долю реально заработанного. При этом средства Фонда идут на решение опять же общенациональных задач. Например, средства этого фонда могут быть использованы для импортных закупок товаров для того же населения. Что мы имеем в этом случае? Государство централизованно временно уничтожает избыточную денежную массу, уже оказавшуюся на руках у населения, но взамен выделяет часть государственных, то есть общих ресурсов, которые идут на экспорт, будь то золото, нефть или зерно. На вырученную

валюту закупаются товары, ликвидирующие дисбаланс спроса и предложения внутри страны, которые продаются уже за новые деньги, оказавшиеся на руках у населения. Прибыль от торговли пропорционально принадлежит опять же всем людям, вложившимся в Фонд. Забрать деньги из фонда можно один раз в год в ограниченный период времени, когда подведены итоги прошедшего года. Но с учетом того, что их использование опять таки лимитировано только областью текущего потребления или создания нового предприятия, то доля изымаемых средств всегда будет не очень значительной. В итоге мы имеем сразу много плюсов. Мы имеем солидарное финансовое участие граждан, причем равноправное, в экономическом развитии страны, мы имеем это самое развитие в интересах всего общества сразу, и мы имеем инструмент ликвидации избыточного денежного предложения по отношению к им имеющейся товарной массе, что в условиях настоящего, пусть и временного дефицита товарного предложения, очень важно.

— Хорошо. Идея выглядит перспективной, хотя и требует доработок. Отдадим специалистам из нескольких профильных Наркоматов, пусть посмотрят. А пока, чтобы завершить этот вопрос, я правильно понимаю, что Вы предусматриваете только односторонне возможный переток средств между различными системами денежного обращения, из личного или частного сектора в государственный, но не наоборот?

— Не совсем так, обратный переток тоже возможен. Например, когда частное предприятие выпускает некоторую продукцию, которую целесообразно закупить для нужд государства или государственного предприятия. В таких случаях переток средств будет обратным. Но все такие случаи должны находиться под централизованным и открытым контролем, должны быть исключением из правил, иначе будет очень много злоупотреблений. Причем, в качестве второго элемента контроля должно быть обязательное включение подобных покупок в общенациональный государственный план. А иначе может получиться то, что получилось у нас в конце 80-х, когда приоткрыли эту заслонку и дали возможность тратить деньги государственных предприятий для закупок в частном, тогда еще кооперативном секторе, но уже с возможностью обналичивания средств. Предприятия, вообще не ощущавшие ценности денег как таковых, поскольку они выполняли исключительно расчетные функции и в строгом смысле деньгами не являлись, вдруг получили возможность "купить" "живые" деньги. Потери номинальной стоимости в данном случае, как Вы понимаете, значения не имели. В итоге к тому моменту, когда безличные деньги получили полный денежный статус, огромное число предприятий оказалось уже на грани банкротства, зато их директора имели чемоданы "личных" денег. И в момент приватизации им ничего не стоило купить эти предбанкротные предприятия за сущие копейки по сравнению с тем, что вложило в них государство.

— Я Вас понял, товарищ Алексей. Безусловно, мы не допустим у себя ничего подобного, а Вам я выражаю благодарность за раскрытие этой и подобных схем разграбления народного государства. На этих схемах будет учиться наша служба борьбы с хищениями общенародной собственности. Теперь давайте перейдем к самому возможно спорному моменту Ваших предложений. Я имею в виду принудительный выкуп государством частных предприятий с определенного уровня. Насколько это справедливо? И не вызовет ли больших проблем, нежели принесет пользу?

— Не думаю, товарищ Сталин, что с этим должно быть много проблем. Особенно, если начальный порог выручки, с которого будет осуществляться поэтапный выкуп, будет достаточно высок. Я лично рассматриваю его как тот, с которого деятельность отдельного

предприятия будет учитываться в общегосударственных планах развития, составляемых Госпланом и Госснабом. Я рассматривал этот вопрос с двух точек зрения. Первая это творческая составляющая, дающая возможность сильному амбициозному человеку гармонично развиваться и самореализоваться. Представим себе, что такой человек создал свою компанию, оказавшуюся успешной. Не сильно погрешив против истины, мы можем утверждать, что к моменту, когда объем продукции этого предприятия станет достойным внимания Госплана, основная творческая идея будет уже реализована. То есть эта мотивационная составляющая станет далеко не главной. В результате мы будем иметь талантливого успешного управленца, занимающегося предприятием по инерции и все больше превращающегося в обычного работника. Бросить предприятие он не сможет, оно дает прибыль и завязано во многих процессах, но удовлетворения, кроме денег, также приносить уже не будет. Возможность передачи предприятия наследникам я отмечаю принципиально, иначе мы неизбежно со временем свернем с социалистического пути. Такому человеку, уверен, найдется более интересное место в области государственного управления, возможно на принципиально более крупном, но уже государственном предприятии, а скорее всего стоит использовать таких людей вообще в иных областях управления для получения ими комплексного опыта. Да и в государственной собственности это предприятие будет в дальнейшем развиваться более интенсивно и эффективно для страны в целом.

Есть и иной момент. Если Вы помните, я пишу, что ориентация экономики должна быть на производство высококачественных изделий максимально длительного срока использования. Для многих потребительских товаров это будет означать не столько бесконечное наращивание объемов производства, сколько постоянное творческое созидание принципиально новых видов товаров, востребованных людьми по мере насыщения рынка и удовлетворения основных потребностей. И чем дальше, тем больше эта тенденция окажется проявленной. В итоге существенно больше половины частных компаний не выйдут на пороговые значения объемов, при которых полный контроль над ними перейдет к государству. Они будут вынуждены постоянно изобретать все новые и новые товары, удовлетворив спрос на старые. То есть предприниматель сможет заниматься им всю свою жизнь. А в случаях, когда объемы все же будут большими, а наличие постоянного спроса сделает частое обновление продукции необязательным, то таким предприятиям будет, как я уже сказал, лучше в государственной собственности, где деятельность их станет более плановой и эффективной.

— А что с наследниками? Не слишком Вы с ними жестко?

— Нет, товарищ Сталин. Любой человек для того, чтобы максимально самореализоваться как на свое собственное, так и на общественное благо, должен находиться в максимально равных стартовых условиях. Для самых бедных слоев общества этому должно помогать государства, а самых обеспеченных надо наоборот придавливать дополнительными ограничениями. Знали бы Вы, товарищ Сталин, сколько молодых людей состоятельных и в полной мере состоявшихся родителей, создавших какое-либо дело с нуля, оказались по жизни никчемными пустышками лишь потому, что с детства не знали никаких ограничений в удовлетворении своих желаний.

— Хорошо, товарищ Алексей. К сожалению сейчас у нас будет другое совещание. Но мы еще позже вернемся к обсуждению отдельных моментов и вопросов. Экономика очень важная тема. Надо подумать и посоветоваться с товарищами. Мы благодарим Вас за труд.

Можете иди.

Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)